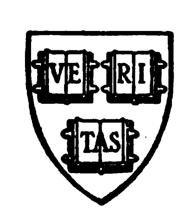
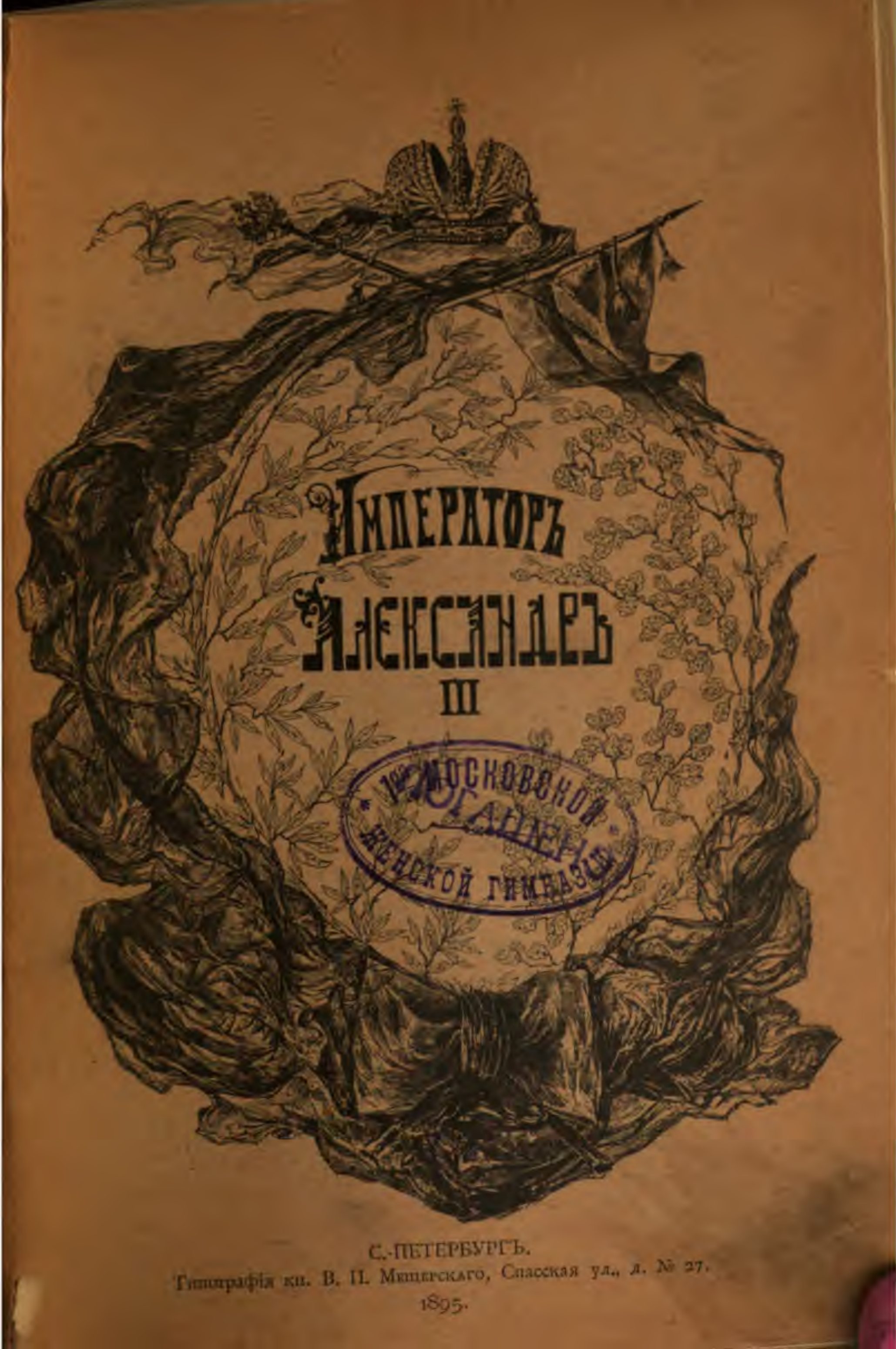
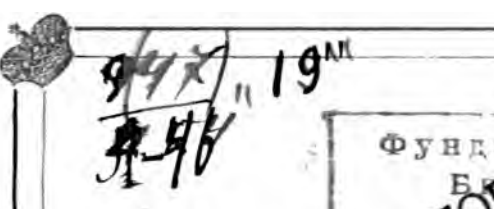

VE
RI
TAS



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія кн. В. П. Мещерскаго, Спасская ул., д. № 27.
1895.



ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Князя В. П. Мещерскаго. Спасская, 27.
1894.

Убѣжденіе, что собраніе значительной части всѣхъ тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя не только въ Россіи, но и въ Европѣ были высказаны въ день великой печали Русскаго народа въ оцѣнку ярко-свѣтлой личности Императора Александра III, каждой русской семьѣ будетъ дорого у себя хранить, побудило сдѣлать это изданіе.

Издатель.

Октябрь 1895 г.
С.-Петербургъ.

Великій князь Александръ Александровичъ въ дѣтствѣ.
(Съ портрета Гау).

Великій князь Александръ Александровичъ въ дѣтствѣ.
(Съ портрета Гау).

*
* *

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что—Царь—Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская Земля,
Ихъ громко высказалъ—и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ Колоколъ ударитъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье,
О Свѣтломъ Праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъёмомъ,—
И какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,—
Воскресла духомъ Русь—сомнѣній мракъ исчезъ—
И то, что̀ было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено—сознаньемъ.

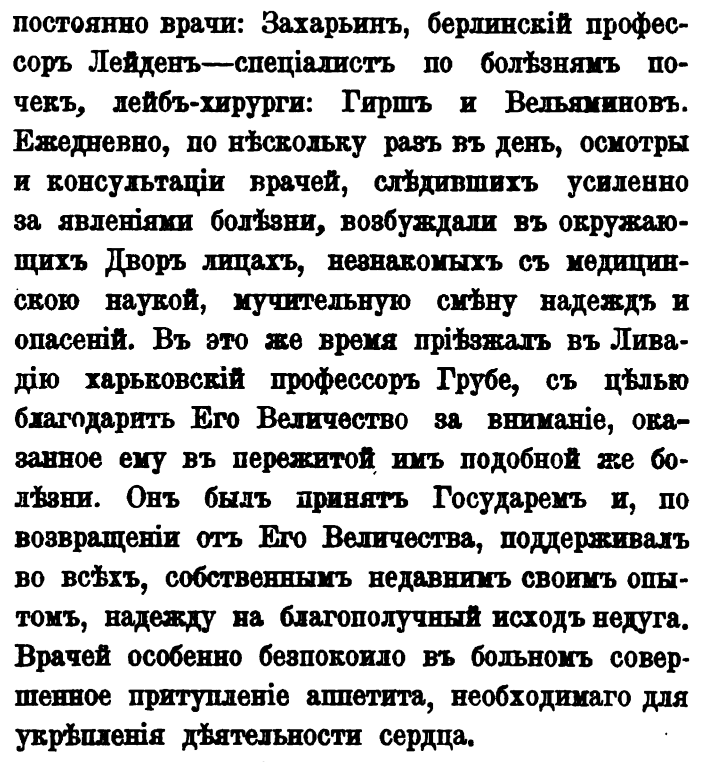
А. МАЙКОВЪ.

С.-Петербургъ.

Изъ Ливадіи.

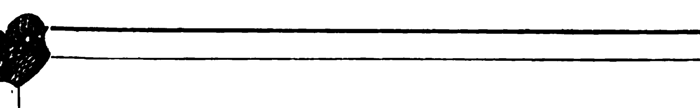
14 октября.

Съ радостнымъ, но и съ тревожнымъ чувствомъ Ялта ожидала прибытія Государя Императора: слухи о болѣзни Его Величества проникли уже всюду. Отъѣздъ Его Величества изъ Спалы замедлился, что возбудило еще сильнѣе опасенія. Въ Спалѣ замѣчались уже безпокоившія врачей болѣзненныя явленія, побуждавшія ускорить отъѣздъ Больнаго на югъ, въ теплый климатъ. Продолжительный переѣздъ по желѣзной дорогѣ утомилъ Государя; но еще болѣе утомили Его церемоніи встрѣчъ въ Севастополѣ и Ялтѣ. Первые дни пребыванія въ Ливадіи были дни отдыха: вскорѣ Августѣйшій Больной почувствовалъ Себя крѣпче, такъ что 25 сентября могъ стоять обѣдню въ придворной церкви и послѣ того ѣздилъ въ Ай-Тодоръ къ Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ, и послѣдующіе дни совершалъ въ экипажѣ прогулки къ водопаду Учанъ-Су и въ Массандру. Но вслѣдъ затѣмъ появились симптомы ослабленія, встревожившіе врачей: утрата аппетита и сна, ослабленіе дѣятельности сердца, усиленіе бѣлковины и опухлость ногъ. Настали дни жестокой тревоги и сильнаго опасенія. При Государѣ находятся



постоянно врачи: Захарьинъ, берлинскій профессоръ Лейденъ—спеціалистъ по болѣзнямъ почекъ, лейбъ-хирурги: Гиршъ и Вельяминовъ. Ежедневно, по нѣскольку разъ въ день, осмотры и консультаціи врачей, слѣдившихъ усиленно за явленіями болѣзни, возбуждали въ окружающихъ Дворъ лицахъ, незнакомыхъ съ медицинскою наукой, мучительную смѣну надеждъ и опасеній. Въ это же время пріѣзжалъ въ Ливадію харьковскій профессоръ Грубе, съ цѣлью благодарить Его Величество за вниманіе, оказанное ему въ пережитой имъ подобной же болѣзни. Онъ былъ принятъ Государемъ и, по возвращеніи отъ Его Величества, поддерживалъ во всѣхъ, собственнымъ недавнимъ своимъ опытомъ, надежду на благополучный исходъ недуга. Врачей особенно безпокоило въ больномъ совершенное притупленіе аппетита, необходимаго для укрѣпленія дѣятельности сердца.

Въ пятницу, 7 октября, всѣхъ обрадовала вѣсть, что аппетитъ явился, что Государь кушалъ достаточно и за завтракомъ, и за обѣдомъ. Съ слѣдующаго утра оживились надежды извѣстіемъ, что появился и сонъ, и что пробужденіе Больнаго приноситъ ему бодрость, что количество бѣлковины уменьшается. Между тѣмъ, во всей Россіи распространилась уже внезапная вѣсть о болѣзни Государя, и смущеніе, питаемое слухами, нерѣдко искаженными и преувеличенными, охватило всѣ сердца, горящія любовью къ Нему и надеждой на Него. Всѣ сли-



лись въ пламенной молитвѣ о спасеніи возлюбленнаго Государя.

8 октября, въ субботу, ожидался пріѣздъ Королевы Эллиновъ; съ нею прибыла въ Ливадію Великая Княгиня Александра Іосифовна. Ея Высочеству пришла благодѣтельная мысль пригласить съ собою извѣстнаго всему народу и любезнаго ему молитвенника о. Іоанна Сергіева. При проѣздѣ его черезъ Ялту, со всѣхъ сторонъ неслись навстрѣчу ему благословеніе, желаніе и надежды, а ясный и всегда радостный видъ его оживлялъ надежду на милость Божію и на дѣйственную силу всенародной, денно и нощно возносимой къ Богу, молитвы о Болящемъ. Въ тотъ же день, тотчасъ по пріѣздѣ, о. Іоаннъ служилъ литургію въ Дворцовой церкви, и затѣмъ служитъ ежедневно, по просьбѣ населенія, въ Ялтѣ и въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Несмѣтныя толпы стекаются къ нему на молитву.

Въ тотъ же вечеръ прибыли въ Ливадію Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи.

На утро, 9 октября, въ воскресенье, Государь почувствовалъ Себя въ силахъ прибѣгнуть къ величайшему духовному утѣшенію, котораго давно желала душа Его: передъ обѣдней, пригласивъ къ Себѣ духовника, протопресвитера Янышева, Онъ объявилъ ему Свое сердечное желаніе,— пріобщиться въ тотъ же день Св. Таинъ. Послѣ обѣдни совершившееся таинство было несказаннымъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ для Благоче-

стиваго Государя, а вѣсть о томъ ободрила всѣхъ новою надеждой.

Но и этотъ день, и слѣдующій были для Болящаго днями сильныхъ, хотя и утѣшительныхъ ощущеній. Въ понедѣльникъ, 10-го числа, Государь пожелалъ видѣть отца Іоанна Сергіева, принялъ его и вмѣстѣ съ нимъ молился, а вечеромъ того же дня предстоялъ пріѣздъ въ Ливадію Высоконареченной Невѣсты Государя Наслѣдника Цесаревича, вмѣстѣ съ Великою Княгиней Елисаветою Θеодоровной. По приказанію Его Величества, устроена была Ей въ Ливадіи торжественная встрѣча съ почетнымъ карауломъ и музыкой. Свиданіе Государя съ Принцессой Алисой, давно желаемое и потому радостное, вмѣстѣ съ тѣмъ принесло Больному ощущеніе сильнаго волненія. Этого опасались врачи; но, слава Богу, ночь прошла благополучно.

Съ тѣхъ поръ болѣзнь Государя сопровождается явленіями, продолжающими поддерживать надежду, но не устраняющими тягостныхъ опасеній: съ одной стороны—поддержаніе сна и аппетита, усиленіе пульса и, важнѣе всего, бодрое душевное настроеніе Самого Больнаго; съ другой стороны—продолжающійся отекъ ногъ, затрудняющій для Него движеніе на воздухѣ и преимущественно озабочивающій врачей. Всѣ продолжаютъ жить смѣной волнующихъ ощущеній надежды и страха, и молитвой, которая отовсюду несется и наполняетъ всю душу народную, оживляя ее надеждой на милость Божію. Самъ воз-

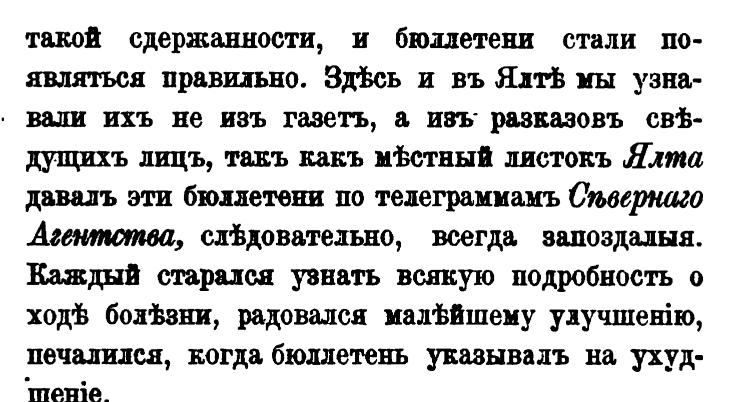
любленный Государь нашъ, несмотря на болѣзнь Свою, не оставляетъ заботы о дѣлахъ правленія. По настоянію врачей, текущія дѣла и доклады, требующіе разсмотрѣнія, переданы Его Величествомъ на разсмотрѣніе Наслѣдника Цесаревича; но Самъ Монархъ рѣшаетъ важнѣйшіе изъ нихъ и утверждаетъ Своею подписью всѣ требующіе оной бумаги и акты.

Письма изъ Ливадіи.

I.

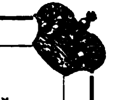
Съ глубокою скорбію Россія узнала, — изъ бюллетеня о состояніи здоровья Государя Императора, датированнаго въ Спалѣ, — о тяжести недуга, постигшаго Монарха. Естественно, каждый горѣлъ нетерпѣніемъ имѣть болѣе частыя и подробныя свѣдѣнія о положеніи возлюбленнаго Монарха, но не всякій понималъ, что такія свѣдѣнія невозможно доставлять газетамъ, которыя Государь читалъ въ часы досуга.

Повидимому, подобныя, вполнѣ основательныя, соображенія и удерживали врачей отъ опубликованія болѣе частыхъ бюллетеней; этимъ же объясняется, почему со времени переѣзда Двора изъ Спалы сюда, въ Ливадію, бюллетени не появлялись. Ухудшеніе въ положеніи здоровья Августѣйшаго Больнаго заставило отказаться отъ



такой сдержанности, и бюллетени стали появляться правильно. Здѣсь и въ Ялтѣ мы узнавали ихъ не изъ газетъ, а изъ разказовъ свѣдущихъ лицъ, такъ какъ мѣстный листокъ *Ялта* давалъ эти бюллетени по телеграммамъ *Сѣвернаго Агентства*, слѣдовательно, всегда запоздалыя. Каждый старался узнать всякую подробность о ходѣ болѣзни, радовался малѣйшему улучшенію, печалился, когда бюллетень указывалъ на ухудшеніе.

Начало болѣзни всѣ приписываютъ тому разрушительному вліянію, которое произвела на крѣпкій и здоровый до тѣхъ поръ организмъ Государя Императора инфлуэнца, которою Государь Императоръ захворалъ въ январѣ. Тогда уже, при лѣченіи, было констатировано присутствіе бѣлка въ мочѣ, указывавшее на пораженіе почекъ. Тщательныя наблюденія продолжались, и въ положеніи Больнаго произошло замѣтное улучшеніе, такъ что въ іюнѣ врачами было констатировано полное отсутствіе бѣлка. Ненастная холодная погода, стоявшая все лѣто, затрудняла успѣшное лѣченіе, а новая простуда, во время поѣздки для отдыха въ шхеры, снова ухудшила теченіе болѣзни, такъ какъ сочленовный ревматизмъ (въ лѣвомъ локтѣ), которымъ Его Величество захворалъ въ шхерахъ, отразился на всемъ организмѣ, и уже въ іюлѣ лейбъ-хирургъ Гиршъ, въ великой горести своей, снова констатировалъ присутствіе бѣлка. Тогда же у Августѣйшаго Больнаго появился дурной вкусъ, слу-



жащій характернымъ симптомомъ, и въ августѣ врачи признали, что болѣзнь Государя Императора, нефритъ, въ полномъ развитіи. Августѣйшему Больному совѣтовали отдыхъ и спокойствіе, но для Государя, посвятившаго всѣ Свои заботы и помыслы величію и благосостоянію Россіи, отдыхъ казался немыслимымъ, когда предстояло еще столько трудовъ: Онъ не только лично обозрѣлъ войска Красносельскаго лагеря, дабы при неустанной заботѣ объ образованіи войскъ убѣдиться въ сдѣланныхъ успѣхахъ, но пожелалъ также участвовать на Смоленскихъ маневрахъ, которые должны были происходить по Его указаніямъ, и на которыхъ ожидалось выясненіе многихъ крайне важныхъ въ военномъ дѣлѣ вопросовъ. Съ большимъ трудомъ удалось упросить Государя Императора пощадить Свои силы и Свое здоровье для блага горячолюбимой Имъ страны и посвятить время серіозному лѣченію болѣзни. Тогда же врачами было предложено переѣхать въ теплый, благодатный климатъ Ливадіи, но Государь Императоръ пожелалъ посѣтить Бѣловѣжъ, гдѣ недавно былъ законченъ постройкой новый дворецъ. Здѣсь, среди вѣковыхъ лѣсовъ, надѣялись на благопріятные результаты, тѣмъ болѣе что пріѣздъ горячо любимаго сына, Великаго Князя Георгія Александровича, доставилъ Государю Императору высокое душевное утѣшеніе. Къ сожалѣнію, дождливое лѣто и здѣсь оказывало вредное вліяніе, задерживая успѣшный ходъ лѣченія болѣзни, и, послѣ непродол-

жительнаго пребыванія въ Бѣловѣжѣ, Царская Семья переселилась въ Спалу. Призванный по совѣту русскихъ врачей, для консультаціи, знаменитый профессоръ Берлинскаго университа Dr Лейденъ вполнѣ присоединился къ діагнозу, поставленному профессоромъ Г. А. Захарьинымъ, и тоже посовѣтовалъ переѣздъ въ болѣе теплый климатъ. Августѣйшему Больному угодно было согласиться съ мнѣніемъ врачей, и Царская Семья 21 сентября прибыла на пароходѣ Добровольнаго Флота *Орелъ* въ Ялту, а отсюда прослѣдовала въ Ливадію.

Погода стояла здѣсь прекрасная, какая рѣдко бываетъ въ Ялтѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Небо часто бывало облачнымъ, но дни были тихіе и теплые. Тѣмъ не менѣе полагали, что такая погода продержится не долго, и въ обществѣ говорили, что врачи предлагаютъ островъ Корфу въ Іоническомъ архипелагѣ, какъ зимнюю станцію для Августѣйшаго Больнаго. Но мысль разстаться съ Россіей, повидимому, была чрезвычайно тяжела Больному, и Государь Императоръ на первое предложеніе врачей отвѣтилъ, что никогда не оставитъ Россію. Такъ горячо любилъ Монархъ Свою страну, что даже забота о здоровьѣ не могла заставить Его примириться съ временною разлукой со Своимъ народомъ.

Ливадія въ послѣднее время была неузнаваема. Большая часть членовъ Царской Семьи собралась вокругъ Монарха, и многіе не могли прибыть сюда лишь потому, что рѣшительно не-

возможно было найти для нихъ помѣщенія. Государь Императоръ и Царская Семья занимали такъ называемый Малый Дворецъ, гдѣ Государь Императоръ проживалъ будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Другія Высочайшія Особы помѣщались въ Большомъ Дворцѣ, въ небольшихъ домикахъ назначенныхъ для министра Двора и его секретаря, во фрейлинскомъ домѣ и въ садовомъ домѣ. Для первыхъ чиновъ Двора возможно было отвести только по одной, по двѣ небольшія комнаты, но всѣ мирились съ такими неудобствами, и готовы были на еще большія неудобства, лишь бы имѣть возможность служить обожаемому Монарху.

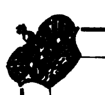
Письма изъ Ливадіи.

II.

Въ послѣдніе дни предъ кончиной Государя бюллетени казались болѣе утѣшительными, и сердца всѣхъ забились радостною надеждой на то, что Его крѣпкой натурѣ удастся восторжествовать надъ злымъ недугомъ. Всѣ вѣсти изъ дворца указывали на то, что несокрушимая энергія Монарха, Его любовь къ неустанному труду не покинули Больнаго. Государь вставалъ по утрамъ въ обычный часъ и, принявъ врачей, садился, какъ онъ дѣлалъ это изо дня въ день,

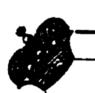
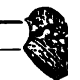
за рабочій столъ, чтобы лично читать всѣ доклады и донесенія, прибывавшіе изъ Петербурга съ курьерами. Государь Императоръ былъ великій труженикъ Русской земли, и не одинъ разъ вспоминались мнѣ слова бывшаго министра финансовъ г. Грейга, говорившаго въ рѣчи обращенной къ нижегородскому купечеству, что даже утро въ день Благовѣщенія, когда и птица гнѣзда не вьетъ, застаетъ Русскаго Царя за рабочимъ столомъ. Даже когда злой недугъ медленно подтачивалъ Его дорогія для Россіи силы, Государь Императоръ не измѣнялъ своей привычкѣ къ труду и каждый день передавалъ для отправки въ Петербургъ разсмотрѣнныя Имъ и снабженныя Его замѣчаніями бумаги. Просьбы близкихъ и врачей беречь Свои силы и отказаться на время отъ обычныхъ занятій, Государь Императоръ оставлялъ безъ вниманія, готовый положить жизнь Свою за Россію. Все это разсказывалось здѣсь о Монархѣ, объ Его удивительной энергіи, Его любви къ Семьѣ и Россіи, Его постоянныхъ заботахъ о близкихъ. Въ высшей степени трогательно и интересно было наблюдать какъ даже на иностранцевъ величавый образъ Монарха производилъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

Никто не слышалъ никогда жалобы изъ устъ Больнаго на мучительныя страданія; напротивъ, Государь Императоръ, видя душевныя страданія близкихъ сердцу лицъ, всегда старался казаться спокойнымъ и веселымъ. Когда прибыла въ



Ялту высоконареченная невѣста Наслѣдника Цесаревича, Государь Императоръ потребовалъ мундиръ и, не взирая на затрудненія, причиняемыя отеками ногъ, пошелъ на встрѣчу Невѣстѣ Первенца-Сына и сердечнымъ, чисто отеческимъ, пріемомъ сразу показалъ Ей, что встрѣчаетъ Ее какъ родную, дорогую Его сердцу дочь. Несмотря на упадокъ силъ, Его Величество не пожелалъ отказать въ пріемѣ профессору Грубе, который явился благодарить за вниманіе, оказанное Государемъ Императоромъ во время болѣзни постигшей профессора Грубе. Единственно Государю Императору престарѣлый профессоръ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ смерти, и понятно было желаніе профессора Грубе лично выразить свою душевную признательность.

Этотъ фактъ мало извѣстенъ, и я могу упомянуть о немъ здѣсь. Профессоръ Грубе, какъ извѣстно, заразился трупнымъ ядомъ, и опухоль охватила уже всю руку до плеча. Единственное спасеніе заключалось въ операціи, но операція оказывалась невозможною, потому что сердце больнаго работало слабо. Спасенія, казалось, не было никакого, и въ квартирѣ профессора уже собрались харьковскіе профессора, врачи и студенты-медики ожидать кончины любимаго профессора. Въ эту минуту какъ разъ была доставлена телеграмма министра Императорскаго Двора, графа Воронцова-Дашкова, въ которой графъ, по порученію Государя Императора, спрашивалъ о со-

стояніи здоровья профессора Грубе. Этотъ знакъ Монаршей милости въ такой степени обрадовалъ больнаго профессора, что сердце его начало усиленно работать. Этимъ моментомъ воспользовались врачи и произвели, такъ сказать, въ послѣднюю минуту, необходимую операцію, которая спасла больному жизнь.

Къ сожалѣнію, нѣкоторое улучшеніе въ состояніи здоровья Государя Императора, замѣчавшееся въ послѣдніе дни и позволявшее ожидать поворота болѣзни къ лучшему продолжалось недолго, и затѣмъ появился бюллетень опять мало утѣшительный. День годовщины крушенія Императорскаго поѣзда при Боркахъ и чудеснаго спасенія Царской Семьи отъ опасности долженъ былъ вызывать въ Августѣйшемъ Больномъ тяжелыя воспоминанія, которыя не замедлили отразиться на состояніи Его здоровья. Плохой, недостаточный сонъ не укрѣплялъ, силы Больнаго ослаблялись за день работой и страданіями, причиняемыми возрастающимъ отекомъ ногъ, а мѣстный воспалительный процессъ въ лѣвомъ легкомъ затруднялъ дыханіе. Несмотря на все это, Государь Императоръ былъ покоенъ, и его не покидали обычныя бодрость и сила воли. Его Величество не желалъ оставаться днемъ въ постели и отказаться отъ обычныхъ трудовъ, и еще 18-го октября отсюда выѣхалъ курьеръ съ большимъ пакетомъ, разсмотрѣнныхъ Государемъ, бумагъ и докладовъ. Самочувствіе Больнаго измѣнялось очень часто, и врачей пугало постоянное

отсутствіе аппетита у Больнаго. Однажды Государь Императоръ, передъ тѣмъ какъ отойти ко сну, пожелалъ покушать ветчины. Это было рѣдкое желаніе у Больнаго, давно не высказывавшаго никакихъ желаній, и вся Ливадія, несмотря на поздній часъ, радостно встрепенулась. Съ восторгомъ передавали другъ другу о выраженномъ Государемъ Императоромъ пожеланіи и выражали надежду, что съ возстановившимся аппетитомъ пойдетъ улучшеніе состоянія здоровья. Къ великому прискорбію, и на этотъ разъ надежда оказалась обманчивою; появленіе аппетита было только минутною вспышкой, и уже на другой день снова возвратилось прежнее состояніе, полнѣйшее отсутствіе аппетита. Съ великою тревогой ожидались утромъ и вечеромъ бюллетени, и на улицахъ Ялты, гдѣ бюллетени стали появляться своевременно, большія массы публики съ нетерпѣніемъ ожидали появленія продавцовъ. Всюду народъ собирался группами, и единственною темой разговоровъ служило состояніе здоровья Монарха, который въ трехъ верстахъ отъ Ялты, боролся съ тяжкимъ недугомъ. Во всѣхъ церквахъ шли непрестанныя моленія о ниспосланіи Великому Монарху исцѣленія.

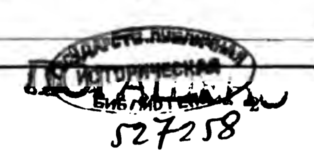
(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

Письма изъ Ливадіи.

III.

20 октября, кромѣ краткихъ телеграммъ, не было силъ писать что-нибудь иное. То, чего съ такимъ трепетомъ боялись, чему не хотѣлось вѣрить, что казалось невозможнымъ, совершилось: Государя не стало. Ни любовь и заботы которыми окружали Августѣйшаго Больнаго Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и вся Царская Семья, ни старанія лучшихъ врачей и горячія молитвы милліоновъ подданныхъ, не могли устранить удара, который поразилъ Семью Царя и весь Русскій народъ. Кому приходилось терять отца и главу дома, тотъ оцѣнитъ всю глубину горя постигшаго Царское Семейство. Но въ лицѣ Государя Императора сошелъ въ могилу не только человѣкъ, который былъ главой Царской Семьи, но Монархъ, служившій Своему народу, въ продолженіи недолговременной земной жизни Своей, образцомъ глубоковѣрующаго христіанина, любящаго отца, идеаломъ семьянина, великое сердце Котораго съ одинаковою любовью охватывало всѣхъ подданныхъ Его державы, привыкшихъ видѣть въ Немъ Отца, Защитника и Покровителя.

Скорбь о почившемъ Монархѣ еще глубже отъ того, что Всевышнему угодно было призвать Его



къ Себѣ въ полномъ разцвѣтѣ силъ. Сколько великихъ плановъ и надеждъ угасло вмѣстѣ съ Нимъ. Если въ непродолжительное царствованіе Свое Государь поднялъ Россію на такую высоту, на какой она при прежнихъ монархахъ никогда не стояла,—если Онъ не мечомъ и бранными успѣхами, а дѣлами мира заставилъ всѣ народы высоко уважать Россію, такъ что даже враги привыкли видѣть въ Русскомъ Царѣ главный залогъ европейскаго мира и рѣшителя судебъ Европы, то сколько благихъ результатовъ можно было ожидать впереди отъ мудрости и твердости преждевременно скончавшагося Монарха. Только впослѣдствіи станетъ извѣстнымъ сколько разъ ужасы войны, готовые обрушиться на Европу, были устраняемы благодаря твердости и мудрости Монарха, заставлявшаго умолкать личныя чувства въ виду важныхъ государственныхъ интересовъ и блага подданныхъ. Только послѣдующее поколѣніе въ состояніи будетъ вполнѣ оцѣнить тѣ услуги, которыя Почившій оказалъ укрѣпленію въ народѣ монархическаго чувства, сплоченію всѣхъ подданныхъ въ одну великую семью, и развитію національной гордости и любви къ отечеству. Нынѣ уже трудно встрѣтить Русскаго который, какъ это бывало еще такъ недавно, готовъ былъ заграницей казаться всѣмъ чѣмъ угодно, только не Русскимъ. Нынѣ всякій съ такою же гордостью произноситъ: я Русскій, какъ древній Римлянинъ произносилъ свое: civis romanus sum! Ужъ этого

одного достаточно, чтобы сохранить Почившему вѣчную благодарность потомства. Но не мѣсто здѣсь, и не мнѣ дѣлать оцѣнку царствованія Почившаго: это сдѣлаетъ исторія, въ которой Александръ III займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

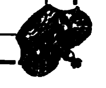
Многочисленныя телеграммы повѣдали міру объ истинно геройской кончинѣ Государя Императора Александра Александровича, и мое письмо, конечно, явится запоздалымъ. Однако, я полагаю, что нѣкоторыя подробности, не упомянутыя въ телеграммахъ, будутъ также дороги какъ и прежде сообщенныя.

Упадокъ силъ Государя, замѣченный 17-го октября, продолжалъ увеличиваться и въ слѣдующіе дни, и уже вечерній бюллетень 19-го октября, прочитанный намъ секретаремъ министра Императорскаго Двора, произвелъ столь удручающее впечатлѣніе, что рука отказывалась записывать его. Не оставалось никакого сомнѣнія, что положеніе дорогаго Больнаго заставляетъ ожидать катастрофы, и что быть-можетъ Ему суждено провести послѣднюю ночь. Разсказывали, что дыханіе Больнаго затруднено въ чрезвычайной степени и облегчается примѣненіемъ кислорода. Уже въ продолженіи 19-го приходилось неоднократно прибѣгать къ этому средству. Не взирая, однако, на страданія, великій труженикъ Земли Русской неоднократно пытался заниматься дѣлами; но силы уже измѣнили ему, и онъ чаще чѣмъ раньше ложился отдохнуть.

Но твердость и бодрость попрежнему не покидали Монарха; вмѣсто того, чтобы жаловаться на страданія и искать утѣшенія у другихъ, Государь Императоръ самъ утѣшалъ Своихъ близкихъ. Едва-ли въ это время Больной ошибался въ оцѣнкѣ Своего положенія, и тѣмъ болѣе достойна удивленія та твердость, съ какою Императоръ Александръ III ожидалъ приближенія кончины.

Поздно вечеромъ, сдавъ свои телеграммы, возвратились мы въ Ялту, чтобы рано утромъ, послѣ тревожно проведенной ночи, снова поспѣшить въ Ливадію. Первый бюллетень, выпущенный въ 9 часовъ, указывалъ на чрезвычайно опасное положеніе Больнаго. Дыханіе было затруднено, дѣятельность сердца быстро ослабѣвала. Второй бюллетень звучалъ еще безотраднѣе. Больной находился въ полномъ сознаніи, но дѣятельность сердца все падала и падала, и дыханіе становилось все болѣе затруднительнымъ. Изъ разсказовъ мы узнали, что Императоръ всю ночь не смыкалъ глазъ, хотя и прилегъ съ вечера на постель.

Рано утромъ, раньше обыкновеннаго, Онъ пожелалъ одѣться и попросилъ проводить Его къ креслу. Въ послѣднія минуты Своей жизни Онъ думалъ о Россіи и шелъ къ столу, чтобы заниматься! Только ближайшимъ извѣстно, что̀ Государь писалъ за столомъ. Дыханіе становилось все труднѣе, и все чаще и чаще приходилось прибѣгать къ помощи кислорода. Въ семь ча-



совъ Государь приказалъ позвать къ Нему Наслѣдника Цесаревича и около часа бесѣдовалъ съ Нимъ наединѣ, послѣ чего повелѣлъ позвать другихъ Дѣтей Своихъ и послать за отцомъ Іоанномъ (Кронштадтскимъ), который проживалъ у настоятеля большой Ливадійской церкви, архимандрита Епифанія. Августѣйшій Больной около часа оставался въ кругу Своей Семьи и, держа руку Государыни Императрицы, сердечно говорилъ съ каждымъ изъ Дѣтей Своихъ, а когда явился отецъ Іоаннъ, благословилъ Своихъ Дѣтей. Съ этихъ поръ Императрица и Дѣти уже не покидали комнаты больнаго Родителя (во второмъ этажѣ Малаго Дворца, рядомъ съ кабинетомъ Государыни Императрицы). По желанію Государя Императора, во дворецъ были приглашены другіе Великіе Князья и Княгини и собрались въ сосѣдней комнатѣ.

Въ десятомъ часу отецъ Іоаннъ покинулъ Дворецъ, чтобы отправиться въ Оріанду служить литургію, куда поѣхали и мы за другими, такъ какъ щемящая боль не позволяла оставаться спокойно въ Ливадіи. Послѣ отъѣзда отца Іоанна, прибылъ во Дворецъ протопресвитеръ Янышевъ, и Государь Императоръ, находившійся все время въ полномъ сознаніи, причастился Святыхъ Таинъ.

Въ одиннадцать часовъ положеніе Больнаго сдѣлалось особенно труднымъ, и, казалось, что роковая минута приближается, но крѣпкій организмъ Царя-Богатыря еще разъ восторжествовалъ надъ злымъ недугомъ, и Его Величество

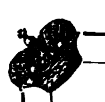
почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Подкрѣпляя отъ времени до времени свои силы вдыханіемъ кислорода, Императоръ каждому изъ присутствовавшихъ Великихъ Князей и каждой Великой Княгинѣ сказалъ прощальное слово и утѣшалъ родныхъ. Силы постепенно слабѣли, все чаще и чаще голова Государя склонялась для отдыха на плечо Государыни Императрицы, сидѣвшей по правую руку Государя, поддерживая Его лѣвою рукой. За кресломъ стояли Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его Высоконареченная Невѣста, вокругъ Нихъ другія Особы Царской Семьи.

Въ Ливадіи царствовала полнѣйшая тишина, не слышно было никакихъ разговоровъ, не слышно было стука проѣзжающихъ экипажей. Всѣ мои товарищи, послѣ сдачи втораго бюллетеня на телеграфъ, уѣхали въ Ялту; было тяжело оставаться одному въ Ливадіи, гдѣ не видно было ни одного лица, но еще тяжелѣе было уѣзжать изъ Ливадіи въ такую минуту, когда Великій Монархъ борется со смертію. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ двухъ часовъ, прибѣжавшій курьеръ принесъ третій бюллетень,—но было уже поздно: едва онъ передалъ бюллетень, какъ пронеслась роковая вѣсть,—Его Величество Императоръ Александръ III въ Бозѣ почилъ!

Почти до послѣдняго воздыханія Государь находился въ полномъ сознаніи и ослабѣвающимъ голосомъ разговаривалъ съ окружающими, находя для каждаго ласковое слово. За три

минуты до кончины видно было, что Государь желалъ еще что-то сказать и произнесъ, обращаясь къ профессору Лейдену, слѣдившему за біеніемъ пульса: «кислороду!» Но прежде чѣмъ Лейденъ успѣлъ исполнить желаніе умирающаго, Государь Императоръ, поддерживаемый за плеча Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, склонилъ свою голову на лѣвое плечо Государыни Императрицы и испустилъ послѣдній вздохъ.

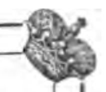
Государь умеръ, какъ говорилось въ переданномъ мною вамъ офиціальномъ сообщеніи, на рукахъ Императрицы и Наслѣдника Цесаревича. Лѣвая рука Почившаго покоилась на колѣнѣ, правая находилась въ рукахъ Государыни, которая не покидала своего мѣста пока съ Почившимъ прощались родные, чины двора и служители. Послѣдніе цѣловали руку Усопшаго и, обходя кресло, цѣловали Государыню Императрицу въ плечо, пока Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь, замѣтивъ крайнее утомленіе Родительницы, поддерживавшей все время тѣло усопшаго Монарха, не приказалъ прекратить прощаніе, пока тѣло Почившаго будетъ положено на постель. Въ этомъ трогательномъ прощаніи слугъ съ Государемъ, Который былъ для нихъ всегда добрымъ хозяиномъ, сказалась та безграничная любовь, которую Почившій внушалъ каждому приходившему въ личныя къ Нему отношенія. И за эту любовь Почившій платилъ одинаковою любовью, для Его сердца всѣ были равны, и какъ Онъ



любилъ семью и родныхъ, такъ любилъ и своихъ подданныхъ, не дѣлая различія между знатными и незнатными, между великими и малыми.

Вѣсть о кончинѣ дорогаго Монарха быстро перенеслась изъ Ливадіи въ Ялту, а по рѣдко слѣдовавшимъ одинъ за другимъ выстрѣламъ съ крейсера *Память Меркурія* и жители отдаленнѣйшихъ дачъ узнали, что страданія Монарха кончились. Въ Ялтѣ и въ Ливадіи видны были группы людей, обсуждавшихъ печальную вѣсть и передававшихъ другъ другу извѣстныя имъ подробности о кончинѣ Монарха, Который умеръ вѣрный самому Себѣ, такимъ же богатыремъ, какимъ являлся всегда при жизни.

Въ четыре часа на площадь передъ малою церковью Ливадіи, новому Государю Россіи, Императору Николаю II, приносили присягу Особы Царской Семьи, первые чины Двора, свита, придворные чины, находившіяся въ Ливадіи войска и Собственный Его Величества конвой. Первыми приносили присягу Великіе Князья съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ. Всѣ Великіе Князья были въ полной парадной формѣ, безъ шинелей, и только Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ виду холодной погоды наставшей послѣ утренняго дождя, имѣлъ сверхъ мундира шинель. По прочтеніи протопресвитеромъ Янышевымъ Высочайшаго Манифеста и формулы присяги, первымъ подошелъ ко Св. Евангелію Наслѣдникъ Цесаревичъ, а за нимъ другіе Великіе Князья.



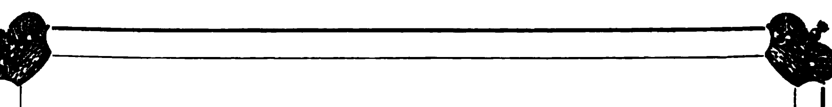
Тотчасъ послѣ нихъ приносили присягу первые чины Двора и Свита.

Въ день восшестія на престолъ Государя Императора Николая II, Императорскій штандартъ на флагштокѣ Малаго Дворца и флаги на судахъ въ гавани были подняты, и Государю приносили поздравленія какъ члены Его Семьи, такъ и чины Двора.

Письма изъ Ливадіи.

IV.

Отдаленность Ливадіи отъ центра Россіи, незначительность ближайшаго города Ялты, который не въ состояніи былъ удовлетворять требованіямъ, предъявлявшимся въ эти печальные дни, повлекли за собой то, что обрядъ положенія тѣла усопшаго Монарха во гробъ и перенесеніе его въ церковь послѣдовали позже нежели ожидалось. Приходилось не только ожидать прибытія профессоровъ Императорскаго Московскаго университета, Клейна и Зернова, и Харьковскаго университета, Попова, имѣвшихъ произвести вскрытіе тѣла для составленія протокола, который долженъ храниться въ Государственномъ Архивѣ, но и доставки изъ Петербурга какъ дубоваго, такъ и металлическаго гробовъ для принятія останковъ почившаго Государя. Хотя телеграммы съ приказами о вызовѣ профессоровъ и о доставкѣ необходимыхъ вещей изъ Петер-

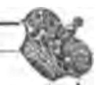


бурга и были посланы своевременно, тѣмъ не менѣе доставка ихъ затруднялась значительнымъ разстояніемъ.

Въ эти дни ожиданія тѣло почившаго Монарха было перенесено изъ верхняго этажа въ нижній и поставлено подъ образами въ большой комнатѣ. У изголовья священники, чередуясь, день и ночь читали Св. Евангеліе. Тишина въ Ливадіи стояла глубокая, и Августѣйшихъ Особъ можно было видѣть только въ тѣ минуты когда они, два раза въ день, въ 2 часа пополудни и въ 8 часовъ вечера, собирались въ Маломъ Дворцѣ на панихиды, на которыхъ присутствовали также чины Двора, генералъ-адъютанты, оберъ – прокуроръ Св. Сvнода, К. П. Побѣдоносцевъ и лица свиты, находившіяся въ Ливадіи.

21 октября, въ день восшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича, въ Малой дворцовой Ливадійской церкви состоялось торжество мvропомазанія Высоконареченной Невѣсты Его Величества. Трауръ при Высочайшемъ Дворѣ былъ на этотъ день отмѣненъ, и приспущенный на флагштокѣ Императорскій штандартъ поднятъ.

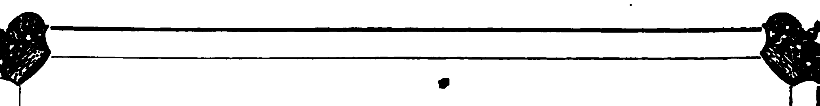
23 октября на пароходѣ Добровольнаго Флота *Орелъ* прибыли въ Ялту ихъ королевскія высочества принцъ и принцесса Вельсскіе, задержанные бурною погодой на одинъ день въ Севастополѣ. Принцъ Вельсскій и его супруга, августѣйшая сестра Ея Величества Государыни Императрицы, были въ глубокомъ трауръ и встрѣ-



чены были на пристани Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, который проводилъ ихъ высочества въ Ливадію. Въ этотъ же день канонерская лодка *Запорожецъ*, доставила изъ Севастополя высланныя изъ Петербурга вещи, и фельдъегерь привезъ изъ Симферополя доставленную туда съ курьерскимъ поѣздомъ Императорскую золотую Корону и боевую шашку Почившаго Монарха, которыя должны вѣнчать крышку гроба. Въ глубокомъ молчаніи большія толпы народа встрѣчали выгрузку съ парохода доставленныхъ вещей, и особенно потрясающее впечатлѣніе производилъ (уложенный въ обитый черною клеенкой ящикъ) гробъ, который долженъ былъ принять тѣло усопшаго Царя.

Когда тѣло усопшаго Великаго Миротворца было положено во гробъ, вечеромъ состоялся выносъ дорогаго для всѣхъ Русскихъ праха Усопшаго въ Вознесенскую Ливадійскую церковь. Покойный Государь положенъ во гробъ въ формѣ Преображенскаго полка. О выносѣ тѣла Почившаго я вамъ телеграфировалъ, но въ краткой депешѣ, конечно, невозможно было дать даже приблизительную картину этой трогательной, но всегда остающейся въ памяти церемоніи.

Уже съ полудня на Севастопольскомъ шоссе, вблизи котораго, въ самой верхней части Ливадіи, расположена Большая Ливадійская церковь, стали собираться народныя массы, надѣявшіяся что имъ удастся поклониться праху усопшаго



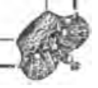
Царя. Церковь только по сравненію съ дворцовою церковью, еще болѣе малыхъ размѣровъ, носитъ названіе Большой Ливадійской. На самомъ дѣлѣ это маленькая, но красивая, выстроенная въ строго-византійскомъ стилѣ, церковь, расположенная на площадкѣ въ Ливадійскомъ паркѣ. Передъ церковью разбитъ цвѣтникъ, а сама церковь по угламъ окружена стройнымъ, вѣчно-зеленымъ кипарисомъ. По повелѣнію Государя Императора, доступъ въ церковь долженъ былъ быть открытъ для лицъ всѣхъ званій, чтобы дать народу возможность поклониться праху Усопшаго, который такъ часто посѣщалъ чудный уголокъ Южнаго Крыма и пользовался безграничными любовью и преданностью, какъ русскаго, такъ и татарскаго населенія. Незначительные размѣры церкви, имѣвшей одинъ выходъ, и большія массы желавшихъ проститься съ Усопшимъ причиняли нѣкоторыя затрудненія, которыя были устранены, наконецъ, тѣмъ, что былъ устроенъ выходъ чрезъ окно въ сѣверной сторонѣ храма.

Благодаря вниманію, которое во всѣхъ случаяхъ оказывали представителямъ печати лица завѣдующія дворцовою полиціею, за которое приносимъ искреннюю благодарность, намъ удалось до постановки гроба осмотрѣть сдѣланныя въ церкви приготовленія. Посреди церкви была устроена небольшая площадка, а на ней невысокій катафалкъ, обитый малиновымъ бархатомъ. Катафалкъ сверхъ бархата обитъ золотымъ гене-

ральскимъ шитьемъ. По угламъ катафалка стояли на высокихъ подставкахъ четыре чудные экземпляра *Latania Burbonica*, громадныя листья которыхъ, сходясь посрединѣ, образовали надъ катафалкомъ широкую зеленую сѣнь. Налѣво отъ катафалка стояли три подставки для подушекъ съ орденами: Св. Андрея Первозваннаго, Владиміра и Георгія, а еще лѣвѣе, ближе къ стѣнѣ, подставка для крышки гроба.

Густыя массы народа окружали церковную площадку и покрывали сосѣднія горы. Передъ входными дверями былъ выстроенъ почетный караулъ отъ 16-го Имени Усопшаго Императора стрѣлковаго полка со знаменемъ и музыкой. Усыпанный кипарисами путь отъ Малаго Дворца до церкви, который на протяженіи двухъ верстъ тянется по парку, мимо конюшенъ и кавалерійской казармы, былъ занятъ людьми Собственнаго Его Величества конвоя, которые держали горящіе факелы. Начавшійся перезвонъ колоколовъ заставилъ прекратить всѣ разговоры; на церковную паперть вышелъ преосвященный Мартиніанъ, епископъ Таврическій и Симферопольскій.

Ровно въ семь часовъ Государь Императоръ Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Принцъ Вельсскій, Великіе Князья и генералъ-адъютанты подняли гробъ съ останками Почившаго Монарха и вынесли его на площадку передъ Малымъ Дворцомъ, гдѣ гробъ приняли люди Собственнаго Его Величества конвоя и



поставили на носилки, которыя затѣмъ были подняты конвойцами на плечи, такъ что золотой, ярко блестѣвшій при свѣтѣ факеловъ, гробъ былъ далеко виденъ всѣмъ. Медленно, шагъ за шагомъ, двинулись люди съ драгоцѣнною ношей въ гору, предшествуемые пѣвчими и духовенствомъ. За гробомъ шествовали Государь Императоръ, бывшій въ формѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, и принцъ Вельсскій, вдовствующая Императрица съ Августѣйшею Сестрой, Принцессой Вельсскою, Высоконареченная Невѣста Государя Императора, Великая Княжна Александра Θеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ братомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, и сестрами, и прочія особы Императорской Семьи, чины Двора, генералъ-адъютанты и лица свиты.

Когда, при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ, люди конвоя съ гробомъ приблизились къ церкви, раздалась тихая военная команда, солдаты взяли на караулъ, и горнисты затрубили *походъ*. Трудно передаваемое впечатлѣніе производилъ этотъ военный сигналъ, раздававшійся въ ночной тиши, при приближеніи гроба съ останками Того, Кто, въ качествѣ начальника Рущукскаго отряда, Самъ неоднократно отдавалъ приказъ играть походъ! Но прошло нѣсколько секундъ, и звуки военнаго сигнала были покрыты величавыми аккордами *Коль славенъ*.

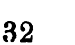
Конвойцы медленно приблизились къ паперти церкви и передали драгоцѣнную ношу на руки

Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, Принца Вельсскаго, Великихъ Князей и генералъ-адъютантовъ, которые внесли гробъ въ церковь и уставили на катафалкъ. Маленькая церковь могла вмѣстить только незначительную часть участвовавшихъ въ печальной процессіи, и потому, послѣ того какъ вошли въ церковь Высочайшія Особы и лица свиты, двери были закрыты для публики на время служенія панихиды. Когда, по окончаніи панихиды, Августѣйшія Особы простились съ дорогимъ усопшимъ и въ каретахъ возвратились во Дворецъ, двери церкви были открыты для всѣхъ желавшихъ поклониться праху усопшаго Монарха.

Покойный Государь за время болѣзни значительно похудѣлъ, но его доброе, открытое лицо мало измѣнилось, и только прекрасные глаза, очаровывавшіе всякаго своимъ ласковымъ, до глубины души проникавшимъ, взоромъ были теперь закрыты. Руки Почившаго были сложены на груди на крестъ, и къ нимъ прислоненъ маленькій образокъ. Входившіе, положивъ передъ гробомъ почившаго Монарха земной поклонъ, цѣловали правую руку его и, затѣмъ, обходя вокругъ гроба, покидали церковь черезъ временный выходъ, устроенный въ окнѣ сѣверной стороны, дабы не задерживать новыя массы лицъ, желавшихъ поклониться праху Усопшаго, безпрерывною волной входившихъ черезъ двери. Въ продолженіи цѣлой ночи, не взирая на стоявшую непроглядную темноту, люди всѣхъ званій, и бо-

гатый и бѣдный, поднимались по Севастопольскому шоссе къ Ливадійскому храму, расположенному въ шести верстахъ отъ Ялты, и масса желавшихъ войти въ храмъ была такъ велика, что многіе, послѣ тщетныхъ пяти-шестичасовыхъ ожиданій, должны были возвращаться въ городъ съ надеждой застать на другой день меньшее число ожидавшихъ доступа въ храмъ. Но и на другой день многимъ, къ ихъ прискорбію, не удалось исполнить душевнаго желанія, такъ какъ приливъ желавшихъ проститься нисколько не уменьшался до послѣдней минуты пребыванія гроба въ церкви.

Въ день перенесенія гроба въ церковь Вознесенія, началось возложеніе вѣнковъ къ ногамъ усопшаго Императора. Первый вѣнокъ положилъ стрѣлковый 16-й полкъ своему незабвенному Шефу. Городъ Ялта, купечество, ремесленники города Ялты возложили серебряные вѣнки, приготовленные ялтинскими мастерами. La colonie française de Jalta возложила большой лавровый вѣнокъ съ надписью *Souvenir et regret*; затѣмъ слѣдовали вѣнки отъ Татаръ, поселянъ Алуштинско-Дерикоевской волости, отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, отъ Ялтинской прогимназіи, отъ Грековъ Турецкихъ подданныхъ, отъ общества ялтинскихъ приказчиковъ, отъ училищъ Ливадійскаго, Никитскаго сада и т. д. Обращалъ на себя вниманіе вѣнокъ отъ военнаго министра «Незабвенному Командиру отъ начальника штаба Рущукскаго отряда». Масса вѣн-



Великій князь Александръ Александровичъ 15-ти лѣтъ.

… севастополь-
…му, располо-
…ны, и масса
… такъ велика.
…шестичасовыхъ
…аться въ городъ
… день меньшее
… храмъ. Но я на
… прискорбію, не
…наго желанія, такъ
…счаститься нисколько
…дней минуты пребыванія

… гроба въ церковь Возне-
…ніе вѣнковъ къ ногамъ
Первый вѣнокъ положилъ
… своему незабвенному
…купечество, ремесленники
… серебряные вѣнки, при-
…ими мастерами. La colonie
…жила большой лавровый
… *Souvenir et regret*; затѣмъ
… Татаръ, поселянъ Алуштин-
… волости, отъ Русскаго Обще-
…я Торговли, отъ Ялтинской
…, Турецкихъ подданныхъ.
…ихъ прикащиковъ, отъ
… Никитскаго сада и т. д.
… вѣнокъ отъ военнаго
…да «Незабвенному Командиру отъ началь-
…ства Рущукскаго отряда». Масса вѣн-

Великій князь Александръ Александровичъ 15-ти лѣтъ.

ковъ была такъ велика, что закрывала весь катафалкъ, и новые вѣнки пришлось складывать на правой сторонѣ церкви.

Для прощанія съ прахомъ Усопшаго уже съ вечера начали приходить отрядами воинскія части, прибывшія изъ Одессы и расположившіяся за Ялтой въ Массандрѣ. Одна часть смѣняла другую, такъ что почти всѣ войска, около восьми тысячъ, получили возможность поклониться тѣлу Почившаго. Этого возможно было достигнуть, благодаря строгой дисциплинѣ, господствующей въ арміи. Въ строгомъ порядкѣ входили солдаты, не мѣшая одинъ другому, не задерживая товарищей, такъ что въ то время, когда мимо гроба проходили десятки частныхъ лицъ, успѣвали проходить сотни солдатъ.

Панихиды служились у гроба два раза въ день въ присутствіи Государя Императора, вдовствующей Императрицы, Особъ Императорской Семьи, генералъ-адъютантовъ и лицъ свиты. День и ночь у гроба Почившаго дежурили чины Двора, а священники читали Св. Евангеліе.

БЮЛЛЕТЕНИ

о состоянiи здоровья Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра III.

Здоровье Его Величества, со времени перенесенной Имъ въ прошломъ январѣ тяжелой инфлюэнцы, не поправилось совершенно; лѣтомъ-же обнаружилась болѣзнь почекъ (нефритъ), требующая для болѣе успѣшнаго лѣченiя въ холодное время года пребыванiя Его Величества въ тепломъ климатѣ. По совѣту профессоровъ Захарьина и Лейдена, Государь отбываетъ въ Ливадiю, для временнаго тамъ пребыванiя.

(«Прав. Вѣстн.» 17 сент. 1894 г.).

Заключенiе врачей: берлинскаго профессора Лейдена, профессора Захарьина, доктора Попова и почетнаго лейбъ-хирурга Вельяминова на консилiумѣ 4-го октября о состоянiи здоровья Его Императорскаго Величества.

Болѣзнь почекъ не улучшилась; силы уменьшились. Врачи надѣются, что климатъ южнаго берега Крыма благотворно повлiяетъ на состоянiе здоровья Августѣйшаго Больного.

Ливадiя, 5-го октября, 11 час. вечера.

Въ состоянiи здоровья Государя Императора замѣчается ухудшенiе: общая слабость и слабость сердца увеличились.

Ливадія, 6-го октября, 7 час. вечера.

Въ состояніи здоровья Государя Императора перемѣны нѣтъ.

Ливадія, 7-го октября, 10 час. вечера.

Ночь на 7-е число прошла почти безъ сна. Утромъ Государь Императоръ, какъ всегда, вставалъ. Общая слабость и дѣятельность сердца въ томъ-же состояніи. Отекъ ногъ, показавшійся въ послѣднее время, нѣсколько увеличился. Въ общемъ положеніе то же.

Ливадія, 8-го октября, 8 час. 40 мин. вечера.

За истекшія сутки Государь Императоръ немного почивалъ; вставалъ въ теченіе дня. Состояніе силъ и сердечной дѣятельности то же. Отеки не увеличиваются.

Ливадія, 9 октября, 8 час. 50 мин. вечера.

За истекшія сутки Государь Императоръ спалъ немного больше, всталъ въ обычное время. Аппетитъ и самочувствіе нѣсколько лучше; въ остальномъ перемѣнъ нѣтъ.

Ливадія, 10 октября, 8 час. 16 мин. вечера.

Въ ночь на 10-е октября Государь Императоръ почивалъ съ перерывами около пяти часовъ; вставалъ Государь по обыкновенію. Аппетитъ нѣсколько меньше, силы не увеличились.

Ливадія, 11 октября, 10 час. утра.

Въ ночь на 11-е октября Государь Императоръ почивалъ лучше. Аппетитъ малъ. Состояніе силъ и дѣятельность сердца не лучше. Отеки ногъ нѣсколько увеличились.

Ливадія, 11 октября, 7 час. вечера.

Въ теченіе дня замѣчались нѣкоторая сонливость и легкія спазмодическія явленія. Аппетитъ лучше вчерашняго.

Ливадія, 12 октября, 10 час. утра.

Ночью Государь Императоръ почивалъ нѣсколько часовъ. Сонливости не замѣтно. Аппетитъ есть.

Ливадія, 12 октября, 8 час. вечера.

Въ теченіе дня сонливости не было. Аппетитъ и самочувствіе лучше. Отекъ ногъ нѣсколько увеличился.

Въ прошлое воскресенье, 9-го октября, Государь Императоръ пріобщился Св. Тайнъ.

Ливадія, 13 октября, 11 час. утра.

Ночью Государь Императоръ спалъ мало. Утромъ Его Величество всталъ въ обычное время. Аппетитъ и самочувствіе, какъ и вчера. Отеки не увеличились.

Ливадія, 13 октября. 8 час. вечера.

Въ теченіе дня, ни сонливости, ни смазмодическихъ явленій не было. Аппетитъ удовлетворительный. Отеки не увеличиваются.

Ливадія, 14 октября, 11 час. утра.

Ночью Государь Императоръ почивалъ довольно хорошо. Аппетитъ хорошъ. Сонливости и спазмодическихъ явленій нѣтъ. Отеки нѣсколько увеличились.

Ливадія, 14 октября, 7 час. вечера.

Въ теченіе дня Государь Императоръ кушалъ хорошо, съ аппетитомъ, но чувствовалъ нѣкоторую слабость. Въ остальномъ перемѣнъ нѣтъ.

Ливадія, 15 октября, 10 час. утра.

Ночью Государь Императоръ почивалъ довольно хорошо. Аппетитъ хорошъ. Вчерашней слабости нѣтъ; въ остальномъ безъ перемѣнъ.

Ливадія, 15 октября, 7 час. вечера

Въ теченіе дня Государь Императоръ кушалъ хорошо. Дѣятельность сердца нѣсколько удовлетворительнѣе. Отеки не увеличились. Самочувствіе лучше вчерашняго.

Ливадія, 16 октября, 10 час. утра.

Ночью Государь Императоръ почивалъ хорошо. Аппетитъ удовлетворительный. Въ остальномъ перемѣнъ нѣтъ.

Ливадія, 16 октября, 7 час. вечера.

Въ теченіе дня въ состояніи здоровья Его Императорскаго Величества никакихъ перемѣнъ не произошло.

Ливадія, 17 октября, 11 час. утра.

Ночью Государь Императоръ спалъ меньше. Аппетитъ есть. Отеки не уменьшаются.

Ливадія, 17 октября, 8 час. вечера.

Въ теченіе дня Государь Императоръ кушалъ мало и чувствовалъ Себя слабѣе. Обычный кашель, которымъ Его Величество страдаетъ давно, вслѣдствіе хроническаго каттара глотки и дыхательнаго горла, усилился, и въ мокротѣ показалось нѣсколько крови.

Ливадія, 18 октября, 11 час. утра.

Въ состояніи здоровья Государя Императора произошло значительное ухудшеніе. Кровохарканье, начавшееся вчера при усиленномъ кашлѣ, ночью увеличилось, и появились признаки ограниченнаго воспалительнаго состоянія (инфарктъ) въ лѣвомъ легкомъ. Положеніе опасное.

Ливадія, 18 октября, 10 час. вечера

Въ теченіе дня продолжалось отдѣленіе кровавой мокроты; былъ ознобъ. Температура 37,8, пульсъ 90, слабоватъ, дыханіе затруднено; аппетитъ крайне слабъ; большая слабость. Отеки значительно увеличились.

Ливадія, 19 октября, 10 час. утра.

Въ теченіе ночи Государь Императоръ спалъ нѣсколько часовъ. Отдѣленіе кровавой мокроты нѣсколько уменьшилось. Въ остальномъ перемѣнъ нѣтъ.

Ливадія, 19 октября, 9 час. вечера.

Въ теченіе дня Государь Императоръ кушалъ мало. Явленія ограниченнаго воспалительнаго состоянія (инфаркта) въ лѣвомъ легкомъ продолжаются. Дыханіе затруднено; пульсъ слабъ. Большая общая слабость.

Ливадія, 20 октября, 9 час. утра.

Ночь Государь Императоръ провелъ безъ сна. Дыханіе сильно затруднено. Дѣятельность сердца быстро слабѣетъ. Положеніе крайне опасно.

Ливадія, 20 октября, 11 час. 30 мин. утра.

Дѣятельность сердца продолжаетъ падать Одышка увеличивается. Сознаніе полное.

Подлинные бюллетени подписали:

Профессоръ *Лейденъ.*
Профессоръ *Захарьинъ.*
Лейбъ-хирургъ *Гиршъ.*
Докторъ *Поповъ.*
Почетный лейбъ-хирургъ *Вельяминовъ.*

Ливадія, 20 октября.

Утромъ Государь Императоръ пріобщился Св. Таинъ въ полной памяти.

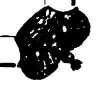
Телеграмма, полученная министромъ внутреннихъ дѣлъ отъ министра Императорскаго Двора изъ Ливадіи, 20-го сего октября:

«Государь Императоръ Александръ III, въ 2 ч. 15 м. пополудни, сего 20-го октября, тихо въ Бозѣ почилъ».

Министръ Императорскаго Двора
Графъ *Воронцовъ-Дашковъ.*

Редакціей „Правительственнаго Вѣстника“ получена 21-го октября слѣдующая телеграмма изъ Ливадіи:

Кончина Государя Императора Александра Александровича была праведная, какъ праведна была жизнь Его, исполненная вѣры, любви и



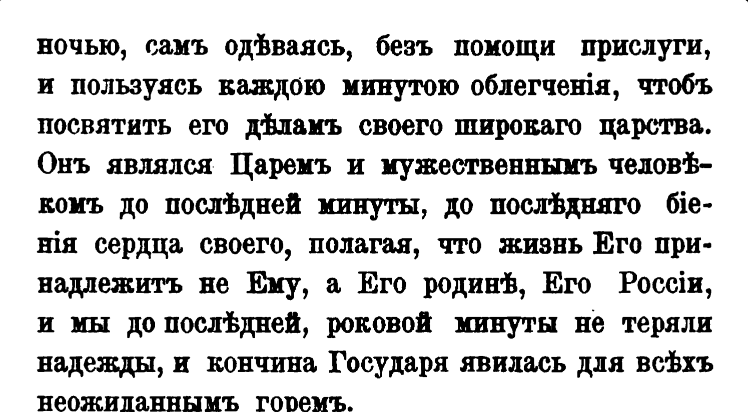
смиренія. Нѣсколько дней Онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и готовился къ ней, какъ вѣрующій христіанинъ, не оставляя заботъ о дѣлахъ правленія. Два раза, 9-го и 17 октября, Государь пріобщался Св. Тайнъ. Не спавъ всю ночь, рано утромъ, 20-го числа, въ Бозѣ почившій Императоръ сказалъ уже Императрицѣ: «Чувствую конецъ, будь покойна; Я совершенно покоенъ», и, собравъ всю Семью около Себя, пригласилъ духовника и пріобщился съ великимъ умиленіемъ, произнеся вслухъ яснымъ для всѣхъ голосомъ молитву предъ причащеніемъ, сидя въ креслахъ. Государь все время не терялъ ни на минуту сознанія. Послѣ Обѣдни Онъ послалъ за о. Іоанномъ Сергіевымъ и вмѣстѣ съ нимъ молился; потомъ, чрезъ полчаса, призвалъ его снова, и о. Іоаннъ, вновь напутствовавъ Его молитвою и помазаніемъ св. елея, пріобщилъ Св. Тайнъ и оставался при Немъ до самой кончины. Въ два часа пополудни усилился у Государя пульсъ, и взоръ Его какъ бы оживился, но уже чрезъ четверть часа, закрывъ глаза и откинувъ голову, Онъ предалъ духъ Всевышнему Богу, завѣщавъ народу Своему благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни.

О почившемъ Государѣ.

С.-Петербургъ, 20-го октября.

Не вѣрилось въ несчастіе, а оно было близко, оно предчувствовалось, но ему не хотѣлось вѣрить. Сердце сжималось отъ печали, отъ предчувствія и искало надежды, хотя бы намека на надежду въ этихъ краткихъ, слишкомъ краткихъ извѣстіяхъ о ходѣ болѣзни Государя. По этимъ намекамъ на опасное положеніе больного Государя, по этимъ намекамъ на силы Его, на выказываемую Имъ бодрость составлялись свои предположенія, которыя спѣшили освѣтить распросами у знакомыхъ врачей. Ловили всякій слухъ, допрашивали каждаго пріѣзжаго съ юга, справлялись съ извѣстіями иностранныхъ газетъ, гадали, спорили и даже самый малый лучъ надежды принимали съ увѣренностью, что Государь будетъ жить. Все это доказывало, какъ велика была любовь къ Государю и вѣра въ Него, какія надежды возлагали на Его чуткое сердце, на Его русскій разумъ, на Его любовь къ Россіи...

Еще на этихъ дняхъ мы читали, какъ Онъ бодро борется со своимъ недугомъ, какъ Онъ хочетъ утѣшить беззавѣтно любящихъ Его Государыню и дѣтей, работая черезъ силу, не безпокоя никого

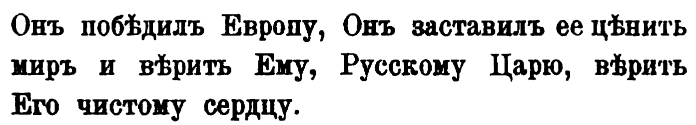


ночью, самъ одѣваясь, безъ помощи прислуги, и пользуясь каждою минутою облегченія, чтобъ посвятить его дѣламъ своего широкаго царства. Онъ являлся Царемъ и мужественнымъ человѣкомъ до послѣдней минуты, до послѣдняго біенія сердца своего, полагая, что жизнь Его принадлежитъ не Ему, а Его родинѣ, Его Россіи, и мы до послѣдней, роковой минуты не теряли надежды, и кончина Государя явилась для всѣхъ неожиданнымъ горемъ.

И не у насъ однихъ, не въ одной Россіи, во всемъ мірѣ болѣзнь Государя отозвалась глубоко и еще глубже отзовется Его преждевременная кончина.

Всѣ знаютъ о томъ впечатлѣніи, о тѣхъ симпатіяхъ, которыя широкою волною зашумѣли во всѣхъ концахъ Европы и въ особенности во Франціи, когда пришли туда извѣстія объ опасной болѣзни Государя. Вѣчно занятое многообразными *близкими* вопросами, общественное мнѣніе вдругъ поняло, какая опасность надвигается и какой это удивительно честный человѣкъ, какой это Царь спокойный, искренній, любящій правду и ненавидящій ложь, и какъ многое отъ него зависѣло въ этой Европѣ, полной культуры, богатства, художества, всякихъ чудесъ, но и полной затаенной вражды и ненависти. Всѣ любящіе миръ почувствовали, что теряютъ самаго могущественнаго друга мира. Гдѣ-то тамъ на Сѣверѣ, въ снѣгахъ, въ сказочной, угрюмой Россіи сидѣлъ этотъ богатырь

и думалъ свою ежедневную честную думу и дѣлалъ свое ежедневное, тяжелое, отвѣтственное дѣло Монарха. Чѣмъ-то сердечнымъ, скромнымъ и таинственно-трогательнымъ Онъ былъ окруженъ въ своей семьѣ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Гдѣ-то раздавались воинственныя рѣчи, угрозы, шумѣли витіи, думая потрясать міръ, лились льстивыя рѣчи, заискиванія извнѣ, но Онъ продолжалъ свою упорную работу, чуя собственнымъ сердцемъ то, что есть самое важное въ жизни и старался, чтобъ это самое важное торжествовало. И это самое важное было — миръ и правда. Самые недовѣрчивые, самые великіе дипломаты должны были спрятать передъ нимъ свое лгущее оружіе. Никогда Европа не бывала передъ такимъ явленіемъ, какое представлялъ собою Почившій Государь. Она заключала столько союзовъ, которые назывались не только двойственными и тройственными, но даже священными; но всѣ эти союзы имѣли въ виду честолюбивыя цѣли, грозившія миру. Боже мой, неужели Россія такъ слаба, неужели правда такъ немощна, а ложь такъ всемогуща, что только въ этихъ тройственныхъ и священныхъ союзахъ сила вещей? И Онъ остался одинъ съ своей Россіей, и около Него соединялись въ союзы, грозили, высчитывали свои силы, клеветали на Россію, считая ее чуть ли не дикой ордою. Но Онъ оставался спокойнымъ и сильнымъ своей великой честностью человѣка и Царя и своимъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. И



Онъ побѣдилъ Европу, Онъ заставилъ ее цѣнить миръ и вѣрить Ему, Русскому Царю, вѣрить Его чистому сердцу.

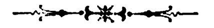
И вотъ этотъ побѣдитель миромъ, этотъ искренній служитель мира, этотъ ненавистникъ лжи, этотъ человѣкъ, въ силы котораго всѣ вѣрили, котораго такъ любила Россія и который такъ любилъ ее, опочилъ на вѣкъ...

Царствованіе Его, о которомъ мы говоримъ ниже, было слишкомъ кратко для того, чтобъ Онъ могъ сдѣлать все, чего желала Его истинно русская душа, Его правдивое русское сердце. Но Онъ совершилъ все, что могъ. Онъ былъ сердцемъ своимъ всегда со своимъ народомъ и въ радости и въ бѣдѣ, Онъ не задумался ни минуты сотни миліоновъ отпустить народу во время голода, и былъ счастливъ, что Русь вышла изъ этого испытанія. Онъ почилъ въ сознаніи Человѣка и Царя, который помнилъ всегда о смертномъ часѣ и своей совѣсти, никогда не забывая, что онъ Царь и что Онъ обязанъ дать отчетъ передъ Престоломъ Всевышняго. Истинно Русскій Царь, выразитель лучшихъ свойствъ русскаго человѣка, великій работникъ на престолѣ, Онъ много вынесъ и душевныхъ тревогъ, правя такимъ огромнымъ царствомъ и утверждая въ Европѣ миръ. Неустанное трудолюбіе, необыкновенное вниманіе къ своимъ обязанностямъ сломили его здоровье. Не доживъ нѣсколькихъ лѣтъ до конца величайшаго въ исторіи міра столѣтія, Онъ оставилъ

послѣ себя вѣчную благодарную память: Онъ, и никто другой, утвердилъ во всей Европѣ сознаніе, что миръ народовъ есть истинное, святое и величайшее благо. И за это міръ Его благословлялъ и горячо любила Россія.

Онъ скончался, какъ жилъ, какъ разстаются съ жизнью простые русскіе люди, крѣпкіе своей чистой совѣстью, своей горячей вѣрой въ Бога и въ безсмертіе души. Сохраняя полное сознаніе, видя вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кого Онъ любилъ, слыша рыданія и слезы, теряя все, что Ему было мило на землѣ, Онъ тихо отходилъ туда, гдѣ нѣтъ болѣзней и печалей...

Миръ праху Государя, Который высоко держалъ знамя великаго и миролюбиваго русскаго народа, Который былъ искреннимъ христіаниномъ, Который возвысилъ значеніе своей родины и любилъ ее превыше всего. Миръ праху Государя, Который высокимъ своимъ примѣромъ, своей безупречной семейной жизнью, чистою, какъ кристалъ, поднялъ нравственный характеръ русскаго человѣка и любовь къ правдѣ и искренности. Благодарная Родина вѣчно будетъ помнить въ Немъ своего добраго, мудраго, любящаго и миролюбиваго Государя и своего возлюбленнаго сына, Который отдалъ ей всю свою жизнь и служилъ ей до самопожертвованія, до послѣдняго біенія своего благороднаго сердца.



Москва, 21-го октября.

О, Боже, что сдѣлалось, что совершилось надъ нами!

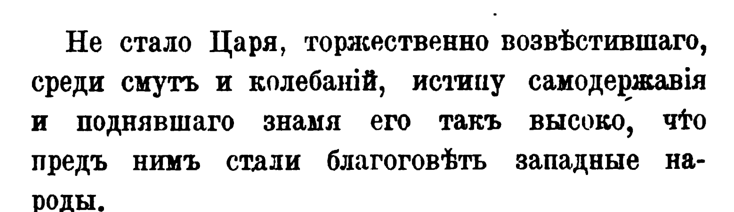
Царь Александръ III уже навсегда оставилъ Русскую Землю, и величайшій Духъ Его уже навсегда покинулъ дѣла человѣческія. Кто не содрогнется и не восплачетъ при этомъ страшномъ зрѣлищѣ меча Божія, покаравшаго святую Русь?

Не стало Царя, носившаго въ Собственной душѣ всю душу крестоноснаго Русскаго народа!

Не стало Царя, дышавшаго завѣтами исторіи и самоотверженно, до послѣдняго издыханія, вѣрно и неизмѣнно служившаго своему небесному призванію.

Не стало Царя, Поборника вѣры и ревнителя Церкви православной, озарившаго лучами истиннаго благочестія Царскій тронъ въ поученіе и разумъ Своему народу.

Не стало Печальника Русской земли, облегчавшаго пародныя страды и денно-нощнымъ трудомъ устранявшаго нестроенія и водворявшаго всюду порядокъ и благоденствіе.



Не стало Царя, торжественно возвѣстившаго, среди смутъ и колебаній, истину самодержавія и поднявшаго знамя его такъ высоко, что предъ нимъ стали благоговѣть западные народы.

На стало Самодержца, вершителя судебъ всего міра, облагодѣтельствовавшаго и югъ, и западъ, и востокъ благами мира.

Слезы льются, сердце рвется, давитъ тоска великая, неугасимая...

Но не будемъ унывать и падать духомъ, какъ народы, не имущіе упованія. Царь, въ Бозѣ почившій, научилъ насъ вѣровать въ Провидѣніе.

Перекрестись, православный русскій человѣкъ, и помяни душу почившаго возлюбленнаго Царя нашего Александра III!..

Подъемъ русской промышленности въ Царствованіе Императора Александра Александровича.

Миръ во всемъ мірѣ сознанъ покойнымъ Императоромъ, какъ высшее общее благо, и дѣйствительно укрѣпленъ Его доброю волею въ средѣ народовъ, участвующихъ въ прогрессѣ. Всеобщее признаніе этого ляжетъ неувядаемымъ вѣнкомъ на Его могилу, и, смѣемъ думать, дастъ благіе плоды повсюду. Найти способы къ осуществленію этого христіанскаго завѣта составило высшій и великій Его трудъ, отвѣтило истинному стремленію коренного русскаго народа и показало русскую силу съ новой благотворнѣйшей стороны. Большинство пріемовъ, примѣненныхъ для этого оплакиваемымъ Царемъ, на общей памяти и на виду, но есть такіе, которыхъ многіе не видятъ и даже не признаютъ за способы быстраго умиротворенія. Развитіе русской промышленности, «равномѣрное огражденіе и оживленіе всѣхъ ея отраслей» *) стоятъ здѣсь на самомъ видномъ мѣстѣ. Пока столь

*) Слова именного Высочайшаго указа г. министру финансовъ отъ 16 го августа 1890 года

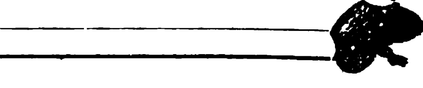
большой и сильный русскій народъ, вставшій уже въ число передовыхъ, не будетъ имѣть своей собственной сильной промышленности,—не исполнится истинное завѣщаніе Петра Великаго, не будетъ объяснена настоящая причина, по которой рубились окна на западъ и на югъ, и не можетъ быть понятъ весь смыслъ послѣднихъ столѣтій нашей исторіи. Надо было громко, со всею русскою силою сказать: пора развиться русской промышленности, какъ залогу экономической независимости и зрѣлости и какъ средству къ достиженію возможнаго народнаго благосостоянія, просвѣщенія и всякихъ видовъ прогресса; пора направить русскія силы на покореніе обильной природы страны, вывести ее изъ эпохи земледѣльческой въ болѣе сложную—промышленную, совершенно неизбѣжную по строю развитія всего образованнаго міра. Своевременно сказалъ это Александръ III въ своихъ мѣропріятіяхъ и предначертаніяхъ, и въ голосѣ Хранителя мира всѣ поняли завѣтную и твердую мысль народную, — коренное дѣло, занимающее отнынѣ Россію. Быть можетъ, и хотѣли бы иные все время и впредь видѣть въ Россіи только 120-ти-миліонный рынокъ для сбыта своихъ издѣлій и только обширнѣйшую мѣстность, доставляющую избытки хлѣба и сырья для богатѣющихъ другихъ странъ, но сказанное Царемъ-Миротворцемъ было такъ естественно и просто, такъ чуждо какого-либо задора и такъ твердо поставлено, что нельзя бы-

ло и подумать мѣшать Россіи выполнить волю своего державнаго Вождя, всегда согласную съ затаенною мыслью народа.

Съ самаго начала своего царствованія покойный Императоръ ясно показалъ, что избралъ путь покровительственной промышленной политики, но только въ таможенномъ тарифѣ 1891 года вся Его мысль сказалась съ полною ясностью, а въ торговыхъ договорахъ съ другими странами она окончательно стала очевидною. Изъ этихъ актовъ видно, что для покровительства, а слѣдовательно и для скорѣйшаго внутренняго развитія, были избраны коренные виды промышленности, подобные разведенію своего хлопка, добычѣ и разработкѣ своего желѣза и другихъ металловъ, каменнаго угля, соли и другихъ ископаемыхъ, обработкѣ лѣсныхъ матеріаловъ и тому подобныхъ, для которыхъ есть уже большой внутренній спросъ и всѣ условія для возможности на этихъ видахъ промышленности доставить новые заработки русскому народу, вмѣсто иноземнаго, отъ котораго до тѣхъ поръ такіе продукты получались. На нихъ назначены были таможенныя пошлины настолько умѣренныя, что ввозъ могъ еще продолжаться, но и достаточно охранительныя, чтобы внутреннее производство оградилось въ своемъ зародышѣ отъ иностраннаго соперничества. Русскій спросъ тотчасъ сталъ возрастать, когда внутри страны стали оставаться милліоны, расходуемые производителями названныхъ товаровъ и стало

уже ясно видно, что когда внутреннее производство, начатое на неисчерпаемыхъ запасахъ русскаго сырья, перерастетъ домашній спросъ, начнется выгодный для всѣхъ вывозъ избытковъ, какъ это уже случилось на глазахъ съ продуктами нефти, которыхъ вывозъ достигъ до 60 мил. пудовъ, а къ началу царствованія былъ не болѣе 1 мил. пудовъ въ годъ.

Прошло не много лѣтъ, а русская дѣйствительность уже отвѣтила мысли Царя не одною усиленною добычею каменнаго угля, чугуна, желѣза, стали, соды, хлопка и т. п., но и оживленіемъ всей производительности. У меня подъ рукою нѣтъ новѣйшихъ, наиболѣе интересныхъ данныхъ, но есть все, что собрано для періода первыхъ десяти лѣтъ царствованія. Сущность этихъ данныхъ сводится къ тому, что годовая сумма попавшей въ отчеты внутренней заводско-фабричной и горной промышленности была въ 1880 г. равна 1.220 мил. руб., а въ 1890 г. равнялась 1.660 мил. руб., т. е. ежегодно возрастала примѣрно на 45 мил. рублей. Нынѣ ее нельзя считать меньшею, чѣмъ 2.000 мил. рублей. Чтобы смыслъ этой цифры сталъ яснымъ, полезно прибавить, что годовая сумма всякихъ зерновыхъ хлѣбовъ (т. е. ржи, пшеницы, овса, гречихи, кукурузы и т. п.), производимыхъ всею Россіею, едва превосходитъ въ среднемъ 2.000 мил. пудовъ и вся ихъ цѣнность много ниже цѣнности даже современныхъ русскихъ фабрично-заводскихъ товаровъ, а продажная часть



этихъ хлѣбныхъ произведеній Россіи, т. е. та часть, которою, главнымъ образомъ, долженъ удовлетворить земледѣлецъ свои иныя потребности, едва составляетъ въ годъ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, недостаточныхъ для покрытія неизбѣжнѣйшихъ государственныхъ расходовъ и недопускающихъ даже мысли о введеніи массы общихъ мѣръ, необходимыхъ для прогресса столь большой страны, какъ наша родина. Съ производствомъ одного хлѣба, какъ бы много его ни родилось, не можетъ никакой народъ достичь сколько-нибудь сносныхъ и прочныхъ общихъ экономическихъ условій, слагающихся при усиленіи труда и заработковъ на многоразличныхъ видахъ промышленныхъ производствъ, требующихъ истиннаго просвѣщенія, дѣйствительныхъ мѣръ къ обезпеченію свободы труда и настойчиво обсуждаемыхъ усилій всѣхъ участниковъ.

Но направляя внутреннія силы на разработку неисчерпаемыхъ природныхъ запасовъ страны, необходимо было позаботиться о томъ, чтобы дѣла этого рода прямо или косвенно не попали въ чужія руки, что легко могло бы случиться, если бы капиталы, всегда дорогіе въ земледѣльческихъ странахъ и совершенно необходимые для расширенія промышленныхъ производствъ, добывались изъ другихъ странъ, какъ происходитъ это не у насъ однихъ и какъ у насъ не разъ практиковалось въ широчайшихъ размѣрахъ. Конечно, въ этомъ еще нѣтъ большой

бѣды, потому что при современномъ ходѣ промышленныхъ дѣлъ и при свободѣ внутренней конкуренціи капиталу достаются лишь небольшіе проценты, главная же часть промышленныхъ оборотовъ расходуется на рабочихъ, на сырье, на перевозку и т. п., т. е. остается дома. Тѣмъ не менѣе, страны, въ которыхъ промышленныя предпріятія ведутся на счетъ чужеземныхъ капиталовъ, не только лишаются возможности быстро богатѣть, но и не могутъ обладать полною экономическою свободою, а она для Россіи не менѣе нужна, чѣмъ охрана территоріи и свободные торговые пути. Для обезпеченія указанной стороны дѣла стало необходимымъ не только приложить заботы о пониженіи процентовъ на капиталы, но и облегчить возможность пользоваться ими въ промышленности. Покойный Императоръ разрѣшилъ и эту труднѣйшую задачу, какъ видно уже изъ того, что, вмѣсто прежнихъ семи процентовъ на займы, ихъ стали получать за $3^1/_2{}^0/_0$, что ссуды подъ товары всякаго рода сильно облегчились и что въ числѣ задачъ преобразованнаго Государственнаго банка поставлено снабженіе промышленности необходимыми для нея капиталами.

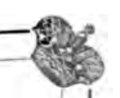
Если бы сверхъ указаннаго изложить весь послѣдовательный рядъ мѣропріятій и предначертаній, назначенныхъ Александромъ III для подъема русской промышленности, то пришлось бы изъ года въ годъ, почти по мѣсяцамъ, перечислять новые, небывалые у насъ и часто

совершенно самобытные пріемы, которые Онъ находилъ, преслѣдуя основную цѣль — ростъ всѣхъ сторонъ русской промышленности, долженствующей доставить Его народу новыя средства снискивать заработки и богатѣть, пользуясь тѣмъ, что есть въ необъятной странѣ.

Словомъ, царствованіе Императора Александра III на вѣки будетъ блистать тѣмъ, что поставило интересы русской промышленности на самый первый планъ среди сложнѣйшихъ задачъ Руководителя обширнѣйшей монархіи, какъ царствованіе Императора Александра II блещетъ освобожденіемъ крестьянъ. Хотя оба способа одинаково разсчитаны на плоды въ будущемъ для блага народнаго, но между ними, сверхъ другихъ очевидныхъ различій, есть много такихъ, которыя укрываются отъ перваго взгляда. Свободы крестьянъ давно и долго ждали не одни крестьяне, но и весь образованный міръ, а ея осуществленіе составило блестящій и всѣмъ сразу видимый историческій моментъ. Не таково, отъ многихъ еще сокрытое, развитіе русской промышленности. Она дѣло болѣе новое, она результатъ сложныхъ усилій прогресса и во многихъ умахъ еще не уложилась мысль о томъ, что безъ нея нельзя двигаться впередъ, что съ нею связаны тѣснѣйшимъ образомъ и общій миръ и вся будущность человѣчества,—словомъ, ея значеніе еще многіе не разумѣютъ въ должной мѣрѣ и только здравый умъ крестьянина давно ждетъ пріумноженія своихъ заработковъ

на фабрикахъ и заводахъ, дающихъ новую жизнь цѣлой окружности, и давно чуетъ, что избытокъ его силъ можетъ найти полезное приложеніе, не отрываясь отъ земли, только при повсемѣстномъ распространеніи всякихъ видовъ промышленности. У Того же, Кто обнялъ передовое и нашелъ средства удовлетворить народному спросу, весь міръ призналъ широкое любящее сердце и зрѣло обдуманную настойчивость. Они и необходимы были въ дѣлѣ, Имъ исполненномъ.

На гробѣ покойнаго Императора ляжетъ много драгоцѣнныхъ вѣнковъ, но самымъ прочнѣйшимъ будетъ вѣнокъ поднятой Имъ русской промышленности. Она еще очень и очень молода. Она залогъ мира. Помѣшать ей извнѣ теперь уже нельзя и всюду преобладающіе поклонники общаго мира должны съ покойнымъ Царемъ встать за подъемъ русской промышленности. Отнынѣ въ немъ сила, слава, возможность народнаго счастія и благополучно начатыя побѣды Россіи. Мы клялись Императору Николаю Второму служить правдой и послѣдуемъ за Нимъ въ Его новыхъ побѣдахъ на мирномъ пути, указанномъ Россіи его оплакиваемымъ Отцомъ.



Стихотвореніе 1845 года.

На святое крещеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича.

Подъ сѣнью царственной намъ даръ отъ неба новый
И вѣстникъ милости Правителя міровъ,
Ты нынѣ Церковью усыновленъ Христовой
Къ *надеждѣ*, къ *радости отечества сыновъ.*
О, сынъ наслѣдника полсвѣтныя державы,
Младенецъ Александръ! Какъ много предъ Тобой
Свѣтилъ родныхъ—лучами славы
Осіяваютъ путь земной!
Да *будетъ же Твой вѣкъ Россіи благодатенъ!*
Какъ родомъ, такъ душой—будь Николаю внукъ!
Да *будешь ты землѣ и небесамъ пріятенъ*
И брату первенцу—всегда по сердцу другъ!
Какъ Невскій Александръ—будь *Князь благочестивый*,
Какъ новый Александръ, *Герой позднѣйшихъ лѣтъ,*
Будь Александръ миролюбивый!
Смиреньемъ будь великъ, любя небесный свѣтъ!
Благословенному достойно соименный,
Еще величія Россіи Ты прибавь,
И имя Русское во всѣхъ концахъ вселенной—
Своею жизнію прославь!

Б. Ф.

(*Маякъ*, т. XXI, 1845 года.)

Государь скончался...

Всѣ послѣдніе дни Россія проводила въ мучительной тревогѣ. Вѣсти о ходѣ болѣзни уже не оставляли мѣста разумной надеждѣ. Но сердце все еще отказывалось вѣрить даже очевидности...

И вотъ—пресѣклась дорогая жизнь. Нѣтъ болѣе великаго Миротворца, успокоившаго измученную Русскую землю отрадною вѣрой въ вѣковыя силы, создавшія и хранившія ее. Скована холодомъ смерти твердая рука, подъ охраной которой наша страна провела, увы, не долгіе годы тихой, благотворно оздоравляющей жизни. Нѣтъ мудраго руководителя, такъ быстро воскресившаго наши силы и, безъ войнъ, безъ жертвъ, безъ угрозъ поставившаго русское имя передъ всѣмъ міромъ на почти забытую высоту. Нѣтъ Царя, который, на высотѣ своего всемірнаго вліянія, спокойнымъ разумомъ, твердымъ словомъ, мощною рукой столько лѣтъ сдерживалъ, казалось, каждую минуту готовыя разразиться столкновенія. Вся Европа признавала Его Миротворцемъ и за послѣдніе годы привыкла думать и вѣрить, что, пока живъ Александръ III, мирная жизнь народовъ обезпечена...

И вотъ Его не стало. Неисповѣдимыя судьбы Божія отняли у насъ, въ самую цвѣтущую пору, въ возврастѣ только 49 лѣтъ, Того, чей могу-

чій организмъ и желѣзное здоровье обѣщали, казалось, столѣтнюю жизнь, обѣщали намъ еще десятки лѣтъ Его неоцѣнимой работы на благо Россіи... Могъ-ли кто-нибудь годъ тому назадъ хотя на минуту вообразить себѣ предстоящіе намъ теперь похороны?

Среди общей скорби о невозвратной потерѣ, надежды наши сосредоточиваются нынѣ на Его Царственной Отрасли, на вступившемъ на престолъ предковъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ.

Августѣйшій Родитель оставилъ Ему наслѣдіе цвѣтущее порядкомъ. Но не легко выпавшее ему священное бремя Самодержавнаго труда. И если вся Россія оплакиваетъ кончину Его Родителя, то что сказать о Его сыновней скорби при этой преждевременной утратѣ?

Да пошлетъ же Господь Своему новому Избраннику силы и крѣпость на исполненіе Его великаго служенія. Да пошлетъ Господь и намъ силы служить Нашему Самодержавному Государю вѣрой и правдой безъ всякой шатости, дабы и духъ Почившаго порадовался нашей вѣрности Его великимъ завѣтамъ...

Есть мгновенія въ жизни человѣка, когда всѣ мысли, всѣ заботы, вся суета дня, необходимая и неизбѣжная,—когда все это отступаетъ отъ него, и душа его сосредоточивается въ одной мысли, въ одномъ порывѣ высокаго умиленія, возвышенной скорби, изливающихся въ безмолв-

ныхъ и тихихъ святыхъ слезахъ, очищающихъ и возвышающихъ душу. Такія мгновенія не забываются, они оставляютъ слѣдъ во всей жизни человѣка, и часто воспоминаніе о такомъ мгновеніи спасаетъ его на краю паденія. Такое мгновеніе переживаемъ теперь всѣ мы, весь русскій народъ. Скончался Царь нашъ, любимый Царь, и все отошло отъ насъ, кромѣ скорби о великой потерѣ, кромѣ умиленія предъ образомъ Почившаго, образомъ такъ намъ знакомымъ и такъ дорогимъ. Этотъ образъ свѣтитъ и свѣтилъ намъ тихимъ и кроткимъ свѣтомъ, какъ бы во свидѣтельство о высокомъ достоинствѣ человѣка, о высокомъ призваніи его на землѣ... Онъ былъ истинно Русскій Царь, по духу и по всему нравственному облику своему. Въ Немъ, въ дѣлахъ Его, не было ничего приподнятаго, — не было того картиннаго героизма, который такъ любятъ въ Европѣ и которымъ такъ восхищаются тамъ; но Онъ былъ истинный герой въ высокомъ смыслѣ: «человѣкъ Онъ былъ, во всемъ значеніи слова». Онъ былъ истиннымъ выразителемъ нашего, особеннаго, русскаго героизма, не ищущаго картинной позы, не высказывающагося въ красивыхъ словахъ, молча и твердо исполняющаго свой *долгъ* и не подозрѣвающаго даже, что въ этомъ есть героизмъ. Разгадка этого героизма, разгадка величаваго образа почившаго Императора заключается въ одномъ словѣ: Онъ былъ *христіанинъ*.

Какъ христіанинъ, проникнутый высокимъ ду-

хомъ вѣры Своего народа, несъ Онъ бремя заботъ семейныхъ и среди общей легкомысленной шаткости показалъ намъ, чѣмъ должна быть христіанская семья; какъ христіанинъ, покорно и со смиреніемъ подъялъ Онъ на Свои мощныя плечи тяжкое бремя Самодержца, Отца, воспитателя и охранителя народа Своего и несъ это бремя до послѣдняго мгновенія, до послѣдняго дыханія жизни. Съ умиленіемъ и слезами читали мы, что Онъ, уже сломленный тяжкимъ недугомъ, страждущій, прикованный къ одру болѣзни, среди мучительныхъ безсонныхъ ночей, среди тягостныхъ дней, не оставлялъ Своихъ державныхъ трудовъ, и Россія, одна Россія, была предметомъ его заботъ и мыслей. Онъ принялъ и недугъ Свой, какъ христіанинъ: Онъ молился и трудился, молился и трудился до послѣдняго вздоха.

Мы знаемъ святыя слова: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя»,—и Онъ, почившій Царь нашъ, положилъ душу Свою за народъ Свой. Что разрушило Его могучій организмъ, какъ не державные труды, заботы и огорченія? Подчинивъ Свою волю волѣ Божіей, Онъ несъ эти труды всегда спокойный, всегда твердый, всегда снисходительный къ слабости человѣческой. И Онъ свѣтилъ не только намъ, но и всему міру. Чужіе народы съ изумленіемъ и восторгомъ смотрятъ на это явленіе русскаго духа, русскаго героизма, величаваго въ своей смиренной простотѣ.

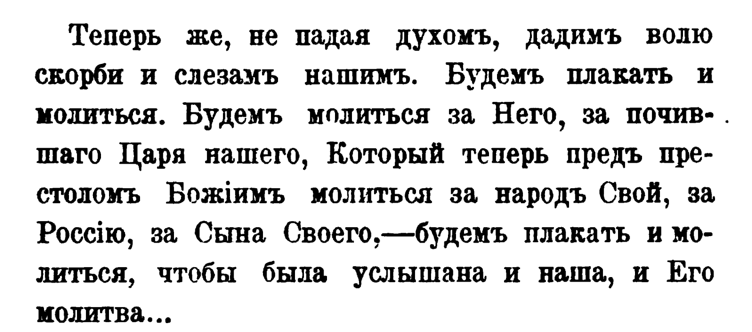
Вотъ какого Царя мы лишились, вотъ какая тяжкая скорбь насъ постигла.

Но, милостивъ Богъ, скорбь не безутѣшная.

Нѣтъ мѣста скорби отчаянной, тоскѣ тяжелой и неутѣшимой въ сердцѣ того народа, который имѣетъ трогательное упованіе на жизнь безконечную, трогательную вѣру въ общеніе живыхъ съ усопшими. Вѣритъ народъ нашъ, что его любимый Царь, Который теперь тамъ, передъ престоломъ Царя Царей, все же живетъ съ нами; вѣруетъ что надъ Нимъ сбудется все, что обѣщано христіанамъ. Онъ былъ кротокъ, а сказано: «блаженны кроткіе»; Онъ былъ милостивъ, а сказано, что милостивые «помилованы будутъ»; общій голосъ всего міра называетъ Его «миротворцемъ», а сказано: «блаженны миротворцы, ибо и они будутъ наречены Сынами Божіими».

Скорби народной не дастъ перейти въ отчаяніе еще и иная земная надежда.

Усопшій Царь нашъ оставилъ намъ Наслѣдника Своего, только что вступившаго на престолъ Государя нашего и Самодержца, оставилъ намъ Его, выросшаго и воспитаннаго въ семьѣ истинно христіанской, среди примѣровъ кротости, терпѣнія, любви и величайшаго самоотверженія. Въ Немъ, надежда наша. Онъ, проникнутый тѣмъ же духомъ, какъ и почившій Державный Отецъ Его, Котораго мы оплакиваемъ вмѣстѣ съ Нимъ—Онъ довершитъ дѣло и трудъ Усопшаго и твердо поведетъ Россію дальше по пути ея великаго историческаго призванія.

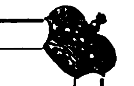


Теперь же, не падая духомъ, дадимъ волю скорби и слезамъ нашимъ. Будемъ плакать и молиться. Будемъ молиться за Него, за почившаго Царя нашего, Который теперь предъ престоломъ Божіимъ молиться за народъ Свой, за Россію, за Сына Своего,—будемъ плакать и молиться, чтобы была услышана и наша, и Его молитва...

Россія въ 1881 и въ 1894 годахъ.

Всѣ и каждый—и не въ одной Россіи, а въ цѣломъ мірѣ, — находятся подъ однимъ впечатлѣніемъ, подъ впечатлѣніемъ тяжкой, понесенной Русскимъ народомъ, утраты. На ней и около нея повсюду сосредоточены всѣ мысли, всѣ рѣчи, вся передача ихъ и устно, и письменно, и телефономъ, и телеграммами. Отъ полноты сердца глаголятъ уста,—и общій кликъ ихъ сливается въ небывало единодушный хоръ хвалы и славословія почившему Помазаннику Божію, совершившему въ краткій срокъ Своего царствованія все предначертанное Ему Промысломъ. Его великія царственныя заслуги неудержимо и громко признаются всюду и всѣми.

Иначе и быть не можетъ; но инымъ это представляется какъ бы нѣкоторою несдержанностью; высказывается мнѣніе, что передъ незакрытою еще могилой не время говорить о значеніи прош-



лаго царствованія... Не время говорить! Но возможно-ли тутъ молчаніе?... Правда, для фарисеевъ были острымъ ножомъ клики «Осанна» даже при торжественномъ входѣ Христа въ Іерусалимъ, они тоже хотѣли замѣнить ихъ молчаніемъ,—но имъ было отвѣчено, что если народъ умолкнетъ, то камни возопіютъ.

Значеніе только-что минувшаго царствованія,—сколь ни было оно кратковременно, продлившись всего 13 лѣтъ 7 мѣсяцевъ и 20 дней,—столь ясно и твердо опредѣлилось, что общая историческая оцѣнка его измѣниться уже не можетъ: оно само говоритъ за себя уже одними принесенными имъ плодами, помимо посѣянныхъ имъ добрыхъ сѣмянъ для будущаго. Нѣкоторое понятіе о значеніи этого царствованія можетъ дать уже одно сопоставленіе того положенія въ какомъ находилась Россія въ тотъ моментъ, когда Почившій Монархъ принялъ въ Свои руки Царскій скипетръ съ тѣмъ положеніемъ въ какомъ передалъ Онъ ее Своему Сыну, восшедшему нынѣ на прародительскій престолъ, Государю Императору Николаю Александровичу.

Россія 1 марта 1881 года и Россія 20 октября 1894 года: сколь близки онѣ одна къ другой во времени, но какая неизмѣримая между ними разница!

Въ моментъ перехода скипетра изъ рукъ Императора Александра II въ руки почившаго нынѣ Императора Александра III, никто, ни внѣ, ни внутри, не считалъ положенія Россіи твердымъ

Александръ Александровичъ 15-ти лѣтъ.

... нимъ ...

... нетъ, то камъ ...

... ченіе только-то ...

... ль ни было ...

... что 13 ...

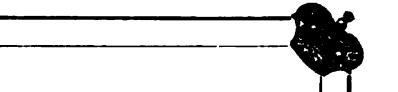
... каком ...

... когда Почивш ...

... Александра III.

... ожені.

Великій князь Александръ Александровичъ 15-ти лѣтъ.



и прочнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи: она являлась какъ бы больнымъ, разслабленнымъ колоссомъ. И она дѣйствительно болѣла тяжкою болѣзнію, парализовавшею весь ея организмъ, всѣ ея силы. Она жила, но жила жизнію какъ бы обезматоченнаго улья, въ которомъ все идетъ врознь, въ которомъ все—добыча всяческой тли, всяческихъ паразитовъ, всякихъ воровъ, и внѣшнихъ, и внутреннихъ.

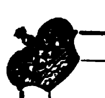
Это не было виной убитаго 1 марта 1881 года Царя-Освободителя, родителя покойнаго Государя,—это было прямымъ результатомъ роковаго хода исторіи, заключительнымъ актомъ того преклоненія предъ всѣмъ идущимъ съ европейскаго запада, которое непремѣнно требовало перенесенія оттуда и водворенія на русской почвѣ всего признаваемаго тамъ обязательнымъ. Въ силу этого преклоненія, длившагося въ теченіе не одного, а цѣлаго ряда царствованій, съ каждымъ шагомъ все болѣе слабѣла у насъ, долженствующая быть неразрывною, связь между правительственною мыслію и историческими завѣтами святой Руси, замѣняясь благожелательнымъ стремленіемъ замѣнить всяческое «русское варварство» всяческою «европейскою культурою». Все перечащее этимъ стремленіямъ считалось вреднымъ преуспѣянію страны, и въ силу этого воззрѣнія даже наше Православіе представлялось силой тормозящею прогрессъ, выдавалось за обскурантное ультрамонтанство и клерикализмъ, требующій обузданія, всяческаго ограниченія церковныхъ вліяній на

5

народную жизнь. При такихъ всеподчиняющихъ вѣяніяхъ, не могла не поникнуть русская государственная мысль, не могла не стать на ея мѣсто воззрѣнія въ большей или меньшей степени космополитическія, со всѣми присущими таковымъ воззрѣніямъ доктринами. Вся Русь заплатила тяжкую дань этимъ доктринамъ, заплатилъ имъ тягчайшую дань и Царь-Освободитель, павшій, въ наученіе всѣмъ, великою искупительною жертвой за общій грѣхъ увлеченія мнимо-научными, мнимо-спасительными западными ученіями.

Ничего такъ не желалъ Онъ какъ блага своему государству, своему народу. Въ своей любвеобильности бывшій даже болѣе «человѣкомъ», въ высшемъ смыслѣ этого слова, чѣмъ «монархомъ», по своему мягкосердечію, человѣколюбію и долготерпѣнію, скорѣе принижавшимъ чѣмъ превозносившимъ величіе своихъ правъ, онъ все свое болѣе чѣмъ четверть-вѣковое царствованіе самозабвенно посвятилъ, казавшимся благодѣтельными, преобразованіямъ, даже превышавшимъ ожиданія всяческихъ европейскихъ либераловъ. И чтò же? Къ какимъ результатамъ привело все это?

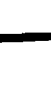
Рухнулъ весь старый, завѣщанный исторіею, органическій, сословный строй русской жизни,— и въ замѣнъ его явились нестроеніе и распаденіе, неизбѣжныя при замѣнѣ прочныхъ устоевъ государственнаго управленія зыблющеюся, разсыпающеюся какъ песокъ, безсословностью, при

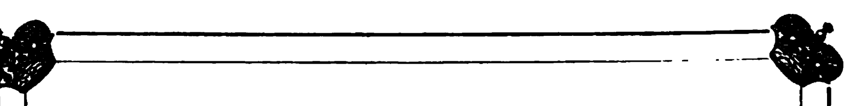


которой всякое самоуправленіе естественно вырождалось въ самоуправство, со дня на день добивавшееся большаго и большаго себѣ простора, во имя тѣхъ самыхъ идей, которыми оно было создано. И во имя этихъ идей, государственная власть все болѣе и болѣе стушевывалась, все болѣе и болѣе поступалась своими правами въ пользу разныхъ самоуправленій, сформировавшихся какъ бы въ видѣ особыхъ государствъ въ государствѣ, изъ которыхъ каждое стремилось къ своимъ, чуждымъ общей государственной власти, цѣлямъ, всего требуя отъ нея, но отнюдь не допуская ея вмѣшательства въ свое, хотя и государственное, но отмежеванное отъ государственной власти дѣло. Въ результатѣ, вмѣсто единовластія, оказалось въ странѣ многовластіе: земство само по себѣ, суды сами по себѣ, желѣзныя дороги или банки сами по себѣ, и т. д.,—и всѣ считали себя въ правѣ распоряжаться по своимъ частямъ по-своему, не допуская въ свой обиходъ никакого вмѣшательства государственной власти, которая такимъ образомъ являлась связанною по рукамъ и ногамъ въ своихъ стремленіяхъ оградить народъ отъ обидъ и тяжкихъ ущербовъ какими ложилось на него все это разношерстное многовластіе.

Стушевавшаяся, въ силу усвоенныхъ ею западныхъ доктринъ, предъ разными внутренними управленіями, наша государственная власть, оставаясь вѣрною этимъ доктринамъ, не могла да-

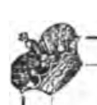
вать надлежащаго отпора и внѣшнимъ на страну посягательствамъ, опиравшимся на тѣ же доктрины. Поклоненіе западной идеѣ фритредѐрства требовало подчиненія русскихъ финансовыхъ и экономическихъ интересовъ, интересамъ европейской промышленности и европейскихъ биржъ. Преклоненіе предъ западною культурой требовало поклоненія представителямъ ея на русской почвѣ — всѣмъ иностранцамъ и всѣмъ своимъ инородцамъ, въ просвѣщенное, не русское, вѣдѣніе коихъ и предоставлялось благоустроеніе захваченныхъ ими русскихъ областей и окраинъ. Въ результатѣ, при внутреннихъ нестроеніяхъ и всеобщей разладицѣ, Россія и въ экономическомъ, и въ финансовомъ, и въ иныхъ отношеніяхъ, оказалась предоставленною эксплуатаціи и своихъ проходимцевъ, и всяческихъ иностранцевъ и иноплеменниковъ. Вся она пошла врознь и въ порядкахъ управленія, и даже въ территоріальномъ отношеніи: чуть не каждая область въ ней стала стремиться къ обособленію отъ государственнаго цѣлаго. Обнаруженное всѣмъ этимъ безсиліе государственной власти бороться съ ею же самой созданными затрудненіями сознавалось болѣе и болѣе. Этимъ безсиліемъ поощрялись всевозможные проекты окончательнаго разрушенія русскаго государственнаго тѣла,—отъ оглашеннаго въ газетахъ проекта обратить Россію въ федерацію автономныхъ областей, которымъ государственная власть передала бы всѣ свои функціи, съ которыми-де неспособна





совладать, до проекта полной передачи всѣхъ этихъ функцій представителямъ земскихъ самоуправленій, и, наконецъ, до нигилистическихъ проектовъ, авторы коихъ, ради ихъ осуществленія не остановились предъ цѣлымъ рядомъ покушеній на цареубійство, завершившихся катастрофой 1 марта.

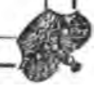
Десятилѣтіями господства такихъ вѣяній, все на Руси было потрясено и расшатано. Извратились понятія и о гражданскомъ долгѣ, и о семейной и житейской нравственности; въ этихъ извращенныхъ понятіяхъ росло и воспитывалось и наше юношество, отъ котораго, во имя западныхъ идей, всѣми мѣрами устранялось спасительное вліяніе Церкви, всяческое умаленіе значенія коей въ народной жизни представлялось необходимымъ въ цѣляхъ прогресса. При повсемѣстной въ странѣ неурядицѣ, ея экономическая жизнь, въ силу отсутствія тѣхъ заботъ о ней, которыя возможны лишь при господствѣ во всемъ управленіи единой твердой національно-государственной мысли, не могла надлежащимъ образомъ развиваться, несмотря на все обиліе естественныхъ богатствъ и, такъ сказать, только прозябала. При заторможенномъ развитіи экономическихъ силъ не могли процвѣтать и государственные финансы, могущіе опираться только на эти силы. Бюджетные дефициты явились хроническою болѣзнью государства, а при хроническихъ дефицитахъ не могъ не пасть и государственный кредитъ: Россія была вынуждена заключать займы за займами на самыхъ тяж-



кихъ условіяхъ, за нигдѣ въ Европѣ не обычные проценты. Финансовое разстройство было таково, что Россія объявлялась стоящею на краю банкротства. Понятно, что при такихъ финансахъ являлось невозможнымъ удовлетвореніе многихъ настоятельнѣйшихъ государственныхъ нуждъ, являлись невозможными даже траты необходимыя для возведенія военныхъ силъ Россіи до уровня соотвѣтственнаго ея международному значенію. Могла-ли при всемъ этомъ Россія занимать въ ряду другихъ странъ подобающее ей положеніе? Удивительно-ли, что она на Берлинскомъ конгрессѣ должна была смириться предъ европейскимъ ареопагомъ, отказавшись отъ плодовъ своихъ побѣдъ, купленныхъ дорогою цѣной русской крови, а затѣмъ играть второстепенныя, подчиненныя роли при обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ разныхъ такъ или иначе затрогивающихъ ее политическихъ вопросовъ? Удивительно-ли, что она оказалась не только въ финансово-экономической, но и въ политической зависимости отъ Берлина?

Потерявшею обаяніе внѣшней силы и расшатанною внутри, принялъ Почившій Царь дорогую Ему Россію. А такою-ли Онъ ее оставилъ?

Весь міръ преисполненъ нынѣ величайшимъ уваженіемъ къ созданному усопшимъ Монархомъ могуществу Россіи. Весь міръ признаетъ, что Онъ, ставъ превыше всѣхъ иныхъ политическихъ силъ въ Европѣ, явился распорядителемъ ея судебъ, охранителемъ ея мира.

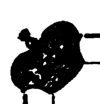


Военныя силы Россіи, и на сушѣ, и на морѣ, приведены во всѣхъ отношеніяхъ въ такое положеніе, въ какомъ онѣ еще никогда не были съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Русская земля. Кромѣ неусыпныхъ заботъ, много требовалось на это и денегъ. Но всяческія траты на дѣйствительныя государственныя нужды не оказываются уже нынѣ выше государственныхъ средствъ. Вмѣсто прежняго «банкротства», финансы государства пришли въ такое положеніе, въ какомъ они у насъ, можно сказать, никогда еще не бывали. Не только всѣ обыкновенные, ежегодно возрастающіе, расходы легко покрываются изъ текущихъ доходовъ, но на текущіе же доходы строятся тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, и изъ остатковъ отъ этихъ доходовъ оказалось даже возможнымъ, при тяжкомъ бѣдствіи неурожая, оказать народу нигдѣ въ мірѣ не слыханную помощь болѣе чѣмъ во сто милліоновъ рублей. Ни о какихъ бюджетныхъ дефицитахъ, ни о займахъ для ихъ покрытія, нѣтъ болѣе и рѣчи. Вмѣсто ряда новыхъ займовъ, совершенъ рядъ конверсій, для облегченія бремени возложеннаго на русскія податныя силы прежними займами. А чѣмъ улучшены финансы? Обремененіемъ-ли народа? Нѣтъ, они улучшены оказаніемъ этому народу цѣлаго ряда благодѣяній, внимательнымъ, внушеннымъ національно-русскою государственною мыслію, отношеніемъ ко всѣмъ видамъ экономической дѣятельности народа, и земледѣльческой, и промышленной, и

торговой. Не какъ на Западѣ, — Русскій Самодержецъ не дѣлалъ различія между интересами казны и интересами народа, употребляя избытки казенныхъ доходовъ на поощреніе и подъемъ экономической предпріимчивости, на усиленіе производительности народнаго труда,—и результаты сего уже сказались, и въ еще большей мѣрѣ скажутся въ будущемъ.

О былыхъ неурядицахъ остались лишь воспоминанія. Нѣтъ области управленія, которой не коснулось бы оздоравливающее, всюду вносящее порядокъ и благоустроеніе, общее и единое направленіе данное Почившимъ Государемъ всѣмъ органамъ государственной власти. На мѣсто былаго разновольнаго и своевольнаго многовластія всюду стала единая власть, вдохновляемая единою самодержавною Волей. При сохраненіи всѣхъ добрыхъ, полезныхъ сторонъ самоуправленія, нѣтъ болѣе былыхъ судебныхъ, земскихъ, банковыхъ, биржевыхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ своеволій. Достаточно, для примѣра, сравнить нынѣшніе желѣзнодорожные порядки съ былыми, нынѣшнюю службу дорогъ съ прежнимъ безконтрольнымъ деспотическимъ отношеніемъ ихъ ко всѣмъ, кто имѣлъ въ нихъ нужду, чтобы понять какіе шаги, благодаря сильной власти, сдѣланы Россіей по разнымъ частямъ ея внутренняго управленія и устроенія.

Бывшее наканунѣ разложенія, такъ сказать, готовое разсыпаться въ прахъ, государственное тѣло вновь стало органическимъ, въ немъ вновь



вернулись къ жизни составляющія этотъ организмъ сословія, начавъ вновь службу той духовной силѣ, которая оживотворяетъ все государство—единой, недѣлимой, Богомъ дарованной Россіи, Самодержавной Власти. Перестала эта власть поступаться своими правами, перестала устраняться отъ дѣлъ правленія, и ея мощный, животворный духъ сказался во всемъ. Все ему подчинилось, все начало имъ проникаться. Все порожденное многолѣтними тлетворными вѣяніями приникло и не дерзаетъ болѣе нагло кичиться своею безнравственностью и разнузданностью. Мѣсто этихъ вѣяній болѣе и болѣе заступаетъ вліяніе Православной Церкви, уже начавшее получать то значеніе, которое подобаетъ ей подъ сѣнію Православныхъ Царей. Русь перестала быть какимъ-то международнымъ межеумкомъ, она ни для кого болѣе не tabula rasa, она стала сама собою, оздоровленною внутри и грозною всѣмъ своимъ врагамъ, не дерзающимъ болѣе и мыслить о возможности былыхъ на нее посягательствъ. Путь, которымъ достигаются такіе результаты, обозначился ясно и твердо. Въ указаніи этого пути величайшая заслуга Почившаго Монарха, въ немъ величайшій данный имъ завѣтъ, и, молясь объ упокоеніи Его души, намъ предлежитъ нынѣ лишь молиться о проникнутомъ Его завѣтами Сынѣ Его, Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ.

Внутренняя политика прошлаго царствованія.

Не прошло еще двухъ мѣсяцевъ послѣ ужасной катастрофы 1 марта 1881 года, которою вся Россія была поражена до самыхъ глубокихъ нѣдръ своихъ, какъ она уже услышала съ высоты Престола 29 апрѣля того же 1881 года, державное слово своего Монарха, влившее въ русскія сердца миръ и успокоеніе, положившее конецъ колебаніямъ и долгой умственной смутѣ и возвратившее всѣмъ надежду и вѣру въ скорое и близкое возстановленіе правильнаго теченія народной жизни. Какое это было слово? Что возвѣстило оно землѣ нашей?

Не было въ этомъ словѣ ничего новаго; оно напоминало лишь то, что составляетъ основу гражданскаго чувства Русскаго народа, все его политическое *credo,* всю его государственную мудрость, весь опытъ нашей тысячелѣтней исторической страды; оно напоминало о самодержавномъ принципѣ, какъ основѣ нашей государственности, оно удостовѣряло Царскимъ обѣщаніемъ, что принципъ этотъ и впредь будетъ стоять столь же высоко и непререкаемо, какъ и съ самаго начала Русскаго царства. «Гласъ Божій», — гласилъ Манифестъ почившаго Государя,—«повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло

правленія, въ упованіи на Божественный промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять, для блага народнаго, отъ всякихъ на нее поползновеній».

Этими словами уже предначертывался весь путь предстоявшаго славнаго царствованія. Истинно чудеснымъ провидѣніемъ позналъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, чѣмъ болѣлъ нашъ государственный организмъ и какое средство могло исцѣлить его. Это средство написано на скрижаляхъ всей нашей исторіи изъ вѣка въ вѣкъ, оно является истинною панацеей отъ всѣхъ нашихъ серіозныхъ народныхъ недуговъ: это средство—сильная и единая государственная власть въ лицѣ Монарха, милостію Божіею правящаго народомъ своимъ.

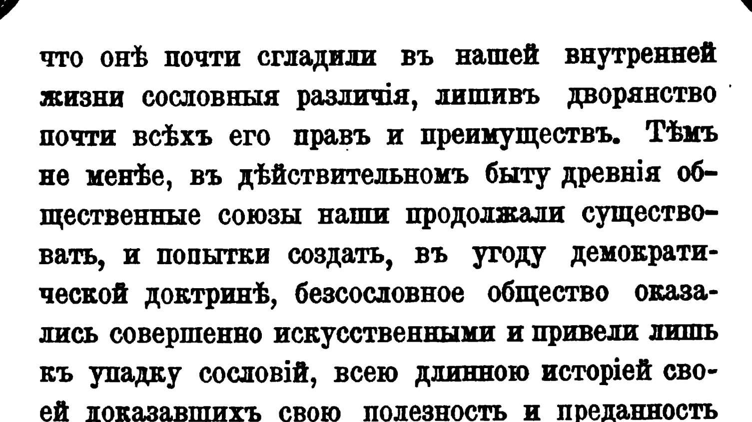
Могущественное и священное начало этой власти столь же живо въ народѣ теперь, какъ было живо оно и при зачаткахъ нашей гражданственности: вся смута, которою болѣла наша земля въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ и которая въ отдѣльныхъ умахъ, быть можетъ, не разсѣялась и понынѣ, происходила на поверхности народной жизни, и потому-то и была столь яркою и кричащею; но потому же она была столь безсильною и эфемерною. Достаточно было сознать всю ея призрачность, достаточно было понять, что она не имѣетъ въ народѣ никакихъ корней для того, чтобы она перестала стѣснять естественный ходъ государ-

ственной и общественной жизни. И какъ скоро начало сильной власти было положено въ основу всей государственной дѣятельности, государственный организмъ сталъ быстро поправляться во всѣхъ своихъ частяхъ и отправленіяхъ, такъ что нынѣ положеніе его не можетъ быть уже и сравниваемо съ его еще столь недавнимъ прошлымъ. Въ любой сторонѣ преуспѣвающей нынѣ государственной дѣятельности ярко бросается въ глаза развитіе одной общей идеи царствованія, идеи опредѣленно и ярко выраженной народу въ упомянутомъ Высочайшемъ къ нему обращеніи. Вся внутренняя политика Императора Александра III носила на себѣ тотъ же отпечатокъ самобытности и самостоятельности правительственной мысли, какимъ отмѣчены и всѣ вообще дѣянія почившаго Государя.

Однимъ изъ важнѣйшихъ мѣропріятій въ этой области, послѣ упорядоченія нашего финансоваго положенія, слѣдуетъ признать реформу мѣстнаго управленія. При своемъ восшествіи на престолъ, Государь Императоръ Александръ Александровичъ засталъ подготовительныя къ этой реформѣ работы уже въ полномъ разгарѣ. Не надолго прерванныя событіями 1881 года работы эти вскорѣ были возобновлены; для объединенія ихъ и для общей редакціи проекта уже въ самомъ началѣ царствованія, еще въ бытность графа Игнатьева министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова. Къ сожа-

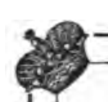
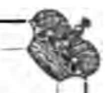
лѣнію, общее направленіе трудовъ комиссіи еще не могло тогда высвободиться изъ принципіальныхъ путъ западно-европейскихъ теорій народоправства, устраненіе коихъ изъ нашей жизни и составляло, можно сказать, главнѣйшую задачу мѣстной реформы. Но какъ только это выяснилось, Кахановская комиссія, довольно неожиданно для нея самой, была закрыта по Высочайшему повелѣнію 28 февраля 1885 года. Труды ея были переданы Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, во главѣ котораго находился тогда уже графъ Д. А. Толстой. Это само по себѣ знаменовало полную перемѣну направленія, и дѣйствительно, основы преобразованія крестьянскаго управленія и мѣстныхъ судебныхъ учрежденій, разработанныя талантливымъ сотрудникомъ графа Д. А Толстаго, Д. А. Пазухинымъ, возвратили крестьянству высшее для него благо—близкую, дѣятельную и сильную правительственную власть. Этими немногими словами выражается главная сущность программы прошлаго царствованія по отношенію къ крестьянству.

Другія отрасли мѣстнаго управленія—административно-хозяйственное завѣдываніе уѣздами, губерніями и городами — подверглись реформѣ, во-первыхъ, въ томъ же направленіи возвращеніе должнаго авторитета государственной власти, во-вторыхъ—въ организаціи участія общественнаго элемента въ мѣстномъ управленіи на началахъ *сословности*. Слабою стороной реформъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ было то,



что онѣ почти сгладили въ нашей внутренней жизни сословныя различія, лишивъ дворянство почти всѣхъ его правъ и преимуществъ. Тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительномъ быту древнія общественные союзы наши продолжали существовать, и попытки создать, въ угоду демократической доктринѣ, безсословное общество оказались совершенно искусственными и привели лишь къ упадку сословій, всею длинною исторіей своей доказавшихъ свою полезность и преданность нашей государственной идеѣ.

Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Александровичъ сдѣлалъ много для возвращенія нашимъ сословіямъ ихъ былого государственнаго значенія. Въ Высочайшемъ Рекриптѣ Благородному Россійскому Дворянству, отъ 21 апрѣля 1885 года, вполнѣ опредѣлена роль въ народной жизни нашего высшаго служилаго класса, которому указывалось сохранить «первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности». Рядомъ законовъ и распоряженій указаніе это осуществлялось по мѣрѣ силъ и средствъ. Учрежденіемъ земскихъ начальниковъ дворянству ввѣрялись важныя задачи по мѣстному управленію. Дворянскій Банкъ былъ основанъ съ исключительною цѣлію поднять экономическое положеніе сословія. Затѣмъ, особая Высочайше утвержденная комиссія разсматриваетъ

мѣры къ предотвращенію обезземеленія дворянства.

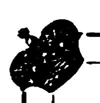
Крестьянство пользовалось особымъ попеченіемъ правительства, какъ въ отношеніи его матеріальнаго благосостоянія, такъ и по предмету удовлетворенія духовныхъ его потребностей. Значительное пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати, признаніе крестьянскихъ надѣловъ неотчуждаемыми, мѣры по организаціи переселеній, устройство Крестьянскаго Банка, преобразованіе волостныхъ судовъ, постоянное государственное попечительство въ видѣ учрежденія земскихъ начальниковъ и, наконецъ, осуществляемая уже мѣра противъ лютѣйшаго врага нашего народа—пьянства—путемъ учрежденія казенной монополіи питейной торговли, и вполнѣ разработанная, совершенно новая, организація продовольственной помощи сельскому населенію,—вотъ далеко еще не полный рядъ заботъ о крестьянскомъ благосостояніи. Но всѣ онѣ блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что сдѣлано почившимъ Императоромъ для духовнаго совершенствованія народа: Онъ далъ намъ истинно народную, истинно-національную школу въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты.

Въ непосредственной связи съ этою мѣрой находится и другая—*улучшеніе положенія нашего сельскаго духовенства.* Это было постоянною думой блаженной памяти Императора, ревностнаго христіанина, и Онъ всегда въ теплыхъ и трогательныхъ словахъ выражалъ Свою ду-

ховную радость, когда государственныя средства дозволяли сдѣлать нѣчто въ этомъ направленіи.

Наконецъ, на пользу и процвѣтаніе обоихъ основныхъ нашихъ государственныхъ классовъ, связанныхъ между собою общимъ имъ занятіемъ, сельскимъ хозяйствомъ, основано Министерство Земледѣлія. Сколь ни мало еще успѣло сдѣлать это новое вѣдомство, но уже и первые шаги его показываютъ, что оно задумано, въ общемъ, на вѣрныхъ началахъ, и что оно, какъ можно надѣяться, оправдаетъ возлагаемыя на него ожиданія. Во всякомъ случаѣ, наше сельское хозяйство получило признаніе его важнѣйшимъ промысломъ населенія и цѣлую стройную организацію, начиная отъ высшихъ и кончая мѣстными органами и учрежденіями. Затѣмъ, въ дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ обращаютъ на себя вниманіе мѣры по охраненію нашихъ лѣсовъ. Хотя онѣ и легли новымъ бременемъ на помѣстное дворянство, польза этихъ мѣръ для всего государства, коего климатъ и растительность находятся въ зависимости отъ общей лѣсной площади страны, не подлежитъ сомнѣнію.

По отношенію къ отечественному просвѣщенію, основная идея царствованія, помимо возложенія обязанностей по народному обученію на сельское духовенство, выразилась въ упраздненіи самоуправляющихся университетскихъ корпорацій, при соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ во всемъ строѣ университетской жини. Среднее обра-



зованіе не подверглось существеннымъ реформамъ. Особеннымъ же вниманіемъ правительства въ послѣдніе годы пользовалось образованіе профессіональное, главнымъ образомъ, нисшее и среднее,—и система промышленныхъ школъ разнаго типа и вида, отчасти уже осуществлена, отчасти имѣетъ осуществиться въ близкомъ будущемъ.

Общій характеръ усиленія государственности, нашей самобытно-русской государственности, проявлялся и въ политикѣ Императора Александра III въ отношеніи нашихъ окраинъ и инородцевъ. Интересамъ всего государства, націи, неизмѣнно отводилось первенствующее мѣсто по отношенію къ интересамъ мѣстнымъ и частнымъ, и все что носитъ на себѣ печать сепаратности, хотя бы и оставалось до времени терпимымъ, не могло разсчитывать на содѣйствіе правительства. Но при этомъ никакія существенныя права и привилегіи провинцій, управляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, не нарушались. Примѣромъ въ въ этомъ отношеніи можетъ служить Финляндія, въ которой правящіе классы и партіи обыкновенно ведутъ себя по отношенію къ русской власти самымъ рѣзкимъ и вызывающимъ образомъ, встрѣчая съ ея стороны лишь твердость въ недопущеніи уже слишкомъ открытой сепаратистской политики. Но, во всякомъ случаѣ, великою заслугой прошлаго царствованія останется то, что почти всегда прежде удававшіяся интриги финляндскихъ политикановъ оцѣнены по до-

стоинству, такъ что успѣхъ подобныхъ интригъ въ будущемъ едва-ли уже возможенъ.

Западный край и Привислянскія губерніи управлялись на прежнемъ основаніи, и русское дѣло въ нихъ, хоть и медленно, но дѣлало дальнѣйшія завоеванія. Въ Балтійскомъ краѣ мѣстныя реформы, помимо задачъ гражданскихъ и культурныхъ, имѣютъ въ виду также обрусеніе этой окраины, и къ этой цѣли уже сдѣланы шаги введеніемъ въ школы преподаванія на русскомъ языкѣ и судебною реформой съ русскимъ судопроизводствомъ.

Вообще захваты русскихъ областей инородцами и иноземцами вызвали рядъ мѣръ къ огражденію коренной русской національности. Между прочимъ, положенъ предѣлъ распространенію землевладѣнія иностранцевъ въ западной полосѣ Россіи и возстановлено примѣненіе пришедшихъ было въ забвеніе старыхъ законовъ о Евреяхъ.

Приведенный перечень сдѣланнаго усопшимъ Монархомъ неизбѣжно кратокъ и не полонъ, причемъ мы вовсе не коснулись тѣхъ мѣропріятій, которыя уже вполнѣ назрѣли, дѣятельно подготовляются и, Богъ дастъ, будутъ благополучно доведены до конца въ наступившее новое царствованіе. А чтобы судить о важности этихъ мѣропріятій, подготовляемыхъ по указаніямъ Почившаго, достаточно упомянуть хотя бы совершаемый нынѣ пересмотръ всѣхъ нашихъ судебныхъ уставовъ и предварительные труды по переработкѣ всѣхъ узаконеній, касающихся крестьянства.

Вообще, развитіе самой разносторонней дѣятельности нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій съ начала прошлаго царствованія и до нашихъ дней шло постепенно, не торопливо, но твердо и прочно, и въ послѣдніе годы получило усиленный ходъ. Работы кипятъ по всѣмъ вѣдомствамъ; живая иниціатива, знаніе дѣла, упрощеніе формальностей, строгій контроль надъ всѣмъ, щедрость въ отношеніи расходовъ производительныхъ и необходимыхъ и одновременно съ тѣмъ разумная бережливость, уже внесли свѣжую струю въ установившіеся и во многомъ устарѣвшіе пріемы государственнаго управленія. А связуетъ всѣ эти работы, движетъ ихъ и даетъ имъ согласное направленіе единственно идея твердой и сильной, единой и недробимой, самодержавной государственной власти, провозглашенная съ высоты трона почти при самомъ вступленіи на престолъ въ Бозѣ почившаго Императора: Онъ, съ его свѣтлымъ разумомъ, съ его твердою волей, съ его истинно-русскимъ чувствомъ, былъ, при Божіемъ поспѣшеніи, истиннымъ творцомъ и душою всѣхъ великихъ дѣяній Своего только-что закончившагося славнаго царствованія.

Русскіе финансы 1881 и 1894 годовъ.

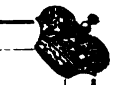
Потрясенные уже Крымскою войною 1853—1856 годовъ, русскіе финансы, благодаря тому, что управленіе ими не могло отрѣшиться отъ подчиненія мнимо-научнымъ доктринамъ, во все царствованіе императора Александра II, несмотря на всѣ заботы объ ихъ улучшеніи, постепенно приходили все въ худшее положеніе. Наканунѣ послѣдней Восточной войны 1877—1878 годовъ возникало даже, и прямо высказывалось, сомнѣніе, можетъ ли Россія выдержать эту войну при своемъ финансовомъ разстройствѣ и безденежьѣ. Затѣмъ, эта побѣдоносная Восточная война, потребовавшая громадныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, разстроила наши финансы еще болѣе. Крупные бюджетные дефициты сдѣлались постояннымъ, ежегоднымъ явленіемъ, и терялась даже надежда на возможность ихъ устраненія. Кредитъ падалъ все болѣе и болѣе. Дошло до того, что пятипроцентные государственные фонды въ 1881 году цѣнились лишь отъ 89 до 93 за 100 своей номинальной стоимости, а пятипроцентныя облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ и закладные листы земельныхъ банковъ котировались уже только по 80—85 за 100.

Признаніе крайней затруднительности свобод-

ныхъ шаговъ во внѣшней политикѣ при такихъ, унаслѣдованныхъ отъ прежняго царствованія, финансахъ, сказалось, между прочимъ, въ циркулярной депешѣ министра Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 4-го марта 1881 года. Въ этой депешѣ прямо заявлялось, что «Государь Императоръ посвятитъ Себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ».

Неукоснительное выполненіе этихъ предначертаній было постоянною задачей правительства во все царствованіе, и неослабная и неуклонная энергія въ осуществленіи этой программы почившаго Монарха, всегда и неусыпно во все вникавшаго, увѣнчалось блестящими результатами по всѣмъ отраслямъ финансово-экономической дѣятельности.

Путемъ разумной экономіи въ расходахъ было достигнуто возстановленіе бюджетнаго равновѣсія, а затѣмъ послѣдовали уже ежегодные крупные избытки доходовъ надъ расходами. Направленіе полученныхъ сбереженій на экономическія предпріятія, способствующія подъему хозяйственной дѣятельности, на развитіе желѣзнодорожной сѣти и устройство портовъ, повело къ развитію промышленности и упорядочило, какъ внутренній, такъ и международный обмѣнъ товаровъ, чѣмъ и были открыты новые источники



увеличенія государственныхъ доходовъ. Принятый въ то же время, по волѣ Монарха, рядъ мѣръ къ развитію кредита, къ облегченію податнаго обложенія, къ упорядоченію желѣзнодорожнаго дѣла, къ усиленію покровительства народному труду во всѣхъ его многообразныхъ проявленіяхъ, вызвалъ къ жизни скрытыя дотолѣ богатства страны и увеличилъ достатки ея населенія. Трудно было бы перечислить даже главнѣйшія законодательно - административныя постановленія минувшаго царствованія, направленныя къ финансово-экономическому преуспѣянію Россіи. Ограничимся указаніемъ хотя бы нѣкоторыхъ изъ достигнутыхъ этими мѣрами результатовъ.

Сравнимъ, для примѣра, хотя бы данныя за 1881 и 1894 годы о капиталахъ акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита. Вотъ эти данныя въ тысячахъ рублей:

	Къ 1881.	Къ 1894.
Основный капиталъ	87.343	116.957
Запасный капиталъ	8.397	32.050
Спеціальный капиталъ	640	4.198
Итого	96.380	153.205

Оказывается, такимъ образомъ, что принадлежащіе банкамъ капиталы, всего въ тринадцать лѣтъ, увеличились на 59%, а балансъ ихъ операцій поднялся съ 404.405.000 руб. къ 1881 году до 800.947.000 руб. къ 1894 году, то-есть возросъ на 98%, или почти вдвое.

Не меньшій успѣхъ оказался и по учрежденіямъ ипотечнаго кредита. Къ 1 января 1881

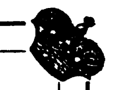
года ими было выпущено въ обращеніе закладныхъ листовъ на 904.743.000 руб., а къ 1-му іюля 1894 года уже на 1.708.805.975 руб.,— причемъ курсъ этихъ процентныхъ бумагъ повысился болѣе чѣмъ на 10%.

Взятая въ отдѣльности учетно-ссудная операція Государственнаго Банка, достигавшая къ 1 марта 1887 года 211.500.000 рублей, повысилась къ 1 октября текущаго года до 292.300.000 рублей, увеличившись на 38%,—а недавно введенный въ дѣйствіе новый уставъ Государственнаго Банка долженъ повести къ дальнѣйшему усиленію его производительной работы.

Пріостановившаяся было въ концѣ семидесятыхъ годовъ постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ воцареніемъ Александра III возобновилась и пошла быстрымъ и успѣшнымъ ходомъ. Но всего важнѣе по этой части было установленіе вліянія правительства въ области желѣзнодорожнаго хозяйства, какъ расширеніемъ казенной эксплуатаціи рельсовыхъ путей, такъ, въ особенности, подчиненіемъ дѣятельности частныхъ обществъ правительственному надзору. Длина открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ, въ верстахъ, была:

	Къ 1 янв. 1881.	Къ 1 сент. 1894.
Казенныхъ	164,6	18.776
Частныхъ	21.064,8	14.389
Итого . . .	21.229,4	33.165

Благодаря установленному, по волѣ Почившаго Монарха, надлежащему правительственно-



му руководству и бдительному надзору, измѣнились условія и сооруженія, и эксплуатаціи рельсовыхъ путей, прекратились злоупотребленія и хищенія въ этой важной отрасли народнаго хозяйства. Выиграли отъ этого и пользующіеся дорогами, и сами дороги. Какъ улучшилось ихъ финансовое положеніе показываетъ слѣдующая сравнительная справка о результатахъ эксплуатаціи (въ тысячахъ рублей):

	Въ 1880.	Въ 1892.
Валовой доходъ	193.206	301.709
Расходъ эксплуатаціи	151.651	194.032
Чистый доходъ	41.555	107.677

Если же взять данныя на версту сѣти *), то окажется что въ 1892 году, противъ 1880, валовой доходъ повысился на 20,2%, эксплуатаціонный расходъ, не смотря на усиленіе движенія, понизился на 1,5%, а *чистый доходъ увеличился* на 99,5%, или *почти вдвое* противъ 1880 года.

Для огражденія народнаго труда отъ непосильной ему иностранной конкурренціи, поощрявшейся въ минувшія десятилѣтія подъ вліяніемъ фритредерской доктрины, былъ, по указаніямъ Почившаго Государя, предпринятъ рядъ поощрительныхъ мѣръ, завершившихся общимъ пере-

*) Вотъ финансовые результаты эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ на версту сѣти (въ рубляхъ):

	1880.	1892.
Валовой доходъ	9.145	10.994
Расходъ эксплуатаціи	7.178	7.070
Чистый доходъ	1.967	3.924

смотромъ таможеннаго тарифа. Таможенное обложеніе иностранныхъ товаровъ, составлявшее въ 1880 году 10,5 метал. коп. съ одного рубля стоимости, повысилось въ 1893 году до 20,25 метал. коп., или увеличилось почти вдвое. Благотворное вліяніе этого на обороты внѣшней торговли Россіи не замедлило привести къ важнымъ, въ государственномъ отношеніи, результатамъ: наши ежегодныя крупныя приплаты иностранцамъ замѣнились еще болѣе значительными полученіями отъ нихъ, какъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя (въ тысячахъ рублей):

	1880.	1893.
Вывозъ . . . . : . .	492.084	594.688
Привозъ	589.776	421.956
Торговый балансъ	— 97.692	+ 172.732

Сокращеніе привоза въ Россію иностранныхъ товаровъ естественно сопровождалось развитіемъ національнаго производства. Годовое производство фабрикъ и заводовъ, состоящихъ въ завѣдываніи Министерства Финансовъ, исчислялось въ 1879 году въ 829.100.000 руб. при 627.000 рабочихъ. Въ 1890 году стоимость производства повысилась до 1.263.964.000 руб. при 852.726 рабочихъ. Такимъ образомъ, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, стоимость фабрично-заводской выработки увеличилась на 52,5%, или слишкомъ въ полтора раза.

Особенно блестящіе, по нѣкоторымъ отраслямъ поразительные, успѣхи достигнуты горнопро-

мышленностью, какъ это видно изъ слѣдующей справки о производствѣ главнѣйшихъ продуктовъ (въ тысячахъ пудовъ):

	1880.	1893.	Увелич. въ %.
Чугунъ	27.361	70.861	159
Желѣзо	17.831	29.642	66
Сталь	18.761	36.498	95
Соль	47,572	87.490 **)	84
Каменный уголь . . .	200.785	420.817 **)	110
Нефть	21.498	337.052	1.468
Керосинъ	7.946	85.634	978

Поощряя развитіе народнаго труда, въ Бозѣ почившій Императоръ неустанно заботился, вмѣстѣ съ тѣмъ, о благосостояніи трудящагося люда. Закономъ 1 іюня 1882 года были много облегчены занятія малолѣтнихъ въ фабрично-заводскихъ производствахъ; 3 іюня 1885 года запрещена ночная работа женщинъ и подростковъ на фабрикахъ волокнистыхъ веществъ. Въ 1886 году изданы положеніе о наймѣ на сельскія работы и постановленіе о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы, дополненное и расширенное въ текущемъ году. Въ 1885 году измѣнено, установленіемъ болѣе краткаго срока выслуги пенсій горнорабочими, утвержденное въ 1881 году положеніе о кассахъ горнозаводскихъ товариществъ.

Не смотря на крайне затруднительное въ то время положеніе государственныхъ финансовъ, закономъ 28 декабря 1881 года были значи-

**) Данныя о соли и каменномъ углѣ относятся къ 1892 году.

тельно понижены выкупные платежи, а закономъ 28 мая 1885 года было прекращено взиманіе подушной подати. Эти Царскія милости существенно повысили достатки сельскихъ обывателей, увеличивъ народныя сбереженія. Наконецъ, въ годину народнаго бѣдствія, когда неурожай 1891 года угрожалъ обширнымъ раіонамъ Имперіи тяжкими осложненіями, оказанная изволеніемъ Государя Императора обильная помощь пострадавшимъ предупредила возможность, какъ чрезмѣрныхъ продовольственныхъ лишеній, такъ и серіозныхъ потрясеній въ хозяйственномъ быту населенія.

Всѣ эти заботы почившаго Самодержца увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Не только были устранены унаслѣдованныя отъ прежняго времени затрудненія, но государственное хозяйство въ благословенное царствованіе Александра III достигло небывало высокой степени преуспѣянія, какъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія данныя объ исполненіи государственнаго бюджета (въ рубляхъ):

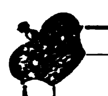
	Въ 1880 году.	Въ 1893 году.
Доходы	651.016.683	1.045.685.472
Расходы	695.549.392	946.955.017
	— 44.532.709	+ 98.730.455

Пусть государственные расходы повысились въ 1893 году противъ 1880 года на 36,2%, но доходы въ то же время увеличились на 60,6%, и въ результатѣ исполненія росписи, вмѣсто бывшаго въ 1880 году дефицита въ 44.532.709

рублей, теперь оказывается превышеніе доходовъ надъ расходами въ 98.730.455 рублей. Прежняя основная задача дѣятельности финансоваго управленія, заключавшаяся въ возможномъ уменьшеніи бюджетныхъ дефицитовъ, замѣнилась нынѣ заботой о наиболѣе производительномъ употребленіи избытка доходовъ.

Необычайно быстрое возрастаніе государственныхъ доходовъ можетъ иногда служить поводомъ къ опасеніямъ чрезмѣрнаго напряженія податныхъ силъ населенія, опасеніямъ истощенія накопленныхъ народомъ сбереженій. Но результаты царствованія усопшаго Монарха не даютъ мѣста подобнымъ опасеніямъ. Эти опасенія могутъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда подати уплачиваются не отъ достатка, а отъ скудости, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ Италіи. Что же касается Россіи, то достаточно ограничиться заявленіемъ того знаменательнаго факта, что сумма вкладовъ въ сберегательныя кассы, опредѣлявшаяся къ 1881 году въ 9.995.225 руб., возрастаетъ къ 1 августа 1894 года до 329.064.748 руб. Въ какія-нибудь тринадцать съ половиной лѣтъ народныя сбереженія съ 10 дошли до 330 милліоновъ, то-есть увеличились въ 33 раза.

И такіе же успѣхи во всемъ, во всемъ. Но приведшая къ такимъ результатамъ усиленная работа Верховнаго Вождя Россіи подорвала Его тѣлесныя силы. Угасъ Царственный Созидатель народнаго богатства. Но оплакивающая Его Рос-



сія пріобрѣтаетъ новыя силы и бодрость, взирая на Сына своего усопшаго Благодѣтеля, на вступившаго на Прародительскій Престолъ Государя Императора Николая Александровича, соблаговолившаго объявить Своему народу, что Онъ проникнутъ завѣтами Своего Отца и намѣренъ идти Его же царственнымъ путемъ.

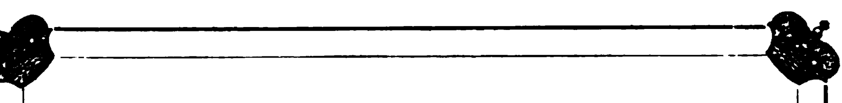
Европа о почившемъ Царѣ.

Всѣ Русскіе люди, и образованные, и простые, едва грамотные, съ величайшимъ интересомъ прислушиваются къ отзывамъ иностранной печати о почившемъ Государѣ. Всѣмъ намъ отрадно видѣть и слышать, что весь міръ окружаетъ память Его глубокимъ уваженіемъ, что всѣмъ міромъ признаются Его великія заслуги, что Его высоко цѣнятъ не только, какъ Государя, твердаго и мудраго, но и какъ человѣка, нравственный образъ котораго умиляетъ и трогаетъ всѣхъ еще не потерявшихъ способности преклоняться предъ истинно-прекраснымъ, благовѣть предъ истинно-великимъ. Почившій Царь нашъ жилъ и дѣйствовалъ какъ бы во свидѣтельство о высокомъ достоинствѣ человѣка, о высокомъ призваніи его на землѣ,—и вотъ это-то почувствовали во всемъ мірѣ. Почувствовали, что съ почившимъ Царемъ нашимъ уходитъ изъ міра *ве-*

ликая нравственная сила, животворившая, ободрявшая, пробуждавшая отъ моральнаго усыпленія не только свою страну, но и всѣ народы, соединившіеся теперь въ печали по Немъ. У Его гроба смолкла вражда, утихли политическія страсти, и наши друзья, и наши враги одинаково скорбятъ о потерѣ Царя. Сильнѣе всего эта скорбь выражается во Франціи—и тамъ это не только скорбь о потерѣ могущественнаго Покровителя, это скорбь и о человѣкѣ, о той великой нравственной силѣ, которая уходитъ изъ міра.

Отзывы иностранной печати о покойномъ Государѣ свидѣтельствуютъ еще, что недавнее отношеніе Европы къ Россіи очень измѣнилось. Отношеніе къ намъ Европы въ продолженіе всей нашей новой исторіи, до конца царствованія императора Николая Павловича, было одно и то же: насъ боялись, боялись нашей огромной матеріальной силы, которая представлялась Европѣ, какъ сила стихійная. Теперь Европа почувствовала нашу нравственную силу, нашу культурную мощь,—и этимъ мы обязаны почившему Царю нашему.

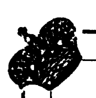
Всматриваясь въ образъ почившаго Монарха, Европа вѣрно угадала, что наша нравственная сила въ духѣ народа нашего, что наша культурная мощь—въ созидаемой этимъ духомъ народнымъ своеобразной русской культурѣ. Въ образѣ покойнаго Государя для Европы какъ бы отразился весь духовный складъ Русскаго на-



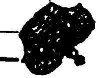
рода. Европа твердитъ, особенно настаивая на этомъ, что Онъ былъ русскій человѣкъ отъ головы до ногъ. Въ заслугу Ему ставятъ именно то, что, по сознанію самихъ лучшихъ европейскихъ людей, уже совершенно расшатано въ Европѣ и мало тамъ цѣнится: Его религіозность, преданность Церкви, Его кротость, Его семейныя добродѣтели, Его царственную мудрость. «Теперь, когда въ модѣ фальшивый космополитизмъ», пишетъ одинъ французскій авторъ, — «Александръ III былъ русскимъ — духомъ и тѣломъ». Другая французская газета говоритъ, что въ Европѣ нѣтъ уже такихъ людей какъ почившій Государь, что они тамъ невозможны: «въ Европѣ все продажно, все шатко. Тамъ главный девизъ: beati possidentes, Александръ III возгласилъ другой, христіанскій, принципъ: beati pacifici». Тамъ же читаемъ, что Александръ III «составлялъ противоположность современному традиціонно-вульгарному идеалу». Во Франціи восхищаются тѣмъ, что «Александръ III былъ истиннымъ Самодержцемъ. Со своими задумчивыми очами, со своими широкими плечами, съ атлетическимъ ростомъ, Онъ являлся какъ бы символомъ власти.»

Итакъ, Европа видитъ Его силу въ томъ, что Онъ былъ истинный Самодержецъ, національный Государь. Вотъ многознаменательныя строки, которыя мы читаемъ въ одной изъ самыхъ вліятельныхъ вѣнскихъ газетъ:

«Александръ III отказался отъ плановъ, со-



зрѣвшихъ въ концѣ предшествующаго царствованія, и выразилъ Свою непреклонную волю утвердить неограниченную и единодержавную Царскую власть. Онъ возымѣлъ желаніе исправить найденный Имъ порядокъ вещей, очистить и преобразовать его силой Своего единовластія; Онъ пожелалъ установить порядокъ въ управленіи и строгую честность во всѣхъ частяхъ его. Основой государства, объ укрѣпленіи котораго заботился Государь, долженъ былъ стать русскій духъ, духъ преданности Православной Церкви, безусловнаго подчиненія волѣ Царя и охраненія національныхъ особенностей Русскаго государства. Если, при Его предшественникахъ, главнѣйшія преобразованія совершались при содѣйствіи чужестранцевъ, въ особенности нѣмцевъ, и если это прежде считалось естественнымъ слѣдствіемъ развитія, то отнынѣ все чужое должно было отступить на задній планъ, и на первое мѣсто должно было стать все настоящее русское. Въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ ранѣе преобладали разнородныя національности, все русское получило преимущественное положеніе, ради созданія цѣлостности государства и установленія въ немъ единства вѣры, языка и нравовъ. Какъ бы въ Европѣ ни думали объ этомъ направленіи, выразителемъ котораго сталъ Самъ Вѣнценосецъ, несомнѣнно одно, что удержаніемъ этого направленія покойный Государь пріобрѣлъ величайшую популярность среди Своего народа. Александръ III былъ національный



Великій князь Александръ Александровичъ въ 1864 году

зрѣвшихъ въ к[illegible] предш[illegible]
ванія, и [illegible] Свою н[illegible]
утвердить [illegible]ченную [illegible]
Царскую [illegible] возымѣ[illegible]
[illegible]
[illegible] й Сво[illegible]
[illegible]
[illegible] долженъ
[illegible]данности [illegible]
[illegible]дчиненія [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
ж[illegible]
и [illegible] должно [illegible]
ст[illegible]. Въ тѣхъ ж[illegible]
р[illegible]дали разнородн[illegible]
все [illegible]чило пр[illegible]
женіе, [illegible] цѣло[illegible]
установ[illegible]мъ единства [illegible]
нравовъ. [illegible] Европѣ [illegible]
этомъ най[illegible]
Самъ Вѣнценос[illegible]
[illegible]ніемъ этого на[illegible]
[illegible] величайшую попу[illegible]
ег[illegible]. Александръ III [illegible]

Великій князь Александръ Александровичъ въ 1864 году.

Государь и Себя Самого во всѣхъ отношеніяхъ сознавалъ Русскимъ. Къ чему императрица Екатерина II только стремилась, то Александръ III дѣйствительно осуществилъ и былъ первымъ Монархомъ, который, послѣ прорубленнаго Петромъ окна въ Европу, противопоставилъ потоку западно-европейской культуры національно-русскія стремленія и идеалы. Въ предшествовавшія послѣднему царствованію два столѣтія Россія многому научилась отъ Европы; всѣ открытія и успѣхи въ области искусствъ и наукъ были пересажены на русскую почву, и Русскій народъ проявилъ чрезвычайную способность воспринимать въ себя всѣ эти плоды съ тѣмъ, чтобы самому мощно и самостоятельно участвовать въ дальнѣйшемъ развитіи Европы. Но настало время, когда Россія сознала потребность вернуться на путь самобытнаго и широкаго національнаго развитія, создавая изъ себя одно цѣлостное государство. Содѣйствуя этой послѣдней цѣли, Императоръ Александръ III сталъ оплотомъ мира извнѣ и охранителемъ древне-русскаго собирательнаго идеала внутри».

Вотъ въ чемъ Европейцы видятъ силу Россіи: въ единеніи Самодержца съ народомъ Своимъ въ лонѣ Церкви Православной, въ возвращеніи на путь историческаго преданія, на путь національнаго развитія.

Въ Александрѣ III, какъ въ человѣкѣ и Государѣ, Европа увидала великое откровеніе русскаго народнаго духа и, изумленная, старается

постигнуть смыслъ этого откровенія. Она видитъ предъ собою явленіе колоссальное, какъ бы всю Россію сосредоточенную въ одномъ лицѣ, но угадываетъ лишь нѣкоторыя черты этого явленія духа, а не самую глубокую сущность его. Европа говоритъ: Онъ былъ религіозенъ, кротокъ, Онъ былъ миролюбецъ и миротворецъ, Онъ былъ честенъ, справедливъ, снисходителенъ и твердъ. Все это видитъ Европа, передъ всѣми этими качествами покойнаго Царя она преклоняется, всѣми этими качествами Своими Онъ смягчилъ самыя закоренѣлыя сердца, просвѣтилъ проблескомъ истины омраченные умы. Но Европа не видитъ, въ чемъ гармонія этихъ Его качествъ, къ какому центру они сводятся, что въ Немъ придаетъ общечеловѣческимъ добродѣтелямъ особый оттѣнокъ, особый, глубокій смыслъ.

Надняхъ, говоря о Немъ, мы сказали: разгадка Его личности и Его дѣятельности въ одномъ словѣ: Онъ былъ *христіанинъ*, Онъ былъ *православный христіанинъ*. Онъ весь былъ проникнутъ тою особою по своему характеру религіозностію, которою проникнутъ и народъ Его. Вотъ то духовное начало, приведшее въ гармонію всѣ общечеловѣческія добродѣтели, которыя Онъ получилъ отъ природы. Вмѣстѣ съ народомъ Своимъ Онъ вѣровалъ, что центръ тяжести жизни не здѣсь на землѣ, а тамъ, въ жизни новой, безконечной. Вотъ почему все, что Онъ дѣлалъ, Онъ дѣлалъ для той, для будущей жизни. Отсюда Его величавое спокойствіе, Его увѣрен-

ность и спокойная твердость: Онъ зналъ, что дѣлаетъ не Свое дѣло, а Божіе. И Онъ положилъ жизнь Свою за народъ, данный Ему Богомъ, спасая Свою душу. Онъ, смиренный сердцемъ, не радовался власти, а принялъ ее, Свою Самодержавную Власть, какъ тяжкій крестъ, который Провидѣніе предназначило Ему нести. Онъ выразилъ это въ Манифестѣ о вступленіи Своемъ на престолъ. Онъ сказалъ всему народу Своему, что принимаетъ Царскую власть, какъ бремя и какъ подвигъ, къ которому призываетъ Его Провидѣніе. И Онъ несъ этотъ крестъ до конца, пока не изнемогъ подъ его тяжестью. Онъ былъ православный христіанинъ, истинный сынъ Церкви—и въ этомъ Его сила, въ этомъ обаяніе и гармоничность Его нравственнаго образа, которому приносятъ дань удивленія, благоговѣйнаго уваженія и любви всѣ народы.

Великая нравственная сила ушла изъ міра— вотъ общее впечатлѣніе, произведенное кончиной Императора Александра III.

Впечатлѣніе кончины Государя Императора.

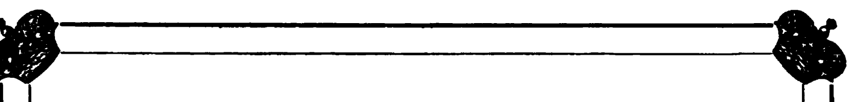
Франція.

Съ каждымъ днемъ выраженія симпатій къ Россіи и печали по почившемъ Государѣ принимаютъ все болѣе грандіозный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сердечный характеръ. Можно подумать, что Александръ III былъ какъ бы королемъ Франціи, до такой степени вся страна потрясена вѣстію объ Его кончинѣ. Не имѣя возможности передать всѣ проявленія народныхъ чувствъ, приведемъ здѣсь лишь нѣсколько фактовъ.

Французскій Институтъ послалъ въ Ливадію телеграмму, за подписью президента Леви и четырехъ секретарей (въ числѣ послѣднихъ находится и извѣстный ученый и писатель Жюль Симонъ).

Отъ имени общества французскихъ художниковъ такую же телеграмму послалъ знаменитый художникъ г. Бонна.

Ассоціація парижскихъ студентовъ отправила одну телеграмму вдовствующей Императрицѣ, другую — студентамъ Петербургскаго университета. Кромѣ того, парижскіе студенты рѣшили послать вѣнокъ на гробъ почившаго Государя.



Другіе университеты поступаютъ также. Интересна рѣчь профессора Целлера, предсѣдавшаго на торжественномъ собраніи всѣхъ факультетовъ Гренобльскаго университета.

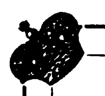
«Горе Россіи есть также и наше національное горе»,—такъ началъ свою рѣчь г. Целлеръ. Затѣмъ ораторъ выяснилъ заслуги почившаго Монарха предъ Россіей, Франціей и всѣмъ міромъ, закончивъ выраженіями глубокаго горя и признательности «къ памяти Царя Александра III». Всѣ профессора и студенты единодушно рѣшили послать телеграммы Петербургскому и Московскому университетамъ съ выраженіемъ соболѣзнованія.

Меръ города Парижа, г. Шампудри, послалъ вдовствующей Императрицѣ телеграмму, въ которой обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста:

«Воспоминаніе о Царѣ Александрѣ III останется неизгладимо въ нашей памяти... Столица Франціи проситъ Ваше Величество соизволить принять почтительныя выраженія ея горести».

Эта телеграмма обращаетъ особое вниманіе потому, что, какъ извѣстно, большинство въ Парижскомъ муниципалитетѣ составляютъ крайніе радикалы и соціалисты...

Въ Нанси образовался комитетъ для устройства памятника въ память посѣщенія этого города покойнымъ Карно и Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Комитетъ прислалъ русскому послу письмо, составленное въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ.

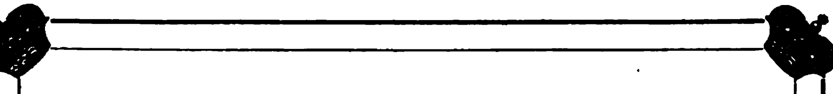


Нѣтъ возможности перечислить всѣ изъявленія симпатій. Вся Франція въ траурѣ, столь же глубокомъ, какъ и послѣ смерти Карно. Города общественныя и частныя учрежденія, общества пѣвческія, гимнастическія, студенческія, литературныя и т. д., и т. д., шлютъ безконечный рядъ телеграммъ и роскошные вѣнки, устраиваемые по подпискѣ, въ которой участвуютъ милліоны Французовъ всякаго званія и состоянія.

Газеты, по-прежнему, заняты почти исключительно кончиной Александра III.

Приводя слова Государевой молитвы, произносимой при восшествіи на престолъ, République Française отмѣчаетъ, что Царь проситъ у Бога болѣе всего—правды, мудрости и благости. «Царь есть Отецъ своего народа; въ глазахъ народа Онъ есть символъ Провидѣнія».

Далѣе газета приводитъ разсказъ Армана Сильвестра, присутствовавшаго на празднествахъ при коронованіи Александра III. Вниманіе г. Сильвестра обратила на себя одна бѣдная старушка, пришедшая съ Кавказа пѣшкомъ, чтобы посмотрѣть на Царя. Весь этотъ путь она совершила, сбирая милостыню, съ котомкой за плечами. «Стоя на колѣняхъ на землѣ, держа посохъ въ скрещенныхъ рукахъ, она устремила свои взоры впередъ. Морщинистое лицо землистаго цвѣта было преображено энтузіазмомъ. Ея уста шептали молитву, а взоры поднимались къ небу. Въ этомъ взглядѣ было выраженіе неземное, въ одно и то же время и ясное, и скорбное. Эта ста-



рушка какъ бы умерла, отрѣшилась отъ реальной жизни и жила лишь въ экстазѣ.

Общій тонъ другихъ газетъ такой же. Всѣ сознаютъ, что Русскій народъ смотритъ на своего Царя, какъ на представителя на землѣ Высшей Правды, и что сами Цари смотрятъ на свое служеніе точно такъ же. Французовъ одновремеино и поражаетъ, и восторгаетъ такое отношеніе государей и народа. Что же касается покойнаго Царя, то замѣчательно, что даже соціалисты и революціонеры отзываются о Немъ съ почтеніемъ и уваженіемъ.

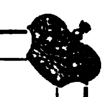
Италія.

Депутатъ Пандольфи отъ имени «Комитета Мира» послалъ президентамъ интерпарламентарнаго и международнаго бюро мира слѣдующія телеграммы:

«Предлагаю нашимъ бюро немедленно открыть подписку для возложенія вѣнка на могилу искреннѣйшаго и могущественнѣйшаго Защитника мира, Царя Александра III».

Военныя и морскія власти получили приказъ носить трауръ.

Офиціозная Italie выражаетъ скорбь о Почившемъ Царѣ и отмѣчаетъ, что Его любила не только Россія, но и Европа. Всѣ любили Его за то, что Онъ дѣйствительно искренно желалъ мира. Важно при этомъ слѣдующее:



«Любить миръ, не имѣя возможности воевать и даже боясь войны, не заслуга».

Другое дѣло — употреблять всѣ способы для сохраненія мира, имѣя не только интересъ, но и полную возможность его нарушить, будучи Самодержцемъ болѣе чѣмъ стомилліоннаго народа и располагая храброю арміей въ нѣсколько милліоновъ солдатъ, готовыхъ выступить въ бой по одному мановенію. Это есть геройство, заслуживающее безсмертныхъ лавровъ.

Газета отмѣчаетъ, что за время Его краткаго царствованія было множество поводовъ для начатія войны, которая залила бы кровью всю Европу, Но Онъ не пожелалъ этого,—и войны не было.

Отмѣчая все, что Александръ III сдѣлалъ для Россіи и Европы, газета, послѣ выраженій горячаго сочувствія горю Россіи, заканчиваетъ статью такъ:

«Не теперь, а много позднѣе Европа пойметъ, какую утрату она понесла въ лицѣ Александра III».

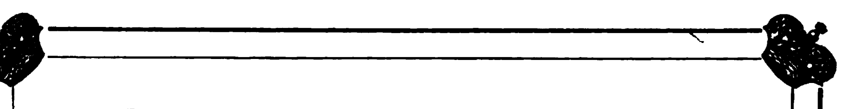
Данія.

Въ только что полученномъ нумерѣ газеты «Dannebrog» читаемъ:

«Ровно годъ тому назадъ, 6 (18) октября 1893 года, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III въ послѣдній разъ простился съ Даніей.

«Къ полудню, въ день отъѣзда, у военной пристани собрался весь оффиціальный міръ Копенгагена и вмѣстѣ съ нимъ стотысячная толпа изъ всѣхъ слоевъ столичнаго населенія, желавшаго проводить дорогого Царя—Гостя и Друга. Небо было пасмурное; отъ времени до времени шелъ дождь. Въ часъ пополудни прибылъ Царскій кортежъ, не смотря на дурную погоду, которая въ то время разразилась настоящимъ ливнемъ. Государь Императоръ, одѣтый въ сѣрую военную шинель, вышелъ изъ королевской палатки, чтобы милостиво удостоить царскимъ рукопожатіемъ каждаго изъ всѣхъ знакомыхъ Ему лицъ. Каждое рукопожатіе сопровождалось ласковымъ взглядомъ глубокихъ, выразительныхъ и нѣжныхъ глазъ Его, взглядомъ, котораго до конца жизни не забудетъ ни одинъ изъ тѣхъ, кого озарили свѣтомъ эти чудные, теперь вѣчнымъ сномъ сомкнутые, глаза. На нижней ступенькѣ лѣстницы Государь, тронутый до слезъ, обнимаетъ короля, Наслѣдную Чету и Дѣтей Ихъ. Вотъ, отчаливаетъ паровая шлюпка при громѣ орудій морскихъ баттарей и стоявшихъ на рейдѣ датскихъ и французскихъ броненосцевъ. Громче огненныхъ языковъ пушекъ гудятъ изъ многотысячной толпы прощальные клики *ура*, а съ *Полярной Звѣзды*, сквозь дождь и туманъ, тихо доносятся звуки русскаго гимна.

«А все же это не было окончательнымъ прощаніемъ.



«Царю не хотѣлось оставить берега любимой Имъ Даніи. Онъ повелѣлъ немного повременить отъѣздомъ и, къ заходу солнца, когда уже прояснилось небо и стали проглядывать звѣзды, Государь Императоръ со всею Своею Державною Семьей снова вышелъ на берегъ и, къ радости Своихъ Королевскихъ Родственниковъ, неожиданно прибылъ во дворецъ Амаліенборгъ.

«Всѣ окна во дворцѣ вдругъ освѣтились. Проходившимъ мимо черезъ площадь слышны были праздничные звуки музыки. Тамъ, внутри дворца, въ семейномъ кружкѣ, среди ближайшихъ приближенныхъ, за обѣдомъ бесѣдовала вся Царская и Королевская Семья. Всѣмъ Имъ Богъ далъ собраться еще разъ, на этотъ разъ, увы,— послѣдній. Поздно уже, въ $10^1/_2$ часовъ, всѣ присутствовавшіе за королевскимъ обѣдомъ, всѣ до послѣдняго, проводили до пристани Царскую Семью. На слѣдующее утро, когда снялась съ якоря *Полярная Звѣзда*, солнце еще разъ освѣтило для Русскаго Государя знакомые и дорогіе Ему датскіе берега. Еще разъ озарилъ Онъ лучезарнымъ Своимъ взглядомъ уходящія очертанія любимой Имъ страны — послѣднимъ прощальнымъ взглядомъ».

Заботы Александра III объ оборонѣ Россіи.

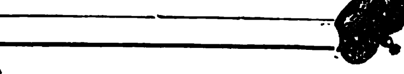
Въ великую эпоху на-дняхъ только ставшаго минувшимъ царствованія всѣ государства Европы, не жалѣя никакихъ жертвъ, съ лихорадочною поспѣшностію стремились къ возможному увеличенію своихъ вооруженныхъ силъ, боясь отстать въ чемъ-либо отъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи принимались все новыя и новыя мѣры, и мы почти ежедневно слышали о формированіи повсюду новыхъ войсковыхъ частей, о постройкѣ крѣпостей, о сооруженіи стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, о новомъ вооруженіи войскъ, и пр., и пр., и о неизбѣжныхъ слѣдствіяхъ этихъ реформъ—объ ассигнованіяхъ новыхъ кредитовъ подъ разными названіями, ложившихся тяжелымъ бременемъ на матеріальное благосостояніе государствъ.

Быстрое и систематическое усиленіе нашихъ сосѣдей въ военномъ отношеніи и необходимость поддержанія международнаго значенія Россіи ни на минуту не упускались изъ виду покойнымъ Государемъ. По его указаніямъ произведенъ цѣлый рядъ реформъ въ вооруженныхъ силахъ Имперіи, и въ этомъ отношеніи Его царствованіе является замѣчательнѣйшимъ въ исторіи

Россіи. Военныя реформы минувшаго царствованія поражаютъ полнотой и стройностью программы послѣдовательностью и благовременностью ея осуществленія. Успѣха, равнаго достигнутому Росскою арміей не можетъ отмѣтить никакая другая: безъ шума, безъ ломки, безъ напряженія производительныхъ силъ страны, идя по предначертанному Державнымъ Вождемъ пути, русская армія вполнѣ обновилась и окрѣпла во всѣхъ отрасляхъ своей боевой готовности.

«Отечеству Нашему»,—писалъ почившій нынѣ Государь въ Своемъ Рескриптѣ исполнителю Своихъ предначертаній по военной части, Военному министру П. С. Ванновскому, 22 іюля 1890 года, по случаю 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ,—«Отечеству Нашему несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои, Я уповаю, съ Божьею помощью, еще надолго продлить для Россіи, вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями».

Эти Высочайшія слова составляютъ сущность



программы, которой неуклонно слѣдовалъ Покойный Государь въ дѣлѣ развитія вооруженныхъ силъ нашего Отечества,—и въ настоящее время Россія можетъ со спокойнымъ сознаніемъ своего могущества оглянуться на свои военныя силы и на благой успѣхъ въ ихъ развитіи.

Еще въ царствованіе императора Александра II почти всѣ отрасли военнаго дѣла подверглись у насъ кореннымъ реформамъ, и наша армія, пересозданная на новыхъ началахъ, съ честью выдержала боевое испытаніе 1877—78 годовъ. Но побѣдоносная война эта обнаружила также и крупные недостатки по военной части, — недостатки, главнымъ образомъ, организаціоннаго характера. Было ясно и прежде, а послѣ этой войны стало еще яснѣе, что въ будущемъ Россія должна считаться съ вооруженными силами цѣлой коалиціи сосѣдей, почему наша армія должна быть поставлена въ возможность, въ случаѣ тревоги, безъ особыхъ импровизацій значительно увеличивать свою численность до размѣровъ, способныхъ въ достаточной степени обезпечить интересы Россіи. А между тѣмъ запасъ обученныхъ нижнихъ чиновъ былъ ничтожный и далеко не обезпечивалъ могущей явиться потребности; запаса офицеровъ не было вовсе; вооруженіе арміи заставляло желать весьма многаго; часть пороха, во время войны, приходилось выписывать изъ-за границы, дабы не истощить своихъ запасовъ, а слабое развитіе желѣзнодорожной сѣти въ значительной степени

замедляло мобилизацію и сосредоточеніе арміи. Наконецъ, наша западная граница была почти открытою для сосѣдей, употреблявшихъ до тѣхъ поръ всѣ средства, чтобъ усыпить нашу бдительность въ этомъ направленіи: выяснилась крайняя необходимость привести въ полный боевой порядокъ существованія и построить новыя крѣпости и укрѣпленные пункты, помощію коихъ можно было бы задержать наступающихъ враговъ до сосредоточенія арміи.

Все это не могло, конечно, укрыться отъ Императора Александра II, осуществившаго великія военныя реформы, но для восполненія замѣченныхъ недостатковъ по военной части недоставало времени, а главное—нужны были значительныя денежныя средства, при бюджетѣ, подавленномъ крупными хроническими дефицитами. Вотъ почему въ 1881 году многія потребности арміи оставались неудовлетворенными, и наша армія далеко не была готова къ борьбѣ противъ возможной коалиціи западныхъ сосѣдей.

Такимъ образомъ, ставшему на стражѣ интересовъ Россіи императору Александру III предстояло исполнить громадную и трудную работу,— трудную тѣмъ болѣе, что, въ общегосударственныхъ интересахъ, требовалось соблюдать возможно большую экономію. «Но сколь ни была трудна задача, поставленная почившимъ Государемъ, программа была блестяще выполнена, не потребовавъ отъ страны ничего подобнаго тѣмъ

тягостямъ, какими вооруженія легли на населенія въ другихъ государствахъ.

Въ настоящее время всѣ полевыя дѣйствующія войска наши, сведенныя въ однообразные по своему составу корпуса, организованы и расквартированы такимъ образомъ, что уже въ мирное время входятъ большею частію въ составъ пограничныхъ военныхъ округовъ, управленія коихъ приспособлены къ тому, чтобы съ объявленіемъ мобилизаціи немедленно же превратиться въ готовыя дѣйствующія арміи. Опираясь на цѣлый рядъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, большею частію возведенныхъ вновь, эти арміи способны, по тревогѣ, къ немедленнымъ активнымъ дѣйствіямъ; а замѣчательно развитая стратегическая желѣзнодорожная сѣть даетъ возможность съ чрезвычайною быстротой сосредоточить мобилизованныя войска изъ внутреннихъ губерній на театръ военныхъ дѣйствій. Въ мобилизаціонномъ отношеніи принятъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ мѣръ, благодаря которымъ переходъ нашей арміи изъ мирнаго на военное положеніе и сосредоточеніе на угрожаемой границѣ, не взирая на обширность нашей территоріи по сравненію съ пограничными государствами, могутъ быть сдѣланы почти съ одинаковою быстротой, какъ и у нашихъ западныхъ сосѣдей.

Съ другой стороны, принятъ цѣлый рядъ мѣръ къ значительному увеличенію числа чиновъ запаса и къ улучшенію ихъ качественнаго состава; для сего производятся ежегодные учебные сборы, а

для обезпеченія быстрой мобилизаціи этихъ чиновъ установлены новыя правила для ихъ учета и призыва. Въ видахъ еще большаго усиленія арміи, въ случаѣ надобности, производятся учебные сборы ратникамъ ополченія. Затѣмъ, въ организаціи войскъ сдѣланы важныя преобразованія, имѣвшія главною цѣлью сокращеніе числа нестроевыхъ чиновъ и усиленіе, взамѣнъ ихъ, боевого элемента. Комплектованіе арміи офицерами и унтеръ-офицерами, ихъ чинопроизводство и матеріальное положеніе поставлены на прочную почву. Для обученія войскъ даны новыя указанія, изданы новые уставы и инструкціи по всѣмъ отраслямъ обученія. Далѣе, армія наша заканчиваетъ свое перевооруженіе съ половинными затратами противъ сосѣдей; введена мортирная полевая артиллерія; вся регулярная конница обращена въ драгунъ, соотвѣтственно боевымъ требованіямъ. Интендантская, военно-врачебная и военно-судная части сильно двинуты впередъ и поставлены въ уровень современныхъ требованій, и пр., и пр.

Трудно и невозможно перечислить въ газетной статьѣ все сдѣланное покойнымъ Гусударемъ для развитія вооруженныхъ силъ Россіи, такъ какъ пришлось бы касаться даже деталей, изъ которыхъ многія сами по себѣ имѣютъ существенное значеніе. Скажемъ только, что въ настоящее время Россія въ военномъ отношеніи находится въ такомъ состояніи, что въ часъ тревоги наша армія, мобилизованная и сосредото-

ченная на границѣ, представитъ собой грозную силу, которая даже въ численномъ отношеніи имѣетъ полную возможность соперничать съ арміями коалиціи нашихъ сосѣдей вмѣстѣ взятыхъ.

То же самое, если еще не большее пришлось бы сказать и о флотѣ, созданномъ, можно сказать, почти заново. Въ минувшее царствованіе почти ежегодно русское общество съ радостію узнавало о появленіи новыхъ военныхъ судовъ, построенныхъ большею частію въ Россіи, изъ русскихъ матеріаловъ и русскими рабочими. Помимо того, состоялась коренная реформа всѣхъ положеній, касающихся личнаго состава нашего флота. Вновь возродился нашъ доблестный Черноморскій флотъ, погибшій въ Крымскую кампанію,—и возродился въ такомъ видѣ и въ такой силѣ, какихъ тутъ прежде никогда еще не бывало

Долгій, великій и неусыпный трудъ потребовался для всей этой многосложной работы, зато результаты ея даютъ возможность со спокойною совѣстію сказать, что Россія вступаетъ въ новое царствованіе съ отлично организованною арміей, способною дать надлежащій отпоръ врагамъ, еслибы встрѣтилась надобность,—и ни армія, ни флотъ, ни весь Русскій народъ никогда не забудутъ этихъ великихъ трудовъ Усопшаго Самодержца для прочнаго обезпеченія государственной обороны Россіи и ея могущества,—трудовъ, столь высоко поднявшихъ вѣсъ русскаго голоса въ международныхъ вопросахъ.

20 Октября.

Онъ умеръ. Нѣтъ Его ужъ болѣ,
Намъ не вернуть Его опять,
Какъ видно, было въ Божьей волѣ—
У насъ Защитника отнять.

Прости, нашъ Царь, прости на вѣки,
Ты былъ Отцомъ, Ты насъ любилъ,
Но смерть Твои сможила вѣки,
И тихимъ сномъ Ты опочилъ.

А. К., 1-й Московской женской гимназіи воспитанница IV класса.

Носитель идеала.

Въ царствованіи Александра III, Россіи и всему современному міру дано было пережить историческій моментъ, всю важность котораго многіе еще и не сознаютъ. Императоръ Александръ III не былъ только выразителемъ идеи. Онъ былъ истинный подвижникъ, *носитель идеала.* Тяжкій крестъ всегда бываетъ удѣломъ такихъ людей, являющихся лишь въ минуты, когда ослабѣвающее человѣчество нуждается въ особой помощи Провидѣнія. Ихъ миссія — не просто *сказать* то, что уже не могутъ понять люди, но *показать*, воплотить въ своей личности то, что люди еще способны почувствовать, и этимъ путемъ возродить ихъ способность понять утраченную истину.

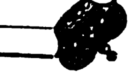
Такіе носители идеала рѣдки въ исторіи, но, появляясь въ мірѣ, они становятся путеводнымъ маякомъ на цѣлые вѣка.

Никто не понялъ Императора когда онъ явился. Теперь, по кончинѣ Его, можно лишь съ грустью о ничтожествѣ человѣческомъ вспоминать какъ Его встрѣтили, какъ тогда судили о Немъ. Съ тупымъ упорствомъ непониманія встрѣчаютъ каждаго носителя идеала, но Онъ своими дѣяніями и обаяніемъ своей личности принудилъ

признать себя. Онъ началъ свое служеніе съ работы надъ самимъ собой и выдержалъ самый тяжкій искусъ: побѣдилъ въ Себѣ все, что могло бы мѣшать Его исторической миссіи. Пришлось затѣмъ признать въ Немъ неутомимое трудолюбіе, мужество, хладнокровіе, независимость. Пришлось признать въ Немъ мудраго правителя. Всѣ трудности, какія можно представить, становились на Его царственномъ пути, какъ будто нарочно для того, чтобы со всѣхъ сторонъ освѣтить Его. Смута, измѣна, разстройство государственной казны, голодъ, моръ, опасности казалось неминуемой войны,—все одно за другимъ поперемѣнно вставало предъ .Нимъ. Все побѣждалъ Онъ, все умиротворилъ, благоустроилъ, нашелъ средства борьбы и съ голодомъ, и съ эпидеміей, не допустилъ войны, и сдѣлалъ изъ тринадцати лѣтъ Своего царствованія эпоху неслыханнаго благоденствія, тишины, довольства и славы.

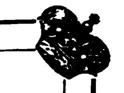
Въ послѣдніе годы своей недолгой жизни Онъ уже побѣдилъ все и всѣхъ. Весь міръ призналъ Его величайшимъ Монархомъ своего времени. Всѣ народы съ довѣріемъ смотрѣли на гегемонію, которая столь очевидно принадлежала Ему по праву, что не возбуждала ни въ комъ даже зависти.

Въ этомъ величавомъ образѣ, который столь неожиданно выросъ передъ міромъ, Россія почувствовала нѣчто идеальное и вмѣстѣ родное, близкое сердцу. На Него смотрѣли съ любовью,



и все, что замѣчали въ Немъ было такъ свѣтло, такъ отрадно. Какъ Супругъ, какъ Отецъ, какъ Патріархъ своего Царственнаго рода, во всемъ являлся Онъ высокимъ примѣромъ. Его твердость была такова, что исчезала даже мысль о сопротивленіи Ему. Но и доброта Его стала славною по всему міру. Прощеніе личныхъ обидъ доходило у Него до такой христіанской высоты, которая была бы удивительна даже у подвижника спасающагося въ пустынѣ. Его правдивость поражала въ нашъ изолгавшійся вѣкъ. Никогда еще, даже и при такомъ царѣ-работникѣ какъ Петръ Великій, не слыхали мы о столь самоотверженномъ истощеніи всѣхъ силъ Царя на государственное служеніе. Почти четырнадцать лѣтъ Онъ посвящалъ сну не болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Его хладнокровное пренебреженіе опасностей не разъ приводила въ страхъ окружающихъ. «Пока я нуженъ Россіи, до тѣхъ поръ не умру», говорилъ Онъ съ глубокою вѣрой въ Промыслъ Божій. Жилъ Онъ— для Россіи. Онъ весь былъ въ Своемъ долгѣ.

И среди этихъ великихъ трудовъ Онъ не былъ ни суровъ, ни мраченъ. Въ рѣдкія минуты отдыха Онъ любилъ добродушно пошутить, посмѣяться добрымъ смѣхомъ. Не по вкусу Его были шумныя забавы. Онъ отдыхалъ тихими радостями семейной жизни. Его обожали дѣти, толпой окружавшія Его во Фреденсборгѣ, не знавшія высшей радости какъ веселая игра вокругъ «Дяди Саши». Такъ называла Его молодая толпа



разноплеменныхъ отраслей родственныхъ королевскихъ домовъ. Все было въ Немъ такъ царственно-величаво и такъ человѣчески-прекрасно, чисто и симпатично, что всѣ сердца привязывались къ Нему любовью дѣтей къ Отцу, никогда не теряя чувства почтительнаго страха.

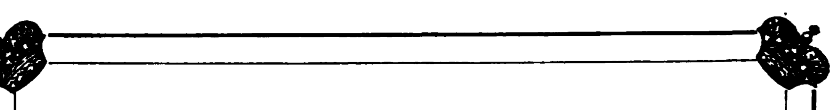
Это были счастливые годы Россіи, но чтобы поняли люди Избранника Божія, предстояло еще тяжкое испытаніе, подвигъ смерти, раскрывающей смыслъ жизни.

И вотъ сразу, неожиданно, нестерпимо больно оборвались годы счастья. Не Богатырь, ломающій подковы, явился уже предъ взорами, а человѣкъ больной, ежедневно слабѣющій, едва двигающійся. Смерть подходила къ Нему шагъ за шагомъ. И тутъ только поняли мы какъ дорогъ Онъ намъ, тутъ только сознали, что живемъ Имъ. Чувствовалось какъ будто солнце потухаетъ въ мірѣ. Быть можетъ, никогда еще ни о комъ такъ не молилась Россія, — и слышалось во всенародной молитвѣ прошеніе, что ужъ если нужно наказать насъ, то пусть лучше Богъ пошлетъ другія бѣдствія, только *не это*. Въ эти томительные дни сознaлось въ сердцѣ русскомъ все Имъ созданное.

А Царственный Страдалецъ тихо догоралъ, прикованный къ ложу смерти. Но въ Его слабѣющемъ тѣлѣ все ярче сіяло величіе Его безсмертнаго духа. Онъ умиралъ безтрепетно, безъ жалобы, все время думая лишь о близкихъ сердцу и о Своемъ Царскомъ служеніи. А когда

останавливалъ Онъ мысль на *Себѣ*, это была мысль о душѣ Своей и о Богѣ, предъ Котораго Онъ готовился предстать. До неузнаваемости истощенный, съ больными, отекшими ногами, Онъ подымался на молитву, Онъ преклонялъ колѣни и молился такъ пламенно, какъ молятся пустынные подвижники, со слезами сердечнаго умиленія, съ вѣрой, доступною лишь такому чистому сердцу.

Воистинну, Благочестивѣйшій Государь умиралъ предъ нами кончиной праведника, безъ страха или унынія. Онъ самъ объявилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти. Этотъ день, 20 октября, былъ единственнымъ днемъ царствованія, когда Государь уже не работалъ для страны Своей. Еще наканунѣ Онъ давалъ Свои рѣшенія на вопросы правленія, и на бумагахъ 19-го октября потомство увидитъ сдѣланныя Его рукой помѣтки: «Читалъ». 20 числа Государь объявилъ о предстоящей кончинѣ Своей. Онъ успокоивалъ Свою плачущую Супругу: «Будь покойна. Я совершенно спокоенъ», —говорилъ Онъ. Немногимъ посылается такая кончина. Никакіе предсмертные ужасы не смущали Его. Еще разъ Государь пріобщился Св. Таинъ. Онъ помолился съ отцомъ Іоанномъ, соборовался святымъ елеемъ. Со всѣми простился Онъ, никого не позабылъ. Медленно надвигалась торжественная минута, и Государь, все время въ ясности сознанія, уже созерцалъ оба міра, на рубежѣ которыхъ находился. Вотъ оживился слабѣющій взоръ,



забилось ослабѣвшее сердце... Что увидѣлъ Онъ передъ собой? Только вѣра открываетъ намъ тайну послѣдняго вздоха, и вѣруетъ православная Русь, что свѣтлые ангелы вознесли чистую душу къ Престолу Божію.

Не стало нашего Государя. И тутъ какъ бы пелена спала съ глазъ, и во весь ростъ явился предъ нами величаво-плѣнительный образъ Носителя идеала, созрѣвшій для безсмертія.

Какъ въ картинѣ великаго художника, чѣмъ болѣе всматриваешься, тѣмъ болѣе поучаешься, такъ и въ Немъ еще много лѣтъ и много умовъ будутъ открывать все новыя поученія. Но и теперь уже мы съ ясностью видимъ нѣчто Имъ освѣщенное.

Предоставимъ Монархамъ изучать въ Немъ то, что особенно важно въ ихъ служеніи. Обратимъ вниманіе на то, что особенно важно понять *народамъ*, которые также должны способствовать дѣяніямъ монарховъ своихъ.

Въ какомъ состояніи умовъ засталъ міръ Александръ III?

Все движеніе умовъ современности, весь ходъ политической жизни привели европейскій міръ, и все находящееся подъ вліяніемъ его, къ полному паденію идеи монархіи. Только въ самодержавіи эта идея доразвивается до своей полной высоты, но превратности историческихъ судебъ направили европейскую монархію на дорогу «абсолютизма». Два великіе человѣка положили начало христіанскому государству: Кон-

стантинъ и Карлъ Великій. Но исторія задушила созданіе одного и исказила созданіе другого. Нашему времени суждено было увидѣть *третьяго* Государя, объясняющаго міру идею двухъ первыхъ.

«Какой тяжкій крестъ жизнь моя»,—говоритъ въ легендѣ Карлъ Великій, находясь на вершинѣ власти и славы. Эта идея христіанскаго «подвига» монарха все болѣе падала и замѣнялась идеей простаго абсолютизма, то есть сосредоточенія власти, и, еще хуже — поглощенія государемъ государства, выразившагося въ прискорбно ложной формулѣ: «L'Etat c'est moi». Вмѣсто «подвига», вмѣсто «креста», является le bon plaisir короля. Это искаженіе монархическаго идеала, даннаго христіанствомъ, должно было повести монархію къ неизбѣжному паденію.

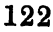
Паденіе идеи было столь полно, что даже забылся смыслъ ея, забылось ея значеніе какъ *вѣчнаго* принципа. Монархія стала разсматриваться какъ форма правленія, свойственная лишь одному періоду развитія націй. Даже тѣ, кто любовались красотой этого принципа въ прошломъ, не могли отдѣлаться отъ ложнаго убѣжденія, будто это уже не для насъ, будто это нѣчто уже «пережитое» и къ современнымъ условіямъ не примѣнимо. Это ложное убѣжденіе стало распространяться даже и у насъ.

Оно придало особый оттѣнокъ всему политическому творчеству такъ называемаго «реформеннаго» періода, когда, начиная дѣлать безусловно

необходимое, мы портили свое дѣло, постоянно подгоняя его къ предполагаемому въ будущемъ ограниченію Самодержавія и подготовленію народа къ предполагаемому въ будущемъ народовластію. Убѣжденіе въ томъ, что идея монархіи есть нѣчто «пережитое», еще больнѣе было видѣть у самихъ монархистовъ, которые при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ боялись допускать всякое сравненіе *своего* принципа съ *чужимъ*. И въ наши дни, сколько проницательныхъ умовъ, любя монархическій принципъ, не могутъ представить его себѣ внѣ непремѣнно «древней», средневѣковой, обстановки и черезъ это портятъ свой свѣтлый идеалъ *будущаго*, стремленіями къ невозможному возврату *назадъ*.

Нужно было появленіе великаго человѣка, чтобы показать истинный смыслъ *вѣчнаго* принципа. Это сдѣлалъ нашъ незабвенный Государь. Онъ показалъ всему міру, что и теперь, безо всякаго возвращенія назадъ, безо всякой «реакціи», безъ какого бы то ни было нарушенія «современныхъ» потребностей,—такъ же какъ и въ старину *возможенъ* Самодержецъ, что и нынѣ, какъ всегда представляетъ онъ высшую форму власти, наиболѣе мудрой, наиболѣе благодѣтельной, и наиболѣе понятной для *сердца* христіанскихъ народовъ.

Мы должны понять всю цѣну этого указанія. Александръ III не только далъ тринадцать лѣтъ благоденствія своему народу. Онъ указалъ не только то, что *мы* имѣемъ наивысшую форму



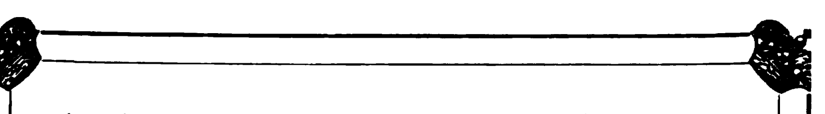
Верховной Власти. Онъ далъ понять нѣчто несравненно большее, и не однимъ намъ, а всему міру.

Дѣло въ томъ, что забвеніе смысла монархіи дѣлаетъ ее невозможною для мятущихся народовъ Европы. А невозможность ея именно нынѣ, именно въ современныхъ условіяхъ, прямо угрожаетъ *разложеніемъ* націй и *паденіемъ* европейской культуры.

Дѣйствительно, если невозможна монархія, если невозможна власть *высшая*, стоящая *внѣ* и *выше* власти народной, то становится неизбѣжнымъ стремленіе къ такому устройству обществъ, при которомъ было бы возможно народоправленіе. Къ этому и направляются повсемѣстно всѣ усилія.

Но народъ, нація, по природнымъ условіямъ, не есть нѣчто однообразное. Это—сложное цѣлое, составленное изъ различныхъ слоевъ, изъ множества группъ. Всѣ они необходимы, все это разнообразіе и разслоеніе неизбѣжны и необходимы для жизни, и чѣмъ выше культура, тѣмъ рѣзче и замкнутѣе они становятся, тѣмъ болѣе способны они вступать между собой въ борьбу. Но и жить порознь они не могутъ. Имъ необходимо національное объединеніе въ чемъ-либо единомъ, ни съ чѣмъ не враждующимъ, ко всѣмъ интересамъ одинаково внимательномъ.

Народоправленіе пробудетъ объединить страну въ парламентахъ. Попытка жалкая, быстро терпящая крушеніе. Вмѣсто единенія, она перенесла въ сосредоточіе власти всю вражду, всю

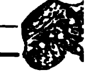


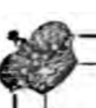
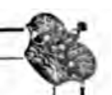
борьбу, какая только есть въ націи, и чѣмъ лучше осуществляется идея представительства, тѣмъ болѣе позорныя рыночныя сцены переносятся въ центръ власти; чѣмъ болѣе интересовъ представленно въ парламентѣ, тѣмъ болѣе разъединенія является въ самой власти, смыслъ которой только въ объединеніи.

Если для паденія идеи монархіи на Западѣ потребовались вѣка, то для паденія идеи представительства достаточно было нѣсколькихъ десятилѣтій. Всѣ пробы были сдѣланы. Единства нѣтъ. И вотъ совершенно неизбѣжно явилась въ міръ мысль уничтожить въ самой націи ту сложность состава, которая даетъ жалкія и позорныя сцены парламентскаго безсилія. Идея *всеуравненія* охватываетъ весь Западъ. Все должно быть одинаково. Такъ гласила сначала либеральная демократія, которая *неизбѣжно* должна была перейти въ демократію соціальную. Все должно стать равнымъ, одинаковымъ безъ различій...

Да, тогда, конечно, наступило бы *единство*. Но тогда наступитъ также и культурная смерть. Опасность эта уже сознается. Но Западъ не видитъ никакого другаго пути, и съ лихорадочною поспѣшностію торопится весь свой «прогрессъ», всѣ свои реформы направить туда гдѣ ждетъ ихъ послѣдній конецъ.

Вотъ среди какой прискорбной работы самоуничтоженія увидѣлъ міръ передъ собою Александра III, а съ Нимъ—и смыслъ осуществленнаго Имъ идеала.



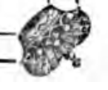



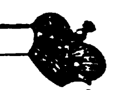
Сколько недоразумѣній падаетъ при одномъ взглядѣ на это великое царствованіе! Какъ много забытыхъ истинъ оно открываетъ. Монархія— не диктатура, не простой «абсолютизмъ». Диктатура есть единоличное исполненіе назрѣвшей народной воли, абсолютизмъ есть ея отрицаніе. Монархія въ своемъ Самодержавномъ идеалѣ можетъ иногда сдѣлать то, что дѣлаетъ диктатура, можетъ, если нужно, выступить и съ отверженіемъ народной воли. Но сама по себѣ, она стоитъ выше, чѣмъ какая бы то ни было народная воля. Монархія есть идея подчиненія интересовъ и желаній высшей *правдѣ*.

Въ монархіи нація ищетъ освященія всѣхъ проявленій своей сложной жизни подчиненіемъ *правдѣ*. Для этого нужна единоличная власть, потому, что только личность имѣетъ *совѣсть*, только личность несетъ *отвѣтъ* передъ Богомъ. Нужна власть *неограниченная*, ибо всякое ограниченіе власти Царя людьми освобождало бы Его отъ отвѣта передъ совѣстью и передъ Богомъ. Окружаемый ограниченіями, Онъ уже подчинился бы *не правдѣ*, а тѣмъ или инымъ интересамъ, той или иной земной силѣ.

Однако, неограниченность и единоличность рѣшенія есть не существо монархіи, а лишь необходимое условіе для того, чтобы всѣ соціальные интересы, всю ихъ вражду и борьбу приводить къ соглашенію предъ одинаковою надъ всѣми властью *правды*.

Вотъ почему носитель идеала и пришелъ въ



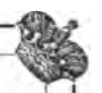


міръ, по высказанному въ послѣдніе дни всѣмъ. міромъ убѣжденію, какъ Царь *правды и мира* Онъ долженъ былъ быть именно таковъ, ибо сущность Монархіи и состоитъ въ *примиряющей силѣ высшей правды.*

Не ломаетъ монархъ соціальнаго строя жизни, не уничтожаетъ онъ никакихъ различій, создаваемыхъ ея разнообразіемъ, не упраздняетъ ни великаго, ни малаго, но все направляетъ такъ, чтобы развитіе всѣхъ слоевъ, всѣхъ группъ, всѣхъ учрежденій ни въ чемъ не нарушало правды. И этимъ онъ даетъ націи то единство, котораго тщетно искали въ «представительствѣ», а нынѣ безумно рѣшаются достигнуть въ самоубійственной уравнительности.

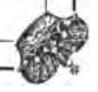
Не уничтожаетъ монархъ никакой самодѣятельности, никакого совѣта, никакой работы мысли народной, не отрицаетъ онъ и народной воли, когда она существуетъ. Онъ *выше* всего этого. Онъ данъ не для уничтоженія всего этого, но для *направленія.* Для него нѣтъ ни мудраго, ни глупаго, ни сильнаго, ни безсильнаго, ни большинства, ни меньшинства. Для него есть только *совѣсть* и *правда.* Онъ долженъ все видѣть, но поддержитъ только то, въ чемъ правда.

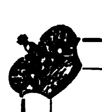
Императоръ Александръ III показалъ, что монархія, въ этомъ истинномъ существѣ своемъ, не есть что-либо переходное, пережитое, совмѣстимое только съ однимъ какимъ-либо фазисомъ развитія культуры, но есть принципъ *вѣчный,* всегда возможный, всегда необходимый, высшій



изъ всѣхъ политическихъ принциповъ. Если этотъ принципъ становится когда-либо для какой-либо націи невозможенъ, то не по состоянію ея культуры, а только по нравственному паденію самой націи. Тамъ, гдѣ люди хотятъ жить *по правдѣ*, имъ необходимо самодержавіе, и оно возможно всегда, при всякой степени культуры.

Будучи властью *правды*, монархія невозможна безъ религіи. Внѣ религіи единоличная власть дастъ только диктатуру или абсолютизмъ, но не монархію. Только какъ орудіе воли Божіей самодержецъ имѣетъ свою единоличную и неограниченную власть. Не для народа только нужна религія въ монархіи. Народъ долженъ вѣровать въ Бога, чтобы желать подчинить себя правдѣ; но гораздо еще больше нужна эта вѣра для самодержца, который въ дѣлѣ власти государственной есть посредникъ между Богомъ и людьми. Неограниченъ ни въ чемъ самодержецъ человѣческою властью или народною волей, но онъ не имѣетъ и *своей* воли, *своего* желанія. Только голосъ *правды* Божіей слушаетъ онъ въ совѣсти своей. Его самодержавіе не есть привилегія, не есть простое «сосредоточеніе» человѣческой власти, а есть тяжкій подвигъ, великое служеніе, верхъ человѣческаго самоотверженія, «крестъ», а не наслажденіе. Посему-то монархія получаетъ свой полный смыслъ только въ *наслѣдственности*. Еще и нѣтъ будущаго самодержца, еще не имѣетъ онъ своей воли, своего желанія выбирать между долей царя или пахаря, а уже





предназначено ему отрѣчься отъ себя и возложить на себя крестъ власти. Не по желанію, не по приказанію способностей своихъ, а по Божію назначенію ставится онъ на служеніе свое. И не долженъ онъ спрашивать себя, есть-ли у него силы, а долженъ только вѣрить, что если Богъ избралъ, то нѣтъ уже мѣста человѣческому колебанію.

Вотъ въ какомъ величіи подчиненія волѣ Божіей дается освященіе нашей политической жизни въ идеалѣ монархіи.

Въ тѣ эпохи, когда живъ и всеобщъ этотъ идеалъ, не нужно быть великимъ человѣкомъ для достойнаго прохожденія самодержавнаго поприща. Не всѣ воины — герои, но въ хорошо устроенной арміи даже и обыкновенный человѣкъ находитъ силы геройски побѣждать и геройски умирать. Такъ и во всемъ остальномъ. Но когда наступаетъ эпоха деморализаціи, забвенія идеала, — только великій избранникъ можетъ воскрешать его въ сердцахъ людскихъ. Ему негдѣ учиться, ибо все, что есть кругомъ не помогаетъ ему, а только мѣшаетъ. Все онъ долженъ почерпнуть только въ себѣ самомъ, и не въ той лишь мѣрѣ какая необходима для исполненія долга, а въ той какая нужна, чтобы просвѣтить все окружающее. Дѣйствительно, какая была бы помощь міру, еслибы служеніе Александра III ограничилось лишь дарованіемъ Россіи тринадцати лѣтъ благоденствія? Онъ умеръ, и еслибы мы Его не поняли, то какую пользу

Цесаревичъ Николай Александровичъ.

не [illegible]

долженъ поч[illegible]

[illegible] ной [illegible]

[illegible] ренія до[illegible]

[illegible] нить [illegible]

[illegible]

Цесаревичъ Николай Александровичъ.

принесло бы намъ это благоденствіе? Носитель идеала посылается не для того, чтобы мы пользовались благоденствіемъ, оставаясь недостойными его, а для того, чтобы возбудить въ насъ стремленіе быть достойными идеала.

Вотъ почему явился Нашъ возлюбленный Монархъ, такъ рано отнятый у міра, одаренный всѣми дарами Царственной благодати, во всемъ величіи Своего обаятельнаго образа. Вотъ почему Онъ былъ такъ праведенъ, былъ такимъ примѣрнымъ сыномъ Церкви, такимъ идеально-чистымъ человѣкомъ. Онъ былъ данъ міру такимъ, чтобы мы, увидя Его, уже никогда болѣе не забыли Его...

Смерть есть минута уничтоженія всякаго земнаго величія. Но для носителя идеала это моментъ рожденія, послѣдній ударъ рѣзца, создающаго для насъ безсмертный образъ. Пока живетъ онъ, мы все еще не понимаемъ, все еще сомнѣваемся. Но вотъ дорисовываются послѣднія черты. Спадаетъ съ нашихъ глазъ застилающая ихъ чешуя. Ярко, ослѣпительно вырисовывается идеальный образъ, но не успѣемъ еще мы и вскрикнуть отъ восторга, а Его Самого уже нѣтъ. Раскрылся весь—и ушелъ туда, гдѣ живетъ...

...въ вѣчныхъ идеалахъ
То, что смертнымъ въ доляхъ малыхъ
Открываетъ Божество...

Торжественны и тяжки эти великіе минуты исторіи. Много вѣковъ будутъ завидовать днямъ

нашимъ, а намъ самимъ — такъ тяжко, такъ больно. Зачѣмъ исчезъ Онъ? Зачѣмъ уже не можемъ мы окружить Его нашею любовію и преклоненіемъ?

Затѣмъ, что награда Ему будетъ дана не нами, а Тѣмъ Кто послалъ Его. А намъ остается *поученіе*, остаются великіе завѣты Его. Въ вѣрности завѣтамъ Его должны мы искать выраженія тѣхъ чувствъ любви и благодарности, которыхъ уже не можемъ выразить ему Самому.

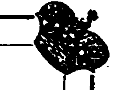
Недавнее прошлое.

Когда нынѣшнимъ лѣтомъ проникли въ общество первые слухи о болѣзни Государя, они встрѣчены были не только съ тревогой, но и съ недовѣріемъ. Не прошло, однако, и четырехъ мѣсяцевъ, какъ самыя худшія опасенія стали ссвершившимся фактомъ.

Конечно, не настало еще время для безпристрастной и всесторонней оцѣнки минувшаго царствованія; но и теперь уже выяснилось многое, что недавно могло казаться неяснымъ испорнымъ.

На какой бы точкѣ зрѣнія ни стояли, какихъ бы взглядовъ мы ни держались, передъ нами невольно выступаетъ значеніе личности почившаго Государя, невольно чувствуется *великій характеръ.* О значеніи той или другой мѣры, реформы или направленія можно спорить; какъ бы остроумны, глубоки и даже геніальны они ни были, можно не соглашаться съ ними, находить ихъ неудобными или несвоевременными, но значеніе личнаго характера Правителя непосредственно отражается на внутреннемъ и на внѣшнемъ положеніи страны, и отъ него зависитъ въ значительной мѣрѣ степень уваженія и довѣрія къ ней остальныхъ государствъ.

Нельзя не видѣть чѣмъ мы обязаны въ этомъ отношеніи покойному Государю. Только благодаря Его личному характеру и вліянію Россія



безъ войны могла достигнуть такого положенія, какимъ она не пользовалась послѣ кровопролитныхъ побѣдъ. Никто не могъ заподозрить Царя въ какихъ бы то ни было тайныхъ завоевательныхъ замыслахъ; но всѣ знали, что онъ не позволитъ коснуться истинныхъ интересовъ и истиннаго достоинства Россіи.

Не во внѣшней политикѣ, однако, состояла главная заслуга Императора Александра III предъ отечествомъ. Почти всѣмъ намъ памятны тѣ печальные дни, когда, тринадцать лѣтъ тому назадъ, Ему приходилось принять тяжелое бремя Самодержавной власти въ такую минуту, когда, повидимому, самое понятіе объ этой власти было расшатано, когда легкомысленные теоретики, не дорожившіе ни прошлымъ, ни будущностью Россіи, готовы были бросить ее въ область рискованныхъ экспериментовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что нѣтъ уже иного средства избавиться отъ смуты, которою грозила ей ничтожная горсть фанатиковъ анархизма.

Тотъ, кому пришлось пережить тревожное время семидесятыхъ годовъ, особенно въ Петербургѣ, не можетъ теперь не испытывать страннаго чувства, вспоминая о немъ: спасаясь отъ меньшей опасности, мы готовы были броситься на встрѣчу другой, гораздо большей, и сдѣлать ошибку, которую поправить было бы невозможно.

Но всѣ тѣ бѣдствія, которыми намъ грозили и въ неизбѣжности которыхъ вѣрило большинство общества, видя единственное спасеніе отъ

нихъ въ слѣпомъ подражаніи Западу, вдругъ оказались далеко не такъ близки и неизбѣжны, какъ это думали тогда, а то лѣкарство, которое предлагалось противъ нихъ, едвали не хуже самой болѣзни, не успѣвшей еще проникнуть въ глубь государственнаго организма.

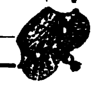
Но видѣть это легко только теперь, когда движенію общественной и государственной жизни дано было другое направленіе, и когда мы отошли уже на достаточное разстояніе отъ грозившей опасности, чтобы можно было судить болѣе спокойно и безпристрастно о ея размѣрахъ и характерѣ. Въ то время мы продолжали нестись ускореннымъ движеніемъ по тому пути въ концѣ котораго, повидимому, роковымъ образомъ являлось отрицаніе идеи самодержавія, а слѣдовательно и монархіи, такъ какъ теперь едвали уже можно сомнѣваться, что всѣ остальные ея виды составляютъ лишь переходную ступень къ совершенно иной формѣ политической жизни. И вотъ, въ ту минуту, когда намъ грозила непоправимая ошибка, власть переходитъ въ руки Вождя, неспособнаго поддаться никакимъ постороннимъ вліяніямъ, опасеніямъ и увлеченіямъ и глубоко убѣжденнаго въ своемъ призваніи дать Россіи внѣшній миръ и обезпечить ей внутреннее спокойствіе. Тогда задача эта казалась неразрѣшимою безъ ломки всего государственнаго строя,—и вдругъ выяснилось, что неразрѣшимость эта только призрачная, основанная на софизмахъ мнимаго правоваго порядка, и что достаточно

разсѣчь гордіевъ узелъ этихъ софизмовъ, чтобы вернуть странѣ спокойствіе и возможность нормальной государственной и общественной жизни; и это сдѣлано было безъ громкихъ фразъ, безъ героическихъ лѣкарствъ и безъ ломки того, что было жизнеспособнаго въ реформахъ предшествовавшаго царствованія.

На долю Императора Александра III выпала менѣе блестящая, но едва-ли не болѣе трудная задача, чѣмъ та, которая досталась его предшественнику.

Императору Александру II приходилось рѣшать вопросы, назрѣвшіе въ теченіе многихъ десятилѣтій, онъ могъ быть увѣренъ не только въ сочувствіи, но и въ содѣйствіи большинства общества при осуществленіи задуманныхъ реформъ; только въ самомъ концѣ царствованія ему пришлось столкнуться съ противодѣйствіемъ или, по крайней мѣрѣ, съ пассивнымъ несочувственнымъ отношеніемъ тѣхъ элементовъ, которые прежде видѣли въ немъ носителя собственныхъ идеаловъ.

При совершенно иныхъ условіяхъ пришлось начинать свое царствованіе Императору Александру III. Большинство общества не понимало его, видѣло въ его мѣропріятіяхъ только регрессъ, только удаленіе отъ того идеала, достиженіе котораго уже казалось ему совсѣмъ близкимъ. Покойному Государю приходилось одиноко прокладывать новый путь, даже среди исполнителей своихъ предначертаній находить не столько усерд-



ныхъ сотрудниковъ, сколько слугъ, которые какъ бы нехотя и противъ собственныхъ убѣжденій выполняли свои обязанности,—и, несмотря на это, то дѣло умиротворенія и успокоенія Россіи, на которое онъ полагалъ всѣ свои силы, подвигалось и крѣпло вопреки всѣмъ зловѣщимъ предсказаніямъ завистниковъ и недоброжелателей.

Одному изъ дѣятелей предшествовавшаго царствованія приписываютъ изрѣченіе: «Съ Русскимъ народомъ не суетиться». Это глубоко вѣрное правило, которое такъ мало примѣнялъ на практикѣ его авторъ, стало какъ бы лозунгомъ слѣдующихъ лѣтъ, и сразу прекратились попытки перекраивать и перестраивать государство, потому только, что оно неудовлетворяло требованіямъ того или другаго ученаго, или потому, что въ немъ оставалась возможность частныхъ злоупотребленій, сразу стали считаться съ тою истиной, что недостаточно написать законы соотвѣтствующіе всѣмъ требованіямъ современной науки, а надо еще найти для нихъ исполнителей.

Ни крупныхъ завоеваній, ни крупныхъ реформъ не дало минувшее десятилѣтіе; но оно дало больше того: увѣренность въ прочности и устойчивости существующаго порядка и возможность всѣмъ сословіямъ, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ заниматься собственнымъ дѣломъ.

Могутъ сказать, конечно, что возможность эта существовала и прежде, но это было такъ развѣ только въ глухой провинціи, а никакъ въ не центрахъ, откуда направлялась вся государ-

ственная и общественная жизнь, и гдѣ даже самые спокойные люди не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ и невольно вовлекались въ водоворотъ политическихъ теченій. Чиновники, ученые, литераторы, всѣ одинаково чувствовали себя въ какомъ-то напряженномъ видѣ, переходномъ состояніи, и ни у кого не было спокойствія необходимаго, чтобы заниматься тѣмъ, что составляло его прямую обязанность.

Правительство чувствовало ненормальность и опасность такого положенія; но оно уже не могло, или думало, что не можетъ помѣшать этому. Самъ Императоръ, повидимому, раздѣлялъ это мнѣніе; онъ лично призывалъ все общество къ борьбѣ съ анти-государственными и анти-соціальными элементами, безумныя покушенія которыхъ направлены были, очевидно, не столько противъ него, сколько противъ государства. Какъ же откликнулись на этотъ призывъ то общество и тѣ учрежденія, среди которыхъ онъ, долженъ былъ, повидимому, найти самой живой отголосокъ.

Почти ироніей звучитъ большинство поздравленій съ двадцатипятилѣтіемъ благополучнаго царствованія, гдѣ нѣтъ и помину объ этомъ призывѣ. Не только дѣятельной помощи правительству въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, но даже громкаго негодованія на этого врага общество не выражало, продолжая близоруко мечтать объ увѣнчаніи зданія, когда самый фундаментъ его то и дѣло подкапывался.

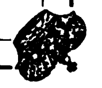
Въ такомъ настроеніи засталъ насъ громовый

ударъ 1 марта. Сознало ли по крайней мѣрѣ тогда общество все легкомысліе и всю преступность своей нейтральности? Нѣтъ, оно только на минуту какъ будто ошеломлено было неожиданностію и скоро снова заняло свое прежнее положеніе даже съ болѣе оппозиціоннымъ оттѣнкомъ. Къ счастію для Россіи и для самого общества, оппозиція эта оказалась совершенно безсильною предъ мощною волей и яснымъ сознаніемъ цѣли Императора Александра III.

Онъ не только ничего не уступилъ этой оппозиціи, но какъ будто и не замѣчалъ ея. Отвѣтственный за дѣла свои предъ однимъ Богомъ, Онъ дорожилъ лишь свидѣтельствомъ собственной совѣсти. Не сразу могли оцѣнить современники значеніе такого характера. Сколько злобныхъ инсинуацій, сколько тупаго непониманія окружало всѣ Его дѣйствія, особенно въ началѣ царствованія. Нельзя не упомянуть по этому поводу объ одной изъ первыхъ мѣръ, смыслъ которой не только не былъ понятъ, но часто извращался самымъ нелѣпымъ образомъ.

Переѣздъ Государя Императора въ Гатчину не былъ только перемѣной резиденціи, обусловленной соображеніями личнаго характера: это была важная государственная мѣра, все значеніе которой стало ясно только въ послѣдствіи.

Личная безопасность главы государства слишкомъ тѣсно связана со спокойствіемъ страны, чтобы Онъ могъ рисковать жизнью, не рискуя и этимъ спокойствіемъ; никакія соображенія иного



характера не могутъ перевѣсить для того, на комъ лежитъ отвѣтственность самодержавной власти, этой тяжелой обязанности, для выполненія которой требуется несравненно больше мужества чѣмъ то, которое нужно для самыхъ героическихъ подвиговъ на полѣ сраженія.

Никакія мѣры предосторожности не въ состояніи были предотвратить катастрофу 1-го марта. Общество предчувствовало ее, ожидало ея и жило изо дня въ день подъ Дамокловымъ мечомъ опасности, безпрерывно мѣнявшей свои формы.

Переѣздъ Императора Александра III въ Гатчину сразу создалъ другое положеніе вещей. Конечно, и тамъ нельзя было считать покушеній абсолютно невозможными; но зло утратило характеръ ежеминутной близости и неизбѣжности. Явилась возможность думать и заботиться о текущихъ дѣлахъ безъ постояннаго опасенія, что всѣ эти заботы черезъ нѣсколько дней или часовъ окажутся совсѣмъ безполезными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ получился другой, не менѣе важный, результатъ. Рядомъ съ относительною увѣренностью въ безопасности главы государства явилась возможность болѣе правильной государственной и частной дѣятельности въ столицѣ, и населеніе могло вздохнуть свободнѣе.

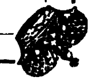
Какое значеніе, въ самомъ дѣлѣ, могли представлять безопасность и интересы частныхъ лицъ, когда ежеминутно ставились на карту спокойствіе и безопасность Имперіи? Какое преступленіе могло удивить въ то время, когда

среди бѣлаго дня, въ центрѣ города, шефъ жандармовъ становился жертвой ловкаго убійцы, когда взрывался Зимній Дворецъ, покушеніе слѣдовало за покушеніемъ, и присяжные не знали уже кого они судятъ—обвиняемаго или потерпѣвшаго?

И вотъ это ненормальное положеніе вещей въ столицѣ, дѣятельность которой долго была парализована, сразу было устранено переѣздомъ Высочайшаго Двора въ Гатчину. Переѣздъ этотъ былъ, конечно, однимъ изъ многихъ актовъ, клонившихся къ возстановленію нормальнаго теченія жизни въ Имперіи, и невозможно въ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить ихъ послѣдовательно, но во всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ мѣрахъ, преслѣдующихъ эту цѣль, есть одна общая черта: это совершенная простота, полное отсутствіе всего, что сколько-нибудь било бы на эффектъ.

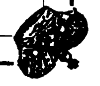
Эта простота сама по себѣ есть уже несомнѣнный признакъ великой и нравственной силы; только такая сила не ищетъ никакихъ постороннихъ прикрасъ и не боится являться такою какъ есть. Чуждый всякой мысли о популярности, Императоръ Александръ III не словомъ, а дѣломъ хотѣлъ выполнить свое призваніе и заслужилъ любовь своего народа и уваженіе Европы не какими-либо внѣшними подвигами, а тѣмъ глубокимъ сознаніемъ правды, которое составляло руководящую нить всей его жизни и всей его дѣятельности.

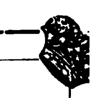
Замѣчательная чуткость къ жизненной правдѣ во всѣхъ ея видахъ заставляла Государя осо-



бенно ясно сознавать противорѣчія между этою дѣйствительною и тою формальною правдой, которая всюду творилась отъ Его имени. «Журналъ Министерства Юстиціи» прекрасно обрисовываетъ эту черту почившаго Императора: «Всегда строгое отношеніе покойнаго Государя къ уклоненіямъ отъ закона»,—говоритъ онъ,—«умѣрялось только въ случаяхъ отсутствія злаго умысла и личныхъ побужденій, или при стеченіи тягостныхъ обстоятельствъ, которыя быстро оцѣнивала его необычайная чуткость къ нравственному и бытовому характеру дѣла, и самая законность представлялась верховному законодателю Русской земли не какъ бездушная условная форма, безъ жизненнаго и моральнаго содержанія, а какъ дѣйствительный оплотъ и живая охрана всего честнаго, разумнаго и полезнаго.»

Эта особенность отразилась на всей законодательной дѣятельности минувшаго царствованія. Законодатель не спѣшилъ вводить коренныхъ преобразованій, стараясь только исправить то, что, дѣйствительно, требовало исправленія, и лишь тогда, когда обнаруживалось явное противорѣчіе между положительнымъ закономъ и дѣйствительною правдой, значеніе которой онъ такъ глубоко чувствовалъ, только тогда приступалъ онъ къ измѣненію этого закона. Такъ это было при введеніи въ дѣйствіе Положенія о земскихъ начальникахъ, когда для всякаго непредубѣжденнаго человѣка стало ясно, что правосудіе въ селахъ существуетъ только на бумагѣ и то не





всегда; такъ это было и съ Высочайшимъ повелѣніемъ 7-го апрѣля прошлаго года о пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ.

«То былъ послѣдній предсмертный призывъ Монархомъ судебныхъ дѣятелей къ самопровѣркѣ и совершенствованію»,—читаемъ мы въ томъ же журналѣ,—«призывъ этотъ навсегда пребудетъ величайшимъ памятникомъ мудрой Его попечительности о русскомъ судѣ.»

Святымъ завѣщаніемъ звучатъ намъ незабвенныя слова, начертанныя 7-го апрѣля текущаго года на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра юстиціи: «твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра нашихъ Судебныхъ Уставовъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи. Итакъ, съ Божіей помощію, начинайте эту трудную работу.»

Именно въ этой возможности и согласоовать законъ съ дѣйствительною правдой, и возстановлять эту правду, если она случайно заслоняется буквой закона, состоитъ великое значеніе самодержавія, и въ это значеніе глубоко вѣрилъ покойный Императоръ.

Л. Тихомировъ прекрасно характеризовалъ Его, какъ носителя идеала самодержавія. Только для характеровъ мелкихъ и легкомысленныхъ власть сама по себѣ можетъ казаться чѣмъ-то привлекательнымъ; но для такихъ людей, какъ Императоръ Александръ III, она является тяжелою обязанностію, отъ которой они не могутъ отказаться, и которою они не въ правѣ даже дѣ-

литься съ другими. Это бремя не они выбрали; но они должны нести его до конца.

Трудно найти въ исторіи другого правителя, который бы съ такою простотой и съ такимъ яснымъ сознаніемъ долга остался вѣренъ своему служенію до послѣдняго дня своей жизни.

Значеніе такого характера не могло не отразиться и далеко за предѣлами нашего Отечества; если бы мы усомнились въ собственномъ безпристрастіи и въ тѣхъ безчисленныхъ знакахъ сочувствія, которые доносятся къ намъ изъ Франціи, — вотъ голосъ человѣка незаинтересованнаго въ процвѣтаніи и могуществѣ Россіи: «Не мое дѣло», — замѣчаетъ лордъ Розберри,— «говорить объ отношеніи Императора къ Его собственной Имперіи; но мы имѣемъ право безпокоиться объ Императорѣ въ его отношеніи къ иностраннымъ державамъ, а мы имѣемъ въ немъ Монарха, котораго девизъ, котораго царствованіе и котораго характеръ состояли въ почитаніи истины и мира. Я не говорю, что Онъ будетъ поставленъ на ряду съ Цезарями и Наполеонами въ исторіи, съ тѣми великими завоевателями, которыми исторія занимается, можетъ быть, черезчуръ много. Но, если миръ имѣетъ свои побѣды, не менѣе знаменитыя, чѣмъ побѣды военныя, то Императоръ Всероссійскій имѣетъ не менѣе правъ на мѣсто въ исторіи, чѣмъ Наполеонъ и Цезарь.»

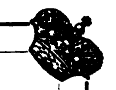
Императоръ Александръ III.

(Руководящая идея Его царствованія.)

Весь міръ уже облетѣла печальная и потрясающая вѣсть о томъ, что 20-го октября Императора Александра III не стало.

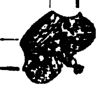
Съ глубокой, сердечной скорбью присоединяемся къ выраженіямъ соболѣзнованія, которыми огласились какъ наше отечество, такъ и остальной цивилизованный міръ, сперва по поводу тяжкой болѣзни Монарха, а затѣмъ и по случаю преждевременной Его кончины. Личныя качества усопшаго Государя: Его необычайное прямодушіе, любовь къ правдѣ, твердость характера, вѣрность въ дружбѣ, семейныя добродѣтели, преданность долгу,—стяжали себѣ общее признаніе и были отмѣчены въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ государственными людьми, общественными дѣятелями и выразительницею общественнаго мнѣнія—печатью, съ такимъ краснорѣчіемъ, что намъ остается только указать на всѣ эти проявленія чувствъ симпатіи къ почившему Государю и занести ихъ на страницы нашего журнала.

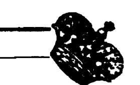
Равнымъ образомъ и миролюбіе Александра III нашло себѣ общее признаніе и краснорѣчиво подтверждено авторитетными голосами. Государственные люди, стоящіе въ центрѣ дипломатической дѣятельности и держащіе въ своихъ ру-



кахъ ея нити, откровенно признаютъ, что если надъ Европою не обрушилась во время недавняго остраго кризиса страшная война, если сотни тысячъ жизней сохранены, если милліоны людей не оплакиваютъ гибели своихъ родныхъ и друзей,—то Европа обязана этимъ великимъ благомъ почившему Царю-Миротворцу, пожертвовавшему и вѣковыми традиціями, и личными своими симпатіями для огражденія европейскаго мира. Недаромъ исконные противники войны, англійскіе квакеры, когда получилась вѣсть о тяжкой болѣзни усопшаго Государя, вознесли во всѣхъ своихъ храмахъ мольбы къ Богу о сохраненіи его жизни.

Но, если всѣ эти качества Александра III и его заслуги, какъ миротворца, по достоинству оцѣнены всюду, гдѣ бьются сострадательныя къ бѣдствіямъ ближняго сердца и гдѣ умѣютъ цѣнить человѣческія добродѣтели, то руководящая идея царствованія почившаго Монарха еще далеко не выяснена съ надлежащею полнотою. Съ точки зрѣнія основной задачи нашего журнала, мы не можемъ лучше почтить память усопшаго Государя, какъ сдѣлавъ попытку выяснить связь Его царствованія съ царствованіемъ Царя-Освободителя и съ тѣми задачами, которыя на рубежѣ новаго вѣка приходится разрѣшать Россіи вмѣстѣ со всѣми другими цивилизованными странами. Этому вопросу и посвящены нижеслѣдующія строки.

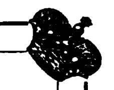




Смерть монарха какъ бы проводитъ грань между настоящимъ и прошлымъ. Вся совокупность интересовъ, связанныхъ съ государственнымъ дѣломъ, какъ бы временно пріостанавливается въ своихъ проявленіяхъ, страсти стихаютъ, всѣми овладѣваетъ желаніе сосредоточиться въ себѣ, оглянуться на пройденный путь, уяснить себѣ, куда онъ насъ ведетъ: будничный судъ довольныхъ и недовольныхъ современниковъ до извѣстной степени замѣняется настроеніемъ позднѣйшихъ поколѣній, судомъ исторіи. Попытаемся же стать на эту широкую, безпристрастную точку зрѣнія.

Въ тяжелый для Россіи часъ вступилъ въ Бозѣ почившій Государь на престолъ. Царствованіе, ознаменовавшееся великими реформами, закончилось трагическою смертью ихъ Виновника. Монархъ, отмѣнившій крѣпостное право, обновившій судъ, даровавшій земскія учрежденія, погибъ насильственною смертью,—погибъ въ моментъ, когда, быть можетъ, думалъ завершить начатое имъ великое дѣло новыми реформами.

Но, даже независимо отъ постигшей Царя-Освободителя мученической смерти, многія явленія въ народной жизни заставляли людей, преданныхъ благу родины, глубоко призадуматься. Злополучное польское возстаніе 1863 г., недовольство, постоянно сквозившее въ печати, цѣлый рядъ политическихъ преступленій вмѣстѣ съ другими менѣе яркими признаками не прекращавшагося протеста, представляли собою весьма



прискорбный для всѣхъ благомыслящихъ людей отвѣтъ на великія реформы Царя-Освободителя. Трагизмъ нашей общественной и государственной жизни состоялъ въ томъ, что, по общему убѣжденію, русскій народъ и русское общество не могли дать такого отвѣта; напротивъ, они до глубины души сознавали плодотворность этихъ реформъ, и тѣмъ не менѣе выходило такъ, какъ будто они если не вызывали указаннаго отрицательнаго явленія, то по меньшей мѣрѣ своимъ бездѣйствіемъ способствовали его развитію и распространенію.

Гдѣ же источникъ зла?—спрашивала себя вся Россія, оффиціальная и не-оффиціальная. Дѣйствительно, получалось какое-то странное, почти загадочное явленіе. Во всѣ моменты русской исторіи, когда государству приходилось совершать какое нибудь крупное дѣло: отразить внѣшняго непріятеля, справиться съ внутреннею смутою, сдѣлать крупный шагъ на пути дальнѣйшаго культурнаго развитія, неизмѣнно происходилъ подъемъ земскихъ силъ, и, благодаря этому единодушію, достигались изумительные результаты. Вспомнимъ Смутное время, вспомнимъ Петра Великаго, царствованіе Екатерины II и Александра I. И вдругъ, оказывалось совсѣмъ иное. Правда, приступъ къ великимъ реформамъ Царя-Освободителя сопровождался сильнымъ подъемомъ общественнаго самосознанія, и важнѣйшая изъ этихъ реформъ, отмѣна крѣпостного права, именно благодаря этому обстоятельству, могла

совершиться безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній, съ успѣхомъ, поразившимъ весь цивилизованный міръ. Но эта реформа была только началомъ цѣлаго ряда другихъ реформъ, и—что же мы видимъ? Число недовольныхъ все увеличивалось, настроеніе общества не только не благопріятствовало этимъ реформамъ, но вызывало даже сомнѣнія въ ихъ плодотворности. Крайніе элементы уже не ограничивались словами, а перешли къ дѣйствіямъ, и дѣло кончилось катастрофой 1-го марта.

При такихъ-то условіяхъ вступилъ покойный Государь на престолъ. Надо было прежде всего ясно установить причину зла и соотвѣтственно начертать планъ дѣйствія. Послѣ почти двухмѣсячнаго зрѣлаго обсужденія этого сложнаго и труднаго вопроса, принято было окончательное рѣшеніе, выраженное въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 29-го апрѣля 1881 года. Въ этомъ манифестѣ говорится: «Не столько строгими велѣніями власти, сколько благостью ея и кротостью совершилъ Родитель Нашъ величайшее дѣло своего царствованія—освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, успѣвъ привлечь къ содѣйствію въ томъ и дворянъ владѣльцевъ, всегда послушныхъ голосу добра и чести; утвердилъ въ царствѣ судъ и подданныхъ своихъ, коихъ всѣхъ безъ различія сдѣлалъ навсегда свободными, призвалъ къ распоряженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память Его благословенна во вѣки».

Этими словами опредѣлялось отношеніе новаго царствованія къ великимъ реформамъ Царя-Освободителя. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на «злодѣйское убійство русскаго Государя, омрачившее всю землю Нашу скорбью и ужасомъ». «Но посреди великой Нашей скорби, — говорится далѣе въ манифестѣ, — гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній».

Въ заключеніе указаны тѣ государственныя задачи, которыя возлагаются на русскихъ гражданъ: «Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и государству вѣрой и правдой къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — къ утвержденію вѣры и нравственности,—къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія,—къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ».

Еще раньше, то-есть тотчасъ по вступленіи на престолъ покойнаго Государя, разослана была представителямъ Россіи при иностранныхъ державахъ циркулярная депеша, въ которой говорилось: «Государь Императоръ посвятилъ себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами граждан-

ственности и съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ. Внѣшняя политика Его Величества будетъ вполнѣ миролюбивою».

Эти два документа содержали въ себѣ всю правительственную программу новаго царствованія. Вкратцѣ она можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: рѣшительная борьба съ крамолою; неприкосновенность великихъ реформъ Царя-Освободителя; полное миролюбіе во внѣшнихъ отношеніяхъ и сосредоточеніе вниманія на внутренней жизни, на вопросахъ экономическихъ и соціальныхъ.

Программа эта отличалась рѣшительностью, опредѣленностью. Но руководящая идея, лежащая въ ея основаніи, еще не вполнѣ раскрылась. Однако, уже первыя мѣропріятія правительства бросали на нее яркій свѣтъ. Прежде всего правительство энергически позаботилось о томъ, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему развитію дѣятельности политическихъ злоумышленниковъ. Съ этою цѣлью былъ принятъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ мѣръ. На случай, если бы эти мѣры оказались недѣйствительными, и злоумышленникамъ удалось бы достигнуть своей цѣли, установлено было регенство въ виду несовершеннолѣтія наслѣдника престола. Эта мѣра свидѣтельствовала объ энергіи, съ какою правительство намѣревалось подавить броженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была принята еще одна мѣра, которая бросала не менѣе яркій свѣтъ на настроеніе и

намѣренія правительства. Въ томъ же Высочайшемъ повелѣніи, въ которомъ предписывалось принять чрезвычайныя мѣры, упоминалось объ образованіи при градоначальникѣ для содѣйствія ему совѣта изъ выборныхъ отъ столичнаго населенія. Такимъ образомъ сразу опредѣлялся взглядъ правительства на истинный характеръ той преступной дѣятельности, которая имѣла такой роковой исходъ въ катастрофѣ 1-го марта. Провозглашеніе неприкосновенности началъ самодержавія не исключало единодушной дѣятельности правительства и общества; напротивъ, это единодушіе, эта совмѣстная дѣятельность правительственныхъ органовъ и общественныхъ элементовъ признавались залогомъ полнаго успѣха. Что правительство намѣревалось вступить именно на этотъ путь, подтверждается и послѣдовавшимъ вскорѣ сообщеніемъ о созывѣ свѣдущихъ людей изъ разныхъ губерній для представленія соображеній по вопросу объ устройствѣ питейной торговли, а также объ упорядоченіи переселенческаго движенія крестьянъ. Два мѣсяца спустя, то-есть 10-го октября, состоялось первое соединенное засѣданіе государственнаго совѣта съ участіемъ земскихъ экспертовъ для обсужденія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей.

Значитъ, совмѣстная дѣятельность правительственныхъ органовъ и общественныхъ элементовъ признавалась вполнѣ цѣлесообразною и желательною не только въ борьбѣ съ политическими злоумышленниками, но и по отношенію къ за-

конодательнымъ мѣрамъ болѣе общаго характера, которыми должно было ознаменоваться новое царствованіе. При томъ сразу опредѣлился и характеръ этихъ общихъ мѣръ. Упорядоченіе переселенческаго движенія, устройство питейной торговли, переводъ временно-обязанныхъ крестьянъ на выкупъ ихъ надѣловъ, пониженіе выкупныхъ платежей,—вотъ тѣ вопросы, которые были возбуждены или рѣшены на первыхъ же порахъ. Кромѣ того, было увеличено содержаніе офицерамъ, а въ армейской кавалеріи и полевой артиллеріи имъ были предоставлены казенныя лошади. Вслѣдъ затѣмъ были приняты еще слѣдующія мѣры: дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г. распространено на сѣверо-западныя губерніи; установлено ежегодно празднованіе дня 19-го февраля; въ Восточной Сибири введено общее положеніе о крестьянахъ 1861 г., учрежденъ крестьянскій поземельный банкъ для облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли, изданъ законъ объ ограниченіи труда малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ. Одновременно всѣ военныя гимназіи были переименованы въ кадетскіе корпуса, женскіе врачебные курсы упразднены, военнослужащимъ запрещено публичное произнесеніе рѣчей и сужденій политическаго характера, наконецъ, газеты: «Порядокъ», «Страна», «Земство» и «Голосъ», подверглись болѣе или менѣе сильнымъ административнымъ карамъ. Для дополненія картины прибавимъ еще, что уже 26-го

августа 1881 г. покойный Государь совершилъ путешествіе въ Данцигъ для свиданія съ императоромъ Вильгельмомъ I.

Достаточно вникнуть во всѣ эти мѣропріятія и дѣйствія русскаго правительства за первые два года минувшаго царствованія, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: дѣйствіе великихъ реформъ Царя-Освободителя не только не было въ какомъ либо отношеніи пріостановлено, а напротивъ онѣ получили дальнѣйшее движеніе, то-есть были распространены на новыя мѣстности Россіи. На ряду съ этимъ проявлялась и забота о довершеніи самой крупной реформы Александра II, то-есть о созданіи условій, наиболѣе благопріятныхъ для обезпеченія судьбы освобожденныхъ имъ крестьянъ. Довѣріе къ земскимъ силамъ Россіи не было поколеблено; напротивъ, онѣ призывались къ новому служенію государству въ составѣ высшаго законодательнаго органа. Введеніе новаго таможеннаго тарифа свидѣтельствовало о намѣреніи оградить интересы отечественной промышленности, увеличеніе содержанія офицерамъ служило доказательствомъ заботливости о военномъ сословіи. Вскорѣ учрежденъ былъ дворянскій банкъ. Словомъ, всѣ классы русскаго общества могли убѣдиться въ дѣятельномъ попеченіи о нихъ законодателя,—всѣ, за исключеніемъ одного, за исключеніемъ той «части общества», о которой упоминалось въ постановленіи о прекращеніи «Отечественныхъ Записокъ». Правительство сочло нужнымъ энер-

гически противодѣйствовать начинаніямъ, которыя «внесли не мало смуты въ сознаніе» упомянутой части общества. Рѣчь, слѣдовательно, шла не только о борьбѣ съ такъ называемыми террористами, противъ преступной дѣятельности которыхъ принимались самыя энергичныя мѣры; вопросъ ставился шире, то-есть правительство старалось обезвредить почву, на которой зарождалось это прискорбное явленіе, другими словами, подавить проявленіе недовольства. Въ этомъ отношеніи происходила энергичная работа разрушенія очаговъ распространенія чувства недовольства. Но дѣло и этимъ не ограничилось. Внѣшнія проявленія чувства недовольства, въ формѣ ли протеста словомъ или дѣйствіемъ, имѣли, конечно, свою причину, и надо было ея доискаться. Исторически выяснилось, что наиболѣе сильное проявленіе этого чувства всегда совпадало съ эпохою болѣе или менѣе крупныхъ законодательныхъ реформъ. Вспомнимъ времена Екатерины II, Александра I и Александра II. Другими словами, упомянутая часть русскаго общества вступала въ наиболѣе сильный антагонизмъ съ официальною Россіею именно въ тѣ моменты нашей исторіи, когда само государство послѣ временой пріостановки было озабочено обновленіемъ русской жизни. Этотъ исторически выяснившійся фактъ наводилъ на мысль, что въ самомъ пониманіи государственной задачи существуетъ рознь между этою частью общества и правительствомъ, и что источникъ этой розни

заключается въ отрѣшенности первой отъ жизни, въ ея стремленіи разрѣшать общественные и государственные вопросы не при помощи исторически сложившихся силъ, доказавшихъ на дѣлѣ свою способность обезпечить культурные успѣхи Россіи, а помимо этихъ силъ, на основаніи разныхъ соціальныхъ или политическихъ доктринъ крайняго характера. Изученіе родины, ея прошлаго, реальныхъ условій, въ которыя она поставлена, замѣнялось изученіемъ разныхъ крайнихъ теорій, возникшихъ на Западѣ, и русская жизнь измѣрялась мѣркою этихъ теорій, при чемъ она, конечно, оказывалась совершенно непригляднoю. Вмѣстѣ съ тѣмъ получалось нерасположеніе окунуться въ эту жизнь, жить ея интересами, приложить дѣятельную руку къ устраненію практическихъ несовершенствъ и слагалось убѣжденіе, что дѣлу можно помочь только общими коренными реформами. А когда реформы такого рода совершались, ихъ признавали недостаточными, потому что человѣческій умъ, отрѣшаясь отъ дѣйствительности, отъ совокупности исторически сложившихся условій, всегда склоненъ создавать теоріи, въ сравненіи съ которыми даже самая крупная реформа представляется, конечно, недостаточною.

Въ виду этого выяснившагося положенія дѣлъ, правительство, какъ показываютъ принятыя имъ мѣропріятія, сочло своимъ долгомъ сосредоточить вниманіе на реальныхъ, практическихъ интересахъ родины. Плодотворность

совершенныхъ Царемъ-Освободителемъ реформъ была признана безусловною. «Да будетъ память Его благословенна во-вѣки»,—говорилось въ манифестѣ 29-го апрѣля; но дальнѣйшія реформы въ этомъ направленіи были признаны излишними. Выдвинута была другая задача: консолидаціи этихъ реформъ въ самой жизни или, какъ сказано въ манифестѣ, „водвореніе порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ». Путь же, приводящій къ этой цѣли, какъ выяснилось изъ всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій минувшаго царствованія, полагался въ томъ, чтобы поставить все государственное дѣло на прочныя основы постепеннаго историческаго развитія, отстранить неумѣренныя требованія, обусловленныя пристрастіемъ къ той или другой крайней теоріи, ввести въ общественное сознаніе мысль о дѣятельной практической работѣ у основъ народной жизни. Такимъ образомъ выдвигался историческій принципъ энергической и дѣятельной работы въ предѣлахъ установленныхъ учрежденій, какъ противовѣсъ устремленію совершать въ нихъ постоянную ломку, принципъ единенія правительственныхъ и земскихъ силъ, направленнаго къ упорядоченію въ самой жизни историческихъ и національныхъ основъ дальнѣйшаго роста и благополучія Русскаго государства. Чтобы полнѣе вникнуть въ эту руководящую идею минувшаго царствованія, мы остановимся на дальнѣйшихъ мѣро-

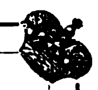
пріятіяхъ, законодательныхъ и административныхъ

Итакъ, борьба съ «крамолою и съ отрицательными теченіями русской общественной мысли» проявилась въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ распространялось на новыя мѣстности или въ прежнихъ возобновлялся срокъ его дѣйствія. Равнымъ образомъ велась дѣятельная борьба съ печатью: «Отечественныя записки» были прекращены, «Голосъ» вынужденъ былъ прекратить свою дѣятельность, вслѣдствіе закона 14-го сентября 1882 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданы были правила относительно открытія и содержанія публичныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, а затѣмъ состоялось распоряженіе объ изъятіи изъ этихъ библіотекъ многихъ сочиненій и журналовъ. Въ виду непрекращавшихся безпорядковъ въ разныхъ университетахъ былъ подвергнутъ пересмотру университетскій уставъ, послѣдовало прекращеніе пріема слушательницъ на высшіе женскіе курсы министерства народнаго просвѣщенія. Класснымъ наставникамъ поручено было дѣятельнѣе наблюдать за учениками гимназіи и съ этою цѣлью посѣщать ихъ квартиры, даже тѣхъ, которые живутъ у родителей. Запрещено было ношеніе вѣнковъ и другихъ эмблемъ при погребальныхъ процессіяхъ. Состоялось повышеніе платы въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но всѣ эти мѣры, направленныя противъ

отрицательныхъ теченій въ нашемъ обществѣ, были сами только мѣрами отрицательными. Гораздо опредѣленнѣе выразилась руководящая идея минувшаго царствованія въ положительныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ дальнѣйшему распространенію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Разныхъ законовъ касательно народнаго образованія появилось въ минувшее царствованіе много, и всѣ они, несомнѣнно, носятъ общій характеръ. Гимназическая система образованія осталась въ главныхъ чертахъ нетронутою, и вниманіе законодателя было направлено не на измѣненіе основъ гимназическаго образованія, а, говоря языкомъ одного изъ законоположеній, на «составъ учащихся», другими словами, проявилось стремленіе по возможности избѣжать созданія такъ называемаго интеллигентнаго пролетаріата. Для достиженія этой цѣли съ одной стороны повышалась плата за ученіе, съ другой ученикамъ ставили сравнительно очень высокія требованія. Уже въ этомъ фактѣ отчасти проявляется основная мысль законодателя, но она выясняется еще болѣе, если принять во вниманіе, что его гораздо сильнѣе заботитъ созданіе въ Россіи цѣлой сѣти профессіональныхъ школъ. Не проходитъ года, чтобы не появилось нѣсколько законовъ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Гимназіи и прогимназіи превращаются въ промышленныя училища, происходитъ общій пересмотръ положенія о реальныхъ училищахъ, сельско-хозяй-

ственныя, желѣзно - дорожныя, ремесленныя школы всякаго рода, создаются съ большою поспѣшностью, открывается новый технологическій институтъ въ Харьковѣ, обращается большое вниманіе на профессіональное образованіе женщинъ, создается особый типъ женскихъ училищъ съ 4-лѣтнимъ курсомъ, учреждаются промышленныя училища во многихъ провинціальныхъ городахъ,—словомъ, законодатель дорожитъ не столько обще-образовательными, сколько профессіональными учебными заведеніями, въ равной мѣрѣ какъ мужскими такъ и женскими. Нечего и пояснять, что стремленія законодателя въ этой области совпадаютъ съ вышеуказанною руководящею идеею минувшаго царствованія. Какъ ни относиться къ утилитарному или гуманитарному направленію въ дѣлѣ народнаго образованія, одно бросается въ глаза, именно, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла о созданіи такихъ учебныхъ заведеній, которыя удовлетворяли бы непосредственнымъ запросамъ жизни, такъ сказать, не отрывали бы дѣтей отъ среды, въ которой они родились, а напротивъ, позволяли бы имъ быть по окончаніи курса полезными членами этой среды и чувствовать себя въ ней на мѣстѣ. Недостатокъ практическихъ знаній, непосредственно приложимыхъ къ жизни, разобщаетъ человѣка съ средою, въ которой онъ живетъ; наоборотъ, наличность такихъ знаній позволяетъ ему чувствовать себя въ ней хорошо и удовлетворять ея требованіямъ. Такова общая



мысль, лежащая въ основаніи многообразныхъ профессіональныхъ учебныхъ заведеній, учрежденныхъ въ минувшее царствованіе, начиная съ ремесленныхъ школъ или съ низшихъ женскихъ училищъ и доходя до высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній или Ксеніевскаго института.

Но эта руководящая мысль законодателя проявляется не только въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Ею проникнуто все законодательство минувшаго царствованія. Удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ или спеціальныхъ интересовъ той или другой группы населенія, того или другого сословія, повидимому, главнымъ образомъ заботитъ правительство. Оно старается возбудить вниманіе общества именно въ этомъ направленіи. Если прежняя система народнаго образованія отрывала учащихся отъ родины, заставляла ихъ стремиться въ населенные центры, избѣгать работы въ деревнѣ, то и общее направленіе правительственной политики приводило взрослое населеніе къ тому же. Деревня пустѣла; всѣ энергическіе, предпріимчивые и интеллигентные элементы населенія стремились въ крупные центры, соблазняемые тою кипучею дѣятельностію, которая въ нихъ происходила. Это переполненіе центровъ оказывалось невыгоднымъ въ двоякомъ отношеніи: избытокъ молодыхъ, энергическихъ и предпріимчивыхъ силъ, не находившихъ себѣ достаточнаго примѣненія, вызывалъ въ нихъ недовольство, увеличивалъ

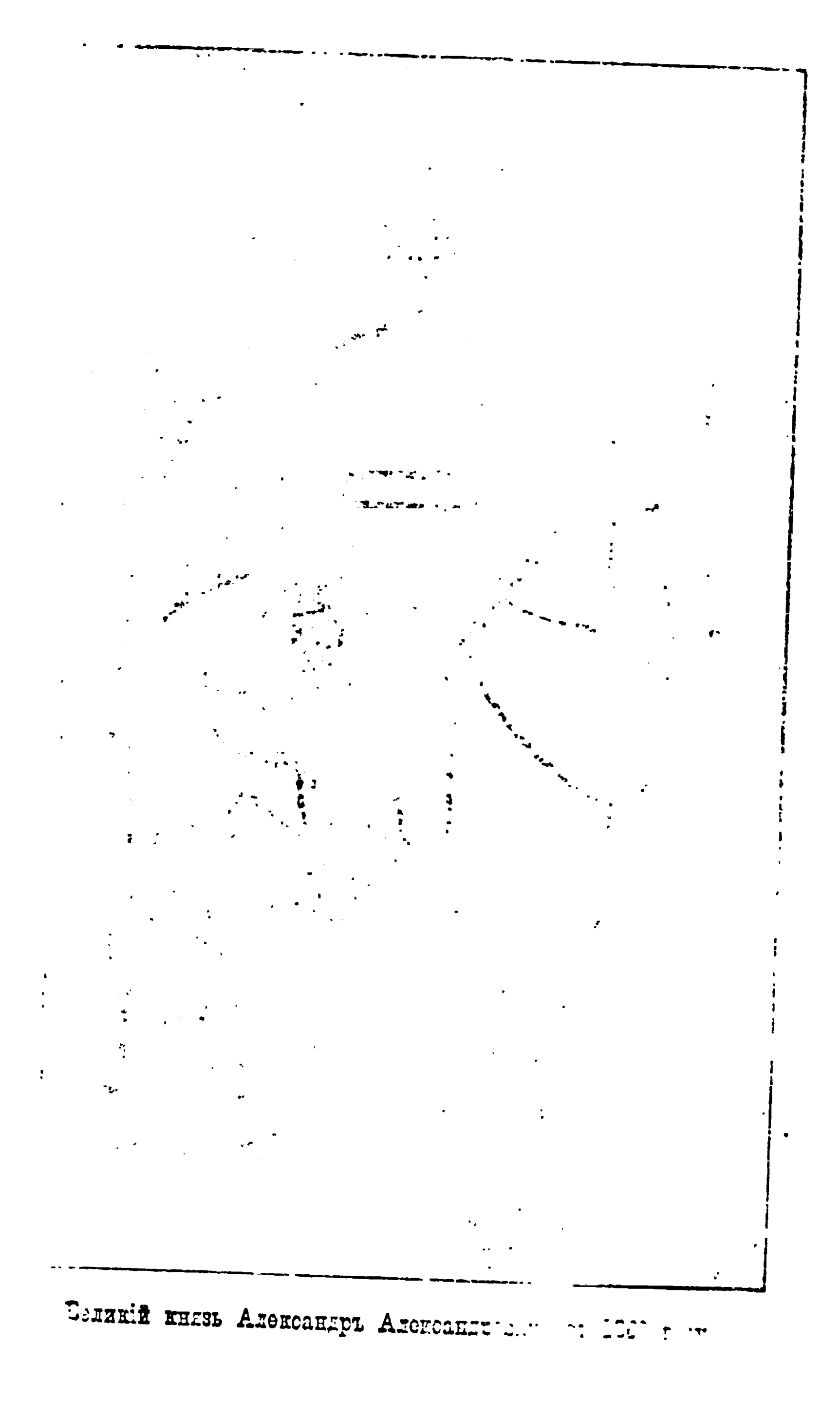
контингентъ лицъ съ отрицательнымъ направленіемъ мысли; съ другой стороны, провинція оставалась безъ столь необходимыхъ ей энергическихъ предпріимчивыхъ дѣятелей. Результаты въ послѣднемъ отношеніи оказались очень плачевными: сельское наше хозяйство пришло въ разстройство, мѣстное управленіе не дало тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидали. Въ минувшее царствованіе все это было сознано, и усилія законодателя были направлены къ тому, чтобы измѣнить это невыгодное положеніе дѣлъ.

Главное вниманіе было направлено на подавляющее большинство населенія, т. е. на крестьянъ. Мы уже видѣли, что приступъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ въ первый же годъ минувшаго царствованія. Пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной и преобразованіе оброчной подати, регулированіе найма на сельскія работы, учрежденіе крестьянскаго банка, упорядоченіе питейнаго дѣла, опытъ установленія казенной продажи питей, помощь, оказанная въ небывалыхъ еще размѣрахъ народной массѣ во время голода,—всѣ эти законодательныя мѣропріятія вызывались стремленіемъ обезпечить судьбу освобожденныхъ крестьянъ и должны были обратить вниманіе общества на этотъ жгучій вопросъ государственной нашей жизни. Послѣдняя цѣль въ значительной степени была достигнута. Вопросъ о деревнѣ не сходилъ со страницъ нашихъ журналовъ, со столбцовъ на-

Великій князь Александръ Александровичъ въ 1863 году.

контингентъ лицъ съ отрицательнымъ направленіемъ мысли; съ другой стороны, провинція оставалась безъ столь необходимыхъ ей энергическихъ предпріимчивыхъ дѣятелей. Результаты въ послѣднемъ отношеніи оказались очень плачевными: сельское наше хозяйство пришло въ разстройство, мѣстное управленіе не дало тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидали. Въ минувшее царствованіе все это было сознано, и усилія законодателя были направлены къ тому, чтобы измѣнить это невыгодное положеніе дѣлъ.

Главное вниманіе было направлено на подавляющее большинство населенія, т. е. на крестьянъ. Мы уже видѣли, что приступъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ въ первый же годъ минувшаго царствованія. Пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной и преобразованіе оброчной подати, регулированіе найма на сельскія работы, учрежденіе крестьянскаго банка, упорядоченіе питейнаго дѣла, опытъ установленія казенной продажи питей, помощь, оказанная въ небывалыхъ еще размѣрахъ народной массѣ во время голода,—всѣ эти законодательныя мѣропріятія вызывались стремленіемъ обезпечить судьбу освобожденныхъ крестьянъ и должны были обратить вниманіе общества на этотъ жгучій вопросъ государственной нашей жизни. Послѣдняя цѣль въ значительной степени была достигнута. Вопросъ о деревнѣ не сходилъ со страницъ нашихъ журналовъ, со столбцовъ на-



Великій князь Александръ Алексан[illegible] [illegible]

[illegible] съ отрицательнымъ направ- [illegible] съ другой стороны, провинція [illegible] необходимыхъ ей энерги- [illegible] ныхъ дѣятелей. Результаты [illegible] ніи оказались очень пла- [illegible] хозяйство пришло въ [illegible] управленіе не дало тѣхъ [illegible] въ, которыхъ отъ него [illegible] царствованіе все это [illegible] законодателя были на- [illegible] му, чтобы измѣнить это невы- [illegible] дѣлъ.

[illegible] было направлено на пода- [illegible] населенія, т. е. на кресть- [illegible] дѣли, что приступъ въ этомъ [illegible] сдѣланъ въ первый же годъ [illegible] царствованія. Пониженіе выкупныхъ [illegible], отмѣна подушной и преобразованіе [illegible] подати, регулированіе найма на сельскія работы, учрежденіе крестьянскаго банка, упорядоченіе питейнаго дѣла, опытъ установленія казенной продажи питей, помощь, оказанная въ небывалыхъ еще размѣрахъ народной массѣ во время голода,—всѣ эти законодательныя мѣропріятія вызывались стремленіемъ обезпечить судьбу освобожденныхъ крестьянъ и должны были обратить вниманіе общества на этотъ [illegible] вопросъ государственной нашей жизни. [illegible] цѣль въ значительной степени была [illegible] Вопросъ о деревнѣ не сходилъ со [illegible] журналовъ, со столбцовъ на-

Великій князь Александръ Александровичъ въ 1863 году.

шихъ газетъ. Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находилось и стремленіе заинтересовать интеллигенцію мѣстными нуждами, побудить ее принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлѣ ихъ удовлетворенія. И въ этомъ направленіи были приняты разнообразныя законодательныя мѣры. Учрежденіе дворянскаго банка должно было пріостановить процессъ постепеннаго обезземелія дворянъ: институтъ земскихъ начальниковъ по идеѣ своей также соотвѣтствуетъ намѣреніямъ законодателя воспользоваться нашею интеллигенціею для обезпеченія судьбы деревни. Сюда же относится и учрежденіе министерства земледѣлія и предположенныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ въ видахъ объединенія всѣхъ земскихъ и правительственныхъ силъ на пользу мѣстнаго сельскаго хозяйства.

Характеръ всѣхъ этихъ законодательныхъ мѣропріятій и реформъ уже не прежній. Довѣріе къ простому освобожденію личности, отъ стѣснявшихъ ее путь поколеблено. Вездѣ замѣчается стремленіе направить дѣятельность освобожденной личности къ той или другой, указываемой самимъ законодателемъ, цѣли, а цѣль эта, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго,—прикрѣпленіе личности къ землѣ, къ мѣстнымъ реальнымъ интересамъ. Не здѣсь мѣсто разъяснять, насколько намѣренія законодателя осуществились, мы хотимъ только установить общую руководящую идею минувшаго царствованія. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать, что законодатель

избралъ новый путь, и что этотъ путь непосредственно примыкалъ къ избранному Царемъ-Освободителемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ великихъ реформъ Царя-Освободителя лежало представленіе объ отвлеченномъ человѣкѣ, о способности этого отвлеченнаго человѣка, если ему дана будетъ свобода, найтись во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и устроить все къ лучшему. Но что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Освободительное движеніе пронеслось съ конца прошлаго вѣка надъ всею Европою, а между тѣмъ, даже въ странахъ, значительно насъ опередившихъ и въ культурномъ отношеніи, и въ развитіи гражданской свободы, наблюдается ясный поворотъ въ смыслѣ стремленія оградить многіе насущные интересы путемъ регламентаціи: государственный соціализмъ дѣлаетъ быстрые успѣхи не только въ Германіи, но и во Франціи, Англіи, даже Соединенныхъ Штатахъ, а государственный соціализмъ означаетъ стѣсненіе свободы. Отвлеченный человѣкъ, какъ представляла его себѣ философія XVIII вѣка, вызвавшая освободительное движеніе послѣдняго столѣтія, не вполнѣ соотвѣтствовалъ реальному человѣку съ его дурными инстинктами, страстями, склонностью пользоваться данною ему свободою для угнетенія другихъ съ его неразуміемъ, неспособностью сносно устроить свою жизнь, вслѣдствіе невѣжества, неумѣнья отстаивать свои права и т. д. Кромѣ того, въ самомъ обществѣ возникаютъ

всевозможные союзы, стѣсняющіе свободу своихъ членовъ въ видахъ достиженія общихъ цѣлей. Мы не можемъ прослѣдить здѣсь все это широкое движеніе, охватившее въ многообразнѣйшихъ формахъ самыя свободныя страны по сю и по ту сторону Атлантическаго океана. Да въ этомъ и не представляется надобности, потому что всѣмъ извѣстно, какъ сильно стѣсняютъ свободу личности разные союзы, ассоціаціи, стачки. Для насъ важно только установить фактъ, что отвлеченное представленіе о человѣческой личности оказалось во многихъ отношеніяхъ ошибочнымъ и что установленіе свободы привело почти вездѣ къ сознанію истины, что нельзя считаться только съ отвлеченною личностью, но надо имѣть въ виду и реальнаго человѣка со всѣми его племенными и культурными особенностями.

Мы напомнили читателямъ объ этомъ поворотѣ въ міровой общественной мысли, чтобы выяснить, какъ тѣсно съ нимъ соприкасается руководящая идея минувшаго царствованія. Крайніе умы любятъ повторять истину, что человѣкъ, освобожденный законодательнымъ путемъ, не можетъ считаться свободнымъ, если его угнетаетъ экономическая неволя, если онъ порабощенъ нуждою или нищетою. Значитъ, юридическое освобожденіе личности далеко не исчерпываетъ собою вопроса объ установленіи свободы. Освобожденіе крѣпостныхъ въ Россіи это вполнѣ подтвердило тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ

которомъ находится большинство нашихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, самою жизнью все сильнѣе и сильнѣе выдвигается вопросъ объ экономическомъ ихъ освобожденіи, и пока этотъ вопросъ не будетъ рѣшенъ, гражданская свобода останется во многихъ отношеніяхъ пустымъ звукомъ, потому что бѣдность въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ невѣжествомъ, а невѣжество—злѣйшій врагъ всякой свободы.

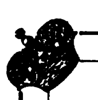
Освобожденіе личности не обезпечило на Западѣ народныхъ массъ, не избавило Европу отъ пролетаріата, и всюду, въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, парламенты и правительства теперь усиленно заняты рѣшеніемъ на видъ узкихъ, практическихъ вопросовъ, созданіемъ такъ называемаго соціальнаго законодательства, которое хотя до нѣкоторой степени пришло бы на помощь народнымъ массамъ. Эта задача, столь сложная, но въ то же время столь благодарная, не могла быть обойдена и Россіей, хотя и въ измѣненной формѣ. Либеральныя и консервативныя представленія, въ которыхъ путается наша общественная мысль, были отодвинуты на задній планъ, и законодатель подчеркиваетъ практическую дѣятельность, направленную къ рѣшенію наиболѣе жгучаго современнаго вопроса,—вопроса объ обезпеченіи матеріальнаго и духовнаго благосостоянія народной массы при помощи всѣхъ исторически сложившихся силъ, начиная съ самаго правительства и кончая сельскою общиною.

Подвергая анализу законодательство минувшаго царствованія, мы старались выяснить, что оно было однимъ сплошнымъ призывомъ сосредоточить всѣ общественныя и правительственныя силы на крупнѣйшей задачѣ нашего времени. Съ этимъ призывомъ законодатель обращался ко всѣмъ классамъ общества. Онъ легъ въ основу системы народнаго образованія: въ ней состоялось широкое восполненіе гуманитарнаго направленія направленіемъ утилитарнымъ или профессіональнымъ. Такимъ образомъ подготовлялся поворотъ въ настроеніи интеллигенціи, которой предлагалось замѣнить безконечныя словопренія о народномъ благѣ непосредственною практическою дѣятельностью, направленною къ этой цѣли. Съ этимъ же призывомъ обращался законодатель къ дворянству: заботясь о матеріальномъ его благополучіи, онъ приглашалъ его принять дѣятельное участіе въ жизни деревни и учредилъ институтъ земскихъ начальниковъ. Съ этимъ же призывомъ онъ обращался и къ духовенству и, по возможности обезпечивая его матеріальное благосостояніе, расширялъ его дѣятельность по народному образованію въ церковно-приходскихъ школахъ. Въ томъ же духѣ былъ произведенъ пересмотръ городоваго положенія и положенія о земскихъ учрежденіяхъ, при чемъ главное вниманіе было обращено на то, чтобы установить полное единеніе правительственныхъ и земскихъ силъ въ дѣлѣ обезпеченія мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Не сокра-

щеніе дѣятельности земскихъ силъ имѣлось въ виду, а, напротивъ, расширеніе ея, но не для игры въ политику, а для практическаго рѣшенія насущныхъ вопросовъ мѣстнаго хозяйства, общественнаго здравія и просвѣщенія. Вопросы эти еще очень неудовлетворительно рѣшаются въ жизни, а между тѣмъ помимо ихъ рѣшенія серьезные успѣхи немыслимы, немыслимо и осуществленіе гражданской свободы, ибо прочное участіе въ государственной дѣятельности можетъ принадлежать лишь тѣмъ, кто болѣе или менѣе глубоко изучилъ условія и требованія практической жизни.

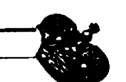
Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на минувшее царствованіе, то намъ станетъ понятно, почему оно имѣло такой ясно выраженный національный характеръ. Современная національная политика также является естественною реакціею противъ чрезмѣрнаго увлеченія отвлеченнымъ человѣкомъ, созданнымъ философіею XVIII вѣка съ ея принципомъ всеобщаго равенства и братства. Мы видимъ, что и въ государствахъ, пользующихся наибольшею политическою свободою, существуетъ много различныхъ партій, постоянно враждующихъ между собою и склонныхъ захватить государственную власть въ свои руки, чтобы доставить побѣду своимъ экономическимъ или соціальнымъ интересамъ. Тамъ, гдѣ насильственно ниспровергались прежнія сословныя или иныя различія между людьми, тотчасъ же слагались новыя, и мечта о всеобщемъ братствѣ оставалась мечтою.

Быть можетъ, пропасть, раздѣляющая по настроенію и чувствамъ современнаго рабочаго и предпринимателя, не менѣе глубока, чѣмъ пропасть, раздѣлявшая въ прежнее время сельскій людъ и поземельнаго собственника, феодала. Такимъ образомъ расчлененіе общества соотвѣтственно интересамъ отдѣльныхъ группъ населенія представляется по-прежнему неизбѣжнымъ. Оно во многомъ совпадаетъ съ расчлененіемъ, установленнымъ исторіею. Чѣмъ менѣе данная страна подвинулась въ своемъ культурномъ и экономическомъ развитіи, тѣмъ явственнѣе будетъ это совпаденіе. Поэтому сословное начало у насъ сильнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, и всесословность или безсословность остается у насъ въ гораздо большей степени только теоретическимъ и законодательнымъ требованіемъ, чѣмъ на Западѣ. Мы льстили себя надеждою, что путемъ однихъ законодательныхъ мѣропріятій можно будетъ превратить сословную Россію въ безсословную. На дѣлѣ это не оправдалось, и минувшее царствованіе вполнѣ признало этотъ фактъ. Сохраняя въ большинствѣ случаевъ принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, оно въ то же время принимало во вниманіе экономическое различіе разныхъ сословій и старалось удовлетворить ихъ сепаратные интересы, не упуская изъ виду главной государственной задачи, т. е. поднятія уровня матеріальнаго и духовнаго благосостоянія народной массы общими усиліями всѣхъ сословій и правительства.

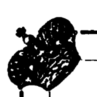


О результатахъ, достигнутыхъ на этомъ пути, мы говорить не станемъ, потому что хотимъ здѣсь выяснить лишь общую руководящую идею минувшаго царствованія. Примиреніе расходящихся экономическихъ интересовъ сословій и иныхъ группъ населенія—задача очень трудная, особенно если она еще усложняется религіозными и племенными различіями. Это усложненіе можетъ быть на столько сильно, что оно затемняетъ основную мысль законодателя и уклоняетъ ее отъ нормальнаго пути. Какъ бы то ни было, пробужденіе національнаго чувства выразилось и въ дальнѣйшихъ энергическихъ мѣрахъ по обрусенію нашихъ окраинъ, преимущественно привислянскихъ и прибалтійскихъ губерній, на которыя было распространено дѣйствіе общегосударственныхъ учрежденій и судебныхъ уставовъ 1864 года, равно какъ и были приняты мѣры къ прочному водворенію въ этихъ частяхъ имперіи общегосударственнаго языка. Но всѣ эти законодательныя и административныя мѣропріятія составляютъ уже не особенность минувшаго царствованія, а продолженіе той обрусительной политики, которой стало придерживаться наше правительство еще при Александрѣ II, отчасти вслѣдствіе возстанія 1863 года, отчасти же вслѣдствіе все усиливавшейся розни между нашимъ отечествомъ и Германіею.

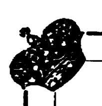
Гораздо яснѣе проявилась руководящая идея минувшаго царствованія въ томъ характерѣ, который приняла международная наша политика.



Тутъ предстояло рѣшить очень трудную задачу. Съ одной стороны, въ виду всеобщихъ вооруженій, наше отечество должно было также усиленно позаботиться о дальнѣйшемъ развитіи своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; съ другой — экономическіе успѣхи Россіи и подъемъ благосостоянія народныхъ массъ настойчиво требовали сохраненія мира. Задача эта разрѣшена блестящимъ образомъ. Наши вооруженныя силы возросли въ значительной степени, владычество Россіи въ Средней Азіи упрочено почти безъ всякихъ жертвъ, западная наша граница внушительно укрѣплена, черноморскій флотъ возродился и все это состоялось безъ нарушенія мира. А между тѣмъ именно въ минувшее царствованіе опасность его нарушенія была очень велика. Одинъ болгарскій вопросъ подвергъ уже сильному испытанію миролюбіе Россіи. Стоитъ только вспомнить болгарскія событія 1886 года, миссію Каульбарса, вызывающій образъ дѣйствія Стамбулова, чтобы въ этомъ убѣдиться. Такому могущественному государству, какъ Россія, конечно, было не легко воздержаться отъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла крошечной страны, освобожденной ею и тѣмъ не менѣе какъ бы умышленно вызывавшей ее на кровавую расправу. Оказалось, однако, что за болгарскою передрягою скрывалась широкая политическая интрига, направленная противъ нашего отечества, и что главнымъ ея виновникомъ являлся бывшій германскій канцлеръ, успѣвшій

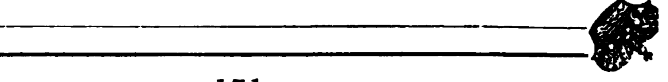


создать такъ называемую лигу мира, чтобы поддерживать въ Европѣ главенство Германіи къ явному ущербу существеннымъ интересамъ Россіи. Такимъ образомъ, не смотря на свиданія въ Скерневицахъ и Кремзирѣ, постепенно выяснилось, что трехъ-императорскій союзъ утратилъ всякое значеніе, и что двое изъ мнимыхъ союзниковъ дѣятельно подготовляются къ войнѣ противъ третьяго. Равновѣсіе силъ было явно нарушено, и вызывающій образъ дѣйствій Германіи убѣждалъ, что союзники торопятся разгромить Россію, пока она еще находится въ изолированномъ положеніи, какъ въ области нашихъ международныхъ экономическихъ интересовъ, такъ и на полѣ сраженій. Миръ могъ быть спасенъ, но только при условіи сближенія между Россію и французскою республикою. Это сближеніе, дѣйствительно, состоялось и, благодаря ему, равновѣсіе силъ было возстановлено, такъ что Германія не могла безъ явнаго риска нарушить миръ, а таможенная война кончилась заключеніемъ выгоднаго для насъ торговаго договора. Роль императора Александра III въ этомъ дѣлѣ достаточно выяснена какъ нашею, такъ и заграничною печатью. Благодаря сближенію Россіи съ Франціею, страшное кровопролитіе и нарушеніе нашихъ международныхъ экономическихъ интересовъ были предотвращены. Но мы не можемъ не отмѣтить, что и тутъ проявилась руководящая идея минувшаго царствованія: миръ, столь необходимый для успѣховъ эконо-



мической жизни нашего отечества, былъ огражденъ путемъ тяжелой жертвы, путемъ отреченія отъ вѣковыхъ традицій ради достиженія первостепенной практической цѣли.

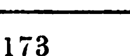
Таковъ основной характеръ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій минувшаго царствованія. Мы далеки отъ мысли, что намъ удалось въ этихъ немногихъ строкахъ начертить болѣе или менѣе полную картину этого царствованія. Нѣкоторыя стороны нами совершенно не затронуты, другихъ — мы коснулись только вскользь, но намъ казалось, что на рубежѣ двухъ царствованій умѣстнѣе всего отрѣшиться на нѣкоторое время отъ злобъ дня, отъ всего, что возбуждаетъ страсти и омрачаетъ трезвость нашего сужденія, чтобы, руководствуясь общимъ ходомъ исторіи и широкими теченіями міровой жизни, уяснить себѣ, въ чемъ заключается сущность только что пережитаго нами времени. При такой точкѣ зрѣнія многое наносное, случайное,—хотя и поглощавшее наше вниманіе, быть можетъ, больше, чѣмъ существенное, основное— отпадаетъ и общее направленіе пережитой эпохи выступаетъ рѣзче, опредѣленнѣе. Направленіе это было по преимуществу дѣловое, практичское. Этотъ основной характеръ его подтверждается всѣми перечисленными нами законодательными и административными мѣропріятіями, а также возвращеніемъ къ традиціямъ прежнихъ царствованій, когда государственные дѣятели часто избирались не изъ лицъ родовитыхъ и близкихъ



къ придворнымъ сферамъ, а изъ лицъ, вращавшихся въ дѣловыхъ сферахъ, гдѣ они успѣли обнаружить свои способности, наконецъ, и тѣмъ фактомъ, что грандіознѣйшее русское сооруженіе нашихъ дней, постройка великой сибирской желѣзной дороги, неразрывно связано съ именемъ новаго русскаго Царя.

Послѣ бурнаго времени осуществленныхъ или задуманныхъ государственныхъ реформъ насталъ при усопшемъ Государѣ роздыхъ; но этотъ роздыхъ не означалъ бездѣйствія, а только отсрочку нѣкоторыхъ задачъ, чтобы полнѣе посвятить себя другимъ. Между послѣдними борьба съ такъ называемыми отрицательными теченіями занимала первенствующее мѣсто. Но самая эта борьба имѣла отрицательную и положительную сторону. Отрицательною своею стороною она не выходила изъ предѣловъ общеполицейскихъ мѣръ по обезпеченію установленнаго порядка; положительною же она тѣсно соприкасалась съ духомъ времени, съ тою задачею, которую предстоитъ окончательно рѣшить всѣмъ цивилизованнымъ народамъ въ наступающемъ новомъ столѣтіи. Задача эта—обезпеченіе матеріальнаго и духовнаго благополучія освобожденныхъ массъ при помощи совмѣстныхъ усилій правительства и общества, интеллингенціи и самого народа, на почвѣ всесторонне выясняемыхъ интересовъ практической жизни. На этой-то почвѣ, устраняющей вѣчное шатаніе мысли—это наболѣвшее мѣсто нашего общественнаго самосознанія—воз-

можно единеніе всѣхъ факторовъ государственной жизни, и, твердо вступивъ на нее, русское общество, быть можетъ, вѣрнѣе всего достигнетъ и окончательнаго обезпеченія гражданственности въ нашемъ, всѣми одинаково горячо любимомъ, отечествѣ. Прошлое царствованіе въ этомъ смыслѣ является прямымъ дополненіемъ освободительной эпохи и, будемъ надѣяться, преддверіемъ новаго дружнаго подъема культурныхъ силъ, создавшихъ единую, могущественную Россію, для рѣшенія самой насущной задачи нашего времени.

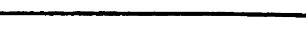


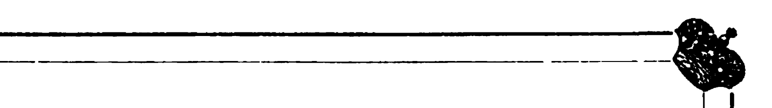
Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.

Рѣчь,

произнесенная въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 28 Октября 1894 г. Предсѣдателемъ Общества В. О. Ключевскимъ.

Оплакивая вмѣстѣ съ Россіей, вмѣстѣ со всей Европой кончину Императора Александра III, наше Общество имѣетъ и свои особыя побужденія усиленно скорбѣть объ этой тяжкой утратѣ. Мы сейчасъ молились объ упокоеніи души почившаго Государя, Державнаго Покровителя нашего Общества. Назвать Его Покровителемъ обществъ, занимающихся изученіемъ исторіи и археологіи Россіи, значитъ слишкомъ слабо выразить Его отношеніе къ этой отрасли знанія. Онъ не только благоволилъ къ трудамъ этой отрасли; Онъ возбуждалъ и поощрялъ ихъ средствами матеріальными и нравственными. Въ числѣ обществъ, пользовавшихся обильными пособіями отъ державной руки Почившаго, и наше удостоено было Имъ усиленной поддержки, и вотъ уже 10 лѣтъ пользуется симъ царственнымъ даромъ. Можно быть увѣреннымъ, что еще не получили общей извѣстности многіе случаи, когда Его державная рука щедрой помощью поддерживала и поощряла труды по изученію и возстановленію памятниковъ оте-

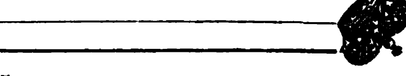




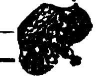
чественной старины. Многимъ-ли, напримѣръ, извѣстна великодушная и просвѣщенная помощь, оказанная имъ при реставраціи дворца царевича Димитрія въ Угличѣ?

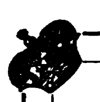
Еще благотворнѣе было Его прямое участіе въ изученіи родной старины. Государь, Который сосредоточивалъ въ Своихъ рукахъ многосложныя нити управленія необъятной Имперіи, направлялъ или сдерживалъ разностороннія теченія міровой международной жизни, Которому, казалось, необходимо было удвоенное число суточныхъ часовъ для рѣшенія многообразныхъ государственныхъ вопросовъ, ежеминутно на каждомъ Его шагу выроставшихъ изъ земли,—этотъ Государь умѣлъ находить досугъ для скромной ученой работы, особенно по изученію отечественной исторіи и древностей, и былъ глубокимъ знатокомъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ русской археологіи, напримѣръ, въ иконографіи. Всѣ мы знаемъ Его постоянное и близкое участіе въ засѣданіяхъ и издательскихъ трудахъ Русскаго Историческаго Общества, Предсѣдателемъ котораго Онъ былъ съ самаго его открытія, глубокій научный интересъ, приданный Сборнику этого Общества содѣйствіемъ и покровительствомъ Государя, живое вниманіе, съ которымъ Государь относился къ предпринятому Обществомъ изданію громаднаго Біографическаго Русскаго Словаря: высокій примѣръ поощрялъ и ободрялъ ученыя общества, будилъ и поддерживалъ энергію отдѣльныхъ изслѣдователей.

Оживленіе русской исторической мысли, под-



держанной и ободренной просвѣщеннымъ вниманіемъ и прямымъ личнымъ участіемъ почившаго Государя, переживетъ его царственную дѣятельность, прервавшуюся столь преждевременно, и долго будетъ находить животворное питаніе въ обильныхъ историческихъ плодахъ Его царствованія, вырощенныхъ для Россіи Его 13-лѣтними державными заботами. Еще не настало время всесторонняго сужденія о царствованіи Императора Александра III: передъ незакрывшимся еще гробомъ молчитъ судъ исторіи. Мы теперь едва-ли въ состояніи понять все историческое содержаніе и значеніе переживаемаго нами момента, созданнаго дѣятельностью и кончиной почившаго Государя: пока еще не остывшая печаль застилаетъ глаза, люди больно чувствуютъ и тускло видятъ ея причину. Но иныя впечатлѣнія современниковъ складываются такъ послѣдовательно и отчетливо и высказываются такимъ внушительнымъ и вѣщимъ языкомъ, что предупреждаютъ и предрекаютъ судъ потомства. Прислушиваясь къ голосамъ, вызваннымъ болѣзнію и кончиной Почившаго, у насъ и особенно за границей, вдумываясь въ свои собственныя ощущенія, каждый изъ насъ почувствовалъ, что въ историческомъ сознаніи образованнаго міра совершается глубокій переломъ, въ высшей степени важный для судебъ цивилизаціи: этотъ переломъ измѣняетъ взаимныя отношенія народовъ, прежде всего отношенія западно-европейскихъ народовъ къ русскому и русскаго къ нимъ.

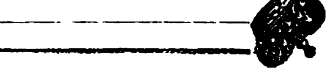




Кто не знаетъ и къ чему скрывать, что эти отношенія, правда, не исключительно, но, къ сожалѣнію, въ значительной мѣрѣ направлялись доселѣ однимъ вѣковымъ закоренѣлымъ предубѣжденіемъ, видѣвшимъ въ Россіи авангардъ азіатскаго варварства, вѣчную угрозу европейской цивилизаціи. Мы отвели отъ западной Европы и вынесли на своихъ плечахъ рядъ нашествій, угрожавшихъ міру порабощеніемъ, начиная съ Батыя и кончая Наполеономъ I, а Европа смотрѣла на Россію, какъ на переднюю Азіи, какъ на врага европейской свободы. Въ царствованіе Императора Александра II мы на глазахъ одного поколѣнія мирно совершили въ своемъ государственномъ строѣ рядъ глубокихъ реформъ въ духѣ христіанскихъ правилъ, слѣдовательно, въ духѣ европейскихъ началъ,—такихъ реформъ, какія стоили западной Европѣ вѣковыхъ и часто бурныхъ усилій, а эта Европа все продолжала видѣть въ насъ представителей монгольской косности, какихъ-то навязанныхъ пріемышей культурнаго міра. Подъ гнетомъ такого взгляда и Россія привыкала косо и недовѣрчиво смотрѣть на западную Европу.

Прошло 13 лѣтъ царствованія Императора Александра III, и чѣмъ тороплнвѣе рука смерти спѣшила закрыть Его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія. Наконецъ, и камни возопіяли, органы общественнаго мнѣнія Европы заговорили о Россіи правду и заго-

ворили тѣмъ искреннѣе, чѣмъ непривычнѣе было для нихъ говорить это. Оказалось по этимъ признаніямъ, что европейская цивилизація недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе, для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ, что горящій фитиль не разъ съ разныхъ сторонъ приближался къ этому опасному оборонительному складу и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука русскаго Царя тихо и осторожно отводила его. Тогда историческое сознаніе Европы сдѣлало надъ собою одно изъ тѣхъ великихъ усилій, какія не разъ поднимали его въ минуты ослабленія и въ которыхъ сказывается его сила, воспитанная строгимъ научнымъ знаніемъ и добросовѣстной мыслью,—его способность при встрѣчѣ съ истиной отрѣшаться отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ. Европа признала, что Царь русскаго народа былъ и государемъ международнаго мира и порядка, и этимъ признаніемъ подтвердила историческое призваніе Россіи, ибо въ Россіи по ея политической организаціи въ волѣ Царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его Царя. Европа призналась, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ, понимаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ; она признала Россію органически необходимой частью своего культурнаго состава, кровнымъ, природнымъ членомъ семьи своихъ народовъ. Это признаніе само собой, невольно вырвалось изъ души

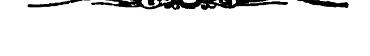


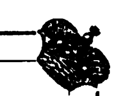
европейскаго общества подъ впечатлѣніемъ извѣстій о послѣднихъ минутахъ жизни почившаго Императора и не замереть съ его послѣднимъ вздохомъ: октябрьскіе дни ливадійскихъ страданій были для западной Европы днями нравственнаго сближенія съ Европой восточной и, провожая въ могилу гробъ русскаго Царя, она впервые оплакиваетъ въ немъ своего европейскаго государя.

Кто знаетъ, — можетъ быть, это признаніе дастъ новое направленіе всему теченію международной жизни Европы. Во всякомъ случаѣ путь русской исторической мысли становится ровнѣе и свѣтлѣе. Теперь, когда каждый европейскій народъ свѣтлой страницей занесетъ царствованіе Императора Александра III въ свою исторію, эта мысль въ усиленномъ сознаніи признаннаго значенія своего отечества почерпнетъ для себя новыя силы, при окрѣпшемъ международномъ довѣріи встрѣтитъ на пути своемъ меньше предубѣжденій, въ виду открытаго признанія своихъ помысловъ о культурномъ отношеніи Россіи къ Европѣ почувствуетъ себя менѣе обособленной и дружнѣе примкнетъ для совмѣстной работы къ мысли западно-европейской. Смерть, смежившая очи почившаго Государя, яркимъ лучомъ озарила историческій смыслъ жизни Его народа и воскресила чувство нравственнаго единенія европейскаго міра: скорбный откликъ Европы на русское народное горе—это отвѣтъ на скорбь, съ какою много вѣковъ назадъ старин-

ный русскій лѣтописецъ оплакивалъ неудачу третьяго крестоваго похода, какъ общую бѣду всего христіанства, называя павшихъ крестоносцевъ «мучениками святыми».

Наука отведетъ Императору Александру III подобающее мѣсто не только въ исторіи Россіи и всей Европы, но и въ русской исторіографіи, скажетъ, что Онъ одержалъ побѣду въ области, гдѣ всего труднѣе достаются побѣды, побѣдилъ предразсудокъ народовъ и этимъ содѣйствовалъ ихъ сближенію, покорилъ общественную совѣсть во имя мира и правды, увеличилъ количество добра въ нравственномъ оборотѣ человѣчества, ободрилъ и приподнялъ русскую историческую мысль, русское національное сознаніе и сдѣлалъ все это такъ тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его ужъ нѣтъ, Европа поняла, чѣмъ Онъ былъ для нея.





Императоръ Александръ III.

Итакъ, чаяніямъ и упованіямъ сердецъ нашихъ не дано исполниться. Возлюбленный Монархъ нашъ бездыханенъ во гробѣ. Свершитъ онъ въ послѣдній разъ обычный путь Свой отъ юга къ сѣверу, но какая печальная для насъ будетъ встрѣча Его и въ мѣсто вѣчнаго покоя мы должны Его проводить.

Кто могъ думать, что этотъ мужъ силы душевной и тѣлесной, какъ бы нарочито созданный, чтобы повелѣвать и царствовать, такъ быстро будетъ сраженъ косою смерти! Сколько болѣзней здѣсь и тамъ неожиданно открылось въ этомъ могучемъ организмѣ! Всѣ силы науки и вѣры соединились, чтобы сохранить, продлить драгоцѣнную жизнь. Молитва милліоновъ людей неслась къ небесамъ. Господь-ли не услышитъ, думалось, этой единодушной молитвы, въ особенности молитвы дѣтей? Нѣкоторыя благопріятныя вѣсти оживляли надежду, окрыляли молитву. Но послѣ отрадныхъ вѣстей неслись горькія и, наконецъ, послѣдняя страшная вѣсть...

Не суть совѣти Мои, якоже совѣти ваши, ниже якоже путіе ваши, путіе Мои, глаголетъ Господь. (Ис. 55, 8).

Путь Божій яркою, огненною чертою проходитъ чрезъ всю жизнь этого, воистину, Избранника Божія.

Второй, а не первый Сынъ благословенныхъ

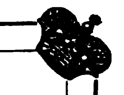
Александра и Маріи, Онъ готовился быть первымъ помощникомъ старшаго брата, первымъ исполнителемъ его велѣній. Но неожиданная кончина юнаго Цесаревича Николая открываетъ Ему путь къ престолу. И что-же? Не ясно-ли всѣмъ теперь, что *Имѣющій въ руцѣ Своей власть земли* возвигъ въ Немъ истинно *потребнаго* Царя и правителя по нуждамъ царства и времени?

При какихъ страшныхъ условіяхъ принималъ Онъ на главу Свою вѣнецъ Прародительскій!

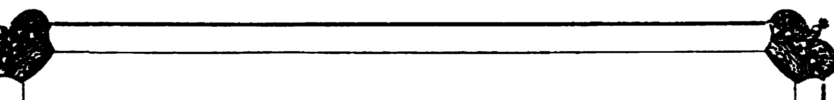
Возмутительная крамола, самое дерзкое покушеніе и страшный исходъ его, мученическая кончина славнаго Вѣнценосца, всеобщая скорбь, стонъ и плачъ въ народѣ, явные и тайные враги за оградой, непроглядная тьма впереди... Помнится живо, какъ всѣ мы сознавали тогда, какое страшное бремя эта власть высокая, какой ужасъ бралъ насъ при мысли, что если бы въ этотъ страшный часъ не было человѣка, который высшимъ призваніемъ обязанъ взять это тяжкое бремя на свои рамена и понести его. И вотъ, повинуясь велѣнію Вышняго, Онъ взялъ Свой царственный крестъ и несъ его съ великимъ долготерпѣніемъ до послѣдней минуты жизни. Почти 14 лѣтъ неустаннаго бодрствованія, неусыпнаго труда, полнаго забвенія о Себѣ, самоотверженной заботы о благѣ другихъ—и ближнихъ и дальнихъ. Ни одной мрачной тѣни въ вѣнцѣ Его. Только заклятый врагъ истины и добра могъ бы быть Его врагомъ.

Самою высшею побѣдою признается побѣда

надъ самимъ собою. Онъ одержалъ эту славную побѣду, и имя Его уже и теперь возносится выше прославленныхъ побѣдами героевъ древняго и новаго міра. Злоухищреніямъ враговъ Онъ противополагалъ прямоту и искренность, лжи и неправдѣ — правду слова и дѣла, воинскимъ замысламъ—благожеланія мира и любви. Сколько мелкихъ и крупныхъ интригъ, сколько обидъ, иногда тяжкихъ и кровныхъ, и отъ враговъ, и отъ облагодѣтельствованныхъ Имъ лицъ, и даже племенъ и народовъ, усиливались нарушить это спокойствіе самообладанія, уязвить это величіе власти! Онъ отвѣчалъ на нихъ спокойнымъ и твердымъ словомъ правды и любви. Вотъ она—истинно христіанская кротость, и Евангельское обѣтованіе ей видимъ въ жизни Его исполнившимся. Теперь вся Европа сознаетъ, что благопріятнымъ разрѣшеніемъ возникавшихъ затрудненій, поддержаніемъ мира и спокойствія въ этотъ страшный вѣкъ милитаризма она обязана главнымъ образомъ миролюбію Русскаго Вѣнценосца. Слово его, всегда прямое и твердое, получало силу закона далеко за предѣлами царства. Къ его мыслямъ и желаніямъ прислушивались враждующіе сосѣди и боялись идти противъ нихъ. Не проливая крови, безъ грома побѣдъ, внѣ силы войска и оружія, Онъ высокимъ нравственнымъ вліяніемъ господствовалъ въ Европѣ. Это не только сознавалось, но и говорилось громко, особенно въ послѣдніе дни во всеуслышаніе.



И во многихъ другихъ отношеніяхъ являлъ Онъ высокій примѣръ для подражанія, и примѣръ сей видѣла вся Россія и окружающіе ее народы. Въ вѣкъ господства роскоши, страсти къ наживѣ, Онъ удивлялъ всѣхъ простотою жизни, и какъ будто особенно любилъ это довольство малымъ. Въ вѣкъ шатанія умовъ, ослабленія семейныхъ связей, Онъ былъ образцомъ истиннаго семьянина по закону Евангельскому. Вотъ нѣсколько словъ о счастливой семейной жизни почившаго Государя: это вѣнокъ на Его могилу отъ почившаго также святителя Никанора... «Кто изъ насъ не видитъ», — говоритъ святитель,—«идеалъ христіанской, семейной супружеской любви въ самой благородной четѣ, поставленный на самый высокій свѣщникъ, чтобы свѣтить чистѣйшимъ свѣтомъ во всѣ концы Святой Руси? Кто не видитъ тамъ Супругу, Которая во время продолжительной, тяжкой, даже заразительной болѣзни Мужа не отошла отъ Него ни на шагъ, и отходила Его не только пламенною молитвой беззавѣтно любящаго сердца, но и самоотверженнымъ трудомъ Собственныхъ рукъ! Кто не видитъ тамъ Отца, Который среди безчисленныхъ, самыхъ тяжкихъ думъ и заботъ отдыхаетъ, принимая радостное участіе въ играхъ Собственныхъ малыхъ дѣтей? Кто не видитъ тамъ цѣлое семейство, которое произнесло Богу обѣтъ всегда неразлучно окружать Отца среди постоянно угрожающихъ его жизни опасностей, окружать въ видѣ сонма ангеловъ хранителей,



не взирая на собственную опасность вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать? И спасаютъ: спасаютъ своею преданностію, своею молитвою, однимъ словомъ присутствіемъ. У коварнаго злодѣя не поднимется рука на нихъ, на всѣхъ... И Богъ спасаетъ; спасаетъ даже явно чудодѣйственно, спасаетъ всѣхъ ихъ, идеально прекрасное, христіанское, святое семейство для счастія и поученія Россіи *)». Наконецъ, въ вѣкъ невѣрія и вольнодумства Онъ былъ для всѣхъ образцомъ искренней и живой вѣры. Праведно-христіанская жизнь награждена истинно христіанскою кончиною. Какъ прямо и твердо шелъ онъ жизненною стезей, такъ и послѣдній часъ Свой Онъ встрѣтилъ съ христіанскимъ приготовленіемъ, въ полномъ сознаніи духа, господствовавшаго надъ разрушающимся бреннымъ составомъ.

Кто исчислитъ заслуги этого добраго и мудраго Императора для народа, ввѣреннаго Его попеченію? Еще Наслѣдникомъ Престола Онъ проявилъ высокія качества сердца въ постигшую народъ годину голода. По Его мысли и заботѣ, способные изъ бѣдствующихъ были призваны къ труду съ вознагражденіемъ за оный, другимъ отъ щедротъ Царскихъ дана была обильная милостыня. Это благодѣяніе еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ Онъ съ высоты Престола оказалъ Своему народу въ тяжкопамятные 1891 и 1892 годы, пріобщая къ Своей Царственной

*) Поученія т. 3, стр. 460.

заботѣ о бѣдствующихъ и Наслѣдника Престола. Благодаря своевременно и мудро принятымъ мѣрамъ, бѣдствія голода — этого страшнѣйшаго изъ бѣдствій человѣческихъ—облегчены, и памятникомъ Царственныхъ заботъ о народѣ, равно какъ и постигшихъ его испытаній, навсегда останутся сооруженія многихъ желѣзныхъ дорогъ и стелющейся теперь на необозримое пространство Сибирской. Замѣчательное совпаденіе: незабвенный Родитель Его, Императоръ Александръ II, освободилъ двадцать три милліона людей отъ цѣпей рабства, доблестный Сынъ Его, Императоръ Александръ III, пропиталъ 23 губерніи, постигнутыя голодомъ.

Дѣло исторіи собрать, освѣтить, представить въ живой картинѣ все, что Имъ сдѣлано для блага народа. Во множествѣ благодѣяній Его особенно ярко выступаютъ Его милости, оказанныя дворянскому сословію, понесшему значительныя жертвы съ отмѣною крѣпостнаго права. Духовенство никогда не забудетъ и Монаршаго довѣрія къ его силамъ и дѣятельности, и Монаршихъ щедротъ къ обезпеченію его быта. Историческій музей въ Москвѣ, Сибирскій университетъ въ Томскѣ — будутъ свидѣтельствовать объ Его любви къ просвѣщенію. Духовно-учебныя заведенія такъ недавно возносили молитвы благодаренія за щедроты, Имъ явленныя. Въ мирное Царствованіе Императора Александра III Православная Россія покрылась неисчислимымъ множествомъ вновь воздвигнутыхъ и во-

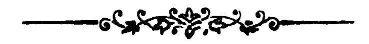
зобновленныхъ храмовъ и часовенъ. Сколько храмовъ вновь устроено и устрояется въ одномъ С.-Петербургѣ! Возстановленіе церковно-приходской школы для образованія народа въ духѣ и завѣтахъ Православія — одно изъ блестящихъ украшеній въ вѣнцѣ почившаго Монарха.

Уже многіе изъ начинаній и трудовъ Императора Александра III видимо увѣнчались успѣхомъ. Европа узнала Его и смирилась предъ Нимъ. Наиболѣе воинствовавшіе государи заявляютъ желаніе стать, подобно ему, на путь мира. Разрушительныя ученія падаютъ одно за другимъ. Какъ будто открывалась новая эра въ жизни народовъ, въ союзѣ съ вѣрой. Въ семейной жизни Самого Монарха отчасти совершались, отчасти готовились счастливыя событія, обѣщавшія неустанному Труженику на Престолѣ помощь и облегченіе въ трудѣ. Открывалась, какъ нѣкогда Моисею, земля обѣтованная, послѣ *тяготы и вара* жизненнаго *дне* успокоеніе въ благословенной старости. Но въ это именно время послышался зовъ туда... Такова участь многихъ избранниковъ Божіихъ, подвижниковъ и споспѣшниковъ добра.

Непостижимы судьбы Вышняго, но перстъ Божій ясно виденъ. По окончаніи перваго семилѣтія (издревле священное число), на радость и въ поученіе намъ, добрый Вѣнценосецъ Нашъ со всѣмъ благословеннымъ Семействомъ и ближайшими соучастниками въ трудѣ правленія чудесно спасенъ отъ страшнаго крушенія. Прихо-

дитъ къ концу второе семилѣтіе мирнаго царствованія, и въ эти самые дни вновь раздается слово Господне, возвавшее отъ насъ Нашего добраго Царя, несмотря на всѣ усилія любви нашей удержать Его здѣсь. Знаменательный урокъ для насъ, значеніе котораго раскроется въ послѣдующихъ судьбахъ Россіи.

Да будетъ для насъ утѣшеніемъ, что судьбы эти въ рукахъ Провидѣнія. Съ вѣрою и упованіемъ помолимся, да воздастъ Господь почившему Императору Нашему за самоотверженный трудъ жизни, за все доброе, Имъ сдѣланное для насъ, тамъ, въ землѣ живыхъ, Своею великою и богатою милостію, и чувства любви, преданности, покорности, воспитанныя Имъ въ нашемъ сердцѣ, перенесемъ къ Наслѣднику Его труда и славы Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю II-му.



ДУМЫ.

Въ своемъ гробѣ слышишь-ли Ты,—что плачъ стоитъ надъ необъятнымъ просторомъ Твоей Россіи, потому что солнце ея закатилось; по Тебѣ Русская земля стонетъ. Ей говорятъ, что Тебя ужъ нѣтъ болѣе съ нами...

Но Ты только прилегъ и уснулъ.

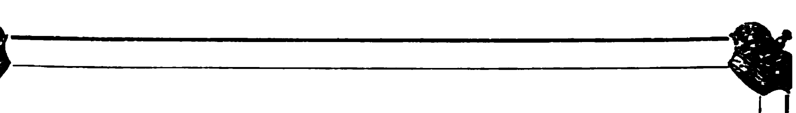
Спи тихо, нашъ Царь!

Ты усталъ отъ работы, Съ тѣхъ поръ какъ Ты лилъ чистыя слезы передъ Богомъ, надѣвая Царскій вѣнецъ, Ты вытерпѣлъ много—Ты ковалъ нашу славу и счастье; теперь руки ослабѣли и пали.

Спи, отдыхай, Богатырь земли Русской!

Тамъ, куда тебя позвали, Тебя спросятъ о Твоемъ дѣлѣ и о той православной державѣ, которою Ты владѣлъ и за которую отдалъ свою жизнь; и тогда предстанетъ за Тебя страна Твоя предъ Престоломъ, гдѣ будетъ состязаться съ Тобой Царь царей, и тоска Россіи оправдаетъ Тебя.

Вѣровала въ Тебя Русь, дышала Тобой и рвалась на молитву, чтобъ сохранить Тебя. Но Ты былъ нуженъ на небѣ ожидавшему Богу. Тамъ собраны тѣ, которые, какъ Ты, не сказали въ жизни льстиваго слова и не щадили себя за врученныхъ имъ людей. На Твою правду молились тьмы русскаго племени, и небо удивилось ей и захотѣло Тебя.



Говорятъ, что Тебя съ нами нѣтъ. Но глубокую тайну хранитъ въ себѣ Русь, уповая, что Ты ея не покинешь и въ новой силѣ подымешься ея вѣчнымъ заступникомъ, болѣя за нее, какъ и прежде. Не погаснетъ никогда на Тебѣ вѣнецъ Твоего Царскаго страданія, Твоей заботѣ не суждено конца, у Тебя съ Россіей не будетъ разлуки.

На русской землѣ Твой Сынъ, на небесѣхъ Твоя молитва!

Спи безмятежно, Кроткій Работникъ! Твоя правдивая жизнь запала намъ въ душу, и Царскій завѣтъ Твой будетъ нерушимъ, завѣтъ вѣровать въ нашу Русь и служить ей, какъ Ты послужилъ ей всей Твоей мыслью и силой до смерти.

Бодро мы станемъ, вдохновясь Твоимъ именемъ и будемъ мы думать: Ты съ нами и, когда мы увидимъ Тебя, Ты спросишь отвѣтъ съ насъ. А пока надеженъ покой Твой: вокругъ Тебя миръ, который хранилъ Ты, и вѣрная Россія, а на родномъ небѣ горитъ Твоимъ свѣтомъ древнее слово: «Богъ не силѣ, а въ правдѣ».

Ясная святыня великаго племени, Вождь, на вѣки избранный русскими сердцами, спи въ отрадѣ подъ знаменемъ Христова креста!

На русскомъ стягѣ запечатлѣно Твое имя. Никогда оно не умолкнетъ въ русскомъ народѣ. Спи среди возвеличенной Тобою родины, покрываемый русской любовью.

Для Тебя у Россіи нѣтъ смерти. Спи тихо, нашъ праведный Царь!

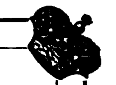
Такъ теперь уже не умираютъ,—сорвалось съ губъ одного русскаго человѣка, послѣ того какъ онъ прочиталъ съ благоговѣніемъ появившееся въ газетахъ краткое описаніе послѣднихъ минутъ почившаго Государя...

И дѣйствительно, такъ не умираютъ, въ наше время, ибо трудно себѣ представить того человѣка, который *могъ бы*, проживши извѣстное число лѣтъ жизнью *нашего времени* и *нашего вѣка*, быть въ послѣднюю минуту настолько спокойнымъ, чтобы сказать:—я спокоенъ,—и ждать смерти такъ, какъ ее ждетъ въ своей душной избенкѣ нашъ русскій крестьянинъ, этотъ стихійный философъ и стихійный христіанинъ.

Но дѣло въ томъ, что такъ могъ умереть нашъ Многовозлюбленный Царь, потому что Онъ такъ жилъ...

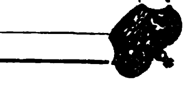
Такъ не живутъ уже теперь, можно было всегда сказать, глядя на жизнь почившаго Государя съ благоговѣйнымъ удивленіемъ, столь же искренно, какъ сказалъ русскій человѣкъ про Его кончину, что такъ нынче уже не умираютъ...

Еще старшій покойный Братъ Его, Цесаревичъ Николай Александровичъ, любуясь Его духовною кротостью, сказалъ 30 лѣтъ назадъ про Него: *душа Его чиста, какъ самый чистый кристаллъ...*

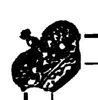


Тогда, когда эти слова были сказаны, Великому Князю Александру Александровичу было 17 лѣтъ. Три дня назадъ въ Ливадійскомъ дворцѣ, 32 года спустя, душа человѣка, бывшаго 16 лѣтъ Наслѣдникомъ Престола, 13 лѣтъ Государемъ, 28 лѣтъ супругомъ, на 50-мъ году жизни, является передъ цѣлымъ міромъ, съ нею прощающимся, и передъ Богомъ, ее встрѣчающимъ, такою же чистою, какъ самый чистый кристаллъ...

Чтобы сіе было возможно, ясно, что надо было, чтобы жизнь этого Русскаго Государя была такая, какою теперь не живутъ... И этой-то жизни, и только ей, мы обязаны всѣмъ тѣмъ, что съ Россіею случилось благого въ эти 13 лѣтъ. Вѣроятно, многіе, за это время, умы въ разныхъ своихъ маленькихъ сферахъ жизни увлекались своимъ «я» до гордой мысли, что они что-то значатъ, что-то дѣлаютъ въ исторіи своего отечества... А еще болѣе за это время перебывало такихъ людей, которыхъ удача, удовольствіе, роскошь, нажива значительно испортили духовно, или, наоборотъ, которыхъ неудачи озлобили и вооружили противъ жизни!... Но былъ одинъ человѣкъ на Руси за это время, Который ни разу о Себѣ не подумалъ, ни разу про Себя не вспомнилъ — а рядомъ съ этимъ, на Котораго ни одно внѣшнее условіе жизни, въ сферѣ безпредѣльно широкой жизни, въ сферѣ всемірной, слѣдовательно, полной обольщеній безъ конца, и при постоян-



Великій князь Александръ Александровичъ, командиръ 1-го баталіона Л.-Гв. Преображенскаго полка въ 1864 году.



ной возможности сильнаго вліянія личныхъ впечатлѣній на жизнь, ни одно, говорю я, внѣшнее условіе жизни не подѣйствовало, то-есть, не могло подѣйствовать, ибо въ этой хрустальной душѣ все было для воспріятія Божественнаго долга, но ничего не было, чѣмъ бы воспріять дурное впечатлѣніе, чѣмъ испортиться, чѣмъ вооружиться противъ людей, некогда было этой душѣ, всецѣло отданной долгу, останавливаться на суетныхъ деталяхъ жизни: досугъ между дѣломъ отдавался Женѣ, Дѣтямъ, добру и прекрасному, и въ этой душѣ не было никакой возможности зародить или заронить тѣ сѣмена, которыя постепенно привязываютъ къ жизни разными искусственными и мелочными, но всегда портящими душу связями... Оттого, когда почившій Государь вступилъ на престолъ и въ первый день послѣ 1 марта передъ Нимъ явились старые государственные люди—всѣ они почувствовали какое-то сильное и необыкновенное впечатлѣніе отъ этой чистоты души, отъ этого царенія въ Молодомъ Царѣ правды... И это-то и была чудотворная сила Государя, въ 13 лѣтъ успокоившаго до основъ Свое царство и умиротворившаго всю землю, въ предѣлахъ образованныхъ народовъ, считавшихъ тогда Россію послѣднею по образованію страною... И вотъ замѣчальное для русской души сопоставленіе... Возлюбленный Царь ея, Которому, въ разцвѣтѣ лѣтъ, не было ни одной причины желать смерти, но были *всѣ* причины желать жизни,—умираетъ

говоря растерзанной горемъ Спутницѣ, Другу 28-лѣтней жизни: — Я спокоенъ, будь и Ты спокойна,—и затѣмъ Онъ закрываетъ глаза и засыпаетъ вѣчнымъ сномъ, и вся необъятная Россія, измученная горемъ, *спокойна;* ни одного шелеста, ни одного трепета безпокойства за будущее, ибо слова умиравшаго Царя: — «Я спокоенъ» — означали убѣжденіе чистѣйшей души умирающаго Царя, что Онъ дѣло Свое свершилъ, и Россія спокойна...

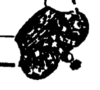
А 13 лѣтъ назадъ, въ ужасный вечеръ 1 марта, не то было: Россія не была спокойна... Она не знала, куда идетъ...

13 лѣтъ прошло, и Россія спокойна, ибо познала: куда идетъ...

Слѣдовательно, благо начало царствованія Молодого Государя Николая II... Россія успокоена чистою душою Его Отца; Россія восприняла въ душу свою вѣру въ порядокъ отъ чистой души Ея возлюбленнаго почившаго Умиротворителя.

Слышу съ разныхъ сторонъ въ эти тяжелые дни слово *популярность*... Его прилагаютъ къ той оцѣнкѣ, которую люди теперь пытаются дѣлать прерванной жизни нашего возлюбленнаго почившаго Государя... Иные такъ искренно произносятъ это слово «популярность», какъ нѣчто высшее, чѣмъ похвала...

О, Боже мой,—хочется сказать этимъ людямъ, — какъ то, что совершается теперь во



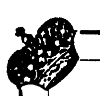
всѣхъ концахъ міра съ минуты, когда Царь Александръ III отошелъ отъ него къ Богу,—профанируется этимъ словомъ «популярность», и какъ это воздаяніе оплакиваемому Царю должнаго ничего общаго не имѣетъ съ популярностью...

Популярность есть воздаяніе уличною толпою дешевыхъ, ничего не стоящихъ похвалъ тому, кто именно искалъ этого прославленія толпы и пріобрѣлъ его тѣмъ единственнымъ способомъ, коимъ оно добывается: ухаживаніемъ за людскими слабостями и сдѣлками со своею совѣстью...

И сколько людей чествовали и хвалили этимъ словомъ XIX вѣка.

Сердце больно сжимается при одной мысли, что въ оцѣнкѣ отнятой у насъ жизни Царя Александра III можетъ быть допущено слово *популярность*; чтобы его допустить, надо для этого слова умалить себя, свои чувства, свои мысли, а въ особенности умалить Того, Кого оплакиваетъ людское сердце совсѣмъ особеннымъ образомъ...

Есть нѣчто неизмѣримо высокое и таинственно глубокое въ томъ, что происходитъ теперь при людской оцѣнкѣ угасшей Царевой жизни... Въ концѣ XIX вѣка въ этомъ мірѣ человѣчества, гдѣ, казалось, всѣ новыя страсти заглушили всѣ старыя чувства, и культъ матеріи во всѣхъ ея милліонахъ проявленій убиваетъ всѣ старыя духовныя преданія,—пробуждается какое-то высокое, чисто духовное настроеніе, соединяющее всѣхъ людей у смертнаго одра Русскаго Госу-



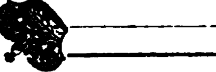
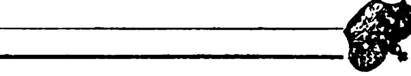
даря, чтобы оплакивать въ Немъ праведнаго Человѣка-Монарха и Носителя всѣхъ прекрасныхъ идеаловъ правды, честности и долга, чтившихся когда-то, но забытыхъ теперь.

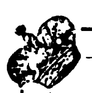
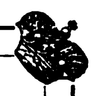
Человѣчество кланяется Тому усопшему Монарху, Который и жилъ и царствовалъ для исполненія только того долга, который исходитъ отъ Божьихъ указаній... Двѣ цѣли для Него были главными: спокойная христіанская совѣсть и забота о благѣ ближняго... Слава и популярность были непонятны Его чистой душѣ... И, вотъ, прославленіе этой жизни именно за это, прославленіе въ Царѣ христіанина, въ смыслѣ перваго вѣка, прославленіе всѣмъ человѣчествомъ конца XIX вѣка—и есть то необыкновенное духовное событіе, которое научаетъ каждаго, что есть же что-то выше, что-то сильнѣе, что-то завиднѣе славы и успѣха въ томъ смыслѣ, въ какомъ, казалось, только и понимали ихъ современные люди.

Эту мысль не надо предавать забвенію, ибо для всякаго изъ насъ, кто не гордъ и не самообольщенъ, она является великою, ободряющею и примиряющею съ жизнью помощью... Съ нею въ душѣ можно вѣрить, что человѣчество, значитъ, не такъ дурно, какъ оно само себя считаютъ, и что лгутъ тѣ, которые думаютъ или увѣряютъ, что не стоитъ въ нашъ вѣкъ исполненіе долга согласовывать съ голосомъ христіанской совѣсти...

Во всякомъ случаѣ повторяю: это пробужденіе

высокаго нравственнаго чувства около Царя-Праведника, чтобы Его оцѣнить и воздать Ему по жизни Его, — отрадное явленіе въ нашъ грустный вѣкъ торжества отрицанія и сомнѣнія.

Памяти въ Бозѣ почившаго Верховнаго Вождя русской арміи.

Сегодня, въ день преданія землѣ тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, да вспомянетъ русская армія, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, высокій образъ и славныя дѣянія своего Вождя и Повелителя.

Въ достопамятный день 2 марта 1881 года, на Высочайшемъ выходѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, почившій Государь выразилъ собравшимся генераламъ и офицерамъ, что Онъ, «принявъ наслѣдіе въ столь тяжелую минуту, будетъ *служить* Россіи и ея благоденствію». Эти слова стали дѣломъ: Государь, не щадя ни силъ, ни здоровья, влагая въ подъятый Имъ на Себя трудъ всю Свою душу, поистинѣ «вѣрою и правдою», до конца дней Своихъ, служилъ Своему народу...

Представляя высокій образецъ настойчивости и энергіи въ работѣ, покойный Государь неустанно заботился о благоустройствѣ Своей арміи, и нѣтъ такой отрасли ея жизни и быта, въ которой не остались бы слѣды Его участія и попеченій.

Пройдя въ бытность Наслѣдникомъ Престола строевую школу военнаго образованія въ рядахъ войскъ, послѣдовательно прокомандовавъ въ мир-

ное время дивизіей, корпусомъ, войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, предводительствуя въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ отдѣльнымъ рущукскимъ отрядомъ, столь славно выполнившимъ возложенную на него трудную и отвѣтственную задачу, покойный Государь непосредственно и близко ознакомился съ устройствомъ войскъ, ихъ службой и бытомъ при разнообразной обстановкѣ мира и войны.

Исполненный миролюбивыхъ стремленій, заботясь о спокойномъ развитіи и преуспѣяніи Россіи, Онъ видѣлъ въ арміи крѣпкій оплотъ, обезпечивающій безпрепятственное достиженіе Имъ высокихъ цѣлей мира. Въ рескриптѣ Своемъ, данномъ на имя военнаго министра въ 1890 г., Государь писалъ: «Отечеству Нашему несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои Я уповаю, съ Божьею помощью, еще надолго продлить для Россіи, вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями». Указавъ этими словами на значеніе арміи въ государственной жизни Россіи, почив-

шій Императоръ неустанно заботился объ ея благоустройствѣ и усовершенствованіи, при чемъ знаніе войскъ и боевыхъ условій ихъ дѣятельности дало Ему твердыя основы къ осуществленію цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ къ намѣченной Имъ цѣли.

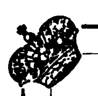
Боевая готовность арміи стала первою заботою Государя. Прежде всего, по Его указаніямъ, былъ сокращенъ нестроевой составъ арміи, умалявшій боевую годность ея мирныхъ кадровъ; затѣмъ послѣдовало преобразованіе всей регулярной кавалеріи въ драгунскую, развитіе и устройство резервовъ, образованіе крѣпостныхъ войскъ, усиленіе войскъ полевыхъ какъ въ отношеніи численности ихъ частей, такъ и сформированіемъ новыхъ единицъ, значительное увеличеніе офицерскаго состава арміи, переустройство Государственнаго ополченія и снабженіе войскъ усовершенствованнымъ оружіемъ.

Въ видахъ подъема боевой готовности арміи, усиленъ запасъ нижнихъ чиновъ, устроено систематическое обученіе запасныхъ и ратниковъ ополченія, обезпечено полное матеріальное снабженіе арміи по военному ея составу, увеличены и улучшены пути сообщенія, имѣющія столь важное значеніе въ дѣлѣ мобилизаціи и сосредоточенія войскъ, а самый мобилизаціонный механизмъ тщательно разработанъ и усовершенствованъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе важная западная граница Государства обезпечена рядомъ крѣпостей современнаго устройства.

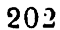
Въ неустанномъ попеченіи о нуждахъ арміи, покойный Государь не оставилъ безъ вниманія матеріальное и служебное положеніе ея чиновъ и въ этихъ видахъ усилилъ денежное содержаніе офицеровъ, увеличилъ число казенныхъ вакансій для дѣтей офицеровъ въ кадетскихъ корпусахъ, облегчилъ службу солдатъ, сокративъ срокъ пребыванія ихъ подъ знаменами, и улучшилъ положеніе сверхсрочно служащихъ. Рядомъ съ этимъ, руководясь Своими высокими понятіями о доблести и чести офицерскаго званія, Онъ указалъ мѣры къ возвышенію нравственнаго уровня корпуса офицеровъ.

Поистинѣ высокое мужество покойнаго Императора, проявившееся какъ во время войны, такъ и во время мира въ безтрепетномъ спокойствіи въ важныя минуты, Его необыкновенная прямота, Его душа, полная правды и добра, и неизмѣнно милостивое обращеніе, беззавѣтно привлекли къ Нему солдатское сердце и вызвали горячую любовь всей арміи, видѣвшей въ Верховномъ своемъ Предводителѣ воплощеніе воинабогатыря, Царя добродѣтельнаго, заботливаго и милостиваго.

Переживая нынѣ тяжкую утрату, опуская въ могилу своего Отца, безвременно отшедшаго въ вѣчность въ цвѣтѣ силъ, да покажетъ себя русская армія достойною той высокой о ней заботливости, которую проявилъ въ Бозѣ почившій Монархъ отъ первыхъ и до самыхъ послѣднихъ дней Своего Царствованія. Да найдетъ она



утѣшеніе въ своемъ великомъ горѣ въ неуклонномъ исполненіи священнаго долга передъ Престоломъ и Отечествомъ, въ непоколебимой вѣрности и преданности Сыну своего почившаго Благодѣтеля, нынѣ благополучно Царствующему Государю Императору.



Императоръ Александръ III.

Миръ оставляю вамъ,
миръ Мой даю вамъ.
Ев. отъ Іоанна.

Скоро лучезарная земная личность Почившаго Императора Александра III предастся землѣ, откуда взята была, по выраженію церковной пѣсни; но духъ Его, завѣты Его и жизнь Его, составлявшіе животворящую сущность Его царствованія, получаютъ безсмертное значеніе великаго примѣра для подражанія, яснаго поученія оплакивающему Его народу и одной изъ свѣтлѣйшихъ страницъ въ исторіи образованнаго человѣчества.

Онъ скончался какъ жилъ, съ спокойствіемъ христіанской души, а жилъ Онъ, какъ царствовалъ, и царствовалъ Онъ, какъ жилъ, не только въ пониманіи, но въ непрестанномъ исполненіи долга, а указанія долга Онъ бралъ изъ любви къ Богу и изъ любви къ Своему народу.

Вотъ въ чемъ, дерзаемъ сказать, заключается главная таинственная сила минувшаго царствованія, и къ чему, какъ къ главному, прилагается все остальное, и вотъ надъ чѣмъ призваны для продолженія нашего историческаго пути задумываться современныя и грядущія поколѣнія. Исторія не разъ вписывала въ свои лѣтописи имена великихъ монарховъ, мудрыхъ правителей, законодателей, славныхъ полководцевъ, но давно

уже въ исторіи міра пропалъ слѣдъ чисто библейской личности монарха огроманаго народа, коего жизнь и царствованіе слились въ одно смиренное служеніе Богу—какъ правдѣ, а народу—какъ любви, и котораго плодотворящая сила росла по мѣрѣ того, какъ умножалось его смиреніе и его «я» сливалось съ царственнымъ долгомъ.

* *

Несмотря на то, что почившій Государь по рожденію Своему не былъ, казалось, предназначенъ къ Престолу, будучи вторымъ Сыномъ Императора Александра Николаевича, но Провидѣніе съ самыхъ раннихъ Его лѣтъ, какъ будто въ предвѣдѣніи Его грядущей въ дали судьбы, обставило Его воспитаніе и развитіе столь богатыми духовными силами, что можно безъ преувеличенія сказать, обнимая памятью весь періодъ Его жизни до вступленія на престолъ, что рѣдко монарху выпадала на долю такая богатая помощью, подготовительная къ Самодержавному престолу школа, какая дарована она была почившему Государю, причемъ слѣдуетъ сказать, что рѣдко кто къ этой школѣ относился съ такою строгою и великою добросовѣстностью, какъ именно Онъ.

Воспитаніе Его имѣло характеръ двойной школы. Одна была, такъ сказать, оффиціальною, съ главнымъ воспитателемъ, съ помощникомъ его, съ учителями и уроками; другая была, если

можно такъ выразиться, домашняя, внутренняя, или духовная.

Главныхъ воспитателей у Него было два: въ раннемъ дѣтствѣ генералъ-адъютантъ Н. В. Зиновьевъ, а затѣмъ до конца его воспитанія это дѣло велъ генералъ-адъютантъ графъ Б. А. Перовскій. Про Н. В. Зиновьева была одна молва: это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, стараго лучшаго закала русскій вельможа, съ золотымъ сердцемъ и съ честною душою... Отъ этой души дѣтская природа Воспитанника восприняла только хорошее, и, благодаря ей, духовная атмосфера періода дѣтства Александра Александровича была простая, задушевная, честная и русская.

Въ 1860 году должность главнаго воспитателя Государевыхъ Дѣтей Александра и Владиміра Александровичей принялъ на себя, тогда еще свиты, молодой генералъ графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій. Это былъ выдающійся по благородству и теплотѣ своихъ чувствъ человѣкъ и Царскій слуга; въ немъ горѣла и кипѣла честная и чисто русская кровь, и. принявъ отъ Государя дѣло воспитанія Его Дѣтей, онъ вложилъ въ него всю свою душу, съ точнымъ пониманіемъ того главнаго, что было нужно.

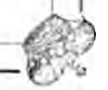
Это главное онъ свято соблюлъ. Чистая духовная атмосфера для роста Великаго Князя стала какъ будто шире; она стала живою въ смыслѣ общенія со всѣми вопросами жизни, не утративъ своей прежней простоты; изгнаны были

только ложь и лесть. Въ этой атмосферѣ воспитатель пришелся по душѣ своему Воспитаннику, и испытывая вліяніе честнаго и горячо отзывавшагося на все доброе человѣка, Великій Князь имъ былъ застрахованъ отъ тѣхъ вліяній, которыя въ придворной жизни обманываютъ умъ, размягчаютъ совѣсть, ослабляя чувство долга и пріучая ее къ какой-то искусственной снисходительности къ себѣ... Графъ Перовскій обходился со своимъ Питомцемъ, какъ садовникъ съ любимымъ своимъ цвѣткомъ; онъ лелѣялъ Его умъ и сердце, онъ слѣдилъ съ любовію за Его ростомъ, и не было въ Юношѣ ни сорной травки, ни пылинки... Личность Его развилась на чистомъ воздухѣ и въ той именно атмосферѣ, которая соотвѣтствовала Его природѣ. И въ этомъ смыслѣ велика и свѣтла заслуга графа Перовскаго передъ Россіей; начавши воспитывать въ Александрѣ Александровичѣ только Брата будущаго Государя, онъ затѣмъ, когда сіе было угодно Богу, продолжалъ въ немъ воспитывать Наслѣдника Престола, и въ первый и, въ одиннадцатый часъ съ тою же любовью, съ тою-же, можно сказать, страстностью къ высокой цѣли, сберегъ въ Немъ всѣ Ему данныя Богомъ душевныя сокровища и отъ всякаго зла оберегъ настолько прочно, что душа его Питомца уже послѣ воспитанія была недоступна въ теченіи всей жизни какому-нибудь дурному вліянію.

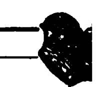
Но Великій Князь Александръ Александровичъ рядомъ съ этимъ получалъ и другое воспитаніе.

Оно продолжалось до 18-го лѣтняго возраста. Воспитаніе это Онъ получилъ отъ дружбы со Своимъ Старшимъ Братомъ Николаемъ Александровичемъ, продолжавшейся до Его кончины, въ 1865 году. Эта дружба и это воспитательное ея значеніе для будущаго Государя имѣло таинственный смыслъ Богомъ избраннаго пути. Цесаревичъ Николай Александровичъ воспитывался отдѣльно отъ братьевъ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Воспитаніе это, въ рукахъ столь многосторонне авторитетнаго человѣка, происходило съ соблюденіемъ, такъ сказать, всѣхъ только возможныхъ наилучшихъ условій, а такъ какъ Воспитанникъ гр. Строганова былъ даровитъ, любознателенъ и прилеженъ, то на такой благодатной почвѣ воспитаніе Цесаревича принесло обильные плоды.

И вотъ плодами этого воспитанія Воспитанника гр. Строганова—преимущественно умственнаго и государственнаго—посредствомъ дружбы Цесаревича съ Братомъ, послѣдній могъ пользоваться на полномъ просторѣ и дѣйствительно пользоваться ими. Дружба этихъ двухъ Царственныхъ Братьевъ имѣла свой особенный характеръ, и именно—воспитательный для Каждаго изъ Нихъ; она заключалась въ обмѣнѣ, такъ сказать, вліяній: Старшій Братъ дѣлился съ Младшимъ плодами Своего научнаго и государственнаго воспитанія, а Молодой Братъ, какъ это самъ говорилъ покойный Цесаревичъ, обмѣниваясь съ Нимъ Своими впечатлѣніями, чув-



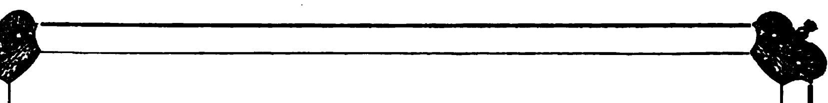
ствами и мыслями, имѣлъ на Него благодѣтельное вліяніе Своею искренною и честною натурою. Внѣ уроковъ Они всегда были вмѣстѣ и жили одною жизнью. Жизнь внѣшняя, жизнь государственная тогда, въ первыхъ шестидесятыхъ годахъ, кипѣла, такъ сказать, на всѣхъ парахъ новизною и прогрессомъ; всѣ отголоски этой жизни не могли не проходить въ воспитательныя комнаты Государевыхъ Сыновей, и, вотъ, тутъ эта дружба двухъ Братьевъ, благодаря которой такъ часто и постоянно Они сходились для обмѣна мыслей—имѣла особенное значеніе. Съ одной стороны, путемъ дружеской бесѣды Старшаго Брата съ Младшимъ—послѣдній узнавалъ многое лучше и яснѣе, чѣмъ на любой лекціи, а съ другой стороны, здравый и и спокойный умъ Младшаго Брата вліялъ на болѣе впечатлительный умъ Старшаго Брата отрезвляюще, и въ Ихъ духовный міръ воззрѣній на жизнь вѣянія новой эпохи входили на столько, на сколько они воспренимались обоими вмѣстѣ, послѣ взаимной, такъ сказать, провѣрки. Въ этомъ отношеніи одинъ эпизодъ въ 1864 году весьма интересенъ. Графъ Строгановъ пожелалъ познакомить своего Воспитанника съ конституціоннымъ правленіемъ сравнительно съ русскимъ такъ, чтобы о томъ и о другомъ Онъ могъ составить Себѣ сознательное понятіе, и для этого одному профессору поручилъ сперва прочесть лекцію о конституціонномъ правленіи, безъ всякой критики, а затѣмъ другому было поручено



изложить сущность Самодержавнаго правленія. Цесаревичъ не замедлилъ подѣлиться впечатлѣніями съ своимъ Братомъ; оказалось, что первая лекція Его увлекла до извѣстной степени красотою его изложенія; нѣсколько дней Онъ находился подъ ея впечатлѣніемъ, но когда прочитана была вторая лекція, Цесаревичъ испыталъ необыкновенно сильное впечатлѣніе, съ особеннымъ чувствомъ обнялъ Своего профессора и поблагодарилъ его за то, что онъ снялъ съ Него бремя смущенія и укрѣпилъ во всемъ томъ, въ чемъ русскій человѣкъ долженъ быть убѣжденъ... Это глубокое и живое впечатлѣніе Онъ въ тотъ же вечеръ цѣликомъ передалъ Своему Брату.

Путешествіе Цесаревича по Россіи въ 1863 году, въ теченіе 4-лѣтнихъ мѣсяцевъ, сыграло тоже свою воспитательную роль въ жизни Его Брата Александра Александровича, ибо Цесаревичъ писалъ Ему большія и восхитительныя письма съ каждаго мѣста остановки и въ нихъ не только описывалъ малѣйшія подробности путешествія, но сообщалъ Ему всѣ свои мысли и впечатлѣнія, навѣянныя главнымъ образомъ разговорами съ русскими людьми о мѣстныхъ нуждахъ. Благодаря этимъ письмамъ, Великій Князь Александръ Александровичъ какъ будто Самъ путешествовалъ по разнымъ губерніямъ Россіи и незамѣтно обогащался самыми разнообразными и вѣрными свѣдѣніями о разныхъ сторонахъ русской жизни.

Зимою 1863—1865 года, какъ бы все по тому



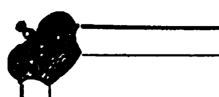
же таинственному велѣнію рока, оба Брата еще болѣе сблизились, если только это было возможно, и настроеніе ихъ ежедневныхъ бесѣдъ становилось какъ бы серьезнѣе. Первые признаки роковой болѣзни Цесаревича начали появляться намеками; Онъ становился подчасъ задумчивымъ и грустнымъ, и только появленіе Брата Его какъ будто наводило на Него лучъ свѣта, Онъ именно свѣтлѣлъ, любуясь Имъ, и отъ всѣхъ требовалъ, чтобы Имъ любовались, какъ Онъ любовался Его чистою и прекрасною душою.

12 апрѣля 1865 года въ Ниццѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ умираетъ, завѣщая Своему Брату Свою Невѣсту и Свое призваніе, а Россіи—завѣтъ крѣпко любить Своего Друга Брата за Его чистую и прекрасную душу.

* * *

Здѣсь начинается новый періодъ въ жизни новаго Наслѣдника Престола. Періодъ этотъ безъ всякаго преувеличенія можетъ быть названъ долголѣтнимъ приготовленіемъ къ Престолу и царствованію. Въ 1868 году Онъ женился и устроилъ Себѣ въ Аничковомъ дворцѣ Свой тихій и мирный домъ. За годъ, предшествовавшій Его свадьбѣ, Цесаревичъ кончилъ Свои классныя занятія, а съ женитьбою началъ Свои занятія добровольныя. Они заключались въ чтеніи и въ бесѣдахъ съ русскими людьми о Россіи. То и другое молодой Цесаревичъ любилъ,

и бывали случаи, когда предметы бесѣды съ съ русскими людьми до того Его увлекали, что Онъ посвящалъ имъ цѣлые вечера... Невольно эти бесѣды получали для Него поучительное значенiе государственныхъ этюдовъ, ибо на нихъ сходились люди, прiѣзжавшiе изъ провинцiй, съ людьми петербургскими, и каждый вопросъ въ присутствiи Великаго Князя проходилъ черезъ сужденiе двухъ взглядовъ: — петербургскаго и провинцiальнаго. Нужно ли говорить, что именно этого рода занятiя оставили въ будущемъ Государѣ глубокiй слѣдъ, такъ какъ создали и укрѣпили въ Немъ навсегда живое убѣжденiе, что государственная правда узнается отъ согласованiя ея двухъ источниковъ,—умственнаго мiра петербургскихъ государственныхъ сферъ и умственнаго мiра людей, работающихъ на своихъ мѣстахъ въ провинцiи,—а это убѣжденiе, въ свою очередь, выработало въ Великомъ Князѣ потребность въ каждомъ вопросѣ отдавать Себѣ отчетъ, какъ о немъ думаютъ здѣсь и тамъ, и дѣлать выводы изъ сравнительнаго соображенiя о вопросахъ. Въ то время это именно отношенiе къ жизненнымъ вопросамъ имѣло весьма важное практическое значенiе и, такъ сказать, рѣшающее влiянiе на развитiе въ будущемъ Государѣ Своихъ главныхъ взглядовъ на управленiе. Въ то время Петербургъ представлялъ изъ себя кипящiй центръ всевозможныхъ умственныхъ работъ, канцелярскихъ проектовъ и самыхъ разнообразныхъ стремленiй въ области осу-



ществленія государственнаго прогресса, какъ главной задачи времени...

Всего менѣе Петербургъ бюрократическій интересовался провинціею съ ея жизнью; всего болѣе проектами реформъ, исходившими непосредственно изъ головъ передовыхъ людей, которымъ нравилась эта лихорадочная дѣятельность ломки и перестройки и которыхъ увлекали налегко и на лету схватываемыя доктрины Европейскаго Запада. При обыкновенныхъ условіяхъ это время могло быть самымъ опаснымъ для Молодого Цесаревича, если бы Ему пришлось оставаться и готовиться къ будущему въ сферѣ этого умственнаго Петербурга исключительно; опаснымъ потому, что отличительная черта этой государственной школы въ то время заключалась въ безпредѣльной самоувѣренности всего этого реформаторскаго міра, побуждавшая его относиться съ полнымъ равнодушіемъ, а подчасъ и съ презрѣніемъ къ жизненнымъ авторитетамъ провинціальной глуши, и, во всякомъ случаѣ— отрицать всякую нужду въ общеніи съ ними для полученія вѣрныхъ государственныхъ взглядовъ. Легко поэтому понять, какую бы трудную будущность готовилъ Себѣ будущій Государь, Который призванъ былъ зрѣть и крѣпнуть въ душномъ и гордомъ мірѣ петербургскаго либерала-бюрократа, себя одного признававшаго непогрѣшимымъ и законнымъ судьею государственныхъ нуждъ Россіи. Но всего этого Молодой Цесаревичъ совсѣмъ и навсегда избѣгъ, устроивъ

Свой Собственный образовательный для Себя міръ изъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Россіи, писавшихъ о Россіи, которыхъ, какъ я сказалъ, Онъ при себѣ соединялъ съ петербургскими людьми. Однажды пришлось на дѣлѣ убѣдиться Великому Князю, насколько Онъ правильно глядѣлъ на Свои подготовительныя обязанности служить Россіи и насколько можно быть полезнымъ своему государству, если смотрѣть на дѣло со всѣхъ его жизненныхъ сторонъ.

Въ одной части Россіи открылся неурожай и появились угрозы голода. Великій Князь получилъ о немъ самыя подробныя свѣдѣнія и, горячо принявъ къ сердцу открывшіяся нужды, доложилъ объ нихъ Государю. Государь, независимо отъ правительственныхъ мѣръ, поручилъ Цесаревичу организовать помощь для нуждающихся и продолжать собирать свѣдѣнія на мѣстахъ посредствомъ лицъ, пользующихся Его довѣріемъ.

Всѣ помнятъ, какимъ благословеніемъ осѣнила тогда Россія имя Государя и Его Сына не только за помощь, своевременно поданную, но и за то, что подъ непосредственнымъ руководствомъ Цесаревича дѣло было такъ практично цѣлесообразно и умѣло ведено.

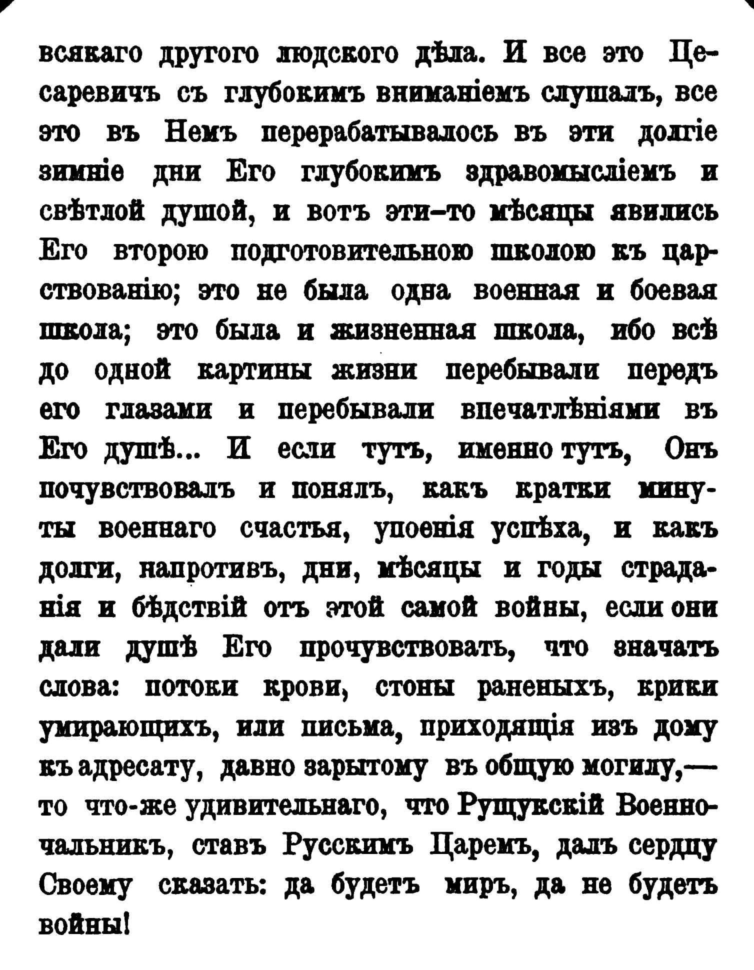
Эпизодъ этотъ имѣлъ громадное воспитательное значеніе въ жизни будущаго Государя. Онъ понялъ на дѣлѣ, до какихъ опасныхъ и драматическихъ недоразумѣній и усложненій можетъ доходить государственное дѣло, когда изъ опа-

сенія тревожить или безпокоить Государя часть правды скрывается; затѣмъ, какъ Онъ самъ говоритъ, въ эти нѣсколько мѣсяцевъ, пока Онъ былъ предсѣдателемъ этой комиссіи, сходясь постояно съ живыми людьми изъ провинціи и дѣловыми людьми въ Петербургѣ,—Онъ узналъ больше, чѣмъ могъ бы научиться въ нѣсколько лѣтъ. При этомъ выдѣлился весьма наглядно для всѣхъ тотъ тактъ, съ которымъ въ столь щекотливомъ и трудномъ положеніи Цесаревичъ не позволилъ Себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ законныхъ порядковъ и отъ строгаго уваженія къ лицамъ, облеченнымъ Государевымъ довѣріемъ, дабы ни въ комъ не могла зародиться мысль, что Онъ воспользовался исключительностью Своего положенія, или что въ порученномъ Ему дѣлѣ Онъ велъ какую-либо самовольную и независимую отъ правительственныхъ учрежденій политику. Строгость этого принятаго на Себя обязательства была такъ для Него свята, что когда, по окончаніи всего дѣла по продовольствію неурожайныхъ губерній, Онъ счелъ Себя обязаннымъ сдѣлать особое представленіе о вознагражденіи лицъ, участвовавшихъ въ работахъ, Онъ далъ этому представленію пройти узаконенныя инстанціи, и только тогда, когда въ комитетѣ министровъ признано было необходимымъ сообразоваться съ существующими для наградъ узаконеніями, Цесаревичъ взялъ на Себя лично ходатайствовать у Государя о награжденіи Своихъ бывшихъ сотруд-

никовъ согласно Его представленію, что Государемъ немедленно было исполнено.

Наступила эпоха войны. Въ ней выпала на долю Цесаревича трудная задача,—трудная, какъ душевное бремя, слѣды котораго, какъ оказалось послѣ, отразились въ томъ душевномъ настроеніи Монарха, подъ вліяніемъ котораго Онъ изъ миролюбія создалъ одну изъ цѣлей Своего царствованія.

Какъ извѣстно, Ему порученъ былъ Рущукскій отрядъ, имѣвшій огромное оборонительное значеніе начала кампаніи и потому призванный къ тому, что на войнѣ для всякаго человѣка самое тяжелое, къ неподвижности. И дѣйствительно, долгіе мѣсяцы Цесаревичъ долженъ былъ, какъ узникъ, въ зимнюю погоду проводить въ однообразной обстановкѣ сторожевой службы, прерванной только двумя блестящими военными дѣлами своего отряда. Но въ этомъ однообразномъ обиходѣ много впечатлѣній перебывало въ душѣ Рущукскаго смиреннаго Полководца. Здѣсь Онъ перевидѣлъ и перечувствовалъ всю обратную сторону медали войны, ея закулисныя тайны: здѣсь Онъ, ежедневно посѣщая раненыхъ, видѣлъ ихъ страданія; здѣсь ежедневно бесѣдуя съ Своими сослуживцами, Онъ слышалъ всѣ свѣдѣнія боевой жизни, мысли, сужденія, разсказы, начиная съ чудныхъ проявленій русской вѣковой доблести и кончая, увы, весьма печальными сторонами того міра, который есть неизбѣжная изнанка сегодня войны, а завтра



всякаго другого людского дѣла. И все это Цесаревичъ съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ, все это въ Немъ перерабатывалось въ эти долгіе зимніе дни Его глубокимъ здравомысліемъ и свѣтлой душой, и вотъ эти–то мѣсяцы явились Его второю подготовительною школою къ царствованію; это не была одна военная и боевая школа; это была и жизненная школа, ибо всѣ до одной картины жизни перебывали передъ его глазами и перебывали впечатлѣніями въ Его душѣ... И если тутъ, именно тутъ, Онъ почувствовалъ и понялъ, какъ кратки минуты военнаго счастья, упоенія успѣха, и какъ долги, напротивъ, дни, мѣсяцы и годы страданія и бѣдствій отъ этой самой войны, если они дали душѣ Его прочувствовать, что значатъ слова: потоки крови, стоны раненыхъ, крики умирающихъ, или письма, приходящія изъ дому къ адресату, давно зарытому въ общую могилу,— то что-же удивительнаго, что Рущукскій Военночальникъ, ставъ Русскимъ Царемъ, далъ сердцу Своему сказать: да будетъ миръ, да не будетъ войны!

* * *

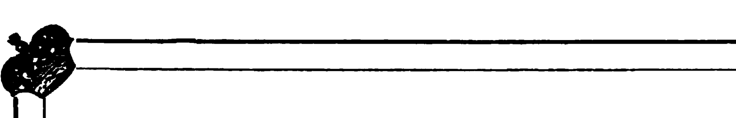
Но, увы, послѣ тяжелаго періода войны насталъ для Цесаревича періодъ еще болѣе тяжелый. Совершился Берлинскій конгрессъ, подъ впечатлѣніемъ котораго, надо полагать, въ душѣ Цесаревича родилось и созрѣло то чувство, съ которымъ по вступленіи на престолъ Онъ рѣ-

шилъ иностранную политику Своего государства всецѣло вести Самъ и лично. Затѣмъ пошли тяжелыя минуты постепеннаго усиленія безпорядка и возраставшей дерзости крамолы, въ теченіе которыхъ Цесаревичу пришлось быть съ тяжелою душевною скорбіею безмолвнымъ зрителемъ. Роковая тьма нисходила на русскую землю, и жизнь стала проявляться подъ вліяніемъ обмановъ зрѣнія и чутья. Самымъ главнымъ и роковымъ обманомъ было то состояніе безпомощности и опасности, въ которомъ представляли себя призванные довѣріемъ Государя управлять и дѣйствовать; этотъ овладѣвшій ими обманъ повлекъ за собою тяжелое и угнетенное безсиліе, которымъ воспользовались безумные враги народа, чтобы изъ горсти негодяевъ представлять угрожающій миражъ какой-то общественной силы; они стали усиливаться, власть стала все слабѣть, преступныя замыслы стали повторяться въ своихъ покушеніяхъ все чаще и чаще, и подъ этимъ тяжелымъ гнетомъ времени никто не смѣлъ трезвымъ голосомъ разсѣять роковой обманъ и крикнуть: опасность только въ правительственной слабости, прочь компромиссы, уступки и полумѣры; одна только минута силы и безстрашія власти, и крамола исчезнетъ... Но этотъ голосъ не раздался, и тучи сбирались надъ Петербургомъ все грознѣе и мрачнѣе. Чтобы судить о силѣ дѣйствія на умы нашедшаго на нихъ, какъ тучи обмана, достаточно припомнить два разнородныхъ, но одина-

ково печально-поразительныхъ факта. Наканунѣ 1 марта Государь Александръ Николаевичъ говорилъ съ радостью Своимъ приближеннымъ о томъ, что Онъ сегодня впервые чувствуетъ Себя легко, ибо послѣдній злоумышленникъ схваченъ. На другой день Его не было въ живыхъ. Второй фактъ со значеніемъ государственнаго событія находился въ роковой связи съ первымъ въ томъ отношеніи, что правившіе тогда дѣлами люди—жертвы собственнаго ослѣпленія, пришли къ зловѣщей мысли, что послѣдній крамольникъ исчезаетъ тогда, когда правительство, не довѣряя своимъ силамъ, рѣшится призвать на помощь, внѣ существующихъ порядковъ, какія-то стороннія избирательныя силы. Такимъ образомъ, 1 марта совершилось тогда, когда Великій Преобразователь-Мученикъ былъ вдвойнѣ обманутъ: во-первыхъ, въ Своей безопасности, а во вторыхъ, въ цѣнѣ этой мнимой безопасности, купленной попыткой ослабить безъ того расшатанную и ослабѣвшую власть уже рѣшительнымъ шагомъ въ пользу какой-то миражной общественной силы.

* * *

Никогда положеніе Государя, вступающаго на престолъ, не было такъ существенно трудно, какъ Императора Александра III. Не говоря уже о пораженіи Его сердца, какъ Сына и какъ человѣка, горемъ и ужасомъ въ такую минуту Его жизни, когда она требовала отъ Него са-



маго спокойнаго настроенія и самаго свѣтлаго взгляда на создавшееся вдругъ положеніе, для того, чтобы быть въ состояніи взять въ руки направленіе событій,—но самый характеръ тогдашней политической минуты, самый психическій міръ этого политическаго положенія, сложившагося, какъ было выше сказано, изъ обмановъ мысли и изъ миражей зрѣнія, представлялъ почти безвыходное положеніе и сразу легъ всѣмъ своимъ ужаснымъ бременемъ на душу молодого Государя. Кругомъ всѣ почувствовали незнаніе, куда идти, какъ думать, и всѣ взгляды, растерянныхъ, такъ сказать, душою устремились на Государя съ надеждою и моленіемъ вывести Россію изъ крови и мрака.

И дабы еще поразительнѣе было вѣрное представленіе о страшно трудномъ положеніи Государя, надо вспомнить, что Онъ былъ, какъ Самодержавный Глава Русской земли, въ ту именно минуту совершенно Одинъ. При другихъ условіяхъ времени, какъ бы великъ ни могъ быть ужасъ отъ цареубійства, преемнику подло убитаго Царя дана возможность найти въ твердомъ и единомыслящемъ строѣ правительственныхъ лицъ и учрежденій полное содѣйствіе его первымъ шагамъ при вступленіи на престолъ. Къ сожалѣнію, 1 марта совершилось при другихъ условіяхъ; именно этого твердаго и единомыслящаго строя въ правительственной средѣ не было, а напротивъ, въ ней оказывалось что-то по свойствамъ своимъ и по вліянію на

умы шаткое и неувѣренное, а по существу — либеральное, въ смыслѣ разлада съ духомъ вѣковыхъ преданій и устоевъ Самодержавія. Съ одной стороны успѣло установиться совсѣмъ чуждое этому духу и этому строю начало главенства одного надъ остальными представителями высшаго правительства, взявшаго на себя руководительство и отвѣтственность на почвѣ политики внутренней совсѣмъ почти ему неизвѣстной, съ другой стороны, какъ было выше сказано, самая почва государственнаго строя являлась пошатнувшеюся и извращенною вслѣдствіе иллюзіи, поставившей безуміе и преступную дерзость горсти террористовъ крамолы въ связь съ общественнымъ строемъ всего государства и обманувшей убитаго Государя убѣжденіемъ, что крамола можетъ быть подавлена только уступками общественной власти на счетъ правительственной, или, другими словами, ослабленіемъ самого Самодержавія.

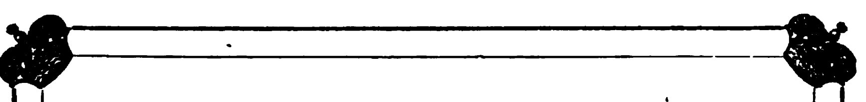
Такова была политическая трудность минуты. Если къ этому прибавить, что лицо, стоявшее во главѣ тогдашняго правительства, было новому Государю совсѣмъ незнакомо, то картина трудностей, сразу охватившихъ Царя 2-го марта, станетъ еще поразительнѣе.

Но молодой Государь взглянулъ на Небо, и вотъ съ этой-то минуты началось Его чудотворное мудростью царствованіе.

Богъ помогъ воззвавшему къ Нему Монарху немедленно и съ той поры не оставлялъ Его до послѣдней минуты царствованія, ибо Царь ни единой минуты Своего царствованія не переставалъ главнаго — вразумленія и силы — просить отъ Бога!

Но въ то же время, въ эту-то самую трудную минуту Его жизни, огромною помощью явилось все то прошлое Его, о которомъ мы намѣренно говорили на столько подробно, чтобы ясна была связь того прошлаго съ Его царствованіемъ; получило смыслъ Его воспитаніе, сберегшее всѣ прекрасныя стороны Его натуры, и не привившее къ ней ничего сорнаго и лживаго; ожила какъ будто въ своихъ указаніяхъ дружба со Старшимъ Братомъ-Цесаревичемъ, со всѣми ея воспитательными подробностями, до двухъ лекцій о самодержавіи и о конституціонализмѣ включительно, съ ихъ глубокими впечатлѣніями на молодыя русскія души; получило свое призваніе въ эту минуту то долгое время наблюденій надъ жизнью и государственными дѣлами, которое прошло до 1881 года, и въ теченіе котораго Онъ пріучалъ свой характеръ къ наблюдательности, къ хладнокровію, къ обдуманности, а Свой умъ знакомилъ съ людьми. Словомъ, вся пройденная школа приготовленія къ царствованію пригодилась именно въ эту важнѣйшую минуту Державному ея Ученику, но паче всего съиграли здѣсь впервые свою историческую роль двѣ главныя нравственныя черты

чистой, какъ кристаллъ души Государя Александра III: это—ненависть ко лжи и обожаніе правды. Осѣненный Божіею помощью и внимая, благодаря ей, чутко Своимъ лучшимъ чертамъ души, молодой Государь, не будучи въ состояніи сразу дать Себѣ точный и ясный отчетъ въ создаваемомъ около Него политическомъ положеніи, сразу въ то же время почувствовалъ предчувствіемъ, такъ сказать, что въ этомъ положеніи нѣтъ главнаго—правды, и что уже поэтому оно и опасно и не по Немъ. Но въ то же время выдержка, тактъ и навыкъ владѣть Собою, пріобрѣтенные Имъ жизнью, указали Ему правду для первыхъ шаговъ. Было два возможныхъ поворота для иного, чѣмъ былъ Александръ III, монарха: или сразу все повернуть круто, или въ отчаяніи рѣшиться отдаться тѣмъ, которые еще 1-го марта мнили спасти положеніе торжествомъ либерализма. Покойный Императоръ Александръ III избѣгъ обѣихъ крайностей: Онъ далъ Себѣ задачу осмотрѣться и обдумать положеніе. Обдумывая, Онъ душою, молившеюся и горячо любившею Свою Россію, искалъ правды. Тогда одинъ изъ государственныхъ людей, съ дѣтства знавшій Государя, внимая только доблести и долгу, пришелъ къ Нему и высказалъ Ему ту правду, которую Онъ думалъ Самъ, но которую въ смиреніи не рѣшался провозгласить. Ликъ Государя прояснился, какъ прояснилась передъ Нимъ вся правда въ малѣйшихъ чертахъ; Государь поблагодарилъ Сво-



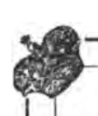
его вѣрнаго слугу за эту правду и затѣмъ издалъ манифестъ, въ которомъ сказалъ и напомнилъ всѣмъ и каждому, что первымъ условіемъ славы, силы и благоденствія Россіи есть крѣпкая и неприкосновенная Самодержавная власть. Манифестъ этотъ получилъ значеніе сильнаго луча солнца, разсѣявшаго мглу и туманъ; возсіяло весеннее утро, всѣ вздохнули легко; исчезли обманы, самообольщеніе и миражи; Самодержавный Царь Александръ III сталъ царствовать, и тогда Онъ почувствовалъ, что Онъ не одинъ, что съ Нимъ вся освобожденная отъ ужаснаго кошмара благомыслящая и преданная Россія.

* * *

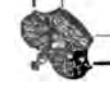
Разсѣявъ всѣ колебанія, сомнѣнія и обольщенія мысли, Государь первый годъ Своего царствованія съ мудростью посвятилъ изученію эпохи, дабы выяснить Себѣ всю жизненную правду, т. е. дѣйствительныя потребности Своего государства.

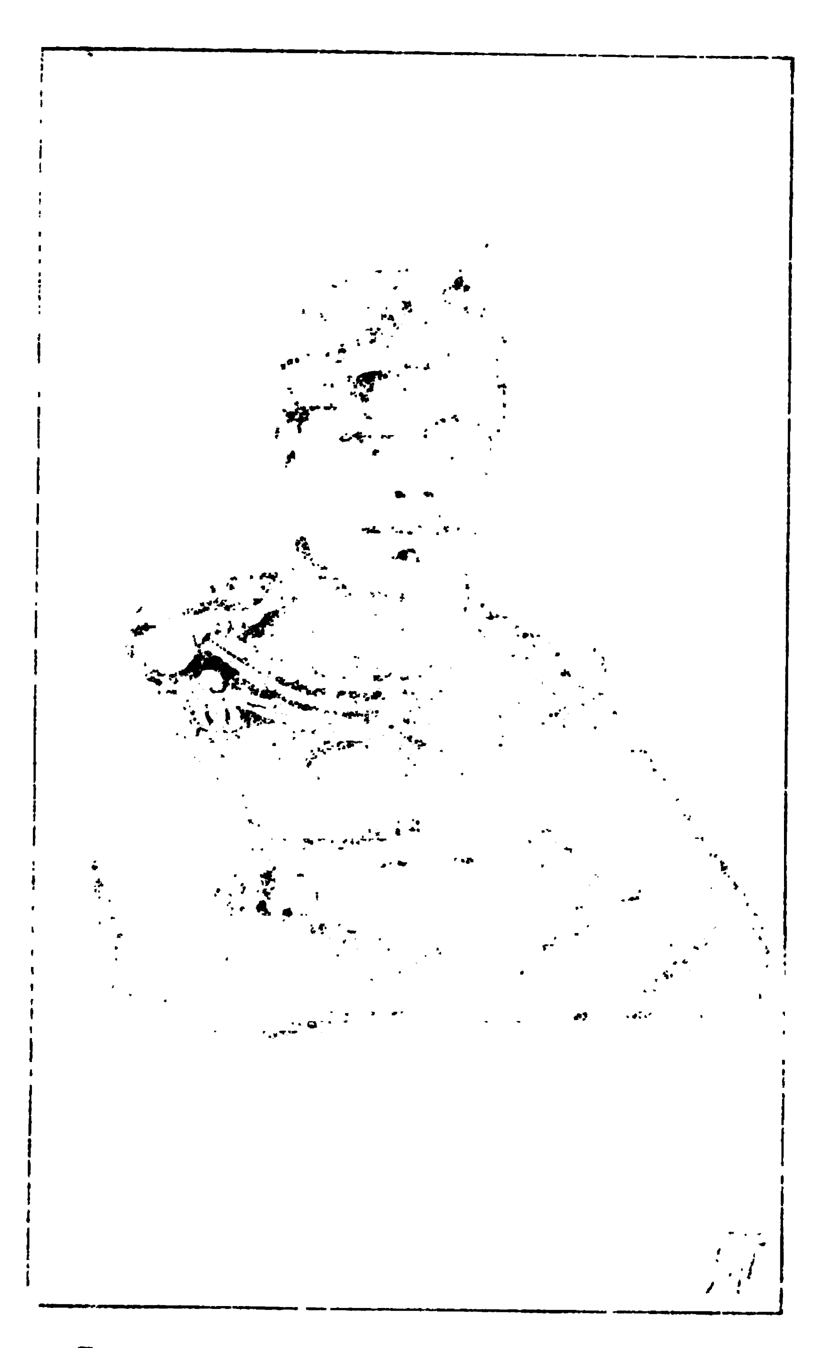
Послѣ этого года у Него составилось ясное представленіе о дѣйствительности и составился планъ дѣйствія.

Государь понялъ, изучая жизнь, что на днѣ ея, въ государственномъ смыслѣ, таилось глубокое недоразумѣніе, и что недоразумѣніе это мѣшало, во-первыхъ, жизни идти правильно и спокойно, а во-вторыхъ—возможности государству пользоваться всѣми благами дарованныхъ Его Великимъ Отцомъ внутреннихъ преобразованій.

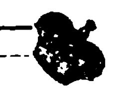


Недоразумѣніе это заключалось въ томъ, что всѣ реформы, идя одна за другою съ усиленною быстротою, не только буквою новыхъ установленій и законовъ, но и духомъ своимъ примѣняясь ко всему государству и къ цѣлому народу, на самомъ дѣлѣ вращались только въ извѣстныхъ высшихъ и среднихъ кругахъ, какъ служебныхъ, такъ и общественныхъ, не проникая въ глубь народной жизни, гдѣ ничто не было къ нимъ подготовлено, гдѣ не было главнаго образа и дѣйствія власти и ея разума, и куда они проникали только въ видѣ или безсмысленныхъ толковъ, или новыхъ явленій, крестьянскому народу малопонятныхъ. Явилось освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьей власти, но ее не смѣнила никакая власть, вслѣдствіе чего матеріальное благоденствіе слилось въ народномъ умѣ съ представленіемъ о безвластіи; явилась земская реформа, съ новымъ цикломъ общественныхъ и всесословныхъ правъ, но на почвѣ народной жизни не явилось никакого представленія объ обязанностяхъ и отвѣтственности, не опредѣлилась практическая почва; вслѣдствіе чего съ представленіемъ о земствѣ связалась деморализирующая иллюзія реформы, направленной не столько къ народному благу, сколько къ ослабленію правительственной опеки въ губерніи. Явилась судебная реформа, и она всюду распространила, вмѣстѣ съ новыми порядками судоотправленія и судопроизводства, какія-то новыя, народной средѣ чуждыя док-



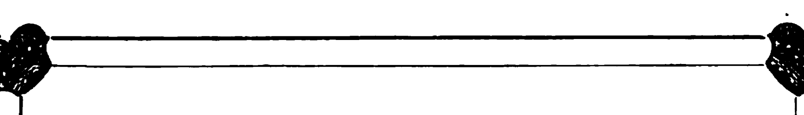


Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ 1[illegible] году.



Недоразумѣніе это заключалось въ томъ, что ... реформы, идя одна за другою съ усиленною быстротою, не только буквою новыхъ установленій и законовъ, но и духомъ своимъ ... няясь ко всему государству и къ цѣлому ... ду, на самомъ дѣлѣ вращались только ... вѣстныхъ высшихъ и среднихъ кругахъ ... служебныхъ, такъ и общественныхъ ... кая въ глубь народной жизни, гдѣ ... было къ нимъ подготовлено, гдѣ не бы... наго образа и дѣйствія власти и ея ... куда они проникали только въ видѣ ... ...енныхъ толковъ, или новыхъ ... крестьянскому народу малопонятныхъ ... освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьей ... но ее не ... никакая власть, и ... матеріальное благо...ствіе ... родомъ ... представленіемъ о ... явилась земская реформа, съ новы... общественныхъ и ... ...овныхъ ... почвѣ народной жизни не явилось представленія объ обязанностяхъ и ... ности, не опредѣлилась практически ... вслѣдствіе чего съ представленіемъ связалась деморализирующая ... направленной не столько къ народу ... сколько къ ослабленію правительственн... ... губерніи. Явилась судебная реформа ... ...а, вмѣстѣ съ ... ...авленія и суда ... ... народной средѣ ...

Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ 1866 году.



тринерныя начала; явились новыя формы суда, явилась и новая политика суда; а такъ какъ отличительною чертою этой новой судебной реформы было безмѣрное властолюбіе и духовная жажда присвоенія себѣ не только общественнаго, но и политическаго вліянія, то въ силу этихъ духовныхъ инстинктовъ оказалось, что новое учрежденіе мировыхъ судей въ провинціи напримѣръ, заняло мѣсто руководителей нравами и жизнью въ самыхъ центрахъ народной жизни — въ деревнѣ. Такимъ образомъ, въ многомилліонной средѣ народа, крестьянская реформа дала понятіе о безвластіи, земская реформа дала понятіе о правительственномъ безсиліи вести уѣздное хозяйство, судебная реформа придала учрежденію мировыхъ судей характеръ и направленіе своего вѣдомства, т. е. призваніе подчеркивать передъ народомъ свою независимость отъ всего того, что народъ привыкъ признавать представителемъ правительственной власти, царствовала смута безвластія и непониманія новыхъ порядковъ.

Но Государю, изучая прошлое и настоящее въ дѣлахъ и въ людяхъ, пришлось понять и другое. Пришлось понять, что либерализмъ, какъ стремленіе къ движенію впередъ, хорошая вещь, когда его двигатель—любовь къ народу и желаніе ему блага, и когда въ духѣ пониманія историческихъ преданій и идеаловъ этого народа, это движеніе впередъ исходитъ отъ единственнаго Вождя и Хозяина Россіи — отъ Рус-

скаго Самодержавнаго Государя; но что тотъ же либерализмъ пагубенъ и опасенъ, когда онъ, исходя изъ разрозненныхъ съ народомъ головъ, имѣетъ задачею вовсе не благо народа, которое является только предлогомъ, а самолюбивыя похоти къ ослабленію правительственной власти въ пользу партійнаго и такъ называемаго правоваго многовластія, и опасенъ потому, что вводитъ въ государственную арену всѣ дурныя страсти и всѣ людскія слабости, отстраняя главныя народныя нужды.

Словомъ, Государь понялъ ясно, что главнымъ условіемъ, отъ котораго зависитъ благосостояніе народа и его движеніе впередъ, это—внутренній порядокъ, а внутренній порядокъ зависитъ въ свою очередь отъ подчиненія жизни одному Хозяину, одному Руководителю, одному Толкователю закона и правды и одному фактору, способному всякой реформы устранять вредъ и утверждать благо!

* * *

Тогда, когда планъ внутренней политики былъ установленъ, Государь призвалъ графа Д. Толстого, извѣстнаго Ему по энергіи и стойкости своего характера и по твердости его политическихъ убѣжденій, и поручилъ ему, вмѣстѣ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, постепенное приведеніе въ порядокъ и въ соотвѣтствіе съ главными основами русскаго государственнаго строя всей внутренней провинціальной жизни, по плану, Имъ преподанному.

Графъ Толстой немедленно принялся за дѣло и въ порядкѣ постепенности, согласно плану Государя, началъ разрабатывать то учрежденіе власти сельской и близкой народу, которое получило названіе учрежденія земскихъ начальниковъ, съ цѣлью прежде всего поставить деревню, а слѣдовательно девять десятыхъ всей Россіи, въ возможность веденія мирной жизни и развитія благосостоянія. Дать наглядный и простой образъ власти, придать ему ясные и практическіе атрибуты власти и поставить подъ охрану этой власти личность и имущество въ деревнѣ—такова была задача новаго учрежденія.

Осуществленіе ея оказалось нелегкимъ; съ одной стороны жизнь успѣла многое спутать и запутать въ деревенскомъ быту; съ другой стороны, сверху, въ сферѣ государственныхъ людей, по неизбѣжнымъ законамъ инерціи, слишкомъ живучи и упрямы были тѣ либеральныя доктрины прошлаго, которыя въ обособленіи и въ преувеличеніи судебной власти видѣли миражный прогрессъ Россіи, а въ усиленіи администраціи,—что-то ему противорѣчащее, а потому все, чѣмъ бюрократическо-либеральный элементъ могъ усложнить и ослабить простую законодательную задачу, было имъ сдѣлано, и проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ предсталъ въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предположенъ вначалѣ, въ точное исполненіе

Государевой воли. Видоизмѣненный еще въ государственномъ совѣтѣ, онъ представленъ былъ на утвержденіе Государя, и тутъ Государь проявилъ ясно Свою личность Самодержавнаго Хозяина и вождя Россіи. То, чего давно не бывало, случилось: Государь утвердилъ проектъ, но повелѣлъ измѣнить въ немъ то, что было въ видѣ компромиссовъ съ извѣстными доктринами прибавлено къ первоначальному проекту и что, вмѣсто порядка, грозило ввести еще большую путаницу. Онъ повелѣлъ немедленно упразднить, сохраненное по проекту учрежденіе мировыхъ судей въ провинціи и всю судебную часть раздѣлить между окружнымъ судомъ, земскими начальниками и волостными судами.

Это Высочайшее повелѣніе, объявленное къ исполненію государственному совѣту, дало тонъ всей эпохѣ на будущее время и указало каждому, что компромиссовъ съ доктринами тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ утвержденіи порядка и власти для обезпеченія народнаго благосостоянія, Государь не допускаетъ.

* * *

Въ этомъ духѣ предприняты были дальнѣйшія внутреннія реформы. Начатыя графомъ Толстымъ слѣдующія реформы земскаго и городового положеній продолжены были послѣ его смерти преемникомъ его Н. И. Дурново. Обѣ имѣли ясную и опредѣленную цѣль: опредѣленно подчинить эти учрежденія правительственному

авторитету и практичнѣе поставить ихъ на почву прямого удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ уѣзда и города. Безъ сомнѣнія, какъ всякое человѣческое дѣло, каждая изъ этихъ реформъ имѣла свои недостатки, но со введеніемъ ихъ одно стало несомнѣннымъ: исчезновеніе во внутренней жизни того абстрактнаго и мозгового міра либеральныхъ доктринъ и увлеченій, который сбивалъ многихъ съ толку, мѣшалъ практическому дѣлу и отклонялъ дѣятелей отъ главной своей задачи: пещись о благосостояніи ввѣренныхъ каждому людей. Съ достиженіемъ этой цѣли всѣмъ стало легче жить; всѣ поняли, что всякая служба есть государственная и правительственная, за которую надо отвѣчать, какъ поняли всѣ, что права личныя, имущественныя и всякое движеніе къ благосостоянію, и всякій трудъ могутъ быть охраняемы не либеральнымъ расшатываніемъ, а только укрѣпленіемъ правительственной власти.

* * *

Но укрѣпляя и приближая къ жизни всѣ внутреннія учрежденія государства, сообразно тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыми руководствовался Его Отецъ, творя Свои реформы, Государь Александръ III ясно сознавалъ въ то же время государственное значеніе для жизни своего земельнаго дворянства, связаннаго съ народомъ тѣми же завѣтами и тѣми же трудами. И вотъ, черезъ все Его царствованіе проходитъ

слѣдъ непрестанныхъ заботъ о возвышеніи дворянской службы, о привлеченіи дворянъ служить Отечеству на его землѣ и объ улучшеніи его, потрясеннаго крестьянскою реформою экономическаго положенія. Съ мѣткимъ взглядомъ на дѣйствительную жизнь, Государь призываетъ уѣздныхъ предводителей дворянства быть руководителями народной жизни, ихъ же Онъ даетъ указаніе назначать въ губернаторы, ихъ же Онъ ставитъ въ самое близкое и постоянное отношеніе къ губернаторской власти, и все это именно съ цѣлью возвышенія того дворянскаго авторитета, который можетъ быть добытъ только службою на мѣстѣ, на землѣ, и затѣмъ, какъ сказано выше, Государь не перестаетъ заботиться о томъ, чтобы все возможное было сдѣлано для облегченія дворянству его тяжелыхъ условій матеріальнаго быта.

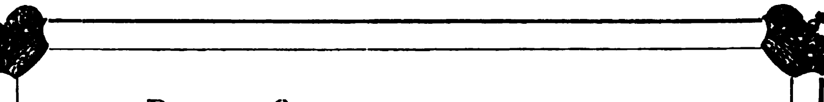
* * *

Планы Государя въ Его постепенности для упорядоченія русской жизни оказались вѣрны. Нѣтъ сомнѣнія, что пока они назрѣвали въ думахъ Молодого Самодержца, Его вдохновляла вѣра въ мощь Россіи и знаніе этой мощи. И дѣйствительно, едва только началъ водворяться порядокъ въ умахъ и въ жизни, какъ начала пробуждаться, какъ отъ летаргіи, и жизнь экономическая государства. Это пробужденіе явилось именно вслѣдствіе довѣрія къ порядку и къ силѣ, способной держать и упрочивать его.

Вѣра въ эту мощь Россіи, основанная на знаніи ея, была столь велика, что когда, послѣ временныхъ неурожаевъ и усложненій экономическихъ, Государю представлена была, на 7-й годъ Его Царствованія, Россія, будто бы лишенною рессурсовъ для сведенія своей финансовой смѣты, Государь ни на секунду не повѣрилъ такому мрачно-теоретическому взгляду и, спокойно вѣруя, далъ завтрашнему дню опровергнуть сомнѣнія вчерашняго, и завтрашній день явился, и опасенія теоріи разбились передъ фактами практики, и Россія, ведомая Александромъ III и Его вѣрою въ ея силы, стала не по днямъ, а по часамъ развивать свои производительныя силы, чудотворно превращая недовѣріе Европы къ нашему кредиту въ довѣріе.

* * *

Это чудотворное превращеніе недовѣрія въ довѣріе къ русскому кредиту въ Европѣ явилось постепенно послѣдствіемъ двухъ важныхъ по побудительной силѣ причинъ. Во-первыхъ, довѣріе къ кредиту было прямымъ и неизбѣжнымъ результатомъ постепенно возросшаго въ Европѣ довѣрія къ Хозяину Россіи, къ Его мудрой и твердой внутренней политикѣ,—политикѣ, такъ сказать, Его вѣры въ Россію, Его вѣры въ правду Его царственнаго пути; во-вторыхъ, это довѣріе къ кредиту Россіи явилось прямымъ послѣдствіемъ Его политики внѣшней. И здѣсь Онъ былъ одинъ ея Хозяинъ



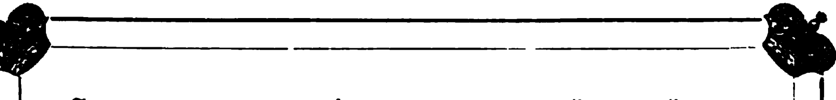
и ея Вождь. Онъ принялъ эту политику изъ рукъ дипломатовъ Своихъ въ тѣ дни, когда лозунгомъ ихъ были знаменитыя три слова: что скажетъ Европа? Черезъ 13 лѣтъ Онъ возвращаетъ ее Сыну съ новымъ лозунгомъ Европы: что скажетъ Россія? Въ этомъ фактѣ все сказано. Имъ однимъ успокоенная Европа сегодня у гроба Александра III торжественно вѣнчаетъ этотъ новый лозунгъ русскаго государства!

* * *

Но это успокоеніе и умиротвореніе Европы, шедшее на ряду съ упорядоченіемъ внутренней жизни, достигнуто было не ослабленіемъ, а усиленіемъ Россіи въ военномъ отношеніи. Съ дѣтства Государь полюбилъ войско, полюбилъ и флотъ... Въ Рущукѣ, въ теченіе долгихъ дней терпѣливой стоянки, будущій Государь позналъ нужды арміи, позналъ и ея доблести. И вотъ, когда Онъ сталъ Царемъ и Вождемъ Своего войска, Онъ задалъ Себѣ двѣ задачи: улучшить бытъ солдата и офицера, а затѣмъ усиливать войска и флотъ, дабы, опираясь на необходимыя силы, нравственныя и матеріальныя, Своего войска, Онъ имѣлъ право быть для всего міра геніемъ мира и врагомъ войны.

* * *

Воспріявъ все это великое по разуму и по благодати отъ Бога, Государь всю жизнь Свою думалъ о Богѣ и молился Богу, и въ началѣ



Своего царствованія, стараясь всѣми мѣрами облегчить и улучшить матеріальное положеніе Своего возлюбленнаго народа, думалъ и непрестанно заботился о томъ, чтобы народъ этотъ отъ тьмы невѣдѣнія переходилъ къ свѣту просвѣщенія, но не иначе, какъ въ лонѣ Святой Церкви. Съ этою цѣлью Онъ ободрялъ дѣло народнаго образованія въ видѣ церковно-приходскихъ школъ и не разъ высказывалъ желаніе, чтобы всѣ вѣдомства, завѣдывающія народными школами, соединились въ одно для сохраненія и развитія ея исключительно при церкви, дабы безъ церкви и вдали отъ церкви не могъ русскій народъ учиться.

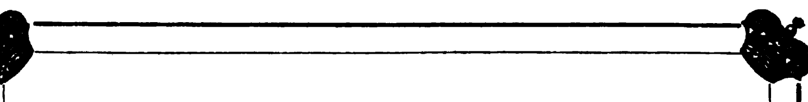
Это святое и важнѣйшее дѣло русской жизни еще въ началѣ. Дай Богъ ему продолжаться.

* * *

Въ началѣ тоже трудное и нужное дѣло упорядоченія судебной реформы, предпринятое по волѣ почившаго Государя для сей цѣли Имъ избраннымъ министромъ юстиціи Н. В. Муравьевымъ. Дай Богъ помощь и ему.

* * *

Здѣсь мы останавливаемся. Какъ умѣли, какъ помогъ намъ Богъ, мы постарались дать вѣрный очеркъ не царствованія, но жизни Нашего многовозлюбленнаго почившаго Государя, съ мыслію показать, какъ это царствованіе явилось полнымъ и благимъ по его неразрывной связи



съ жизнью человѣка, предназначеннаго Богомъ быть Монархомъ.

Но затѣмъ — какой же изъ всего этого выводъ для русскаго человѣка?

Намъ кажется, выводъ одинъ.

Въ эпоху, когда всѣ почти государства Европы подходятъ, снизу подтачиваемыя соціализмомъ, а сверху судорогами конституціонализма, къ пропасти, горсть крамольниковъ задумала рядомъ преступленій и покушеній на цареубійство привести и Россію, молодую и крѣпкую, къ признанію, изъ страха революціи, необходимымъ свое Самодержавное государственное управленіе превратить въ конституціонное, т. е. неограниченную власть Царя ослабить и ограничить какими-нибудь представителями земли русской.... Отчасти зараженные міазмами европейской цивилизаціи, отчасти по незнанію русской жизни и отчужденности отъ ея почвы, отчасти испуганные крамолою, извѣстные кружки образованнаго русскаго общества, и даже нѣкоторые государственные дѣятели, предлагаютъ послѣ 1-го марта новому Государю то, что предлагали Его Отцу, — искать блага Россіи и спасенія власти отъ анархіи и крамолы въ компромиссахъ съ либерализмомъ, съ цѣлью ослабить Царскую власть и усилить общественную инидіативу въ дѣлѣ государственнаго управленія.

Государь, наученный всѣмъ Своимъ прошлымъ добросовѣстнымъ приготовленіемъ къ Престолу, знаніемъ жизни Своего народа и осѣненный Бо-

жіею мудростью, обдумавъ сіе, отвѣтилъ твердо и рѣшительно: «Нѣтъ, крамола исчезнетъ, какъ дымъ отъ огня, отъ усиленія Моей власти; сила, благосостояніе, счастье и будущность Россіи зависятъ только отъ сохраненія Россіи самодержавною; ей при этомъ условіи рости и крѣпнуть, ей одной, пока другимъ государствамъ суждено малиться и слабѣть, и да будетъ воля Моя, потому что она—и Божья воля, и народная воля.»

Прошло это царствованіе, и дало отвѣтъ на вопросъ: гдѣ была ложь, гдѣ была правда?

Россія крѣпка, Россія спокойна; спокойная и крѣпкая Россія можетъ идти твердо къ славному будущему, залѣчивая свои раны и исправляя недостатки своего сложнаго механизма.

И почившему Царю, за короткій срокъ сдѣлавшему Свое великое дѣло столь спокойно и увѣренно, въ минуту Его кончины весь міръ и вся Россія воздаютъ дань прославленія и благодарности, о которой никогда не было помина во всемірной исторіи...

Что же это значитъ?

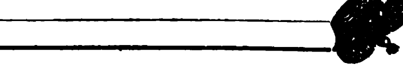
Не значитъ-ли это, что Царь принялъ отъ Бога призваніе доказать, что сила Россіи и будущность ея — въ Самодержавіи, и почилъ, исполнивъ сію задачу, подъ благословеніями всей русской земли....

Для нея Онъ отдалъ всю правду Своей души, всю любовь Своего сердца и послѣднее дыханіе Своей жизни.

Изъ воспоминаній Великой Княгини Александры Іосифовны.

Не можемъ также не повѣдать нашимъ читателямъ еще нѣкоторыя драгоцѣнныя подробности о послѣднихъ дняхъ въ Бозѣ почившаго Государя, заимствуемыя нами изъ воспоминаній Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Александры Іосифовны и отрывочныхъ замѣтокъ, писанныхъ въ скорбные дни Ея Величествомъ, Греческою Королевою Ольгою Константиновною, двоюродной сестрой почившаго Царя.

Великая Княгиня Александра Іосифовна, проживая въ своей лѣтней резиденціи въ Стрѣльнѣ, вмѣстѣ съ гостившею у ней дочерью, Греческой Королевой, съ крайнимъ напряженіемъ слѣдила за всѣмъ, что происходило въ Ливадіи со времени переѣзда въ Крымъ больного Государя. Скорбя всею душою по поводу получавшихся тревожныхъ извѣстій, Великая Княгиня, несмотря на свое слабое здоровье, и Королева порѣшили ѣхать немедленно въ дальній путь, въ Ливадію. Въ раздумьѣ, какъ и чѣмъ онѣ могли бы порадовать Августѣйшаго Болящаго, и припоминая, что Государь прежде высказывалъ, что о. Іоаннъ Кронштадтскій Ему симпатиченъ, Великая Княгиня пожелала везти съ собою въ Ливадію любимаго русскимъ народомъ пастыря·

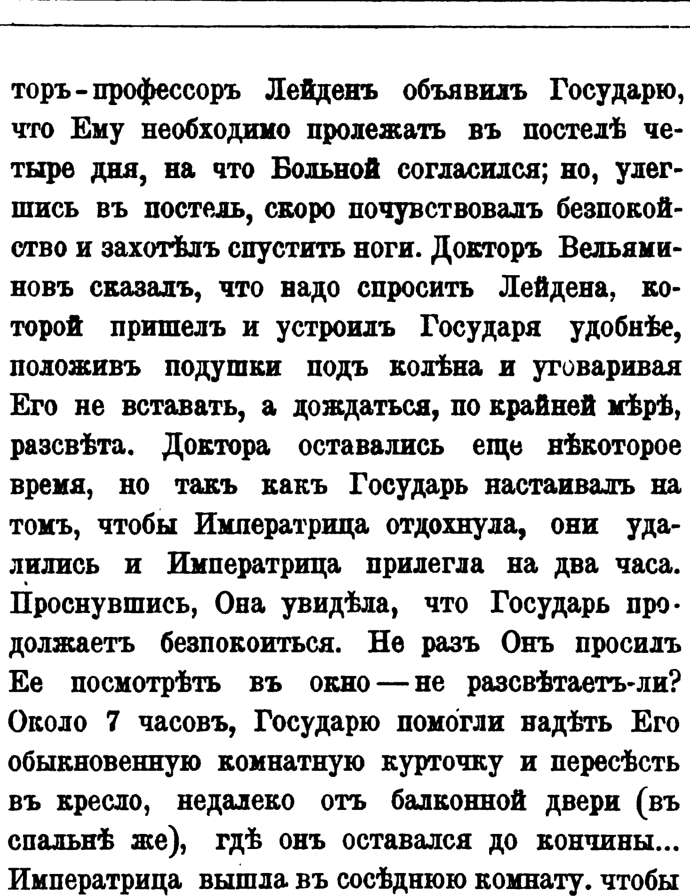


8-го октября, рано утромъ, Высокія Путешественницы прибыли по желѣзной дорогѣ въ Севастополь, откуда, несмотря на утомленіе и бурную въ этотъ день погоду на морѣ, Великая Княгиня и Королева немедленно отплыли на военномъ пароходѣ «Эрикликъ» въ Ялту, и въ 11 часовъ дня были уже въ Ливадіи. При первомъ же свиданіи, покойный Государь, глубоко тронутый видимымъ родственнымъ участіемъ Своей Тетки и двоюродной Сестры, горячо благодарилъ за совершенное ими, по Его словамъ, паломничество съ сѣвера на югъ, изъ Стрѣльны въ Ливадію, и при этомъ выразилъ Свое полное удовольствіе, что Великая Княгиня привезла къ Нему о. Іоанна.

Совершивъ въ первые три дня богослуженія въ дворцовыхъ церквахъ Ливадіи и Ореанды, О. Іоаннъ 11-го октября имѣлъ молитвенное собесѣдованіе съ болящимъ Царемъ, послѣ чего на другой день онъ выразилъ Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ свое намѣреніе возвратиться въ Кронштадтъ. На это Ея Высочество твердо возразила: «Я васъ не пущу. Одинъ Богъ знаетъ день и часъ, когда вамъ можно будетъ уѣхать. Ваше мѣсто здѣсь,—тѣмъ болѣе, что Государь мнѣ сказалъ, что вчерашняя ваша у Него молитва доставила Ему облегченіе».

Въ замѣткахъ Королевы Ольги Константиновны, противъ 19 и 20 октября, находимъ слѣдующія трогательныя подробности:

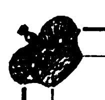
«Вечеромъ, наканунѣ кончины Государя, док-



торъ-профессоръ Лейденъ объявилъ Государю, что Ему необходимо пролежать въ постелѣ четыре дня, на что Больной согласился; но, улегшись въ постель, скоро почувствовалъ безпокойство и захотѣлъ спустить ноги. Докторъ Вельяминовъ сказалъ, что надо спросить Лейдена, которой пришелъ и устроилъ Государя удобнѣе, положивъ подушки подъ колѣна и уговаривая Его не вставать, а дождаться, по крайней мѣрѣ, разсвѣта. Доктора оставались еще нѣкоторое время, но такъ какъ Государь настаивалъ на томъ, чтобы Императрица отдохнула, они удалились и Императрица прилегла на два часа. Проснувшись, Она увидѣла, что Государь продолжаетъ безпокоиться. Не разъ Онъ просилъ Ее посмотрѣть въ окно — не разсвѣтаетъ-ли? Около 7 часовъ, Государю помогли надѣть Его обыкновенную комнатную курточку и пересѣсть въ кресло, недалеко отъ балконной двери (въ спальнѣ же), гдѣ онъ оставался до кончины... Императрица вышла въ сосѣднюю комнату. чтобы переодѣться, но тутъ же Цесаревичъ пришелъ сказать, что Государь Ее зоветъ. Войдя, Она нашла Его въ слезахъ и Онъ сказалъ Ей: «Чувствую свой конецъ!» На это Императрица воскликнула: «Ради Бога, не говори этого, Ты будешь здоровъ!» — «Нѣтъ,—произнесъ Царственный Страдалецъ,—это тянется слишкомъ долго, чувствую, что кончина близка!» Императрица, видя, что дыханіе затруднено и что Государь слабѣетъ, послала за Великимъ Княземъ Вла-

димiромъ Александровичемъ. Въ началѣ 10-го часа мы всѣ собрались. Вспомнивъ, что это день рожденiя Великой Княгини Елисаветы Θеодоровны, Государь пожелалъ поздравить ее. Когда я, въ свою очередь, подошла къ Больному, Онъ протянулъ мнѣ руку и слабо сказалъ: «Ольга Константиновна!», какъ всегда, и мы поцѣловались... Онъ сидѣлъ въ креслахъ, Императрица и всѣ вокругъ Него на колѣняхъ. Онъ внятно сказалъ: «Я желалъ бы помолиться!» Пришелъ О. Янышевъ, молился; немного спустя Государь сказалъ: «хочу причаститься», и затѣмъ нѣсколько разъ спрашивалъ, скоро-ли принесутъ св. Дары. Когда о. Янышевъ приступилъ къ Таинству Причащенiя, Больной внятно за нимъ повторилъ слова молитвы: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую»... и крестился. О. Янышевъ прочелъ еще молитвы и затѣмъ удалился. Вскорѣ Государь пожелалъ видѣть о. Iоанна, который въ это время служилъ обѣдню въ Ореандѣ, въ церкви, построенной моимъ отцомъ. Послѣ этого Государь сказалъ, что хочетъ отдохнуть. Заперли двери и съ Нимъ остались Императрица, Цесаревичъ съ Высоконареченною Невѣстою, нынѣ Государыней Императрицей Александрой Θеодоровной, и Дѣти. Мы всѣ перешли въ сосѣднiя комнаты, гдѣ были доктора. Лейденъ сказалъ намъ, что легкiя у Больного хуже сердца. На дорогую намъ Императрицу ужасно больно смотрѣть!..

Между тѣмъ, окончивъ обѣдню въ Ореандѣ,

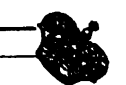


прибылъ о. Іоаннъ и въ присутствіи Императрицы, Цесаревича и Дѣтей молился и помазалъ Государя елеемъ. Мы стояли на колѣняхъ въ сосѣдней комнатѣ, куда доносился голосъ о. Іоанна. Пастырь положилъ руку на голову Государя, молясь надъ Нимъ; затѣмъ спросилъ Государя: Ваше Величество, не утомляю-ли я Васъ? На что Государь отвѣчалъ: «Нѣтъ, пожалуйста, продолжайте, мнѣ такъ это пріятно, это меня успокаиваетъ». При этомъ Государь еще прибавилъ: «Вы святой человѣкъ, вы праведникъ, вотъ почему народъ васъ такъ любитъ!» О. Іоаннъ отвѣчалъ: «Да, Ваше Величество, Вашъ народъ меня любитъ». Затѣмъ, Государь просилъ о. Іоанна пойти отдохнуть, чтобы снова придти. Императрица все время стояла на колѣняхъ съ лѣвой стороны Государя, держа Его руки, которыя начинали холодѣть. Въ это время пришли къ Больному доктора для легкаго массажа ногъ. Не задолго до кончины, Государь сказалъ доктору Вельяминову: «теперь господа профессора ушли, потому что они ничего не могутъ больше сдѣлать; только вы, Николай Александровичъ, еще надѣетесь».– Государь часто въ теченіе послѣднихъ часовъ цѣловалъ Императрицу; подъ конецъ же сказалъ: «не въ силахъ даже поцѣловать Тебя», при чемъ Онъ дышалъ съ большимъ трудомъ. Дѣти тоже стояли на колѣняхъ. Государь все просилъ Ихъ сѣсть, говоря, что Они устанутъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ гладилъ руку Отца, Который,

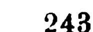
съ нѣжностью гладя на него, сказалъ: «душка!», но тутъ же простоналъ: «тяжело, очень тяжело!» Не задолго передъ кончиной, о. Іоаннъ снова пришелъ и снова молился. Дѣятельность сердца у Больного слабѣла, дыханіе становилось рѣже, о. Іоаннъ продолжалъ молиться... Въ 2¼ часа Государь тихо, почти незамѣтно, предалъ духъ»...

Письмо о. Іоанна.

«По неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ послѣднихъ великихъ дней и часовъ славной жизни Царя-Отца Россіи и Миротворца Европы, Императора Александра Александровича... 8-го октября, по утру, въ 9 часовъ, мы прибыли въ Ялту на военномъ кораблѣ «Память Меркурія». Высочайшія Особы, Королева Греческая и Ея Высочество Александра Іосифовна были встрѣчены на пристани Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Греческимъ Королевичемъ. Я отправился прямо въ малую церковь при дворцѣ служить заздравную обѣдню. Въ слѣдующіе дни Государю дѣлалось лучше, и Онъ говорилъ, что чувствуетъ надъ Собою силу молитвы, какъ передалъ мнѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Это было первое мое свиданіе лицомъ къ лицу съ Наслѣдникомъ Престола (нынѣ уже Императоромъ); изъ него я вынесъ самое трогательное впечатлѣніе, плѣненный Его добротою и ласковостію. Въ слѣдующіе дни Державный Больной чувствовалъ улучшеніе въ своемъ здоровьѣ и изволилъ говорить не разъ, какъ передавали Высочайшія Особы, что Онъ ощущаетъ надъ Собою силу молитвъ вѣрной Ему Россіи. Уже на четвертый день, 11-го октября, я былъ позванъ къ Нему въ 11 часовъ утра. Идучи къ



Высокому Больному, я думалъ, какъ бы мнѣ лучше, сердечнѣе, привѣтствовать Царя, тяжко больного, а незадолго передъ тѣмъ я читалъ посланіе св. апостола Павла къ ученику своему Тимофею и въ немъ мнѣ показались пригодными въ моемъ положеніи для перваго привѣта Царю слова, выражающія величіе Господа—Царя Царей, отъ Котораго всѣ Цари получаютъ свою державу и власть надъ народами (I Тимоѳ. 6, 15 и 16); я и запомнилъ эти слова. Вхожу въ кабинетъ Его Величества; Государь въ шинели, встрѣтилъ меня стоя, хотя отекъ въ ногахъ не позволялъ Ему стоять, и я такъ привѣтствовалъ Его: «Государь! да благословитъ Тебя всеблагословенный Богъ, блаженный и единый сильный Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единый, имѣющій безсмертіе, Который обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, Котораго никто изъ человѣковъ не видѣлъ и видѣть не можетъ, Которому честь и держава вѣчная. Аминь». Послѣ этого я благодарилъ Государя, что Онъ удостоилъ меня пригласить въ Ливадію и лицезрѣть Его Особу. Онъ изволилъ сказать, что онъ не смѣлъ Самъ пригласить въ такой далекій край Россіи (настолько Онъ деликатенъ и скроменъ при Своемъ величіи), «но когда великая княгиня Александра Іосифовна предложила Мнѣ (Его слова) пригласить васъ въ Ливадію, Я съ радостью согласился на то, и благодарю, что вы прибыли. Прошу молиться за Меня: Я,—говорилъ Онъ,—очень недомогаю». Я



отвѣчалъ, что «считаю потребностью сердца молиться о Вашемъ драгоцѣнномъ здравіи, особенно въ нынѣшніе дни Вашей болѣзни. О Васъ молится и вся Россія». Затѣмъ Онъ перешелъ въ другую комнату, пригласилъ меня помолиться съ Нимъ и сталъ на колѣни. Я прочелъ три молитвы. Его Величество молился съ чувствомъ, склонивъ голову и углубившись въ Себя. Когда я кончилъ, Онъ всталъ, поблагодарилъ меня и просилъ впредь молиться. Государь былъ одинъ; когда я уходилъ, вошла въ комнату Императрица и привѣтствовала меня милостиво.

«Я не считалъ своей миссіи выполненной, доколѣ самъ не причащу Высокаго Больного. Я самъ нуждаюсь крайне въ ежедневномъ причащеніи св. Тайнъ и почитаю за великое лишеніе, если не причащусь; какъ же больной человѣкъ нуждается въ этомъ всеоживотворяющемъ таинствѣ, если не всякій день, то чрезъ нѣкоторый промежутокъ, и я, отслуживъ, 17-го октября, литургію въ Ореандѣ въ присутствіи Высочайшихъ Особъ, отправился съ чашею жизни, вмѣстѣ съ протодіакономъ, во дворецъ, къ Болящему. Вошедши съ св. чашею въ помѣщеніе Его, я вслухъ произнесъ слова церковной пѣсни: «Се входитъ Царь славы, се жертва тайная совершенна дорvносится; вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчныя будемъ». Когда я говорилъ слова молитвы: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую», Государь произносилъ раздѣльно и съ чувствомъ

каждое слово и благоговѣйно принялъ изъ чаши св. Тайны: слеза умиленія капнула на Его грудь... Государь получилъ большое утѣшеніе благодатію Христовою. Это было въ 9 часовъ утра; когда мы ушли изъ дворца, Государыня Императрица вернула меня къ Себѣ и благодарила за Больного: Ея не было, когда Государь причащался. Въ слѣдующее же воскресенье, когда причащалась присоединенная чрезъ св. мѵропомазаніе къ православной церкви Высоконареченная Невѣста Наслѣдника Цесаревича, изволила вмѣстѣ съ Нею причащаться и Государыня Императрица, душа Которой, удрученная скорбію по Державномъ Больномъ, жаждала утѣшенія и отрады въ св. причащеніи. Затѣмъ, въ слѣдующіе дни, 18-го и 19-го октября, Больному стало дѣлаться хуже; я былъ снова приглашенъ Императрицей и Наслѣдникомъ помолиться за Больного въ особенной комнатѣ, въ которой была поставлена большая чудотворная икона Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, что я и исполнилъ. Вся Царственная Семья стояла на колѣняхъ и молилась со слезами. Наконецъ, 20-го октября, утромъ рано, я приглашенъ былъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ явиться къ Нему въ восемь часовъ, что и исполнилъ, но, пришедши во дворецъ, я не нашелъ Его въ аппартаментахъ: Онъ былъ позванъ въ 7 часовъ къ Государю, начавшему испытывать особенно сильные припадки удушья; приглашены были и всѣ Дѣти Государя. Императрица уже давно была тамъ. По-

года съ вечера перемѣнилась къ худшему, барометръ сильно упалъ, стало холодно, поднялась буря, море стонало отъ волнъ. Такая перемѣна въ атмосферѣ сильно дѣйствовала на Августѣйшаго Больного, силы начали быстро оставлять Его, дыханіе ухудшилось. Въ это время, долго прождавши Наслѣдника для выслушанія приказанія и не дождавшись, отправился я въ Ореанду служить, по порученію великой княгини Александры Іосифовны, обѣдню, и когда ее кончилъ, былъ немедленно позванъ къ Августѣйшему Больному, Котораго тѣснило удушье. У него сбоку сидѣла Императрица, а Государь Наслѣдникъ съ Высоконареченной Невѣстой сидѣли лицомъ къ Больному и впускали въ уста Его изъ подушки воздухъ чрезъ насосъ. Меня пригласили помолиться. Я прочелъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ молитвы за Болящаго. У меня въ рукахъ была стклянка съ священнымъ елеемъ отъ чудотворной иконы; я попросилъ дозволенія у Государя помазать Его больныя ноги и животъ и исполнилъ этотъ обрядъ въ двѣ минуты. Послѣ этого Государь пожелалъ, чтобы я возложилъ руки мои на голову Его, и я долго держалъ ихъ; Государь находился въ полномъ сознаніи, просилъ меня отдохнуть, но я сказалъ, что не чувствую усталости, и спросилъ Его: не тяжело-ли Вашему Величеству, что держу долго руки мои на главѣ Вашей, но Онъ сказалъ мнѣ: «напротивъ, Мнѣ очень легко, когда вы ихъ держите»; потомъ Ему угодно было сказать:

«Васъ любитъ русскій народъ?»—«Да,—отвѣчалъ я,—Вашъ народъ любитъ меня».—«Любитъ,—отвѣтилъ Государь,—потому, что онъ знаетъ, кто вы и что вы (подлинныя Его слова)». Хотя съ моей стороны, можетъ быть, и нескромно помѣщать эти слова, но такъ какъ каждое слово умиравшаго Монарха дорого для Россіи и характеризуетъ Его великую, смиренную, добрую, отзывчивую душу,—не счелъ я справедливымъ опустить ихъ, хотя, признаюсь, не достоинъ такого добраго слова Великаго Государя моего. Это были почти послѣднія слова Больного, вскорѣ затѣмъ, откинувъ руки и голову назадъ, на спинку кресла, Онъ тихо, безъ агоніи, скончался. Вся Семья Царская тихо, безмолвно, съ покорностью волѣ Всевышняго, содержащаго въ длани Своей животъ всѣхъ, преклонила колѣна. Душа же Помазанника Божія тихо отошла ко Господу, и я снялъ руки свои съ главы Его, на Которой выступилъ холодный потъ... Миръ душѣ Твоей, Великій Государь и вѣрный слуга Царя Царствующихъ!

«Не плачь и не сѣтуй, Россія! Хотя ты не вымолила у Бога исцѣленія своему Царю, но вымолила за то тихую, христіанскую кончину, и добрый конецъ увѣнчалъ славную Его жизнь,—а это дороже всего. Теперь также люби Его Наслѣдника, Императора Николая Александровича, получившаго отъ Державнаго Отца Своего завѣтъ—идти по слѣдамъ Его».

Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ 1865 году.

«ЗОЛОТАЯ КНИГА».

Французскимъ Патріотическимъ Комитетомъ издана въ Парижѣ «Золотая книга», посвященная памяти покойнаго Императора Александра III. Члены Патріотическаго Комитета рѣшили въ своей книгѣ предоставить слово тѣмъ людямъ, которые во Франціи являются какъ-бы выразителями общественнаго мнѣнія.

Такимъ образомъ, «Золотая книга» составилась изъ длиннаго ряда очерковъ, газетныхъ статей, воспоминаній, замѣтокъ, написанныхъ разными лицами въ память Царя-Миротворца. Въ началѣ книги воспроизведены автографически небольшія характеристики покойнаго Государя, написанныя выдающимися дѣятелями Франціи спеціально для «Золотой книги».

Бывшій французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, Лабулэ, написалъ слѣдующее:

«Я считаю величайшею для себя честью, что я былъ призванъ быть представителемъ Франціи при дворѣ Императора Александра III. Мнѣ была дана возможность приблизиться не только къ великому Монарху, но и высокочестному человѣку. Здравое сужденіе и воля были преобладающими качествами Его духа. Откровенность и простота были лучшими свойствами Его «кристальной души», по выраженію покойнаго Цеса-

ревича Николая, души, гдѣ не было мѣста для скрытой мысли. Проникнутый величіемъ своего долга болѣе, чѣмъ сознаніемъ личнаго превосходства, испрашивая у Бога помощи и руководства, желая Своею честною и общественною жизнью оказаться достойнымъ великой роли, Ему предназначенной, предпочитая оставить по Себѣ имя скорѣе уважаемое, чѣмъ славное, ненавидя интригу и способный вполнѣ оцѣнить деликатность поступковъ и чувствъ—Александръ III былъ созданъ для того, чтобы понять Францію какъ Франція для того,—чтобы понять Его».

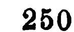
Далѣе идутъ слѣдующія письма:

«Въ нашихъ сердцахъ мы еще долго будемъ хранить трауръ по благородномъ и справедливомъ Императорѣ Александрѣ III. Во время Своего, слишкомъ кратковременнаго, царствованія, Онъ былъ представителемъ того, что можетъ быть есть наилучшаго въ человѣчествѣ—Верховной Силы, совершенно свободной, руководимой совѣстью и соединенной съ желаніемъ блага.

«Онъ сдержалъ грозный потокъ войны, протянувъ одну изъ своихъ мощныхъ рукъ болѣе сильному и великодушно подавъ другую болѣе слабому. Онъ былъ олицетвореніемъ великодушной справедливости.

«Его величественная память на вѣки нераздѣльно соединена съ душой двухъ націй, которыя онъ сдѣлалъ дружественными».

Франсуа Коппэ.



Милостивый Государь!

«Вы спрашиваете мое мнѣніе объ Императорѣ Александрѣ III. Я смотрю на Него какъ на героя, даровавшаго миръ міру и вернувшаго Франціи подобающее ей положеніе. До великаго Кронштадтскаго событія я почти не зналъ Его. Я слышалъ, что Онъ страстно любитъ свою страну и свято хранитъ преданія Своей земли и Своего рода, что подданные Его обожаютъ и что Онъ, не вмѣшиваясь въ ссоры, раздѣляющія Европу, говорилъ всегда, что Россія будетъ противъ того государства, которое первое начнетъ войну.

«Такъ-ли это въ точности, я не знаю, не знаю сегодня, какъ не зналъ и вчера. Мы достаточно хорошо знаемъ характеръ русскихъ, чтобы любить ихъ, но мы плохо знакомы съ ихъ исторіей... и я сознаюсь, что для меня Императоръ Александръ III весь заключается въ Кронштадтѣ—тамъ я Его вижу, Его люблю и Имъ восхищаюсь.

«Остальная Его жизнь для меня покрыта туманомъ. Я вѣрю, что она была полна благородства, но въ ней не можетъ быть ничего, что могло-бы равняться съ великимъ Кронштадтскимъ событіемъ.

«Да и въ міровой исторіи нѣтъ еще другого подобнаго событія.

«Никогда, ни одинъ Монархъ не производилъ столь мощнаго давленія на судьбу народовъ.

Да, повторяю, тогда Онъ внезапно вышелъ изъ тумана и явился всѣмъ народамъ съ высоты

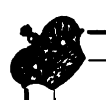
Своего корабля, чтобы сказать и Своему народу и Франціи, и всѣмъ,—что отнынѣ миръ обезпеченъ. Онъ могъ бы достигнуть этого путемъ дипломатическимъ, могъ обусловить все это договоромъ, поручить сдѣлать это Своимъ дипломатамъ совмѣстно съ нашими. Другое Его вдохновило: Онъ обратился къ уму и сердцу двухъ народовъ, и Онъ соединилъ ихъ вѣчными узами. Съ непокрытою головою выслушалъ Онъ нашъ національный гимнъ, Онъ отдалъ честь нашему знамени. Крикъ энтузіазма, пронесшійся по всей Франціи—былъ Ему отвѣтомъ. Политика получила новое направленіе. Европейское равновѣсіе получило для себя новое основаніе. Безопасность была дарована міру. И чтобы сдѣлать это чудо—Ему достаточно было нѣсколькихъ минутъ.

«Вотъ Александръ III. Я не ищу, и мнѣ не надо другого божества.

«Namque erit ille mihi semper Deus: illius aras»...

Жюль Симонъ.

«Царь Александръ III былъ столь же великъ въ мирѣ, какъ другіе владыки были велики на войнѣ. Миротворецъ подчинилъ Европу Своей волѣ. Во время Его слишкомъ кратковременнаго царствованія—Онъ пріостановилъ прогрессъ желѣзнаго вѣка. Онъ побѣдоносно противопоставилъ право—силѣ, начало жизни—началу смерти. Благодаря Ему, Московскій мечъ—сдѣлался мечемъ правосудія. Его славная память будетъ



благословенна между всѣми, ибо Онъ оставилъ Россію болѣе сильною и могущественною, чѣмъ она когда-либо была, и Онъ достигъ этого не проливъ ни одной капли крови своихъ подданныхъ».

Анри Уссе.

«Я боленъ, но и въ болѣзни я поглощенъ заботами житейской борьбы... Будетъ-ли у меня время сказать все, что можетъ и должна чувствовать французская душа по отношенію къ славному и доброму Государю, котораго потеряла Россія. Александръ III былъ апостоломъ мира— человѣчество обязано помнить Его. Надъ нашимъ вѣкомъ— вѣкомъ науки и ненависти—увы!—высокая фигура Русскаго Вѣнценосца возносится какъ олицетвореніе мира и согласія. Европа плакала, когда Россія была поражена въ сердце. Но люди умираютъ — душа остается. Душа Александра III жива:—Она чувствуетъ. Она царитъ надъ нами, Она вдохновляетъ всѣхъ тѣхъ— которые здѣсь, на землѣ, являются врагами войны, этого врага матерей. Онъ былъ *Отцомъ*—этотъ Государь».

Жюль Клареси.

Четвертаго ноября 1894 года, среди гробового молчанія, президентъ палаты депутатовъ, Бюрдо, прочиталъ слѣдующее оффиціальное извѣщеніе

предсѣдателя совѣта министровъ о кончинѣ Императора Александра III.

«Господинъ президентъ!

«Правительство республики поставлено въ грустную необходимость оповѣстить палату депутатовъ о кончинѣ Его Величества Императора Александра III.

«Русскій Императоръ опочилъ перваго ноября, послѣ полудня, вслѣдствіе неумолимаго недуга, за ужасающими успѣхами котораго съ такимъ страхомъ слѣдила вся Франція.

«Лишь только пришло извѣстіе о потрясающемъ событіи, вся французская нація, пораженная глубокимъ горемъ, поспѣшила, по собственному побужденію, почтить дорогую память покойнаго Императора.

«Со всѣхъ сторонъ слышатся выраженія глубокой печали, вызванной утратою Того, Кто выказалъ такъ много сочувствія по отношенію къ нашей странѣ, при незабвенныхъ для насъ обстоятельствахъ. Память объ Императорѣ Александрѣ III на-вѣки запечатлѣется въ сердцахъ двухъ народовъ и вѣчно будетъ служить залогомъ согласія и дружбы.

«Выражая чувства глубокаго соболѣзнованія Императору Николаю II, правительство было увѣрено, что поступая такъ, оно угадало искреннія желанія страны и національныхъ представителей».

Предсѣдатель совѣта министровъ
Шарль Дюпюи.

По прочтеніи приведеннаго письма, президентъ палаты депутатовъ, Бюрдо, произнесъ слѣдующую рѣчь.

«Я увѣренъ, дорогіе товарищи, что угадаю точно вашу мысль, сказавъ что правительство вполнѣ вѣрно засвидѣтельствовало волнующія васъ чувства передъ Императорскимъ Домомъ и русскимъ народомъ.

«Ударъ, столь жестоко поразившій дружественную намъ націю, нигдѣ не можетъ найти столь искренняго и глубокаго сочувствія, какъ здѣсь, въ этомъ собраніи, въ которомъ немедленно отражаются всякія волненія цѣлой Франціи.

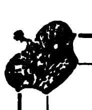
«Дѣйствительно, изъ самой души обѣихъ націй возникла та взаимная симпатія, проявленія которой уже неоднократно поражали міръ и которую еще болѣе скрѣпляютъ какъ общія радости и празднества, такъ равно и общее горе.

«Выражая чувства соболѣзнованія русскому правительству и народу, мы поступаемъ въ интересахъ все той-же традиціи, которую раздѣляетъ и вся французская нація.

«Память объ Императорѣ Александрѣ III, нераздѣльно связанная для насъ съ незабвенными воспоминаніями, будетъ вѣчно жить въ сердцѣ Франціи, точно такъ-же, какъ и въ сердцѣ Россіи.

«Она составитъ одно изъ самыхъ прочныхъ звеньевъ той братской цѣпи, которая связываетъ оба народа къ ихъ общему благу и къ интересамъ мірового мира.

«Вашъ президентъ знаетъ заранѣе, что посту-

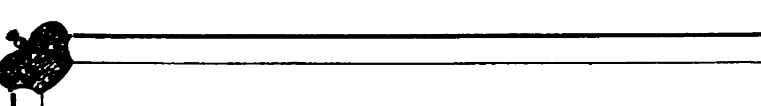


питъ согласно вашему единодушному желанію, предложивъ въ знакъ траура закрыть засѣданіе».

Въ сенатѣ, предсѣдатель Шалемель-Лакуръ, по прочтеніи вышеприведеннаго письма предсѣдателя совѣта министровъ, сказалъ:

«Я не имѣю ничего прибавить, увѣренный, что это извѣстіе уже само по себѣ наведетъ васъ на глубокія размышленія. Тѣмъ не менѣе, какъ только гнетущая тоска, висѣвшая надъ міромъ въ теченіе двухъ недѣль, уступила мѣсто чувству глубокаго горя, я тотчасъ-же рѣшился воспользоваться правомъ, которое вамъ угодно было предоставить вашему президенту созывать васъ на экстренні собранія. Я думалъ, что вы должны томиться нетерпѣніемъ выразить отъ имени парламента, являющагося выразителемъ чувствъ всей Франціи, то участіе, какое мы принимаемъ въ горѣ, постигшемъ дружественный намъ народъ въ тяжелой утратѣ, понесенной Августѣйшею Русскою Семьею, нынѣ проливающею слезы, къ великому огорченію всѣхъ тѣхъ въ цѣлой Европѣ, въ комъ бьется человѣческое сердце.

«Печаль, въ какую погружена въ настоящее время вся русская нація, свидѣтельствуетъ, независимо отъ чувства сыновней привязанности каждаго русскаго по отношенію къ своему Государю, еще и о другомъ чувствѣ: о чувствѣ великой скорби, вызванной утратою Владыки, безпредѣльно преданнаго Своему Дому, проникнутаго сознаніемъ величія Своей миссіи. Русская



нація, подъ мудрымъ и миролюбивымъ управленіемъ покойнаго Императора, испытала чувство спокойной увѣренности,—этого величайшаго блага обществъ,—въ которомъ они находятъ средства къ достиженію величія.

«Въ теченіе десяти дней Европа занималась,—явленіе быть можетъ еще до сихъ поръ безпримѣрное,—еще при жизни Императора, хотя и приговореннаго наукою къ смерти, анализомъ и оцѣнкою дѣяній Человѣка и Монарха и ничего не было сказано такого, что-бы не дѣлало чести Его прямотѣ, Его справедливости, честности, строгой опредѣленности и послѣдовательности, Его предначертаній, возвышенности Его ума, воззрѣнія, которые не носили въ себѣ ничего сложнаго, ума преисполненнаго истинно гуманныхъ стремленій. Всѣми единогласно признано, что покойный Императоръ создалъ величіе Россіи путемъ поддержанія мира; Онъ искренно желалъ устранить всякую возможность войны, что представляется истинно великимъ въ нашъ вѣкъ, столь богатый войнами, великимъ особенно со стороны Монарха, имперія котораго является одною изъ величайшихъ въ мірѣ военныхъ державъ. Имя покойнаго Императора быстро пріобрѣло всеобщее уваженіе и вызвало восхищеніе въ сердцахъ всѣхъ людей.

«Франція Ему обязана несравненно большимъ. Когда, движимый великодушнымъ побужденіемъ, Онъ рѣшился громогласно заявить всему міру, что Франція, не взирая на покрывающіе ее шра-

мы, занимаетъ не изолированное положеніе среди остальныхъ государствъ, Онъ преслѣдовалъ одну изъ тѣхъ великихъ идей, которыя зарождаются въ сердцѣ.

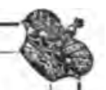
«Быть можетъ въ Его умѣ запечатлѣлась картина пятнадцативѣковаго величія Франціи, и проникнутый убѣжденіемъ, что истиннымъ хранителемъ цивилизаціи является не та или другая отдѣльная нація, какими-бы лаврами она ни была покрыта,—хранительницею цивилизаціи является сама Европа. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что Франція не должна быть расчленяема, или унижаема, и Европа покорно раздѣлила это высоко-гуманное убѣжденіе.

«Вотъ причины нашего безпредѣльнаго уваженія и искренняго восхищенія. Это Его убѣжденіе дѣлаетъ Царя священнымъ въ нашихъ глазахъ.

«Мы шлемъ Его юному Наслѣднику, Императору Николаю II, призванному принять столь тяжелое наслѣдство, пожеланія, чтобы Его царствованіе было столь-же блестяще и благотворно, какъ то, которое только что погасло, вызвавъ всеобщую скорбь».

Президентъ генеральнаго совѣта, Бассине, предлагая, въ знакъ траура, закрыть засѣданіе, сказалъ:

«По полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра III, Парижъ и всѣ общины Сены, равно какъ и всѣ города Франціи, облеклись въ глубокій трауръ.



«Русскій народъ оплакиваетъ обожаемаго Монарха, Франція—вѣрнаго Друга, Европа—могущественнаго и строгаго хранителя міровoго мира. Послѣ незабвенныхъ дней Кронштадта, Тулона, Парижа, послѣ этой тѣсной дружбы Московской Имперіи съ Французской республикой, дружбы, слившейся въ звукахъ Русскаго національнаго гимна и марсельезы; послѣ энтузіазма, коимъ были охвачены обѣ великія націи, и горе должно быть общее, какъ для Франціи, такъ и для русскаго народа.

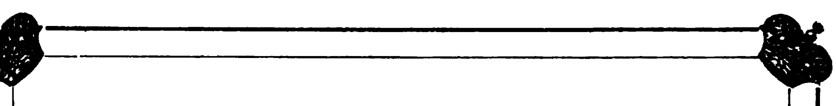
«Кончина Александра III является для Франціи національнымъ трауромъ. Предлагаю вамъ закрыть засѣданіе».

Президентъ парижскаго муниципальнаго совѣта, Шампудри, произнесъ отъ имени населенія Парижа слѣдующую рѣчь.

«Вчера вечеромъ весь Парижъ былъ глубоко потрясенъ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Царя. Несмотря на серьезные бюллетени послѣднихъ дней, всѣ надѣялись, что ужасный недугъ не сможетъ одолѣть богатырскую натуру Августѣйшаго больного.

«Вѣрные выразители желаній и побужденій парижскаго населенія, мы шлемъ Царской Семьѣ выраженія почтительнаго соболѣзнованія, а русскому народу—увѣренія въ нашемъ искреннемъ къ нему расположеніи.

«Только что почившій могущественный Монархъ былъ вѣрнымъ Другомъ Франціи,—вотъ почему всѣ парижане, безъ различія политиче-



скихъ убѣжденій, соединились въ одномъ общемъ чувствѣ глубокаго горя. Они преисполнены чувствомъ безпредѣльной благодарности къ Тому, Кто въ великихъ событіяхъ Кронштадта и Тулона доказалъ Свое уваженіе къ возрожденной Франціи и Своимъ рѣшительнымъ вмѣшательствомъ обезпечилъ европейскій миръ. Они не могутъ забыть также и того сочувствія, какое выказали Франціи русская нація и ея Монархъ по случаю трагической смерти президента Карно.

«Парижъ уже доказалъ всю глубину и искренность своей благодарности устройствомъ незабвеннаго и безпримѣрнаго пріема, оказаннаго русскимъ морякамъ въ октябрѣ 1893 года.

«Что касается насъ, господа, наша обязанность точно опредѣлена нашими довѣрителями; вслѣдствіе чего я предлагаю вамъ составить адресъ и озаботиться пріобрѣтеніемъ вѣнка, которые будутъ отправлены въ С.-Петербургъ чрезъ посредство нашего бюро.

«Я предлагаю вамъ, господа, въ знакъ траура, закрыть засѣданіе».

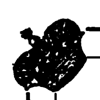
Узнавъ о кончинѣ Императора Александра III, парижскій архіепископъ, кардиналъ Франсуа Ришаръ, обратился къ своей паствѣ съ слѣдующимъ посланіемъ.

«Въ прошломъ году, когда Франція съ такимъ энтузіазмомъ привѣтствовала прибытіе русскихъ моряковъ, мы, отвѣчая на всеобщее желаніе, приказали совершить торжественное богослуженіе въ церкви «Voeu National» въ Монмартрѣ.

Населеніе Парижа, проникнутое старыми французскими традиціями, поняло необходимость религіознаго обряда для санкціонированія и освященія союза двухъ великихъ народовъ. Въ воскресенье, 22-го октября, толпы народа спѣшили въ храмъ для принесенія благодарственнаго молебствія.

«Что касается насъ, то мы видимъ въ этомъ союзѣ двухъ великихъ народовъ волю Провидѣнія, стремящагося, какъ кажется, создать въ нашу эпоху согласіе націй въ дѣлахъ вѣры и милосердія. Мы еще болѣе утвердились въ этой мысли, когда въ нынѣшнемъ году, Левъ XIII, обращаясь съ апостольскимъ посланіемъ къ государямъ и народамъ вселенной, особенное вниманіе обратилъ на народы славянскіе, историческіе памятники которыхъ свидѣтельствуютъ о ихъ славѣ, напомнивъ съ отеческою нѣжностью о чудной взаимности благодѣяній съ одной стороны и сыновней любви съ другой,— взаимности, существовавшей въ теченіе многихъ вѣковъ между славянскимъ и папскимъ престоломъ.

«Кто могъ предвидѣть, что наступятъ дни горя и скорби такъ скоро послѣ дней радости и полныхъ надеждъ для обѣихъ націй? Такъ указываетъ намъ Господь на шаткость нашихъ предположеній и суетность нашихъ предначертаній; но, по прекрасному выраженію Боссюэта, *нельзя допускать, чтобы человѣкъ всего себя презиралъ*, необходимо, чтобы онъ всегда помнилъ о томъ,



что сдѣлалъ для него Сынъ Божій, *сошедшій съ неба, чтобы найти его на землѣ.* Въ тяжелыхъ ударахъ, поражающихъ насъ, народы, какъ и отдѣльныя лица, должны обращать свой взоръ къ Небу, молиться за тѣхъ, кого они оплакиваютъ, и всѣ свои упованія возложить на Того, Кто управляетъ міромъ съ твердостью и милосердіемъ.

«Мы будемъ твердо уповать на то, что братскій союзъ двухъ великихъ народовъ посланъ нынѣ для водворенія всемірнаго мира. Франція глубоко потрясена кончиною Царя, повергшею Россію въ безъисходную печаль. Несравненно болѣе, чѣмъ на празднествахъ прошлаго года, Франція выражаетъ желаніе соединиться у подножія св. Престола, чтобы молить Бога о ниспосланіи утѣшенія Императорской Семьѣ и всему русскому народу, а также просить Господа благословить начинающееся новое царствованіе ко благу и процвѣтанію обоихъ народовъ, нынѣ соединенныхъ скорбью точно такъ-же, какъ они еще недавно были связаны общею радостью.

«Отвѣчая на желаніе всей Франціи, мы призываемъ собраться въ будущее воскресенье, въ соборѣ Парижской Божіей Матери. Сильнѣе, чѣмъ когда либо, мы будемъ молить Господа укрѣпить и благословить дружбу Россіи и Франціи, чтобы, согласно желанію Льва XIII, мы могли работать съ одинаковымъ рвеніемъ къ возстановленію стариннаго согласія въ пользу общаго блага, ибо,—прибавляетъ великій папа,—переживаемыя

нами времена представляются въ высшей степени благопріятными для установленія этого согласія, точно такъ-же, какъ и для проповѣдованія Евангелія; никогда еще братское чувство не охватывало такъ человѣчество, какъ теперь.

«Если желанія папы Льва XIII еще не сбылись, если мы не имѣемъ еще возможности торжественно отслужить католическую литургію по случаю погребенія Царя, мы тайно, въ сердцахъ нашихъ, вознесемъ молитвы объ упокоеніи души въ Бозѣ почившаго Императора. Мы не можемъ не молиться за могущественнаго Императора, поставившаго Своею славою обезпеченіе міроваго мира и бывшаго вѣрнымъ союзникомъ Франціи.

«Въ заключеніе, мы предлагаемъ вашему вниманію слѣдующія слова Льва XIII: «Минувшее столѣтіе оставило Европу измученною отъ пережитыхъ потрясеній, содрогающеюся отъ конвульсій. Это столѣтіе, приближающееся къ концу, быть можетъ, наоборотъ, передастъ, какъ наслѣдіе человѣческому роду, залогъ согласія и надежды на блага, кои обѣщаетъ намъ объединеніе христіанской вѣры.

«Да послужатъ Россія и Франція, соединенныя десницею Божіей, этому великому дѣлу, указанному самимъ Провидѣніемъ.

«Въ будущее воскресенье, одиннадцатаго ноября, будетъ совершено въ соборѣ Парижской Божіей Матери торжественное богослуженіе, будутъ вознесены молитвы о ниспосланіи благословенія Господа на Россію и Францію.

«Мы сами совершимъ торжественное вечернее богослуженіе, которое начнется въ три часа. Послѣ вечерни будетъ отслуженъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ; Россія всегда соревновала Франціи въ благоговѣйномъ почитаніи Пресвятой Дѣвы Маріи.

«Послѣ молебна будетъ троекратно повторенъ возгласъ: Cor Jesu sacratissimum misere nobis.

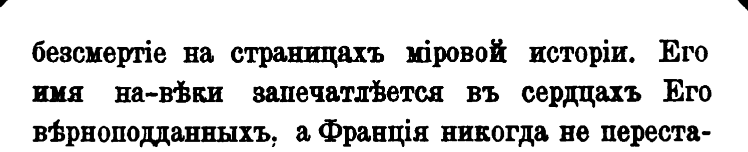
«Настоящее посланіе будетъ прочитано 11-го ноября съ высоты церковной каѳедры.

Франсуа, кардиналъ Ришаръ - архіепископъ Парижскій.

Въ парижской синагогѣ, на богослуженіи объ упокоеніи души въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, великій раввинъ Франціи, Цадокъ-Ханъ, прочиталъ передъ громадною толпою молящихся слѣдующую, составленную имъ для этого случая молитву:

«Всеблагій, Всемилосердный Господи. Ты, управляющій судьбою людей, дарующій и жизнь, и смерть, прими наши горячія молитвы за Императора Россіи Александра III, покинувшаго землю, чтобы перейти въ селенія горнія; ниспошли Ему благодать, даруй Ему славную награду, которую обѣщалъ Ты Своимъ вѣрнымъ чадамъ.

«Оплакиваемый своимъ народомъ, повергшій въ глубокую печаль всѣхъ тѣхъ, кто умѣетъ цѣнить прямой характеръ, достойную жизнь, безпредѣльную преданность долгу, Онъ, пріявъ смерть, обрѣлъ

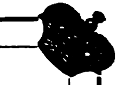


безсмертіе на страницахъ міровой исторіи. Его имя на-вѣки запечатлѣется въ сердцахъ Его вѣрноподданныхъ, а Франція никогда не перестанетъ чтить Его память.

«Господи, услыши молитвы наши, ниспошли великой душѣ, оставившей міръ земной, Твою благодать, осѣни ее Своимъ покровомъ, дай вкусить радость вѣчнаго блаженства!

«Господи, еще молимъ мы Тебя отъ всего нашего сердца, не оставь Ты Своею милостью Его Сына, Императора Николая II, въ юные годы пріявшаго тяжелое бремя славнаго наслѣдія. Не оставь Его Своимъ покровительствомъ ко благу Его народа и благу всего міра, взоры котораго устремлены на юнаго Монарха. Наставь Его на путь мудрый, справедливый; отстрани отъ Него всякія бѣды, всели въ Него милосердіе къ слабымъ, укрѣпи Его волю и прямоту, обезпечивающую миръ, спокойствіе и счастье народовъ.

«Благослови, Господи, Императора Николая II, благослови и молодую Государыню, раздѣляющую съ нимъ бремя управленія государствомъ. Благослови вдовствующую Императрицу, скорбь которой вызвала всеобщее сочувствіе, благослови всѣхъ членовъ Императорскаго Дома, благослови Россію, величіе и благоденствіе которой намъ столь-же дороги, какъ и величіе и благоденствіе нашей дорогой Франціи. Прими, Господи, наши молитвы, идущія отъ всей глубины нашихъ сердецъ. Аминь».

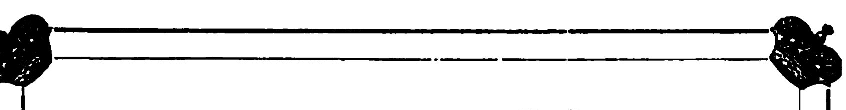


Извѣстный французскій поэтъ, Арманъ Сильверстъ, путешествовавшій по Россіи, посвятилъ слѣдующія строки памяти Императора Александра III.

«Извѣстіе о кончинѣ Царя Александра III глубоко потрясло меня; оно задѣло во мнѣ сыновнее чувство и повергло въ тяжелую печаль. Это неожиданное извѣстіе воскресило въ моей памяти всѣ тѣ впечатлѣнія, какія пережилъ я, будучи въ Россіи.

«При въѣздѣ въ Москву, въ эту святыню Россіи, меня охватило какое-то особенное чувство энтузіазма и я сознавалъ себя не чуждымъ этому великому народу. Съ тѣхъ поръ, какъ великій человѣческій потокъ свободно катится по бѣлу свѣту, размывая берега, среди которыхъ онъ несется, смѣшивая и кровь, и расы, смывая чистоту первоначальнаго происхожденія, — съ тѣхъ поръ, какъ ежеминутныя случайныя встрѣчи и столкновенія перемѣшиваютъ человѣческую семью, кто изъ насъ можетъ поручиться, что въ его жилахъ не течетъ хоть капли посторонней крови.

«Совершенно иныя мысли посѣтили меня при въѣздѣ въ Москву. При видѣ этого чуднаго, ослѣпительнаго города, съ его какъ-бы мачтовымъ лѣсомъ золотыхъ церковныхъ главъ, я проникся чувствомъ какого-то дѣтскаго умиленія. Что родного могъ я найти въ этой землѣ Востока, а между тѣмъ я чуть не цѣловалъ ее; какъ почтительный сынъ, я склонялъ свою голову пе-



редъ величественными храмами. Посѣщая церкви, очарованный, умиленный глубоко-гармоничнымъ пѣснопѣніемъ, я становился на колѣна и горячо молился, хотя и не понималъ ни одного слова молитвъ.

«Во второй разъ почувствовалъ я себя русскимъ, узнавъ о кончинѣ Того, Кто всю Россію воплощалъ въ своей великой душѣ и глубокомъ сердцѣ. Какъ раскаивался я въ своихъ предубѣжденіяхъ западника, при видѣ русской цивилизаціи, возникшей послѣдовательно, и логично. Я преисполнился чувствомъ безпредѣльнаго восторга при видѣ Августѣйшаго Вождя, безконечно справедливаго и добраго. Все, что мнѣ удавалось слышать о Немъ, свидѣтельствовало о Его глубокомъ пониманіи той великой роли, какую Онъ призванъ былъ исполнить въ мірѣ. Зная простоту Его вкусовъ, скромность привычекъ, Его любовь къ Своимъ, Онъ на Своемъ опасномъ посту, на Своемъ тронѣ, у подножія котораго еще дымилась кровь Его Отца, представлялся мнѣ величайшею жертвою долга. Полный самоотверженія, Онъ являлъ собою безпримѣрный въ исторіи человѣчества, чудный образъ Монарха, всецѣло отдавшагося служенію Своему народу.

«Да, Онъ былъ истиннымъ Царемъ!

«Онъ былъ Отцемъ Своего народа. Какъ отецъ, обожая Свой народъ, готовый, подобно льву, защищать его, Онъ успѣлъ оградить отъ всякаго вреднаго иностраннаго прикосновенія великій потокъ славянской крови. Онъ былъ однимъ изъ

тѣхъ, для кого прежде всего и дороже всего была родная земля.

«И родина, которую онъ такъ нѣжно любилъ, стала сестрой нашей отчизны. Надъ Европою блеститъ установленная Имъ радуга, являющаяся символомъ мира, какъ нѣкогда первая радуга возвѣщала объ окончаніи потопа и спасеніи человѣчества.

«Озаренный сіяніемъ этой радуги, предсталъ онъ теперь предъ Всевышнимъ, оплакиваемый милліонами народовъ».

Арманъ Сильвестръ.

Редакторъ журнала «La Science Fransaise», Эмиль Готье, написалъ для «Золотой Книги» слѣдующую замѣтку:

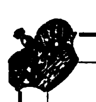
«Быть можетъ, многіе удивятся, а нѣкоторые придутъ даже въ негодованіе, увидавъ мое имя въ числѣ участниковъ «Золотой книги», посвящаемой французскими патріотами памяти Царя Александра III. Найдутся люди, которые будутъ намекать, что мое бурное прошлое, мои прежнія связи съ нигилистами лишили меня навсегда права возложить совмѣстно съ другими моими соотечественниками и мой вѣнокъ на эту Царственную могилу. Да позволено мнѣ будетъ сказать, что именно то, что для поверхностныхъ и дурно настроенныхъ людей кажется непреодолимымъ препятствіемъ, то самое именно побуждаетъ меня просить и для себя участія въ этомъ благочестивомъ воздаяніи хвалы Александру III.

«Въ глазахъ философа, возвышающагося надъ блѣдною узкостью политики, всѣ люди равны: властители и подданные, пролетаріи и принцы, воины и писатели—должны быть цѣнимы не по общественному положенію, занимаемому ими на землѣ, а по тѣмъ дѣламъ, какія совершили они на своемъ жизненномъ пути.

«И вотъ—если я, освободясь отъ сектантской слѣпоты и партійныхъ предразсудковъ, спрошу искренно и честно дѣйствительность, то она мнѣ скажетъ, что никто въ Россіи не поработалъ столько надъ святымъ дѣломъ народнаго просвѣщенія, какъ Царь Александръ III.

«Какъ забыть, что Онъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ многіе другіе, которымъ несправедливость исторіи создала блестящую легенду, содѣйствовалъ развитію наукъ, техники, покровительствовалъ географамъ и изслѣдователямъ, осуществилъ колоссальное предпріятіе сооруженія сибирской желѣзной дороги, которой суждено внести свѣтъ въ потемки Азіи; Онъ широко содѣйствовалъ уничтоженію преградъ, раздѣляющихъ народы, останавливающихъ развитіе мысли и являющихся предлогомъ къ разнымъ непредвидѣннымъ случайностямъ.

«Какъ забыть въ особенности, что Царь Александръ III былъ создателемъ того мира, благами котораго мы наслаждаемся, и который, пережилъ Царя, его создавшаго. Какъ забыть, что Его мощная рука, отстранивъ отъ насъ гнусный призракъ войны—какъ кошмаръ, преслѣдовавшій



насъ—возвратила надежду и радость въ сердца матерей и спасла жизнь сотнямъ тысячъ честныхъ людей, чьи кости, не будь Его, давно бы уже бѣлѣли на поляхъ Эльзаса и Польши.

«Великій, безвременно почившій Монархъ служилъ искренно, беззавѣтно дѣлу прогресса, справедливости, милосердія. Его могучій образъ представляется еще болѣе величественнымъ, если сравнить все содѣянное Имъ съ безконечными и трескучими обѣщаніями цѣлой плеады новаторовъ, пустыхъ болтуновъ и вредныхъ агитаторовъ, привлекающихъ вниманіе современнаго общества и извращая его взгляды.

«Этого слишкомъ достаточно, чтобы я, не взирая ни на какое свое прошлое, счелъ своимъ долгомъ преклониться предъ Его священною памятью.»

Эмиль Готье.

Франсуа Коппе, на страницахъ парижской газеты «Journal», посвятилъ слѣдующія строки памяти Императора Александра III.

«Франція, оплакивая Друга, облеклась въ глубокій трауръ.

«Сегодня съ грустью вспоминаю я о незабвенныхъ «русскихъ празднествахъ» прошлаго года, и главнымъ образомъ о великолѣпномъ банкетѣ, предложенномъ адмиралу Авелану и офицерамъ

его эскадры парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ. Тогда, единственный разъ въ жизни, пожалѣлъ я, что не былъ одѣтъ въ парчу, осыпанную дорогими каменьями, такъ какъ мой черный фракъ казался слишкомъ мрачнымъ и бѣднымъ среди роскошной обстановки нашей муниципальной залы, отдѣланной въ стилѣ Веронезэ.

«Были тутъ явленія, способныя вызвать и иронію. Такъ, напримѣръ, когда хоръ консерваторіи, скрытый въ верхней галлереѣ, исполнилъ величественный русскій народный гимнъ, нужно было видѣть этихъ бородачей-демократовъ и соціалистовъ, членовъ муниципалитета, съ какимъ благоговѣніемъ внимали они словамъ торжественной молитвы о благоденствіи православнаго Царя.

«Эти отъявленные масоны, которые-бы не переступили порога церкви даже ради похоронъ своихъ лучшихъ друзей, невольно, подчиняясь общему восторженному настроенію, забывали свой фанатизмъ, вывернутый на изнанку. Что касается русскихъ моряковъ, то они съ неменьшимъ умиленіемъ слушали нашу марсельезу. Въ общемъ чувствовалось, что между двумя великими націями утвердилась неразрывная дружба, и когда мы, преисполненные чувствомъ какого-то особеннаго энтузіазма, подняли наши бокалы, искрившіеся шампанскимъ, казалось, что душа Франціи витала надъ нашими головами.

«Альфонсъ Гюмберъ, бывшій въ то время пре-

зидентомъ муниципальнаго совѣта, былъ великолѣпенъ, и что случается весьма рѣдко въ подобныхъ случаяхъ, сказалъ именно то, что нужно было сказать. Прерывающимся отъ волненія голосомъ онъ произнесъ нѣсколько глубокопрочувствованныхъ словъ, несомнѣнно вырвавшихся изъ глубины сердца. Браво! старый революціонеръ! Онъ доказалъ, что можно, по молодости лѣтъ и горячности темперамента, увлечься самою ужасною изъ всѣхъ гражданскихъ войнъ, можно понести тяжкое наказаніе, и все-же не питать ни малѣйшаго чувства вражды къ родной странѣ. Да здравствуетъ дорогая Франція и ея друзья!

«Была и еще одна минута, когда чувствовалось, что дѣйствительно стоитъ жить. Это было въ тотъ моментъ, когда президентъ Карно и адмиралъ Авеланъ явились на площадь «Hôtel de Ville», пылавшую милліонами огней. Они предстали предъ толпой, находившейся въ состояніи какого-то восторженнаго опьяненія.

«Сверху теплая октябрская ночь привѣтливо мигала милліонами звѣздъ; внизу площадь была ослѣпительно освѣщена: огнями газовыхъ рожковъ, холоднымъ, но яркимъ свѣтомъ электричества, бенгальскими огнями всевозможныхъ цвѣтовъ и, наконецъ, пламенемъ тысячи факеловъ. Я еще и теперь слышу восторженные крики многотысячной толпы, слышу звуки мѣдныхъ трубъ, вижу кричащую, возбужденную восторгомъ толпу.

«Пожалуй, скажутъ, что толпа всегда легко

увлекается до самозабвенія всякими торжественными празднествами; что достаточно нѣсколькихъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, чтобы заставить ее покинуть дома и кинуться на улицу.

«Нѣтъ! Противъ такого разсужденія протестуетъ чувство патріотизма. Празднества минувшей осени лишены были всякой декадентской экзальтаціи. Франція и Парижъ пережили тогда великія событія, въ которыхъ мы видимъ источникъ нашего могущества и надеждъ. Въ эти чудные часы, даже вѣчно кричащая политика, и та молчала; политическія партіи, ожесточенно оспаривающія другъ у друга власть, на это время позабыли о своей враждѣ. Не было не только враговъ, но и недруговъ. Общее чистое и глубокое чувство соединяло всѣхъ и всѣ мы думали только о дорогой намъ Франціи, переставшей быть одинокой среди вооруженной Европы. И что было особенно чудно, что насъ такъ трогало, это—сознаніе, что при малѣйшемъ намекѣ на внѣшнюю опасность, мы встрѣтимъ согласіе и единство, и что атмосфера ненависти разъединенія, среди которой къ глубокому сожалѣнію приходится намъ жить, очистится при первыхъ же звукахъ военной трубы.

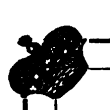
«Кто далъ намъ эту увѣренность, помогающую намъ перенести сегодняшнее горе и обезпечивающую нашу будущность? Дала намъ ее русская нація, конечно, съ которою отнынѣ мы связаны могучими узами взаимной искренней симпатіи и общностью священныхъ интересовъ, но русская

нація дѣйствовала по указаніямъ своего Верховнаго Вождя. Ему-то, благородному, справедливому, великодушному Императору Александру III, кончина котораго повергла насъ въ столь глубокую скорбь, Франція обязана своимъ настоящимъ положеніемъ.

«Къ кратковременному царствованію почившаго Императора исторія несомнѣнно поставитъ чудныя слова писанія: *Transiit benefaciendo*. Исторія скажетъ, что имѣя самодержавную власть, Александръ III отдалъ ее на служеніе праву; что, будучи самымъ сильнымъ, Онъ стремился быть и самымъ справедливымъ, и имя Его будетъ занесено въ число великихъ историческихъ именъ, прославившихся мудростью и добрыми дѣлами.

«Какъ прекрасна власть, когда она понимаетъ и исполняетъ свое назначеніе. Сколько величія въ этомъ Царѣ, которому повиновался и вмѣстѣ съ тѣмъ обожалъ многомилліонный народъ, въ этомъ Царѣ, бросившемъ грозный взглядъ на Европу. Возмущенный безнравственнымъ и недостойнымъ союзомъ трехъ противъ одного, Онъ громовымъ Своимъ голосомъ сказалъ: «довольно»! и бросивъ Свой мечъ на наиболѣе легкую чашку вѣсовъ, установилъ равновѣсіе и обезпечилъ миръ міра.

«Излагая подобныя мысли, я отнюдь не забываю той опасности, какою можетъ угрожать абсолютная власть интересамъ націй при неправильномъ пользованіи, но, съ другой стороны,



я не могу игнорировать то жестокое заблужденіе, въ коемъ мы уже давно пребываемъ, благодаря правительству, созданному самимъ же народомъ Я съ грустью наблюдаю безплодную болтовню напрасную суету нашихъ собраній, въ которыхъ учавствуютъ самые посредственные, недостойные люди, попавшія въ число депутатовъ по глупому капризу избирательнаго большинства; съ не меньшимъ сокрушеніемъ смотрю я и на представителей нашей власти, представителей почти безотвѣтственныхъ, въ большинствѣ случаевъ не умѣющихъ желать и не знающихъ, чего собственно слѣдуетъ имъ добиваться.

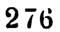
«Сколько смутъ, раздоровъ, безпорядковъ. Какой во всемъ недосмотръ! Какое безсиліе власти! Но никогда не слѣдуетъ падать духомъ. Быть можетъ, переживаемая нами эпоха является агоніей той великой соціальной агитаціи, которая, вотъ уже столѣтіе, какъ совершается во Франціи. Такъ точно океанъ еще долго шумитъ и подымаетъ высоко свои могучія волны послѣ того, какъ затихаетъ вѣтеръ и проясняется небо. Будемъ надѣяться, что спокойствіе и порядокъ восторжествуютъ и дадутъ жизнь разумной свободѣ, согрѣтой братскою любовью. Среди нашихъ опасеній и неувѣренности, какъ не удивляться великой, непреклонной и притомъ безусловно свободной волѣ, волѣ опредѣленной, твердой, невстрѣчающей никакихъ противорѣчій, незнающей никакихъ преградъ, волѣ,—какую являлъ собою Императоръ Александръ III, создавшій

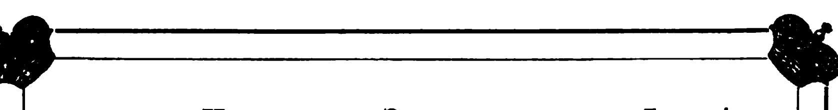
франко-русское соглашеніе, поставившее народы тройственнаго союза какъ бы въ крѣпкіе, желѣзные тиски. Совершивъ это великое дѣяніе. онъ пріобрѣлъ всеобщую благодарность. Мощною рукою поддерживалъ Онъ миръ, правда, миръ вооруженный, но въ наше еще слишкомъ варварское время другой и невозможенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ не потерпѣлъ вопіющей несправедливости и позволилъ Франціи вновь занять подобающее ей мѣсто среди великихъ народовъ.

«Объ этомъ поклянемся никогда не забывать.

«Посмотрите на чудесные результаты великой воли. Они продолжаются, они пережили Того, Кто сказалъ: «Я такъ хочу»! Первыя слова, сказанныя молодымъ Монархомъ, свидѣтельствуютъ о Его твердомъ намѣреніи пріять какъ священное наслѣдіе политику Своего Родителя. Какъ человѣкъ, Императоръ Александръ III завѣщалъ Своему Сыну самыя высокія и самыя трогательныя добродѣтели; какъ Императоръ, Онъ оставилъ по Себѣ память, какъ о Монархѣ, вся жизнь котораго была посвящена добру и правдѣ. Какъ только жизнь покинула незабвеннаго Императора Александра III, Его Сынъ, Императоръ Николай II, сейчасъ же заявилъ, что и Онъ желаетъ быть другомъ Франціи, и всѣ французскія сердца, преисполненныя чувствомъ сыновняго горя, откликнулись на этотъ высоко-великодушный призывъ.

«Одна изъ парижскихъ газетъ предложила возложить, по подпискѣ, вѣнокъ на гробницу по-



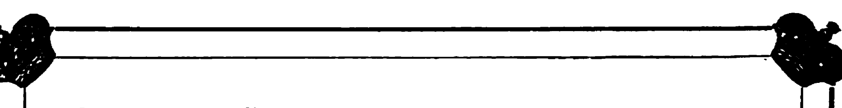


чившаго Императора. Это прекрасно, но Францiя уже давно послала Ему другой, несравненно болѣе цѣнный вѣнокъ, скованный изъ прочнаго металла—изъ золота нашей дружбы; онъ украшенъ самыми чистыми брилліантами — нашими слезами, вызванными чувствомъ глубокаго горя.

Бывшій французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Флурансъ, потрясеннный извѣстіемъ о кончинѣ Императора Александра III, написалъ для «Золотой Книги» нижеслѣдующія строки.

«Вся Россія въ настоящую минуту погружена въ глубокую печаль; пусть-же она знаетъ, что и Францiя раздѣляетъ ея скорбь. Взаимное сочувствіе обѣихъ націй выразилось въ Кронштадтѣ и Тулонѣ, но сегодня, болѣе чѣмъ когда-либо, сердца обѣихъ націй бьются въ униссонъ.

«Императоръ Александръ III былъ истинно русскимъ Царемъ, какого до Него Россія не видала. Конечно, всѣ Романовы были преданы интересамъ и величію своего народа. Но, побуждаемые желаніемъ дать своему народу западно-европейскую культуру, они искали идеаловъ внѣ Россіи, внѣ міра, чисто московскаго; они искали эти идеалы то во Франціи, то въ Берлинѣ, а также отчасти въ Швеціи и Англіи. Императоръ Александръ III пожелалъ, чтобы Россія была Россіей, чтобы она прежде всего была русскою и самъ Онъ подавалъ тому лучшій примѣръ.

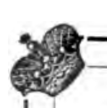
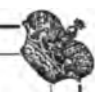


Онъ явилъ Собою идеальный типъ истинно русскаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ память о Немъ на-вѣки сохранится среди русскаго народа, видѣвшаго въ своемъ Царѣ чуть не легендарнаго великаго героя.

«Будучи наиболѣе русскимъ, Императоръ Александръ III въ то-же время искренно и вполнѣ безкорыстно любилъ Францію. Среди Его предшественниковъ всѣ, или почти всѣ, удостоивали Францію чувствомъ симпатіи и расположенія, и это чувство сказывалось съ особенною силою въ тяжелыя для Франціи времена. Но какъ ни было искренно это чувство расположенія, оно часто колебалось среди другихъ, не менѣе искреннихъ тенденцій; въ силу политическихъ осложненій и комбинацій, оно нерѣдко отходило на второй планъ.

«Прежде, чѣмъ взойти на Прародительскій Престолъ, даже раньше, чѣмъ стать, вслѣдствіе преждевременной кончины Цесаревича Николая, Наслѣдникомъ Престола, Александръ III уже понималъ и любилъ Францію. Онъ еще болѣе привязался къ ней послѣ перенесенныхъ ею невзгодъ. Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за прогрессивнымъ возрожденіемъ ея силъ; съ искренною радостью привѣтствовалъ Онъ каждый фазисъ ея пробужденія къ новой жизни.

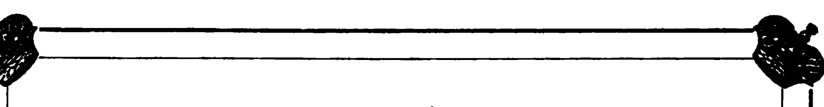
«Если Онъ согласился принять участіе въ союзѣ трехъ имперій, то, какъ это докажутъ дипломатическіе документы, когда они станутъ достояніемъ исторіи, Онъ это сдѣлалъ съ единственною

цѣлью отвлечь отъ насъ вражескія силы. Позднѣе, когда Онъ увидѣлъ, что Франція достаточно окрѣпла, Онъ поспѣшилъ порвать старыя связи, чтобы завязать новыя, болѣе искреннія и прочныя и согласныя съ Его мудрыми предначертаніями.

«Я никогда не забуду тотъ день, когда Императоръ Александръ III въ первый разъ удостоилъ меня высокой чести принять у Себя въ Гатчинѣ. Онъ пригласилъ меня къ семейному завтраку, при чемъ указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ Императрицей. Я никогда еще не слыхалъ ни отъ кого, кто-бы такъ тепло, сочувственно и лестно отзывался о дорогой мнѣ родинѣ. Однако, въ то время Императоръ имѣлъ основанія быть недовольнымъ Франціей за неожиданное отозваніе изъ Петербурга французскаго посла Лабулэ. Лабулэ былъ отозванъ въ тотъ самый моментъ, когда между нимъ и Императоромъ была окончательно обусловлена программа пріема французскихъ моряковъ въ Кронштадтѣ, послѣ котораго предполагалось, при содѣйствіи французскаго посла, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ Императора, выработать еще болѣе широкій проектъ.

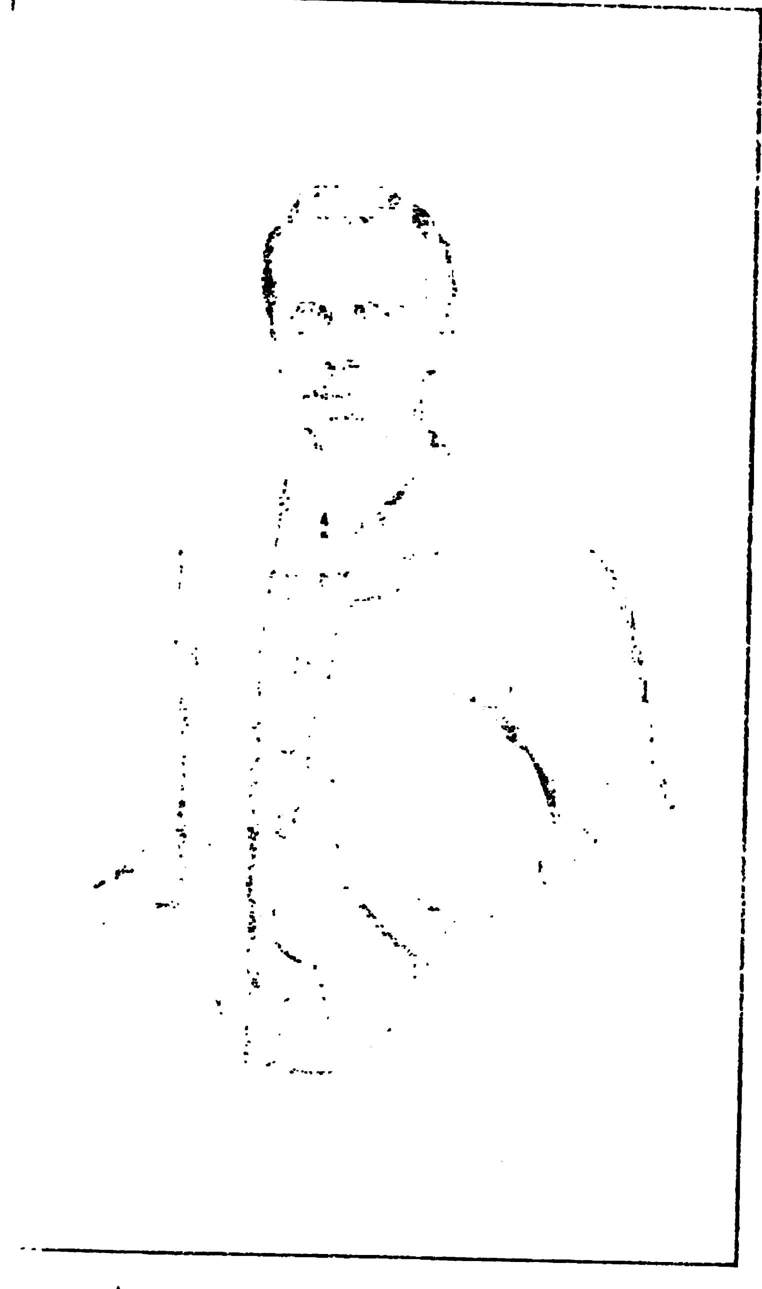
«Александръ III, пользовавшійся въ то время всѣми радостями молодой Семьи Своей, съ особеннымъ удовольствіемъ готовился къ встрѣчѣ французскихъ моряковъ, къ которымъ, въ качествѣ стараго генералъ-адмирала, Онъ питалъ чувство особаго расположенія. Онъ радовался вновь увидѣть въ Петербургѣ французскіе на-



ціональные цвѣта, которыхъ тамъ не было видно со времени печальныхъ и въ то же время славныхъ дней бомбардированія Кронштадта. Три раза повторилъ мнѣ Александръ III Свое Императорское приказаніе передать президенту республики Карно, что русскій народъ встрѣтитъ французскихъ моряковъ, какъ родныхъ братьевъ, а Онъ приметъ ихъ, какъ дѣтей своихъ.

«Въ слѣдующемъ году, когда Императоръ Александръ III удостоилъ меня чести вторичнаго пріема въ томъ-же Гатчинскомъ дворцѣ, тѣнь отеческой скорби уже омрачила Его чело, такъ увѣренно и смѣло управлявшее величайшею въ мірѣ имперіей. Императрица въ то время отсутствовала. Ея Величество находилась при больномъ Сынѣ, Великомъ Князѣ Георгіѣ Александровичѣ, здоровье котораго сильно печалило сердца родителей. Императоръ, показавъ мнѣ нѣсколько предметовъ, пріобрѣтенныхъ Его Величествомъ на французской выставкѣ въ Москвѣ, какъ-то: люстру, бюро, стоявшее тутъ же въ кабинетѣ, бронзовыя статуэтки и другія вещи, въ самыхъ теплыхъ, сердечныхъ выраженіяхъ заговорилъ со мною о больномъ Сынѣ, а также объ отсутствіи Императрицы, до сихъ поръ еще ни разу не оставлявшей Его одного.

«Затѣмъ Его Величество сообщилъ мнѣ, что Наслѣдникъ Престола принимаетъ личное участіе въ занятіяхъ Государственнаго Совѣта. Императоръ съ гордостью говорилъ о способностяхъ и любви къ дѣлу Своего старшаго Сына, въ Которомъ, по



…евичъ Александръ Александровичъ въ Даніи — въ 1866 году.

аго

мъ

на

то:

тѣ,

ихъ

со

не

франц

люстру,

нзовыя

ихъ, се

боль

грицы,

оста ней Ег

«З... Его В На-

слѣдника Престола въ

занятіяхъ горъ

съ гордостью любви

чъ, по

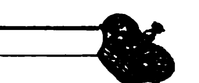
Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ Даніи — въ 1866 году.

словамъ Его Величества, уже и тогда была замѣтна твердая воля и рѣшительный характеръ. Его Величество, прощаясь со мною, посовѣтовалъ мнѣ представиться Наслѣднику Цесаревичу, что я, конечно, не замедлилъ исполнить. При представленіи Наслѣднику Русскаго Престола, я прочиталъ въ Его глубокомъ взорѣ безграничную любовь къ Своему народу. Я тутъ-же понялъ, въ какія достойныя руки перейдетъ внѣшняя политика Императора Александра III, и что Франція съ полною надеждою можетъ взирать на будущаго Русскаго Императора. Въ то время я былъ очень далекъ отъ мысли о томъ печальномъ событіи, которое повергло насъ всѣхъ въ глубокій трауръ.

«Французскій народъ обладаетъ удивительнымъ инстинктомъ угадывать тѣхъ, кто умѣетъ его понимать и любить, и въ свою очередь платить глубокимъ уваженіемъ и искреннею привязанностью; посмотрите, съ какою сердечностью сочувствуютъ французы горю, постигшему русскій народъ, а также великой скорби Августѣйшей Семьи, Которая всегда будетъ служить примѣромъ семейныхъ доблестей . . . .

. . . .

«Не смотря на то, что уже давно утрачена была всякая надежда на возможность выздоровленія, все-же роковая вѣсть какъ громомъ поразила насъ. Съ трудомъ вѣрится, что не стало Того, Кто еще такъ недавно находился въ цвѣтущемъ состояніи, подавалъ столько надеждъ



въ будущемъ, суля миръ и благоденствіе всѣмъ народамъ, Того, Кто такъ много сдѣлалъ для Франціи и всего цивилизованнаго міра. Никогда еще кончина Монарха не вызывала столь глубокаго сожалѣнія съ стороны всѣхъ народовъ.

«Я не буду говорить о безысходномъ горѣ русскаго народа. Въ силу исконныхъ завѣтовъ, всосавшихся въ кровь и плоть русскаго человѣка, русскій народъ смотритъ на Императора, какъ на горячо любимаго отца, почитаетъ Его чуть-ли не наравнѣ съ Богомъ. Тѣмъ болѣе обожалъ русскій народъ почившаго Императора Александра III, создавшаго политику въ духѣ Своего народа, отказавшагося отъ всякаго иностраннаго вліянія. Народы бываютъ счастливы и горды видѣть въ томъ, кто ими руководитъ, лучшія стороны и свойства ихъ самихъ.

«Александръ III обладалъ даромъ покорять всѣ сердца. Никогда ни одинъ Государь не былъ столь популяренъ въ своей странѣ, какимъ былъ Самодержавный Монархъ всея Россіи въ нашей странѣ, столь гордой своими либеральными и демократическими принципами, столь преданной своему республиканскому режиму. Но въ силу инстинкта и врожденной общности чувствъ, Онъ понялъ состояніе души великой націи, еще не оправившейся окончательно послѣ незаслуженно понесеннаго испытанія, и съ неутомимой энергіей работавшей для возрожденія родины; Онъ сумѣлъ затронуть чувствительную струнку народа, страстно вѣрящаго въ будущее величіе своей національности.

«Я буду говорить о націяхъ, которыя, подобно Великобританіи, являются исконными соперниками Россіи, вѣчно стремящимися насколько возможно, затормозить ея развитіе. Англія, чрезъ посредство всѣхъ своихъ органовъ печати, обыкновенно враждебныхъ Россіи, на этотъ разъ съ рѣдкимъ единодушіемъ выражаетъ искреннее и глубокое сожалѣніе по поводу безвременной кончины Императора Александра III. Британская пресса не могла не оцѣнить великихъ заслугъ передъ миромъ покойнаго Императора, не могла обойти молчаніемъ, какъ много послужилъ Онъ дѣлу мира, особенно поддерживая таковой между Россіей и Англіей,—государствами, имѣющими постоянныя столкновенія въ азіатской территоріи.

«Германія, Австрія и Италія также были вынуждены воздать должное памяти незабвеннаго Монарха, прославляемаго цѣлымъ міромъ. Въ данный моментъ нѣтъ мѣста никакимъ другимъ чувствамъ, кромѣ чувства глубокой печали, охватившей всѣ народы; это великое стихійное чувство заставило замолчать на время даже голоса неблагодарности и зависти.

«Однако, Императоръ Александръ III никогда не добивался популярности. Онъ всегда поступалъ согласно со взглядами Своего народа, и всегда былъ счастливъ и гордился, что Ему приходилось каждый разъ убѣждаться въ томъ, что Онъ дѣйствительно поступилъ такъ, какъ желалъ Его народъ. Но переутомленіе, вѣчныя заботы ускорили Его конецъ. Молчаливый, про-

стой въ обхожденіи и привычкахъ, замкнутый въ тѣсный кругъ семьи, Онъ избѣгалъ привлекать на себя всеобщее вниманіе; Онъ не искалъ апплодисментовъ и одобренія толпы. Популярность не имѣла для Него никакого значенія. Онъ желалъ, чтобы всѣ забыли о Немъ и помнили и знали только Его благодѣянія.

Тѣмъ не мѣнѣе Его доброта, сердечная простота, твердая воля и послѣдовательность во всѣхъ Его начинаніяхъ, искренность, правдивость и безграничная честность привлекли къ Нему сердца всего міра, благословляющаго нынѣ память молчаливаго и великодушнаго Монарха.

Нѣкоторые изъ иностранныхъ государственныхъ дѣятелей, говоря о политикѣ Императора Александра III, съ апломбомъ рѣшили, что Онъ, какъ дипломатъ, обладалъ отрицательными достоинствами. Если Онъ не успѣлъ создать ничего великаго, то во всякомъ случаѣ тщательно избѣгалъ дѣлать и худое.

. Такая оцѣнка минувшей дѣятельности Императора Александра III несправедлива и неправильна. Если Русскій Монархъ умѣлъ обезпечить миръ всего міра, то, конечно, достигъ Онъ этого великаго явленія не вслѣдствіе какой-то пассивной политики, какую приписываютъ Ему нѣкоторые иностранные дипломаты. Чтобы достичь столь блестящихъ результатовъ, съ которыми не могутъ сравниться никакія кровопролитныя побѣды, Ему нерѣдко приходилось выказывать не малую энергію, великую волю, а подчасъ, въ

особенно трудныя минуты, рѣшаться на небезопасныя и рискованныя мѣры.

Свою плодотворную дѣятельность Онъ не ограничилъ однимъ лишь поддерживаніемъ мира; путемъ не малыхъ послѣдовательныхъ усилій Ему удалось установить европейское равновѣсіе на новыхъ и прочныхъ основахъ.

Безъ Него. благодаря тріумфу Бисмарка, благодаря владычеству грубой силы и беззастѣнчивой дипломатической хитрости, Европа скоро-бы вернулась къ временамъ варварства.

Вотъ истинная, великая побѣда, которую народы, подобные нашему, умѣютъ цѣнить и понимать, и въ этой побѣдѣ видѣть истинное могущество побѣдителя. Лучезарный свѣтъ этой великой побѣды освѣщаетъ теперь ликъ Незабвеннаго Монарха, сошедшаго въ безвременную могилу. Память о Немъ никогда не умретъ среди народовъ, и это сознаніе да послужитъ утѣшеніемъ Августѣйшей Семьѣ, оплакивающей безвременную кончину великаго Монарха и примѣрнаго Мужа и Отца.

Французскій писатель, по убѣжденіямъ роялистъ Корнели, находившійся въ Москвѣ во время Священнаго Коронованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, посвятилъ на страницахъ газеты „Gaulois“ слѣдующія прочувствованныя строки памяти почившаго Императора.

Прекрасный и благородный образъ Царя неразрывно для меня связанъ съ воспоминаніями о

великолѣпныхъ празднествахъ, увы!—такъ мало соотвѣтствующихъ сегодняшней скорби и невольно напоминающихъ великое изрѣченіе Саломона: Vanitas vanitatum.

Около мѣсяца прожилъ я въ Москвѣ, въ то время, когда она была объята безграничнымъ ликованіемъ, и это впечатлѣніе чего-то стихійнаго, безпредѣльно грандіознаго не хочетъ покинуть меня даже и теперь, послѣ потрясающаго событія, совершившагося въ Ливадіи.

Въ первый разъ увидалъ я покойнаго Императора въ Гатчинѣ. Съ поѣздомъ, на которомъ мы ѣхали въ Петербургъ, слѣдовалъ также и зять Александра III, наслѣдный принцъ Датскій, навстрѣчу котораго и прибылъ Императоръ на Гатчинскій вокзалъ.

Александръ III въ общегенеральской формѣ, въ шинелѣ, произвелъ на меня впечатлѣніе бравого воина, со взглядомъ скрытнымъ, даже немного застѣнчивымъ. Онъ смотрѣлъ прямо передъ Собою, что, однако, не мѣшало Ему привѣтливо отвѣчать на наши почтительные поклоны. Рядомъ съ Нимъ стояла Ея Величество, Государыня Императрица, оживленная, привѣтливая и радостная.

Съ тѣхъ поръ прошло одиннадцать лѣтъ. Царь былъ моложе насъ и казался передъ нашими тщедушными фигурами колоссомъ, дышащимъ силою и здоровьемъ, и что-же, Онъ опередилъ насъ, повергнувъ міръ въ глубокую печаль. Черезъ нѣсколько дней мы выѣхали изъ Петер-

бурга въ Москву. Экстренный поѣздъ, предшествовавшій Императорскому, въ пятнадцать часовъ пролетѣлъ разстояніе между двумя русскими столицами. По пути слѣдованія Императорскаго поѣзда были разставлены войска въ числѣ тридцати тысячъ человѣкъ.

Прибывъ въ Москву, мы остались на вокзалѣ, чтобы встрѣтить Императорскій поѣздъ. Императоръ и Императрица, выйдя изъ вагона, помѣстились въ открытой коляскѣ и минуя городъ, прямо прослѣдовали въ загородный Петровскій дворецъ въ которомъ жилъ Наполеонъ I послѣ пожара Москвы. Тутъ только я узналъ какъ горячо, сильно любитъ русскій народъ своего Царя. Толпы народа падали на колѣни при проѣздѣ Императорской Четы; многіе цѣловали слѣды, оставленные царскимъ экипажемъ.

Затѣмъ послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Москву.

«Удобно помѣстившись на одной изъ стѣнъ Кремля, я могъ видѣть всю Красную площадь. Черезъ площадь пролегала усыпанная пескомъ дорога, по бокамъ которой стояли шпалерами Павловцы, съ ихъ историческими, остроконечными киверами. Площадь представляла собою море головъ. Толпа хранила торжественное молчаніе. Взоры всѣхъ были обращены въ ту сторону, откуда долженъ былъ послѣдовать торжественный кортежъ. Пушки гремѣли, не смолкая ни на минуту.

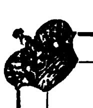
«Ровно въ двѣнадцать часовъ показались пере-

довые всадники Императорскаго кортежа. Мгновенно громадная площадь огласилась восторженными криками. Дѣтскій хоръ, въ двѣнадцать тысячъ молодыхъ свѣжихъ голосовъ, управляемый ста пятидесятью регентами, исполнялъ русскій національный гимнъ. Пушечная пальба, трезвонъ колоколовъ, крики толпы, все это слилось въ какой-то невообразимый гулъ. Тѣмъ временемъ кортежъ приближался. Вслѣдъ за драгунами предо мною промелькнули казаки, съ цѣлымъ лѣсомъ высокихъ пикъ, за ними кавалергарды съ ихъ блестящими касками, увѣнчанными серебряными двухглавыми орлами, Собственный, Его Величества конвой, въ живописныхъ ярко - красныхъ черкескахъ и, наконецъ, показался и Самъ Императоръ. Государь ѣхалъ верхомъ на конѣ свѣтло-сѣрой масти. На этомъже конѣ, будучи еще Наслѣдникомъ, Александръ III совершилъ всю турецкую кампанію. Рядомъ съ Государемъ, на маленькомъ пони, ѣхалъ Наслѣдникъ-Цесаревичъ, будущій Императоръ Николай II. За ними слѣдовали Великіе Князья, иностранные принцы и многочисленная блестящая свита, за которой, въ золотой каретѣ. запряженной шестеркою бѣлыхъ лошадей, слѣдовала Императрица. Рядомъ съ Ея Величествомъ сидѣла маленькая, восьмилѣтняя дѣвочка, Великая Княжна Ксенія Александровна, привѣтливо улыбавшаяся и посылавшая воздушные поцѣлуи восторженно шумѣвшей толпѣ.

. . . .

«Въ день Священнаго Коронованія мнѣ еще разъ довелось видѣть Императорскую Чету. Государь и Государыня подъ богатымъ балдахиномъ, несомымъ двадцатью четырьмя генералами, направлялись къ собору. У входа въ соборъ ожидалъ Ихъ Величества Московскій митрополитъ. Кремлевская площадь съ многотысячною толпою хранила мертвое молчаніе. Картина поистинѣ была величественна. Подойдя къ митрополиту, Ихъ Величества остановились. Благословивъ Августѣйшую Чету, митрополитъ обратился съ глубоко-прочувствованнымъ словомъ. Я видѣлъ, какъ Императоръ искалъ въ карманахъ мундира носовой платокъ и, не найдя таковый, лѣвою рукою, затянутою въ бѣлую перчатку, вытеръ полные слезъ глаза. Онъ, какъ ребенокъ, плакалъ передъ этимъ старцемъ, говорившемъ о тяжкихъ испытаніяхъ, перенесенныхъ Императорскимъ Домомъ. Митрополитъ напомнилъ о кончинѣ въ Бозѣ почивающаго Наслѣдника-Цесаревича Николая Александровича, на смертномъ одрѣ Своемъ завѣщавшемъ Своему Брату какъ Престолъ, такъ и Невѣсту. Напомнилъ Онъ также и объ ужасномъ событіи перваго марта.

«По окончаніи религіознаго обряда, Государь и Государыня поднялись на Красное крыльцо, съ высоты котораго кланялись восторженно привѣтствовавшему Ихъ народу. Ихъ Величества были въ великолѣпныхъ порфирахъ, подбитыхъ горностаемъ; головы ихъ были увѣнчаны коронами. Въ правой рукѣ Его Величество держалъ ски-



петръ, украшенный знаменитымъ алмазомъ, оцѣненнымъ въ двадцать два милліона.

«Затѣмъ Ихъ Величества удалились во внутренніе покои, гдѣ въ Грановитой палатѣ, бывшемъ дворцѣ царя Іоанна Грознаго, состоялся Высочайшій обѣдъ.

«На другой день, вечеромъ, въ Большомъ Московскомъ Императорскомъ театрѣ былъ парадный спектакль. Императоръ былъ въ парадной кавалергардской формѣ. Войдя въ ложу, Государь осмотрѣлъ залу, причемъ, остановивъ бинокль на ложѣ, занятой представителями иностранной прессы, своими черными фраками рѣзко выдѣлявшимися среди блестящихъ мундировъ всей остальной публики, улыбнулся и сказалъ: „А, тамъ собрались нигилисты!“

. . . .

«Я прекрасно помню, что уже одиннадцать лѣтъ тому назадъ, т.-е., въ эпоху коронаціи, при Русскомъ Дворѣ было приказано съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ представителямъ Франціи. Въ своей корреспонденціи, написанной въ 1883 году, я нашелъ слѣдующее сообщеніе:

„Россія отнеслась въ высшей степени любезно и внимательно по отношенію къ представителямъ иностранной прессы. Что касается насъ, парижанъ, то въ рѣдкомъ изъ офицеровъ Кавалергардскаго полка мы не встрѣтили стараго знакомаго, готоваго оказать намъ всякое гостепріимство. Нѣмцы положительно ревнуютъ насъ къ русскимъ, выказывающимъ намъ особенную симпатію.

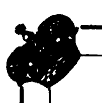
„Если-бы у насъ имѣлось правительство, то завтра-же тройственному союзу былъ-бы поставленъ солидный противовѣсъ, а Франція пріобрѣла-бы сто милліоновъ вѣрныхъ союзниковъ".

„Въ то время, однако, никто еще не могъ предвидѣть Кронштадтскихъ событій. Но Кронштадтъ уже и тогда чувствовался въ воздухѣ. Прежде чѣмъ вылупиться изъ яйца, знаменитое соглашеніе въ теченіе восьми лѣтъ пребывало подъ спудомъ. Отъ этого союзъ только выигралъ въ прочности, такъ какъ теперь, чтобы разстроить, необходимо прежде изгнать изъ памяти обитателей русскихъ избъ и французскихъ лачугъ всякое воспоминаніе о чудномъ образѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

„Франція переживаетъ національное горе, оплакивая безвременную кончину Царя-Миротворца, оказавшаго Франціи такъ много благодѣяній.

Но наша скорбь идетъ прямо отъ сердца; она чужда какихъ-бы то ни было интересовъ, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ отнынѣ интересы обѣихъ націй слишкомъ перемѣшались между собою, равно какъ ихъ души успѣли настолько сродниться, что не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ дѣленіи интересовъ. И съ этой минуты, какъ русская душа стала французской, и Царь не можетъ быть никѣмъ другимъ, какъ французскимъ, такъ Онъ воплощаетъ въ Себѣ душу всей Россіи.

„Вотъ почему мы, забывая всякіе личные интересы, всецѣло отдаемся постигшему насъ горю,

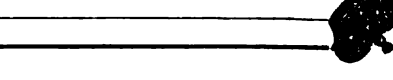


оплакивая кончину добраго, великодушнаго и великаго Монарха. Оставаясь сильною и вооруженною, Францiя можетъ быть полезна Россiи, равно какъ и послѣдняя полезна Францiи. Я говорю—полезна, чтобы не сказать необходима.

«Слезы, проливаемыя обѣими нацiями, послужатъ еще къ большему упроченiю взаимныхъ симпатiй, которыя могли-бы выразиться въ еще болѣе сильной формѣ, если-бы между обоими государствами не было-бы столь великой разницы въ системахъ внутренняго управленiя и политическихъ принципахъ».

Членъ Парижскаго Института, Анатоль Леруа-Болье, написавшiй нѣсколько очерковъ о Россiи и дважды объѣхавшiй Россiю, посвятилъ памяти Императора Александра III симпатичную статью, которая была напечатана въ «Revue de Paris».

«Взгляды всѣхъ французовъ обращены,—писалъ Леруа-Болье,—къ берегамъ Крыма, гдѣ борется со смертельнымъ недугомъ Великiй Императоръ, единственный въ Европѣ, протянувшiй Францiи руку. Если молитвы народа могутъ остановить смерть, Александръ III будетъ спасенъ. На долю Его выпалъ тяжелый долгъ и еще вчера Онъ такъ свободно несъ на своихъ могучихъ плечахъ необъятную тяжесть громадныхъ Своихъ обязанностей. Сила и здоровье казались преобладающими свойствами Его цвѣтущей и спокойной натуры. Онъ такъ былъ мужественен и тѣломъ, и ду-



шой, благополучно пережилъ столько испытаній, что намъ Онъ казался положительно неуязвимымъ. Онъ воплощалъ въ Себѣ народный идеалъ національныхъ легендъ, представлялся гигантомъ, одареннымъ непомѣрною силою и дѣтски простымъ и великодушнымъ характеромъ.

«О мертвыхъ можно говорить только одну правду; только о нихъ и высказываются правдивыя сужденія. Но о такомъ человѣкѣ, о спасеніи котораго молится весь міръ, можно и при жизни сказать то, что со временемъ повторитъ безпристрастная исторія.

«Исторія назоветъ Его истинно русскимъ Царемъ... Да, Онъ былъ вполнѣ русскимъ и любилъ это показать. Не взирая на высокое, занимаемое Имъ положеніе, простой русскій мужикъ видѣлъ въ Немъ плоть и кровь своей рассы. Онъ,—что рѣдко удается видѣть у трона,—обладалъ всѣми достоинствами частнаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ лишенъ и тѣхъ свойствъ, коими отличаются великіе Монархи. Всѣмъ извѣстна Его простота, чистота Его домашней жизни. Блестящій, шумный Зимній дворецъ Онъ промѣнялъ на болѣе скромный, уединенный Гатчинскій дворецъ, гдѣ Онъ всецѣло отдавался радостямъ семейной жизни. Глубоко вѣрующій въ Бога, въ Немъ Одномъ искалъ Онъ опоры, у Него просилъ Онъ совѣта и только Ему, Царю Царей, отдавалъ Онъ отчетъ въ Своихъ поступкахъ. Онъ исполнялъ Свой долгъ по Своему искреннему пониманію. Царь, подобный земному Богу, все-

властный, какъ Цезарь въ Римѣ или калифъ въ Багдадѣ, Самодержавный Монархъ, державшій въ рукахъ Своихъ всю Имперію, былъ преисполненъ только одною мыслью—возможно лучше выполнить выпавшую на Его долю тяжелую задачу. Облеченный всевластіемъ, создававшимъ Нероновъ и Калигулъ, Онъ оставался неизмѣнно добрымъ и великодушнымъ человѣкомъ. . . .

. . . .

«Это былъ высоко честный человѣкъ. Какъ въ Россіи, такъ и въ остальной Европѣ, каждый сознавалъ, что ему можно вполнѣ довѣриться, можно слѣпо положиться на Его Царское слово. Онъ былъ безконечно храбръ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени простъ; Онъ смѣло, не колеблясь, шелъ на встрѣчу опасностямъ, разъ признавалъ это необходимымъ для блага страны. Онъ отличался прямотою, мудростью, обладалъ твердою, непоколимою волею. Разъ что Онъ рѣшилъ, всѣ уже знали, что это такъ и будетъ, что Онъ доведетъ до конца начатое дѣло; Онъ былъ вѣренъ себѣ, какъ и другимъ. Онъ обладалъ достоинствомъ мало, присущимъ властителямъ—Онъ умѣлъ властвовать надъ Собою. Даже и тогда, когда затрогивалось самолюбіе Его политики, какъ, напр., въ болгарскомъ вопросѣ, Онъ отказывался дѣйствовать силою. Онъ отличался удивительнымъ терпѣніемъ, умѣлъ ждать, сознавая, что для сильнаго время представляетъ собою дорогого союзника.

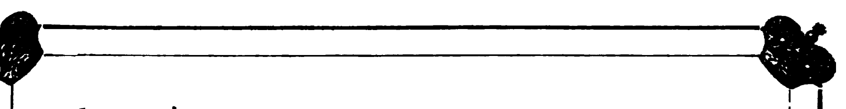
«И что-же, теперь быть можетъ у Него не

хватитъ этого времени? Провидѣніе, чудесно спасшее Его отъ многихъ опасностей, хочетъ взять изъ Его рукъ скипетръ, теперь, когда вся Европа, а съ нею и весь остальной міръ, нуждаются въ Немъ больше, чѣмъ когда-либо. . .

. . . .

«Александръ III неизмѣнно стремился къ поддержанію мира. «Блаженни миротворцы» —сказано было въ нагорной проповѣди. Эта великая евангельская истина, такъ часто забывавшаяся людьми крови и желѣза, была основою всей политики Императора Александра III. Онъ былъ на войнѣ и съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ ее; Онъ лично имѣлъ случай наблюдать всѣ ужасы военнаго времени. Принимая бразды правленія въ Свои руки, Императоръ Александръ III поставилъ Своею задачею обезпечить миръ народовъ. Современники Александра I называли его «Ангеломъ мира», —нѣтъ, истиннымъ Ангеломъ-хранителемъ мира, какъ для Россіи, такъ и для всей Европы, былъ Царь Александръ III, и народы сознавали, что при немъ миръ былъ прочно обезпеченъ.

«Тѣ-же стремленія къ миру создали и сближеніе съ Франціей. Казалось-бы, что между самодержавной Россіей и демократической республикой должна лежать непреодолимая пропасть. Старшая дочь революціи и Сватая Русь, въ глазахъ мира, представлялись странами принципіально противоположными; признавалось рѣшительно невозможнымъ какое-бы то ни было сближеніе между ними. Почему же не состоялось раньше это

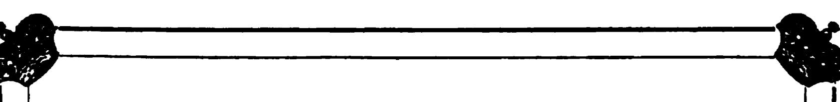


сближеніе двухъ народовъ, столь схожихъ по характеру? За отвѣтомъ на такой вопросъ нужно обратиться къ исторіи. Между обоими государствами и ихъ правительствами лежали предубѣжденія, это—во-первыхъ, а, во-вторыхъ, дѣлу сближенія обоихъ государствъ много помѣшали нѣмцы, долгое время пользовавшіеся въ Петербургѣ сильнымъ вліяніемъ. Были и другія причины,—разница режимовъ, а главнымъ образомъ разногласіе въ политическихъ принципахъ. . . . . .

. . . .

«Если существовали предубѣжденія между Зимнимъ и Елисейскимъ дворцами, то съ теченіемъ времени, путемъ общихъ усилій, таковыя были устранены. Франція и Россія одновременно потерпѣли неудачи. Со времени Берлинскаго конгресса, Франція и Россія были поставлены въ совершенно одинаково-изолированное положеніе, а потому, что можетъ быть естественнѣе сближенія? Тройственный союзъ одинаково угрожалъ обоимъ государствамъ; каждое изъ нихъ помышляло о необходимости создать противовѣсъ вызывающей политической комбинаціи тройственнаго союза. Такимъ образомъ, къ великому ужасу друзей мира, Европа рисковала быть раздѣленной на два враждебныхъ, вооруженныхъ лагеря. День, когда Россія, черезъ Германію, протянула руку Франціи, долженъ былъ повлечь за собою ужасную войну, какой еще и не видѣлъ міръ.

«Но, со свойственной Ему осторожностью, Императоръ Александръ III отвелъ роковой ударъ.



Сближеніе Франціи и Россіи, обѣщавшее неминуемую кровопролитную войну, на самомъ дѣлѣ укрѣпило международный миръ и согласіе. Если намъ и принадлежитъ нѣкоторая доля заслуги, то во всякомъ случаѣ она слишкомъ незначительна передъ великимъ подвигомъ, явленнымъ Императоромъ Александромъ III. То, что обѣщало вызвать войну, Онъ обратилъ въ орудіе мира.

«Чтобы совершить этотъ подвигъ, Императоръ выждалъ наиболѣе удобный моментъ. Воинственные умы французовъ, мечтающихъ объ отмщеніи, понемногу должны были успокоиться подъ твердымъ взглядомъ Русскаго Монарха. Онъ далъ понять всю безполезность французскаго паломничества къ стѣнамъ Кремля, съ цѣлью найти въ Россіи поддержку въ стремленіяхъ Франціи отмстить ненавистному врагу. Онъ ясно показалъ, что не желаетъ имѣть дѣла съ авантюристами. Прежде, чѣмъ рѣшиться съ непокрытою головою выслушать марсельезу, Онъ выждалъ окончанія буланжистской агитаціи, послѣ которой въ сознаніи Франціи проснулись ея исконныя миролюбивыя стремленія. Никогда еще политика не носила столь яснаго лояльнаго характера. Прямота Александра III принесла дѣйствительные плоды. Никто не сомнѣвался въ Его истинно добрыхъ намѣреніяхъ. При первомъ извѣстіи о Его болѣзни, Вѣна, Лондонъ, Берлинъ были столь-же грустно поражены, какъ и Парижъ. Только одна столица отнеслась нѣсколько холодно къ этому событію —это Римъ. Быть можетъ это потому, что тамъ

менѣе всего боятся возникновенія войны, а, во-вторыхъ, еще и потому, что Россія учредила посольскій постъ при Ватиканѣ,—при государѣ безъ государства. Это было послѣднимъ великимъ дѣяніемъ Императора Александра III.

«Тутъ еще разъ Императоръ показалъ все величіе Своей души; еще разъ явилъ подвигъ непоколебимой воли. Православный Царь назначилъ Своего оффиціальнаго представителя состоять при главѣ католической церкви. Рѣшаясь на подобный шагъ, Александръ III преслѣдовалъ все тотъ-же идеалъ мира. Онъ сознавалъ, что Папа, лишенный свѣтской власти, все-же оставался однимъ изъ величайшихъ факторовъ исторіи; Онъ понималъ, что нынѣшняя власть Папы всецѣло направлена къ умиротворенію народныхъ страстей. Императоръ стремился оказать всякую нравственную поддержку великому дѣлу поддержанія мира. . . . .

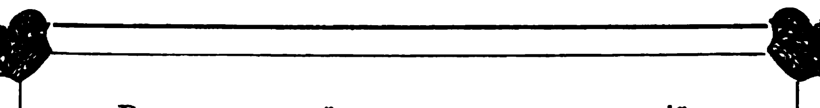
. . . .

«Я вижу предъ собою раскрашенную картинку, изданную для простого, наивнаго народа, на которой символически изображено было франко-русское сближеніе: Императоръ III, протягивающій руку президенту Карно. Теперь этого президента уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, а Императоръ борется со смертельнымъ недугомъ. Оба Они,—если только молитвы наши не будутъ услышаны,—исчезнутъ съ лица земли; Карно, безотвѣтственный президентъ, избранный гражданинъ французской демократіи, палъ отъ руки нигилиста. Эта

смерть какъ-бы доказала, что для анархистовъ не существуетъ разницы между монархіей и республикой.

«Президентъ умеръ, а Императоръ находится въ крайней опасности, но Франція и Россія живы. Сегодня, какъ вчера, онѣ преисполнены одними и тѣми-же чувствами, имѣютъ одни и тѣ-же интересы. Будутъ-ли онѣ преслѣдовать одинаковую политику?

«Если Императоръ выздоровѣетъ, то, конечно, не будетъ никакихъ перемѣнъ; Онъ будетъ только тронутъ нашимъ сочувствіемъ и нашимъ безпокойствомъ. Но... Онъ умираетъ! Мы не имѣемъ возможности проникнуть въ сокровенныя мысли Цесаревича Николая. Мы знаемъ только, что Онъ вполнѣ раздѣлялъ политику Своего Отца. Императоръ Александръ III не любилъ путешествовать внѣ предѣловъ Своего государства; за границей, въ оффиціальныхъ случаяхъ, Онъ имѣлъ привычку посылать представителемъ Своего Старшаго Сына. Такимъ образомъ, Цесаревичъ последовательно посѣтилъ дворы Германіи, Англіи, Австро-Венгріи; для юнаго Наслѣдника Русскаго Престола это была весьма трудная миссія въ эпоху тройственнаго союза и франко-русскаго соглашенія. Пожелаетъ-ли Онъ продолжить эту политику, въ которой Онъ принималъ дѣятельное участіе, послѣ кончины Отца или, уступая вліянію враговъ нашей демократіи, отвернется отъ республики, чтобы присоединиться къ Императорамъ, Своимъ братьямъ?



«Весьма важный вопросъ, интересующій въ переживаемыя нами тяжелыя минуты всѣ народы, всѣ кабинеты, и разрѣшеніе котораго,—я не боюсь этого выговорить,—столько же зависитъ отъ внѣшней политики Франціи, сколько и отъ того вліянія, какое можетъ быть выказано въ Зимнемъ дворцѣ.

«Франко-русское сближеніе, въ этой формѣ, въ какой понималъ его Императоръ Александръ III, такъ прочно обезпечивало интересы международнаго мира, создало столь устойчивое политическое равновѣсіе Европы, что будущіе Наслѣдники Русскаго Царя врядъ-ли пожелаютъ измѣнять политику Императора Александра III, до тѣхъ поръ, конечно, покуда ошибки самой-же Франціи не вынудятъ Ихъ къ этому. Если заключенное въ Кронштадтѣ и Тулонѣ соглашеніе будетъ нарушено, то въ этомъ мы одни будемъ виноваты».

«Сегодня, какъ нѣкогда для Наполеона, раскроются златыя врата небесъ и Царь предстанетъ передъ Богомъ.

«Если-бы смерть пришла ко мнѣ — сказалъ Онъ восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, — я чувствую Себя настолько сильнымъ, что однимъ ударомъ кулака прогналъ бы ее прочь»!..

«И смерть пришла... Онъ это сознавалъ. Тогда, оплакиваемый нынѣ Монархъ, бросивъ послѣдній прощальный взглядъ на все, что Онъ любилъ и что оставлялъ здѣсь, на землѣ, горячо любимую

семью, рыдающую у Его ногъ, дорогую Россію, которую Онъ сдѣлалъ великою и сильною, Россію, плачъ которой сквозь открытыя окна Ливадійскаго дворца доносился до слуха умирающаго Императора... Простившись со всѣми, Онъ устремилъ взоръ къ небу, сказавъ: «Господи, я иду къ Тебѣ»!... Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій напутствовалъ умиравшаго Царя св. Причащеніемъ. Причастившись св. Таинъ, сжимая руку возлюбленной Царицы, Александръ III тихо угасъ...

«Избранники, окружающіе Престолъ Всевышняго, смотрѣли на Человѣка, въ теченіе тринадцати лѣтъ несшаго на Своихъ плечахъ коллоссальную отвѣтственность за милліоны жизней.

Тогда Господь спросилъ Его: Что любилъ Ты на землѣ?

«И Ангелъ-хранитель Царя, трепетными крылами заслонивъ Его ослѣпленные очи, отвѣтилъ:

— Господи, Тебя любилъ Онъ, будучи на землѣ. Во всемъ Онъ полагался на Твою волю,—и бѣдные были Его дѣтьми. Его оплакиваютъ въ дворцахъ, по несравненно больше сокрушаются о Немъ въ убогихъ хижинахъ, обитаемыхъ бѣдными и несчастными. Изъ любви къ нимъ Онъ ненавидѣлъ войну, и за Него всѣ народы молятъ теперь Тебя...

„Тогда Господь обратилъ Свой взоръ на землю.

„Едва лишь перестало биться сердце Царя, какъ уже весь міръ молился за Него. Молились

за Него у смертнаго одра и соборахъ, молились въ городахъ и въ деревняхъ.

„Тогда Господь взглянулъ на Римъ...

„Левъ XIII колѣнопреклоненно, горячо молился за Того, Кто могъ быть его врагомъ, но былъ самымъ лояльнымъ союзникомъ.

„Услышавъ молитвы милліоновъ людей Господь открылъ Свои объятія...

„А въ небесахъ избранные пѣли: Блаженни миротворцы“!

„Царь былъ спасенъ!

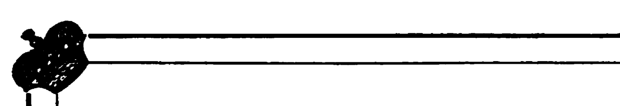
Пьеръ л'Эрмитъ.

«Покойный редакторъ *«Figaro»*, Франсисъ Маньяръ, за нѣсколько дней до кончины Императора Александра III, писалъ:

«Исторіи предстоитъ судить Монарха; она конечно скажетъ, что Онъ никогда не злоупотреблялъ Своею безграничною властью, отъ которой зависѣла участь милліоннаго народа.

«У всѣхъ еще въ памяти тѣ ужасныя условія, при которыхъ Онъ принялъ корону; не забыли также и то терпѣніе и стойкость, при помощи которыхъ Онъ провелъ необходимыя реформы всѣхъ отраслей управленія страною. Благодаря этимъ реформамъ, было возстановлено значеніе Власти, а также устранена опасность, грозившая со стороны нигилизма.

«Тринадцать лѣтъ этого упорнаго труда, этого громаднаго расхода воли, не отступавшей ни



передъ какою отвѣтственностью, раньше времени подорвали силы «Могучаго гиганта», еще недавно дышавшаго столь цвѣтущимъ здоровьемъ.

«Франція, всѣмъ сердцемъ раздѣляющая горе Россіи, никогда не забудетъ, что Онъ, оставаясь вѣрнымъ традиціямъ Своего Отца, былъ первымъ Монархомъ Европы, оффиціально протянувшимъ намъ руку.

«Франція, столь удрученная, какъ и Россія, все еще надѣется, что печальныя предсказанія врачей не оправдаются и что натура Больного осилитъ гнетущій Его недугъ».

«Кероганъ, на страницахъ «Soleil», въ дни болѣзни Императора Александра III, писалъ:

«Царь находится при смерти. Послѣдняя телеграмма, сообщающая объ усиленіи недуга, не оставляетъ болѣе никакой надежды на выздоровленіе. Кончина Императора Александра III является вопросомъ нѣсколькихъ дней и даже можетъ быть нѣсколькихъ часовъ.

«Какое глубоко потрясающее событіе! Царь Александръ III отойдетъ въ вѣчность какъ разъ спустя годъ послѣ тѣхъ блестящихъ праздниковъ, на которыхъ присутствовали мы въ октябрѣ 1893 г. по случаю пріѣзда въ Парижъ русскихъ моряковъ. Семнадцатаго октября 1893 г. русскіе моряки прибыли въ Парижъ, откуда они отбыли двадцать пятаго октября. Въ Парижѣ

имъ былъ оказанъ восторжественный пріемъ, о которомъ никогда не позабудутъ русскіе и французскіе патріоты. Въ Тулонѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, русскіе отдали намъ визитъ, который мы имъ сдѣлали въ Кронштадтѣ.

«Нужно-ли упоминать о томъ громадномъ личномъ участіи Императора Александра III въ дѣлѣ сближенія Россіи съ Франціей? Когда Царь, принимая адмирала Жерве на собственной яхтѣ «Держава», выслушалъ стоя, съ непокрытой головою національный гимнъ Франціи, всѣмъ стало ясно, что въ международной политикѣ совершился крупный переворотъ. Князь Черногорскій былъ уже не единственнымъ другомъ Россіи.

«Императоръ Александръ III удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашъ броненосецъ «Маренго», и тѣмъ самымъ оффиціально санкціонировалъ русско-французскій союзъ, уже давно существовавшій въ сердцахъ обѣихъ націй.

«Императоръ Александръ III подготовилъ и осуществилъ франко-русское соглашеніе. Ни въ одномъ дѣлѣ не проявилъ Онъ столько энергіи и стойкости, какъ въ дѣлѣ сближенія обоихъ народовъ. Конечно, принимая на Себя иниціативу великолѣпныхъ манифестацій, блестящимъ образомъ доказавшихъ міру установившуюся между Россіей и Франціей дружбу, Императоръ Александръ III дѣйствовалъ исключительно въ интересахъ Россіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ великомъ дѣяніи оказалось все величіе Его пря-

мого и лояльнаго сердца. Онъ, со свойственною Ему деликатностью, далъ торжественное доказательство того уваженія, какое внушалъ Ему народъ, послѣ ужаснаго разгрома сумѣвшій подняться и въ экономическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Всѣ остальные, со времени ужасной для насъ годины бѣдствій, неизмѣнно повторяли: «Горе побѣжденнымъ!» Въ первый разъ міръ услышалъ великія слова великаго Монарха, сказавшаго: «Честь и слава побѣжденнымъ!» Сказавшій эти незабвенныя слова — былъ могущественнѣйшій въ мірѣ Монархъ, единодержавно повелѣвавшій страною, площадью въ тысячу сто квадратныхъ километровъ и населеніемъ въ сто двадцать милліоновъ.

«Я убѣжденъ, что франко-русскій союзъ, скрѣпленный торжествами Кронштадта, Тулона и Парижа, на много лѣтъ переживетъ Того, Кто создалъ это соглашеніе. Оно переживетъ Императора Александра III, такъ какъ оно вполнѣ отвѣчаетъ какъ чувствамъ, такъ и интересамъ обоихъ народовъ. Франціи этотъ союзъ гарантируетъ безопасность. Значеніе франко-русскаго союза для французовъ прекрасно опредѣлилъ одинъ парижскій рабочій, сказавшій: «Они не осмѣливались затрогивать насъ, когда мы были одни. Теперь они уже и совсѣмъ не посмѣютъ объ этомъ думать, съ тѣхъ поръ, какъ мы получили право назвать Россію нашимъ другомъ». Если франко-русскій союзъ обезпечиваетъ Франціи безопасность, то для Россіи онъ имѣетъ

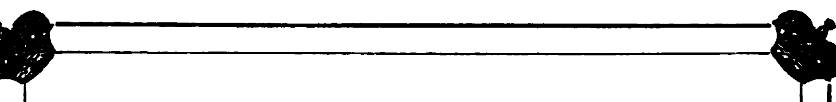
также не малое значеніе; дружба съ Франціей даетъ Россіи преобладающее значеніе на европейскомъ континентѣ. Съ той минуты, какъ Россія вложила свою руку въ руку Франціи, рѣшителемъ судебъ Европы сталъ русскій Императоръ, тогда какъ до этого событія таковымъ былъ Императоръ германскій. Теперь Россія имѣетъ право сказать, что безъ ея разрѣшенія въ Европѣ не можетъ быть произведенъ ни одинъ пушечный выстрѣлъ».

Редакторъ газеты «Soleil», Эдуардъ Гервэ, посвятилъ памяти покойнаго Императора Александра III слѣдующія строки.

«Перестало биться благородное сердце: скончался Русскій Императоръ. Его народъ, поверженный въ глубокую печаль, оплакиваетъ Того, чье царствованіе было по-истинѣ великимъ.

«Вступивъ на Престолъ вслѣдъ за ужаснымъ событіемъ перваго марта, Онъ былъ окруженъ всевозможными опасностями. Проявивъ необыкновенно твердую волю, Онъ въ короткій промежутокъ времени возстановилъ порядокъ и укрѣпилъ престижъ власти. Уже не было слышно ни о какихъ заговорахъ. Побѣжденный нигилизмъ исчезъ съ лица земли Русской.

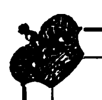
«Въ царствованіе Императора Александра III не было войны. Онъ стяжалъ себѣ неувядаемую славу иными путями, создалъ величіе Своего народа другими средствами. Онъ былъ убѣжден-



нымъ сторонникомъ мира. Не вынимая сабли изъ ноженъ, Онъ сдѣлалъ изъ Петербурга центръ международной политики.

«Онъ обладалъ величайшимъ изъ достоинствъ— характеромъ. Этотъ великій характеръ создалъ Ему въ исторіи незабвенное имя. Въ Своей политикѣ Онъ преслѣдовалъ два-три совершенно простыхъ, ясныхъ принципа, которымъ Онъ оставался неизмѣнно вѣренъ. Ничто не могло заставить Его сойти съ разъ намѣченнаго пути. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые умѣли желать и успѣвали достигать желаемаго. Онъ искренно желалъ мира; желалъ его страстно и сумѣлъ его создать, защитить и поддержать.

«Не одной Россіи приходится оплакивать преждевременную Его кончину. Онъ, въ рѣшительную въ нашей исторіи минуту, объявилъ Себя другомъ нашей страны. Послѣ пережитаго погрома, мы быстро возстановили наши матеріальныя силы; мы стали богаты войсками, оружіемъ, деньгами. Намъ недоставало еще двухъ вещей: внутри—увѣренности въ самихъ себѣ, внѣ страны—сочувствія великой державы. И то, и другое далъ намъ Императоръ Александръ III. Наши прежнія друзья, друзья счастливыхъ нашихъ дней, тщательно сторонились отъ насъ. Русскій Императоръ протянулъ Франціи Свою державную руку; Онъ вывелъ Францію изъ ея изолированнаго состоянія и вернулъ намъ сознаніе того, чего мы дѣйствительно стоимъ.



«Францiя обязана Ему первымъ радостнымъ днемъ со времени 1871 г. Она никогда этого не забудетъ. Вмѣстѣ съ Россiей, и какъ Россiя, она будетъ носить трауръ по Незабвенномъ Монархѣ Александрѣ III».

Эдуардъ Гервэ,
Членъ Французской Академiи.

«Весь миръ чувствуетъ, что кончина Императора Александра III является событiемъ несравненно болѣе важнымъ, нежели вообще переходъ отъ одного лица къ другому трона величайшей Имперiи стараго свѣта. Мiръ потерялъ въ лицѣ Императора Александра III могучаго и убѣжденнаго защитника, умѣвшаго сдерживать попытки къ нарушенiю мирового спокойствiя.

«Александръ III исполнялъ въ Европѣ величайшую и достойнѣйшую для Монарха роль умиротворителя. Онъ только одинъ и могъ исполнять столь трудную миссiю.

«Эту великую роль могъ выполнить только человѣкъ съ высокой, безукоризненною честностью и твердымъ, но спокойнымъ и выдержаннымъ характеромъ.

«Онъ оставилъ послѣ Себя Россiю могущественною и уважаемою, умиротворенною внутри, выросшею въ финансовомъ и экономическомъ отношенiяхъ. Уже и этого одного достаточно, чтобы Имя Его было прославляемо въ отечественной исторiи, но Онъ сдѣлалъ не-

сравненно больше: Онъ освободилъ Россію отъ германскаго вліянія и поставилъ ее на путь, вполнѣ согласный съ ея исконными національными традиціями.

«Въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ какъ будто надѣются, что съ новымъ царствованіемъ произойдутъ крупныя перемѣны въ направленіи внѣшней политики Россіи. Но всѣ подобныя предположенія кажутся намъ совершенно безосновательными, во-первыхъ, потому, что многое изъ содѣяннаго покойнымъ Императоромъ пустило столь глубокіе корни, вырвать которые не представляется возможнымъ, а во-вторыхъ, Молодой Царь слишкомъ проникнутъ чувствомъ уваженія къ памяти Своего Отца, чтобы рѣшиться измѣнить политику, столь возвеличившую Россію.

«Россія и Франція могутъ съ полною искренностью соединиться въ общей печали; ничто не угрожаетъ чувству дружбы этихъ народовъ».

К. Ватено.

Вальфрей, на страницахъ „Moniteur Universel“ пишетъ:

«Глубоко горестное событіе, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль угрожавшее Европѣ, наконецъ свершилось: Императоръ Александръ III угасъ вчера, перваго ноября... Еще нѣсколько дней тому назадъ надѣялись, что недугъ не осилитъ мощной натуры Царя, но врачи оказались правы—смерть ожидала Великаго Монарха.

«Болѣзнь продолжалась, однако, настолько долго, что Европа еще при жизни покойнаго Императора имѣла возможность выразить Ему то безпредѣльное уваженіе, ту глубокую симпатію, какія внушилъ Онъ милліонамъ народовъ.

«Всѣ единогласно признаютъ, что никто еще не оказывалъ родной странѣ такъ много услугъ, а также никто не имѣлъ столь благотворнаго вліянія на Европейскій континентъ. Неуклонно преслѣдуя разъ намѣченную цѣль, дѣйствуя съ поразительною самостоятельностью, не пользуясь ни чьими совѣтами, Онъ сдѣлалъ изъ Россіи колыбель мира всего стараго континента.

«Излишне будетъ напоминать теперь, въ минуты глубокаго горя, какъ многимъ обязана Ему Францція. Возвышая Россію, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ и Францію. До Него мы не знали спокойствія, и хотя и поддерживали миръ, но это былъ миръ тревожный, непрочный; каждую минуту онъ могъ быть нарушенъ. Онъ далъ намъ прочный миръ, которымъ мы пользуемся вотъ уже четыре года. Будемъ надѣяться, что созданный волею почившаго Монарха миръ проживетъ еще многіе и многіе годы.

«Все говоритъ за то, что Императоръ Николай II вступаетъ на Престолъ будучи хорошо знакомъ съ тѣми затрудненіями, какія ожидаютъ Его въ дѣлахъ внѣшней политики. Конечно, Онъ окружитъ Себя новыми людьми, быть можетъ столь же молодыми, какъ и Онъ Самъ, и во всякомъ случаѣ болѣе молодыми, сравнительно съ нѣкото-

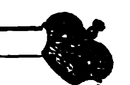
рыми совѣтниками покойнаго Императора, но перемѣна эта не въ силахъ будетъ измѣнить программы, завѣщанной Царемъ-Отцемъ Царю-Сыну. Великая программа почившаго Монарха можетъ быть выражена слѣдующими словами: тѣсное единеніе Императора съ славянскою націей и безпощадное преслѣдованіе всѣхъ мелкихъ національностей, которыя, при помощи нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ, могли бы помѣшать этому единенію».

Вальфрей.

«Послѣ долгихъ, геройски вынесенныхъ страданій, Императоръ Александръ III отдалъ Богу Свою прекрасную и великую душу

«Онъ палъ жертвою не одного только недуга, сразившаго Его мощную натуру, — громадный трудъ управленія обширною имперіей съ многомилліоннымъ населеніемъ раньше времени подломилъ Его силы, которыхъ, при иныхъ условіяхъ, хватило бы на много лѣтъ. Недугъ былъ бы побѣжденъ, если бы Царь хотя на время согласился оставить Свои сложныя и трудныя занятія и могъ отдаться полному отдыху.

«Длившаяся агонія позволила выраженіемъ хвалы и сожалѣній всего міра опередить надгробное пѣніе и заупокойныя молитвы. Прежде, чѣмъ Онъ отошелъ въ міръ вѣчный, современники воздвигли Ему въ исторіи великолѣпный памятникъ.



«О, Онъ сто кратъ былъ достоинъ подобной почести. Никогда еще лучшія свойства частнаго человѣка и великія достоинства Монарха не находили столь сильнаго выразителя, какимъ былъ покойный Императоръ. Никогда еще здѣсь, на землѣ, честь не находила столь высокаго олицетворенія. Никогда еще ни одинъ Монархъ не заслуживалъ столь безграничной любви Своихъ подданныхъ и уваженія, даже и со стороны враговъ.

«Своею любовью къ миру и тою твердою волею, съ какими поддерживалъ Онъ миролюбивыя отношенія между отдѣльными государствами Европы, Онъ достойно займетъ мѣсто среди великихъ благодѣтелей, называемыхъ отцами человѣчества.

«Сто милліоновъ русскихъ оплакиваютъ Его безвременную кончину. Тридцать милліоновъ французовъ присоединяются къ глубокой печали дружественной націи».

«Даже кончиною Своею почившій Царь-Миротворецъ какъ бы продолжалъ Свое великое дѣяніе, тѣсно соединивъ въ общей печали обѣ націи, которыя при жизни Его тяготѣли другъ къ другу въ силу общихъ интересовъ и взаимной симпатіи».

«Россія и Франція чувствуютъ себя болѣе сестрами нежели когда-либо, такъ какъ онѣ оплакиваютъ одного и того же Отца, преклоняясь въ безысходномъ горѣ передъ одною и тою же гробницею.

[illegible] Александръ Александровичъ 22-хъ лѣтъ

[illegible] краѣ былъ достоинъ подобной [illegible] еще лучшія свойства частнаго [illegible] достоинства Монарха не на[illegible] выразителя, какимъ былъ [illegible]. Никогда еще здѣсь, на [illegible] не находила столь высокаго оли[illegible]. Никогда еще ни одинъ Монархъ не заслуживалъ столь безграничной любви Своихъ подданныхъ и уваженія, даже и со стороны враговъ.

«Своею любовью къ миру и тою твердою волею, съ какими поддерживалъ Онъ миролюбивыя [illegible] между отдѣльными государствами Европы, [illegible] достойно займетъ мѣсто среди вели[illegible]телей, называемыхъ отцами чело[illegible]

[illegible] милліоновъ русскихъ оплакиваютъ Его безвременную кончину. Тридцать милліоновъ французовъ присоединяются къ глубокой печали дружественной націи».

«Даже кончиною Своею почившій Царь-Миротворецъ какъ бы продолжалъ Свое великое дѣяніе, тѣсно соединивъ въ общей печали обѣ націи, которыя при жизни Его тяготѣли другъ къ другу въ силу общихъ интересовъ и взаимной симпатіи».

«Россія и Франція чувствуютъ себя болѣе сестрами нежели когда-либо, такъ какъ онѣ оплакиваютъ одного и того же Отца, преклоняясь въ безысходномъ горѣ передъ одною и тою же гробницею.

Цесаревичъ Александръ Александровичъ 22-хъ лѣтъ.

«Николай II, унаслѣдовавшій Александру III, приметъ въ наслѣдіе отъ Своего Августѣйшаго Отца франко-русское соглашеніе, являющееся залогомъ величія Россіи. Онъ останется вѣренъ завѣтамъ и политикѣ Своего Родителя, Онъ будетъ любить Францію, потому что Россія ее любитъ, Онъ же, въ Свою очередь, будетъ вѣрнымъ выразителемъ желаній Святой Руси.

«Gaulois», прежде всего и больше всего любящій родину, шлетъ свой послѣдній привѣтъ Великому Монарху и чувства соболѣзнованія Его осиротѣвшей Августѣйшей Семьѣ, а также, вѣрный исконнымъ монархическимъ традиціямъ, шлетъ лучшія пожеланія новому царствованію: «Le Tsar est mort. Vive le tsar!».

Артюръ Мейеръ,
Редакторъ «Gaulois».

На страницахъ старѣйшей французской газеты «La Gazette de France» были посвящены памяти покойнаго Императора Александра III слѣдующія строки:

«Царь скончался вчера, въ четвергъ, въ два часа 17 минутъ пополудни.

«Агонія продолжалась недолго. До послѣдняго часа Императоръ находился въ полномъ сознаніи. Не задолго до кончины, Онъ сказалъ находившемуся возлѣ Него доктору: «Позовите священника!»

«Почившій Царь твердо вѣрилъ, что тамъ, въ

загробной жизни, Ему придется отдать полный отчетъ въ Своихъ земныхъ дѣяніяхъ. Ни въ какихъ иныхъ источникахъ не слѣдуетъ искать разъясненія той любви и уваженія, какими преисполнены были къ покойному Монарху народы всего міра.

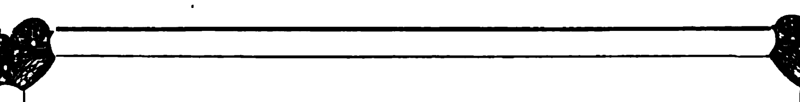
«Онъ вѣрилъ въ Бога, за то Онъ и отличался необыкновенною добротою, справедливостью, честностью, прямотою. Его Имя пользовалось всюду безусловнымъ авторитетомъ.

«Въ противоположность всѣмъ великимъ политикамъ нынѣшняго столѣтія—Бисмаркамъ, Гладстонамъ, политика которыхъ была основана на хитрости, обманѣ, лжи, Царь преслѣдовалъ открытую, прямую, лоаяльную политику.

«На глазахъ всего міра велъ Онъ Свою политику. Онъ никогда не прибѣгалъ ни къ какимъ дипломатическимъ тонкостямъ. Всѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ остальной Европѣ, ясно сознавали, къ чему стремился Императоръ Александръ III.

«Эта откровенность, служившая основою всей Его какъ политической, такъ и соціальной дѣятельности, дала Ему громадный нравственный авторитетъ, которымъ Онъ широко пользовался къ всеобщему благу.

«Всѣ знали, что Онъ стремился къ поддержанію мира, сознавали также и то, что Его могучая армія была всегда на готовѣ унять воинственный пылъ того государства, которое-бы пожелало нарушить спокойствіе Европы».



«За нѣсколько дней до кончины Императора Александра III, редакторъ газеты «Autorité», Поль де-Кассаньякъ, писалъ:

«Не надо заблуждаться, не надо обманываться разными иллюзіями: великое несчастіе ожидаетъ Францію въ самомъ непродолжительномъ времени, быть можетъ даже черезъ нѣсколько часовъ.

«Агонія начинается,—Царь умираетъ.

«Напрасны были всѣ надежды на то, что Его атлетическая натура, Его желѣзный организмъ поборятъ гнетущій Его недугъ. Нужно быть готовымъ встрѣтить ужасный ударъ.

«Уже съ сегодняшняго дня Франція можетъ облачиться въ трауръ,—надежды на выздоровленіе нѣтъ.

«Царствованіе Александра III полно великихъ событій, осчастливившихъ человѣчество, — Его исчезновеніе можетъ повлечь за собою весьма серьезныя осложненія.

«Обладая возвышеннымъ умомъ, богатыми способностями, твердымъ и спокойнымъ характеромъ, непоколебимою волею, Императоръ Александръ III внушалъ всеобщее уваженіе, вызывалъ восторгъ.

«Франція Ему обязана очень многимъ.

«Главнымъ образомъ она обязана Ему тою поддержкою, какую оказалъ Онъ ей въ самую для нея тяжелую минуту, — Онъ помогъ Франціи возстановить ея военныя силы.

«Онъ далъ Франціи возможность смотрѣть въ будущее со спокойствіемъ и увѣренностью.

«За дни болѣзни Императора Александра III общественная жизнь во Франціи замерла. Всѣ обыденные интересы были преданы забвенію.

«Можно съ увѣренностью сказать, что взоры всей Франціи обращены къ тому отдаленному уголку земли, гдѣ Русскій Царь, въ цвѣтѣ лѣтъ, полный энергіи, борется со смертельнымъ недугомъ. Да, вся Франція, безъ различія политическихъ партій и мнѣній только о Немъ и думаетъ.

«Впервые Царь возродилъ среди насъ общенаціональный духъ.

«Предъ Его свѣтлымъ лицомъ, предъ Его привѣтливой улыбкой, не было ни республиканцевъ, ни монархистовъ.

«Предъ нимъ были только одни патріоты, одни французы.

«Неудержимое чувство симпатіи, привлекавшее насъ въ сторону Россіи, не встрѣчало во Франціи никакихъ протестовъ.

«Намъ казалось, что Царь былъ и нашимъ Монархомъ.

«И если Онъ царствовалъ въ Россіи по праву престолонаслѣдія, то надъ сердцами всѣхъ французовъ царилъ Онъ по праву признательности, какою обязана Ему Франція.

«Сколько лѣтъ прожили мы въ полномъ уединеніи, презрѣнные всѣми остальными государствами.

«Всѣ отвернулись отъ насъ. Одни, вслѣдствіе пережитаго нами погрома, въ конецъ обезсилившаго насъ, другіе-же изъ чувства осторожности опасались приблизиться къ намъ...

«Намъ, французамъ, обладающимъ живымъ, общительнымъ темпераментомъ, было особенно тяжело сознавать, что Франція не имѣетъ ни одной дружественной ей націи, кому она могла бы протянуть руку, съ кѣмъ бы она могла войти въ соглашеніе на случай общей опасности, чтобы совмѣстными усиліями поддержать общіе интересы.

«Франція оставалась одинокою предъ лицомъ плотояднаго тройственнаго союза, выжидавшаго удобной минуты, чтобы окончательно растерзать ее.

«При такихъ-то условіяхъ, забывъ былыя недоразумѣнія, Царь протянулъ намъ Свою державную руку.

«Осѣненный геніемъ проницательности, Онъ понялъ, что отнынѣ Россія и Франція должны идти по одной стезѣ.

«Онъ создалъ франко-русское соглашеніе, обезоружившее тройственный союзъ, вернувшее Франціи ея прежнее положеніе среди остальныхъ великихъ европейскихъ державъ и поднявшее Россію на такую высоту могущества и величія, какой она еще никогда не достигала.

«Благодаря Императору Александру III, Россія стала властителемъ Европы, и не единый

пушечный выстрѣлъ не могъ раздаться безъ предварительнаго на то согласія Россіи.

«Будучи великимъ политикомъ, Царь въ то же время былъ обожаемъ Своими подданными, преклонявшимися передъ высокими добродѣтелями своего Монарха.

«По Своему характеру, сердцу и уму, это былъ истинно Великій Монархъ.

«Вотъ почему, утопая въ слезахъ, обѣ націи склонились у смертнаго одра обожаемаго Монарха и лучшаго изъ людей»...

«Черезъ нѣсколько дней Поль де Кассаньякъ писалъ:

«Царь умеръ, послѣ долгой, мучительной агоніи, умеръ въ полномъ сознаніи, почти на ногахъ.

«Это смерть воина. Но еще больше — это смерть достойная истиннаго христіанина, самая завидная для всѣхъ тѣхъ, кто не боится ее и готовъ предстать предъ Высшимъ Судьей.

«Но какое горе, какая безъисходная тоска для насъ, которые съ болѣзненнымъ напряженіемъ слѣдили за постепеннымъ развитіемъ смертельнаго недуга, и все-же мы надѣялись, что могучій организмъ Августѣйшаго Больного побѣдитъ убійственный недугъ,—мы еще въ послѣдніе минуты уповали на милосердіе Божіе.

«Но судьбы Господни неисповѣдимы.

«Какъ ни тяжелъ ударъ, покоримся волѣ Провидѣнія.

«Это смиреніе есть сила вѣрующаго народа, какимъ является русскій народъ, преисполненный глубокой вѣры, мы-же, къ сожалѣнію, почти забыли ученіе христіанской Церкви.

«Что сказать о Немъ, о почившемъ Монархѣ, оплакиваемомъ всѣми народами, сказать такого, что еще не было сказано?

«Онъ стяжалъ Себѣ славу болѣе достойную, нежели слава великихъ завоевателей, среди громкихъ побѣдъ, сѣявшихъ горе и печали.

«Онъ былъ защитникомъ, апостоломъ мира. Ему обязана Европа своимъ мирнымъ процвѣтаніемъ.

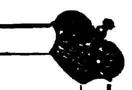
«Онъ возвеличился тѣмъ, что далъ народамъ возможность жить, тогда какъ другіе стяжали себѣ славу тѣмъ, что вели народъ на смерть.

«Онъ оставилъ Свою страну умиротворенною, благоденствующею.

«При Немъ Россія управляла міромъ.

«Вотъ почему мы такъ глубоко понимаемъ горе русскаго народа и всѣмъ сердцемъ раздѣляемъ Его печаль, вызванную утратою не только Великаго Монарха, но и обожаемаго Отца, какимъ былъ Онъ для своего народа. Мы оплакиваемъ Его такъ, какъ бы оплакивали нашего самаго любимаго Монарха.

«Да услышитъ Небо, столь немилостивое къ своей старшей дочери—Франціи, наши молитвы о томъ, чтобы духъ Великаго Монарха виталъ надъ Его Августѣйшимъ Сыномъ. Да унаслѣдуетъ новый Императоръ не только одну корону,



но и добродѣтели почившаго Царя, а также чувство симпатіи по отношенію къ намъ.

«Вся Франція, какъ одинъ человѣкъ, погружена въ глубокій трауръ; всѣ, безъ различія политическихъ убѣжденій, соединились въ одномъ общемъ чувствѣ безпредѣльнаго горя.

«Никакіе посторонніе интересы не занимаютъ общественное мнѣніе.

«Всѣ подавлены ужаснымъ событіемъ.

«Взоры всей Франціи устремлены по направленію къ Ливадійскому дворцу, гдѣ скончался Александръ III и гдѣ занялась заря новаго царствованія.

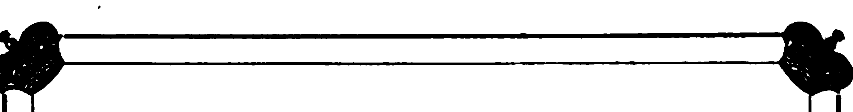
«Переживаемое нами горе отстранило на второй планъ невольное безпокойство передъ совершенно еще неизвѣстнымъ будущимъ.

«Въ этомъ общемъ проявленіи національнаго горя есть что-то дѣйствительно великое. Франція, забывъ гражданскія распри, религіозную борьбу партій, соединилась, движимая однимъ общимъ чувствомъ, у гробницы усопшаго Монарха. Какая величественная, небывалая картина!

«Зачѣмъ этому чувству національнаго единенія не суждено продлиться на болѣе долгій срокъ»!.. *Поль де Кассаньякъ,*

Редакторъ газеты «Autorité».

«Весь цивилизованный міръ былъ глубоко потрясенъ неожиданнымъ извѣстіемъ о тяжкомъ недугѣ, постигшемъ Императора Александра III.



«Картина борьбы земного властителя съ непреодолимымъ, общимъ для всѣхъ смертныхъ, закономъ представляется особенно величественно-потрясающею. Когда больной носитъ имя Александра III, Царя всея Россіи, т. е. безграничнаго властителя надъ судьбами ста милліоновъ подданныхъ, и когда до сихъ поръ Онъ обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ, былъ полонъ силъ, отличался желѣзною натурой, когда, наконецъ, міръ привыкъ преклоняться передъ Его несокрушимой волей, создавшею и обезпечившею миръ вселенной, тогда бюллетени Его докторовъ о состояніи Его здоровья представляются государственными документами громадной важности.

«По существующему въ Россіи режиму, тамъ все находится въ безусловной зависимости единичной воли Государя. Царь Александръ III умѣлъ относиться серьезно къ обязанностямъ, связаннымъ со столь обширною властью. Онъ былъ прежде всего собственнымъ первымъ министромъ, — Онъ Самъ велъ какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю политику. Онъ входилъ во всѣ подробности управленія Его обширными владѣніями. Еще недавно, по Его личной иниціативѣ, въ Россіи организованъ инспекторскій департаментъ, вѣдующій назначеніями, перемѣщеніями и увольненіями всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, безъ различія вѣдомствъ и занимаемыхъ ими должностей.

«Короче, подобно тому, какъ Людовикъ XIV, послѣ смерти кардинала Мазарини, сдѣлался

первымъ работникомъ своего королевства, оставаясь таковымъ въ теченіе пятидесяти пяти лѣтъ, Императоръ Александръ III доказалъ міру, какъ глубоко сознавалъ Онъ Свои Царственныя обязанности и отвѣтственность, связанную съ безграничною властью Самодержца.

«Этотъ великій труженикъ, котораго даже болѣзнь не могла оторвать отъ обычныхъ занятій, этотъ колоссъ, силы котораго поддерживались непостижимою волею, въ концѣ концовъ долженъ былъ признать Себя побѣжденнымъ. Съ момента перваго извѣстія о болѣзни Царя, весь міръ былъ охваченъ чувствомъ живого безпокойства. Не дѣлая, подобно другимъ, никакихъ комментарій, мы съ лихорадочнымъ напряженіемъ слѣдили за ходомъ болѣзни, до послѣдней минуты питая тайную надежду на возможность выздоровленія.

«Судя по послѣднимъ телеграммамъ, труднó ожидать, чтобы надеждамъ нашимъ суждено было оправдаться. Наши друзья русскіе знаютъ, что нѣтъ такого уголка во Франціи, откуда-бы ни возносились горячія молитвы о спасеніи отъ смерти Царя; какъ въ богатыхъ дворцахъ, такъ и въ бѣдныхъ хижинахъ все вниманіе поглощено состояніемъ здоровья Августѣйшаго Больного.

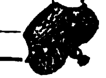
«Еще такъ недавно Франція и Россія праздновали радостные дни Кронштадта, Тулона и Парижа. Кажется, что это было не далѣе, какъ вчера, и трудно вѣрится, чтобы сегодня главный виновникъ всѣхъ этихъ событій былъ на-

канунѣ смерти. Радость и горе часто перемѣшиваются въ жизни частныхъ лицъ. Явленія эти никого не удивляютъ, но когда это совершается въ жизни цѣлыхъ народовъ, то невольно останавливаетъ на себѣ всеобщее вниманіе.

«Не одна Францiя переживаетъ въ настоящее время тревожные дни. Конечно, Францiя, столь много обязанная Императору Александру III, проникнута къ нему чувствомъ несравненно большей любви и уваженія, нежели всѣ остальные народы. Но и во всей остальной Европѣ вѣсть о болѣзни Императора произвела въ высшей степени удручающее впечатлѣніе. Императоръ Александръ III, помимо матеріальной силы, какою пользовался Онъ въ качествѣ Самодержавнаго Повелителя стомилліоннаго населенія, обладалъ еще и громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ убѣжденный сторонникъ и защитникъ мира. Въ тотъ день, когда Онъ покинетъ здѣшній міръ, конечно, Россія не утратитъ своего величія, не ослабнутъ также мотивы, вызвавшіе франко-русское сближеніе, но вся Европа понесетъ незамѣнимую утрату. Она, если можно такъ выразиться, сразу потеряетъ значительную долю собственной своей совѣсти. Въ этомъ сознаніи величайшая хвала Императору Александру III, и Онъ вполнѣ ее заслужилъ".

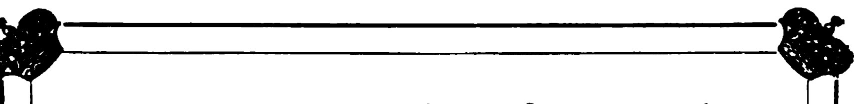
"Temps".

«*Блаженни миротворцы!* Вотъ слова, которыя первыми напрашиваются каждому, узнающему о кончинѣ Императора Александра III.



«Онъ былъ другомъ Франціи, и мы имѣемъ особыя причины оплакивать Его преждевременную кончину, соединяя наши слезы со слезами, проливаемыми всей Россіей. Мы никогда не забудемъ что Онъ, Властитель Европы, первый протянулъ намъ руку; Онъ далъ намъ первый радостный день со времени 1871 г. Онъ вывелъ насъ изъ того изолированнаго положенія, въ какомъ держали насъ наши прежнія друзья; Онъ же далъ намъ возможность съ увѣренностью взглянуть на будущее. Нити, связующія обѣ націи, никогда не порвутся; и такъ какъ франко-русское соглашеніе зиждется не только на общности интересовъ, но и на чувствѣ взаимной симпатіи обѣихъ націй, то нужно надѣяться, что никакихъ перемѣнъ не произойдетъ во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ.

«Но Императоръ Александръ III пользовался исключительнымъ авторитетомъ, чтобы говорить отъ имени и въ пользу мира. Вотъ почему его кончина оставитъ огромный пробѣлъ въ европейскомъ ареопагѣ. То, что потеряютъ Россія и Франція, теряетъ также и вся остальная Европа. Царь, скончавшійся послѣ долгой и стоически вынесенной агоніи, являлъ Собою великій характеръ. Повелитель многомилліоннаго народа прежде всего умѣлъ властвовать подъ Самимъ Собою. Онъ создалъ Себѣ славу несравненно высшую, нежели та, которая пріобрѣтается путемъ громкихъ побѣдъ. Проникнутый идеями гуманной и христіанской философіи, Онъ презрѣлъ лавры,



пожинаемыя на поляхъ битвы. Онъ желалъ быть и былъ Императоромъ мира, что помогло Ему искоренить въ Своей странѣ крамолу, поднять финансы, провести новые грандіозные пути сообщенія, достигающіе отдаленныхъ окраинъ Азіи, увеличить значеніе Россіи среди остальныхъ государствъ міра.

«Потрясенная толпа благоговѣйно склоняется предъ прахомъ Великаго Друга мира и справедливости; чувство глубокой печали, испытываемое не только Россіей и Франціей, но и всѣмъ остальнымъ міромъ, является лучшимъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кто оплакиваетъ Его.

«Міровая скорбь будетъ лучшимъ вѣнкомъ, какой когда-либо былъ возлагаемъ на Царственную Гробницу".

„*Temps*".

«Каждый заранѣе зналъ, какое потрясающее впечатлѣніе произведетъ во Франціи вѣсть о кончинѣ Императора Александра III. Труднѣе было предвидѣть то единодушіе, съ какимъ отнеслась къ этому горестному событію вся остальная Европа, въ самыхъ теплыхъ, искреннихъ выраженіяхъ свидѣтельствующая передъ Августѣйшею Вдовою и осиротѣвшей Царскою Семьей свои чувства глубокаго соболѣзнованія. Эти обѣ манифестаціи дополняютъ одна другую.

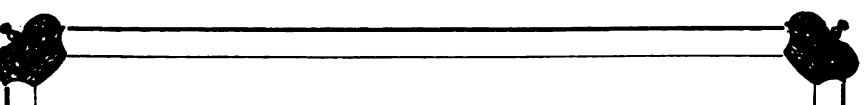
«Франція оплакиваетъ Монарха, первымъ протянувшаго ей руку со времени пережитаго ею

погрома, вернувшаго ей сознаніе ея международнаго значенія, и Который, преслѣдуя политику,—политику въ высшей степени раціональную,—умѣлъ заставлять дрожать самыя чувствительныя струнки народной души. Выраженіями почтительной хвалы и безграничнаго уваженія провожаетъ Европа къ мѣсту послѣдняго упокоенія Главу великаго государства, Который, ревниво оберегая интересы и права Своего народа, желалъ быть и былъ Покровителемъ всеобщаго мира. На Его могучихъ плечахъ покоилось все громадное зданіе международной безопасности и спокойствія.

«Печаль, вызванная Его кончиною въ сердцахъ иностраннаго народа, является лучшимъ доказательствомъ той громадной популярности, какою пользовался Онъ за предѣлами Своей страны. Нужно было стать очень высоко среди величайшихъ благодѣтелей человѣчества, чтобы пріобрѣсти всеобщее уваженіе и любовь Европы, населенной вѣчно враждующими между собою элементами.

«Это уваженіе и эту всемірную любовь Императоръ Александръ III пріобрѣлъ потому, что, проникнувъ въ сокровенныя желанія массы, Онъ выполнилъ ихъ со свойственными Ему твердостью и прямотою.

«Чтобы затронуть народную душу, недостаточно еще обыкновенной современной политики. Народный инстинктъ преклоняется и проникается уваженіемъ лишь передъ явленіями, выходящими



изъ ряда обыкновенныхъ; ему нужны проявленія героической воли, безпредѣльно высокой души. Никогда ни одинъ Монархъ до Него не умѣлъ такъ стройно сочетать понятія права съ сознаніемъ долга; Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ громадной отвѣтственности, тѣсно связанной съ безграничною властью, какой располагалъ Онъ, какъ Самодержецъ.

«Но это еще не все. Императоръ Александръ III Своею внѣшнею политикою доказалъ міру, какъ широки были Его убѣжденія, какъ великъ былъ Его характеръ, который, по мнѣнію поверхностныхъ и пристрастныхъ судей, могъ-бы быть названъ слабымъ, застѣнчивымъ.

«Но то, что совершилъ въ Европѣ покойный Императоръ, лучше всего говоритъ за то, какою высокою душою и желѣзною волею обладалъ Онъ».

„Temps“.

«Искреннее и глубокое горе Россіи вѣрнымъ эхомъ отозвалось во всей Франціи. Ничто такъ не сближаетъ, какъ общее горе. Французовъ часто упрекаютъ въ легкомысліи, въ неспособности къ воспринятію глубокихъ впечатлѣній, обвиняютъ въ излишнемъ скептицизмѣ,—событія послѣднихъ дней лучше всего доказали всю несправедливость подобныхъ обвиненій.

«Да будетъ позволено надѣяться, что эта нравственная солидарность переживетъ сегод-

няшнія печальныя событія, что взаимныя отношенія обѣихъ націй не подвергнутся никакимъ измѣненіямъ. Мы желаемъ этого не только въ силу однихъ политическихъ побужденій.

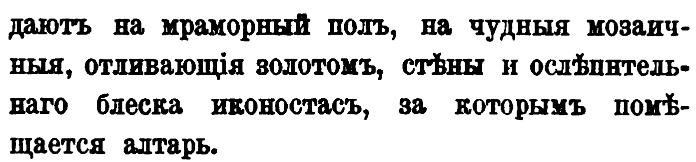
«Мы, конечно, болѣе, чѣмъ всѣ другіе народы, сознаемъ всю важность, въ интересахъ Франціи, Европы въ интересахъ цивилизаціи и мира, поддержанія и скрѣпленія тѣхъ узъ, коими связалъ почившій Монархъ нашу страну со Своею. Но на этотъ счетъ мы можемъ быть спокойны: Императоръ Николай II съ высокознаменательною поспѣшностью сказалъ и сдѣлалъ то, что нужно было для того, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія и оправдать завѣтныя надежды на будущее.

«Это будетъ не въ первый разъ, что изъ двухъ гробницъ, чтимыхъ обоими народами, — гробницъ президента Карно и Императора Александра III, — явится источникъ новой, болѣе возвышенной жизни».

«*Темрs*».

«Усыпальница Дома Романовыхъ, въ Петербургѣ, въ первый моментъ поражаетъ глазъ западнаго жителя, привыкшаго къ извѣстнымъ печальнымъ эмблемамъ, коими окружаютъ у насъ покойниковъ.

«Какъ и всѣ православныя церкви, Петропавловскій соборъ, помѣщающійся по срединѣ крѣпости того-же названія, имѣетъ высокія и широкія окна, сквозь которыя лучи свѣта па-



дають на мраморный полъ, на чудныя мозаичныя, отливающія золотомъ, стѣны и ослѣпительнаго блеска иконостасъ, за которымъ помѣщается алтарь.

«Соборъ поражаетъ въ одно и то-же время и величіемъ и красотою внутренней отдѣлки. Глубоко трогательную картину являютъ собою ряды гробницъ, въ которыхъ почиваютъ всѣ Члены Императорскаго Дома, начиная съ Петра I.

«Гробницы представляютъ собою продолговатыя глыбы бѣлаго мрамора; углы гробницъ украшены золотыми двуглавыми орлами. Надъ гробницами склоняются красивыя вѣтви рѣдкихъ пальмъ. Каждая гробница окружена бордюромъ живыхъ цвѣтовъ. Нѣжная азалія, гордая роза, красавица камелія утопаютъ въ яркомъ изумрудѣ влажнаго моха.

«Очевидно убранствомъ этого колоссальнаго будуара занимался не солдатъ и не священникъ. Убранство это представляется осуществленною мечтою любящей Царицы.

«Но, прежде, чѣмъ проникнуть подъ своды Фамильной усыпальницы, гробница Александра III, покрытая золотымъ покровомъ, была выставлена въ соборѣ Московскаго Кремля, гдѣ покоятся первые русскіе Цари, до Петра I.

«Въ Кремлѣ находится знаменитая колокольня Ивана Великаго, рядомъ съ которой, безъ всякой правильной планировки, расположены четыре церкви.

«По внѣшнему виду эти церкви совсѣмъ не

похожи на наши. Это большія строенія, вышиною въ три этажа кирпичнаго дома, увѣнчанные высокою крышею, на которой красуются пять традиціонныхъ куполовъ, покрытыхъ позолотою. Въ одной изъ этихъ церквей, Успенскомъ соборѣ, совершается обыкновенно Коронованіе. Рядомъ съ Успенскимъ соборомъ помѣщается соборъ Благовѣщенскій, подъ сводами котораго покоятся останки всѣхъ русскихъ Царей, бывшихъ до Петра Великаго.

«Двадцать седьмого мая 1883 года, Александръ III вышелъ изъ Успенскаго собора съ короною на головѣ и со скиптромъ въ рукахъ.

«Императоръ шелъ вмѣстѣ съ Императрицею; надъ Ними возвышался богатый, краснаго бархата, балдахинъ, украшенный желтыми перьями. Балдахинъ несли тридцать два генерала, въ числѣ которыхъ мы замѣтили Гурко, Лорисъ-Меликова и нѣкоторыхъ другихъ героевъ послѣдней турецкой кампаніи.

«Императорскій кортежъ, залитый яркими лучами солнца, показавшагося изъ-за тучъ послѣ непродолжительнаго дождя, медленно и торжественно подвигался по пути, устланному краснымъ сукномъ, по краямъ котораго шпалерами стояли кавалергарды. Несмѣтная толпа народа восторженно привѣтствовала Императорскую Чету. Звонъ тысячи колоколовъ, гулъ орудій, крики народа, всѣ эти звуки слились въ одинъ могучій, торжественный акордъ.

«Всѣ взоры, конечно, были сосредоточены на

Особѣ Его Величества. Онъ шелъ въ двухъ шагахъ впереди балдахина. Цвѣтущій здоровьемъ, полный силъ, съ золотою, усыпанною алмазами, короною, имѣя на плечахъ золотую парфиру, подбитую горностаемъ, Онъ, казалось, олицетворялъ Собою легендарный образъ Карла Великаго.

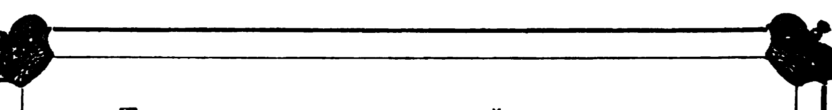
«Въ лѣвой рукѣ Онъ несъ Державу, увѣнчанную крестомъ, въ правой—скиптръ, украшенный алмазомъ въ сто девяносто пять каратъ, оцѣненнымъ въ двадцать милліоновъ и извѣстнымъ подъ названіемъ: «Горы Свѣта».

«Нѣсколько позади Императора, радостная и улыбающаяся, слѣдовала Императрица, также съ бриліантовою короною на головѣ и въ золотой парфирѣ, также подбитой горностаемъ. Великія Княжны несли шлейфъ Ея Величества.

«Императорская Чета прослѣдовала въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ Царь поклонился праху прежнихъ Царей, также носившихъ ту-же корону.

«Тогда мы всѣ были увѣрены, что пройдетъ по крайней мѣрѣ полъ-столѣтія, прежде нежели Онъ присоединится къ Своимъ предкамъ.

«И вотъ, сегодня утромъ, Онъ занялъ мѣсто среди московскихъ Царей, чтобы въ послѣдній разъ явиться тому самому народу, который двѣнадцать лѣтъ тому назадъ восторженно привѣтствовалъ Его въ томъ-же самомъ Кремлѣ. Изъ Москвы тѣло будетъ перевезено въ Петербургъ, для преданія землѣ въ церкви Петропавловскаго собора.



«Тамъ принесутъ свое послѣднее прости солдаты, которыхъ посылаетъ Францiя въ знакъ ея глубочайшаго почтенiя къ памяти почившаго Монарха.

«Туда-же будутъ посланы и многочисленные вѣнки, эмблемы нашей печали. Вѣнки эти останутся у гробницы, напоминая собою звѣнья той цѣпи, какою отнынѣ связаны оба народа.

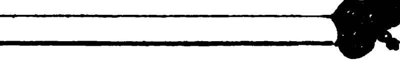
«Но уже и въ Кремлѣ Францiя имѣетъ своихъ представителей. Вся артиллерiя великой французской армiи находится въ Кремлѣ. Вотъ уже 82 года, что тысячи орудiй украшаютъ внѣшнiя стѣны соборовъ, арсенала и красивыми пирамидами стоятъ вдоль тротуаровъ.

«Какъ часто, во время пребыванiя въ Москвѣ, смотрѣлъ я на эти орудiя, являющiяся нѣмыми свидѣтелями нашей былой славы.

«На казенныхъ частяхъ орудiй выгравированы надписи, гласящiя, когда и гдѣ они были взяты. На одномъ читаешь—Кадиксъ, на другомъ—Неаполь. Всѣ эти орудiя были добыты цѣною крови нашихъ отцовъ, прошли чрезъ Испанiю, Францiю, Германiю, чтобы уже навсегда остаться въ стѣнахъ Кремля.

«Съ Кремля чудный видъ на Москву. Вправо, вдали, виднѣются Воробьевы горы, откуда шла великая армiя, въ конецъ истощенная, наполовину истребленная подъ Бородиномъ, но все же восхищенная и вдохновленная жалкимъ призракомъ побѣды.

«У ногъ моихъ разстилалась, утопая въ яркой



зелени садовъ, красавица Москва, колыбель русскихъ Царей.

«Но уже и тогда, въ 1883 году, внукъ тѣхъ, кто нѣкогда вступалъ въ Москву вмѣстѣ съ великою арміею, и изъ которыхъ немногимъ суждено было вернуться оттуда, чувствовалъ возрожденіе между обоими народами взаимныхъ симпатій, передъ которыми исчезаютъ всякія воспоминанія о былой борьбѣ и недоразумѣніяхъ.

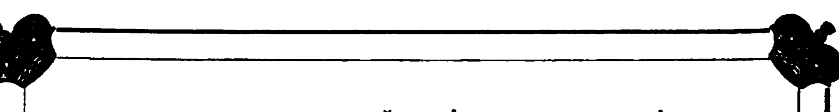
«Мнѣ не было стыдно смотрѣть на наши орудія, окружающія московскій Кремль. Знамена старой гвардіи, украшающія стѣны Казанскаго собора, равно какъ и русскія знамена, хранящіяся въ домѣ Инвалидовъ, казались внуку наполеоновскихъ героевъ залогомъ будущей дружбы и сближенія двухъ великихъ націй, которыя отнынѣ должны слѣдовать по одному и тому-же пути».

І. Корнели.
(Изъ газ. «Matin»).

«Потрясающее извѣстіе о кончинѣ Императора Александра III какъ громомъ поразило Францію, которая до послѣдней минуты ревниво лелѣяла въ своихъ сердцахъ тайную надежду на выздоровленіе Августѣйшаго больнаго.

«Александръ III отошелъ въ вѣчность, но великій образъ Его навсегда запечатлѣется въ памяти благодарныхъ народовъ.

«Въ печали, постигшей Россію и Францію,



есть одно великое утѣшеніе, это сознаніе, что великое дѣяніе, совершенное почившимъ Монархомъ, останется вѣчнымъ. Его здравый смыслъ, Его глубокое пониманіе нуждъ Своего народа и требованій времени, укрѣпили результаты Его царствованія на столь крѣпкихъ устояхъ, которые ничѣмъ не могутъ быть поколеблены.

«Какая перемѣна могла-бы остановить толчокъ, данный Державною рукою безпримѣрнаго Монарха дѣлу общественныхъ работъ, административнымъ установленіямъ, школьному дѣлу и военному развитію Его обширной Имперіи?

«Благодаря Его внѣшней и внутренней политикѣ, твердой и ясной, Императоръ Александръ III оставляетъ Своему сыну Россію могущественною, независимою ни отъ какихъ внѣшнихъ вліяній, увѣренною въ своемъ великомъ назначеніи.

«Онъ уничтожилъ революціонное движеніе, поднялъ финансы, возвысилъ духъ націи, столь дорогой Его сердцу; благодаря энергіи и непоколебимой волѣ, мудрости и стойкости характера, Онъ сталъ повелителемъ всѣхъ государей Европы.

«Его могущество, созданное умѣренностью, терпѣніемъ, яснымъ пониманіемъ всѣхъ нуждъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не умираютъ вмѣстѣ съ ихъ творцомъ.

«Кончина Императора была тиха, спокойно-величественна, какъ и вся Его жизнь; Его не смущали никакія угрызенія совѣсти, обыкновенно терзающія въ предсмертный часъ великихъ завоевателей, проливавшихъ людскую кровь.

«Новый Императоръ Николай II, принимая въ Свои Державныя руки скиптръ Предковъ, при жизни покойнаго Императора являлъ Собою примѣръ сыновней покорности. Онъ знаетъ, чтобы заслужить подобную же славу, Онъ долженъ продолжать дѣло и традиціи, созданныя Александромъ III.

«Преисполненный уваженія къ памяти покойнаго Родителя, Юный, двадцатишестилѣтній Монархъ, не уклонится съ пути, начертаннаго почившимъ Императоромъ.

«Онъ будетъ черпать необходимыя силы въ народной любви, въ преданности Своей великолѣпной арміи.

«Вступая на престолъ Предковъ, Императоръ Николай II еще не имѣетъ Своей личной исторіи, но славная исторія Его Династіи, Его расы, найдетъ въ Немъ вѣрнаго послѣдователя на благо Россіи и на мирное процвѣтаніе всего міра.

«Годъ тому назадъ всѣ города Франціи восторженно привѣтствовали Императора Александра III. На всѣхъ домахъ развивались русскіе и французскіе національные флаги. Этотъ восторженный энтузіазмъ уступилъ мѣсто глубокой печали. Мы вновь украшаемъ наши дома флагами, но на этотъ разъ перевитыми крепомъ.

«Россія и Франція, оплакивая Александра III, съ упованіемъ и довѣріемъ привѣтствуетъ Императора Николая II. Сердца обѣихъ націй продолжаютъ биться въ униссонъ. Общіе интересы

ихъ не измѣнились. Ихъ судьбы соединены волею людей и силою обстоятельствъ.

«Да здравствуетъ Царь Николай II!»

«Le Matin».

«Тотъ, кто внимательно и безпристрастно наблюдалъ всѣ эволюціи политики Россіи за послѣднюю четверть вѣка, тотъ, конечно, твердо убѣжденъ въ томъ, что перемѣна царствованія можетъ измѣнить характеръ дальнѣйшей дѣятельности Россіи, согласно темпераменту Новаго Монарха, но направленіе названной дѣятельности останется прежнее, да и не можетъ быть инымъ.

«Политика Россіи имѣетъ два поля дѣйствій: Европу и Азію. Въ Европѣ Россія имѣла до нѣкоторой степени общіе интересы съ центральными государствами, а также въ силу извѣстныхъ условій была заинтересована дѣлами Оттоманской имперіи, но это было только до тѣхъ поръ, пока государства центра были слабы и разъединены, а Оттоманская имперія, внутри предоставленная полнѣйшей анархіи, извнѣ-же находившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ Англіи, представляла собою источникъ вѣчныхъ безпорядковъ и постоянныхъ интригъ, направленныхъ противъ московской политики.

«Но, какъ только состоялось объединеніе Германіи, а также Италіи, окончательно отбросившее Австро-Венгрію отъ Альпъ къ Карпатамъ и

Балканамъ, какъ только была окончена кампанія 1877 года, измѣнившая положеніе Турціи и раскрывшая тайныя замыслы Австро-Венгріи на Константинополь, а Англіи на Малую Азію, то сейчасъ же зародилась мысль о франко-русскомъ сближеніи, въ то время какъ тройственный союзъ уже существовалъ. Внѣшнія формы франко-русскій союзъ принялъ лишь въ 1891 г., но въ дѣйствительности онъ уже былъ въ зародышѣ еще въ 1875 году, когда Россія сознала, что не слѣдуетъ допускать вторичнаго разгрома Франціи; въ 1877 году генералъ Игнатьевъ прибылъ въ Парижъ, чтобы отъ имени Императора Александра II обмѣняться взглядами съ герцогомъ Деказомъ о положеніи дѣлъ Турціи; наконецъ, отказъ Императора Александра II отъ участія въ новой политической комбинаціи центральныхъ государствъ Европы, комбинаціи, задуманной княземъ Бисмаркомъ въ 1879 году служатъ неоспаримыми доказательствами того, что уже тогда политика Россіи была направлена въ сторону Франціи.

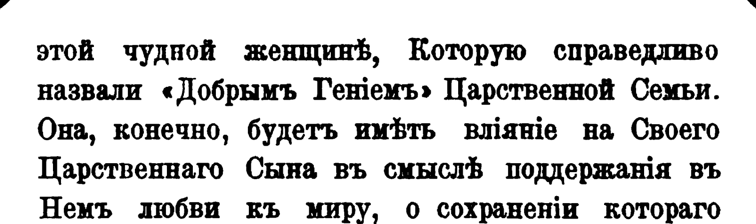
«Если бы это зависѣло отъ Его единичной воли, Императоръ Александръ III, конечно, сейчасъ-же по вступленіи на Престолъ заявилъ-бы предъ цѣлымъ свѣтомъ о существованіи франко-русскаго союза. Но въ началѣ Его царствованія были обстоятельства, препятствовавшія подобной демонстраціи. Старое нѣмецкое вліяніе при Русскомъ Дворѣ еще имѣло довольно сильное значеніе. Наконецъ, отчего не признаться, въ то

время египетскія дѣла еще не поссорили насъ съ Англіей и мы еще вѣрили въ дружбу Италіи. Какъ многіе изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, вѣрныхъ политикѣ Людовика-Филиппа и Наполеона III, увлекались надеждою на заключеніе союза съ правительствомъ королевы, а также не мало расчитывали на благодарность сына Виктора-Эммануила.

Вскорѣ вниманіе Александра III было отвлечено событіями въ Азіи. Несравненный Скобелевъ, оперировавшій въ Туркестанѣ, сталъ въ угрожающее положеніе относительно границъ Индіи. Съ той минуты Россія была поставлена въ невозможность дѣйствовать заодно съ Англіей. Въ Европѣ нѣмецкая пропаганда дѣлала быстрые успѣхи среди населенія Отзейскаго края,—съ другой стороны подъ давленіемъ политики тройственнаго союза, всѣ національности, независимость которыхъ была куплена цѣною русской крови, Сербія, Болгарія, Румынія начали агитировать и интриговать противъ своихъ освободителей. Тѣмъ временемъ и въ нашей политикѣ произошли крупныя перемѣны. Вызывающая политика Криспи, попытки тройственнаго союза пріобрѣсти вліяніе на дѣла Испаніи, измѣна Англіи, не сдержавшей своего слова въ египетскомъ вопросѣ, ея агитація въ Морокко, соперничество въ Сіамѣ и, наконецъ, ея безцеремонность по отношенію къ намъ въ дѣлѣ раздѣла африканскихъ земель между Германіей и Италіей, образумили нашихъ дипломатовъ старой

школы, убѣдили ихъ въ полной несбыточности надеждъ на заключеніе франко-англійскаго соглашенія. Тогда-то, и съ той и съ другой стороны сознали, что только франко-русскій союзъ можетъ создать достаточный противовѣсъ тройственному союзу и англо-итальянскому соглашенію. Кронштадтскіе тосты были отвѣтомъ на тосты Берлина и Специи. Появленіе затѣмъ русской эскадры въ водахъ Средиземнаго моря окончательно скрѣпило франко-русское сближеніе, такъ что даже и враги наши поспѣшили признать его.

Ясно, что эти самые враги съ завтрашняго же дня будутъ употреблять все усиліе къ тому, чтобы отвлечь юнаго Монарха отъ традицій внѣшней политики покойнаго Отца. Изъ Лондона, Берлина, Рима, Вѣны будутъ дѣлаться всевозможныя авансы, расточатся самыя широкія обѣщанія, чтобы только поколебать франко-русское соглашеніе. Одна изъ нѣмецкихъ газетъ сильно расчитываетъ на неопытность юнаго Императора. Мы увѣрены, что почтенную газету ожидаетъ горькое разочарованіе. Насколько до сихъ поръ извѣстно, завѣты Отца вполнѣ согласуются со взглядами Сына, и не только потому, что въ династіи Романовыхъ Наслѣдники почитаютъ Своимъ священнымъ долгомъ хранить завѣты Отцовъ, но также и потому, что Императоръ Николай II лично наблюдалъ благотворные результаты франко-русскаго сближенія. Мы не говоримъ объ Императрицѣ, объ



этой чудной женщинѣ, Которую справедливо назвали «Добрымъ Геніемъ» Царственной Семьи. Она, конечно, будетъ имѣть вліяніе на Своего Царственнаго Сына въ смыслѣ поддержанія въ Немъ любви къ миру, о сохраненіи котораго такъ заботился покойный Императоръ.

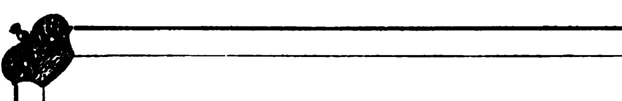
Затѣмъ, можно-ли допустить, чтобы Россія вернулась къ политикѣ нѣмецкаго вліянія, тѣсно связанной съ союзомъ съ Австро-Венгріей. Можно-ли представить себѣ Россію, сочувствующею австрійской политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ и покровительствующею германизаціи Балтійскихъ провинцій? Точно также невозможно, чтобы Россія отказалась отъ дальнѣйшаго преслѣдованія своей политики въ Азіи? Наконецъ, Россія никогда не оставитъ своимъ покровительствомъ мелкія народности, исповѣдующія православіе, какъ Греція, Черногорія, Арменія. Россія никогда не отдастъ въ руки Германіи ключи отъ Балтійскаго моря, точно также, какъ Англіи не удастся заполучить ключей отъ Средиземнаго моря.

«Оставимъ въ сторонѣ финансовые интересы, связывающіе Россію съ парижскимъ рынкомъ. Что-бы ни говорили финансисты тройственнаго союза, выдающіеся русскіе министры финансовъ не для того поощряли политику своего Императора, чтобы помѣстить во Франціи русскіе государственные фонды. Франція предоставила свои фонды въ распоряженіе Россіи потому, что слишкомъ увѣрена въ богатствѣ этой страны;

при населеніи въ сто двадцать милліоновъ, Россія имѣетъ всего-лишь восемнадцать милліардовъ долгу. Но если русскіе государственные люди, завязывая съ Франціей финансовыя отношенія, не имѣли въ виду политики франко-русскаго сближенія, то все-же перемѣна подобной политики можетъ весьма неблагопріятно отозваться на интересахъ имперіи, такъ какъ она потеряла-бы массу мелкихъ французскихъ капиталистовъ, всегда готовыхъ заподозрить Россію въ стремленіяхъ къ сближенію съ Германіей, съ цѣлью нарушенія европейскаго мира.

«Наши деревни, равно какъ и города, глубоко убѣждены въ томъ, что нѣтъ такого пункта на земномъ шарѣ, гдѣ-бы интересы Франціи моглибы встрѣтиться съ интересами Россіи, а потому Франція не имѣетъ причинъ отказывать въ посильномъ содѣйствіи въ развитіи и преуспѣваніи Россіи, являющейся защитницею всеобщаго мира. Это довѣріе нашего народа по отношенію къ русскимъ встрѣтило полное сочувствіе среди русскаго народа. Славяне туго воспринимаютъ впечатлѣнія; они не такъ-то скоро пришли къ убѣжденію, что французы относятся къ нимъ съ полною искренностью, и теперь, разъ вся нація прониклась подобнымъ сознаніемъ, было-бы въ высшей степени неблагоразумно отрывать ее отъ Франціи для того, чтобы бросить въ объятія Германіи и Англіи.

«Находясь на смертномъ одрѣ, изнемогая въ борьбѣ со страшнымъ недугомъ, обыкновенно



поражающимъ тружениковъ, Александръ III можетъ утѣшать себя сознаніемъ, что плоды совершенныхъ Имъ дѣяній, не умрутъ вмѣстѣ съ Нимъ.

«Франція никогда не забудетъ благодѣяній, оказанныхъ ей Императоромъ Александромъ III. Кончина Царя-Миротворца повергнетъ всю Францію въ глубокій національный трауръ.

Франсуа Делонкль,
Депутатъ.

«Франко-русская дружба уже не требовала никакихъ доказательствъ.

«Зачѣмъ же понадобилось, чтобы дружба эта явила еще новыя доказательства силы и прочности передъ смертнымъ одромъ Александра III. Дружба эта, вызывающая удивленіе и уваженіе всего міра, съ трогательною торжественностью сказалось въ глубокомъ горѣ обоихъ великихъ народовъ. Невозможно сказать для кого, для Запада или Востока Европы эта преждевременная смерть будетъ имѣть болѣе тяжкія послѣдствія.

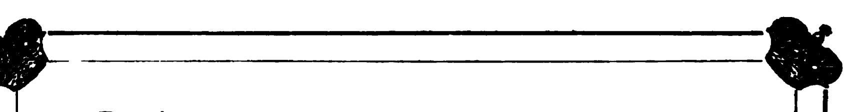
«Не только друзья, но и враги Его политики, словомъ, весь образованный міръ, стремящійся къ мирному процвѣтанію понесетъ съ Его кончиною громадную потерю.

«Никто не сдѣлалъ такъ много для дѣла мира, никто такъ сильно и искренно не стремился къ утвержденію всеобщаго спокойствія, дабы дать народамъ счастіе мирнаго процвѣтанія.

«Передъ Его твердою, непреклонною волею, неизмѣнно направленною ко благу человѣчества, покорно преклонялись даже и самые строптивые и воинственные политики. Всякій, сознавая всю идеальную чистоту Его стремленій, вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ также, что эта воля не умѣла отступать, и что разъ было задумано, то такъ и должно было случиться. Въ нашемъ народѣ, преклоняющемся предъ всѣмъ великодушнымъ и честнымъ, Онъ пробудилъ горячую къ себѣ любовь. Царь заговорилъ первый, скромно, но твердо и такимъ тономъ, что всѣ немедленно прониклись къ Нему чувствомъ полнаго довѣрія. Это довѣріе по отношенію къ иностранному, почти не знакомому Монарху, пробудило въ насъ вѣру въ самихъ себя, воскресило національную увѣренность.

«Со времени Кронштадта, когда Императоръ впервые пренебрегъ традиціями и оффиціальною осторожностью, и мощный голосъ Его былъ услышанъ далеко за морями благовѣйно внимавшими народами, русско-французскій союзъ получилъ свое основаніе. Это была минута, громадныя послѣдствія которой невозможно предугадать.

«Въ самой бѣдной лачугѣ, въ самыхъ глухихъ уголкахъ Франціи, самые неразвитые, наивные люди и тѣ были проникнуты радостнымъ сознаніемъ, что Франція вышла изъ своего изолированнаго положенія; всѣ сознавали, что значеніе тройственнаго союза поблѣднѣло, что у насъ есть могущественный союзникъ. Франція



и Россія, связанныя чувствомъ взаимной симпатіи и общностью интересовъ, прониклись сознаніемъ необходимости общей дружеской дѣятельности по пути прогресса и мирнаго процвѣтанія.

«Это отрадное сознаніе поможетъ намъ съ твердостью перенести посылаемое намъ тяжелое испытаніе. Но помимо горечи, вызванной безвременною и неожиданною утратою великаго благодѣтеля всего человѣчества, достойно заслужившаго безпредѣльную благодарность всѣхъ народовъ, въ сознаніи этихъ народовъ проснулось чувство безпокойства передъ неизвѣстнымъ будущимъ.

«Всѣ основанія, вызвавшія и закончившія наше сближеніе и понынѣ остаются въ прежней ихъ силѣ; ничто не пошатнулось въ зданіи, сооруженномъ Его великою мудростью и основанномъ на взаимныхъ симпатіяхъ обоихъ народовъ. Извѣстно намъ также и то, что новый Императоръ всегда горячо раздѣлялъ взгляды Своего почившаго Родителя. Но,—кто знаетъ, что можетъ случиться?

. . . .

«Почившій Монархъ былъ истиннымъ Миротворцемъ;—съ этимъ эпитетомъ Его имя перейдетъ и въ исторію.

«Я не стану распространяться о томъ, что съ неожиданною кончиною Императора мира, императоръ-войны остается одинъ, безъ надлежащаго надзора.

Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій, воспитатель великаго князя Александра Александровича.

и Р[illegible] взаимной си[illegible] [illegible] прониклись [illegible] [illegible] ческой [illegible] [illegible] наго проп[illegible]

[illegible] намъ [illegible] тяже[illegible] [illegible] ванной бе[illegible] [illegible] великаг[illegible] [illegible] заслу- [illegible] всѣхъ [illegible] спокойства [illegible]

[illegible] ланія, вызвав[illegible] законченн[illegible] сближеніе и нынѣ [illegible] въ пре[illegible] [illegible] силѣ; ничто не пошат[illegible] [illegible] зданія окруженномъ Его великою му[illegible] [illegible] взаимныхъ симпат[illegible] народ[illegible] [illegible] также [illegible] Им[illegible] [illegible] Своей [illegible] что мо- [illegible]

[illegible]

[illegible] императоръ-г[illegible] щаго надзора.

Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій, воспитатель великаго князя Александра Александровича.

«Было-бы безразсудно отдаваться слишкомъ уже пессимистическимъ предчувствіямъ. Будемъ вѣрить въ спасеніе Европы и народную мудрость. Пожелаемъ только, что-бы умиротворяющее начало, коимъ была проникнута политика покойнаго Императора Александра III, и какое завѣщалъ Онъ міру, оставалось въ прежней своей силѣ и послѣ Его кончины.

«Мы не сомнѣваемся въ томъ, что Его Августѣйшій Сынъ останется вѣренъ политикѣ мира; съ этой стороны мы вполнѣ спокойны.

«Уповаемъ мы также и на то, что никто не осмѣлится сбросить маску и всякъ устоитъ хотя бы изъ чувства нравственной и матеріальной боязни, передъ соблазномъ нарушить общее спокойствіе, — но, мы были-бы еще спокойнѣе, если-бы политическія стремленія покойнаго Императора находили большее сочувствіе въ тройственномъ союзѣ, неумѣющемъ скрыть свои слишкомъ уже жадные аппетиты».

Тристанъ (Эрнестъ Жюдэ).
(Petit Journal).

«Сердца всѣхъ французовъ погружены въ глубокую печаль! Послѣ тяжелой агоніи, Императоръ Александръ III скончался, унося съ Собою въ могилу благоговѣйное уваженіе всего міра, безграничную скорбь Своего народа и безпредѣльную благодарность Франціи.

«Съ свойственной этому великому уму даль-

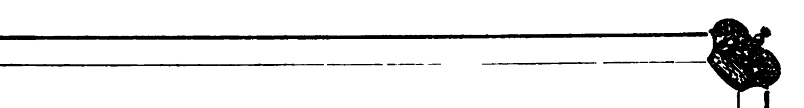
новидностью, почившій Императоръ созналъ, что интересы Россіи требуютъ сближенія съ Франціей, что необходимо установить европейское равновѣсіе путемъ заключенія союза между народами, населяющими Востокъ и Западъ европейскаго континента.

«Чтобы достигнуть этого соглашенія, Императоръ нашелъ средства, дѣйствительно способныя поразить воображеніе массъ. Не поступаясь Собственнымъ достоинствомъ, равно и не задѣвая нашей національной гордости, Онъ повѣдалъ міру о томъ, что Россія протянула руку Франціи, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить миръ.

«Былъ-ли бы Онъ въ состояніи всегда поддерживать созданный Имъ миръ? Эту тайну будущаго Онъ унесъ съ Собою въ преждевременную могилу. Во всякомъ случаѣ, если въ Его царствованіе и была-бы война, то навѣрное она была-бы вызвана серьезными и высокоблагородными побужденіями.

«Эта вѣра въ Него всѣхъ народовъ будетъ вѣчно окружать чуднымъ, лучезарнымъ ореоломъ память о Немъ. Многія историческія имена прославлены громкими, блестящими подвигами, но никто не заслуживалъ такой благодарности, ни чья кончина не вызывала столько слезъ, сколько проливается теперь надъ гробницею почившаго Монарха.

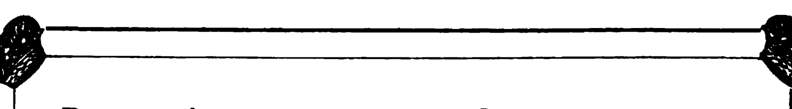
«Да почіетъ мирно въ вѣчномъ снѣ великій другъ французскаго народа.



«Россія устроитъ своему Императору великолѣпные, грандіозные похороны. Франція вся, безъ различія партій, единодушно присоединится къ скорьби, удручающей русскій народъ. Во Франціи не найдется ни одного дворца, ни одной самой бѣдной хижины, гдѣ-бы не оплакивали безвременную кончину Великаго Монарха; короче, —Франція погружена въ національный трауръ».

(*Le Petit Parisien*).

«Кажется за эти дни было сказано все, что можно было сказать о Великомъ Государѣ, въ теченіе двѣнадцатилѣтняго царствованія служившемъ примѣромъ не только для Своего народа, но и для всѣхъ остальныхъ монарховъ. По отношенію къ Своимъ народамъ Онъ являлъ Собою примѣръ великихъ добродѣтелей: неутомимой дѣятельности, глубокаго сознанія долга и поразительной послѣдовательности и силы воли, словомъ, всѣхъ качествъ, наименѣе свойственныхъ русской натурѣ. Монархамъ Онъ показалъ, чего можетъ достигнуть прямой и сильный умъ, не останавливающійся не передъ какими затрудненіями для достиженія разъ намѣченной и строго обдуманной цѣли; Онъ не подчинялся постороннимъ вліяніямъ, во всемъ была видна Его личная иниціатива. Благодаря этимъ высокимъ качествамъ, онъ быстро справился съ тѣмъ ужаснымъ положеніемъ, въ какомъ находилась Россія въ моментъ кончины Императора Александра II.



Въ теченіе немногихъ лѣтъ, Онъ водворилъ порядокъ и спокойствіе тамъ, гдѣ царили смута и крамола. Преслѣдуя политику мира, почившій Императоръ явилъ примѣръ великой воли. Чтобы упрочить мирное настроеніе Европы, Онъ не задумался радикально измѣнить направленіе политики Россіи, практиковавшейся Его предшественниками. Создавъ новыя политическія комбинаціи, Онъ даровалъ Европѣ миръ, прочный и благодѣтельный, за-то вся Европа, въ порывѣ благодарности, оплакиваетъ нынѣ безвременную кончину Великаго-Монарха-Миротворца.

«Старшій представитель французской миссіи, отправляющейся въ Петербургъ, чтобы присутствовать на погребеніи останковъ въ Бозѣ почившаго Императора, генералъ Буадефръ, и нашъ посолъ въ Петербургѣ, графъ Монтебелло, сумѣютъ обратить вниманіе Его Величества Императора Николая II на искреннее сочувствіе всей Франціи, оплакивающей кончину незабвеннаго Монарха. Телеграммы, вѣнки и иныя доказательства нашего сочувствія помогутъ представителямъ Франціи выполнить ихъ задачу. Впрочемъ, новый Императоръ и не нуждался ни въ какихъ съ нашей стороны проявленіяхъ симпатій и сочувствія, будучи въ нихъ заранѣе увѣренъ. По восшествіи на Престолъ, Императоръ Николай II въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ президента республики и нашу армію за выказанное ими сочувствіе по случаю горя, постигшаго Россію. Это милостивое вниманіе Его

Величества свидѣтельствуетъ о томъ, что политика Его покойнаго Родителя останется безъ всякаго измѣненія и при новомъ царствованіи. Высочайшій манифестъ, изданный по случаю Восшествія на Престолъ, утвердилъ въ народѣ увѣренность въ дальнѣйшемъ сохраненіи мира,— мира, главною опорою котораго служитъ франко-русское соглашеніе".

(*Journal des Débats*).

«При всей разумной осторожности, Императоръ Александръ III значительно увеличилъ территоріяльныя владѣнія Россіи, расширивъ и упрочивъ вліяніе Россіи въ Азіи. Онъ измѣнилъ нѣкоторыя условія берлинскаго тракта, касающіяся русскаго черноморскаго флота. Въ Европѣ Онъ занималъ самое завидное, самое прочное положеніе.

«Онъ хорошо понималъ, что германскій императоръ не можетъ пошевельнуться, не будучи увѣренъ въ нейтралитеатѣ Россіи. Европейскій миръ исключительно зависѣлъ отъ покойнаго Императора Александра III. Никто не смѣлъ начать войну безъ предварительнаго на то согласія Русскаго Императора, а такъ какъ по характеру Своему Александръ III былъ сторонникомъ мира, то никто и не получалъ Его согласія на веденіе войны.

«Никакая другая политика не могла-бы подготовить столь блестящаго положенія Его Наслѣднику. Почему-же бы Новый Императоръ сталъ

искать въ политикѣ новыхъ идеаловъ? Зачѣмъ-бы сталъ Онъ мѣнять ее?»

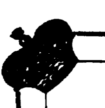
Ивонъ Гюйо.

(Бывшій министръ).

«Русскій народъ, обожавшій своего Монарха, и понимавшій все величіе Его ума и сердца, глубоко потрясенъ Его преждевременною кончиною.

«Во всѣхъ концахъ имперіи многомилліонное населеніе возносило Богу горячія молитвы объ исцѣленіи Царя отъ тяжкаго недуга. Франція также усердно молилась. Всѣ французы, безъ различія партій и общественнаго положенія, молились за спасеніе Того, Кто въ тяжелые для насъ дни былъ нашимъ великодушнымъ Покровителемъ, а затѣмъ сталъ нашимъ лучшимъ другомъ.

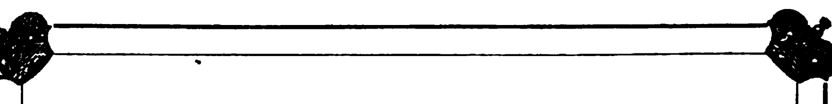
«Годъ этому назадъ, послѣ торжественнаго пріема, оказаннаго французскимъ морякамъ въ Кронштадтѣ, Франція, въ свою очередь, привѣтствовала на своей территоріи русскихъ моряковъ. Пріемъ, оказанный французскими представителями великой, дружественной націи, дышалъ неподдѣльною искренностью и тѣмъ восторгомъ, какому отдаются французы при встрѣчѣ съ милыми ихъ сердцу друзьями. Имя Императора Александра III повторялось и прославлялось во всей Франціи, и съ тѣхъ поръ у насъ не проходилъ ни одинъ національный праздникъ безъ того, чтобы французскіе національные флаги не



развѣвались рядомъ съ русскими національными цвѣтами.

«Какъ ни была подготовлена Европа къ тяжелой развязкѣ, извѣстіе о кончинѣ Императора Александра III поразило всѣ сердца глубокою печалью, точно всѣ уповали, надѣялись еще на возможность чудеснаго исцѣленія.

«Это общее чувство, испытываемое всѣми правительствами и всѣми народами, выражается глубоко-трогательными манифестаціями, свидѣтельствующими о томъ великомъ міровомъ значеніи какое имѣлъ отошедшій въ вѣчность Русскій Императоръ. Но нигдѣ кончина Незабвеннаго Монарха не оплакивается такъ искренно и горячо, какъ во Франціи. Горе Россіи есть въ тоже время и горе Франціи. Наше правительство было вѣрнымъ выразителемъ общихъ желаній страны, поспѣшивъ распорядиться достойнымъ чествованіемъ памяти Того, Кто въ самую критическую для насъ эпоху былъ самымъ искреннимъ и—единственнымъ нашимъ другомъ. Траурный крепъ, которымъ окутаны наши флаги, пусть скажетъ Россіи, а также и всей Европѣ, о томъ сердечномъ участіи, какое принимаемъ мы въ горѣ, постигшемъ дружественную намъ націю. Вся французская печать, безъ различія направленій, въ это печальные дни высказывается съ рѣдкимъ единодушіемъ. Всѣ наши газеты спѣшатъ въ почтительныхъ и глубокопрочувствованныхъ выраженіяхъ засвидѣтельствовать передъ Русскою Императорскою Семьею, удрученною



глубокимъ горемъ, чувства безпредѣльнаго соболѣзнованія, коими проникнута вся благодарная Франція.

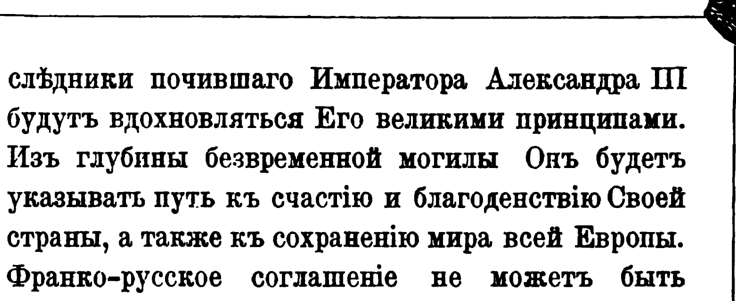
„Мы оплакиваемъ Императора Александра III не только какъ друга Франціи, но и какъ убѣжденнаго и могучаго защитника мира и блюстителя европейскаго равновѣсія. Его сильная и великая политика, вмѣстѣ съ мудростью и поразительною дальновидностью, а также строгою послѣдовательностью, создали Ему положеніе повелителя всѣхъ современныхъ государствъ. Его Собственная страна пріобрѣла первенствующее значеніе среди государствъ всего міра. Онъ оказывалъ неотразимое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодѣтельное вліяніе на всѣ современныя Ему событія.

«Съ того момента, какъ политика эта получила оффиціальную санкцію въ Кронштадтѣ; съ тѣхъ поръ, какъ неразрывные узы искренней дружбы связываютъ народы двухъ величайшихъ государствъ Запада и Востока, вся Европа поняла тотъ благодѣтельный переворотъ въ направленіи европейской политики, который заставилъ забыть всякія воинственныя стремленія, доставивъ народамъ возможность мирнаго благоденствія. Великій Монархъ великодушно протянулъ Франціи Свою Державную руку, и весь міръ сознавалъ, что съ той минуты Россія и Франція шли по одному пути, направленному къ умиротворенію современныхъ обществъ, установленію и поддержанію прочнаго мира.

«Тотъ, Кто былъ главною опорою этой миролюбивой и высокопросвѣщенной системы, сошелъ въ преждевременную могилу, и взволнованные, и потрясенные народы невольно останавливаются передъ вопросомъ: останутся-ли послѣ кончины Великаго Монарха, Его великіе, гуманные принципы. Что касается Насъ, то мы ни минуты не сомнѣваемся въ томъ, что политика, созданная почившимъ Императоромъ, останется въ ея прежней силѣ. Первенецъ Императора Александра III, вступающій на Всероссійскій престолъ, вмѣстѣ со скипетромъ унаслѣдуетъ также и политику, и традиціи Своего Родителя. Императоръ Николай II, еще будучи Наслѣдникомъ Престола, принималъ дѣятельное участіе въ заботахъ Своего Отца, вполнѣ сочувствуя политическимъ принципамъ почившаго Императора. Все говоритъ за то, что великая политика почившаго Монарха, найдетъ въ новомъ Императорѣ энергичнаго и убѣжденнаго послѣдователя.

«Императоръ Александръ III принадлежалъ къ тому типу Монарховъ, наиболѣе сильнымъ выразителемъ котораго былъ Петръ Великій. Сознавая нужды своего народа, великіе монархи завѣщали на цѣлые вѣка путь, по которому должны слѣдовать ихъ преемники.

«Всѣ наслѣдники Петра Великаго неуклонно слѣдовали по намѣченному имъ пути. Никто изъ нихъ ни забывалъ виликихъ завѣтовъ, создавшихъ славу и величіе Россіи. Точно также на-



слѣдники почившаго Императора Александра III будутъ вдохновляться Его великими принципами. Изъ глубины безвременной могилы Онъ будетъ указывать путь къ счастію и благоденствію Своей страны, а также къ сохраненію мира всей Европы. Франко-русское соглашеніе не можетъ быть признано явленіемъ случайнымъ, временнымъ; Оно необходимо, какъ основа европейскаго равновѣсія. Если для Франціи это соглашеніе является спасеніемъ и придаетъ намъ извѣстную увѣренность, то и для Россіи оно имѣетъ несомнѣнно важное значеніе. Оно основано не только на важнѣйшихъ интересахъ обѣихъ націй, но также и на чувствѣ ихъ взаимныхъ симпатій. Россія и Франція побратались за эти послѣдніе годы, сроднились настолько тѣсно, что отнынѣ никакія обстоятельства не въ состояніи будутъ поколебать этой дружбы. Офицеры и солдаты обѣихъ націй привыкли смотрѣть другъ на друга какъ на братьевъ, всегда готовыхъ сражаться вмѣстѣ, за общіе интересы. Россія и Франція навсегда соединены узами неразрывной дружбы».

(La Liberté).

«Императоръ Александръ III былъ сторонникомъ и энергичнымъ защитникомъ мира, во-первыхъ, вслѣдствіе природныхъ свойствъ Своего спокойнаго характера, а, во-вторыхъ, и потому, что въ мирѣ Онъ видѣлъ залогъ развитія и процвѣтанія Своей обширной Имперіи. Если у по-

чившаго Императора проявлялись страстные порывы, то они неизмѣнно относились къ желанію блага и счастія Своему народу.

«Покойный Императоръ былъ вполнѣ Русскій Царь... Онъ глубоко вѣрилъ въ Свою соціальную и религіозную миссію на землѣ: Онъ вѣрилъ въ Свой народъ, который, въ свою очередь, обожалъ своего Монарха. Можно смѣло сказать, что почившій Императоръ олицетворялъ Собою мысли и желанія Своего народа.

«Императоръ Александръ III былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ долга. Всегда искренній, прямой, стремящійся къ правдѣ и справедливости, ненавидящій всякую ложь, Онъ являлъ Собою примѣръ высокой честности. Всѣ эти великія достоинства создали Ему въ Европѣ поистинѣ завидное положеніе.

«Онъ отличался правильностью Своихъ взглядовъ; обладая несокрушимою волею, Онъ умѣлъ желать и добиваться желаемаго, выказывая при этомъ удивительное терпѣніе и строгую послѣдовательность. Совершившаяся по Его инціативѣ политическая эволюція была задумана Имъ послѣ того, какъ Германія обманула довѣріе Его покойнаго Родителя, разоривъ Россію во время Берлинскаго конгресса, лишившаго Россію всѣхъ выгодъ одержанной ею побѣды. Александръ III, однако, не спѣшилъ, понимая, что плоды, выращенные въ теплицахъ, бываютъ лишены и аромата, и вкуса. Онъ выждалъ, чтобы союзъ раньше запечатлѣлся въ сердцахъ обѣихъ націй,

послѣ чего Онъ уже оффиціально объявилъ міру о франко-русскомъ сближеніи, установившемъ европейское равновѣсіе, пошатнувшееся въ 1870 г.

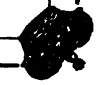
«Въ Лондонѣ и Берлинѣ почему-то возлагаютъ надежды на то, что Императоръ Николай II вернется къ политикѣ Своего Дѣда, Императора Александра II, и что нѣмецкое вліяніе пріобрѣтетъ въ Россіи прежнее значеніе. Думающіе такимъ образомъ впадаютъ въ жестокую ошибку.

«Императоръ Николай II слишкомъ любящій Сынъ, слишкомъ великій патріотъ, чтобы рѣшиться забыть политику Своего Родителя, поставившаго Россію на такой высокій пьедесталъ, на какомъ она еще никогда не находилась. Франція смотритъ на Него съ такимъ же точно довѣріемъ, съ какимъ привыкла она смотрѣть на почившаго Его Родителя».

Де-ла-Туръ.

«Сердца всей Франціи потрясены глубокимъ горемъ. У насъ, образъ почившаго Монарха представляется священнымъ, — неблагодарность никогда не была порокомъ Франціи. Франція умѣетъ не забывать, но умѣетъ также и надѣяться, и она надѣется.

«Франція, подобно Россіи, не можетъ не преклоняться передъ великими добродѣтелями почившаго Монарха; черты Его характера: прямодушіе, сознаніе долга, непреклонная воля, справедливость, глубокая вѣра въ Свою миссію, всегда



будутъ дороги какъ Россіи, такъ равно и Франціи.

«Этотъ Монархъ, повелѣвавшій половиною Европы и Азіи, исповѣдывалъ три религіи: религію Бога, религію отчизны и религію чести — магическія слова, прекрасныя вѣрованія, неистощимыя національныя силы!

«Когда эта страстная вѣра вдохновляетъ Императора и становится вѣрою имперіи, тогда Императору и имперіи не приходится бояться суда исторіи.

«Чтобы достойно оцѣнить великій образъ почившаго Императора, нужно оглянуться на пройденный Имъ путь неустаннаго труда и подвести итоги этой плодотворной дѣятельности.

«Вооруженіе и обезпеченіе границъ, утвержденіе закона, а также и русскаго языка среди тѣхъ, кто въ самой Россіи смотрѣлъ на нее какъ на иностранную землю, поднятіе финансоваго положенія страны, возрожденіе нравственной силы государства,—вотъ плоды неутомимой, хотя и кратковременной дѣятельности почившаго Монарха.

«Его имя всегда будетъ тѣсно связано съ франко-русскимъ соглашеніемъ, созданнымъ по Его личной инціативѣ. Союзъ этотъ, установивъ европейское равновѣсіе, далъ міру возможность вздохнуть свободною грудью.

«Кто-бы осмѣлился сдѣлать вызовъ этому Великому Монарху, стоявшему на стражѣ мира

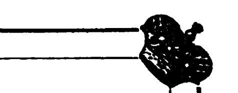
и вмѣстѣ съ тѣмъ не выпускавшаго изъ Своихъ Державныхъ рукъ эфеса грознаго меча.

«Слезы всего міра провожаютъ въ безвременную могилу почившаго Царя-Миротворца, но нигдѣ, не считая, конечно, Россіи, кончина Его не произвела столь потрясающаго впечатлѣнія, какъ во Франціи. Миръ праху Великаго Монарха. Его имя займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ на страницахъ міровой исторіи».

Люсьенъ Мильвуа.

«Въ настоящую минуту Россія являетъ собою картину рѣдкаго единодушія. Многомилліонное населеніе обширнѣйшей имперіи соединилось въ одномъ общемъ чувствѣ. На всемъ безпредѣльномъ пространствѣ земли Русской, отъ полярныхъ льдовъ до жгучихъ песковъ центральной Азіи, одна горячая молитва возносится къ Богу: «Господи, спаси Царя!»

«Русскій народъ молится не только за Императора, но и за горячо любимаго Отца, въ которомъ видитъ и властителя, и величайшаго благодѣтеля и покровителя. Въ лицѣ Царя сосредоточивается верховная власть судьи; Онъ кассируетъ несправедливые приговоры, утѣшаетъ и облегчаетъ участь обездоленныхъ. Жалобы послѣдняго изъ Его подданныхъ привлекаютъ Его вниманіе. Когда Онъ былъ здоровъ и силенъ, Онъ всегда самъ читалъ всѣ, поступившія на Его Имя, прошенія. Больной и слабый, Онъ по-



заботился, что бы дѣла милости Царской не терпѣли никакой задержки.

«Братство, милосердіе, справедливость. — добродѣтели, которыя у многихъ доктринеровъ не идутъ дальше словъ,—магическія слова, съ помощью которыхъ властители народовъ въ теченіе многихъ вѣковъ убаюкивали иллюзіи толпы!.. Императоръ вносилъ эти три слова въ основу Своей жизни и Своего царствованія.

«Эти слова не были написаны ни на стѣнахъ оффиціальныхъ зданій, ни даже на бумагѣ, но русскій народъ непрестанно чувствовалъ благодѣтельныя послѣдствія этихъ великихъ принциповъ. Вотъ почему Царь пользуется безграничною любовью Своихъ подданныхъ.

«Какъ въ православныхъ храмахъ, такъ и въ мечетяхъ, во всѣхъ дворцахъ и бѣднѣйшихъ хижинахъ, на всевозможныхъ языкахъ, всѣ русскіе подданные возносятъ къ Богу молитвы о спасеніи Царя.

«Французы! Вы, которые обязаны страдающему Императору нашимъ настоящимъ мирнымъ и обезпеченнымъ положеніемъ, что предпримите вы для того, чтобы въ Ливадіи и во всей Россіи знали о томъ участіи, какое принимаете вы въ печали, тяготѣющей надъ Россіей.

«Дайте полную свободу излиться вашимъ сердцамъ. Любите, думайте и надѣйтесь громко. Скромные труженики, не говорите себѣ: «Мы слишкомъ отдалены отъ Россіи, или,—мы слишкомъ ничтожны». Вы являетесь представителя-

ми французскаго народа, а между Россіей и Франціей нѣтъ больше никакихъ разстояній.

Въ минуты тяжкаго испытанія, болѣе чѣмъ когда либо, необходимо, чтобы Франція выказала глубокое чувство благодарности, коимъ преисполнена она по отношенію къ Императору и Императрицѣ Всея Россіи».

Люсьенъ Мильвуа.
(Редакторъ газеты «Patrie»).

«Императоръ Александръ III отошелъ въ вѣчность. Къ подножію гробницы, куда сошелъ самый справедливый, самый лоаяльный изъ монарховъ, Россія и Франція склонились въ безысходномъ горѣ. Чувство сожаленія охватило весь міръ; даже ненависть, и та молчитъ.

«Про почившаго Императора можно сказать то, что было сказано во Франціи о кончинѣ Тюренння: «Умеръ человѣкъ, дѣлавшій честь человѣку». Вѣрность разъ данному слову, отвращеніе ко лжи, любовь къ народу, всѣ—эти великія добродѣтели дѣлаютъ священною память о Немъ. Слезы падающія на его холодное чело, единственныя которыя Онъ заставилъ проливать.

«Государь, силою Своего авторитета, заставлялъ самыхъ воинственныхъ монарховъ, держать въ ножнахъ ихъ отточенные мечи; уже одно это достаточно ясно рисуетъ великій образъ почившаго Императора. Послѣдующія поколѣнія, изъ вѣка въ вѣкъ, будутъ благословлять эту славу, созданную безъ пролитія человѣческой крови.

«Болѣе счастливый, нежели многіе побѣдители, Онъ оставляетъ послѣ Себя дѣяніе, великое значеніе котораго не можетъ быть подорвано никакими угрозами; передъ нимъ безсильны и злоба, и зависть, и вѣроломство. Ни Германіи, ни Англіи не удастся проникнуть къ сердцу обширной имперіи, увѣренной въ самой себѣ, сознающей свою силу и могущей спокойно выждать время для того, чтобы по собственному желанію измѣнить судьбы народовъ.

«Канцлеръ, создавшій Германскую имперію изъ крови и огня, старый Варцинскій затворникъ, долженъ испытывать немалое безпокойство при видѣ Россіи, колѣнопреклоненной у подножія гробницы почившаго Императора, и безпредѣльно преданной Его законному Наслѣднику.

«Вся Россія оплакиваетъ своего Царя, какъ горячо любимаго отца.

«Эта смерть оставила во Франціи неизгладимый слѣдъ. Ея дыханіе коснулось насъ; Франція облеклась въ глубокій трауръ.

. . . .

«Въ то время какъ Россія отдаетъ послѣдній долгъ обожаемому Монарху, Франція, потрясенная безвременною кончиною Великаго Императора, оплакиваетъ память великодушнаго покровителя человѣчества.

«Франція отдаетъ иностранному Монарху такія посмертныя почести, о какихъ не упоминается еще ни разу въ исторіи всего міра.

«Это поразительное явленіе полезно принять

къ свѣдѣнію мыслителямъ и государственнымъ дѣятелямъ.

«Не мало говорилось и писалось о непостоянствѣ толпы, о несправедливости человѣческихъ сужденій, измѣнчивости международныхъ симпатій и неблагодарности народовъ.

«Французскій народъ являетъ собою полное опроверженіе всѣмъ этимъ философскимъ разсужденіямъ. Онъ не забылъ благодѣяній и остался вѣренъ дружбѣ. Картина прошлаго жива въ его воображеніи, на будущее взираетъ онъ съ прежнею непоколебимою увѣренностью.

«Враги Франціи стараются обратить въ смѣшную сторону выражаемыя нами по отношенію къ Россіи чувства симпатіи, называя ихъ сентиментальностью и легкомысліемъ. Но они сами не вѣрятъ въ справедливость собственныхъ разсужденій. Они прекрасно сознаютъ, что ни насмѣшками, ни клеветою, имъ не удастся порвать ту цѣпь взаимныхъ симпатій и общихъ интересовъ, которая связываетъ Россію и Францію.

«Выраженія нашей печали принимаютъ значеніе и характеръ обще-національной манифестаціи, въ которой принимаютъ участіе всѣ классы населенія Франціи. На этотъ разъ Франція являетъ собою картину рѣдкаго единодушія: правительство, парламентъ, буржуазія, рабочіе, крестьяне, всѣ соединились въ одномъ чувствѣ національнаго горя.

«Если есть во Франціи враги Россіи, то они во всякомъ случаѣ не смѣютъ объ этомъ за-

являть. Вся Францiя съ неудержимою силою стремится по направленiю къ Россiи.

«Намъ говорятъ иногда: «Вы идете слишкомъ быстро и можете зайти слишкомъ уже далеко». Мы твердо рѣшили не добиваться никакихъ другихъ союзовъ, мы не можемъ повѣрить привѣтливымъ улыбкамъ тѣхъ, кто измѣнилъ намъ, кто въ теченiе многихъ лѣтъ совершенно игнорировалъ наше существованiе.

«Мы на опытѣ узнали, что значитъ: германское великодушiе, лоаяльность Англiи и благодарность Италiи.

«Окруженные всевозможнаго рода опасностями, завистью и ненавистью, мы встрѣтили только одну великодушно протянувшуюся къ намъ руку, и эту руку подалъ намъ почившiй Императоръ Александръ III.

«Сердце народа не можетъ ошибаться. Оно преисполнено чувствомъ глубокой благодарности къ Тому, Кто вывелъ Францiю изъ того изолированнаго положенiя, въ какомъ находилась она со времени пережитаго ею разгрома. Установивъ европейское равновѣсiе, почившiй Императоръ вернулъ Францiи ея прежнее положенiе среди великихъ европейскихъ державъ.

«То, чего напрасно добивалась дипломатiя, путемъ свойственныхъ ей хитроумныхъ комбинацiй, то совершилъ въ Кронштадтѣ Русскiй Императоръ однимъ лишь Державнымъ словомъ Своимъ. Въ одинъ день уничтожилъ Онъ кровавые слѣды братоубiйственныхъ войнъ, Онъ далъ намъ но-

*

вую эру, и Францiя никогда не забудетъ Его. Память о Немъ будетъ священна для всѣхъ французовъ, какъ современныхъ, такъ и будущихъ поколѣнiй. Россiя оплакиваетъ обожаемаго Отца,— Францiя—незабвеннаго Друга.

„Францiя повергаетъ къ стопамъ Ея Величества вдовствующей Императрицы выраженiя самаго искренняго соболѣзнованiя въ Ея неутѣшномъ горѣ.

„Царь и Царица горячо любили другъ друга. Въ Россiи, а можетъ быть даже и въ цѣломъ мiрѣ не было болѣе дружной, болѣе тѣсной семьи.

«Императрица была не только преданною супругою Императора; Она была воспитательницею Ихъ дѣтей; Императоръ дѣлился съ Нею всѣми Своими мыслями.

«Вмѣстѣ съ Императоромъ избѣгла Она страшной опасности, чуть было не поразившей всю Императорскую Семью во время крушенiя Императорскаго поѣзда у станцiи Борки. Русскiй народъ видѣлъ въ Государынѣ Ангела хранителя Царской Семьи. Въ горѣ, постигшемъ Ея Величество, нужно сожалѣть не столько Императрицу, сколько любящую жену. Да почерпнетъ Она въ Своемъ великомъ горѣ, хотя нѣкоторое утѣшенiе въ томъ сочувствiи, проявленiя котораго Она видитъ со всѣхъ сторонъ.

«Ея трауръ раздѣлятъ всѣ женщины Францiи. Чудный образъ Императрицы, оплакивающей утрату горячо любимаго Супруга, вызываетъ не-

вольныя слезы на глазахъ французскихъ женъ и матерей».

Люсьенъ Мильвуа.
(Редакторъ газеты «Patrie»).

„Вся французская нація повержена въ глубокую печаль. Мы являемъ міру доказательство того, насколько сильно и искренно симпатизируемъ мы Россіи.

«Франція преклоняется передъ памятью Великаго Монарха, въ Которомъ видѣла сильнаго друга, искренняго защитника ея интересовъ и покровителя мира, столь желаемаго всѣми народами.

«Возможно-ли, да и умѣстно-ли, дѣлать предположенія о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ повлечь за собою кончина Императора-Миротворца?

«Нужно-ли думать, что кончина Императора Александра III, олицетворявшаго Собою идею франко-русскаго соглашенія, произведетъ переворотъ въ политическомъ мірѣ?

«Конечно, это было громаднымъ несчастьемъ для всей Европы, для всего человѣчества, такъ какъ никто не подготовленъ къ подобному явленію. Но основы, положенныя почившимъ Императоромъ въ созданную Имъ политику слишкомъ солидны. Франко-русское соглашеніе зиждется не только на взаимныхъ интересахъ, но также и на глубокихъ нравственныхъ началахъ.

«Это должна понять Европа, мы-же пребываемъ

въ полной увѣренности, что нашей дружбѣ къ Россіи не угрожаетъ никакая опасность.

«Оплакивая безвременную кончину Великаго Монарха, вся Франція колѣнопреклоненно молиться объ упокоеніи Его души».

«Помните, какую картину представлялъ собою Парижъ годъ тому назадъ?

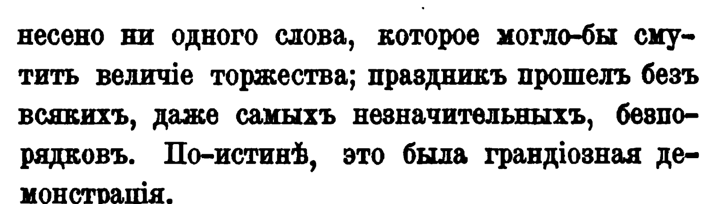
«Мы принимали тогда у себя офицеровъ русской эскадры. Императоръ прислалъ намъ тогда изъ Копенгагена телеграмму, въ которой, въ высоко-милостивыхъ выраженіяхъ, высказалъ Свое расположеніе по отношенію къ французскому народу. Чувствовалась необходимость открыто, въ глазахъ всего міра, скрѣпить союзъ, начало которому было положено въ Кронштадтѣ.

«Всѣ сердца были переполнены чувствомъ радости, отражавшемся на всѣхъ лицахъ. Стѣны, окна, самыя улицы были увѣшаны русскими и французскими національными флагами. Со всѣхъ сторонъ слышались крики: «Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ Царь!»

«Зрѣлище, которому не было подобнаго; величественное, сильное, незабвенное!

«Парижъ, своимъ спокойствіемъ и въ тоже время патріотическимъ энтузіазмомъ, явилъ всему міру доказательство своей осторожности и могущества.

«Ни одна нота не нарушила гермоніи всеобщаго восторженнаго настроенія; не было произ-



несено ни одного слова, которое могло-бы смутить величіе торжества; праздникъ прошелъ безъ всякихъ, даже самыхъ незначительныхъ, безпорядковъ. По-истинѣ, это была грандіозная демонстрація.

«Сегодня Парижъ молчаливъ и угрюмъ.

«Обшитые крепомъ флаги развѣваются надъ домами.

«Съ каждымъ днемъ, со страхомъ ожидали роковой вѣсти о кончинѣ Императора. Надежды на выздоровленіе не было.

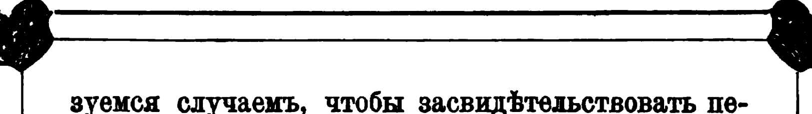
«Недѣли двѣ тому назадъ мы еще писали: «Всѣ французы возносятъ къ Богу горячія молитвы о спасеніи Царя!»

«Но, уже и тогда мы мало вѣрили въ возможность благопріятнаго исхода болѣзни, сведшей въ преждевременную могилу Того, Кто будетъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Александра Справедливаго.

«Воля судьбы свершилась. Не нужно падать духомъ; нужно смѣло встрѣтить тяжелое испытаніе и безбоязненно взглянуть въ лицо будущаго.

«Сплотимся тѣснѣе, запасемся оружіемъ, наполнимъ наши арсеналы, а главное—употребимъ всѣ наши усилія къ тому, чтобы поддержать союзъ, созданный почившимъ Императоромъ, и который Онъ завѣщалъ Своему Сыну, Императору Николаю II.

«Мы не должны забывать исторической манифестаціи 13-го октября 1893 г., и воспользоваться



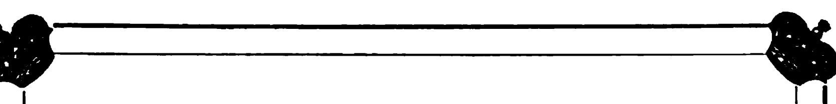
зуемся случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ міромъ, что наши симпатіи по отношенію къ Россіи отнюдь не измѣнились, да и не могутъ никогда измѣниться».

Даврилльэ де-Ессардъ.

Совѣтникъ Парижскаго муниципалитета.

«Царь умираетъ. Оставивъ въ сторонѣ всѣ оффиціальныя выраженія, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ, можно съ увѣренностью сказать, что вся Франція, безъ различія партій и классовъ, будетъ глубоко потрясена кончиною великодушнаго Монарха, протянувшаго ей Свою Державную руку въ самый критическій для нея моментъ. Съ 1870 г. мы не имѣли въ Европѣ друзей... Большое преступленіе быть побѣжденнымъ.....

«Африка и Азія представляются полями сраженій. Италія смотритъ на насъ очень косо. Австрія не желаетъ намъ зла, но все-же запасается про насъ сильными батальонами. Венгрія, любящая насъ, первая подала мысль о созданіи тройственнаго союза. Съ Англіей мы ссоримся на всѣхъ пунктахъ земнаго шара. И хищная Германія, отъ всей души ненавидящая насъ, предлагаетъ намъ руку, дабы получить возможность въ мирѣ переварить добычу, отнятую у насъ цѣною войны. Какъ при такихъ условіяхъ не обрадоваться дружбѣ съ Россіей, апплодировавшей результатамъ франко-германской войны, дав-

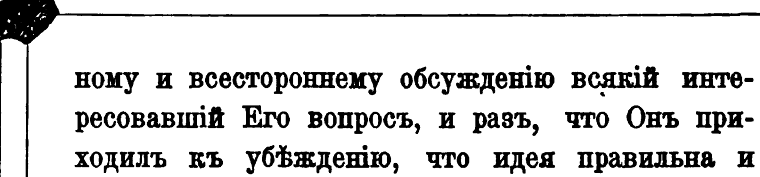


шей ей возможность разорвать парижскій трактатъ. Но въ то же время Россія была сильно заинтересована сохраненіемъ могущества Франціи, вотъ почему она и не допустила окончательнаго нашего разоренія.

«Мы никогда не разсчитывали на помощь въ томъ случаѣ, если-бы мы отъ своего имени объявили войну. Но, завтра, какъ и сегодня, вызывающій тройственный союзъ будетъ имѣть дѣло уже не только съ одною Франціей. Конечно, мы желаемъ мира; Бисмаркъ пропустилъ въ 1875 г. удобный случай окончательно раздавить насъ, а теперь и самъ германскій императоръ, волей, неволей, долженъ говорить о мирѣ. Но когда всѣ народы, желая мира, готовятся къ войнѣ, когда европейскій континентъ, гдѣ сталкиваются постоянно столь различные интересы, представляетъ собою обширный военный лагерь, самое незначительное перемѣщеніе европейскихъ силъ можетъ повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія.

«Въ этомъ смыслѣ кончина Императора Александра III значительно ослабитъ гарантію сохраненія мира. Личный авторитетъ почившаго Монарха заставлялъ германскаго императора сдерживать свои воинственныя стремленія. Онъ подчинялся спокойной, но твердой волѣ Великаго Миротворца».

«Одаренный прямымъ и глубокимъ умомъ, Императоръ Александръ III подвергалъ тщатель-



ному и всестороннему обсужденію всякій интересовавшій Его вопросъ, и разъ, что Онъ приходилъ къ убѣжденію, что идея правильна и полезна, Онъ умѣлъ провести ее въ жизнь, не взирая ни на какія затрудненія. Покойный Императоръ питалъ физіологическое отвращеніе къ войнѣ. Онъ обладалъ еще и другимъ высокимъ достоинствомъ, совершенно незнакомымъ германскому императору,—терпѣніемъ. Располагая громадными военными силами, Онъ не пожелалъ воспользоваться ими.

«Когда Императоръ Александръ III убѣдился въ искренности миролюбивыхъ стремленій французской республики, Онъ сдѣлался другомъ Франціи, о чемъ повѣдалъ всему міру въ дни Кронштадтскихъ манифестацій, когда Русскій Императоръ всталъ, чтобы выслушать марсельезу. Что ни говорили потомъ, несомнѣнно одно, что послѣ Кронштадта миръ Европы былъ вполнѣ обезпеченъ; Европа перестала быть въ зависимости отъ капризной воли Вильгельма II. Ему было сдѣлано весьма внушительное предостереженіе; онъ понялъ его и, со свойственною ему гибкостью, подчинился новому положенію вещей. Онъ самъ сталъ проповѣдывать миръ, и такъ вошелъ въ роль апостола мира, что, вѣроятно, и самъ-бы удивился, если-бы ему напомнили о его недавнихъ воинственныхъ стремленіяхъ.

«Въ лицѣ Императора Александра III Европа теряетъ главную гарантію мира. Всегда спокойный, увѣренный въ Своихъ дѣйствіяхъ, почив-

шій Монархъ умѣлъ устранять причины, которыя могли-бы повлечь за собою вооруженное столкновеніе. Равновѣсіе континентальныхъ государствъ теряетъ сильную нравственную поддержку».

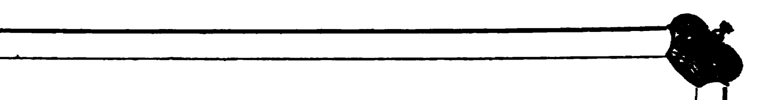
Ж. Клемансо.

(*Бывшій депутатъ, редакторъ газеты «Justice»*).

«Смерть Императора Александра III будетъ большимъ несчастіемъ не только для Россіи, но и для Франціи, и также и для всей Европы.

«Германія, Австрія и Италія заключили союзъ, направленный противъ Франціи. Государства эти старались увѣрить всѣхъ, что созданная ими политическая комбинація исключительно преслѣдуетъ миролюбивыя стремленія. Казалось, какъ будто безъ тройственнаго союза, Франція въ одинъ прекрасный день нагрянула-бы сначала на Германію, затѣмъ на Австрію, и, наконецъ, на Италію, ту самую Италію, которой Франція-же помогла освободиться отъ австрійцевъ.

«Итакъ, тройственный союзъ не имѣлъ другой цѣли, кромѣ поддержанія мира. Къ сожалѣнію, чѣмъ больше убѣждалъ названный союзъ въ миролюбіи своихъ стремленій, тѣмъ меньше ему вѣрили. Когда трое сговариваются противъ одного, то всегда представляется громадный соблазнъ воспользоваться подобнымъ преимуществомъ, тѣмъ болѣе тогда, когда каждый день вооруженнаго мира приближаетъ къ полному ра-



зоренію. Такимъ образомъ, Европа находилась подъ вѣчнымъ страхомъ войны, которая, при современномъ состояніи оружія, была-бы ужасною.

«Тогда-то, по знаку Императора Александра III Россія встала рядомъ съ Франціей, и сказала троимъ: «Насъ двое!»

«А такъ какъ эти двое стоили троихъ,—то Европа получила возможность вздохнуть свободною грудью.

«Горе Россіи будетъ также горемъ не только Франціи, но и всѣхъ тѣхъ, кто не желаетъ ужасной войны, кто не мечтаетъ обратить Европу въ груду костей.

«Но особенно будетъ потрясена Франція кончиною Императора Александра III, великодушно объявившаго Себя другомъ Франціи. Никогда Франція не забудетъ, что Русскій Императоръ, стоя и съ непокрытою головою, выслушалъ марсельезу, а затѣмъ посѣтилъ два французскихъ судна, а также не забудетъ Франція и всѣхъ остальныхъ знаковъ благоволенія, заставившихъ призадуматься нашихъ враговъ.

«Поклонимся же, въ порывѣ безпредѣльнаго уваженія и благодарности, великому другу, оставляющему этотъ міръ. Но и въ горѣ будемъ спокойны. Будемъ жалѣть о прошломъ, не смущаясь передъ будущимъ.

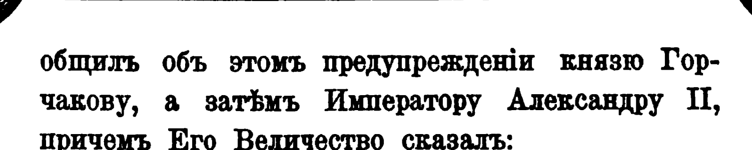
«Пріемъ, оказанный французскимъ морякамъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ, а затѣмъ пребываніе русскихъ моряковъ въ Тулонѣ и Парижѣ, доказали міру силу взаимныхъ симпатій, связывающихъ обѣ націи.

«Въ 1875 г., Бисмаркъ, раздраженный тою быстротою, съ какою мы уплатили всю сумму военной контрибуціи, а также и нашей энергіей въ дѣлѣ возстановленія арміи, пытался объявить намъ войну, чтобы не дать намъ возможности окончательно встать на ноги. Тогда французское правительство получило отъ одного изъ «главныхъ лицъ Европы» два письма, изъ которыхъ одно гласило: «Вамъ будетъ весною сдѣланъ вызовъ», другое-же заключало въ себѣ слѣдующее предостереженіе: «Планы перемѣнились,—война отложена до сентября».

«Нашъ посолъ при Русскомъ Императорскомъ Дворѣ, генералъ Ле-Фло, сообщилъ объ этихъ письмахъ Императору Александру II. Его Величество сказалъ генералу: «Будьте увѣрены во мнѣ. Общія интересы связываютъ обѣ наши страны».

«Будемъ терпѣливы. Взаимныя отношенія, въ основѣ которыхъ лежатъ чувства симпатіи и общность интересовъ, не могутъ быть не прочны».

«Въ 1875 г., Германія, убѣдившись, что мы еще не совсѣмъ добиты и что она только ранила насъ, стала мечтать о томъ, чтобы окончательно убить насъ. «Весною вы будете аттакованы»,—писало нашему правительству лицо, хорошо освѣдомленное въ дѣлахъ международной политики. Нашъ посолъ въ Петербургѣ со-



общилъ объ этомъ предупрежденіи князю Горчакову, а затѣмъ Императору Александру II, причемъ Его Величество сказалъ:

«Вы знаете, какъ расположенъ я къ вамъ лично; я вполнѣ довѣряю вамъ, довѣрьтесь же и вы мнѣ. Наши страны связываютъ общіе интересы, и если вамъ будетъ угрожать серьезная опасность, вы узнаете объ этомъ отъ Меня».

«По поводу этихъ милостивыхъ словъ Императора Александра II, бывшій въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ писалъ генералу Ле-Фло:

«Его Величество милостиво удостоилъ сказать вамъ, что Франція будетъ предупреждена на случай опасности, и что предупрежденіе это будетъ сдѣлано со стороны Императора. Мы безусловно ввѣряемся попеченію Его Величества. Даже въ томъ случаѣ, если Императоръ и Самъ не будетъ освѣдомленъ объ опасности, намъ угрожающей, то и тогда намъ нечего будетъ безпокоиться; Императоръ сумѣетъ достойно наказать обманувшихъ Его довѣріе».

«Эта телеграмма сопровождалась документами, касающимися военныхъ плановъ Германіи.

«Порученіе, которое герцогъ Деказъ далъ генералу Ле-Фло, было изъ самыхъ щекотливыхъ. Какимъ образомъ дать понять Императору, что Онъ можетъ быть обманутъ, и что въ такомъ случаѣ Франція разсчитываетъ на вооруженную помощь Россіи.

«Генералъ Ле-Фло сообщилъ о своемъ затрудненіи князю Горчакову. Князь лежалъ въ креслахъ, послѣ ушиба, полученнаго во время паденія изъ экипажа. Но когда генералъ Ле-Фло сообщилъ канцлеру содержаніе полученныхъ имъ документовъ, князь Горчаковъ вскочилъ на ноги, сказавъ:

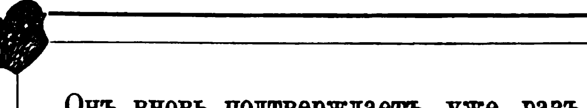
«Теперь не время подыскивать выраженія. Необходимо, чтобы Императоръ зналъ всю правду, а документы, подобные этимъ, лучше всего выяснятъ дѣйствительное положеніе вещей. Повѣрьте, я хорошо знаю Императора,—Онъ оцѣнитъ вашъ поступокъ, Вы можете сказать Ему многое».

И тутъ-же князь написалъ слѣдующее:

«Ваше Величество! Генералъ Ле-Фло только что сообщилъ мнѣ содержаніе полученныхъ имъ телеграммъ отъ своего правительства. Переговоривъ съ нимъ, я попросилъ его позволенія представить названныя телеграммы на благоусмотрѣніе Вашего Величества; онъ согласился и я имѣю честь препроводить ихъ Вашему Величеству».

«На другой день генералъ Ле-Фло получилъ отъ князя Горчакова слѣдующее письмо:

«Генералъ, Императоръ передалъ мнѣ сегодня утромъ, изъ рукъ въ руки, документы, которые вы мнѣ довѣрили, и вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ поручилъ мнѣ выразить вамъ благодарность за оказанное довѣріе. Его Величество, Государь Императоръ поручилъ мнѣ также сказать вамъ, что



Онъ вновь подтверждаетъ уже разъ сказанное вамъ лично».

«*Горчаковъ*».

«Сообщая объ этомъ герцогу Деказу, генералъ Ле-Фло писалъ:

«Узнавъ, что Францiя разсчитываетъ на вооруженную поддержку Россiи, Его Величество замѣтилъ, что это уже слишкомъ сильно. Но тутъ-же прибавилъ: «Мы устроимъ, что не придется обнажать оружiе».

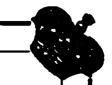
«И дѣйствительно,—не пришлось вынимать мечъ изъ ноженъ; на Францiю никто не осмѣлился напасть.

«Несомнѣнно одно, что общность франко-русскихъ интересовъ существовала не только при Императорѣ Александрѣ III, но и при Его Отцѣ, точно также, какъ она будетъ существовать и при Его Сынѣ».

«Кончина Императора Александра III является громадною потерей не только для Россiи, но и для Францiи, а также и для всей Европы.

«Напрасно тройственный союзъ старался всѣхъ увѣрить въ своихъ исключительно миролюбивыхъ стремленiяхъ.

«Съ тѣхъ поръ какъ Германiя, Австрiя и Италiя вошли въ соглашенiе, Европа, понимая, что союзъ троихъ противъ одной представляетъ громадный соблазнъ для политики аггрессивной, жила подъ постояннымъ страхомъ войны, которая при



нынѣшнихъ военно-техническихъ усовершенствованіяхъ, была ужасною.

«Европа вздохнула свободною грудью съ тѣхъ поръ, какъ Россія возстановила европейское равновѣсіе.

«Горе Россіи раздѣлятъ всѣ тѣ, кто не стремится сдѣлать изъ Европы театръ ужасной рѣзни.

«Но особенно сильно кончиною Императора Александра III огорчена Франція, считавшая Его своимъ сильнымъ и великодушнымъ Другомъ Поклонимся-же праху Великаго Монарха, оказавшаго Франціи незабвенныя услуги.

«Но, оплакивая кончину Императора Александра III, не будемъ падать духомъ. Пріемъ, оказанный французскимъ морякамъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, а затѣмъ пріемъ, оказанный нами русскимъ морякамъ въ Тулонѣ и Парижѣ, въ достаточной степени констатировали силу взаимныхъ симпатій, соединяющихъ обѣ націи. Французы никогда не забудутъ словъ, сказанныхъ Императоромъ Александромъ III нашему послу: «Довѣрьтесь мнѣ, общіе интересы связываютъ наши страны.»

«Отношенія между двумя націями, основанныя на чувствѣ взаимныхъ симпатій и общности интересовъ, не могутъ измѣниться».

Огюстъ Вакери.

(*Главный редакторъ газеты «Rappel»*).

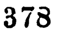
«Императоръ Александръ III умираетъ. Вѣсть эта повергла въ глубокую печаль, какъ Россію,

такъ и Францію. Его открытый характеръ, безупречная лоаяльность всѣхъ Его дѣйствій, твердость Его воли, уготовили Ему заранѣе наиболѣе почетное мѣсто среди именъ великихъ государей. Этотъ гигантъ, задумчивый взглядъ котораго оживлялся радостью только во время игръ съ дѣтьми, обладалъ, въ дѣлахъ политики двумя качествами, которыхъ нерѣдко бываютъ лишены люди геніальные: колоссальной силой воли и полнымъ равновѣсіемъ ума. Его предшественники, въ дѣлѣ цивилизаціи Россіи нерѣдко прибѣгали за совѣтами и примѣрами къ Швеціи, Англіи, Германіи. Послѣдняя съ восемнадцатаго столѣтія снабжала Россію своими чиновниками. Императоръ Александръ III имѣлъ то громадное преимущество, что Онъ былъ истинно русскимъ Царемъ и стремился, чтобы Россія была для Россіи, а не для Германіи.

«Я не думаю, чтобы между Россіей и Франціей существовало бы формальное соглашеніе, занесенное на бумагу и обусловленное извѣстными обязательствами какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Но между обѣими націями существуетъ болѣе прочное, болѣе вѣрное соглашеніе, основанное на общности интересовъ и чувствѣ взаимныхъ симпатій.

«Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, Россія должна желать усиленія Франціи, чтобы не дать въ руки тройственнаго союза судьбы Европы.

«Съ точки зрѣнія интересовъ частныхъ, Россія



находитъ на французскихъ рынкахъ тѣ милліоны, въ которыхъ она нуждается.

«Крымская война впервые выяснила существованіе взаимныхъ симпатій Франціи и Россіи. Наши солдаты братались съ русскими солдатами, а русскіе плѣнные находили въ нашихъ городахъ самый радушный, самый дружественный пріемъ. . . . .

. . . .

«Тѣмъ не менѣе Кронштадтъ былъ полною неожиданностью какъ для Европы, такъ равно и для самой Франціи. Тотъ, Кто предпочиталъ всегда дѣло—слову, совершилъ великое дѣяніе; Онъ открыто сталъ на нашу сторону. Посѣщеніемъ нашихъ судовъ Императоръ Александръ III не имѣлъ въ виду ни наступательной, ни оборонительной демонстраціи; Онъ желалъ только дать понять міру, что въ случаѣ нападенія на Францію, она будетъ имѣть сильнаго защитника.

«Измѣнится-ли русская политика съ кончиною Императора Александра III? По всей вѣроятности нѣтъ..... Въ виду тройственнаго союза—общаго порядка,—въ виду нужды въ деньгахъ—порядка финансоваго,—въ виду взаимныхъ симпатій Россіи и Франціи—положенія нравственнаго, мы полагаемъ, что франко-русская дружба останется въ прежней силѣ. Начиная съ 1870 г не только одни враги давали намъ чувствовать тяжесть, понесеннаго нами, пораженія, но и всѣ остальные народы своимъ презрѣніемъ, несравненно больше досаждали насъ, нежели враги, преслѣ-

довавшіе насъ своею ненавистью. Вотъ почему кончина Императора Александра III вызываетъ во всей Франціи такое искреннее и глубокое сочувствіе горю, постигшему русскій народъ. Этотъ Самодержавный Императоръ, этотъ властелинъ ста милліоновъ подданныхъ, этотъ идеальный Отецъ и человѣкъ, съ непокрытою головою, стоя на капитанской рубкѣ одного изъ нашихъ военныхъ судовъ слушалъ марсельезу! Этотъ великодушный поступокъ пробудилъ въ насъ чувство національной гордости и далъ возможность увѣренно и безбоязненно взглянуть въ будущее. Эти минуты Франція никогда не забудетъ!»

Тони Ревилльонъ.
(*Изъ газ. «Radical»*).

«Въ день, посвящаемый памяти дорогихъ покойниковъ, громадная толпа народа соберется на нашихъ кладбищахъ.

«Культъ смерти почитается въ настоящее время парижанами, какъ никогда; бываютъ дни, когда все населеніе Парижа проникается сознаніемъ величія смерти.

«На нашихъ глазахъ встаетъ картина символическаго погребенія, картина, позаимствованная Вакери у Кальдерона, въ его «погребеніи чести». Мы видимъ передъ собою цѣлый рядъ гробовъ, въ которыхъ покоятся не трупы, но умершія мысли, угасшія вѣрованія, разбитыя иллюзіи.

Все это обратилось въ состояніе труповъ, потерявшихъ жизненную искру.

«Бываютъ случаи,—говоритъ Лакордеръ—когда народы угасаютъ въ незамѣтной агоніи, къ которой они привязываются какъ къ сладкому и безмятежному отдыху; иногда погибаютъ они среди праздничнаго шума, воспѣвая побѣдные гимны и прославляя свое безсмертіе».

«Мысль, что мы присутствуемъ при погребеніи цѣлаго общества, выражается въ различныхъ формахъ даже по отношенію къ людямъ одной и той-же эпохи. Одни стараются прикрыться громкими тирадами о цивилизаціи и прогрессѣ, доказывая несостоятельность и лживость прогресса былыхъ временъ. Другимъ этотъ общій разгромъ внушаетъ одну лишь иронію. Наконецъ, есть и такіе, которые видятъ въ смерти нѣчто поэтически-меланхоличное и тихое, какъ свѣтъ погребальной свѣчи.

«Такъ думаемъ мы среди ноябрьскихъ тумановъ, въ то время, когда въ Ливадіи борется со смертью великодушный Монархъ, уносящій съ Собою въ могилу часть самихъ насъ, а также листы незаконченнаго патріотическаго романа, радовавшаго насъ за эти послѣдніе годы».

Эдуардъ Дрюмонъ.
(Редакторъ газ. «Libre Parole»).

«Извѣстіе, прибывшее къ намъ изъ Ливадіи, повергло всю Францію въ глубокую печаль, и

никогда еще праздникъ мертвыхъ не вызывалъ такого всеобщаго участія и тоски.

«Франція потеряла лучшаго друга, миръ Европы—утратилъ сильнаго и убѣжденнаго покровителя и защитника, человѣчество—лучшаго изъ своихъ сыновъ.

«Слова безсильны выразить то состояніе, въ какомъ находится въ настоящее время Франція, пораженная неожиданнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Того, Кто, по своему атлетическому тѣлосложенію, казалось, долженъ былъ прожить до глубокой старости.

«Libre parole», всегда радовавшаяся сближенію двухъ великихъ націй, сдѣлавшему ихъ неуязвимыми, теперь присоединяетъ свои искреннія слезы къ горю Россіи, оплакивающей своего обожаемаго Отца.

«Но передъ гробницею, куда положатъ прахъ безвременно почившаго великодушнѣйшаго и лучшаго изъ Монарховъ, Франція не должна поддаваться чувству отчаянія. Французскіе патріоты протянутъ руки патріотамъ Россіи.

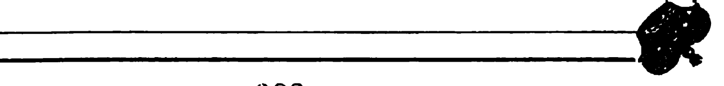
«Да здравствуетъ Россія!

«Да здравствуетъ Франція!»

«La Libre Parole».

«Императоръ Александръ III пораженъ тяжелымъ недугомъ.

«Покуда, спѣшимъ объявить, нѣтъ еще мѣста отчаянію; будемъ надѣяться. Императоръ отличается крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, но, вслѣдствіе



страшнаго переутомленія, Онъ чувствуетъ значительный упадокъ силъ. Болѣзнь не такъ-то легко побѣдитъ этотъ могучій организмъ, до сихъ поръ бодро выносившій страшную тяжесть самодержавной власти.

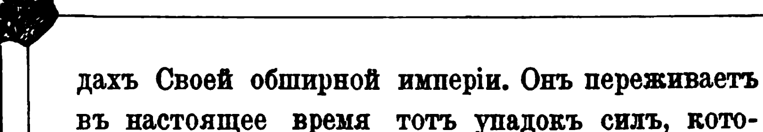
«Самъ Больной еще не думаетъ сдаваться. Европа является свидѣтельницею поистинѣ великой картины: Монархъ, пораженный тяжкимъ недугомъ, сопровождающимся мучительными страданіями, съ прежнимъ рвеніемъ предается Своимъ обычнымъ многосложнымъ занятіямъ.

«Императоръ Александръ III стяжалъ Себѣ неувядаемую славу, какъ Великій организаторъ Своей обширнѣйшей въ мірѣ имперіи, такъ и въ качествѣ хранителя мира вселенной.

«Мы преисполнены надежды, что исторія Его царствованія пополнится еще новыми, не менѣе славными страницами.

«Императоръ, какъ нѣкогда Людовикъ XIV, не довольствовался управленіемъ дѣлами государства чрезъ посредство министровъ. Самодержавный Властелинъ,—Онъ лично входилъ во всѣ подробности сложнаго государственнаго организма. Онъ являетъ Собою чудный образъ Царя, Отца, Императора, непрестанно пекущагося о благѣ Своего многомилліоннаго народа.

«Силы человѣческія, къ сожалѣнію, имѣютъ свой предѣлъ. Настаетъ часъ, когда слабое человѣческое существо требуетъ отдыха,—и этотъ часъ пробилъ для Императора Александра III, въ конецъ утомленнаго вѣчными заботами о нуж-

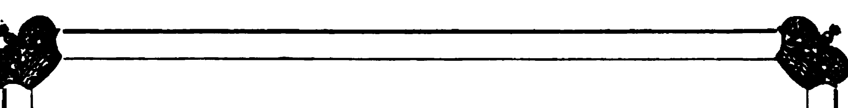


дахъ Своей обширной имперіи. Онъ переживаетъ въ настоящее время тотъ упадокъ силъ, который неизмѣнно слѣдуетъ за чрезмѣрною дѣятельностью.

«Онъ оправится отъ тяжкаго недуга; Его могучая натура осилитъ болѣзнь, да и молитвы всего міра о Его выздоровленіи будутъ услышаны Богомъ.

«Франція съ такимъ же лихорадочнымъ вниманіемъ, какъ и Россія, слѣдитъ за ходомъ болѣзни, удручающей Императора. Нашъ союзъ, болѣе прочный, нежели скрѣпленный формальнымъ договоромъ, союзъ, основанный на чувствѣ взаимныхъ симпатій, сблизившихъ между собою бывшихъ враговъ Москвы и Севастополя, съ особенною силою сказался въ эти послѣдніе дни общей печали. Христіанская Франція молится за Царя такъ же горячо, какъ и Россія. Въ данную минуту все наше духовенство, всѣ женщины и матери нашей страны молятъ Бога о ниспосланіи долгаго житія Тому, Кто отвратилъ отъ нихъ ужасную картину войны, Кто соединилъ двѣ великія націи узами неразрывной дружбы.

«Мы глубоко, искренно, горячо надѣемся, что наши молитвы будутъ услышаны и что въ непродолжительномъ времени какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Парижѣ, будутъ раздаваться молитвы благодарственныхъ молебновъ Царю Небесному за исцѣленіе, дарованное Царю земному».



«Исторія, суду которой будетъ подлежать великій образъ почившаго Императора, найдетъ обширный матеріалъ въ личности Его Величества Императора Александра III.

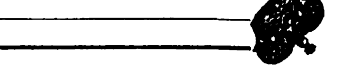
«Она, обозрѣвая Его мирное царствованіе, соберетъ богатую жатву дѣяній, которыя будутъ лучшими комментаріями Его философіи.

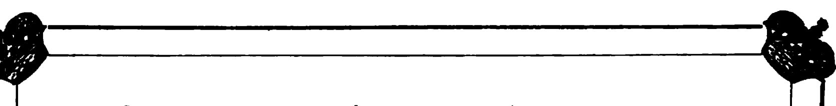
«Когда настанетъ время, позволяющее произвести общую оцѣнку всей Его жизни, тогда только увидимъ мы все величіе Его краткаго, но богатаго отрадными послѣдствіями царствованія, поймемъ всю красоту Его великой христіанской души.

«Кратковременное, къ глубокому сожалѣнію, царствованіе покойнаго Императора было проникнуто горячею вѣрой. Онъ обладалъ рѣдкими добродѣтелями; съ высоты трона Онъ являлъ Собою примѣръ удивительной чистоты нравовъ, безукоризненной честности. Никогда и ни въ чемъ не злоупотреблялъ Онъ Своею безграничною властью, неизмѣнно пользуясь ею исключительно для блага Своихъ подданныхъ.

«Гдѣ же тотъ источникъ, откуда черпалъ Онъ всѣ эти добродѣтели: непоколебимую волю, преданность долгу, наконецъ, тѣ громадныя силы, какія вложилъ Онъ въ дѣло управленія величайшей въ мірѣ имперіей?

«Самъ Царь указалъ намъ этотъ источникъ; вся Его жизнь, всѣ Его дѣянія были проникнуты глубоко религіознымъ чувствомъ. Въ Богѣ, въ религіи, черпалъ Онъ Свои силы.





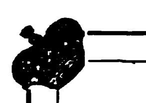
«Обратите вниманіе на подробности этихъ последнихъ дней, этихъ послѣднихъ лѣтъ. Будучи уже болѣнъ, Императоръ, стоя, присутствуетъ на богослуженіяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ нашихъ товарищей видѣлъ въ Копенгагенѣ, какъ молился Императоръ, и видъ горячо молившагося Царя произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Во всякихъ случаяхъ жизни Онъ всегда обращался къ Богу.

«Наконецъ, почувствовавъ приближеніе смерти, Императоръ, простившись со всѣми близкими, пригласилъ священника, съ которымъ и молился до послѣдней минуты.

«Такая смерть, послѣ такой жизни, является самымъ краснорѣчивымъ, самымъ убѣдительнымъ защитникомъ вѣры, столь пошатнувшейся въ нашъ вѣкъ сомнѣнія и атеизма».

«Императоръ Александръ III уже провелъ одну ночь подъ сводами могильнаго склепа, рядомъ съ которымъ помѣщаются гробницы всѣхъ Его предковъ. Отнынѣ навсегда мраморъ надгробія сокрылъ отъ насъ незабвенный образъ Великаго Монарха. Закрылись Его очи, чтобы вновь прозрѣть въ день страшнаго суда Господня. Покойся же въ мирѣ, Великій Государь!

«Бездыханное тѣло, послушно служившее великой душѣ, является доказательствомъ бренности всего человѣческаго. Но имя, выгравированное на камнѣ и запечатлѣнное въ сердцахъ человѣчества, будетъ вѣчно жить, свидѣтельствуя о



томъ, чего могутъ достигнуть христіанскій умъ, доброта, преданность долгу и горячая вѣра.

«Ни однѣ похороны не производили столь глубокаго впечатлѣнія, какъ погребеніе Царя-Миротворца. Вокругъ останковъ почившаго Императора—слезы многомилліоннаго народа, неподдѣльная тоска Его подданныхъ неразлучно слѣдуютъ за печальнымъ кортежомъ отъ Ливадіи до Москвы и Петербурга. Въ храмахъ всей Европы возносятся молитвы объ упокоеніи души Царя-Миротворца... Особенно глубокое впечатлѣніе кончина Императора произвела во Франціи; самый бѣдный рабочій, и тотъ, купивъ на послѣдній грошъ газету, обливаясь слезами, читаетъ трогательное описаніе послѣднихъ минутъ жизни Великаго Монарха. Никогда еще міръ не видалъ подобныхъ похоронъ.

«Міръ оплакиваетъ не только Монарха, совершившаго много великихъ дѣяній, но и человѣка, награжденнаго отъ Бога рѣдкими добродѣтелями, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ доброта.

«Императоръ Александръ III былъ безгранично добръ. Располагая безконтрольнымъ правомъ карать и миловать, Онъ никогда не злоупотреблялъ Своею безграничною властью. Онъ былъ силенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кротокъ и справедливъ. Онъ былъ истиннымъ Отцомъ Своего народа.

«Онъ былъ добръ, и этимъ объясняется та любовь, какую пріобрѣлъ Онъ среди всѣхъ народовъ.

«Вчера,—Кронштадтъ, мирный тріумфъ, тихія

семейныя радости, неустанный трудъ, счастливое сознаніе полезной жизни, полной силъ и цвѣтущаго здоровья,—сегодня—темная могила...

«На этой могилѣ, за отсутствіемъ краснорѣчія, мы можемъ вознести горячія молитвы.

«Царь Небесный! Будь милосердъ къ Тому, Кто на землѣ стремился быть отцомъ тѣхъ, чья участь была ввѣрена Его попеченію. Господи! Пошли великой, доброй, справедливой душѣ почившаго Монарха вѣчное блаженство».

«Исторія, занося на свои скрижали имя почившаго Императора Александра III, несомнѣнно будетъ искать эпитетъ, которымъ-бы сопровождалось это имя.

«Европа, въ порывѣ благодарности, произнесла: Императоръ Александръ Миротворецъ; русскій-же народъ скажетъ еще: Александръ Справедливый, Александръ Добрый. Но духъ философіи, присущій исторіи, не удовольствуется подобными эпитетами, подъ первымъ впечатлѣніемъ вырвавшимися отъ души. Исторія глубже и подробнѣе вникаетъ въ жизнь и дѣянія великихъ людей; исторія, дѣлая оцѣнку характера почившаго Монарха, несомнѣнно оставитъ за Нимъ эпитетъ: Александра Благочестиваго.

«Вы хорошо знакомы съ прекраснымъ образомъ, гравюры и фотографіи котораго столь популярны во Франціи. Въ этомъ чудномъ образѣ, помимо благородства, энергіи, доброты, отражается какой-то неземной свѣтъ, ставившій его

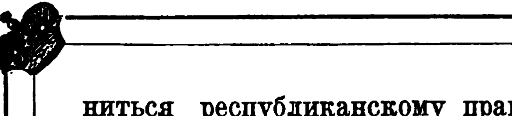
выше всего остальнаго человѣчества. Этотъ ясный свѣтъ, исходившій изъ Его очей, былъ зеркаломъ Его не менѣе лучезарной души. Сила Его христіанскаго ума проявлялась не только въ Его великихъ государственныхъ дѣяніяхъ, но и въ Его частной жизни. Заболѣваетъ Его Сынъ, и Онъ набожно, въ горячей молитвѣ склоняется предъ иконами. Россія переживаетъ тяжелую годину неурожая и голода,—Онъ молится и заставляетъ молиться. Отвратительная секта ищетъ Его гибели; чудеснымъ образомъ избѣжавъ грозившей Ему опасности,— Онъ обращается къ Своему народу съ манифестомъ, являющимся актомъ великаго милосердія.

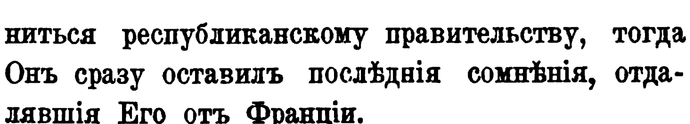
«Наконецъ, когда подходитъ смерть, когда слезы Его окружающихъ говорятъ Ему, что всякая надежда утрачена, когда Императоръ выслушалъ приговоръ врачей, тогда обратился Онъ къ Богу, Ему посвятилъ Онъ послѣднія минуты Своей благочестивой жизни.

«Тѣ, кто присутствовалъ въ Ливадіи при тихой агоніи почившаго Монарха, видѣли, какъ, протянувъ лѣвую руку обожаемой Супругѣ, а правую возлюбленному Сыну и Наслѣднику, Онъ, произнося слова святой молитвы, тихо отошелъ въ вѣчность. . . . .

. . . .

«Когда Царь, питавшій къ главѣ католической церкви глубокое уваженіе, что и доказалъ Онъ во время юбилея папы Льва XIII, услышалъ голосъ папы, призывавшаго католиковъ подчи-





ниться республиканскому правительству, тогда Онъ сразу оставилъ послѣднія сомнѣнія, отдалявшія Его отъ Франціи.

«Своимъ благотворнымъ вмѣшательствомъ папа Левъ XIII возстановилъ внутренній миръ Франціи, тогда какъ Императоръ Александръ III, великодушно протянувъ намъ Свою державную руку, обезпечилъ внѣшнюю безопасность Франціи, парализовавъ направленную противъ насъ алчную коалицію трехъ государствъ. . . . . .

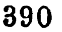
. . . .

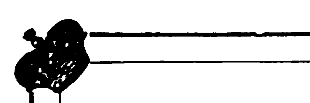
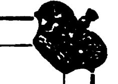
«Третьяго дня, во французскомъ «Народномъ домѣ» громадная аудиторія съ благоговѣніемъ слушала славную исторію франко-русскаго сближенія, генеалогію этой дружбы, которая беретъ начало со временъ Петра Великаго.

«Я испытывалъ всликую радость оратора, чувствующаго сочувствіе всей аудиторіи. Мое предположеніе, внушенное однимъ изъ моихъ друзей, объ открытіи подписки на сооруженіе памятника Императору Александру III на одной изъ лучшихъ площадей Парижа, было встрѣчено съ искреннимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ.

«Ахъ, тѣ, кто безразсудно извращаютъ понятіе объ отечествѣ, не понимаютъ, на какую святыню они посягаютъ; не сознаютъ, какую страшную опасность навлекаютъ они на свои головы.

«Я-бы желалъ, чтобы въ тотъ моментъ, когда двѣ тысячи гражданъ восторженно аплодировали моему предложенію, около меня находился одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые пропа-



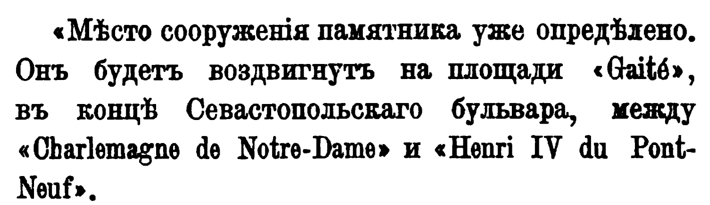
гандирують утопію, отрицая родину и проповѣдуя интернаціонализмъ.

«Онъ понялъ-бы, какъ мало знакома его партія съ народною душою, онъ во-очію убѣдился бы въ несокрушимой силѣ патріотизма, способной побѣдить всякія испытанія.

«Но въ залѣ были только одни добрые французы; счастливая мысль моего друга была принята единогласно, и, если Богъ благословитъ наше начинаніе, Царю-Миротворцу будетъ воздвигнутъ памятникъ въ столицѣ Франціи.

«Мы ни минуты не сомнѣваемся въ полномъ успѣхѣ предлагаемой нами подписки. Со всѣхъ концовъ Франціи провинціальные комитеты спѣшатъ увѣдомить центральный комитетъ національной Уніи о своемъ непремѣнномъ желаніи примкнуть къ названной подпискѣ; послѣдній бѣднякъ, и тотъ внесетъ посильную лепту на сооруженіе памятника Тому, Кто такъ много сдѣлалъ для Франціи. Россія будетъ знать, что Франція умѣетъ цѣнить и не забывать сдѣланнаго ей добра.

«Наши друзья дѣятельно хлопочутъ о скорѣйшемъ выполненіи этого плана. И вотъ, онъ уже принимаетъ болѣе грандіозные размѣры; теперь Франція, преисполненная чувствомъ благодарности, хочетъ увѣковѣчить память не только Великаго Царя-Миротворца, но и всю Россію со всѣми потомками Царя Петра Великаго, приведшихъ великую восточную націю къ ея сестрѣ Запада.


«Мѣсто сооруженія памятника уже опредѣлено. Онъ будетъ воздвигнутъ на площади «Gaité», въ концѣ Севастопольскаго бульвара, между «Charlemagne de Notre-Dame» и «Henri IV du Pont-Neuf».

«Подъ барельефами, которые будутъ напоминать великія царствованія Петра Великаго, Екатерины I и Екатерины II, будутъ отмѣчены дни и годы нашихъ заблужденій, дни славныхъ сраженій, въ которыхъ обѣ націи имѣли возможность оцѣнить и узнать другъ друга; выше этихъ надписей — Кронштадтъ и Тулонъ, и, наконецъ, статуя Творца франко-русскаго сближенія, Императора Александра III.

«Этотъ памятникъ, какъ я говорилъ уже въ «Народномъ домѣ,» будетъ вѣрнымъ хранителемъ лучшихъ чувствъ нашего народа, вызванныхъ незабвеннымъ великодушнымъ другомъ Франціи, Императоромъ Александромъ III».

Аббатъ Гарнье.
(Редакторъ газ. «Peuple français»).

«Этотъ Монархъ, натура котораго представлялась столь-же сильною, какъ и Его душа, этотъ человѣкъ—сорока девяти лѣтъ, еще такъ недавно сильный и здоровый, отошелъ въ иной міръ, сраженный недугомъ, явившимся прямымъ слѣдствіемъ переутомленія.

«Императоръ Александръ III скончался; до послѣдней минуты Онъ былъ твердъ и спокоенъ, какъ и во всю Свою жизнь, возбуждавшую

1885.

«Мѣсто сооруженія памятника уже опредѣл... Онъ будетъ воздвигнутъ на площади «Ga... въ к... Севастопольскаго бульвара, ме... «C... Notre-Dame» и «Henri IV du ... N...

... барельефами, которые будутъ нап... ...ія царствованія Петра Великаго, Е... терины I и Екатерины II, будутъ отмѣчены ... и годы нашихъ заблужденій, дни славныхъ ... женій, въ которыхъ обѣ націи имѣли воз... ность оцѣнить и узнать другъ друга; выше ... надписей — Кронштадтъ и Тулонъ, и, након... статуя Творца франко-русскаго сближенія, И... ператора Александра III.

«Этотъ памятникъ, какъ я говорилъ уже «Народномъ ...ѣ,» будетъ вѣрнымъ хранител... лучшихъ чувствъ нашего народа, вызванныхъ н... забвеннымъ великодушнымъ другомъ Франціи Императоромъ Александромъ III».

Аббатъ Гарнье.

(*Редакторъ газ. «Peuple français»*).

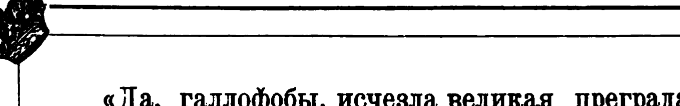
«Этотъ Монархъ, натура котораго предста... лялась столь-же сильною, какъ и Его ду... этотъ человѣкъ—сорока девяти лѣтъ, еще ... недавно сильный и здоровый, отошелъ въ ин... міръ, сраженный недугомъ, явившимся прям... слѣдствіемъ переутомленія.

«Императоръ Александръ III скончался; ... послѣдней минуты Онъ былъ твердъ и споко... какъ и во всю Свою жизнь, возбуждая...

1885.

восхищеніе всего міра. Лучшею оцѣнкою дѣятельности почившаго Монарха является то единодушіе, съ какимъ оплакиваютъ Его всѣ народы. Въ настоящую минуту вся Европа, узнавъ о кончинѣ Императора Александра III, переживаетъ чувство нѣкоторой тревоги. Славные завоеватели! Вы наполняете міръ шумомъ вашихъ побѣдъ, исторія хранитъ ваши имена и прославляетъ успѣхъ вашего оружія. Но когда разносится вѣсть о вашей кончинѣ, изъ всѣхъ устъ вырывается одинъ и тотъ-же короткій, но выразительный возгласъ: уфъ!.... Матери иначе отнесутся къ кончинѣ Императора Александра III.

«Во Франціи чувство безпокойства слабѣетъ передъ глубокимъ чувствомъ печали. Послѣ русскаго народа, никто такъ не убитъ горемъ, какъ мы. Увы! Мы хорошо сознаемъ, кого теряемъ въ лицѣ почившаго Монарха. Если, среди всеобщаго волненія и безпокойства, найдутся въ нѣкоторыхъ странахъ Европы люди, способные, не взирая на полную неизвѣстность относительно завтрашняго дня, испытывать въ тайникахъ души скрытую радость въ виду той свободы, какую пріобрѣтаютъ они въ дѣлѣ выполненія своихъ враждебныхъ по отношенію къ Франціи плановъ, то эти люди, являясь исконными нашими врагами, представляются печальными исключеніями. Наконецъ-то, — говорятъ они теперь,—мы получимъ возможность удовлетворить чувство волнующей насъ ненависти! Великая преграда замысламъ нашихъ враговъ рушилась!...



«Да, галлофобы, исчезла великая преграда, но все-же кое-что еще и осталось.

«Прежде всего осталась Францiя. Она оплакиваетъ Того, Кѣмъ восхищалась, Кого любила, Того, Кто вернулъ ей сознанiе ея національнаго достоинства. Она оплакиваетъ безконечно добраго и прямого человѣка. Если она и испытываетъ нѣкоторое чувство безпокойства, то все-же проливаемыя ею слезы свидѣтельствуютъ не о чувствѣ страха передъ будущимъ, но о дѣйствительномъ горѣ, испытываемомъ французскимъ народомъ. Францiя не имѣетъ причинъ бояться; она чувствуетъ себя сильною, объединенною противъ внѣшняго врага, способною внушить ему уваженiе къ себѣ. Галлофобы, — это серьезное препятствiе для вашихъ алчныхъ замысловъ.

«Остается Россiя. Союзъ, заключенный между двумя правительствами, нашелъ полное сочувствiе со стороны обѣихъ нацiй. Силу взаимныхъ симпатiй обоихъ народовъ въ достаточно ясной степени доказали Кронштадтъ и Тулонъ; наконецъ, каждый день несетъ съ собою еще новыя, вполнѣ убѣдительныя доказательства. Этотъ союзъ имѣетъ двойную силу: разумъ и сердце. Какъ въ дни радости, такъ и въ дни тяжелыхъ испытанiй, обѣ нацiи крѣпко держатся другъ за друга.

«Остается Русскiй Императоръ. Скончался Александръ III, но Царь не умираетъ. Все, что извѣстно объ Императорѣ Николаѣ II, даетъ намъ

возможность безбоязненно взирать на будущее. Молодой Императоръ обладаетъ спокойнымъ, но сильнымъ характеромъ, умомъ справедливымъ и разсудительнымъ. Онъ вполнѣ раздѣляетъ политическіе взгляды покойнаго Родителя Своего. Онъ, конечно, пожелаетъ слѣдовать по пути, завѣщанному почившимъ Императоромъ. Путь этотъ уже испытанъ и далъ самые блестящіе результаты.

«Наконецъ, остается великій примѣръ. Царствованіе Императора Александра III доказало, что можно пріобрѣсти безграничную любовь и уваженіе народовъ, даруя имъ блага мира. Очень долго полагали, что высшее и самое завидное для Монарха счастье, это прославить свое имя громкими побѣдами. Этою цѣною покупалось удивленіе и преклоненіе всего міра. Но когда увидѣли молодого Монарха, самаго могущественнаго, энергичнаго, испытанной храбрости, работающимъ на пользу мира, тогда только поняли, что можно быть великимъ, очень великимъ безъ всякихъ побѣдъ; Александръ III былъ великій Государь, потому что Онъ поддерживалъ миръ, отвѣчая самымъ искреннимъ желаніямъ народовъ. Тогда поняли, что есть нѣчто высшее, болѣе славное и великое, нежели громъ побѣдъ и завоеваній.

«Франція оплакиваетъ Императора Александра III потому, что Онъ протянулъ ей Свою сильную, державную руку. Во всей Европѣ воспоминаніе о Немъ пребудетъ на вѣчныя времена, окруженное уваженіемъ и признатель-

ностью за то, что Онъ не дозволялъ никому начинать войны безъ особо важныхъ, уважительныхъ причинъ».

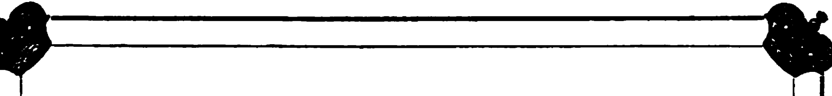
Пьеръ Веллыо. (de l'Univers).

«Вчера, послѣ полудня, въ Ливадійскомъ дворцѣ, тихо опочилъ Императоръ Александръ III, окруженный Своими близкими.

«Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно о недугѣ, поразившемъ Императора, со всѣхъ концовъ міра возносились горячія молитвы о выздоровленіи Августѣйшаго больного. Но воля Всевышняго свершилась;—не стало Великаго Монарха, Великаго человѣка! Многомилліонный народъ Его собирается въ соборахъ и церквахъ, что бы молиться объ упокоеніи души обожаемаго „Царя-Батюшки.“—Такъ, преисполненный сыновняго чувства называетъ русскій народъ своего Императора.

«Во Франціи вѣсть о кончинѣ Императора произвела потрясающее впечатлѣніе. Франція привыкла смотрѣть на Него, какъ на великодушнаго и вѣрнаго Друга. Франція благоговѣла передъ Его твердою волею, создавшею, не взирая ни на какія препятствія, союзъ двухъ народовъ,—союзъ прочный, и являющійся залогомъ продолжительнаго мира. Радуясь сближенію съ Россіей, французы увѣренно смотрѣли въ будущее, дѣлая разныя предположенія, куда приведетъ ихъ этотъ, давно желанный союзъ?...

«Нужно-ли теперь оставить всѣ эти надежды? Неожиданная, безвременная кончина, послѣдо-

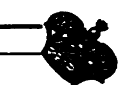


вавшая вскорѣ послѣ смерти графа Парижскаго и трагической кончины президента Карно, напоминаетъ намъ о томъ, что судьбы человѣчества находятся въ рукахъ Божіихъ. Онъ можетъ, наказанія нашего ради, терпѣть, чтобы страсти человѣческія слѣдовали своимъ путемъ, но Онъ можетъ также и обуздать ихъ и заставить восторжествовать Ему одному доступными средствами, которыя разбиваютъ всякія человѣческія предположенія.

«Въ ожиданіи дальнѣйшихъ указаній Провидѣнія, можемъ повторить, что Ливадійская катастрофа не оставляетъ насъ въ полномъ отчаяніи передъ злыми умыслами тройственнаго союза, къ которому, по всей справедливости, можно присоединить и Англію.

«Чтобы предупредить всякія случайности, Самъ Императоръ Александръ III пожелалъ придать франко-русскому сближенію особенно блестящій характеръ. Франко-русскія манифестаціи служатъ какъ-бы прелюдіей къ формальному союзу, основанному на военной конвенціи. Съ точки зрѣнія внѣшней политики, наслѣдіе, оставляемое Имъ Его Сыну заставляетъ насъ думать, что, Императоръ Николай II и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, будетъ точно слѣдовать политикѣ покойнаго Родителя Своего, прославившаго Россію и даровавшаго миръ міру».

Огюстъ Руссель.
(*Редакторъ газ. «Verité»*).



«Тяжелая развязка, за послѣднія недѣли приковывшая вниманіе всего міра, наконецъ стала фактомъ совершившимся: Императоръ Александръ III скончался вчера, 1-го ноября, въ два часа двадцать минутъ пополудни.

«Съ перваго-же момента, какъ только распространилась вѣсть о тяжкомъ недугѣ, поразившемъ Императора, исходъ болѣзни не оставлялъ уже никакихъ сомнѣній. Перемѣнныя извѣстія, встрѣчавшіяся на страницахъ прессы стараго и новаго свѣта, объясняются, какъ это и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, тою надеждою, какую питали всѣ Его близкіе на Его выздоровленіе. Наблюдая развитіе смертельнаго недуга, родные обыкновенно каждому незначительному облегченію радуются какъ признаку—увы, всегда обманчивому,—наступающаго выздоровленія.

«Вѣсть о кончинѣ Императора Александра III, пришедшая въ Парижъ вчера послѣ полудня, произвела самое удручающее впечатлѣніе. Въ лицѣ почившаго Императора Франція понесла громадную утрату; она лишилась великодушнаго и сильнаго друга.

«Съ точки зрѣнія политической, событіе это можетъ быть разсмотрѣно съ большимъ хладнокровіемъ. Лордъ Розберри сказалъ, что съ кончиною Императора Александра III Европа лишается самой сильной гарантіи мира; мы не думаемъ, чтобы онъ былъ вполнѣ правъ. Отнюдь не умаляя того громаднаго вліянія, какое имѣлъ покойный Императоръ на сохраненіе мира, мы

не видимъ причинъ предполагать, чтобы новый Императоръ былъ менѣе миролюбивъ, нежели Его Родитель. О новомъ Императорѣ мы имѣемъ самыя отрадныя свѣдѣнія, а потому съ нашей стороны было-бы дерзостью предполагать, что Онъ измѣнитъ политику Своего Родителя, политику, давшую столь блестящіе результаты.

«Наконецъ, общность интересовъ, сблизившая Россію съ Франціей, остается въ прежней силѣ; если Франція имѣетъ серьезныя причины дорожить союзомъ съ Россіей,—то и послѣдняя, въ свою очередь, имѣетъ не менѣе важные мотивы къ поддержанію названнаго союза. Достаточно бѣглаго взгляда на карту, самаго поверхностнаго обозрѣнія естественныхъ и традиціонныхъ стремленій, на современные интересы народовъ Европы, центральной и восточной, чтобы стали вполнѣ очевидны тѣ мотивы, которые влекутъ другъ къ другу Францію и Россію».

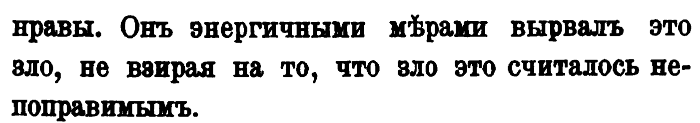
«*Le Monde*».

«Если-бы Онъ взглянулъ въ зеркало Своей жизни, Онъ увидѣлъ-бы глубоко отрадную картину содѣянныхъ Имъ благодѣяній.

«Императоръ Александръ III, вступая на престолъ, засталъ въ Россіи нигилизмъ въ полномъ разгарѣ; отовсюду эта возмутительная секта угрожала Ему опасностью.

«Онъ подавилъ нигилистическое движеніе.

«Ржавчина подтачивала имперію, разоряла народъ; жидовское ростовщичество вошло въ



нравы. Онъ энергичными мѣрами вырвалъ это зло, не взирая на то, что зло это считалось непоправимымъ.

«Бисмаркъ приготовился было къ войнѣ; война считалась неизбѣжною. Императоръ Александръ III выступилъ защитникомъ мира. Говорятъ, что Онъ получилъ отвращеніе къ войнѣ послѣ битвы подъ Плевной.

«Для болѣе прочнаго обезпеченія мира Ему нуженъ былъ союзъ съ Франціей.

«Если Онъ, не взирая ни на какія препятствія, поддерживалъ сближеніе съ Франціей, если Онъ довелъ это сближеніе до размѣровъ чрезвычайныхъ, не смотря на отсутствіе формальнаго договора, то съ такою-же энергіей и твердостью Онъ парировалъ всѣ воинственные замыслы Бисмарка. Ни о какомъ сближеніи съ Германіей Онъ и слышать не хотѣлъ. «На Берлинскомъ конгрессѣ, — говорилъ Онъ, — Я убѣдился въ томъ, что Германія желаетъ обмануть Россію».

«Свою азіатскую программу Онъ выполнилъ, не проливъ ни единой капли крови. Россійскія владѣнія подошли къ границамъ Индіи.

«Благодаря миру, Онъ построилъ желѣзнодорожные пути, изъ конца въ конецъ прорѣзавшіе необозримыя пространства степей: — въ одной Европейской Россіи въ Его царствованіе построены желѣзныя дороги, общее протяженіе которыхъ равняется одиннадцати тысячамъ километровъ.

«Наконецъ, при Немъ начато сооруженіе великаго Сибирскаго пути.

«Въ Его царствованіе народонаселеніе Россіи увеличилось на двадцать милліоновъ; въ настоящее время Россія насчитываетъ сто двадцать милліоновъ жителей.

«При Немъ государственные доходы увеличились съ 680 милліоновъ рублей до одного милліарда.

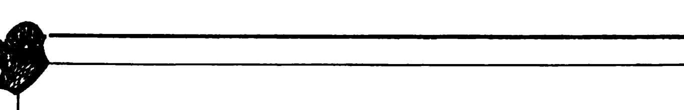
«Военный флотъ значительно увеличился. Русскія суда плаваютъ въ Средиземномъ морѣ, гдѣ они скоро будутъ имѣть свой опорный пунктъ.

«Онъ обладалъ даромъ глубоко вникать во всѣ вопросы, и разъ на что Онъ рѣшался, то уже никакія препятствія не могли заставить Его отказаться отъ намѣченнаго плана.

«Это именно тѣ качества, которыя могутъ реорганизовать имперію, а если эта имперія подобна Россіи, то можетъ быть реорганизованъ и весь міръ».

«Сегодня, девятнадцатаго октября, ровно годъ, какъ Парижъ, а за нимъ и вся Франція, восторженно кричали: «Да здравствуетъ Царь!» Особенно восторженно были настроены католики, когда, тоже въ этотъ день, адмиралъ Авеланъ, съ соизволенія Императора, посѣтилъ парижскаго кардинала.

«Въ этотъ-же день, кардиналъ издалъ пастырское посланіе, призывавшее всѣхъ вѣрующихъ въ соборъ, для принесенія благодарственнаго



молебна. Торжественное богослуженіе состоялось двадцать перваго октября.

«Прощаніе русскихъ съ населеніемъ Парижа, въ ночь на двадцать четвертое октября, вызвало пароксизмъ безпримѣрнаго энтузіазма, а двадцать седьмаго октября, въ день отъѣзда русскихъ судовъ изъ Тулона, Императоръ прислалъ президенту Карно телеграмму; Царь въ горячихъ выраженіяхъ благодарилъ Францію за оказанный радушный пріемъ русскимъ морякамъ, при чемъ высказалъ, что эта новая демонстрація является новой гарантіей мира, о сохраненіи котораго Его Величество такъ заботился.

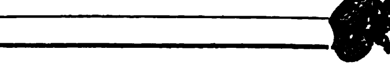
«И, дѣйствительно, въ Его четырнадцатилѣтнее царствованіе не было ни одной войны. Воинственныя стремленія Германіи и тройственнаго союза встрѣчали несокрушимое veto Русскаго Императора.

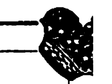
«Эта громадная заслуга передъ міромъ несравненно величественнѣе и лучше всякой славы, пріобрѣтаемой цѣною человѣческихъ жертвъ.

«Всѣ эти событія, кажется, происходили какъ-будто вчера, а сегодня, 19-го октября, великодушный Монархъ, еще недавно сильный и здоровый, умираетъ тамъ, далеко, въ Крыму, близъ развалинъ Севастополя.

«И въ тотъ-же часъ, Его Братъ находится между нами, чтобы еще болѣе упрочить союзъ двухъ народовъ.

«Такъ-то Царь царей направляетъ судьбы человѣчества; передъ Нимъ нѣтъ всесильныхъ.





«Въ эту минуту, когда вѣчность раскрывается передъ Самодержцемъ, повелѣвавшемъ имперіей, несравненно большей имперіи Александра, мы съ утѣшеніемъ вспоминаемъ то, что остается еще съ нами.

„Мы вспоминаемъ о тѣхъ почестяхъ, какими удостоилъ Императоръ Александръ III представителя папы, присутствовавшаго въ Москвѣ при Священномъ Короновані.

«Въ Его царствованіе значительно уменьшилось предубѣжденіе противъ католической церкви, до того времени существовавшее среди населенія Россіи.

«Императоръ, умирая, оставляетъ послѣ Себя недавно возстановленныя дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ. Папа Левъ XIII призываетъ вѣрныхъ сыновъ католической церкви соединиться въ общей молитвѣ о спасеніи Царя. Явленіе это является свѣтлымъ залогомъ счастливаго будущаго».

«Вечеромъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, когда по улицамъ Парижа двигались толпы народа, направляясь къ кладбищамъ, вдругъ раздались крики: «Царь скончался!» Эта вѣсть съ быстротою молніи облетѣла всѣ закоулки столицы Франціи. Не смотря на то, что уже давно была утрачена всякая надежда на выздоровленіе, извѣстіе это все же произвело потрясающее впечатлѣніе.

«Мы горячо молились о ниспосланіи исцѣ-

ленія страдавшему Монарху. Въ то время, когда телеграммы сообщали намъ самыя неутѣшительныя извѣстія, мы продолжали молиться и надѣяться.

«Богу не угодно было услышать наши молитвы; но Господь, посылая смерть, разрѣшаетъ иногда такія задачи, которыя при жизни казались неразрѣшимыми.

«Что касается Франціи, то она глубоко увѣрена въ томъ, что Императоръ Николай II не отступитъ отъ пути, завѣщаннаго Ему почившимъ Родителемъ. Также думаютъ и Европа, и Россія.

«Прежде всего это въ Его Собственныхъ интересахъ. Положеніе, созданное Императоромъ Александромъ III, даетъ новому Императору первенствующее значеніе; таково великое наслѣдіе Великаго Монарха.

«Весь міръ удивляется величавому спокойствію и миролюбію почившаго Императора, качествамъ, создавшимъ Ему неувядаемую славу.

«Въ день Его кончины во всѣхъ церковныхъ проповѣдяхъ повторяли слова Спасителя: *Блаженни миротворцы, яко тіи сынами Божіими нарекутся*.

«Жизнь покойнаго Императора являла собою цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній. Достаточно вспомнить, сколько разъ Императоръ, получившій отвращеніе къ виду крови послѣ русско-турецкой войны, видѣлъ смерть близко около Себя.

«Онъ находился въ постоянной борьбѣ, Онъ

много страдалъ, глубоко чувствовалъ. Францiя изъ вѣка въ вѣкъ будетъ чтить Его память.

Ле-Муанъ. («de la Croix»).

«Одинъ Богъ только можетъ постичь то глубокое и религiозное волненiе, какое охватило весь мiръ при вѣсти о кончинѣ Императора.

«Послѣднiя минуты справедливѣйшаго и миролюбиваго Монарха были поистинѣ величественны.

«Я готовъ предстать передъ Богомъ!» — сказалъ Александръ III Императрицѣ, убитой горемъ.

«Это поразительное самообладанiе, это душевное спокойствiе, эта покорность судьбѣ въ самый ужасный для человѣка часъ, свидѣтельствуютъ объ особомъ Божiемъ благословенiи, посѣтившемъ великаго Миротворца.

«Самый могущественный Императоръ, Самодержавный Повелитель всей Россiи, угасъ въ самомъ разцвѣтѣ силъ. Онъ, который еще недавно любилъ похвастать Своею геркулесовскою силою, столь гармонировавшею съ положенiемъ, какое занималъ Онъ среди владыкъ мiра, теперь безсильный, — на вѣки замолкъ, оплакиваемый Семьею, которую Онъ такъ горячо любилъ,— Россiей, обожавшей Его какъ Отца, наконецъ, цѣлымъ мiромъ, которому Онъ далъ возможность вкусить блага мира.

«Вчерашнiй колоссъ въ эту торжественную минуту шлетъ мiру Свой послѣднiй завѣтъ: «преклоняйтесь передъ Богомъ. Даже въ помыслахъ вашихъ не противьтесь Его предопредѣленiю!»

«Какая идеально-чудная картина; какой высоко-поучительный примѣръ полной покорности передъ волею Божіей!

«Царь! Вы были достойнымъ Императоромъ тѣхъ моряковъ, которыхъ мы видѣли въ прошломъ году; мы любовались на нихъ, когда, по сигналу, они бросали пляску и становились въ ряды, чтобы совершить вечернюю молитву. Примѣръ этотъ былъ для насъ глубоко поучителенъ.

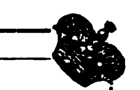
«Вы были истиннымъ Отцомъ этихъ моряковъ, съ такимъ благоговѣніемъ преклонявшихся передъ судовою часовнею, въ которой имѣлись иконы Богородицы и Николая Чудотворца.

«Русскіе моряки дали французскому народу великій примѣръ благочестія и религіозности.

«Сегодня Самъ Царь, Самодержавный Повелитель Всея Россіи, явилъ Собою народамъ и монархамъ великій примѣръ христіанскаго благочестія, ни въ одномъ изъ коронованныхъ особъ въ нынѣшнемъ столѣтіи не выражавшагося съ такою силою.

«Высоко - христіанская кончина Императора является для всего міра глубоко поучительнымъ примѣромъ благочестія и великихъ добродѣтелей.

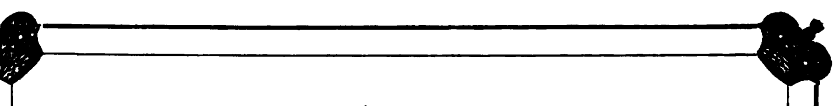
«Призовемъ-же благословеніе Божіе на русскій народъ, съ которымъ мы такъ братски связаны, на его моряковъ, на его солдатъ, истово осѣняющихъ себя крестнымъ знаменіемъ. Русскіе офицеры крестятся не только въ своихъ церквахъ или на броненосцахъ, но они осѣняютъ



себя этимъ знаменіемъ и будучи за границей, участвуя на общественныхъ банкетахъ».

Миріамъ. („*de la Croix*").

«Въ послѣдніе годы текущаго столѣтія міръ былъ свидѣтелемъ великаго царствованія. Самодержавный Повелитель многомилліоннаго народа былъ хранителемъ мира, и въ этомъ отношеніи Его волѣ безпрекословно подчинялась вся Европа. Всѣ монархи искали Его расположенія. Легкимъ знакомъ руки Онъ могъ перевернуть весь міръ; но Онъ не соблазнялся громкою славою, пріобрѣтаемою на поляхъ сраженій. Онъ весь отдался служенію интересамъ Своей страны. Эта послѣдняя черта Его характера ввела въ немалое заблужденіе враговъ Франціи. Израненная, разоренная страна,—Франція, была окружена врагами, мечтавшими окончательно погубить ее. Враги наши разсуждали, что ничто не можетъ помѣшать ихъ алчнымъ замысламъ. Самый сильный изъ монарховъ Европы весь отдался внутреннимъ дѣламъ Своей страны. Милосердіе обыкновенно не входитъ въ разсчеты политики, и потому враги наши были увѣрены, что Императоръ не вступится за Францію. Но они жестоко ошибались. Самодержавный Повелитель обширнѣйшей въ мірѣ имперіи обладалъ душою прямою, честною и справедливою. Онъ, во имя справедливости, не могъ допустить, чтобы трое обрушились на одного. Тогда раздался въ Европѣ голосъ,—и въ этомъ голосѣ почувствовали такую

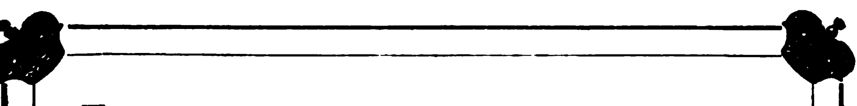


мощь, такую непоколебимую волю, передъ которою преклонились даже и наиболѣе строптивые монархи Европы. Императоръ, державшій весь міръ въ Своихъ рукахъ, пожелалъ, чтобы праву было отведено первое мѣсто.

«Мы никогда не забудемъ, что спасеніемъ своимъ обязаны Императору Александру III. Слава Его неувядаема; въ основу ея вошли справедливость, простота и миролюбіе. Изъ всѣхъ устъ, какъ послѣднее «прости», какъ напутственное благословленіе, надъ гробницею почившаго Императора раздаются слова Спасителя: «Блаженни миротворцы, яко тіи сынами Божіими нарекутся».

«Въ понедѣльникъ останки Императора Александра III, среди рыданій многомилліоннаго народа, были преданы землѣ; это былъ послѣдній актъ Ливадійской трагедіи, унесшей съ собою Монарха, который въ Свое тринадцатилѣтнее царствованіе сдѣлалъ въ смыслѣ поддержанія мира неизмѣримо больше, нежели тройственный союзъ въ дѣлѣ воинственныхъ своихъ стремленій. Вся французская нація присоединяется къ горю русскаго народа. Никто изъ насъ не забылъ великолѣпной кронштадской манифестаціи, за которою вскорѣ послѣдовали блестящія празднества Тулона и Парижа. У всѣхъ въ памяти эти великія событія, создателемъ которыхъ былъ Императоръ Александръ III.

«Въ безконечномъ кортежѣ, слѣдовавшемъ вдоль



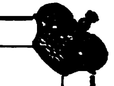
Невскаго проспекта, непосредственно за траурною колесницею слѣдовали Государь Императоръ Николай II и члены Императорскаго Дома, а равно и иностранныя коронованныя особы и принцы; далѣе несли вѣнки президента Французской республики и французской прессы. Нація, въ лицѣ ея старшаго представителя, и общественное мнѣніе, чрезъ посредство органовъ печати, отдали послѣднія почести Царю-Благодѣтелю, Котораго оплакиваетъ весь благодарный міръ.

«Императоръ Николай II уже заявилъ, что будетъ слѣдовать по пути, завѣщанному Его Родителемъ. Эти слова Новаго Императора уничтожаютъ послѣднія сомнѣнія, охватившія было народы въ тотъ моментъ, когда распространилась вѣсть о кончинѣ Императора Александра III.

«Въ тотъ самый день, когда было совершено въ Петербургѣ преданіе землѣ останковъ почившаго Императора, въ Парижѣ, въ русской церкви, въ присутствіи всего офиціальнаго міра, была отслужена заупокойная литургія.

«Это не была исключительно офиціальная церемонія. Весь Парижъ, можно сказать, вся Франція, принимала въ ней самое живое участіе.

«Тѣ самые флаги, которые въ прошломъ году радостно развѣвались надъ нашими домами по случаю пріѣзда русскихъ моряковъ, на этотъ разъ вновь появились, но уже перевитые траурнымъ крепомъ. Франція шлетъ свое послѣднее «прости», отдаетъ послѣднія почести Тому, Кто, черезъ головы ея враговъ, великодушно протя-



нулъ ей руки и былъ ея сильнымъ и вѣрнымъ другомъ и защитникомъ.

«Русскія газеты скажутъ намъ черезъ нѣсколько дней, какое впечатлѣніе произвели въ Петербургѣ наши вѣнки, особенно президента республики и печати. Онѣ скажутъ намъ такъ-же, какъ принята была въ Россіи трогательная мысль нашего comité—du souvenir, пославшаго въ Россію около десяти тысячъ букетиковъ съ французскими національными флагами, на которыхъ ученики нашихъ гимназій написали свои имена. Эти букетики предназначены для раздачи ученикамъ русскихъ гимназій.

«Трудно было найти болѣе подходящій символъ дружбы, завязавшейся въ Кронштадтѣ и закрѣпленной въ Парижѣ. Дружбѣ этой апплодируетъ нынѣшнее поколѣніе, а будущее поколѣніе будетъ стараться поддержать и скрѣпить ее новыми узами.

«Императоръ Александръ III создалъ соглашеніе; отъ Императора Николая II будетъ зависѣть дальнѣйшее его существованіе. Наша молодежь уже выразила Его Величеству искреннюю надежду на то, что франко-русское соглашеніе и на будущее время пребудетъ въ прежней его силѣ».

«La Verité».

«Вотъ уже пятнадцать дней, какъ взоры всего міра обращены по направленію къ Ливадіи. Въ другихъ пунктахъ міра совершаются событія,

имѣющія весьма важное значеніе, но интересъ ихъ блѣднѣетъ передъ вѣстями о состояніи здоровья Императора Александра III. Первое извѣстіе о нездоровьи Царя произвело ошеломляющее впечатлѣніе,—такъ мало были всѣ подготовлены къ мысли, чтобы Императоръ, еще вчера сильный и здоровый, могъ серьезно заболѣть. Первый ужасъ смѣнился чувствомъ надежды. Всѣ думали, что сильный организмъ Императора побѣдитъ поразившій его недугъ. Не только въ Россіи и у насъ во Франціи, но и во всемъ мірѣ возносились молитвы о дарованіи исцѣленія Августѣйшему больному. Легко вѣрить въ то, чего искренно желаешь,—такъ и мы до послѣдней минуты лелѣяли надежду на возможность выздоровленія.

«Послѣ Россіи, сильнѣе остальныхъ народовъ были потрясены французы, узнавъ о болѣзни Царя. Вся Франція, безъ различія политическихъ убѣжденій, соціальнаго положенія, какъ жители городовъ, такъ и деревень, всѣ соединились въ одномъ общемъ чувствѣ соболѣзнованія,—чувствѣ, вызванномъ болѣзнею Русскаго Императора. Наши политики и дипломаты съ тревогою спрашивали себя, не угрожаетъ-ли возможная катастрофа прочности франко-русскихъ отношеній, но по краткомъ размышленіи успокоились на этотъ счетъ, вспомнивъ ту общность интересовъ, какая связываетъ оба народа. Создавъ франко-русское сближеніе, Императоръ Александръ III хорошо сознавалъ всю политическую важность подобнаго

акта. Императоръ прежде всего стремился къ поддержанію мира. Бросивъ взглядъ на Европу, Онъ, съ одной стороны, увидалъ тройственный союзъ, вполнѣ благоустроенный, какъ въ смыслѣ политическомъ, такъ и въ военномъ. Союзъ этотъ представлялъ собою громадную силу, которая не имѣла въ Европѣ противовѣса. Съ другой стороны увидалъ Онъ, на двухъ окраинахъ Европы, Россію и Францію, пребывавшихъ въ совершенно изолированномъ положеніи. Эти обѣ страны не были раздѣлены никакими спорными интересами; ихъ разъединяли предубѣжденія, которыя нужно было побѣдить. Между обѣими странами, между обоими правительствами, конечно, нѣтъ никакого сходства, никакой аналогіи; но каждое въ своей сферѣ, не имѣло никакихъ основаній бояться другъ друга. Императоръ понялъ это положеніе, и со свойственною Ему твердостью побѣдивъ, всякія предубѣжденія, создалъ франко-русское соглашеніе немало изумившее многихъ государственныхъ дѣятелей Европы. Императоръ не останавливался ни передъ какими препятствіями для достиженія намѣченной Имъ цѣли—поддержанія мира. Онъ пожелалъ, чтобы миръ не зависѣлъ исключительно отъ каприза тройственнаго союза, и для этого приблизилъ къ Себѣ Францію. Франко-русское сближеніе возстановило европейское равновѣсіе, обезпечило миръ. Европа этимъ благодѣяніемъ обязана исключительно Императору Александру III. Созданіе этого соглашенія составитъ блестящую страницу Его цар-

ствованія. Онъ оказалъ Франціи громадную услугу, но прежде всего Онъ былъ русскій и преслѣдовалъ русскіе интересы. Вотъ почему Его такъ обожали милліоны подданныхъ, а Европа слѣпо довѣряла Ему. Его дѣянія переживутъ Его; гораздо труднѣе было начать и исполнить, нежели поддерживать.

«Таковы разсужденія политиковъ. Громадное большинство французовъ разсуждало иначе, узнавъ о болѣзни, постигшей Русскаго Императора; оно было до глубины души потрясено вслѣдствіе совершенно иныхъ, болѣе простыхъ и сердечныхъ причинъ. Императоръ Александръ III пользовался у насъ громадною популярностью; Его любили за то добро, которое Онъ намъ сдѣлалъ. Около четверти вѣка тому назадъ никто изъ нашихъ прежнихъ друзей не желалъ приблизиться къ намъ. Мало того, со стороны почти всѣхъ европейскихъ государствъ мы встрѣчали враждебное къ намъ чувство; намъ постоянно старались напомнить пережитую нами годину бѣдствій; съ тѣхъ поръ мы пребывали въ полномъ одиночествѣ. Была-ли это политика? Такъ думали, по крайней мѣрѣ. Но было-ли это великодушно? Объ этомъ никто не заботился. Составилось убѣжденіе, что Франція, въ теченіе многихъ вѣковъ занимавшая самыя блестящія страницы міровой исторіи, игравшая столь выдающуюся роль въ исторіи цивилизаціи, обратилась въ какое-то гнѣздо смутъ, раздоровъ, вредной агитаціи, отъ котораго всякое благоразумное государство должно было возможно далѣе сторониться. Въ Европѣ

составилась коалиція, направлявшая всѣ свои усилія къ тому, чтобы окончательно унизить насъ. Всѣ средства казались удобными для того, чтобы держать насъ въ черномъ тѣлѣ, довести насъ до полнаго отчаянія, вынуждающаго соглашаться на все. Тройственный союзъ при иныхъ условіяхъ не считалъ возможнымъ поддерживать миръ. Нужно ли говорить, что Франція никогда не подчинялась требованіямъ названнаго союза? Безъ фанфаронства, скромно, она понемногу, собственными средствами, оправилась отъ пережитаго ею погрома. Но Франція оставалась одинокой. Но вотъ радостный гулъ кронштадтскихъ пушекъ возвѣстилъ всему міру, что Франція вышла изъ своего изолированнаго положенія. Нужно признаться, что событіе это какъ громомъ поразило Европу, такъ мало была она подготовлена къ подобной политической комбинаціи. То, что происходило затѣмъ въ Тулонѣ и Парижѣ, было уже продолженіемъ того, что было начато въ Кронштадтѣ. Эта великая мысль всецѣло принадлежитъ Императору Александру III. Онъ первый взглянулъ на насъ безъ злобы, безъ презрѣнія; оцѣнивъ насъ съ нравственной стороны, Онъ не колеблясь протянулъ намъ Свою державную руку. Съ той минуты Франція, проникнутая чувствомъ глубокой благодарности, смотрѣла на Императора Александра III какъ на истиннаго благодѣтеля. Народъ ни на минуту не останавливался на мысли, что Кронштадтъ, Тулонъ и Парижъ, были строго разсчитанные моменты

великой политической программы; народъ видѣлъ въ Императорѣ друга и таковымъ полюбилъ Его отъ всего сердца.

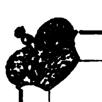
«Если Императоръ Александръ III путемъ этого смѣлаго шага желалъ усилить шансы сохраненія европейскаго мира, то Онъ не обманулся въ Своихъ расчетахъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть газеты всего свѣта. Всѣ прославляютъ Его, называютъ геніемъ мира. На этихъ дняхъ, въ рѣчи, о которой мы поговоримъ ниже, лордъ Розберри заявилъ, что кончина Императора Александра III отниметъ у Европы самую сильную гарантію мира.

«На это намъ позволено будетъ замѣтить, что Императоръ Александръ III въ Своихъ политическихъ планахъ встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны Франціи. Если-бы мы были народомъ безпокойнымъ, неспособнымъ жить въ мирѣ и мѣшающимъ пользоваться спокойствіемъ другимъ народамъ, если-бы мы представляли собою центръ всевозможныхъ смутъ и раздоровъ, Русскій Императоръ никогда-бы не приблизилъ насъ къ Россіи. Нѣтъ, перечисленныя свойства чужды французамъ; перемѣнились-ли мы съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ нашего изолированнаго положенія? Опасность, которою, какъ многіе утверждали, мы угрожали Европѣ, увеличилась-ли она? Вотъ вопросы, которые мы вправѣ задать Европѣ. Императору не пришлось пожалѣть о томъ, что Онъ сблизилъ Россію съ Франціей. Если Богу угодно было призвать къ себѣ Императора Алек-

сандра III, то послѣ Него Россія унаслѣдовала великій политическій урокъ, поучающій тому, что во всеобщихъ интересахъ лучше относиться съ уваженіемъ и великодушіемъ къ гордой и могущественной націи, нежели сторониться отъ вѣроломнаго сосѣда.»

«Кончина и погребеніе Императора Александра III дали намъ возможность высказать русскому правительству и народу то глубокое сочувствіе, какимъ проникнута Франція къ ихъ горю. Это горе, является также и горемъ Франціи; мы придали ему характеръ національный. Не одна Франція, но и всѣ народы искренно оплакиваютъ кончину Императора. Александръ III пользовался уваженіемъ и довѣріемъ всего міра. Европа сознала, что съ кончиною Императора она потеряла Повелителя, всегда руководствовавшагося чувствомъ справедливости. Но теперь не время разсказывать исторію царствованія или заниматься опредѣленіемъ характера личности почившаго Монарха. Теперь важно выяснить тѣ послѣдствія, какія могутъ быть вызваны кончиною Императора по отношенію къ общеевропейскому положенію. Въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ все заставляетъ думать, что къ испытываемому нами чувству горя не слѣдуетъ примѣшивать чувства безпокойства. Особенно Франція никогда не смотрѣла на франко-русское сближеніе какъ на явленіе случайное, находившееся въ исключительной зависимости отъ личной воли

Императора Александра III; вотъ почему въ полномъ спокойствіи привѣтствовала восшествіе на престолъ новаго Императора. Николай II унаслѣдовалъ всѣ тѣ чувства, какія испытывали мы по отношенію къ Его почившему Родителю, точно также, намъ кажется, что и Онъ унаслѣдовалъ отъ Своего Отца чувства расположенія по отношенію къ Франціи. Телеграммы, коими обмѣнялись Императоръ Николай II съ президентомъ республики, разсѣяли послѣднія сомнѣнія относительно возможности какихъ-бы то ни было перемѣнъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Телеграммы носили былой, дружественный характеръ, и даже какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось, тонъ Императорской телеграммы дышалъ особенною искренностью. Императоръ, извѣщая президента республики о кончинѣ Своего Родителя, употребилъ, между прочимъ, слѣдующее выраженіе: «Я увѣренъ въ искренномъ сочувствіи Франціи къ Нашему горю». Это выраженное Императоромъ довѣріе вызвало во Франціи всеобщую радость. Всѣ послѣдующія телеграммы Императора, Императрицы Маріи Ѳеодоровны или посланныя по приказанію Ихъ Величествъ, служили подтвержденіемъ первой. Но довольно о Франціи и ея сочувствіи по отношенію къ Россіи; въ этихъ чувствахъ нѣтъ ничего удивительнаго; Франція слишкомъ многимъ обязана почившему Императору. Не мы одни, вся Европа пришла въ восторгъ отъ манифеста, съ какимъ обратился къ Своему народу Императоръ Николай II. Рѣдко



Монархъ въ столь прекрасныхъ выраженіяхъ объявлялъ своимъ подданнымъ о той любви, какую питаетъ Онъ къ нимъ и о той преданности, какой Онъ отъ нихъ ожидаетъ. Точно также рѣдко, Кто съ такою твердостью говорилъ о мирѣ; эти слова надолго обезпечили европейское спокойствіе».

Францисъ Шармъ.

(*Изъ «Revue des Deux-Mondes»*).

«Начиная съ 1887 г. Императоръ Александръ III преслѣдовалъ политику «свободныхъ рукъ», не связанную никакими союзами. Но Россія пребывала изолированною на Востокѣ, подобно тому, какъ Франція—на Западѣ. За отсутствіемъ соглашенія между названными государствами, Европа находилась подъ гнетомъ тройственнаго союза, который оффиціально старался всѣхъ увѣрить въ своихъ миролюбивыхъ стремленіяхъ; на самомъ-же дѣлѣ онъ всѣ силы употребилъ къ тому, чтобы создать инциденты, могущіе вызвать вооруженное столкновеніе («комедіи» болгарскія, установленіе паспортной системы въ Эльзасъ-Литарингіи, вызывающія выходки по поводу всемірной парижской выставки и венгерскаго знамени, исторія съ итальянскими шпалами въ Тунисѣ въ 1890 г.).

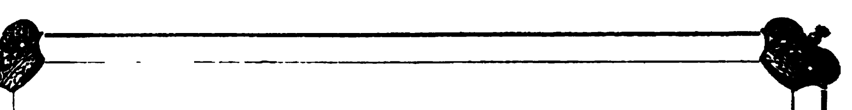
«Міръ находился въ полной зависимости у тройственнаго союза. Союзъ этотъ полагалъ невозможнымъ соглашеніе между самодержавною Россіей и республиканскою Франціей. Въ виду

подобной увѣренности, тройственный союзъ дѣйствовалъ съ удивительною смѣлостью.

«Но вотъ Самодержавный Монархъ первый переступилъ пропасть, раздѣлявшую Россію и Францію. Остальное мы знаемъ: Кронштадтъ, Тулонъ, Парижъ,—три славныхъ момента новаго союза. Императоръ единымъ словомъ уничтожилъ всѣ существовавшія предубѣжденія. Когда Его Величеству почтительно замѣтили, что національный гимнъ французовъ марсельеза, Онъ весело отвѣтилъ: «Ну что-же? Не могу-же я имъ сочинить новый гимнъ!»

«Дипломатическая Европа пришла въ оцѣпенѣніе отъ кронштадтской манифестаціи. Затѣмъ, освоившись съ новымъ положеніемъ, европейскіе дипломаты преисполнились чувствомъ глубокаго уваженія къ Россіи, а затѣмъ и къ Франціи. Британскіе министры, никакъ не предполагавшіе подобнаго событія, выразили желаніе, чтобы эскадра адмирала Жервэ посѣтила одинъ изъ англійскихъ портовъ. Германскій императоръ, еще четырнадцатаго марта 1891 г., отказавшій покореннымъ провинціямъ въ отмѣнѣ паспортной системы, двадцать перваго сентября того-же года нашелъ возможнымъ почти совершенно упразднить эту исключительную мѣру.

«Кронштадтъ, Тулонъ, Парижъ—были блестящими побѣдами для Россіи и Франціи—побѣдами безъ крови и слезъ. «Царствованіе Императора Александра III, какъ сказалъ вчера «Standart»—было рядомъ успѣха и тріумфа, созданныхъ путемъ соглашенія съ Франціей!»



«Какое направленіе должна была принять политика новаго союза, располагающаго громадными военными силамъ, которыя создали полный противовѣсъ силами тройственнаго союза? Но прежде всего Императоръ стремился къ упроченію мира,—Францiя точно также была преисполнена самыми мирными побужденіями. Какъ то разъ кто то изъ приближенныхъ сказалъ Императору: «Миръ въ рукахъ Вашего Величества, какъ эта чашка кофе».—«Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ шутя Государь, будьте увѣрены, я не выпущу изъ Своихъ рукъ ни то, ни другое».

«Судьба Европы дѣйствительно находилась въ рукахъ Императора. Если-бы Онъ пожелалъ сдѣлать шагъ, Францiя послѣдовала бы за Нимъ. Но Онъ презиралъ вызывающую политику.

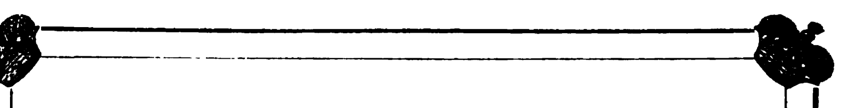
«Малѣйшая ошибка Императора Александра III, говоритъ «Daily News», вызвала-бы въ Европѣ страшную, кровопролитную войну. Но Александръ III дѣйствовалъ безошибочно и въ томъ Его великая слава!»—«Россія и Европа обязаны Ему вѣчною благодарностью»,—добавляетъ «Times». Вся европейская пресса, не исключая и германской, австрійской и итальянской, единогласно признаетъ великія заслуги почившаго Императора передъ всѣмъ человѣчествомъ. Никогда еще самодержавная власть не находилась въ столь благодѣтельныхъ рукахъ. До 1891 г. миръ Европы зависѣлъ отъ Бисмарка, отъ Криспи, даже отъ Стамбулова. Въ теченіе двадцати лѣтъ Европа находилась въ вѣчномъ страхѣ;

поддерживался миръ, но этотъ миръ былъ невыносимѣе всякой войны. Съ 1891 г. въ Европѣ установился настоящій, прочный миръ подъ сѣнью котораго народы получили возможность отдохнуть, вздохнуть свободною грудью и направилъ всѣ свои силы къ устройству своего благосостоянія.

«Этотъ миръ, дарованный Императоромъ Александромъ III Европѣ, окружаетъ Его образъ лучезарною славою. Въ теченіе двадцати лѣтъ Европа не существовала. Она возродилась послѣ Кронштадта и Парижа.

«Императора Александра III сравниваютъ съ нашимъ св. Людовикомъ, и сходство есть: политика почившаго Императора была основана на глубокомъ религіозномъ чувствѣ. Они похожи также другъ на друга въ силу присущаго имъ обоимъ сознанія своихъ обязанностей по отношенію къ народу, общаго христіанскаго и гуманнаго чувства отвращенія къ пролитію крови, извѣстнаго равнодушія къ славѣ, пріобрѣтаемой на поляхъ сраженій и лояльностью, благодаря которой весь міръ слѣпо довѣрялъ Ему.

«Тѣмъ не менѣе этотъ христіанинъ, пожелавшій умереть съ св. Причастіемъ на устахъ, этотъ Императоръ, соединявшій въ Себѣ верховную гражданскую и церковную власть, на главѣ Котораго блестѣли и тіара, и корона, Императоръ, пользовавшійся неограниченною властью, былъ во многихъ отношеніяхъ человѣкомъ нынѣшняго вѣка. Свое глубоко-научное образованіе выказалъ Онъ не только въ реорганизаціи громадныхъ воен-



ныхъ силъ Своей имперіи, Онъ улучшилъ экономическій бытъ страны, поднялъ ея промышленность, облегчилъ участь крестьянъ и округлилъ границы Своего обширнаго государства. Въ Немъ соединяются два прекрасныхъ образа: древняго христіанскаго царя и современнаго Императора-Патріота.

«Будучи прежде всего Русскимъ Царемъ, Онъ исключительно работалъ на пользу Своей страны, объ ней одной Онъ только и думалъ; и вотъ, создавая счастіе и величіе Святой Руси, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ облагодѣтельствовалъ весь остальной міръ. Чтобы возстановить европейское равновѣсіе, необходима была такая власть—въ такихъ рукахъ».

Альфредъ Рамбо.

(*Изъ «Révue Bleue»*).

«Вся Европа была потрясена вѣстью о кончинѣ Императора Александра III. Францiя облеклась въ глубокій трауръ.

«Царь былъ Повелителемъ міра, и направленіе, которое приняла политика Россіи, было дѣломъ Его личной инициативы. Ничто не заставляетъ насъ думать, чтобы политика эта могла измѣниться при Его Наслѣдникѣ. Тѣмъ не менѣе взоры всей вселенной съ нѣкоторою тревогою обращаются къ потемнѣвшему горизонту, гдѣ угасъ чудный свѣточъ мира.

«Самодержецъ, полновластный Повелитель, обожаемый милліонами подданныхъ, Императоръ Александръ III олицетворялъ Собою мистическую

душу Святой Руси. Ему была ненавистна пагубная пропаганда западной демократіи, и Онъ оградилъ Россію отъ ея вреднаго вліянія . . . .

. . . .

«Онъ возстановилъ престижъ власти и поднялъ значеніе Россіи и всего русскаго. Одною изъ Его главныхъ заботъ было укрѣпленіе православной церкви и русской національности; съ этою цѣлью въ лютеранскихъ школахъ Прибалтійскаго края было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ; было запрещено иностраннымъ нѣмцамъ селиться въ предѣлахъ имперіи; иностранные евреи были высланы за границу. Всѣ эти мѣропріятія какъ нельзя болѣе отвѣчали исконнымъ желаніямъ русскаго народа.

«Для русскаго крестьянина, иностранецъ, котораго онъ называетъ «нѣмцемъ», т. е. человѣкомъ нѣмымъ, не говорящимъ по-русски, представляется врагомъ. Особенно ненавистенъ ему дѣйствительный нѣмецъ, выходецъ изъ Германіи, покупающій или арендующій земли.

«Съ другой стороны, близкое сосѣдство столь сильнаго государства, какъ Германія, внушало Россіи не малое безпокойство. Россія пропустила случай поддержать въ 1870 г. Францію, единственный противовѣсъ Германіи. Позднѣе только, въ 1875 г., Императоръ Александръ II помѣшалъ Германіи окончательно добить Францію. Но уже въ то время Германія была сильнымъ государствомъ.

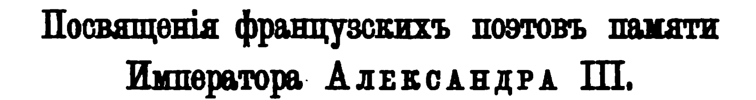
«Въ 1878 году, побѣдоносная Россія должна

была принять условія Берлинскаго трактата, лишившаго ее почти всѣхъ выгодъ послѣдней русско-турецкой войны. Этого Россія, конечно, не могла простить, и съ той поры ея политика получила совершенно иное направленіе. Россія отдалилась отъ центральной Европы; она возводитъ на своихъ границахъ съ Германіей высокія стѣны таможенныхъ пошлинъ, затрудняющихъ экспортъ германскихъ произведеній. Германія, съ своей стороны, оказываетъ вредное давленіе на финансовые рынки и угрожаетъ Россіи окончательно убить цѣнность ея бумагъ. Россія обратилась тогда къ Франціи, единодушно откликнувшейся на ея призывъ. Съ того времени въ политикѣ Царя произошла рѣзкая перемѣна. Императоръ рѣшилъ создать франко-русское соглашеніе, а извѣстно, что все, чего Онъ желалъ, Онъ умѣлъ и достигать

«Такимъ образомъ, состоялось сближеніе двухъ великихъ народовъ. Сближеніе это, основанное на чувствахъ взаимной симпатіи и общности интересовъ, будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ живы и причины, его породившія.

«Въ заключеніе остается сказать, что Россія перестаетъ интересоваться Европой; она обратила свои взоры на Азію, гдѣ ее ожидаетъ великая будущность». *Полковникъ* ***.

(*Изъ «La Vie Contemporaine»*).



Посвященія французскихъ поэтовъ памяти Императора Александра III.

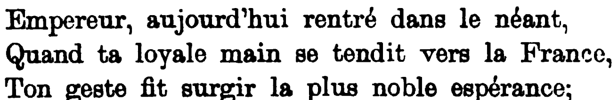
Celui que vous pleurez, qui ne le pleurerait,
Slaves? A votre deuil le nôtre s'associe,
Et les larmes de France aux larmes de Russie
S'unissent en tribut d'amour et de regret.

Dans notre beau pays, où chacun l'adorait,
L'homme bénit son nom, l'enfant le balbutie:
Car le Grand Empereur était notre Messie
Et le ferme garant de notre espoir secret.

Par-dessus l'ennemi sa main chercha la nôtre;
Son amitié nous fut plus chère qu'aucune autre,
Comme il nous la donna sans contraindre son coeur.

— Sur la tombe où finit ta puissance absolue,
Champion de la paix, plus noble qu'un vainqueur,
O Tsar! le peuple-roi s'incline et te salue.

Edmond Barnaband.



Empereur, aujourd'hui rentré dans le néant,
Quand ta loyale main se tendit vers la France,
Ton geste fit surgir la plus noble espérance;
L'humanité, par toi, fit un pas de géant!

Et lorsque nos marins, à travers l'océan,
Allèrent te porter l'éternelle assurance
De notre affection, de l'Helpe à la Durance
Le pays résonna d'un glorieux péan.

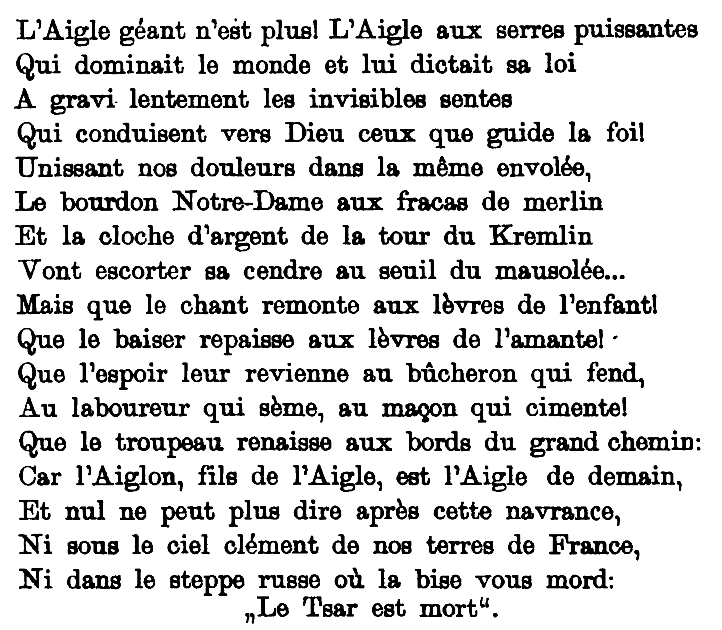
Sans attacher ton nom aux vastes opées, dé
Et sans rougir de sang les champs et les épées,
Un paisible avenir fut par toi préparé,

Et l'histoire, si dure aux gloires éphémères,
Te nommera „Le Bon" car tu fus adoré:
Tu n'as pas fait pleurer les mères!
Léon Delmotte.

LA MORT DE L'AIGLE.

Lamentez-vous, pleurez, d'Arkangel à Riga,
Du Caucase à l'Oural et du Don au Volga,
Innombrables tribus des races moscovites!
Drapez-vous dans le deuil de vos longues lévites,
Popes psalmodiant les saintes oraisons!
Mettez un crêpe noir aux murs de vos maisons,
Bourgeois et paysans de toutes les Russies!
Arrêtez vos traîneaux sur les neiges durcies,
Arrêtez la chanson aux lèvres de l'enfant,
Arrêtez les baisers aux lèvres de l'amante,
Arrêtez dans les bois le bûcheron qui fend,
Arrêtez dans les bourgs le maçon qui cimente,
Arrêtez le semeur, le pâtre et l'ouvrier.
Arrêtez les moulins, arrêtez la balance,
Arrêtez les troupeaux, hélez le lévrier,
Et tandis que le glas rompra seul le silence,
Découvrez-vous le front malgré le froid qui mord...
Le Tsar est mort!

* * *



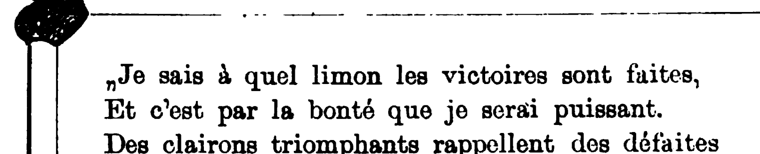
L'Aigle géant n'est plus! L'Aigle aux serres puissantes
Qui dominait le monde et lui dictait sa loi
A gravi lentement les invisibles sentes
Qui conduisent vers Dieu ceux que guide la foi!
Unissant nos douleurs dans la même envolée,
Le bourdon Notre-Dame aux fracas de merlin
Et la cloche d'argent de la tour du Kremlin
Vont escorter sa cendre au seuil du mausolée...
Mais que le chant remonte aux lèvres de l'enfant!
Que le baiser repaisse aux lèvres de l'amante!
Que l'espoir leur revienne au bûcheron qui fend,
Au laboureur qui sème, au maçon qui cimente!
Que le troupeau renaisse aux bords du grand chemin:
Car l'Aiglon, fils de l'Aigle, est l'Aigle de demain,
Et nul ne peut plus dire après cette navrance,
Ni sous le ciel clément de nos terres de France,
Ni dans le steppe russe où la bise vous mord:
„Le Tsar est mort".

Remy de Fleuriguy.

LE PACIFIQUE.

Dans un calme menteur et chargé de menaces
Les hommes attendaient le signal du canon
Pour aggraver encore les rancunes des races.
Lui vint et leur dit: „Non!"

Les veuves de demain tissaient leurs sombres voiles;
Les enfants s'attendaient à pleurer. Lui la-bas,
Dont l'Empire voit naître et mourir les étoiles,
Leur dit: „Je ne veux pas!"



„Je sais à quel limon les victoires sont faites,
Et c'est par la bonté que je serai puissant.
Des clairons triomphants rappellent des défaites
Plus de pleurs! Plus de sang!"

. . . .

Aprés avoir dicté ses volontés au monde,
Aprés avoir semé sur notre sol ami
De bon grain d'oû germait une moisson féconde,
Un jour Il s'endormit...

Et le vieux coq gaulois poussant des cris tragiques
Accompagna l'âme du Tzar jusque aux lieux
Où sont gravés les mots: „Heureux les Pacifiques!
La paix est avec eux!"

Qt. Ducotés.

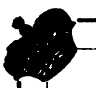
Deux grands peuples unis par le cœur, par la gloire,
Quelle aube d'avenir pour le progrès humain!
Tu maudissais la guerre et la rouge victoire,
Car les lauriers n'ont pas toujours un lendemain....

Les siècles béniront ton auguste mémoire:
Lorsque tu nous ouvrais ta si loyale main,
La France y mit la sienne et, sous l'œil de l'Histoire,
Confiants vous marthiez dans le même chemin.

Autocrate puissant de toutes les Russies,
Tu veux être sacré par les démocraties
De ce titre immortel: „Empereur de la Paix"!

En lettres d'or, brodé sur la pourpre du trône,
Il vivra dans le marbre et dans le bronze épais,
En nimbant ton beau front d'une double couronne!

Louis Hubert.



Tel qu'un astre, au sommet lumineux de l'histoire,
Brillant à la clarté d'un radieux flambeau,
D'Alexandre, à jamais couché dans le tombeau,
Le grand nom resplendit d'une éternelle gloire.

De la plus vaste ville au plus humble hameau,
Tous rediront ce nom comme un chant de victoire,
Et les peuples, longtemps, célébreront bien haut
Du Tzar majestueux l'immortelle mémoire.

Un cantique d'amour bercera son sommeil,
Et, lorsque de la mort viendra le grand réveil,
D'un signe astral, au front, Dieu marquera ce juste.

Qui, tout-puissant, tenant l'Europe dans sa main
Mit la guerre en respect sous son doigt souverain,
Et fit régner la paix dans son triomphe auguste.

Jules Fagnant.

Lorsqu'il eût rallié son peuple en désarroi,
Lorsque les factions se furent adoucies,
Il fut grand.—Il régnait sur „toutes les Russies"
Il était tout-puissant. Il était pape et roi:

Il fut plus.—D'autocrate, il devint philanthope.
Ce despote avait fait ce rêve surhumain:
Deux grandes nations,—en se donnant la main,—
Assurant le bonheur à notre vieille Europe...

— Honneur à ta mémoire! ô Tsar qui t'occupais
De faire triompher la bienfaisante paix
De la Tamise à l'Elbe, et du Don à la Loire!

Salut! ô cœur vaillant! ô magnanime esprit! —
Dans l'ombre du tombeau, doucement, te sourit
Cette enfant de la Mort—qui s'appelle la Gloire.

François Dellevaux.

Ange céleste, ô Mort, ombre froide et cruelle,
Viens-tu du gouffre noir ou du divin séjour?
Est-ce le vide immense ou l'immortel amour
Que l'âme en s'envolant va trouver sur ton aile?

Hélas! nul à ta loi ne peut-être rebelle,
Tu planes dans les airs ainsi que le vautour;
L'homme le plus puissant t'obéit à son tour;
Humble, il courbe son front lorsque ta voix l'appelle.

Sans jamais t'arrêter tu poursuis ton chemin,
Ainsi sur deux tombeaux préparés par ta main,
Deux grandes nations viennent pleurer ensemble,

Leurs drapeaux enlacés d'un long voile de deuil...
Si la même douleur aujourd'hui les rassemble,
A leurs larmes du moins se mêle un même orgueil.

Madeleine Duval.

Le fils des tsars est mort au printemps de sa gloire
Slaves et Francs, prenez vos vêtements de deuil,
Mêlez vos grandes voix pour bénir sa mémoire
Et venez, à genoux, pleurer sur son cercueil.

A nous, vaincus d'hier, l'impartiale Histoire
Dira que, le premier, il nous fit bon accueil,
Et s'il n'a pas connu l' éclat de la victoire,
C'est qu'il plaça ses fils plus haut: que son orgueil.

Il mérita le nom d'arbitre de la terre,
Et sa main, méprisant le glaive de la guerre,
Sut porter noblement le sceptre de la paix.

Il est mort bravement, le cœur plein d'espérance,
En bénissant son peuple et ses amis de France:
Puisse Dieu lui donner le prix de ses bienfaits!

A. Cluzel.

Portez là-bas, ô fleurs de France,
A nos frères, pour nous unir
Dans le deuil et la souffrance,
Comme un parfum de souvenir.

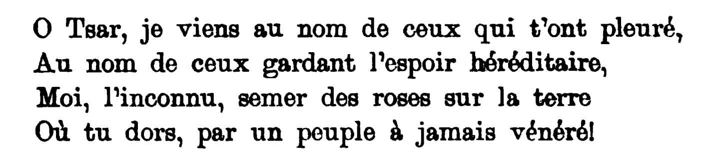
Vous leur direz que l'espérance
Nous reste encore en l'avenir,
Qu'en nos cœurs la reconnaissance,
Pour Lui n'est pas près de finir.

Sa grande âme, aujourd'hui ravie,
Laisse une oeuvre pleine de vie:
C'est notre espoir et son orgueil!

Chères fleurs! Quelle destinée!
Vous deviez être à l'hyménée
Et vous ornerez son cercueil!

L'abbé Loraux.

Alexandre, salut!.. Moi, le pauvre ignoré
Qui poursuis l'idéal épars dans le mystère,
Moi qui chante, moi dont l'âme ne peut se taire,
Je viens jeter mes vers sur ton tombeau sacrè.



O Tsar, je viens au nom de ceux qui t'ont pleuré,
Au nom de ceux gardant l'espoir héréditaire,
Moi, l'inconnu, semer des roses sur la terre
Où tu dors, par un peuple à jamais vénéré!

Adieu! repose en paix! Ton œuvre est accomplie!
Ton fier but est atteint, et ta tâche est remplie!
En nous, ton souvenir vit comme au premier jour;

La Russie et la France, en une même ivresse,
T'acclament, et le Christ, ouvrant le bleu séjour,
Te donne le baiser d'immortelle tendresse!

Jehan de Trept.

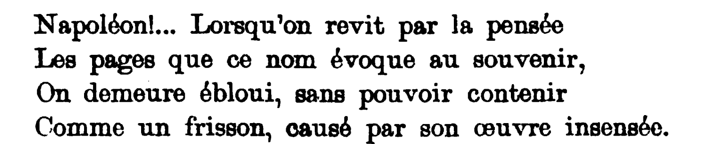
Des rives de la Seine aux bords de la Néva,
Deux peuples, dédaigneux des brutales frontières,
Confondaient et leur âme et leurs volontés fières:
Leurs chefs se souriaient,... quand la haine dit: „Va!"

Le glaive d'un bandit brilla sous les lumières:
De la foule atterrée un sanglot s'eleva.
De Toulon à Cronstadt, notre douleur trouva
Pour écho les douleurs aux grands cœurs familières.

Maître de lui toujours, dans la joie ou le deuil,
Le Tsar pleura sans bruit sur un noble cercueil,
— Or, voici qu'à son tour la Russie est frappée!...

Français, découvrons-nous; donnons un souvenir
A celui dont l'auguste et pacifique épée
Treize ans tint en respect l'insondable avenir.

Armand Belloc.



Napoléon!... Lorsqu'on revit par la pensée
Les pages que ce nom évoque au souvenir,
On demeure ébloui, sans pouvoir contenir
Comme un frisson, causé par son œuvre insensée.

L'Europe, qu'il faillit un instant répartir,
Vingt fois s'agenouilla sous sa puissante épée;
Il vécut presque Dieu dans sa grande épopée;
La mort qui l'attendait le fit presque martyr.

Mais sa gloire pâlit, ô Tsar, devant ta gloire...
Il fut si grand, pourtant, que nul n'aurait pu croire
Qu'on pût lui comparer quelqu'un sans blasphémer...

Tu peux t'approprier ses lauriers, et t'en ceindre
Le front. Il n'eut qu'un but, voir les peuples le craindre;
Premier entre les rois, tu sus t'en faire aimer!..

Émile Halevac.

La lionne blessée et seule dans l'arène,
Du destin des vaincus avait subi la loi;
Par ses forces trahie, en son âme ayant foi,
Elle avait jusqu'au bout, lutté fière et sereine.

Ser fauves ennemis, mûs d'une ardente haine,
Les regards flamboyants, encore empreints d'effroi,
Rêvaient d'achever l'œuvre, en leur cœur âpre et froid;
Se partageant déjà la dépouille prochaine!

Quand un aigle soudain, fendant la nue immense,
D'un vol majestueux, l'œil empli de clémence,
Aux sinistres songeurs, jeta ces mots d'airain:

Trêve, trêve, seigneurs, ou bravant vos morsures,
Vous me verrivz debout sur le sanglant terrain!..

. . . .

Lors, la lionne en paix, guérit de ses blessures.

Julien-Léon.

Ton œil s'est refermé plein de ton rêve immense,
— Rêve de paix, d'amour qui t'avait enivré
Quoique Tsar, quoique prêtre, ô souverain mitré!—
Ton peuple stupéfait jadis par ta clémence

Fut encore plus surpris par ta mort! Et la France
Qui, narguant son vainqueur, tient le flambeau sacré
Du droit des nations sur son cœur déchiré,
Et sait, en rayonnant, attendre sa vengeance,

A de drapeaux de deuil voilé son front serein.
Empereur doux et fort, ton sépulcre d'airain
Peut se passer de fleurs, d'encens et de prières;

Il a plus, il a mieux: les pleurs des prolétaires!
Et toi son successeur penché sur leurs misères
Sois grand comme ton père, en leur tendant la main!

G. Vallet.

Tu fus un autocrate et les républicains
Eux-mêmes t'ont pleuré, ferme ami de la France,
Qui, prenant notre cause en tes puissantes mains,
Sus, chez nous, raviver un rayon d'espérance!

Débonnaire géant! tes sentiments humains
A ton cœur ont dicté la paix et la clémence;
Tes regards si profonds, de douceur étaient pleins,
Ils parlaient quand ta voix conservait le silence.

Aussi dans tes États—du cap Nord à l'Oural —
Les peuples consternés ont gémi de ton mal,
Et combien d'hosannas, si tu l'avais dompté!

C'est que tu fus, pour eux, plus que le Tsar—un père
On devrait sur ta tombe, en style lapidaire,
Graver ces simples mots: Ici gît la bonté!

Jules Vacoutat.

Quand ton auguste front reçut le diadème
Du Caucase à Tobolsk te sacrant Empereur,
En songe, tu revis ces combats pleins d'horreur,
Où, noir corbeau, la mort erre farouche et bléme.

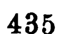
Et dès lors, meprisant ces sinistres hauts faits
Où l'homme toujours frappe aveuglément son frère,
Tu juras, ô Monarque, ami noble et sincère,
De devenir un jour l'apôtre de la paix.

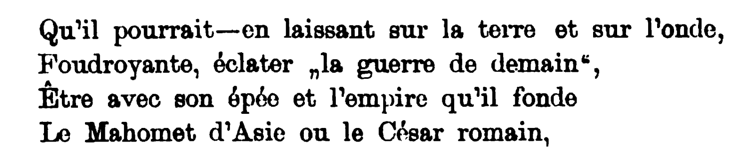
Et sûr que de grand cœur la France magnanime
T'aiderait à remplir cette tâche sublime,
A ton peuple géant tu la donnas pour sœur;

Et nous, républicains, nous pleurons sur la tombe
Car ton sceptre arrêta l'élan de l'oppresseur,
Et l'aigle impérial ne fut qu'une colombe.

A. C. Coche.

Quand un homme, debout sur la scène du monde,
Pour l'immortalité se façonne un chemin:
Alors qu'il voit courbé, du pôle à Trébizonde
Un innombrable peuple au geste de sa main,





Qu'il pourrait—en laissant sur la terre et sur l'onde,
Foudroyante, éclater „la guerre de demain",
Être avec son épée et l'empire qu'il fonde
Le Mahomet d'Asie ou le César romain,

S'il préfère la paix aux gloires des batailles,
Et s'il devient ainsi, sans l'horreur des mitrailles,
L'arbitre souverain des peuples et des rois,

Cet homme est grand parmi les grands! C'est un sublime!
L'Histoire écrit son nom sur sa plus haute cime.
— Tel fut ton grand ami, France, Alexandre III!

Reverdy.

Gloire à Toi qui tendis à ma sainte patrie,
A la face du monde, une vaillante main,
Quand elle agonisait, quand son âme meurtrie
Implorait du ciel morne un clément lendemain.

En vain, ils ont rugi ceux dont l'âpre industrie
Se borne à cuirasser de fer le genre humain:
La France relevant sa couronne flétrie,
Reprit à ton appel son antique chemin.

Le monde tressaillait de frissons d'espérance
Quand tes clairons vibrants, sonnant l'hymne de France,
Couvrirent les clameurs d'ambitieux projets;

Mais les peuples heureux bénissent ta mémoire.
Si les rois te font place au temple de la gloire,
Nous voulons t'acclamer au temple de la paix.

J. W. Bimorz.

Jeune encore, plein de vie, et de tous respecté,
Comme un chêne géant, foudroyé par l'orage,
Il meurt sans que jamais ait faibli son courage,
Sans qu'aucune puissance ici-bas l'ait dompté.

Son peuple tout entier célèbre sa bonté;
Notre pays ému lui rend un juste hommage;
Et dans les temps futurs sa noble et fière image
Resplendira toujours pleine de majesté.

Russes, Français, voilons de crêpes funéraires
Nos palais, nos drapeaux; unis comme des frères,
Mêlons nos chants de deuil, nos pleurs silencieux.

Et la main dans la main, conservons l'espérance
Qu'en son suprême amour, le Tsar du haut des cieux
Unira pour toujours la Russie et la France.

A. Fink aîné.

Autocrate de nom, père en réalité
Des sujets si nombreux de ton immense empire,
Le plus grand qui peut-être ait jamais existé,
O Tsar, homme de bien, je t'aime et je t'admire.

Le peuple par ses chefs trop souvent maltraité,
Saluait ton passage avec un bon sourire;
Et lorsque tu mourus, du monde regretté,
Tes plus grands ennemis n'ont osé te maudire.

Trois voisins contre nous lâchement réunis,
Voulaient se partager nos glorieux débris,
Seul entre tous les rois tu pris notre défense.

Nous avons nos défauts, hélas! qui n'en a pas?
Mais les Français jamais n'ont été des ingrats,
Ton nom sera toujours chéri dans notre France.

H. Causel.

Tel que le chéne-roi sous la foudre chancelle,
Il est mort notre ami fidèle, ce héros
Qui pour mieux cimenter la paix universelle,
Du Russe et du Français mêlait les chers drapeaux!

Son règne glorieux, son œuvre solennelle,
Dont Cronstadt et Toulon sont les plus purs joyaux,
Laisseront dans l'histoire aux immortels échos,
Du siècle qui s'en va la page la plus belle.

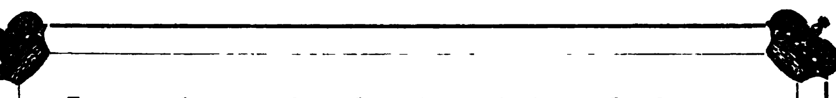
Son souvenir puissant dictant encore ses lois,
Les peuples de l'Europe, alors qu'ils seraient trois,
Ne sauraient effacer notre sainte alliance,

Car là-haut, dans le sein du domaine divin,
Alexandre et Carnot se tenant par la main,
Unissent pour toujours la Russie et la France.

Félix Mayrargue.

Dieu protège le Tsar! chantaient cent mille voix,
Accompagnant leur hymne harmonieux et tendre,
Et notre Marseillaise aussi laissait entendre,
Après ses fiers refrains: Vive Alexandre III!

Hélas! le Tsar n'est plus!.. Sages, puissants et rois
Ont leur heure fatale,.. ils sont de notre cendre:
Rien ne put délier le Juste de la croix,
Ni préserver Carnot, ni sauver Alexandre!



Les peuples verraient-ils s'obscurcir leurs flambeaux
En leur marche de paix aux horizons si beaux,
Que l'accord franco-russe a pour objets suprêmes?

Non! les deux nations se sont tendu la main,
Échangeant leur tristesse et leur douleur extrêmes,
Et des rayons nouveaux ont lui sur leur chemin!

F. Thibaut.

Si la tristesse, hélas! l'envahit, chère France,
C'est que le Tsar n'est plus, et chacun en son cœur,
Croit sentir se voiler le rayon d'espérance
Qui, longtemps, endormit notre grande douleur.

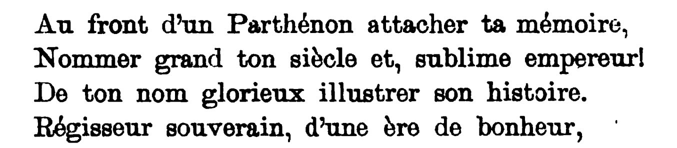
Pendant son règne, il sut employer sa puissance
Pour la paix, dont il fut le constant protecteur;
Et les peuples, heureux, reprenaient confiance:
Tous en lui saluaient un père, un bienfaiteur.

Pleurons-le, ce Titus, loyal et magnanime
A le louer, Français, qu'une voix unanime
S'élève et dise à tous nos regrets en ce jour.

Glorifions Celui dont la main tutélaire
Sut éloigner de nous les horreurs de la guerre...
Hélas! trop tôt la mort l'enlève à notre amour!

Louis Pétrocchi.

Ainsi tu disparais, Majesté, dans ta gloire;
Le mal inexorable a glacé ton ardeur.
Est-ce un rêve? Notre âme, hélas! le voudrait croire..
Xénophon eut aimé, consacrant ta valeur,



Au front d'un Parthénon attacher ta mémoire,
Nommer grand ton siècle et, sublime empereur!
De ton nom glorieux illustrer son histoire.
Régisseur souverain, d'une ère de bonheur,

En tes puissantes mains tu tenais la balance.
Tu portais en ton cœur la pacifique France,
Rageant et confondu s'inclinait le Teuton.

Obéissant quand même à ton bras redoutable...
Il nous reste ton œuvre, elle sera durable.
Salut, ô grand humain! Salut! gloire à ton nom!

Marc Roux.

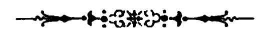
Celui que le moujik appelait Petit Père
Et qui demeurera pour nous le Grand Ami,
Dans la paix du tombeau là-bas s'est endormi;
La chaumière est en deuil, l'isba se désespère.

Tous les Français unis (quel miracle s'opère?)
De ce commun désastre ont cette fois frémi.
De la steppe à nos monts le même glas gémit;
Il sonne pour le Tsar, il tinte... s'exaspère.

Empereur de la paix, ton règne fut trop court.
Qui sait si le fardeau ne sera point trop lourd,
Sur un plus jeune front, de la couronne auguste?

Mais qu'importe à ta gloire? A nos petits-enfants
L'histoire redira ces deux noms triomphants:
Alexandre le Grand, Alexandre le Juste.

Louis Pascal.



Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ Императора Александра III.

[illegible] front d'un Parthénon attacher ta mémoire,
N[illegible] ton siècle et, sublime empereur!
[illegible] ton nom glorieux illustrer son histoire.
Régisseur souverain, d'une ère de bonheur,

En tes puissantes mains tu tenais la balance.
Tu portais en ton cœur la pacifique France,
Rageant et confondu s'inclinait le Teuton.

Obéissant quand même à ton bras redoutable...
Il nous reste ton œuvre, elle sera durable.
Salut, ô grand humain! Salut! gloire à ton nom!

Marc Roux.

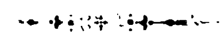
[illegible] le moujik appelait Petit Père
[illegible] era pour nous le Grand Ami.
[illegible] son tombeau là-bas s'est endormi;
[illegible] est en deuil, l'isba se désespère.

T[illegible] unis (quel miracle s'opère?)
De [illegible] tre ont cette fois frémi.
De la [illegible] monts le même glas gémit;
Il sonne [illegible] r, il tinte... s'exaspère.

Empereur [illegible] paix, ton règne fut trop court.
Qui sait [illegible] fardeau ne sera point trop lourd,
Sur un plus [illegible] me front, de la couronne auguste?

Mais qu'importe à ta gloire? A nos petits-enfants
L'histoire re[illegible] ces deux noms triomphants:
Alexandre le [illegible] nd, Alexandre le Juste.

Louis Pascal.



Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ Императора Александра III.

О въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III.

(Воспоминанія профессора живописи А. П. Боголюбова).

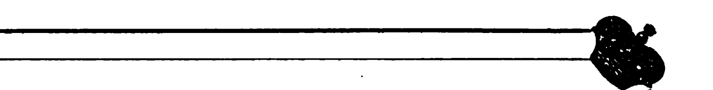
Я уже старикъ, жизнь моя, какъ дѣятеля и человѣка приходитъ къ концу, а потому живешь болѣе воспоминаніями о быломъ, сильнѣе чувствуешь потерю тѣхъ людей, которыхъ любилъ сердечно, съ полнымъ душевнымъ чувствомъ уваженія къ ихъ уму и прошлой полезной дѣятельности.

Принято у насъ на Руси говорить про людей, которымъ улыбнулось счастье, что такой человѣкъ «родился въ сорочкѣ». Поговорку эту я постоянно примѣнялъ къ себѣ въ теченіе моей долголѣтней жизни, нисколько не воображая, имѣю ли я право, по моимъ заслугамъ, какъ художника и человѣка, считать себя достойнымъ того положенія, которое я занималъ, какъ въ области искусствъ, такъ и въ обществѣ. Конечно, безъ труда и таланта, а также безъ придатковъ умственныхъ, я былъ бы не замѣченъ никѣмъ; но при этой природной помощи, все-таки сознаю, что мною руководилъ Божій Промыселъ и счастье.

Такимъ счастьемъ моей жизни были и тѣ незабвенные минуты и часы, въ которые благосклонная судьба ставила меня въ близкія, не-

посредственныя сношенія съ нашимъ безвременно почившимъ Монархомъ. Эти сношенія зародились и держались на почвѣ искусства. Я и хочу здѣсь передать дорогія для меня воспоминанія о Покойномъ, коснуться его свѣтлой личности именно въ его горячей и просвѣщенной любви ко всему изящному и въ постоянномъ вниманіи къ искусству во всѣхъ его видахъ. Я имѣлъ счастіе впервые представиться покойному Государю, когда онъ не былъ еще Наслѣдникомъ когда былъ еще живъ Его Августѣйшій Братъ Великій Князь Николай Александровичъ.

Я только-что окончилъ свое художественное, пансіонерское, 7-ми-лѣтнее образованіе за границей и вернулся въ Россію, гдѣ академія художествъ признала меня профессоромъ, а Императоръ Александръ II лично удостоилъ благодарности и Высочайшей награды за мои труды по написанію боевыхъ морскихъ картинъ крымской войны, заказанныхъ мнѣ Его Августѣйшимъ покойнымъ Родителемъ. Въ то же время Государь приказалъ мнѣ разработывать въ картинахъ нашу славную боевую морскую исторію, начиная съ Петра Великаго. Вотъ почему, живя долго внѣ отечества, я прежде всего хотѣлъ ознакомиться съ Россіей, неторопливо плавая по Волгѣ и Каспійскому морю и посѣщая тѣ мѣста, гдѣ прославлялъ себя геній Великаго Царя. Какъ разъ въ это время покойный Великій Князь, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ предпринималъ долгую поѣздку по



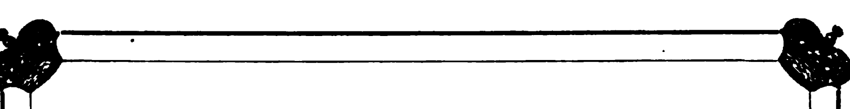
Россіи. Попечитель Его Высочества, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, пригласилъ меня въ этотъ вояжъ вмѣстѣ съ профессорами: К. П. Побѣдоносцевымъ и И. К. Бабстомъ. Когда же я явился въ Зимній Дворецъ, для представленія Великому Князю Цесаревичу, то одновременно я былъ впервые представленъ и Его Высочеству Великому Князю Александру Александровичу. Грустно завершилась моя первая служба покойному Великому Князю. Онъ угасъ, полный жизни, красоты и ума, уступая Свое мѣсто любимому Своему Брату, Великому Князю Александру Александровичу.

Когда Его Высочество отправился въ непродолжительный вояжъ по Россіи, то Его попечитель, графъ Перовскій, пригласилъ въ свиту Великаго Князя тѣхъ же лицъ, которыя служили Его покойному Августѣйшему Брату, что и сдѣлало меня болѣе извѣстнымъ Наслѣднику Цесаревичу. Здѣсь впервые пришлось мнѣ говорить съ Великимъ Княземъ объ искусствѣ и древностяхъ. Но кратковременное наше путешествіе не дало возможности положительно судить о наклонностяхъ будущаго нашего Императора къ изящному. Вернувшись въ Петербургъ, я изрѣдка имѣлъ счастіе видѣть Великаго Князя, но со дня вступленія его въ супружество съ Датскою Принцессою Дагмарою, которой я имѣлъ счастіе быть представленнымъ, съ Его соизволенія, г. Оомомъ, будущимъ секретаремъ Государыни Цесаревны, — мои отношенія къ Авгу-

стѣйшей Четѣ сдѣлались для меня крайне благопріятны, такъ какъ Ея Высочество Цесаревна пожелала, чтобы я руководилъ ея занятіями по части искусства.

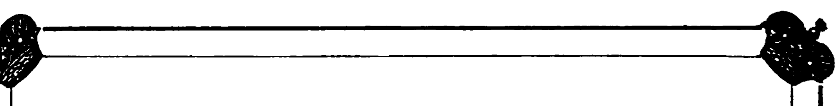
Съ первыхъ дней моихъ обязанностей при Ея Высочествѣ, я могъ заключить, что вижу предъ собою Особу, развитую по части искусства, любящую старину во всѣхъ ея видахъ. Способъ или пріемы Великой Княгини въ работѣ были всегда робки, при большой тщательности, что, конечно, зависѣло отъ характера и первоначальнаго обученія, которымъ руководила Ея Августѣйшая Родительница, Королева Датская, серьезностью работъ которой я любовался, будучи въ Даніи.

Великій Князь Цесаревичъ часто заходилъ въ рабочую нашу комнату Аничкова Дворца, постепенно наполнявшуюся всякими картинами, иногда невысокаго качества, подносимыми Великому Князю. Наслѣдникъ Цесаревичъ не обращалъ тогда на нихъ строгаго вниманія, но вглядывался и слѣдилъ за успѣхами Ея Высочества. Работы Цесаревны были весьма разнообразны: одинъ разъ Она рисовала сепіей, въ другой разъ — акварелью, а также писала и масляными красками. Достойны удивленія двѣ капитальныя копіи Ея Высочества съ Мейсонье, изъ собранія графа Кушелева въ музеѣ академіи художествъ. Надъ первою Цесаревна провела съ удивительнымъ терпѣніемъ годъ и 2 мѣсяца, а надъ второю — 7 мѣсяцевъ. Обѣ эти картины украшали



кабинетъ Великаго Князя; причемъ я долженъ сказать, что надо быть очень тонкимъ знатокомъ, чтобы, бросивъ на нихъ взглядъ, не признать за оригиналы,—такъ онѣ близки по краскамъ и по тонкости исполненія, къ настоящему Мейсонье. Вскорѣ альбомъ Ея Высочества сталъ наполняться всевозможными рисунками и чертежами. Бесѣдуя съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ о Его первоначальномъ обученіи искусству, я узналъ, что учитель рисованія Его Высочества, академикъ Тихобразовъ, не старался нисколько развить въ Немъ любовь къ искусству, такъ какъ былъ преимущественно занятый человѣкъ, интересно разсказывавшій о своемъ пребываніи въ Римѣ и о лихой пансіонерской жизни.

Покойная Императрица Марія Александровна была просвѣщенною любительницею искусства и древности, а потому юные Великіе Князья незамѣтно получали первыя знанія подъ Ея руководствомъ, и эти знанія вполнѣ счастливо проявились какъ въ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, такъ и въ Августѣйшемъ Президентѣ академіи художествъ, Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ, а также и въ остальныхъ Ея Августѣйшихъ Дѣтяхъ. Но любовь къ искусству въ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ и полное развитіе вкуса ко всему изящному я все-таки всецѣло отношу къ благодатному вліянію Государыни Цесаревны и Августѣйшей Семьи Ея, въ которой Великій Князь впервые познаѣлъ наглядно, что такое старина и искусство, вообще, проведя первое

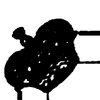


время Своего супружества въ Копенгагенѣ. Здѣсь Ихъ Высочества постоянно посѣщали замѣчательныя дворцовыя и музейныя коллекціи всѣхъ родовъ искусства, а также фабрики, столь знаменитыя до сихъ поръ своимъ производствомъ фаянса, фарфора и стекла, вслѣдствіе чего Великій Князь сталъ пріобрѣтать прежде всего старинное серебро, а потомъ мебель, стекло и всякія рѣдкости, увеличивая свою коллекцію всякій разъ, когда пріѣзжалъ въ Данію. Отъ рѣдкостей Великій Князь незамѣтно перешелъ къ картинамъ, сперва датскихъ художниковъ, а потомъ пристрастился къ новому искусству и въ короткое время сдѣлался своеобразнымъ, но мѣткимъ цѣнителемъ картинъ и всего художественнаго. О древнихъ художникахъ или старой школѣ Его Высочество всегда благодушно говорилъ: «Я долженъ ее любить, ибо всѣ признаютъ старыхъ мастеровъ великими, но собственнаго влеченія не имѣю»,—что не мѣшало ему, впослѣдствіи, пріобрѣтать работы извѣстныхъ Бларамберга, Ватто и другихъ.

Вскорѣ въ Аничковскомъ Дворцѣ была отдѣлана роскошная библіотека и двѣ залы для музея, первоначальнымъ фондомъ для котораго послужила небольшая коллекція рѣдкостей всякаго рода, пріобрѣтенныхъ Его Высочествомъ отъ извѣстнаго писателя и знатока ихъ Д. В. Григоровича, имѣвшаго счастіе читать лекціи по изящнымъ искусствамъ съ профессоромъ Горностаевымъ Государынѣ Цесаревнѣ, причемъ иногда

присутствовалъ и Великій Князь. Музей, видимо, интересовалъ Великаго Князя, а потому онъ постепенно пополнялся, какъ картинами, такъ и рѣдкостями. Первыми его пріобрѣтеніями были работы профессора Гуна и Харламова. Ея Высочество, съ своей стороны, тоже постоянно способствовала развитію благородной любви къ изящному въ своемъ Августѣйшемъ Супругѣ, такъ какъ въ день тезоименитства Великаго Князя она постоянно приказывала мнѣ за нѣсколько дней принести ей разные художественные предметы, тщательно ихъ осматривала и пріобрѣтала, чтобы подарить дорогому новорожденному или имениннику.

Царскосельскій Дворецъ, гдѣ проживали Ихъ Высочества, тоже вдругъ измѣнилъ свой видъ. Старинныя картины временъ Императора Николая Павловича были лично пересмотрѣны Его Высочествомъ, сдвинуты, раздвинуты и перемѣшаны съ вновь пріобрѣтенною московскою коллекціею коммерціи совѣтника Кокорева, состоявшею преимущественно изъ работъ Брюлова, Басина, Бруни, Боровиковскаго, барона Клодта, Сверчкова, а также моихъ картинъ и этюдовъ и прочихъ русскихъ художниковъ тридцатыхъ годовъ. Но собственныя комнаты покойнаго Императора Николая Павловича остались въ прежнемъ видѣ безъ всякихъ измѣненій, и когда разъ я позволилъ себѣ сказать, что отчего бы не взять въ свою Аничковскую коллекцію небольшую работу баталиста Горація Вернета, то



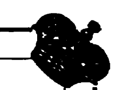
Наслѣдникъ Цесаревичъ мнѣ отвѣтилъ: «Это не Моя собственность, а дворцовая, составляющая преданіе; постараемся пріобрѣсти что-нибудь при случаѣ».

Изъ Собственныхъ работъ Его Высочества я видѣлъ неоконченный римскій видъ, кажется, Тиволи. Но разъ какъ-то, ѣдучи отъ Костромы къ Нижнему-Новгороду, Цесаревичъ взялъ мой альбомъ и начертилъ въ немъ весьма твердо и точно профиль ботика «Увалень», составляющую теперь драгоцѣнную собственность основаннаго мною, въ г. Саратовѣ, Радищевскаго музея, гдѣ рядомъ помѣщены два рисунка, дарованные мнѣ Государыней Цесаревной. Въ часы досуга, при перемѣщеніи картинъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, Великій Князь иногда Собственноручно покрывалъ ихъ лакомъ и рѣшалъ — такіе-то отдать реставратору Сидорову перетянуть или дублировать.

Унаслѣдовавъ отъ Своего Августѣйшаго Брата Николая Александровича небольшое собраніе картинъ, а также моихъ этюдовъ, писанныхъ для покойнаго Цесаревича, а также большой законченный альбомъ видовъ Волги, Дона и Крыма, Его Высочество приказалъ ихъ размѣстить въ залѣ, предшествующей Его кабинету, а впослѣдствіи, когда я имѣлъ счастіе Ему сопутствовать въ Его вояжахъ, въ Данію и по Россіи, то все, что было Ему представлено, поступало въ тотъ же залъ, который Онъ неоднократно называлъ «Боголюбовскимъ».

Въ гостиной и пріемной комнатахъ появились картины датскихъ художниковъ, преимущественно морскія, Мельбіо, Серенсенъ и другихъ, такъ что съ этихъ поръ позволяю себѣ серьезно заявить о любви Цесаревича къ морской живописи, а также о Его знаніи оснастки кораблей, красивыхъ линій и о полномъ пониманіи судовой конструкціи.

Аничковскій Дворецъ, до Бракосочетанія Его Высочества, былъ отдѣланъ безъ участія Великаго Князя, а потому не могъ удовлетворять Его развившемуся художественному вкусу, почему постепенно подвергался улучшеніямъ. Какъ я сказалъ выше, первыми передѣланы были библіотека и музейная комната; потомъ парадная лѣстница одѣлась мраморомъ; на стѣнахъ появились декоративныя картины кисти Робера; были заказаны роскошные синопскіе ковры; появилась вездѣ стильная мебель и, наконецъ, былъ написанъ плафонъ извѣстнымъ профессоромъ Гуномъ, изображающій исчезающую ночь съ появленіемъ Авроры. Работами по дворцу руководилъ въ это время талантливый придворный архитекторъ, профессоръ Монигетти. Онъ же устроилъ во дворцѣ разборный изящный театръ въ большой пріемной залѣ. Декораціи писались художникомъ Бочаровымъ, а стѣны покрылись дорогими гобеленами, которые нарочно были пріобрѣтены у г. Скарятина, такъ что стѣны прежняго стиля empire стали неузнаваемы.



Домовая церковь дворца была отдѣлана тѣмъ-же Монигетти, въ стилѣ базилики, а иконостасъ былъ заказанъ лично Цесаревичемъ, въ бытность Его Высочества въ Москвѣ, профессору Сорокину, въ старо-московскомъ образномъ стилѣ, вмѣстѣ съ изящною церковною утварью. Позднѣе, талантливымъ профессоромъ Мессмахеромъ были сдѣланы еще капитальныя перестройки, какъ въ верхнемъ этажѣ дворца, такъ и на дворѣ, гдѣ расширено парадное крыльцо, давшее возможность въ бель-этажѣ увеличить помѣщеніе большой залы прилегающимъ къ нему зимнимъ садомъ.

Малая столовая зала тоже перемѣнила свой видъ: одну стѣну его заняло изящное пано, пріобрѣтенное въ Даніи съ парижскою мебелью. Сервизная комната дворца обогатилась пріобрѣтеніемъ цѣннаго серебра Louis XV vieux Paris. Когда были построены служебныя зданія, выходящія тыломъ въ дворцовый садъ, ихъ безобразныя, голыя стѣны сильно претили художественному вкусу Наслѣдника и потому Онъ приказалъ тому же декоратору Бочарову расписать ихъ правильными линіями, гармонирующими съ дворцовымъ фасадомъ. Впослѣдствіи Дворецъ освѣтился электричествомъ, для производства котораго устроенъ капитальный павильонъ,—послѣднее слово науки, а надъ домовою церковью заблисталъ золотой русскій куполъ.

Цесаревичъ, вообще, очень любилъ Аничковскій дворецъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ до-

рогъ для Его Высочества по воспоминаніямъ объ Августѣйшемъ покойномъ Братѣ, для котораго дворецъ отдѣлывался. Постояннымъ напоминаніемъ о Почившемъ служили особенно двѣ гостиныхъ залы, съ садовой стороны, обитыхъ одинаковою желтою шелковою матеріею, которая была заказана когда-то самимъ покойнымъ Цесаревичемъ, въ Москвѣ, у Сапожникова.

Его Высочество, какъ Онъ самъ говорилъ, «уважалъ преданія», и потому Александрійскій петергофскій коттеджъ, построенный Императоромъ Николаемъ I, остался донынѣ безъ всякихъ наружныхъ и внутреннихъ перемѣнъ, не исключая одежды прислуги, серебра, настольнаго хрусталя и посуды. Только одна крошечная пріемная комната украсилась старымъ англійскимъ фаянсомъ, который Цесаревичъ взялъ изъ дубликатовъ Петергофскаго Англійскаго дворца, и, развѣ двѣ, три небольшія картины украсили его стѣны, да полы покрылись богатыми ташкентскими коврами. Временно фасадъ дворца былъ закрытъ постройкою огромнаго театра изъ корабельныхъ парусовъ и флаговъ, въ которомъ давался спектакль изъ живыхъ картинъ, послѣ чего театръ моментально преобразился въ блестящую танцовальную залу, гдѣ былъ данъ балъ въ честь пріѣзда Августѣйшихъ Родителей Цесаревны, Короля и Королевы Даніи.

Устройствомъ этого празднества и постройкой, по личнымъ указаніямъ Его Высочества, завѣ-

дывалъ я и адъютантъ Великаго Князя капитанъ Козловъ. Черезъ два дня все пришло опять въ стройный обычный порядокъ. Тутъ же иногда, въ амбразурахъ коттеджа и въ саду, устраивались живыя картины, въ которыхъ принимали личное участіе их Высочества въ постановкѣ группъ и дикорацій.

Такъ мирно, мудро и прогрессивно въ художественномъ отношеніи протекала жизнь Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, любезность и милостивое вниманіе Которыхъ ко мнѣ было вдругъ прервано тяжкою болѣзнью, постигшею меня. Вотъ какъ это было. По обыкновенію, я явился въ Аничковъ дворецъ въ 11 часовъ утра и пристально слѣдилъ за работой Великой Княгини, какъ вдругъ глаза мои помрачились, все пошло кругомъ и я сдѣлался блѣденъ. Ея Высочество сейчасъ же позвонила. приказавъ подать холодной воды и полотенце, Я положилъ себѣ его на голову, думая, что это дурнота случайная. Вскорѣ вошелъ Великій Князь и далъ мнѣ совѣтъ скорѣе отправиться къ доктору Гиршу, не дожидаясь завтрака. Шатаясь, я добрался до квартиры Густава Ивановича, который, осмотрѣвъ меня, отвезъ домой, и тутъ же я призналъ въ себѣ нервный мозговой ударъ съ разрывомъ и изліяніемъ. Четыре съ половиною мѣсяца я былъ между жизнью и смерью; каждый день ко мнѣ являлся ѣздовой, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ. Наконецъ, въ апрѣлѣ я могъ съ трудомъ выходить, а потому,

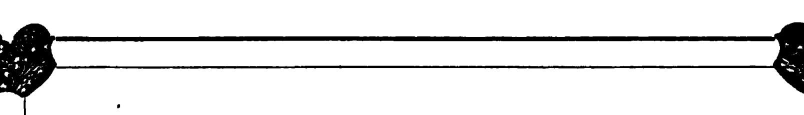
поспѣшивъ откланяться моимъ благодѣтелямъ я съ грустью покинулъ родину и поѣхалъ въ Римъ. Такъ закончилась къ великому моему сожалѣнію, моя профессорская обязанность при Государынѣ Цесаревнѣ. Здѣсь я не могу умолчать, хотя это и не входитъ вовсе въ область моихъ художественныхъ замѣтокъ, объ одномъ эпизодѣ за этотъ періодъ моихъ сношеній съ Ихъ Высочествами,—эпизодѣ, въ которомъ проявилась всегда присущая Имъ высокосердечная доброта. Однажды пришелъ я къ Государынѣ Цесаревнѣ подъ вліяніемъ грустнаго событія, которое не могъ переломить въ себѣ, что скоро было замѣчено Ея Высочествомъ. «Вы сегодня не Алексѣй Петровичъ, котораго я всегда привыкла видѣть»,—сказала мнѣ съ участіемъ Великая Княгиня.—«Извините меня, Ваше Высочество, я, точно, разстроенъ печальнымъ событіемъ, случившимся сегодня подо мною въ академическомъ подвалѣ съ однимъ изъ бѣдняковъ, служителемъ. Сестра его жены, вдова, живущая поденною работою и имѣющая 2 малолѣтнихъ дѣтей, внезапно умерла, оставивъ своихъ сиротъ человѣку, обремененному своею семьей и не имѣющему никакихъ средствъ къ ихъ содержанію. Конечно, я пришелъ на помощь, чтобы предать покойницу землѣ, но теперь надо озаботиться о бѣдныхъ дѣтяхъ. Есть у меня душевный русскій человѣкъ и благотворительный купецъ В. Ѳ. Громовъ, постараюсь призвать его къ этому христіанскому дѣлу».

Выслушавъ меня внимáтельно, Ея Высочество но промолвила ни слова и продолжала работать. Такое затишье со стороны Великой Княгини я счелъ неблагопріятнымъ и сталъ себя упрекать мысленно, что сдѣлалъ une boullete и поступилъ безтактно. Но вотъ шумно и радостно вошелъ въ мастерскую Наслѣдникъ Цесаревичъ. Не давъ Его Высочеству сказать ничего, кромѣ обычныхъ привѣтствій, Государыня Цесаревна обратилась къ Августѣйшему Супругу со слѣдующими словами: «Нашъ Алексѣй Петровичъ сегодня очень грустенъ; надо его порадовать, а потому дай слово, что исполнишь со мною совмѣстно доброе дѣло».—«Да въ чемъ тутъ суть?»—спросилъ Великій Князь. «Это узнаешь сейчасъ, только скажи свое—«да».—«Съ удовольствіемъ, но что это за таинственность?»—«Теперь передайте вашъ разсказъ мужу»,—сказала улыбаясь Цесаревна. Я повторилъ снова мою подвальную исторію. Цесаревичъ, видимо, ею интересовался, и когда я кончилъ, то Великая Княгиня сказала: «ну, теперь ступайте къ Ѳедору Адольфовичу Оому (секретарь Ея Высочества) и скажите, что я беру младшую дѣвочку».—«А отъ меня скажите Василію Васильевичу Зиновьеву (гофмаршалу), что я беру старшую». И всѣ весело пошли къ завтраку.

Пишу эти подробности, чтобы показать, какъ душевно и сердечно было высокое вниманіе Ихъ Высочествъ ко мнѣ, что оно не ограничивалось только добрымъ словомъ, но и дѣломъ.

Каково же было мое удивленіе и радость, когда просиживая тихо и скорбно на Via de Baboino въ Римѣ, я вдругъ былъ удивленъ вошедшимъ ко мнѣ господиномъ, отъ имени Его Величества Короля Датскаго, по желанію Цесаревича и Цесаревны, пришедшаго освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Растерявшись, въ нервномъ состояніи, я заплакалъ отъ радости. Внимательный адъютантъ Короля при этомъ передалъ мнѣ полное сочувствіе Его Величества, которому я и не замедлилъ впослѣдствіи представиться и встрѣтилъ тоже милостивое вниманіе, какимъ я пользовался, проживая при Датскомъ Дворцѣ въ свитѣ Ихъ Высочествъ.

Когда я оставлялъ моихъ благодѣтелей, Наслѣдникъ Цесаревичъ сказалъ: «Пишите Мнѣ, что встрѣтите интереснаго по художеству, да и пріобрѣтайте, что найдете достойнымъ». Съ этихъ поръ начинается моя новая художественная обязанность. Будучи не въ состояніи, по разстроенному здоровью, сейчасъ же исполнить дорогое приказаніе Его Высочества, я только черезъ годъ написалъ первое мое письмо Великому Князю о томъ, что высылаю Ему небольшую картину французскаго художника Жерома—«Наполеонъ I въ Египтѣ передъ пирамидами». По полученіи картины, Его Высочество удостоилъ меня первымъ своимъ письмомъ, содержаніе котораго было чисто художественное. Дѣло было въ маѣ; открылся парижскій салонъ Palais de l'industrie; я не замедлилъ вы-



слать каталоги съ указаніемъ на лучшія картины. Съ тѣхъ поръ я получилъ письменное приказаніе постоянно высылать каталоги всѣхъ капитальныхъ выставокъ. Кромѣ выставокъ, я писалъ Его Высочеству, что желаю познакомить его съ здѣшними публичными продажами въ Nôtel Drouot, черезъ каталоги, прекрасно иллюстрированные съ текстомъ серьезнаго свойства, на что получилъ отвѣтъ: «Каталоги весьма интересны; смотрю ихъ съ удовольствіемъ, а потому не оставляйте ихъ безъ вниманія». Въ это время издавались г. Лемерсье луврскія рѣдкости, весьма художественно; я выслалъ пробный листъ и получилъ приказаніе отъ Его Высочества продолжать. Тоже было и съ дорогимъ изданіемъ венеціанскаго храма св. Марка, длившимся 6 лѣтъ, гдѣ образцы древне-византійскаго искусства весьма интересовали Его Высочество. Въ концѣ изданія было сказано, что хотя оно закончено, но будутъ дополненія. Въ письмѣ Своемъ ко мнѣ Великій Князь говорилъ: «Прошу слѣдить и выслать окончаніе увража, когда оно появится въ свѣтъ». Когда вышли прекрасные рисунки съ работъ Батто (выходили они серіями, въ черномъ видѣ, съ текстомъ), то ими Наслѣдникъ Цесаревичъ тоже весьма заинтересовался.

Я не говорю здѣсь о всѣхъ моихъ высылкахъ, объ иллюстрированныхъ каталогахъ военнаго содержанія, о картинахъ и рисункахъ художника Деневилля и Детайля; упомяну только

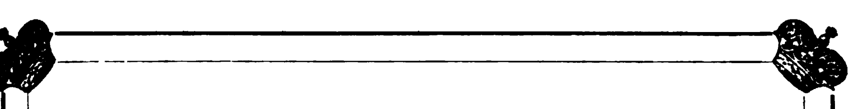
о цѣнныхъ офортахъ и гравюрахъ съ Мейсонье, Мункачи и другихъ художниковъ, которые мнѣ было приказано постоянно доставлять по ихъ появленіи въ свѣтъ.

Въ двукратную свою бытность въ Парижѣ я имѣлъ счастіе постоянно сопутствовать Великой Княгинѣ и Государю Цесаревичу во всѣхъ поѣздкахъ по городу, гдѣ мало-мальски дѣло касалось искусства. Въ это время, въ Парижѣ, насъ, русскихъ художниковъ, было довольно много. Паденіе Плевны сплотило насъ всѣхъ. Мы сдѣлали лотерею; собрали 5.000 франковъ и послали въ общество Краснаго Креста, за что получили Высочайшую благодарность. Ободренные этимъ, мы рѣшили учредить общество взаимной помощи, безплатно помѣщавшееся въ собственномъ домѣ Горація Осиповича Гинсбурга, состоявшаго въ числѣ учредителей и много способствовавшаго матеріально и нравственно нашему упроченію. Во главѣ правленія стали: какъ президентъ, посолъ князь Орловъ и, какъ предсѣдатель комитета, нашъ генеральный консулъ Кумани (посолъ въ Персіи). Казначеемъ поставленъ былъ баронъ Г. О. Гинсбургъ, а секретаремъ И. С. Тургеневъ. При такихъ представителяхъ въ этомъ помѣщеніи мы наскоро собрали выставку и пригласили посѣтить ее Его Высочество Наслѣдника Цесаревича, который только что прибылъ въ Парижъ. Достопамятный день посѣщенія Наслѣдника Цесаревича, принявшаго на Себя дорогое для

30

насъ званіе Почетнаго Покровителя, мы, художники никогда не забудемъ. Все, что было свободнаго (не проданнаго) и замѣчательнаго, Великій Князь пріобрѣлъ для Себя. Затѣмъ Его Высочество осмотрѣлъ наши мастерскія, куда я имѣлъ счастіе Ему сопутствовать, причемъ И. Е. Рѣпину была заказана, по выбору художника, картина изъ былины: «Садко, богатый гость». У художника Полѣнова Великій Князь купилъ жанръ изъ вѣка Генриха II; К. А. Савицкому заказалъ картину «Туристы въ Бурбулѣ»; А. К. Беггрову—изображенія Императорскихъ яхтъ; у художника Н. Д. Дмитріева пріобрѣлъ «Крещенское водосвятіе». Великій Князь посѣтилъ также мастерскія Ю. Я. Лемана, Харламова, Васнецова, Боголюбова и проч., пріобрѣлъ работы акварелиста Лавеццари, а художнику Шиндлеру заказалъ переспективы музея Клюни. Посѣщая мастерскую М. М. Антокольскаго, Его Высочество пріобрѣлъ бронзовыя статуи—«Христа» и «Петра Великаго», послѣдняя украшаетъ нынѣ петергофскій садъ у Монплезира. Впослѣдствіи, этотъ же художникъ исполнилъ для Его Высочества заказы изъ мрамора: «Лѣтописецъ Несторъ» и «Ермакъ». «Умирающій Сократъ» былъ тоже пріобрѣтенъ Имъ позднѣе, какъ и «Ярославъ Мудрый», поднесенный въ даръ художникомъ. Всѣ эти статуи украшаютъ Императорскій эрмитажъ.

Въ оба свои посѣщенія гор. Парижа Наслѣдникъ Цесаревичъ также познакомился и съ



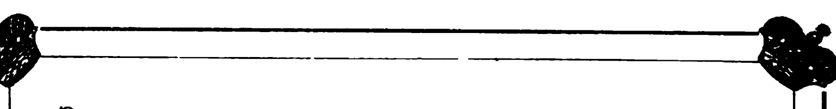
французскими художниками. Будучи ученикомъ знаменитаго Изаббе, которому въ эту пору было 80 лѣтъ, я просилъ Его Высочество сдѣлать честь посѣтить маститаго художника и тѣмъ его осчастливить. Надо было видѣть непритворную радость почтеннаго человѣка, когда вошелъ къ нему Великій Князь. «Отецъ мой,—сказалъ Изаббе,—имѣлъ счастье писать портреты Императоровъ Александра I и Николая I; онъ обожалъ Россію, и я счастливъ видѣть внука Ихъ, который меня осчастливилъ. Я счастливъ также, что Васъ сопровождаетъ мой ученикъ, который Вамъ напомнилъ о своемъ учителѣ».—«Я знаю васъ давно, г. Изаббе, знаю, по работамъ, и вашего отца, миніатюры котораго всегда предо Мною въ петергофской Моей дачѣ—Александріи, а въ Петербургѣ Мой кабинетъ украшаютъ двѣ вашихъ марины; Я любуюсь ими постоянно».

Кромѣ Изаббе, Его Высочество посѣтилъ мастерскія скульптора Поля Дюбуа, Бонна, Ж. Поля, Лорьиса, Бугеро, Жерома, Детайля и Деневилля. Вмѣстѣ съ Государыней Цесаревной Онъ посѣтилъ Лелуара и знаменитаго Мейсонье. Кто зналъ этого геніальнаго художника, тотъ зналъ и его гордость и напыщенность; но при пріемѣ Ихъ Высочествъ, любезность Мейсонье была изумительна. Бесѣдуя съ Великимъ Княземъ о формахъ первой имперіи, великій мастеръ вынулъ изъ портфеля рисунокъ извѣстнаго художника Жерико, гдѣ съ глубокимъ

знаніемъ былъ исполненъ костюмъ и бѣлый конь «Бьюти» Императора Александра I; онъ сказалъ: «Съ этого матеріала я написалъ картину изъ жизни Императора въ Елисейскомъ дворцѣ съ окружавшею Его свитою», Добросовѣстность изысканій при созданіи картинъ поразила Ихъ Высочества, когда мастеръ показалъ Имъ свои работы мускулатуры лошадей, вылѣпленныхъ изъ воска, и сотни вырѣзокъ конныхъ солдатъ; онъ накладывалъ ихъ одна на другую для полученія правильной постановки лошадиныхъ ногъ, когда приходилось изображать полкъ кавалеристовъ въ развернутой линіи. Пишу эти подробности, чтобы показать исполненное глубокаго уваженія, граничащее съ благовѣніемъ вниманіе художника къ Августѣйшимъ Посѣтителямъ, такъ какъ простые смертные никогда не видѣли отъ него такихъ откровеній о своемъ трудѣ да и проводовъ до экипажа, стоявшаго у воротъ его отеля. Посѣщая мастерскую баталиста Деневилля, Его Высочество заказалъ ему картину: «Чердакъ осажденнаго дома во французской деревнѣ», которую я постоянно видѣлъ въ Гатчинскомъ Его Величества дворцѣ. Отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ художниковъ Великій Князь пріобрѣлъ картины, составляющія Его дворцовую галлерею. Посѣщая со мною почтеннаго пейзажиста Добильи, Великій Князь очень восхищался его этюдами. Готовыхъ картинъ не было, а потому Цесаревичъ заказалъ ему пейзажъ при истокахъ рѣки

Сены». Въ это же время была пріобрѣтена картина «Константинополь» извѣстнаго Зіема, у продавца Дюранъ-Рюэля и кромѣ того, «Лошадиная бойня»—Бонвена (Bonvin). Глядя на выборъ этихъ двухъ картинъ, я душевно радовался самобытному вкусу Великаго Князя, такъ какъ «Бойня» можетъ быть оцѣнена только просвѣщеннымъ любителемъ и знатокомъ. При посѣщеніи торговцевъ Жерома, Пети, Дюранъ-Рюэля, Арнольда, Триппа и Гупиля, были пріобрѣтены картины Геннера, Шаплена и Жерома. Зайдя въ магазинъ извѣстнаго бронзовщика Барбедіена, Его Высочество выбралъ много прекрасныхъ, художественныхъ работъ французскихъ мастеровъ и осмотрѣлъ художественную коллекцію хозяина дома. Музеи Лувръ, Люксембургъ, Клюни, Garde Meuble, Гобеленовая фабрика, Севръ, вновь строившаяся опера—все это было осмотрѣно, а также и академіи художествъ, гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ любовался знаменитой фреской Поля-Делароша «Himicicle» и прекрасною коллекціею стараго французскаго готика.

Но самое благодатное вліяніе на Великаго Князя произвело посѣщеніе коллекціи первоклассныхъ древностей нашего соотечественника Базилевскаго. Онъ осматривалъ ее два раза. Все что лично собиралъ до сихъ поръ Цесаревичъ, было только подготовленіемъ къ великому шагу, которымъ Онъ себя ознаменовалъ, сдѣлавшись Императоромъ,—пріобрѣтенію для



Эрмитажа этого, поистинѣ замѣчательнаго собранія Базилевскаго. Къ нему присоединены были потомъ царскосельскіе дорогіе экземпляры оружія и древностей и, такимъ образомъ, Россія получила первоклассный музей древностей, могущій смѣло стать наравнѣ съ извѣстными музеями Европы *).

Впослѣдствіи имѣя счастье бесѣдовать съ Почившимъ Государемъ, я увидѣлъ ясно, какъ Онъ вѣрно понималъ необходимость подобныхъ рѣдкихъ образцовъ для развитія русскаго художественно-промышленнаго дѣла, и какъ постоянною цѣлью Его Величества было: щедро поощряя свободное искусство, по возможности, учреждать въ Россіи художественно-промышленные музеи и ремесленныя школы, равно какъ и вводить обязательное обученіе ремеслу во всѣхъ народныхъ школахъ, чтобы истинные таланты могли проявиться въ нихъ для окончательнаго образованія въ высшей академической школѣ.

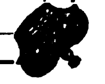
Съ давнихъ поръ я сдѣлался собирателемъ рѣдкостей; въ теченіе 25 лѣтъ моей жизни я трижды составилъ коллекціи картинъ, мебели и другой разнородной утвари. Мысль объ учрежденіи музея и школы въ родномъ моемъ городѣ Саратовѣ меня всегда занимала, тѣмъ бо-

*) Коллекція эта, оцѣненная владѣльцемъ въ 6 милліоновъ франковъ, была провѣрена въ стоимости бывшимъ Государственнымъ Секретаремъ А. А. Половцевымъ, а пріемка и пересылка ея были довѣрены Государемъ мнѣ, при чемъ мнѣ удалось пріобрѣсти ее за $5^1/_2$ милліоновъ франковъ, уплаченныхъ изъ Собственныхъ суммъ Государя Императора.

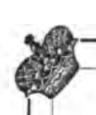
лѣе, что дѣдъ мой извѣстный литераторъ Екатерининскаго вѣка, былъ саратовскимъ помѣщикомъ и именитымъ дворяниномъ. Мысль мою однажды я рѣшился словесно повергнуть на обсужденіе Его Величества и получивъ одобреніе, началъ дѣйствовать. Предложеніе мое было принято саратовскою думою, планъ зданія былъ Высочайше утвержденъ, и черезъ три года музей былъ открытъ, а я былъ осчастливленъ слѣдующею Высочайшею телеграммою изъ Петербурга:

«Благодарю сердечно за телеграмму и радуюсь освященію Радищевскаго музея, которому отъ души желаю успѣха и процвѣтанія на пользу художества и искусства въ Россіи».

Первоначальная моя коллекція была, конечно, весьма незначительна, но Государь Императоръ оказалъ щедрую помощь новому учрежденію. Онъ далъ мнѣ право выбрать изъ складовъ Эрмитажа дубликаты картинъ древней школы. Императорскіе заводы: фарфоровый, гранильные и стеклянные снабдили меня своими дубликатами всякаго рода и разныхъ эпохъ; Императорскій кабинетъ отпустилъ излишніе мраморы и другіе предметы. Когда же состоялась покупка Голицинской галлереи въ Москвѣ, то Государь снова велѣлъ передать въ Радищевскій музей все, что оказалось непригоднымъ для Эрмитажа, такъ что я получилъ дорогія картины, прекрасный фаянсъ и фарфоръ русскій и Louis XV со множествомъ мелкихъ бронзъ и японскихъ рѣд-

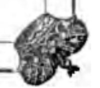


костей. И такъ, благодаря щедрому покровительству Монарха, въ Россіи открылся первый губернскій художественно-промышленный музей. Оставалось учредить школу и я снова имѣлъ счастіе пользоваться указаніями Его Величества, чтобы подчинить ее центральной школѣ барона Штиглица и держать, какъ филіальное отдѣленіе, для чего мною были пожертвованы, по моей смерти, 200,000 рублей, которые, по Высочайшему повелѣнію, приняты государственнымъ банкомъ на вѣчное пользованіе процентами, въ размѣрѣ 8,000 р. Благодаря рѣшенію предсѣдательницы учрежденій барона Штиглица, Н. М. Половцевой, и предсѣдателя совѣта училища А. А. Половцева, открытіе Боголюбовской школы обезпечивалось до моей смерти выдачей этой суммы совмѣстно съ гор. Саратовомъ, но, по урегулированіи всего, оставалось, чтобы гор. Саратовъ обязался вѣчно прибавлять къ ней 900 рублей. Сумму эту я хотѣлъ тоже обезпечить взносомъ капитала, но Его Величество изволилъ сказать мнѣ: «этого не дѣлайте, а предоставьте городу быть всегда помощникомъ вашей благотворительности, не лишая его должнаго интереса и попеченія о музеѣ и вашей школѣ». Всѣ эти подробности привожу собственно для того, чтобы показать, какъ мудры и внимательны были указанія Государя къ столь малому дѣлу. Государь до такой степени интересовался искусствомъ, что входилъ въ самые незначительные, чисто техническіе вопросы. Такъ,



когда я ознакомился въ Парижѣ съ производствомъ живописи на лавѣ, и представилъ образцы этого производства, сдѣланные мною, Его Величество очень заинтересовался новымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что оно такъ близко къ нашему древнему производству росписныхъ изразцовъ, которыми одѣвались старинные храмы. Въ это время, въ Копенгагенѣ, созидались русская православная церковь, по иниціативѣ и щедротами нашего Государя, и въ ней одинъ образъ, именно св. Александра Невскаго, былъ написанъ профессоромъ Бронниковымъ на лавѣ. Его Величество, убѣдясь въ пригодности лавы для замѣны дорого стоющей мозаики, повелѣлъ устроить при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ мастерскую для лавнаго производства.

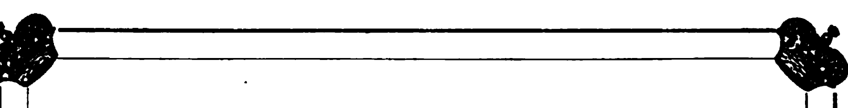
Коснувшись церковной живописи, слѣдуетъ замѣтить, что у Почившаго Императора было Свое, несомнѣнно правильное воззрѣніе, а именно, что церковная живопись не должна быть итальянскою, или вообще западною, но чисто старогреческою, византійскою, древнею Рублевскою, Строгановскою или старомосковскою. Художникъ, нынѣ профессоръ А. М. Васнецовъ, понялъ мысль нашего Государя и, расписывая кіевскій храмъ св. Владиміра, осуществилъ и указалъ путь, по которому слѣдуетъ идти современной церковной живописи,—исполнивъ между другими замѣчательными произведеніями и образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, копія съ котораго была пріобрѣтена Государемъ Импера-



торомъ. Другой храмъ въ С.-Петербургѣ, строящійся на мѣстѣ кончины Царя-Освободителя, по повелѣнію Его Величества, тоже будетъ расписанъ въ томъ же стилѣ, тѣмъ же нашимъ талантливымъ художникомъ Васнецовымъ, котораго Государь впервые узналъ въ Парижѣ, когда онъ еще писалъ на темы русскаго эпоса.

Можно сказать, что всѣ крупныя событія жизни, каждый шагъ покойнаго Государя отражался въ искусствѣ. Во время послѣдней турецкой войны Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу сопутствовалъ художникъ В. Д. Поленовъ, написавшій нѣкоторыя пейзажныя картины для Великаго Князя, а по окончаніи войны— мѣста жительства въ Болгаріи Цесаревича было изображены извѣстнымъ нашимъ художникомъ Похитоновымъ. Коронаціонныя событія въ Москвѣ призвали къ дѣлу множество художниковъ, которымъ было поручено исполнить обширный альбомъ, изданный впослѣдствіи хромолитографскимъ способомъ. Французскій художникъ Беккеръ въ двухъ картинахъ увѣковѣчилъ это событіе; обѣ картины имѣютъ множество портретовъ весьма сходныхъ, и будутъ очень дороги по своему интересному содержанію. Кромѣ того, приказано было профессору Боголюбову и профессору Клеверу исполнить картины иллюминаціи Кремля.

Крупныя морскія событія, какъ открытіе Морскаго канала въ С.-Петербургѣ, пріѣздъ въ Кронштадтъ и Ревель германскаго императора и



встрѣча французской эскадры въ Кронштадтѣ — поручено было писать художникамъ морскаго министерства А. П. Боголюбову и А. К. Беггрову, а посѣщеніе Тулона русской эскадрой адмирала Авелана, въ 1893 г., исполняютъ художники: Боголюбовъ, Гриценко, Ткаченко.

Во время многочисленныхъ поѣздокъ Государя по Россіи, Его Величеству постоянно сопутствовалъ придворный художникъ Зичи, исполняя бытовыя сцены.

Древнія наши церкви Ярославля, Углича и другихъ городовъ, съ ихъ внутреннимъ убранствомъ, постоянно писалъ акваларистъ художникъ М. Я. Вилье, уснащая мѣстными виньетками.

Для лѣтнихъ прогулокъ по Финляндіи приглашались художники Бегровъ, Бенуа и друг.

Живопись военныхъ сценъ въ лагерное время и. большихъ маневровъ всегда интересовала Государя, къ чему былъ призванъ художникъ военнаго министерства Н. М. Прянишниковъ, а также приглашался извѣстный французскій художникъ Детайль, вынесшій о Государѣ и русскомъ войскѣ самыя отрадныя воспоминанія.

За прошедшее Царствованіе столицы наши и губернскіе города украшались памятниками и бюстами нашихъ героевъ войны, поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ, исполненными отечественными художниками.

Московскій памятникъ Своему незабвенному Родителю, Императору Александру II, Почив-

шій Государь лично опредѣлилъ быть исполненнымъ въ стилѣ древняго Кремля для соблюденія общей гармоніи, не взирая на троекратные конкурсы, которые были признаны не осуществлявшими мысли о величіи Царя-Освободителя.

Памятникъ смѣлому Пржевальскому, стоящій на дальнемъ рубежѣ нашей восточной границы, тоже говоритъ, что и этотъ дѣятель не забытъ Почившимъ Государемъ.

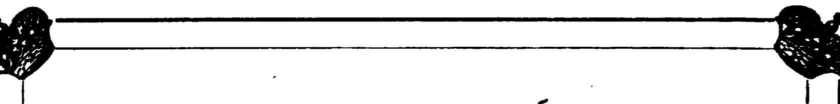
Переходя къ широкому покровительству Государя искусствамъ вообще, надо прежде всего сказать о 20,000 руб., ежегодно отпускаемыхъ Кабинетомъ Его Величества академіи художествъ съ цѣлью наполнять художественными произведеніями вновь открывающіеся музеи, какъ въ провинціи, такъ и въ С.-Петербургѣ.

Помимо щедрой помощи искусству указанную суммою, Ихъ Величества, посѣщая выставки, постоянно пріобрѣтали на нихъ картины, лично поощряя родное художество. Художники: Рѣпинъ, Полѣновъ, Савицкій, Васнецовъ и многіе другіе щедро были оплачиваемы за свои произведенія.

Одно время среди русскаго искусства образовался расколъ, и группа даровитыхъ художниковъ, желая освободится отъ академической рутины, составила «товарищество передвижныхъ выставокъ». Первоначально начальство академіи поощряло его, но впослѣдствіи не находило возможнымъ дать ему пріютъ въ стѣнахъ своихъ, что заставило передвижниковъ ютиться гдѣ придется.

Мудрый Государь нашъ не оставилъ и передвижниковъ безъ поощренія: посѣщалъ ихъ выставки со всею Августѣйшею Семьей и завершилъ Свое сочувственное отношеніе къ нимъ учрежденіемъ особой комиссіи для выработки новаго академическаго устава, которымъ нынѣшняя академія обновлена на совершенно новыхъ началахъ. Учрежденъ институтъ почетныхъ и постоянныхъ членовъ академіи, состоящій изъ 60 лицъ, вѣдающихъ русское искусство, подъ руководительствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, учреждена высшая художественная школа съ совершенно обновленнымъ составомъ профессоровъ, съ свободными мастерскими и свободнымъ конкурсомъ для полученія наградъ. Эта Монаршая милость драгоцѣнна для русскаго художества и непремѣнно двинетъ его впередъ появленіемъ новыхъ талантовъ.

Нельзя не упомянуть о широкомъ неоднократномъ поощреніи, которое оказывалъ Государь с.-петербургскому обществу поощренія художествъ, состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. И здѣсь Его Величество преслѣдовалъ Свою высокую мысль, что прикладное художественно промышленное искусство есть разсадникъ художественнаго вкуса и основаніе для художественнаго развитія, вообще. Что касается парижскаго общества взаимнаго вспомоществованія художниковъ, облагодѣтельствованнаго Цесаревичемъ, то



оно существуетъ до сихъ поръ, благодаря ежегодной субсидіи Его Величества. Вступивъ на Престолъ, Государь передалъ Свое высокое попечительство Великому Князю Владиміру Александровичу.

Независимо отъ щедраго покровительства цѣлымъ художественнымъ ассоціаціямъ, многія и отдѣльныя лица, заявившія себя полезными трудами на поприщѣ искусства, были также взысканы Восочайшимъ покровительствомъ. Многіе, какъ художники, такъ литераторы и музыканты, получали пенсіи, награды; семьи послѣ ихъ смерти не оставались безъ помощи. Эта щедрая помощь талантамъ съ высоты Престола получила дальнѣйшее развитіе уже въ настоящее Царствованіе, когда Высочайшій Указъ о дарованіи въ распоряженіе академіи наукъ ежегодно по 50,000 руб.—внесъ систему и регулярность въ это высокоблаготворное дѣло.

Нельзя не упомянуть съ благодарностью и о другомъ знаменательномъ недавнемъ событіи, которое является связующимъ звеномъ между царствованіемъ настоящимъ и прошедшимъ. Этимъ незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего искусства событіемъ является Высочайшее повелѣніе объ устроеніи въ С.-Петербургѣ русскаго музея Имени Александра III. Чрезъ него два Царствованія связываются неразрывно, какъ мысль и выполненіе. И дѣйствительно, мысль о такомъ музеѣ была завѣтною мечтою покойнаго Государя. Съ своею чуткою ко всему изящному и вмѣстѣ съ

тѣмъ глубоко русскою душою, Онъ не могъ не видѣть, какой пробѣлъ существуетъ въ Его столицѣ, не имѣющей такого хранилища, гдѣ бы въ объединенномъ видѣ было представлено наше родное искусство.

Въ бытность свою въ Москвѣ, Государь, посѣщая замѣчательную Третьяковскую галлерею, могъ видѣть, какъ цѣнно оно въ своей цѣлостности. И когда братья П. и С. Третьяковы подарили свою галлерею городу, Государь горячо привѣтствовалъ великодушныхъ жертвователей. Тѣмъ сильнѣе сознавалъ Онъ недостатокъ подобнаго учрежденія въ нашей сѣверной столицѣ. Несомнѣнно, съ этою мыслью многія картины пріобрѣталъ Государь и, имѣя въ виду именно будущій музей. По судьбамъ Божіимъ, не успѣлъ Онъ совершить задуманное, но Державный Преемникъ его на первыхъ порахъ приступилъ къ исполненію завѣтовъ Усопшаго Родителя.

Конечно, въ моихъ краткихъ воспоминаніяхъ о Государѣ Императорѣ, какъ высокомъ покровителѣ и просвященномъ любителѣ искусствъ, я не могъ собрать всѣхъ подробностей о Его пріобрѣтеніяхъ и поощреніяхъ художниковъ. Близкіе люди, какъ министръ Высочайшаго Двора, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, лучше всѣхъ знають, какъ былъ щедръ и внимателенъ Государь ко всему, что требовало поощренія и помощи.

Придетъ время, когда будущій историкъ, по-

дробнѣе и глубже коснется этого предмета, а я скажу въ заключеніе, что умирая, буду благословлять Бога, что онъ даровалъ мнѣ счастье узнать близко все величіе души незабвеннаго, въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

САМОДЕРЖЕЦЪ.

(Пер. съ датскаго).

Немногимъ изъ монарховъ приходилось вступать на престолъ при столь трудныхъ условіяхъ, какими было обставлено восшествіе на престолъ Императора Александра III. Мало кому приходилось имѣть дѣло съ такимъ недовѣріемъ, съ такимъ предубѣжденіемъ. Императору Александру III приходилось, путемъ неустанныхъ трудовъ, завоевывать уваженіе и довѣріе Своихъ современниковъ. И, несмотря на то, что потрясающее извѣстіе о кончинѣ Монарха заставило въ самыхъ сочувственныхъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ высказаться о Немъ даже и тѣхъ, кто при жизни Его старался умалять значеніе и величіе Его подвиговъ, все же Европа не успѣла еще вполнѣ оцѣнить Его громадныя заслуги въ дѣлѣ внутренней политики. Европа, которая была свидѣтельницей дѣла Нидервальда, безчисленныхъ анархистскихъ покушеній въ Вѣнѣ, Барцелонѣ, Парижѣ, Лондонѣ, и которая была вынуждена прибѣгнуть къ исключительнымъ законамъ для подавленія анархизма, должна бы быть нѣсколько скромнѣе и смотрѣть на русскій анархизмъ съ бóльшимъ безпристрастіемъ. Ей слѣдо-

вало-бы судить о нигилизмѣ и поведеніи Императора Александра III послѣ кончины Императора Александра II не такъ, какъ судила она Россію въ 1881 году, когда смотрѣла на нее какъ на дикую страну, служившую убѣжищемъ сумасшедшимъ, невмѣняемымъ преступникамъ. Но этой скромности покуда еще не замѣтно, и Европа 1894 года продолжаетъ притворяться, что ей рѣшительно ничего неизвѣстно о Вальянѣ, Каммашерѣ, Сальвадорѣ, Рейнсдорфѣ и о томъ ужасѣ, какой внушаетъ европейскимъ законодателямъ «красное страшилище».

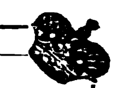
Игрою капризной и жестокой судьбы, Императоръ Александръ III былъ неожиданно призванъ къ управленію дѣлами величайшаго въ мірѣ государства. У гроба Своего почившаго Родителя, принимая въ Свои Руки бразды правленія, Императоръ Александръ III проникся яснымъ сознаніемъ величія и трудности, выпавшей на Его долю задачи, требовавшей немедленнаго разрѣшенія.

Положеніе, принятое Молодымъ Государемъ отъ Своего Родителя, было неимовѣрно тяжелое. Можно безъ преувеличенія сказать, что рѣдко въ исторіи міра приходилось Монарху начинать царствованіе подъ гнетомъ столь тяжелаго духовнаго бремени, какъ Императору Александру Ш. Двѣ трудныя задачи разомъ предстояли Ему къ разрѣшенію: одна—задача правосудія, задача строгаго возмездія за ужасное преступленіе, пресѣкшее жизнь Царя и Родителя, другая,—

въ умственной мглѣ провидѣть свѣтъ, въ вѣяніяхъ и стремленіяхъ времени отличить ложь отъ правды, потребность жизни отъ искуственной прихоти безпочвеннаго либерализма. Какая работа для сердца, какая работа для ума: какое напряженіе требовалось для вниманія, для размышленія, для совѣсти..

Прошло въ этой духовной страдѣ нѣсколько дней, и вотъ, наконецъ, Царь пришелъ къ окончательному рѣшенію. Одиннадцатаго мая Онъ издалъ манифестъ, заканчивающійся слѣдующими словами: «Въ Нашей великой скорби Божій Промыслъ повелѣваетъ Намъ крѣпко держать бразды правленія. Покоряясь волѣ Провидѣнія и проникнутые сознаніемъ истины и силы самодержавной власти, Мы, ради счастія Нашего народа, готовы защищать ее отъ всякихъ посягательствъ».

Къ этому рѣшенію Императоръ пришелъ послѣ долгихъ и тщательныхъ размышленій, но съ того момента, какъ оно было принято, Императоръ уже болѣе никогда не колебался. Царь былъ и остался самодержавнымъ, твердо вѣря въ то, что самъ Богъ указалъ Ему этотъ путь къ счастію русскаго народа. Были люди, которые не могли не найти въ самодержавіи извѣстныхъ недостатковъ, причемъ указывали на нечеловѣческій трудъ Царя, подробно вникавшаго во всѣ явленія жизни государства, и что это обстоятельство подчасъ отвлекало Его вниманіе отъ болѣе важныхъ вопросовъ. Но въ этомъ отношеніи со-



временной Европѣ, къ сожалѣнію, пережившей не мало горькихъ опытовъ съ парламентскимъ режимомъ, и съ ужасающею быстротою удалившейся отъ золотого вѣка, въ которомъ жила она до тѣхъ поръ, пока не позволила Бисмарку сорвать первые плоды его политики крови и желѣза и обрушиться на маленькую Данію, — послѣ столь горькихъ испытаній современной Европѣ слѣдовало бы быть нѣсколько скромнѣе сравнительно съ тѣмъ, что она была раньше. Покуда еще не было такого человѣка, которому посчастливилось бы выдумать хорошую и прочную форму представительства, и теперь, старательнѣе чѣмъ когда-либо, пытаются отыскать этотъ *философскій камень*, и кто знаетъ, быть можетъ, камень этотъ окажется совершенно непримѣнимымъ, послѣ того какъ онъ будетъ открытъ путемъ громадныхъ усилій и трудовъ.

Но, какъ бы ни судили о самодержавіи, какъ о политическомъ принципѣ, тотъ, кто пожелаетъ быть справедливымъ и безпристрастнымъ въ своихъ сужденіяхъ, познаетъ, что Императоръ Александръ III былъ поистинѣ рѣдкій, выдающійся Самодержецъ, одаренный великими нравственными добродѣтелями, преисполненный любовью и преданностью къ своему долгу и отличавшійся твердою и прямою волею. Есть люди, утверждающіе, что ограниченіе правъ евреевъ, обрусеніе Прибалтійскихъ провинцій, исключительное тяготѣніе къ православію, набрасываютъ нѣкоторую тѣнь на царствованіе

почившаго Императора, но всѣ эти предначертанія являются прямымъ слѣдствіемъ великаго принципа, коимъ неизмѣнно руководствовался Александръ III: *Россія для русскихъ! Великая русская православная Имперія!* Не одинъ Побѣдоносцевъ, но также,—о чемъ знаютъ очень немногіе,—въ дѣлѣ религіознаго воспитанія, съ ранняго дѣтства, на Императора Александра III имѣла громадное вліяніе покойная Императрица Марія Александровна. Когда въ Ниццѣ докторъ, лѣчившій Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, желая раздѣлить отвѣтственность съ однимъ изъ своихъ коллегъ, предложилъ Императрицѣ пригласить на консультацію тайнаго совѣтника Траубе, Ея Величество сначала согласилась, но затѣмъ, узнавъ, что онъ исповѣдуетъ іудейство, сказала: «Наслѣдникъ Цесаревичъ не можетъ принять его услугъ».

Люди, которымъ особенно довѣрялъ покойный Императоръ Александръ III, были сильно вооружены противъ евреевъ. Графъ Игнатьевъ, по иниціативѣ котораго былъ изданъ направленный противъ евреевъ указъ 18-го мая 1882 года, былъ убѣжденнымъ врагомъ евреевъ. Позднѣе, стали говорить, что этотъ указъ былъ неправильно понятъ, и что если бы Игнатьевъ остался у власти, то указъ былъ бы совершенно иначе приведенъ въ исполненіе. Графъ Игнатьевъ потерялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ вскорѣ послѣ опубликованія помянутаго указа. Этотъ эпизодъ

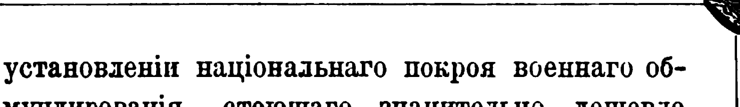
ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Императоръ Александръ III, не взирая на твердо установившіяся религіозныя убѣжденія, былъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ быть справедливымъ по отношенію ко всѣмъ Своимъ подданнымъ. Датчане имѣютъ свои причины сочувствовать борьбѣ за сохраненіе національныхъ особенностей, но историкъ и политическій дѣятель не могутъ презирать великую идею объединенія, на которой была основана борьба Побѣдоносцева и Императора противъ всякаго проявленія партикуляризма въ Россіи. Во всякомъ случаѣ нѣмцы, или лучше — пруссаки, такъ какъ между этими категоріями существуетъ несравненно бо̀льшая разница, нежели объ этомъ принято думать,—не имѣютъ ни малѣйшаго права соболѣзновать Прибалтійскимъ провинціямъ, такъ какъ они сами въ значительно большей степени, сравнительно съ Россіей, преслѣдуютъ право существованія не нѣмецкихъ національностей, состоящихъ въ германскомъ подданствѣ.

Съ той минуты, какъ Императоръ Александръ III пришелъ къ сознанію, что самодержавіе является единственною вѣрною и прочною основою національнаго развитія Россіи, Онъ весь проникся духомъ самодержавія и былъ Самодержцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Говорятъ, что Императоръ Александръ III былъ собственнымъ Своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, что безусловно вѣрно. Даже во время пребыванія въ Фреденсборгѣ, куда рус-

ская Императорская Семья пріѣзжала отдохнуть, Александръ III тщательно просматривалъ всѣ государственныя бумаги, дѣлая на нихъ своимъ большимъ синимъ карандашемъ собственноручныя помѣтки и замѣчанія. Разъ въ годъ, всѣ губернаторы должны были Ему лично представлять доклады о состояніи ввѣренныхъ имъ губерній, и Императоръ не оставлялъ ни одного изъ этихъ докладовъ непрочитаннымъ.

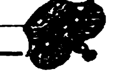
Александръ III не былъ великимъ реформаторомъ. Онъ былъ дѣятельный и въ высшей степени добросовѣстный администраторъ. Онъ почиталъ Своею непремѣнною обязанностью руководить всѣми отраслями государственной администраціи, даже и такими, которыя Его мало занимали. Уже по своей натурѣ Онъ не чувствовалъ призванія къ военному дѣлу, но это не мѣшало Ему заниматься какъ военнымъ, такъ и морскимъ дѣлами. Онъ многое сдѣлалъ на пользу защиты имперіи. При помощи военнаго министра Ванновскаго, Онъ поднялъ русскую армію на ту высоту, какая представляется необходимою теперь при существованіи въ Европѣ политики вооруженнаго мира, политики, заставляющей европейскія державы имѣть громадныя арміи. Императоръ Александръ III увеличилъ протяженіе стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій, сосредоточилъ на западной границѣ армію въ 500.000 человѣкъ и преобразовалъ экипировку арміи. Въ послѣдней реформѣ національныя стремленія Императора выразились въ



установленіи національнаго покроя военнаго обмундированія, стоющаго значительно дешевле сравнительно съ прежнею экипировкою.

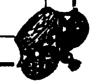
Въ дѣлѣ систематическаго развитія средствъ государственной обороны,—говоритъ «Nord. Allg. Ztg.» въ нумерѣ отъ 20 ноября 1894 года, энергія Императора представляется безпримѣрною. При Александрѣ III произведены крупныя реформы какъ въ военной администраціи, такъ равно и въ дѣлѣ военнаго образованія и боевой подготовки арміи. Императоръ Александръ III поднялъ значеніе маневровъ и никогда не упускалъ случая выказать арміи Свое особое благоволеніе, какъ, напр., по случаю пятидесятилѣтней годовщины основанія русской артиллеріи,—годовщины, отпразднованной 20 ноября 1889 года. Александръ III, будучи еще Наслѣдникомъ Престола, принялъ на себя иниціативу образованія добровольнаго флота; затѣмъ, впослѣдствіи, уже Императоромъ, Онъ высказывалъ особенную заботливость по отношенію къ военно-морскому дѣлу. При почившемъ Императорѣ балтійскій флотъ значительно увеличился и усовершенствовался; Онъ же создалъ и Черноморскій флотъ. Его заботы о флотѣ вполнѣ ясно сказались въ рескриптѣ 24 августа 1893 на имя Генералъ-Адмирала, Великаго Князя Алексѣя Александровича относительно сооруженія громаднаго военнаго порта въ Либавѣ.

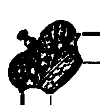
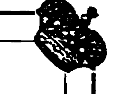
Императоръ Александръ III съ неменьшимъ вниманіемъ и заботливостью относился и ко



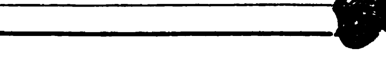
всѣмъ остальнымъ государственнымъ дѣламъ, и всюду Его личное участіе давало самые благопріятные результаты. Чтобы произвести безпристрастную оцѣнку результатовъ, достигнутыхъ Самодержавною волею почившаго Императора, необходимо имѣть въ виду тѣ условія, при которыхъ Онъ принялъ въ Свои руки бразды правленія. Въ то время, какъ нельзя болѣе, къ Россіи подходило сравненіе съ *колоссомъ на непрочныхъ глиняныхъ ногахъ*. Война съ Турціей выдвинула всѣ слабыя стороны имперіи. Неудачи первыхъ военныхъ дѣйствій, особенно пораженіе подъ Плевною, сильно подорвали довѣріе страны по отношенію къ правительству. Государственный бюджетъ былъ отягченъ крупнымъ дефицитомъ; ошибки въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ,—ошибки, отнюдь не зависѣвшія отъ воли Царя-Освободителя, но явившіяся вслѣдствіе неяснаго пониманія великой реформы самими крестьянами, выразились въ формѣ возроставшаго недовольства сельскаго населенія. Крестьяне прониклись убѣжденіемъ, что Царь заботится о нихъ, но что дворянство доводитъ крестьянъ до полнаго разоренія. На этой почвѣ всеобщаго недостатка и разцвѣлъ нигилизмъ, плоды котораго выразились въ цѣлой серіи возмутительныхъ покушеній.

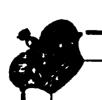
Прежде всего, по восшествіи на престолъ, Императору Александру III предстояло сокрушить анархистское движеніе. Борьба представлялась опасною, но Царь былъ недоступенъ



чувству страха. Не взирая ни на какія предостереженія и убѣжденія, Императоръ смѣло вступилъ въ борьбу. Императоръ санкціонировалъ приговоръ верховнаго суда и, 15-го апрѣля 1891 года, виновники ужаснаго преступленія, совершеннаго 1-го марта, Рысаковъ, Желябовъ, Михайловъ, Кибальчичъ и Софья Перовская, были преданы смертной казни. Затѣмъ была организована особая комиссія для изысканія средствъ къ борьбѣ съ нигилизмомъ и, согласуясь съ мнѣніемъ помянутой комиссіи, Императоръ, 16 сентября 1891 года, издалъ указъ, въ силу котораго властямъ были предоставлены обширныя права въ дѣлѣ преслѣдованія всѣхъ болѣе или менѣе подозрительныхъ лицъ. Эти права были реформою очень опасною, и не подлежитъ сомнѣнію, что были случаи злоупотребленія этими правами,—но при этомъ невольно напрашивается сравненіе Россіи съ государствами Западной Европы. То, что сдѣлала Россія въ 1881 году, то совершается теперь въ названныхъ европейскихъ государствахъ. Германія ведетъ въ настоящее время ожесточенную борьбу противъ революціонерныхъ партій и германское правительство готово прибѣгнуть къ еще болѣе репрессивнымъ мѣрамъ, сравнительно съ тѣми, какія изложены были въ Высочайшемъ Указѣ Императора Александра III. Затѣмъ не нужно забывать ту исключительно тяжелую обстановку, подъ впечатлѣніемъ которой былъ изданъ этотъ Указъ. Результаты до нѣкоторой степени оправ-



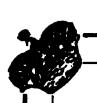


дываютъ средства; въ данномъ случаѣ результаты получились самые отрадные. Въ короткій сравнительно промежутокъ времени Русскому Императорскому Правительству удалось съ корнемъ вырвать нигилизмъ и пресѣчь дальнѣйшее развитіе ужасной эпидеміи покушеній. Были нѣкоторые единичные случаи проявленія нигилизма, но, въ общемъ, эта вредная пропаганда, отошла теперь въ Россіи въ область преданій, тогда какъ въ другихъ странахъ анархизмъ и до сихъ поръ не перестаетъ прогрессировать въ своемъ развитіи.

Въ дѣлѣ государственныхъ финансовъ Императоръ Александръ III достигъ поразительныхъ результатовъ. Въ моментъ восшествія Его на престолъ финансы Россіи были далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Освобожденіе крестьянъ и Турецкая кампанія значительно истощили средства Россіи, и послѣдній годъ царствованія Императора Александра II закончился дефицитомъ въ девяносто восемь милліоновъ рублей. Въ 1893 году государственные доходы увеличились на сто семьдесятъ милліоновъ рублей, а въ первое полугодіе 1894 года сумма государственныхъ доходовъ на шестьдесятъ пять милліоновъ рублей превышала сумму ординарныхъ государственныхъ расходовъ. Императоръ Александръ III весьма удачно выбиралъ Своихъ министровъ финансовъ. Тайный совѣтникъ Бунге былъ глубокій знатокъ финансоваго дѣла, но Императоръ находилъ его недостаточно энергич-

нымъ, особенно въ дѣлѣ борьбы съ Бисмаркомъ, угрожавшимъ Россіи серьезнымъ пониженіемъ русскихъ бумагъ. Для Императора Бунге былъ недостаточно націоналенъ. Какъ-то разъ Бунге произнесъ рѣчь, переполненную иностранными техническими выраженіями. Выслушавъ его, Императоръ сухо сказалъ: «Пришлите мнѣ человѣка, умѣющаго говорить по-русски»! Вышнеградскій, назначенный на постъ министра финансовъ въ началѣ 1887 года, какъ нельзя болѣе отвѣчалъ требованіямъ и взглядамъ Императора; искренно преданный русскому національному дѣлу, онъ, какъ министръ финансовъ, отличался хладнокровіемъ и поразительною энергіей. Вышнеградскій самымъ блестящимъ образомъ проявилъ свои способности въ дѣлѣ управленія русскими финансами. Въ моментъ назначенія Вышнеградскаго на постъ министра финансовъ, Россія далеко еще не успѣла оправиться отъ понесенныхъ ею громадныхъ потерь. Въ 1883 году она была вынуждена прибѣгнуть къ заключенію займа на весьма тяжелыхъ условіяхъ, затѣмъ въ 1884 году былъ заключенъ еще новый заемъ, поставившій Россію въ извѣстную финансовую зависимость отъ Германіи. Попытки князя Бисмарка воспользоваться этими денежными затрудненіями Россіи, чтобы нанести рѣшительный ударъ имперіи въ эпоху, когда война казалась неизбѣжною, послужили поводомъ къ крупнымъ политическимъ переворотамъ, совершившимся за послѣдніе годы. Императоръ

былъ сильно возмущенъ запрещеніемъ, изданнымъ Бисмаркомъ 10-го ноября 1887 года, въ силу котораго Національному банку возбранялось выдавать ссуды подъ русскія бумаги. Но ни Самъ Императоръ, ни Его ближайшіе совѣтники по финансовымъ вопросамъ, сначала Вышнеградскій, а затѣмъ нынѣшній министръ финансовъ Витте, не теряли ни на минуту спокойствія и хладнокровія. Изъ знаменитаго разговора своего съ Императоромъ Александромъ III, происходившаго 18-го ноября, Бисмаркъ, кажется, успѣлъ убѣдиться въ печальныхъ послѣдствіяхъ изданнаго имъ запрещенія. На другой же день послѣ помянутаго разговора, 19-го ноября, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» опубликовала статью, въ которой говорилось, что экономическія столкновенія ни въ какомъ случаѣ не должны вліять на политическія отношенія, существующія между отдѣльными государствами. Позднѣе, Бисмаркъ неразъ, особенно во времена борьбы изъ-за вопроса о торговыхъ договорахъ, высказывалъ тотъ же взглядъ, возвращаясь, какъ и всегда, къ своимъ прошлымъ политическимъ ошибкамъ, причемъ онъ неизмѣнно утверждалъ, что только такъ и можно было поступать. Однако, ему не многихъ удалось убѣдить въ томъ, что изданное имъ запрещеніе «Національному банку» не имѣло вредныхъ политическихъ послѣдствій и что это запрещеніе не увеличило неудовольствія Императора, возбужденнаго *фальшивыми* болгарами,



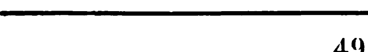
и не было причиною той холодности, съ какою Александръ III слушалъ 18-го ноября 1887 года объясненія Бисмарка относительно русскихъ бумагъ. Уже тогда Бисмаркъ понялъ, что волю Царя насиловать не приходится, не взирая на то, что Императоръ на первое время отнесся совершенно пассивно къ запрещенію, данному Бисмаркомъ Націбнальному банку, запрещенію, поставившему Россію въ положеніе второразрядной державы въ смыслѣ финансовомъ. Вышнеградскій также сохранялъ полное спокойствіе; онъ объявилъ одному изъ берлинскихъ финансистовъ, что находитъ поведеніе великаго германскаго канцлера вполнѣ понятнымъ и что на мѣстѣ Бисмарка онъ поступилъ бы совершенно также. Но Императоръ и Его министръ въ тишинѣ готовились дать отпоръ. Лишь только установилось нѣкоторое спокойствіе, какъ при посредствѣ датско-французскаго банкира Госкіера, они предприняли ту серію французскихъ финансовыхъ операцій, которыя обезпечили русскимъ бумагамъ твердое положеніе на міровомъ рынкѣ. Вотъ прямыя послѣдствія бисмарковскаго запрещенія «Національному банку» выдавать ссуды подъ русскія бумаги. Напрасно берлинскіе банкиры пытались спасти великаго канцлера отъ полнаго пораженія. Въ борьбѣ, затѣяной противъ французскихъ финансистовъ, чтобы добиться пониженія русскихъ бумагъ, французская биржа устояла противъ всѣхъ нападокъ и вышла побѣдительницею. Такимъ образомъ, финансовая политика Императора Александра III увѣнчалась полнѣйшимъ успѣ-

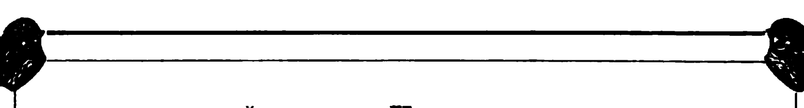
хомъ. Въ концѣ концовъ, правительство графа Каприви вынуждено было снять запрещеніе, наложенное княземъ Бисмаркомъ. Это событіе было послѣднею побѣдою Императора Александра III.

Не такъ давно,—разсказываетъ одинъ изъ друзей парижскаго корреспондента газеты «Times», при Русскомъ Дворѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, съ какимъ названіемъ перейдетъ Императоръ Александръ III въ исторію. Одинъ изъ придворныхъ назвалъ Императора «Справедливымъ». «Нѣтъ,—возразилъ Александръ III,—Я былъ и буду *Императоромъ крестьянъ*. Нѣкоторые изъ Моихъ приближенныхъ называли Меня такъ въ шутку и этимъ самымъ возбудили во Мнѣ особенное сочувствіе къ мужику. Я пробовалъ также доставлять средства къ жизни низшимъ классамъ и Я нахожу, что это лучшій способъ двигать жизненную машину. Какъ только народъ приходитъ къ сознанію, что онъ гарантированъ отъ голодной смерти, онъ благословляетъ Бога и любитъ своего Монарха, представляющаго земного Бога. Я искренно желаю заслужить имя *Царя крестьянъ*».

Въ этихъ словахъ есть черты, вполнѣ соотвѣтствующія характеру Императора Александра III. Почившій Монархъ-Самодержецъ особенное вниманіе удѣлялъ положенію быта крестьянъ, и впродолженіи всего царствованія не переставалъ заботиться о нихъ.

Большинство крестьянъ не успѣло еще выполнить своихъ обязательствъ по отношенію къ

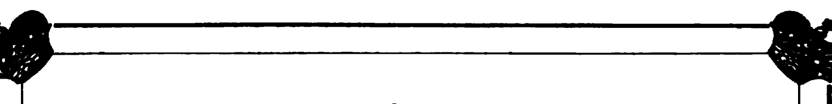




своимъ владѣльцамъ. Императоръ пришелъ къ нимъ на помощь, и 9-го января 1882 года издалъ Указъ, радикально измѣнившій положеніе крестьянъ. Гораздо труднѣе было положить конецъ заблужденіямъ крестьянъ относительно истинныхъ намѣреній Императора. Крестьяне повѣрили распространившимся среди нихъ слухамъ о томъ, что Императоръ намѣренъ раздать крестьянамъ всѣ помѣщичьи земли въ наказаніе за то, что дворяне будто-бы были главными виновниками ужасной кончины Императора Александра II. По совѣту Игнатьева, Императоръ собралъ со всѣхъ концовъ Россіи шесть тысячъ человѣкъ крестьянъ и предложилъ обѣдъ, на которомъ лично присутствовалъ. Императоръ объявилъ крестьянамъ, что Онъ не желаетъ, да и не можетъ дѣлить земли, но что Онъ не преминетъ оказать крестьянству финансовую поддержку.

Докторъ С. Ратфельдъ, въ одномъ изъ фельетоновъ, помѣщенныхъ на страницахъ «Pest. Lloyd», между прочимъ, дѣлаетъ предположеніе, что крестьяне, вернувшіеся въ свои деревни послѣ Императорскаго обѣда и возвѣстившіе своимъ односельчанамъ печальную вѣсть о томъ, что земельный раздѣлъ не будетъ произведенъ, были приняты въ деревняхъ, какъ измѣнники. Ратфельдъ до нѣкоторой степени правъ; несбывшіяся, въ сущности, ни на чемъ не основанныя мечты крестьянъ послужили поводомъ къ неоднократнымъ нарушеніямъ порядка среди населенія Имперіи.

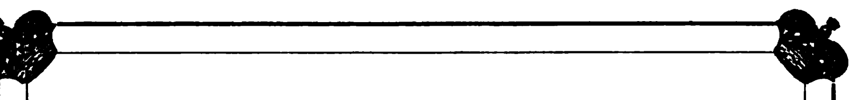
Но и тутъ, благодаря въ высшей степени добросовѣстному и внимательному отношенію къ дѣлу, Императоръ совершилъ не малый подвигъ въ смыслѣ умиротворенія умовъ. По Его инціативѣ въ сельскомъ хозяйствѣ были введены новыя системы, точно также усовершенствовано было и винодѣліе, особенно въ Его собственныхъ имѣніяхъ. Царь особенно любилъ крымскія вина. Образцовымъ управленіемъ собственными Его Величества и государственными имѣніями, при Императорѣ Александрѣ II не приносившими ровно никакихъ доходовъ, были достигнуты великолѣпные результаты. Доходы, поступавшіе съ названныхъ имѣній, раздавались неимущимъ классамъ, а въ 1888 г., кромѣ денежныхъ пособій, были розданы земли 190.000 семействамъ. Точно также Императоръ не оставилъ безъ поддержки и дворянство. Почившій Монархъ принималъ очень близко къ сердцу интересы сельскаго хозяйства; особенно сильно сказались Его заботы въ этомъ направленіи въ голодный 1891 г. 28 іюля 1891 года Императорскимъ Указомъ былъ запрещенъ вызовъ изъ Россіи за границу ржи и муки. Позднѣе, при содѣйствіи нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Александровича, почившій Монархъ оказалъ еще болѣе существенную помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая. Въ дѣлѣ таможенной войны съ Германіей Императоръ Александръ III выказалъ поразительную энергію и стойкость, благодаря чему русскіе землевладѣльцы сохра-



нили за собою прежнія мѣста сбыта сельскохозяйственныхъ произведеній. Съ такою-же энергіей и послѣдовательностью старался Онъ поднять и націонализировать русскую промышленность.

Не будучи въ состояніи отрицать великое значеніе блестящихъ результатовъ, достигнутыхъ покойнымъ Императоромъ, враги Его политики говорятъ, что Онъ лишилъ крестьянъ всякой свободы.— Упрекъ, совершенно несправедливый. Если Императоръ Александръ III и увеличилъ правительственную опеку надъ бытомъ крестьянина, то, во-первыхъ, потому, что этотъ самый крестьянинъ заявилъ себя совершенно неспособнымъ разумно распоряжаться дарованною ему Императоромъ Александромъ II свободою, а, во-вторыхъ, сдѣлалъ Онъ это вслѣдствіе глубокаго убѣжденія въ томъ, что спасеніе Россіи заключается въ самодержавіи. Какъ убѣжденный Самодержецъ, Императоръ Александръ III стремился сосредоточить въ Своихъ державныхъ рукахъ всѣ отрасли государственной администраціи. Это стремленіе къ утвержденію абсолютной власти характернѣе всего сказалось въ послѣднемъ Указѣ почившаго Монарха, отъ 28-го мая 1894 года, въ силу котораго министры были лишены права по собственному произволу назначать и увольнять чиновниковъ.

Во всѣхъ Своихъ дѣйствіяхъ, Императоръ Александръ III являлся Самодержцемъ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Но Онъ смотрѣлъ на свое положеніе Самодержца не только какъ на право, но и какъ на священную обя-



занность, сопряженную съ громадными трудностями. Историкъ, сравнивающій Россію 1894 года съ Россіей 1881 года, когда почившій Монархъ вошелъ на престолъ, не можетъ не отдать справедливости въ томъ, что система Императора Александра III какъ нельзя болѣе отвѣчала требованіямъ тогдашней Россіи. Онъ далъ силы и спокойствіе своей обширной имперіи, столь слабой и нервной въ моментъ восшествія Его на престолъ. 1-го марта 1881 года, Онъ засталъ Россію въ положеніи колосса на глиняныхъ ногахъ,—Сыну-же Своему Онъ оставилъ въ наслѣдство могучую имперію, твердо стоящую на своихъ собственныхъ ногахъ. Императоръ Александръ III, будучи Самодержцемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ *Императоромъ-Труженикомъ*.

Р. О. Бесторнъ.
(Д-ръ философіи).

Внѣшняя политика Императора Александра III.

(Пер. съ датскаго).

«Русскій вопросъ, какъ имѣлъ обыкновеніе говорить Императоръ Александръ III, — очень простъ: «Россія занимаетъ шестую часть земнаго шара». Эти слова даютъ вполнѣ ясное представленіе о томъ высокомъ мнѣніи, какое имѣлъ почившій Монархъ о мiровомъ положеніи Россіи и о той отвѣтственности, какая падаетъ на Него, какъ на главнаго руководителя дѣлами внѣшней политики столь обширной страны. Императоръ Александръ III придавалъ особенное значеніе дѣламъ внѣшней политики. Царь былъ собственнымъ министромъ, и прежде всего министромъ иностранныхъ дѣлъ. Послѣ смерти государственнаго канцлера князя Горчакова Императоръ назначилъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ Гирса,—слѣпого исполнителя воли Императора. Преемникъ Горчакова въ сущности никогда не былъ de facto министромъ иностранныхъ дѣлъ. Императоръ, обыкновенно обращавшій весьма мало вниманія на внѣшнюю сторону дѣла, относительно иностранной политики пожелалъ, чтобы весь мiръ зналъ о томъ, что дѣлами внѣшней политики Онъ Самъ завѣдуетъ, о чемъ органъ Гирса „Journal de St.-Petersbourg“ и сообщилъ въ оффиціальномъ извѣщеніи.

Александръ III, вступившій на престолъ въ 1881 году, не былъ еще тѣмъ Императоромъ, какимъ узнала Его Европа послѣ Кронштадта и Тулона. Въ общемъ, въ дѣлахъ внѣшней политики Онъ преслѣдовалъ тѣ же принципы, что и во внутренней политикѣ. Императоръ Александръ III вступилъ на престолъ при весьма трудныхъ условіяхъ, въ значительной степени стѣснявшихъ свободу Его дѣйствій. Но это неудобство имѣло и свои хорошія стороны. Царь имѣлъ возможность, не приступая къ активной дѣятельности, освоиться съ положеніемъ и выработать строго опредѣленную программу. Царь охотно выслушивалъ совѣты приближенныхъ, но окончательное рѣшеніе вопросовъ всегда зависѣло отъ Его личной воли. Не подлежитъ сомнѣнію, что Императоръ Александръ III положилъ немало труда для выясненія надлежащаго направленія внѣшней политики Россіи. Человѣкъ, которому Онъ особенно довѣрялъ, и къ планамъ котораго онъ внимательно прислушивался,—былъ Катковъ. Самъ Катковъ, въ сущности, былъ мало посвященъ въ суть дѣла; онъ могъ намѣчать конечныя цѣли, но при этомъ не давалъ никакихъ указаній относительно тѣхъ путей, по которымъ нужно было слѣдовать. Сила Каткова была въ парадоксахъ. Онъ писалъ превосходныя статьи, которыя, взятыя отдѣльно, представлялись вполнѣ ясными, но въ общемъ онѣ были переполнены всевозможными противорѣчіями. Онъ нападалъ на

Бисмарка за то, что тотъ предалъ Россію на Берлинскомъ конгрессѣ; онъ доказывалъ, что Францiя является естественнымъ союзникомъ Россіи, но въ то же время, съ не меньшею убѣдительностью, онъ говорилъ о томъ, что самодержавная Россія не можетъ быть въ союзѣ съ республиканскою Франціей, и что Россія прежде всего должна остерегаться Парижа, какъ вредной заразы.

Катковъ былъ прежде всего талантливый публицистъ, а затѣмъ уже государственный человѣкъ. Императоръ Александръ III не мало интересовался также и «Гражданиномъ», въ общемъ пропагандировавшимъ тѣ-же мысли, что и Катковъ. Московскій публицистъ проповѣдывалъ идеи, какъ нельзя болѣе отвѣчавшія желаніямъ Императора; Катковъ говорилъ о русской національной политикѣ, которой-бы не приходилось считаться ни съ одною изъ иностранныхъ державъ. Принципъ этотъ былъ вполнѣ по душѣ Императору, но Катковъ, какъ мы уже говорили, часто противорѣчилъ себѣ, и этотъ недостатокъ былъ замѣченъ Царемъ. Еще при жизни Каткова Императоръ Александръ III уже преслѣдовалъ Свои собственные, болѣе практичные планы. Но парадоксы Каткова не прошли безслѣдными; они оказали извѣстное вліяніе на политическіе взгляды Императора Александра III. Въ области внѣшней политики почившій Монархъ былъ истинно великъ и собралъ лучшіе плоды Своихъ главныхъ качествъ:

осторожности, ясности и твердости Своихъ предначертаній.

При вступленіи на престолъ, а равно и въ первые годы царствованія, Императоръ Александръ III былъ лишенъ возможности выбирать тотъ или иной путь. Онъ вынужденъ былъ дѣйствовать согласно обстоятельствамъ. Князь Бисмаркъ владычествовалъ въ Европѣ,—но его звѣзда уже начинала меркнуть. Берлинская конференція и союзъ 7 октября 1879 года между императорами Германскимъ и Австрійскимъ являются критическими моментами въ выдающейся государственной карьерѣ князя Бисмарка. Когда желѣзный канцлеръ Германіи телеграфировалъ изъ Киссингена графу Андраши и спрашивалъ, можетъ-ли онъ говорить съ графомъ; когда затѣмъ онъ развилъ передъ австрійскимъ канцлеромъ ту мысль, что Россія собирается заключить союзъ съ Франціей и когда Андраши отвѣтилъ ему на это, что: «Лучшее средство противъ франко-русскаго союза—союзъ австро-германскій», и когда оба канцлера заключили союзъ между Габсбургами и Гогенцоллернами, князь Бисмаркъ впервые подписалъ договоръ, посредствомъ котораго онъ искалъ не достиженія строго опредѣленной цѣли, направленной исключительно къ выгодамъ Германіи, но добивался союза, который бы далъ Германіи извѣстную опору. Этимъ самымъ желѣзный канцлеръ какъ-бы признался въ томъ, что Германія далеко не гарантирована отъ различныхъ случайностей.

Нужно сознаться, что союзъ центральныхъ державъ являлся для Бисмарка дѣйствительно необходимымъ, но онъ самъ-же и создалъ эту необходимость. Неудобство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущество положенія Бисмарка заключалось въ томъ, что онъ не былъ въ одно и тоже время генераломъ и канцлеромъ, и горячность, съ какою утверждалъ онъ впослѣдствіи, что въ дѣйствительности, какъ во время войны съ Австріей, такъ равно и во время франко-прусской кампаніи, онъ всегда дѣлалъ хитроумныя указанія тамъ, гдѣ у Мольтке не доставало таланта, а также та гордость, съ какою любилъ онъ повторять сказанныя Императоромъ Вильгельмомъ I на его счетъ слова: «Бисмаркъ не получилъ спеціально военнаго образованія, но онъ понимаетъ военное дѣло»,—являютъ собою весьма характерную физіологическую черту и доказываютъ, что этотъ прозорливый человѣкъ хорошо сознавалъ отсутствіе въ занимаемомъ имъ положеніи выдающагося государственнаго дѣятеля сильной поддержки, такъ какъ онъ былъ лишенъ возможности по собственному произволу руководить военными операціями.

Германія, въ сущности, много выиграла отъ подобнаго ограниченія канцлерской власти. Завоеватель, подобный Бисмарку, снабженный неограниченными полномочіями, въ концѣ концовъ неизбѣжно раздѣлилъ-бы участь Наполеона I. Изъ Парижа онъ непремѣнно двинулся-бы походомъ на Москву, и, быть можетъ, взялъ-бы и

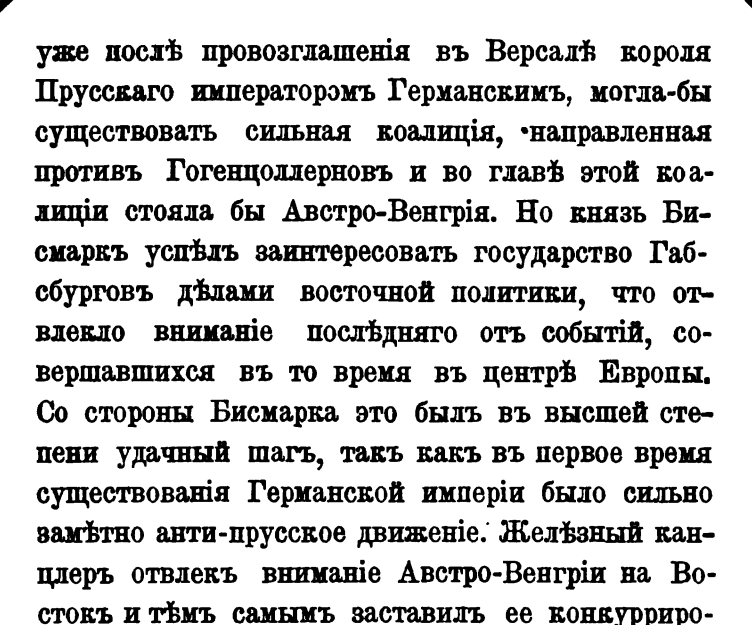
Москву, но, какъ и Наполеонъ, онъ не сумѣлъ бы во-время остановиться, сдѣлался бы нервнымъ и, въ концѣ концовъ, былъ-бы побѣжденъ или полководцемъ, равнымъ ему по таланту, или же, какъ Наполеонъ, былъ-бы побитъ второстепенными военноначальниками, каковыми были Веллингтонъ и Блюхеръ.

Бисмаркъ избѣжалъ подобной участи, но за то, къ счастію всей Европы, а также и Россіи,— онъ страдалъ припадками зависти.

Послѣ 1871 года, князь Бисмаркъ не желалъ уже болѣе подвергать риску заслуженные имъ лавры, но еще больше смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы не допустить Мольтке и другихъ генераловъ покрыть себя новою славою. Думается намъ, что жестоко ошибались тѣ, кто сомнѣвался въ искренности его миролюбивыхъ стремленій. Конечно, невольная улыбка появлялась у тѣхъ, кто слушалъ героя Садовы и редактора «Эмской телеграммы», говорившаго о необходимости поддержанія благодѣтельнаго мира. Въ сущности-же Бисмаркъ дѣйствительно не желалъ войны, не находя достаточныхъ причинъ подвергать риску результаты предыдущихъ кампаній. Бисмаркъ любилъ по собственному усмотрѣнію рѣшать всѣ вопросы, не прибѣгая къ помощи главнаго штаба, и, пожалуй, желѣзный канцлеръ правъ, утверждая, что онъ не желалъ аттаковать Францію въ 1875 году, онъ думалъ только заставить ее разоружиться. Такое разоруженіе было бы для Франціи равносильно смертному при-

говору, и герцогъ Деказъ и генералъ Ле-Фло были совершенно правы, доказывая, что Францiя ни въ какомъ случаѣ не должна подчиняться подобному требованiю. Бисмаркъ всегда-бы предпочелъ собирать плоды побѣдъ однимъ лишь дипломатическимъ путемъ, и онъ, пожалуй, правъ, называя легендою боязнь войны, о какой упоминаетъ генералъ Ле-Фло въ описанiи событiй 1875 года.

Но эта легенда произвела на князя Бисмарка глубокое впечатлѣнiе, и онъ отплатилъ за это на Берлинскомъ конгрессѣ. Бисмаркъ несомнѣнно имѣлъ болѣе глубокiя причины для того, чтобы дойти до той неблагодарности, какую выказалъ онъ на названномъ конгрессѣ. Онъ хорошо сознавалъ, что Россiя, въ концѣ концовъ, не пожелаетъ примириться съ существованiемъ сильной Германской имперiи, а потому онъ употребилъ все старанiе къ тому, чтобы подрѣзать крылья Россiи и ослабить ея оборонительныя силы по отношенiю къ Австро-Венгрiи. Поведенiе князя Бисмарка по отношенiю къ Габсбургской монархiи послѣ 1870 года представляется верхомъ политическаго искусства. Весьма естественно, что Австро-Венгрiя стремилась вернуть свое положенiе въ Германiи,—таково и было направленiе политики Бейста. Но Бейстъ, подобно Виктору-Эммануилу, струсилъ въ рѣшительный моментъ; онъ отвернулся отъ Наполеона III, и, послѣ паденiя Седана, прiостановилъ мобилизацiю австрiйской армiи. Но и позднѣе,



уже послѣ провозглашенія въ Версалѣ короля Прусскаго императорэмъ Германскимъ, могла-бы существовать сильная коалиція, направленная противъ Гогенцоллерновъ и во главѣ этой коалиціи стояла бы Австро-Венгрія. Но князь Бисмаркъ успѣлъ заинтересовать государство Габсбурговъ дѣлами восточной политики, что отвлекло вниманіе послѣдняго отъ событій, совершавшихся въ то время въ центрѣ Европы. Со стороны Бисмарка это былъ въ высшей степени удачный шагъ, такъ какъ въ первое время существованія Германской имперіи было сильно замѣтно анти-прусское движеніе. Желѣзный канцлеръ отвлекъ вниманіе Австро-Венгріи на Востокъ и тѣмъ самымъ заставилъ ее конкуррировать съ Россіей.

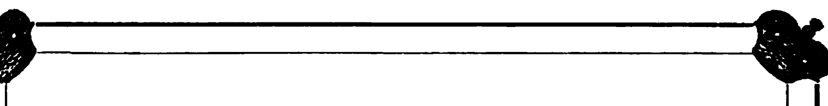
Тутъ, однако, князь Бисмаркъ сильно разочаровался, такъ какъ русско-австрійская конкурренція не привела къ войнѣ, и желѣзному канцлеру не удалось парадировать въ излюбленной роли примирителя. Съ той минуты, когда на берлинскомъ конгрессѣ онъ узналъ отъ графа Андраши, что Австро-Венгрія, еще до русско-турецкой войны, вела переговоры съ Россіей, мысль о коалиціи представилась князю Бисмарку въ высшей степени угрожающею и онъ потерялъ всякое спокойствіе и увѣренность. Когда Императоръ Александръ II потерялъ терпѣніе, тогда, какъ выразился Бисмаркъ въ своей рѣчи, произнесенной въ прусскомъ ландтагѣ 6-го февраля 1888 года, «споръ, относительно инструкцій, данныхъ на-

шимъ уполномоченнымъ, касательно хода переговоровъ на югѣ, перешелъ въ настоящую угрозу войны со стороны компетентной», Бисмаркъ сталъ искать поддержки у Австро-Венгріи.

Этимъ шагомъ онъ какъ-бы признался, что Германія далеко не такъ сильна, какъ объ этомъ думали сами нѣмцы и что у ней не хватитъ ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ средствъ къ самостоятельному разрѣшенію европейскихъ вопросовъ. Въ сущности, австро-германскій союзъ былъ со стороны Бисмарка простою уловкою. Онъ думалъ, конечно, что Австрія, польщенная союзомъ съ Германіей, наберется храбрости и вступитъ въ борьбу съ Россіей, что дало-бы Бисмарку возможность войти въ любимую имъ роль примирителя, или же Россія, напуганная австро-германскимъ союзомъ, поспѣшитъ возобновить прежнія дружественныя отношенія съ Гогенцоллернами. Но тогда Бисмаркъ еще не открывался передъ Европою. Его престижъ долженъ былъ долгіе годы держать Европу въ полной неизвѣстности относительно слабости Германской имперіи, для укрѣпленія которой онъ и создалъ австро-германскій союзъ. Въ это время Императоръ Александръ III былъ совершенно одинъ съ Своею, хотя и обширною, но слабо вооруженною и истощенною въ финансовомъ отношеніи имперіей; Ему угрожалъ союзъ двухъ великихъ державъ, изъ которыхъ одна была безусловно сильнѣйшимъ государствомъ Европы;

это же государство могло во всякое время найти еще и других союзников. Къ тому же, какъ разъ въ 1881 году, состоялась тунисская экспедиція, поселившая раздоръ между Франціей и Италіей. Императоръ Александръ III въ то время былъ лишенъ возможности найти союзниковъ; Франція не успѣла еще окончить свое вооруженіе, и, наконецъ, совершенно неожиданное паденіе Гамбетты (январь 1882 г.) свидѣтельствовало о неустойчивости государственнаго режима Франціи, гдѣ даже и наиболѣе выдающіеся и популярные государственные дѣятели не могли считать прочнымъ свое положеніе.

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что Императоръ Александръ III на первыхъ порахъ ровно ничего не предпринималъ, изучая положеніе и стараясь избѣжать всякихъ инцидентовъ, которые бы могли вызвать преждевременный разрывъ съ Германіей, тѣмъ болѣе, что Бисмаркъ дѣлалъ всевозможные авансы къ сближенію съ Россіей. Императоръ Александръ III не скрывалъ Своихъ чувствъ по отношенію къ Бисмарку, не внушавшему Императору ни малѣйшаго довѣрія. Когда на похоронахъ Императора Александра II германскій наслѣдный принцъ пытался возстановить между Берлиномъ и Петербургомъ былыя дружественныя отношенія, Александръ III отвѣтилъ, что: «Это, вѣдь, входитъ въ планы Бисмарка». Этимъ самымъ Императоръ намекалъ на извѣстные планы, приписывавшіеся въ Россіи князю Бисмарку относи-

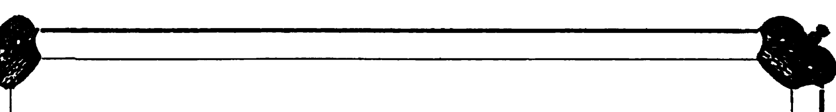


шимъ уполномоченнымъ, касательно хода переговоровъ на югѣ, перешелъ въ настоящую угрозу войны со стороны компетентной», Бисмаркъ сталъ искать поддержки у Австро-Венгріи.

Этимъ шагомъ онъ какъ-бы признался, что Германія далеко не такъ сильна, какъ объ этомъ думали сами нѣмцы и что у ней не хватитъ ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ средствъ къ самостоятельному разрѣшенію европейскихъ вопросовъ. Въ сущности, австро-германскій союзъ былъ со стороны Бисмарка простою уловкою. Онъ думалъ, конечно, что Австрія, польщенная союзомъ съ Германіей, наберется храбрости и вступитъ въ борьбу съ Россіей, что дало-бы Бисмарку возможность войти въ любимую имъ роль примирителя, или же Россія, напуганная австро-германскимъ союзомъ, поспѣшитъ возобновить прежнія дружественныя отношенія съ Гогенцоллернами. Но тогда Бисмаркъ еще не открывался передъ Европою. Его престижъ долженъ былъ долгіе годы держать Европу въ полной неизвѣстности относительно слабости Германской имперіи, для укрѣпленія которой онъ и создалъ австро-германскій союзъ. Въ это время Императоръ Александръ III былъ совершенно одинъ съ Своею, хотя и обширною, но слабо вооруженною и истощенною въ финансовомъ отношеніи имперіей; Ему угрожалъ союзъ двухъ великихъ державъ, изъ которыхъ одна была безусловно сильнѣйшимъ государствомъ Европы;

это же государство могло во всякое время найти еще и другихъ союзниковъ. Къ тому же, какъ разъ въ 1881 году, состоялась тунисская экспедиція, поселившая раздоръ между Франціей и Италіей. Императоръ Александръ III въ то время былъ лишенъ возможности найти союзниковъ; Франція не успѣла еще окончить свое вооруженіе, и, наконецъ, совершенно неожиданное паденіе Гамбетты (январь 1882 г.) свидѣтельствовало о неустойчивости государственнаго режима Франціи, гдѣ даже и наиболѣе выдающіеся и популярные государственные дѣятели не могли считать прочнымъ свое положеніе.

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что Императоръ Александръ III на первыхъ порахъ ровно ничего не предпринималъ, изучая положеніе и стараясь избѣжать всякихъ инцидентовъ, которые бы могли вызвать преждевременный разрывъ съ Германіей, тѣмъ болѣе, что Бисмаркъ дѣлалъ всевозможные авансы къ сближенію съ Россіей. Императоръ Александръ III не скрывалъ Своихъ чувствъ по отношенію къ Бисмарку, не внушавшему Императору ни малѣйшаго довѣрія. Когда на похоронахъ Императора Александра II германскій наслѣдный принцъ пытался возстановить между Берлиномъ и Петербургомъ былыя дружественныя отношенія, Александръ III отвѣтилъ, что: «Это, вѣдь, входитъ въ планы Бисмарка». Этимъ самымъ Императоръ намекалъ на извѣстные планы, приписывавшіеся въ Россіи князю Бисмарку относи-



шимъ уполномоченнымъ, касательно хода переговоровъ на югѣ, перешелъ въ настоящую угрозу войны со стороны компетентной», Бисмаркъ сталъ искать поддержки у Австро-Венгріи.

Этимъ шагомъ онъ какъ-бы признался, что Германія далеко не такъ сильна, какъ объ этомъ думали сами нѣмцы и что у ней не хватитъ ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ средствъ къ самостоятельному разрѣшенію европейскихъ вопросовъ. Въ сущности, австро-германскій союзъ былъ со стороны Бисмарка простою уловкою. Онъ думалъ, конечно, что Австрія, польщенная союзомъ съ Германіей, наберется храбрости и вступитъ въ борьбу съ Россіей, что дало-бы Бисмарку возможность войти въ любимую имъ роль примирителя, или же Россія, напуганная австро-германскимъ союзомъ, поспѣшитъ возобновить прежнія дружественныя отношенія съ Гогенцоллернами. Но тогда Бисмаркъ еще не открывался передъ Европою. Его престижъ долженъ былъ долгіе годы держать Европу въ полной неизвѣстности относительно слабости Германской имперіи, для укрѣпленія которой онъ и создалъ австро-германскій союзъ. Въ это время Императоръ Александръ III былъ совершенно одинъ съ Своею, хотя и обширною, но слабо вооруженною и истощенною въ финансовомъ отношеніи имперіей; Ему угрожалъ союзъ двухъ великихъ державъ, изъ которыхъ одна была безусловно сильнѣйшимъ государствомъ Европы;

это же государство могло во всякое время найти еще и другихъ союзниковъ. Къ тому же, какъ разъ въ 1881 году, состоялась тунисская экспедиція, поселившая раздоръ между Франціей и Италіей. Императоръ Александръ III въ то время былъ лишенъ возможности найти союзниковъ; Франція не успѣла еще окончить свое вооруженіе, и, наконецъ, совершенно неожиданное паденіе Гамбетты (январь 1882 г.) свидѣтельствовало о неустойчивости государственнаго режима Франціи, гдѣ даже и наиболѣе выдающіеся и популярные государственные дѣятели не могли считать прочнымъ свое положеніе.

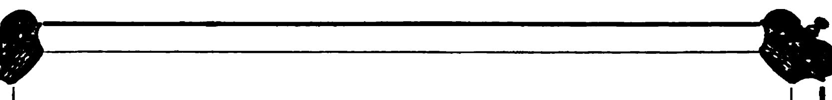
При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что Императоръ Александръ III на первыхъ порахъ ровно ничего не предпринималъ, изучая положеніе и стараясь избѣжать всякихъ инцидентовъ, которые бы могли вызвать преждевременный разрывъ съ Германіей, тѣмъ болѣе, что Бисмаркъ дѣлалъ всевозможные авансы къ сближенію съ Россіей. Императоръ Александръ III не скрывалъ Своихъ чувствъ по отношенію къ Бисмарку, не внушавшему Императору ни малѣйшаго довѣрія. Когда на похоронахъ Императора Александра II германскій наслѣдный принцъ пытался возстановить между Берлиномъ и Петербургомъ былыя дружественныя отношенія, Александръ III отвѣтилъ, что: «Это, вѣдь, входитъ въ планы Бисмарка». Этимъ самымъ Императоръ намекалъ на извѣстные планы, приписывавшіеся въ Россіи князю Бисмарку относи-

красномъ трудѣ объ Императорѣ Александрѣ III Флурансъ напрасно доказываетъ въ блестящихъ фразахъ, что политика Александра III и въ первой половинѣ болгарскаго вопроса была вполнѣ ясна и правильна. Императоръ, конечно, имѣлъ слишкомъ серьезныя основанія быть недовольнымъ неблагодарностью Александра Баттенбергскаго и вмѣстѣ опасаться, что предпринятый болгарскимъ княземъ походъ на Филиппополь былъ задуманъ по совѣту враговъ Россіи. Но когда принцъ Баттенбергскій вновь вернулся въ Болгарію послѣ временнаго изгнанія и, въ своей телеграммѣ, адресованной Императору Александру III, отдалъ себя и свою корону въ распоряженіе Россіи, тогда, собственно, уже не было основательныхъ причинъ къ непризнанію Александра Баттенбергскаго, который, послѣ отвѣта Императора Александра III, навсегда долженъ былъ оставить Болгарію. Послѣдующія событія показали, что Александръ Баттенбергскій дѣйствовалъ искренно. Когда Болгарія вновь предложила ему княжескую корону, онъ отвѣтилъ, что согласится на принятіе таковой только подъ условіемъ полнаго примиренія съ Россіей, и послѣ этого отвѣта всякіе переговоры были прекращены. Въ это время циркулировали слухи о томъ, что Императоръ Александръ III былъ лично не расположенъ къ Своему двоюродному брату будто-бы вслѣдствіе того, что Александръ Баттенбергскій, получая отъ Россіи субсидіи, передавалъ таковыя въ другіе карманы, ничего обща-

го съ Болгаріей неимѣющіе. Послѣднія событія въ Болгаріи также заставляютъ думать, что Императоръ Александръ III, если-бы не такъ строго придерживался Своихъ принциповъ, легко-бы могъ вернуть Россіи то положеніе, какое занимала она въ Болгаріи и затѣмъ потеряла таковое исключительно лишь вслѣдствіе политики Стамбулова.

Между прочимъ, изъ словъ, сказанныхъ Стамбуловымъ корреспонденту «Frkf. Zeit.» о твердости Императора, можно вывести заключеніе, что болгарскій диктаторъ желалъ войти въ переговоры съ Россіей.

Съ другой стороны, болгарскій вопросъ былъ школою, въ которой Императоръ Александръ III почерпнулъ тѣ богатыя свѣдѣнія относительно веденія дѣлъ внѣшней политики, которыя создали Ему впослѣдствіи славу великаго государственнаго дѣятеля и такъ прекрасно увѣнчали всѣ Его начинанія. Къ этому времени,—приблизительно совпавшему съ моментомъ отреченія принца Баттенбергскаго отъ болгарскаго престола,— въ Европѣ установилось крайне натянутое положеніе. Всѣ ожидали, что болгарскій вопросъ поведетъ къ общеевропейской войнѣ, и въ то время, какъ осторожный Греви, мечтавшій о томъ, чтобы жизнь Франціи текла подобно мирному и тихому существованію Швейцаріи, всѣми силами старался отвратить возможность возникновенія войны,—извѣстная, съ каждымъ днемъ увеличивавшаяся французская



партія съ надеждою взирала на генерала Буланже, какъ на представителя политики реванша. Въ это же время князь Бисмаркъ навѣстилъ въ Франценсбадѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Гирса, чтобы выяснить политическое положеніе Европы. Гирсъ, въ свою очередь, сдѣлалъ 3-го сентября визитъ германскому канцлеру въ Вильгельмштрассе. Но, нѣсколько дней спустя, Императоръ Александръ III такъ отличилъ Каткова, что всѣмъ стало ясно, что прошли тѣ времена, когда предложеніямъ князя Бисмарка придавали въ Петербургѣ особенное значеніе. Зима 1886—87 г. прошла среди всеобщаго безпокойства и приготовленій къ войнѣ, а Бисмаркъ, воспользовавшись всеобщею лихорадкою, сломилъ упорство нѣмецкаго рейхстага относительно закона о септеннатѣ.

Среди этихъ приготовленій къ войнѣ, на страницахъ русскаго органа «Le Nord», въ номерахъ отъ 19 и 27 февраля 1887 года, появились двѣ статьи, возвѣстившія о новомъ направленіи внѣшней политики Россіи. Во время опасныхъ кризисовъ, упорно повторявшихся, Императоръ Александръ III успѣлъ основательно изучить положеніе, послѣ чего Онъ остановился на извѣстной программѣ, вполнѣ ясной и точной и отъ этой программы Онъ уже не отступалъ до конца Своихъ дней. Въ короткихъ словахъ программа эта сводится къ слѣдующему: Россія желаетъ сохраненія мира и установленія европейскаго равновѣсія. Для сохраненія мира не-

обходимо, чтобы Россія избѣгала всякихъ конфликтовъ; для установленія европейскаго равновѣсія на случай войны нужно, чтобы политика Россіи не подавала никому никакихъ надеждъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не затрогивала-бы никого. Такимъ образомъ, Россія не можетъ заключать союзы, ни брать на себя какія-бы то ни было обязательства; нужно также, чтобы она тщательно избѣгала вооруженнаго столкновенія съ Австро-Венгріей, которое связало-бы ей руки во время франко-германской войны;—другими словами, Россія должна тихо и спокойно оставаться зрительницею событій, разыгрывающихся въ Болгаріи.

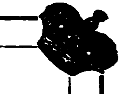
Восемь дней спустя послѣ того, какъ газета «Hord» опубликовала эту программу, на ея-же страницахъ появилась статья, гласившая, что Россія окончательно убѣдилась въ корректности собственной политики, а также въ томъ, что она держитъ въ своихъ рукахъ судьбы Европы. Тогда еще трудно было объяснить себѣ этотъ побѣдоносный тонъ, теперь за-то онъ сталъ вполнѣ понятенъ. При берлинскомъ дворѣ, а также и среди германской арміи, была сильная партія, полагавшая, что насталъ рѣшительный моментъ для нанесенія окончательнаго удара. Князь Бисмаркъ, однако, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Онъ желалъ, конечно, войны между Россіей и Австро-Венгріей въ силу причинъ, изложенныхъ нами выше, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не желалъ, чтобы хозяевами положенія явля-

лись генералы. Съ другой стороны, онъ не могъ спокойно взирать на быстро возроставшую популярность генерала Буланже, что внушало ему не малыя опасенія. Но вотъ построенные генераломъ Буланже бараки послужили для Бисмарка поводомъ къ устройству военной демонстраціи; онъ созвалъ подъ знамена запасныя войска и организовалъ большіе маневры на границѣ Франціи. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Флурансъ потребовалъ у германскаго уполномоченнаго въ Парижѣ, графа Мюнстера, объясненій. Отвѣтъ послѣдняго носилъ характеръ угрожающій и далъ понять, что единственнымъ средствомъ къ предотвращенію войны является удаленіе генерала Буланже съ поста военнаго министра. Флурансъ, помѣшавшій генералу Буланже написать Императору Александру III, на этотъ разъ самъ, чрезъ посредство барона Моренгейма и князя Оболенскаго, обратился къ Царю. Отвѣтъ, какъ гласитъ статья «Figaro» отъ 11-го апрѣля 1894 г., «Dessous diplomatiques», не заставилъ себя долго ждать. Онъ былъ оффиціально сообщенъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ барономъ Моренгеймомъ. Императоръ Александръ III вошелъ въ непосредственные переговоры съ Императоромъ Вильгельмомъ I. Послѣдствіями вмѣшательства Александра III было немедленное распущеніе германскихъ запасныхъ войскъ.

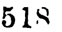
Это событіе, по всей вѣроятности, и побудило газету «Nord» торжественно провозгласить о по-

бѣдѣ русской политики. Во всякомъ случаѣ, Императоръ Александръ III точно слѣдовалъ программѣ, изложенной въ газетѣ «Nord» 19-го февраля. Впослѣдствіи программа эта, значительно дополненная, привела къ франко-русскому соглашенію.

Императоръ Александръ III разбилъ всѣ планы Бисмарка тѣмъ, что относился вполнѣ спокойно къ вызывающей политикѣ Стамбулова. Императоръ выжидалъ въ томъ убѣжденіи, что болгарскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ не принципіально, но въ связи съ радикальною перемѣною въ положеніи Европы, — и что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не въ Софіи, а въ Вѣнѣ или Берлинѣ. Эта политика Императора вскорѣ подверглась жестокому испытанію, но Царь, проявивъ громадную твердость, свойственную Его характеру, одержалъ полную побѣду. Находясь въ Фреденсборгѣ и предоставивъ принцу Фердинанду Кобургскому полную свободу забраться на болгарскій престолъ, Императоръ получилъ цѣлую серію документовъ, доказывавшихъ, что князь Бисмаркъ, не взирая на всѣ его видимыя старанія приблизиться къ Россіи и устроить новое свиданіе Императора Александра III съ императоромъ Вильгельмомъ I, старанія, кстати сказать, потерпѣвшія полную неудачу,—этотъ самый Бисмаркъ, заискивавшій у Россіи, велъ двойную игру, интригуя въ тоже время и въ пользу Стамбулова. Императоръ Александръ III былъ сильно возмущенъ, но су-

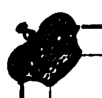


мѣлъ сохранить полное спокойствіе. Болѣзнь,—корь, постигшая членовъ Царской Семьи, заставила Императора вернуться въ Россію черезъ Берлинъ. 18-го ноября Онъ прибылъ въ столицу Германіи. За нѣсколько дней до этого, князь Бисмаркъ отдалъ распоряженіе не выдавать ссудъ подъ русскія бумаги. Тѣмъ не менѣе онъ воспользовался случаемъ, чтобы просить у Императора Александра III аудіенцію, желая увѣрить Императора въ томъ, что всѣ болгарскіе документы, какъ подложные, не заслуживаютъ никакого вниманія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ курьезною загадкою политической физіологіи. Желалъ-ли Бисмаркъ своимъ запрещеніемъ относительно русскихъ бумагъ смутить Царя, или же самъ испугался принятой имъ мѣры? Или же онъ желалъ снять тяготѣвшія надъ нимъ обвиненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать понять, что онъ во чтобы то ни стало хочетъ вступить въ борьбу съ Россіей. Послѣднее предположеніе было-бы наиболѣе правдоподобнымъ, если-бы не статья «Nordd. Allgem. Zeit.», появившаяся черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія Императора Александра III съ княземъ Бисмаркомъ. Въ этой статьѣ говорилось, что экономическая война могла прекрасно уживаться съ политическою дружбою. Затѣмъ Бисмаркъ съ момента свиданія съ Императоромъ и до своей знамѣнитной рѣчи, произнесенной 6 февраля 1888 г., всѣми силами старался отвлечь отъ себя гнѣвъ Царя. Такимъ образомъ, болѣе



вѣроятнымъ является первое предположеніе, но загадка, представляемая удивительнымъ непостоянствомъ въ направленіи за это время политики Бисмарка, такъ и остается неразгаданною, точно такъ-же какъ рѣшеніе вопроса о подложныхъ документахъ.

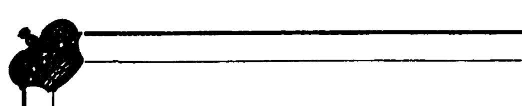
Что произошло во время аудіенціи Бисмарка во дворцѣ русскаго посольства въ Берлинѣ, 18-го ноября 1887 г., извѣстно только одному Бисмарку. Говорятъ, что Царь спокойно слушалъ германскаго имперскаго канцлера, занимаясь скручиваніемъ папиросъ, въ то время какъ Бисмаркъ пытался убѣдить Его въ томъ, что болгарскіе документы являются простымъ обманомъ. Флурансъ, который несомнѣнно имѣлъ возможность узнать правду, утверждаетъ, что Императоръ Александръ III, въ краткихъ, но вполнѣ ясныхъ выраженіяхъ доказалъ Бисмарку двойственность его политики. Не смотря на это, Бисмаркъ не разъ повторялъ, что успѣлъ убѣдить Царя въ подложности болгарскихъ документовъ, попавшихъ въ руки Императора. Царь хранилъ объ этомъ глубокое молчаніе. Вниманіе, выказанное Императоромъ по отношенію къ имперскому канцлеру за параднымъ обѣдомъ, состоявшимся въ тотъ же день, свидѣтельствуетъ о томъ, что слова Бисмарка произвели на Императора извѣстное впечатлѣніе. Но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что Царь отнюдь не былъ разубѣжденъ относительно невиновности Бисмарка и его двойственной политики. Императоръ былъ



слишкомъ честнаго и открытаго характера, чтобы не дать имперскому канцлеру полнаго удовлетворенія. Есть основанія думать, что князю Бисмарку удалось увѣрить Императора въ подложности извѣстной части документовъ; впрочемъ, это отнюдь не измѣняло дѣла, такъ какъ и помимо документовъ Императоръ имѣлъ слишкомъ достаточно доказательствъ двойственности бисмарковской политики. Поведеніе Австріи зимою 1888—89 г. ясно доказало Императору желаніе Бисмарка вызвать русско-австрійскую войну, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы Германія оставалась въ сторонѣ. Между прочимъ, Бисмаркъ употребилъ слѣдующую хитрость: 3-го февраля 1888 г. «Имперскій Указатель» и «Pest. Lloyd» опубликовали текстъ союзнаго договора, заключеннаго между Германіей и Австро-Венгріей. Газеты объявляли, что сообщаютъ текстъ договора съ исключительною цѣлью, чтобы доказать Царю, что союзъ этотъ отнюдь не носитъ вызывающаго характера. Собственно Бисмарку не было никакой необходимости предавать гласности потянутый договоръ, такъ какъ еще за семь лѣтъ до этого онъ уже посвятилъ Императора во всѣ подробности договора. Быть можетъ, Императоръ подозрѣвалъ, что договоръ заключаетъ нѣкоторыя секретныя условія, но таковыя никогда опубликованы не были. Преданіе гласности условій договора тройственнаго союза было-бы значительно интереснѣе, но условія названнаго договора и по сегодняшній день хранятся въ глубочайшей тайнѣ

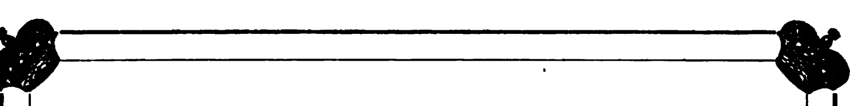
Въ теченіе зимы 1887—88 г. Австро-Венгрія снова приступила къ приготовленіямъ къ войнѣ. Въ то-же время и Императоръ Александръ III предпринялъ цѣлую серію военныхъ реформъ, дабы быть готовымъ, на случай войны, прочно установить европейское равновѣсіе. Въ Царствѣ Польскомъ были сосредоточены значительныя силы, которыя могли-бы, въ случаѣ надобности, двинуться или на Бреславль—Берлинъ, или же на Пештъ—Вѣну. Австрійское правительство, зорко наблюдавшее за этими систематическими маневрами русской арміи, маневрами, практиковавшимися до послѣднихъ дней Императора Александра III, видѣла въ нихъ приготовленія къ войнѣ и, повидимому, была готова обнажить оружіе. Бисмаркъ искренно желалъ добиться вооруженнаго столкновенія между Россіей и Австріей; но время шло, а о войнѣ ничего не было слышно. Тогда желѣзный канцлеръ понялъ, что, строя свои планы, онъ упустилъ изъ виду осторожность австрійскихъ государственныхъ дѣятелей, а также и то недовѣріе, какое питала Австрія по отношенію къ Пруссіи, своему исконному врагу. Тогда Бисмаркъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ своей политики. Онъ благоразумно устранился отъ австрійской политики на Балканскомъ полуостровѣ и создалъ по отношенію къ болгарскимъ дѣламъ новую политику, приложивъ къ таковой слѣдующія слова Гамлета:

> What's Hecuba to him, or he to Hecuba,
> That he should weep for her?



О новомъ направленіи своей политики князь Бисмаркъ торжественно заявилъ въ своей рѣчи, произнесенной 6-го февраля 1888 г. въ прусскомъ ландтагѣ. Въ этой знаменитой рѣчи желѣзный канцлеръ объявилъ, что нѣмцы боятся только одного Бога, но въ тоже время нашелъ нужнымъ въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ отозваться объ Императорѣ Александрѣ III. Вскорѣ послѣ этого скончался императоръ Вильгельмъ I. Бисмаркъ воспользовался этимъ событіемъ, чтобы еще сильнѣе подчеркнуть чувства симпатіи Германіи по отношенію къ Россіи. Князь Бисмаркъ собрался внушить принцу Вильгельму, долженствовавшему въ непродолжительномъ времени вступить на престолъ, что Германія должна поддерживать съ Россіей возможно лучшія отношенія. Между прочимъ, «Köln. Zeitung» повѣдала міру, что императоръ Вильгельмъ I, будучи уже на смертномъ одрѣ, завѣщалъ своему внуку оставаться вѣрнымъ другомъ Русскаго Царя. Помимо того, все съ тою же цѣлью пріобрѣсти расположеніе Россіи, Бисмаркъ, на страницахъ нѣмецкихъ газетъ, разражался энергичными протестами противъ проектированнаго въ то время бракосочетанія дочери императора Фридриха съ принцемъ Александромъ Баттенбергскимъ.

Императоръ Вильгельмъ II послѣдовалъ совѣтамъ своего дѣда, т.-е., другими словами, совѣтамъ князя Бисмарка,—но не въ той формѣ, въ какой это было угодно имперскому канцлеру.

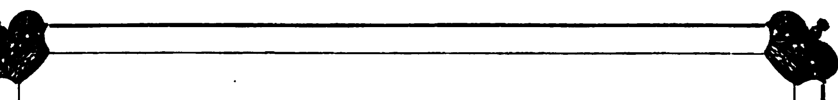


Вскорѣ по восшествіи на престолъ, императоръ Вильгельмъ II, въ сопровожденіи графа Герберта Бисмарка, посѣтилъ Петербургъ. Посѣщеніе это, однако, ничуть не сблизило Россію съ Германіей, на что такъ сильно разсчитывалъ юный монархъ. Бисмаркъ собственно не совѣтовалъ императору ѣздить въ Петербургъ, указывая на то, что Императоръ Александръ III не любитъ, чтобы Его тревожили въ Его Собственномъ домѣ. Никто не осмѣлится отрицать въ Бисмаркѣ способности узнавать людей; онъ прекрасно предвидѣлъ, что разница темпераментовъ обоихъ императоровъ сдѣлаетъ невозможнымъ ихъ взаимное сближеніе. Но и помимо этого обстоятельства, у Бисмарка были еще и другія причины, въ силу которыхъ онъ желалъ воспрепятствовать поѣздкѣ императора Вильгельма II въ Петербургъ. Бисмаркъ угадывалъ, при какомъ императорѣ можно быть собственнымъ своимъ канцлеромъ; Бисмаркъ думалъ помѣшать императору взять въ свои руки завѣдываніе дѣлами внѣшней политики.

Первое свиданіе императоровъ въ окончательной формѣ опредѣлило ихъ взаимныя отношенія. По возвращеніи изъ Петербурга, императоръ Вильгельмъ II произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что: «Германія скорѣе увидитъ всѣ свои восемнадцать корпусовъ на походѣ, чѣмъ согласится на уступку хотя-бы одной пяди ея территоріи». Эти слова до нѣкоторой степени свидѣтельствуютъ о томъ, что во время пребыванія императора Вильгельма II при Русскомъ

Дворѣ были разговоры о временахъ бисмарковскихъ побѣдъ и завоеваній. Изъ Петербурга императоръ Вильгельмъ II прослѣдовалъ въ Фридрихсруэ, гдѣ его ожидалъ обѣдъ, сервированный на двѣнадцать приборовъ, но императоръ уѣхалъ, не пожелавъ воспользоваться гостепріимствомъ канцлера. Уже въ то время стали говорить о разладѣ, поселившемся между императоромъ и его канцлеромъ.

Еще 10-го іюня 1888 года, императоръ Францъ-Іосифъ, въ рѣчи, сказанной делегаціямъ, подчеркнулъ непрочность политическаго положенія Европы. Но послѣднее направленіе бисмарковской политики должно было предостеречь Австрію,—если не Венгрію, противъ всякихъ агрессивныхъ попытокъ. Благодаря этому положенію, миръ не былъ нарушенъ. Въ началѣ 1889 года франко-русскія отношенія были нѣсколько натянуты вслѣдствіе нѣсколько неумѣстной энергіи, выказанной французскимъ правительствомъ по отношенію къ свободному козаку Ашинову. Но Бисмарку не пришлось извлечь изъ этихъ недоразумѣній никакихъ выгодъ для Германіи. Императоръ Александръ III далъ блестящее удовлетвореніе англійскому уполномоченному Морье за тѣ нападки, которые позволилъ себѣ противъ него графъ Гербертъ Бисмаркъ 19-го февраля, на балу у англійскаго посла. Тогда императоръ Вильгельмъ II окончательно рѣшилъ перейти на сторону тройственнаго союза. 20-го мая 1889 года, король Гум-



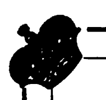
бертъ прибылъ въ Берлинъ, причемъ, только при помощи Криспи, Бисмарку удалось помѣшать поѣздкѣ, которую Императоръ Вильгельмъ II и король Гумбертъ собирались вмѣстѣ совершить въ Страсбургъ. Положеніе Европы снова стало критическимъ. Императоръ Александръ III вскорѣ послѣ этого провозгласилъ тостъ въ честь князя Черногорскаго, какъ единственнаго и истиннаго друга Россіи. Въ августѣ того-же года, императоръ Францъ-Іосифъ, въ сопровожденіи своего начальника главнаго штаба, прибылъ въ Берлинъ,—къ этому-же времени послы Россіи и Франціи оставили столицу Германіи.

Но и Императоръ Вильгельмъ II оказался также мало постояненъ во своей анти-русской политикѣ, какъ и князь Бисмаркъ. 11-го октября Императоръ Александръ III отдалъ императору Вильгельму II визитъ, въ отвѣтъ на посѣщеніе германскимъ императоромъ Петербурга. «Наконецъ-то»!—такимъ возгласомъ нѣмецкая пресса и германскіе оффиціозы привѣтствовали прибытіе въ Берлинъ Императора Александра III. Тонъ нѣмецкихъ газетъ отличался удивительною холодностью. Самъ Бисмаркъ сильно колебался, не зная какъ ему поступить: ѣхать-ли въ Берлинъ на встрѣчу Императору, или нѣтъ? По словамъ его органовъ, Бисмаркъ прибылъ въ Берлинъ только вслѣдствіе предписанія своего монарха. Сдержанность Царя вполнѣ отвѣчала холодности нѣмецкой прессы. Въ день пріѣзда Императора Александра III въ Берлинъ въ импе-

раторскомъ замкѣ состоялся парадный вечеръ. Балъ этотъ не представлялъ собою ничего особеннаго, если не считать названія пятаго блюда, подававшагося за ужиномъ: poulets de Metz. Царь держалъ Себя очень холодно и имѣлъ скучающій видъ. Съ членами германскаго императорскаго дома Царь обмѣнивался рѣдкими, отрывочными фразами. Когда подали шампанское, Вильгельмъ II, громкимъ голосомъ, провозгласилъ слѣдующій тостъ: «Я пью за благоденствіе моего высокаго друга и гостя, Его Величества, Императора всея Россіи, за прочность нашей дружбы, болѣе ста лѣтъ связывающей наши дома, дружбы, которой я дорожу какъ наслѣдіемъ моихъ отцовъ!» Затѣмъ Императоръ, сказавъ нѣсколько словъ на русскомъ языкѣ, крикнулъ: ура!

Рѣчь императора была очевидною попыткою сломить русскій ледъ, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали отвѣта Царя,—но ожиданіямъ этимъ не суждено было оправдаться. Императоръ Александръ III сказалъ нѣсколько словъ исключительно Вильгельму II, а потомъ, громко, на французскомъ языкѣ, предложилъ слѣдующій, самый обычный тостъ: «За здоровье Его Величества императора Вильгельма! Ура!».

Общественное мнѣніе Германіи было сильно заинтересовано тѣмъ, что сказалъ Императору Русскій Царь. Вышедшее на другой день особое приложеніе къ «Имперскому Указателю» раскупалось въ массѣ экземпляровъ, но правитель-



ственный органъ не могъ дать никакихъ подробныхъ разъясненій. Въ приложеніи было только сказано, что «Его Величество, Русскій Императоръ всталъ, поблагодарилъ на французскомъ языкѣ за выраженныя его величествомъ императоромъ Вильгельмомъ чувства дружбы и выпилъ за здоровье его величества». Въ «Norddeutsche Zeitung» было сказано, что Императоръ Александръ III, прежде чѣмъ провозгласить тостъ, сказалъ императору Вильгельму нѣсколько словъ на нѣмецкомъ языкѣ, которымъ Царь владѣлъ въ совершенствѣ. При этомъ органъ канцлера объяснилъ, что, вообще, во всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ, Императоръ Александръ III пользовался исключительно французскимъ языкомъ.

Очевидно, императору Вильгельму не удалось своимъ тостомъ сломить ледъ. Послѣ банкета разговоръ между Монархами также какъ-то не ладился; императоръ Вильгельмъ разговаривалъ съ русскимъ посломъ, а Царь бесѣдовалъ съ Бисмаркомъ. Впослѣдствіи, будучи уже не у дѣлъ, князь Бисмаркъ любилъ вспоминать этотъ вечеръ, причемъ утверждалъ, что Царь отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Императоръ Александръ III въ этотъ вечеръ былъ особенно внимателенъ къ Бисмарку; Онъ заставилъ канцлера сѣсть, а самъ, облокотившись на его стулъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ.

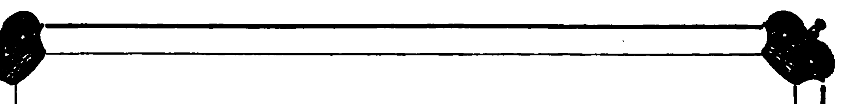
Демонстративная манера, съ какою Царь отличилъ князя Бисмарка, и холодность, съ какою отвѣтилъ Императоръ Александръ III на тостъ

императора Вильгельма, могли быть объяснена предстоявшею поѣздкою императора Вильгельма въ Константинополь, а также англо-нѣмецкой демонстраціей, предшествовавшей пріѣзду Императора Александра III въ Берлинъ. Когда британская эскадра прибыла въ Киль, императоръ Вильгельмъ посѣтилъ англійскія суда, при чемъ высказался особенно сочувственно по отношенію къ Англіи. Бисмаркъ былъ убѣжденнымъ противникомъ всякаго сближенія съ Англіей, а потому особенное вниманіе, оказанное канцлеру Императоромъ Александромъ III, было объяснено какъ протестъ противъ кильской демонстраціи. Но Императоръ Александръ III, выказывая особенное вниманіе Бисмарку, имѣлъ, конечно, иныя, менѣе политическія причины. Царь, въ томъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, прекрасно понималъ и чувствовалъ отвращеніе къ двойственной политикѣ желѣзнаго канцлера, которому, конечно, отнюдь не довѣрялъ; нужно думать, что Императоръ просто желалъ ближе присмотрѣться къ выдающемуся государственному дѣятелю Европы. Мы, датчане, чья страна такъ много страдала и обливалась кровью вслѣдствіе политики желѣза и крови князя Бисмарка, мы, имѣющіе несомнѣнное право быть наиболѣе строгими судьями Бисмарка,—все-же вынуждены признать въ немъ великаго человѣка. Царь держался такого-же взгляда, о чемъ даже какъ-то разъ и высказалъ. Императоръ Александръ III зналъ, что дни Бисмарка, какъ политическаго

дѣятеля, были сочтены; Императоръ предвидѣлъ его скорое паденіе, и что онъ, помимо собственной воли, вынужденъ будетъ отказаться отъ власти, которую такъ страстно любилъ, хотя и говорилъ, что желалъ бы окончить свои дни въ уединеніи сельской обстановки.

Когда Бисмаркъ, въ разговорѣ съ Императоромъ Александромъ III, 11 октября 1889 года, убѣждалъ Императора въ томъ, насколько его политика была благопріятна для Россіи, Государь неожиданно перебилъ его вопросомъ: «Но вы увѣрены въ томъ, что останетесь у власти?» — «Я увѣренъ, — отвѣтилъ Бисмаркъ, — что останусь канцлеромъ до конца своихъ дней». Императоръ былъ еще недалеко отъ Берлина, когда Бисмаркъ уже сталъ вникать и понимать глубокое значеніе заданнаго ему Царемъ вопроса.

На другой день послѣ параднаго вечера, императоръ и Царь отправились вмѣстѣ на ружейную охоту, которую оба любили. Цѣлый день они провели вмѣстѣ, причемъ Императоръ Александръ III не былъ такъ холоденъ въ обращеніи съ Вильгельмомъ II, какъ наканунѣ. Въ слѣдующій день, въ воскресенье, гвардейскій полкъ Императора Александра далъ завтракъ въ честь своего Августѣйшаго шефа. За завтракомъ замѣтно было совершенно иное настроеніе, сравнительно съ тѣмъ, какое царствовало на парадномъ балу въ императорскомъ замкѣ. Со свойственнымъ ему огнемъ и энтузіазмомъ, Вильгельмъ II вспомнилъ тѣ времена, когда

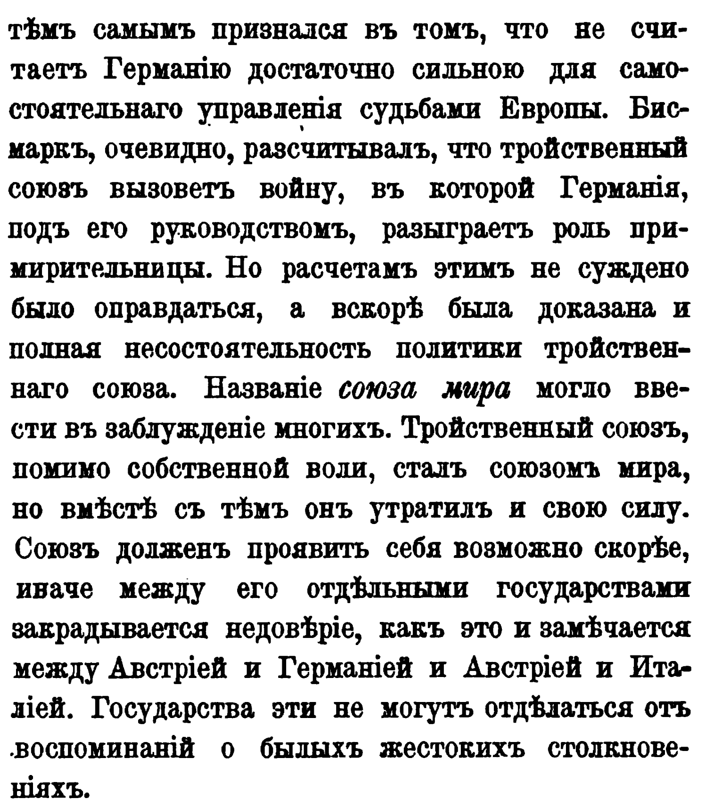


прусская и русская арміи сражались вмѣстѣ противъ Франціи, затѣмъ въ самыхъ симпатичныхъ выраженіяхъ отозвался о доблести русскихъ солдатъ, сражавшихся подъ Севастополемъ и Плевною,—и эта рѣчь проникла въ сердце Царя. На этотъ разъ уже на нѣмецкомъ языкѣ Онъ провозгласилъ тостъ въ честь своего славнаго шефнаго полка. Но и до этого тоста въ прессу проникли слухи о томъ, что между Императорами установились болѣе теплыя отношенія. Газета «National Zeitung», часто дѣйствовавшая по указанію имперскаго канцлера, опубликовала статью, въ которой говорилось о проясненіи политическаго горизонта. Французскій народъ во время выборовъ, а Императоръ Александръ III посѣщеніемъ Берлина доказали свое желаніе сохранить миръ.

Императоръ Александръ III, конечно, помимо воли, подготовилъ паденіе Бисмарка. Вопросъ Императора Бисмарку, увѣренъ-ли онъ въ томъ, что сохранитъ за собою власть, заставляетъ думать, что въ извѣстныхъ сферахъ Берлина уже знали о непрочности положенія Бисмарка, какъ имперскаго канцлера, тогда какъ самъ Бисмаркъ еще ровно ничего не подозрѣвалъ. Однако, онъ имѣлъ случай призадуматься надъ вопросомъ Царя еще до возвращенія своего императора во дворецъ послѣ проводовъ Императора Александра III. Вильгельмъ II пригласилъ Бисмарка въ свой экипажъ и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ канцлерскій дворецъ. О содержаніи разговора, про-

исходившаго между канцлеромъ и императоромъ стало извѣстно только черезъ нѣсколько лѣтъ. Во время ожесточеннаго конфликта, возбужденнаго *невѣрнымъ вассаломъ* въ Фридрихсруэ противъ Австріи и новаго курса по случаю переговоровъ о заключеніи торговыхъ договоровъ, газета «Pest. Lloyd», 15-го іюля 1891 года сообщила, со словъ своего берлинскаго корресподента, что послѣднее пребываніе въ Берлинѣ Императора Александра III повлечетъ за собою весьма серьезныя послѣдствія; прежде всего Вильгельмъ II собирается вновь посѣтить Петербургъ, чтобы присутствовать на большихъ маневрахъ русской арміи, что планъ этотъ несимпатиченъ Бисмарку, и что положеніе послѣдняго сильно поколебалось со времени посѣщенія Берлина Императоромъ Александромъ III. Нѣсколько дней спустя «Münch. Allg. Zeit.» подтвердила справедливость извѣстій, сообщенныхъ въ „Pest. Lloyd», а «Hamb. Allg. Zeit.», въ свою очередь, подтвердила сообщеніе мюнхенской газеты.

Въ то время, какъ Бисмаркъ велъ переговоры о заключеніи союза съ Австріей, а затѣмъ, три года спустя, создалъ тройственный союзъ, всѣ видѣли въ этихъ дипломатическихъ маневрахъ проявленіе громаднаго политическаго таланта желѣзнаго канцлера. Но, чѣмъ больше проходило времени, прежде чѣмъ тройственный союзъ могъ быть испытанъ на полѣ брани, тѣмъ меньше и меньше становилось значеніе бисмарковской политики. Въ поискахъ за союзами, Бисмаркъ



тѣмъ самымъ признался въ томъ, что не считаетъ Германію достаточно сильною для самостоятельнаго управленія судьбами Европы. Бисмаркъ, очевидно, разсчитывалъ, что тройственный союзъ вызоветъ войну, въ которой Германія, подъ его руководствомъ, разыграетъ роль примирительницы. Но расчетамъ этимъ не суждено было оправдаться, а вскорѣ была доказана и полная несостоятельность политики тройственнаго союза. Названіе *союза мира* могло ввести въ заблужденіе многихъ. Тройственный союзъ, помимо собственной воли, сталъ союзомъ мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утратилъ и свою силу. Союзъ долженъ проявить себя возможно скорѣе, иначе между его отдѣльными государствами закрадывается недовѣріе, какъ это и замѣчается между Австріей и Германіей и Австріей и Италіей. Государства эти не могутъ отдѣлаться отъ воспоминаній о былыхъ жестокихъ столкновеніяхъ.

Нужно еще удивляться, что процессъ разложенія начался такъ поздно и что тройственный союзъ существуетъ еще и до сихъ поръ. Первые признаки разногласій между участниками тройственнаго союза стали замѣтны еще въ 1881 году, сейчасъ-же послѣ данцигскаго свиданія Императоровъ Александра III съ Вильгельмомъ I. Затѣмъ, позднѣе, въ 1889 году, послѣ посѣщенія Императоромъ Александромъ III Берлина, повлекшаго за собою нѣкоторое сближеніе между Императорами Россіи и Германіи, а также

вскорѣ послѣ того послѣдовавшее разоблаченіе двойственной бисмарковской политики, возбудили въ Австріи недовѣріе по отношенію къ Германіи. Австрія сдѣлала попытку сблизиться съ Россіей. Въ началѣ февраля 1890 года, эрцгерцогъ Францъ-Іосифъ посѣтилъ Петербургъ. Визиты эти повторялись и позднѣе. Эта перемѣна въ направленіи европейской политики находится въ связи съ тайными планами императора Вильгельма II, желавшаго возстановить дружественныя отношенія между всѣми державами, что было, конечно, невозможно при тогдашнемъ натянутомъ политическомъ настроеніи Европы.

Бисмаркъ часто намекалъ на то, что молодой императоръ, въ своемъ стремленіи пріобрѣсти расположеніи Англіи, въ то же время отдалялся отъ Россіи. Но императоръ, казалось, держался иныхъ взглядовъ, доказательствомъ чего служитъ то, что въ промежутокъ времени между посѣщеніемъ Императоромъ Александромъ III Берлина въ 1889 году и своею поѣздкою въ Петербургъ въ 1890 году императоръ Вильгельмъ II заключилъ соглашеніе относительно обмѣна острова Гельголанда на часть германскихъ владѣній въ Африкѣ. Такимъ образомъ Бисмаркъ оказался правъ. Прямо съ острова Гельголанда Вильгельмъ II прибылъ на маневры въ Нарву. Прямымъ слѣдствіемъ подобныхъ политическихъ комбинацій Вильгельма II было то, что онъ нашелъ Императора Александра III далеко не такимъ любезнымъ, какимъ Онъ былъ 12-го ок-

тября 1889 года. Различныя обстоятельства еще усилили расногласіе, возникшее между Императорами. Вильгельмъ II остался особенно недоволенъ тѣмъ, что не получилъ приглашенія присутствовать на большихъ маневрахъ, предстоявшихъ на границѣ Галиціи, маневрахъ, представлявшихъ особый интересъ.

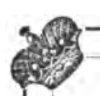
Изъ Петербурга Вильгельмъ II прослѣдовалъ въ Роништокъ, чтобы снова съ возможною торжественностью засвидѣтельствовать передъ Европою о дружбѣ оружія, существующей между Германіей и Австро-Венгріей. Въ то-же время были возбуждены переговоры о возобновленіи тройственнаго союза. Уже въ 1893 году бисмарковскіе органы повѣдали міру о томъ недовѣріи, какое питаетъ Италія по отношенію къ тройственному союзу и что маркизъ де Рудини дѣлалъ попытки къ сближенію съ Россіей на тотъ случай, если-бы тройственный союзъ распался. Результаты подобныхъ попытокъ для Италіи были самые неблагопріятные. 28 іюня 1891 года Италія вынуждена была возобновить свое участіе въ тройственномъ союзѣ, при чемъ для себя не успѣла выговорить никакихъ существенныхъ выгодъ.

Предложенія Италіи въ сущности очень не понравились открытому и лояльному характеру Императора Александра III. Эти предложенія, а равно и посѣщеніе эрцгерцога австрійскаго убѣдили Его въ томъ, что Его, совмѣстная съ Франціей, политика начинаетъ приносить плоды. На-

стала минута, когда Онъ могъ игнорировать тройственный союзъ, на который онъ смотрѣлъ какъ на оскорбленіе по отношенію къ Россіи, и когда, 28-го іюня 1891 года, императоръ Вильгельмъ II съ особенною торжественностью объявилъ о возобновленіи тройственнаго союза, Александръ III, не колеблясь, оффиціально заявилъ міру о состоявшемся сближеніи между самодержавною Россіей и республиканскою Франціею.

Этотъ планъ, какъ это ни кажется страннымъ, на первыхъ порахъ встрѣтилъ въ Парижѣ нѣкоторыя затрудненія. Большинство французскихъ либераловъ и радикаловъ не имѣло яснаго представленія о томъ, какую разницу дѣлаетъ Царь между политикою внутреннею и внѣшнею. Но затрудненія эти были вскорѣ побѣждены. Съ одной стороны, французскій посолъ въ Петербургѣ, Лабулэ, пользовался поддержкою министра иностранныхъ дѣлъ Фрейсине, съ другой—самъ президентъ Карно пошелъ на встрѣчу всякимъ препятствіямъ. Императоръ Александръ III принялъ французскую эскадру, пришедшую въ Кронштадтъ подъ командою адмирала Жерве. Царь, стоя, выслушалъ «Марсельезу» и провозгласилъ на французскомъ языкѣ слѣдующій тостъ: «За здоровье президента французской республики Карно, за процвѣтаніе и благоденствіе французскаго флота и, особенно, эскадры адмирала Жерве»!

Не взирая на попытки органовъ тройственнаго союза умалить значеніе этой демонстраціи, вся Европа почувствовала наступленіе новой



эры въ обще-европейской политикѣ. Императоръ Александръ III, съ своей стороны, не замедлилъ подчеркнуть мiровое значенiе Кронштадской демонстрацiи. Русское министерство иностранныхъ дѣлъ опубликовало на страницахъ «Politiche Correspondenz» и «Le Nord» статьи, въ которыхъ выяснялся истинный смыслъ франко-русскаго сближенiя. Взаимная зависимость,—говорилось въ «Politische Correspondenz»—какъ для Россiи, такъ и для Францiи, представляетъ относительную важность. Франко-русскiй союзъ не зиждется ни на какихъ формальныхъ обязательствахъ, которыя могли-бы вызвать международныя осложненiя; онъ основанъ на полномъ взаимномъ довѣрiи. Газета «Nord», въ свою очередь, замѣтила, что съ тѣхъ поръ, какъ Францiя вышла изъ своего изолированнаго положенiя, она съ большимъ старанiемъ будетъ служить дѣлу поддержанiя европейскаго мира, такъ какъ этотъ миръ для нея уже будетъ не обязательнымъ, а добровольнымъ.

Такимъ образомъ, въ окончательной формѣ установилось направленiе внѣшней политики Императора Александра III. Совмѣстная франко-русская политика служила какъ-бы дополненiемъ политики свободныхъ рукъ 1887 года. Эта политика была впослѣдствiи закрѣплена демонстрацiями Тулона и Парижа. Царь не только внимательно слѣдилъ за всѣми этими демонстрацiями, но и Самъ пожелалъ принять въ нихъ личное участiе. Государь посѣтилъ въ это

Рисунок № 1.

эры въ обще-европейской политикѣ. Им.
Александръ III, съ своей стороны, не ...
подчеркнуть міровое значеніе Кронштад...
монстраціи. Русское министерство иност...
дѣлъ опубликовало на страницахъ «Poli...
respondenz» и «Le Nord» статьи, въ ...
выяснялся истинный смыслъ франко-ру...
сближенія. Взаимная зависимость, — ...
въ «Politische Correspondenz» — какъ для ...
такъ и для Франціи, представляетъ ...
ную важность. Франко-русскій союзъ ...
ни на какихъ формальныхъ обязате... ко-
торыя могли-бы вызвать междуна... ос-
ненія; онъ основанъ на полномъ ...
рѣріи. Газета «Nord», въ свою очере...
что съ тѣхъ поръ, какъ Франц...
своего изолированнаго положенія, ...
шимъ стараніемъ будетъ служить ...
жанія европейскаго мира, такъ к...
для нея уже будетъ не обязат...
вольнымъ.

Такимъ образомъ, въ окончате...
установилось направле... внѣшней
Императора Александра III. ...
русская политика слу... ...
ніемъ политики свобод... ... ...
Эта политика была впосл... ...
монстраціями Тулона и Пари...
...мательно слѣдилъ за ве...
...ми, но и Самъ прин...
... участіе. Государ...

Рисунокъ № 2.

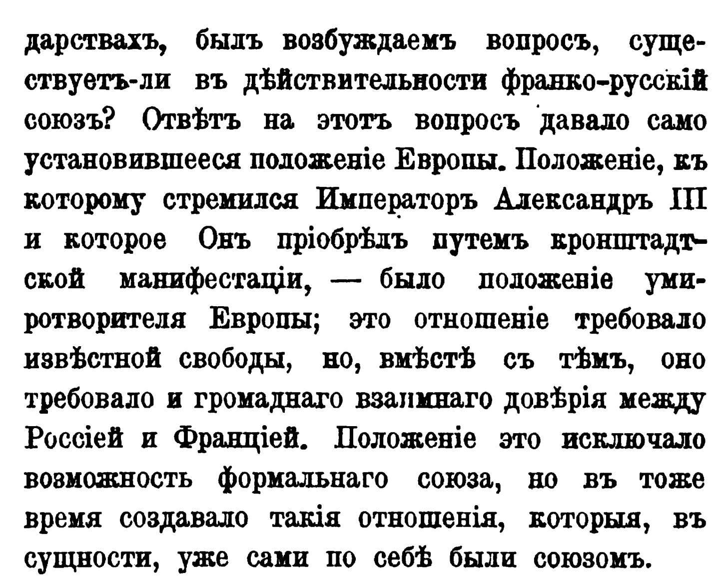
время французскую эскадру, стоявшую на копенгагенскомъ рейдѣ. Уѣзжая, 18-го октября 1893 года, изъ Копенгагена, Императоръ увезъ съ Собою цѣлую коллекцію французскихъ сувенировъ: носовые платки съ портретомъ Его Величества, Эйфелеву башню съ русскими и французскими матросами, украшенную русскими и французскими національными флагами. Императоръ Самъ пожелалъ пріобрѣсти всѣ эти вещи.

Всему міру извѣстны колоссальные результаты, достигнутые Императоромъ Александромъ III въ дѣлахъ внѣшней политики. Точно также всему міру извѣстно и то, что Императоръ прежде всего стремился къ поддержанію мира и европейскаго равновѣсія. Событія, разыгравшіяся въ февралѣ 1891 г. и которыя чуть было не помѣшали переговорамъ относительно посѣщенія Кронштадта французскою эскадрою, дало возможность Императору Александру III высказать Свои политическіе взгляды на французское правительство. Когда пріѣздъ вдовствующей германской императрицы Викторіи въ Парижъ чуть было не вызвалъ франко-германскаго конфликта, французское правительство, — какъ о томъ утверждала впослѣдствіи «Münch. Allg. Zeit.», — спросило Императора Александра III, признаетъ-ли Онъ основательнымъ со стороны Франціи, если она прерветъ свои сношенія съ Германіей? На это Царь отвѣтилъ, что пріѣздъ вдовствующей германской императрицы въ Парижъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ

оскорбительнымъ для національнаго чувства французовъ, а потому Онъ увѣренъ, что французское правительство сумѣетъ оградить императрицу отъ всякихъ непріятностей. Въ заключеніе Императоръ заявилъ, что Онъ не можетъ серьезно смотрѣть на возможность возникновенія франко-германской войны.

Нѣмецкія газеты утверждаютъ, что Императоръ Александръ III, какъ лично Самъ, такъ и чрезъ посредство Наслѣдника Цесаревича, во время пребыванія Своего въ Килѣ, 6-го іюня 1892 года, заявилъ Вильгельму II, что Онъ не двинетъ Своей арміи изъ-за вопроса объ Эльзасъ-Лотарингіи. Весьма возможно, что Императоръ и сказалъ это. Онъ добивался не войны, а мира; не смутъ,—а спокойствія и равновѣсія. Послѣднее условіе обезпечивало за Россіей безспорное первенство среди европейскихъ державъ. Но, съ другой стороны, Императоръ Александръ III тщательно избѣгалъ впадать въ ошибки, подобныя тѣмъ, какія нарушали спокойствіе умовъ державъ тройственнаго союза. Не словами, а дѣломъ Императоръ желалъ установить европейское равновѣсіе. Въ то время, когда Императоръ Александръ III вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ былъ въ Килѣ, гдѣ состоялось свиданіе съ императоромъ Вильгельмомъ, Великій Князь Константинъ Константиновичъ, по приказанію Царя, посѣтилъ президента Карно въ Нанси.

Не разъ во Франціи, да и въ другихъ госу-



дарствахъ, былъ возбуждаемъ вопросъ, существуетъ-ли въ дѣйствительности франко-русскій союзъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ давало само установившееся положеніе Европы. Положеніе, къ которому стремился Императоръ Александръ III и которое Онъ пріобрѣлъ путемъ кронштадтской манифестаціи, — было положеніе умиротворителя Европы; это отношеніе требовало извѣстной свободы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно требовало и громаднаго взаимнаго довѣрія между Россіей и Франціей. Положеніе это исключало возможность формальнаго союза, но въ тоже время создавало такія отношенія, которыя, въ сущности, уже сами по себѣ были союзомъ.

Если-бы въ частномъ разговорѣ спросили самого Императора относительно того, существуетъ-ли формальный союзъ между Имъ и Франціей? Онъ отвѣтилъ-бы слѣдующими словами: «Союзъ? о, нѣтъ! Но мы уже не позволимъ, чтобы насъ поражали каждаго въ отдѣльности!» Императоръ Александръ III слишкомъ хорошо сознавалъ всѣ выгоды, представляемыя для Россіи сближеніемъ съ Франціей, а потому старался поддержать его.

Александръ III былъ слишкомъ лояленъ для того, чтобы увлечься политикою двуличною. Но Онъ оставилъ за Собою право собирать плоды, приносимые Его твердою и строго опредѣленною политикою, — и Онъ собиралъ эти плоды. Онъ на дѣлѣ доказывалъ Свои миролюбивыя стремленія. Политика Императора Александра III была впервые оцѣнена по всей справедливости въ

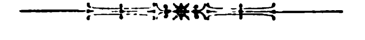
Австро-Венгріи. Послѣ посѣщенія Петербурга эрцгерцогомъ Францемъ-Іосифомъ, въ февралѣ 1890 года, вѣнское правительство вернулось къ своей традиціонной политикѣ, но въ началѣ 1893 года послѣдовало полное сближеніе между Петербургомъ и Вѣною. Сближеніе это послѣдовало отчасти потому, что императоръ Вильгельмъ II оказалъ особенное вниманіе Наслѣднику Цесаревичу во время Его пребыванія въ Берлинѣ, въ январѣ того-же года. Императоръ Францъ-Іосифъ, 27-го мая, обращаясь съ рѣчью къ австро-венгерскимъ делегаціямъ, въ самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ говорилъ о сближеніи съ Россіей, затѣмъ въ томъ-же духѣ высказался и графъ Кальноки, рѣчь котораго произвела сильную сенсацію. Позднѣе, это русско-австрійское сближеніе дало поводъ къ болѣе тѣсному союзу между Германіей и Италіей. Стали опасаться возможности нарушенія мира, особенно послѣ посѣщенія Меца итальянскимъ наслѣднымъ принцемъ. Германія не замедлила высказать Россіи свое нерасположеніе; выразилось это въ отказѣ принять миролюбивыя предложенія Россіи въ дѣлѣ переговоровъ о заключеніи торговаго договора. Но въ концѣ 1893 г. произошла рѣзкая перемѣна въ политикѣ германскаго императора Вильгельма II. Во время парадныхъ обѣдовъ и вечеровъ, въ разговорахъ съ членами рейхстага, императоръ защищалъ пользу русско-германскаго торговаго договора. Императоръ Александръ III не пожелалъ оста-

ваться въ долгу и на вниманіе Вильгельма II поспѣшилъ отвѣтить такимъ же вниманіемъ. 7-го марта 1894 года, только что оправившись отъ инфлуэнцы, Царь посѣтилъ германскаго посла въ Петербургѣ, генерала Вердера.

Императоръ Александръ III достигъ того положенія, какое нѣкогда занималъ князь Бисмаркъ: посредника Европы. Еще при жизни Онъ могъ убѣдиться въ томъ громадномъ уваженіи, какимъ проникнуты были по отношенію къ Нему народы Европы, за исключеніемъ развѣ политическихъ сферъ Буда-Пешта. Весь міръ единогласно признаетъ, что Императоръ Александръ III отнюдь не злоупотреблялъ Своимъ безграничнымъ вліяніемъ на европейскія дѣла.

Когда извѣстія о болѣзни Императора стали принимать серьезный характеръ, когда зародилась первая тревога относительно возможности печальнаго исхода, тогда всѣ сердца, даже въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ, преисполнились чувствомъ искренней скорби. Весь міръ превозносилъ великія добродѣтели Императора-Миротворца, твердостью и прямотою Своей политики создавшаго Себѣ положеніе повелителя всей Европы.

Р. О. Бестгорнъ.
(Докторъ философіи).



Къ характеристикѣ Императора Александра III.

(Пер. съ нѣмецкаго).

На окраинѣ величайшей въ мірѣ имперіи, въ залитой яркими лучами солнца Ливадіи, подъ тѣнью миртовыхъ и лавровыхъ деревьевъ Крыма, тихо угасъ Императоръ Александръ III. Онъ скончался въ самомъ расцвѣтѣ силъ. Кончина Его является тѣмъ болѣе неожиданною, что атлетическое сложеніе и мощная фигура Царя внушали всѣмъ увѣренность въ томъ, что Ему суждено было прожить еще многіе годы и много поработать на пользу и счастіе Своего многомилліоннаго народа. Немного было Государей, жизнь которыхъ шла столь необычнымъ путемъ, въ концѣ концовъ приведшимъ къ поразительнымъ успѣхамъ. По своему рожденію Императоръ Александръ III не долженъ былъ царствовать. При жизни старшаго брата, Цесаревича Николая, одареннаго выдающимися способностями, Великій Князь Александръ Александровичъ и не помышлялъ о томъ, что придетъ время, когда Ему придется взять въ Свои руки бразды правленія величайшаго изъ государствъ міра. Покуда былъ живъ Цесаревичъ Николай, Великій князь Александръ Александровичъ оставался какъ-бы въ тѣни; все вниманіе Россіи

было сосредоточено на прекрасномъ образѣ Цесаревича, подававшаго такъ много надеждъ.

Болѣзнь, а затѣмъ кончина Цесаревича Николая, послѣдовавшая въ Ниццѣ, въ апрѣлѣ 1865 года, сразу и совершенно неожиданно измѣнили положеніе Великаго Князя Александра Александровича. Какъ о Наслѣдникѣ Престола, о немъ стали говорить, интересоваться чертами Его характера, Его взглядами и склонностями. Въ первое время послѣ кончины Цесаревича Николая, новый Наслѣдникъ Престола не пользовался популярностью. Онъ являлъ Собою слишкомъ рѣзкій контрастъ сравнительно съ покойнымъ братомъ, отличавшимся привѣтливостью, любознательностью. Открытый характеръ, всесторонне-образованный умъ покойнаго Наслѣдника привлекали къ Нему сердца всѣхъ, кто приближался къ Нему. Новый Наслѣдникъ престола былъ, напротивъ, серьезенъ, молчаливъ, отличался крайнею обдуманностью и осторожностью во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ. Цесаревичъ Александръ былъ лишенъ того обаянія, какимъ въ избыткѣ обладалъ Его покойный братъ.

Въ общемъ, образъ почившаго Цесаревича былъ еще слишкомъ ясенъ въ памяти народа, уже привыкшаго любить Его и видѣть въ немъ будущаго Императора.

По смерти Цесаревича Николая, новый Наслѣдникъ престола весь отдался занятіямъ, стараясь пополнить пробѣлы Своего образованія. Со свойственною Ему усидчивостью и настой-

Къ характеристикѣ Императора Александра III.

(Пер. съ нѣмецкаго).

На окраинѣ величайшей въ мірѣ имперіи, въ залитой яркими лучами солнца Ливадіи, подъ тѣнью миртовыхъ и лавровыхъ деревьевъ Крыма, тихо угасъ Императоръ Александръ III. Онъ скончался въ самомъ расцвѣтѣ силъ. Кончина Его является тѣмъ болѣе неожиданною, что атлетическое сложеніе и мощная фигура Царя внушали всѣмъ увѣренность въ томъ, что Ему суждено было прожить еще многіе годы и много поработать на пользу и счастіе Своего многомилліоннаго народа. Немного было Государей, жизнь которыхъ шла столь необычнымъ путемъ, въ концѣ концовъ приведшимъ къ поразительнымъ успѣхамъ. По своему рожденію Императоръ Александръ III не долженъ былъ царствовать. При жизни старшаго брата, Цесаревича Николая, одареннаго выдающимися способностями, Великій Князь Александръ Александровичъ и не помышлялъ о томъ, что придетъ время, когда Ему придется взять въ Свои руки бразды правленія величайшаго изъ государствъ міра. Покуда былъ живъ Цесаревичъ Николай, Великій князь Александръ Александровичъ оставался какъ-бы въ тѣни; все вниманіе Россіи

было сосредоточено на прекрасномъ образѣ Цесаревича, подававшаго такъ много надеждъ.

Болѣзнь, а затѣмъ кончина Цесаревича Николая, послѣдовавшая въ Ниццѣ, въ апрѣлѣ 1865 года, сразу и совершенно неожиданно измѣнили положеніе Великаго Князя Александра Александровича. Какъ о Наслѣдникѣ Престола, о немъ стали говорить, интересоваться чертами Его характера, Его взглядами и склонностями. Въ первое время послѣ кончины Цесаревича Николая, новый Наслѣдникъ Престола не пользовался популярностью. Онъ являлъ Собою слишкомъ рѣзкій контрастъ сравнительно съ покойнымъ братомъ, отличавшимся привѣтливостью, любознательностью. Открытый характеръ, всесторонне-образованный умъ покойнаго Наслѣдника привлекали къ Нему сердца всѣхъ, кто приближался къ Нему. Новый Наслѣдникъ престола былъ, напротивъ, серьезенъ, молчаливъ, отличался крайнею обдуманностью и осторожностью во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ. Цесаревичъ Александръ былъ лишенъ того обаянія, какимъ въ избыткѣ обладалъ Его покойный братъ.

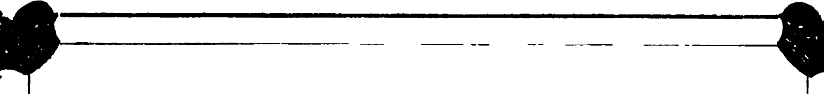
Въ общемъ, образъ почившаго Цесаревича былъ еще слишкомъ ясенъ въ памяти народа, уже привыкшаго любить Его и видѣть въ немъ будущаго Императора.

По смерти Цесаревича Николая, новый Наслѣдникъ престола весь отдался занятіямъ, стараясь пополнить пробѣлы Своего образованія. Со свойственною Ему усидчивостью и настой-

Къ характеристикѣ Императора Александра III.

(Пер. съ нѣмецкаго).

На окраинѣ величайшей въ мірѣ имперіи, въ залитой яркими лучами солнца Ливадіи, подъ тѣнью миртовыхъ и лавровыхъ деревьевъ Крыма, тихо угасъ Императоръ Александръ III. Онъ скончался въ самомъ расцвѣтѣ силъ. Кончина Его является тѣмъ болѣе неожиданною, что атлетическое сложеніе и мощная фигура Царя внушали всѣмъ увѣренность въ томъ, что Ему суждено было прожить еще многіе годы и много поработать на пользу и счастіе Своего многомилліоннаго народа. Немного было Государей, жизнь которыхъ шла столь необычнымъ путемъ, въ концѣ концовъ приведшимъ къ поразительнымъ успѣхамъ. По своему рожденію Императоръ Александръ III не долженъ былъ царствовать. При жизни старшаго брата, Цесаревича Николая, одареннаго выдающимися способностями, Великій Князь Александръ Александровичъ и не помышлялъ о томъ, что придетъ время, когда Ему придется взять въ Свои руки бразды правленія величайшаго изъ государствъ міра. Покуда былъ живъ Цесаревичъ Николай, Великій князь Александръ Александровичъ оставался какъ-бы въ тѣни; все вниманіе Россіи



было сосредоточено на прекрасномъ образѣ Цесаревича, подававшаго такъ много надеждъ.

Болѣзнь, а затѣмъ кончина Цесаревича Николая, послѣдовавшая въ Ниццѣ, въ апрѣлѣ 1865 года, сразу и совершенно неожиданно измѣнили положеніе Великаго Князя Александра Александровича. Какъ о Наслѣдникѣ Престола, о немъ стали говорить, интересоваться чертами Его характера, Его взглядами и склонностями. Въ первое время послѣ кончины Цесаревича Николая, новый Наслѣдникъ Престола не пользовался популярностью. Онъ являлъ Собою слишкомъ рѣзкій контрастъ сравнительно съ покойнымъ братомъ, отличавшимся привѣтливостью, любознательностью. Открытый характеръ, всесторонне-образованный умъ покойнаго Наслѣдника привлекали къ Нему сердца всѣхъ, кто приближался къ Нему. Новый Наслѣдникъ престола былъ, напротивъ, серьезенъ, молчаливъ, отличался крайнею обдуманностью и осторожностью во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ. Цесаревичъ Александръ былъ лишенъ того обаянія, какимъ въ избыткѣ обладалъ Его покойный братъ.

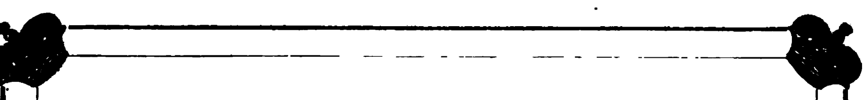
Въ общемъ, образъ почившаго Цесаревича былъ еще слишкомъ ясенъ въ памяти народа, уже привыкшаго любить Его и видѣть въ немъ будущаго Императора.

По смерти Цесаревича Николая, новый Наслѣдникъ престола весь отдался занятіямъ, стараясь пополнить пробѣлы Своего образованія. Со свойственною Ему усидчивостью и настой-

Къ характеристикѣ Императора Александра III.

(Пер. съ нѣмецкаго).

На окраинѣ величайшей въ мірѣ имперіи, въ залитой яркими лучами солнца Ливадіи, подъ тѣнью миртовыхъ и лавровыхъ деревьевъ Крыма, тихо угасъ Императоръ Александръ III. Онъ скончался въ самомъ расцвѣтѣ силъ. Кончина Его является тѣмъ болѣе неожиданною, что атлетическое сложеніе и мощная фигура Царя внушали всѣмъ увѣренность въ томъ, что Ему суждено было прожить еще многіе годы и много поработать на пользу и счастіе Своего многомилліоннаго народа. Немного было Государей, жизнь которыхъ шла столь необычнымъ путемъ, въ концѣ концовъ приведшимъ къ поразительнымъ успѣхамъ. По своему рожденію Императоръ Александръ III не долженъ былъ царствовать. При жизни старшаго брата, Цесаревича Николая, одареннаго выдающимися способностями, Великій Князь Александръ Александровичъ и не помышлялъ о томъ, что придетъ время, когда Ему придется взять въ Свои руки бразды правленія величайшаго изъ государствъ міра. Покуда былъ живъ Цесаревичъ Николай, Великій князь Александръ Александровичъ оставался какъ-бы въ тѣни; все вниманіе Россіи



было сосредоточено на прекрасномъ образѣ Цесаревича, подававшаго такъ много надеждъ.

Болѣзнь, а затѣмъ кончина Цесаревича Николая, послѣдовавшая въ Ниццѣ, въ апрѣлѣ 1865 года, сразу и совершенно неожиданно измѣнили положеніе Великаго Князя Александра Александровича. Какъ о Наслѣдникѣ Престола, о немъ стали говорить, интересоваться чертами Его характера, Его взглядами и склонностями. Въ первое время послѣ кончины Цесаревича Николая, новый Наслѣдникъ Престола не пользовался популярностью. Онъ являлъ Собою слишкомъ рѣзкій контрастъ сравнительно съ покойнымъ братомъ, отличавшимся привѣтливостью, любознательностью. Открытый характеръ, всесторонне-образованный умъ покойнаго Наслѣдника привлекали къ Нему сердца всѣхъ, кто приближался къ Нему. Новый Наслѣдникъ престола былъ, напротивъ, серьезенъ, молчаливъ, отличался крайнею обдуманностью и осторожностью во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ. Цесаревичъ Александръ былъ лишенъ того обаянія, какимъ въ избыткѣ обладалъ Его покойный братъ.

Въ общемъ, образъ почившаго Цесаревича былъ еще слишкомъ ясенъ въ памяти народа, уже привыкшаго любить Его и видѣть въ немъ будущаго Императора.

По смерти Цесаревича Николая, новый Наслѣдникъ престола весь отдался занятіямъ, стараясь пополнить пробѣлы Своего образованія. Со свойственною Ему усидчивостью и настой-

денціи московскаго публициста не согласовались съ западными стремленіями, преобладавшими при Дворѣ. По восшествіи на престолъ, Императоръ Александръ III пригласилъ Каткова въ Петербургъ, пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра и произвелъ въ чинъ тайнаго совѣтника. Говорили даже, что Императоръ предложилъ Каткову постъ министра народнаго просвѣщенія, но талантливый предводитель славянской партіи, будто бы, отказался отъ подобнаго назначенія, ссылаясь на преклонные годы и разстроенное здоровье. Катковъ нерѣдко высказывалъ крайніе взгляды, настаивая на необходимости для Россіи избрать въ интересахъ славянства путь агрессивной политики. Противъ подобныхъ воинственныхъ плановъ московскаго публициста энергично возставалъ Гирсъ, стоявшій на сторонѣ политики мира. Пользуясь извѣстнымъ вліяніемъ на Императора, весьма возможно, что, въ концѣ концовъ, ему и удалось бы склонить Царя на свою сторону, но тутъ сама судьба положила конецъ его политической дѣятельности; Катковъ скончался въ августѣ 1887 года. Узнавъ о смерти Каткова, Европа вздохнула съ облегченнымъ сердцемъ; смерть эта являлась новою гарантіей европейскаго мира. Къ тому времени болгарскій вопросъ принялъ въ высшей степени обостренный характеръ. Александръ Баттенбергскій оставилъ страну; въ Болгарію былъ командированъ генералъ Каульбарсъ, миссія котораго не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Не взирая на

всѣ убѣдительные доводы Каткова, Императоръ уклонился отъ активнаго вмѣшательства въ дѣло разрѣшенія болгарскаго вопроса. Со смертью Каткова внѣшняя политика Императора Александра III приняла болѣе опредѣленный характеръ; Онъ остановился на политикѣ *свободныхъ рукъ*,—выраженіе, принадлежащее покойному московскому публицисту. Царь безъ труда сумѣлъ помирить воинственныя стремленія hominum minorum gentium. Основнымъ принципомъ внѣшней политики Русскаго Царя было поддержаніе мира. Съ цѣлью болѣе прочнаго обезпеченія мира и установленія европейскаго равновѣсія, Императоръ задумалъ и выполнилъ блестящую политическую комбинацію—сближенія Россіи съ Франціей. При этомъ франко-русскій союзъ не былъ скрѣпленъ никакими формальными договорами, что давало Императору возможность быть всегда хозяиномъ положенія.

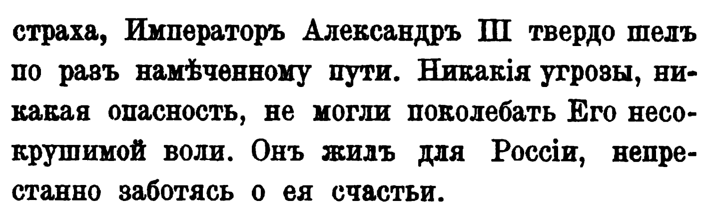
Въ дѣлахъ внутренней политики, строго придерживаясь принципа Самодержавія, Императоръ Александръ III проявлялъ поразительную дѣятельность, входя во всѣ подробности управленія государственными дѣлами. Какъ мы уже говорили, Императоръ значительно расширилъ власть губернаторовъ, слѣдствіемъ чего были, конечно, нѣкоторыя злоупотребленія, но Царь зорко слѣдилъ за дѣятельностью губернаторовъ и виновныхъ привлекалъ къ отвѣтственности. Финансы Россіи за время царствованія Императора Александра III улучшались съ каждымъ годомъ; Им-

ператоръ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ принципа экономіи и бережливости.

Совершенно неожиданно пресѣклась многополезная жизнь Императора Александра III. Не смотря на кратковременность Своего царствованія, Онъ успѣлъ многое сдѣлать для счастія и благоденствія Своего народа. Вотъ почему вѣсть о Его кончинѣ повергла всю Россію въ столь великую скорбь. Но не одна Россія проливаетъ слезы надъ безвременною могилою Русскаго Царя; Его оплакиваетъ вся Европа, для которой Онъ былъ главною опорою мира. Повелѣвая судьбами Европы, почившій Монархъ успѣвалъ всегда вовремя предупреждать собиравшуюся грозу.

National Zeitung.

Изъ Ливадіи пришло потрясающее извѣстіе: Царь, въ разцвѣтѣ силъ, обладавшій рѣдкимъ здоровьемъ, не смогъ побороть угнетавшаго Его недуга; Онъ тихо почилъ, окруженный Членами Своей Семьи и оплакиваемый не только многими милліонами Своихъ подданныхъ, но и всѣми народами цивилизованнаго міра. Царствованіе Императора Александра III составитъ блестящую страницу въ исторіи Россіи. Безгранично преданный долгу, почившій Царь смотрѣлъ на Свою миссію, какъ на предопредѣленіе Божіе. Въ работѣ Онъ не зналъ усталости; даже во время болѣзни, стоя на краю могилы, мучимый болями, Царь не переставалъ заниматься государственными дѣлами. Недоступный чувству

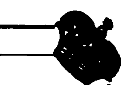


страха, Императоръ Александръ III твердо шелъ по разъ намѣченному пути. Никакія угрозы, никакая опасность, не могли поколебать Его несокрушимой воли. Онъ жилъ для Россіи, непрестанно заботясь о ея счастьи.

Такимъ почившій Царь рисуется какъ Монархъ. Не менѣе лучезаренъ Его образъ и какъ человѣка. Безконечно добрый, привѣтливый, справедливый, прямой, Императоръ являлъ Собою примѣръ семьянина. Царь былъ поистинѣ идеальнымъ отцомъ и супругомъ, и эту отеческую нѣжность и ласку Онъ умѣлъ переносить также и на Свой народъ, для котораго былъ дѣйствительно отцомъ.

За кратковременное царствованіе Императора Александра III Россія сдѣлала громадные успѣхи. Водворивъ внутренній порядокъ, въ которомъ такъ нуждалась Россія, Императоръ занялся дѣлами внѣшней политики и на этомъ поприщѣ стяжалъ Себѣ безсмертную славу. Европа видѣла въ Немъ убѣжденнаго и могучаго хранителя мира. Повелѣвая судьбами Европы, почившій Монархъ никогда не злоупотреблялъ Своею безграничною властью. Потрясенный міръ оплакиваетъ Великаго Государя, — хранителя и защитника міроваго мира. Германія, какъ сосѣднее съ Россіей государство, особенно сильно чувствуетъ и понимаетъ все значеніе безвременной кончины Императора Александра III.

Norddeutsche Allgemeine Zeitung.



Императоръ Александръ III родился 26 февраля 1845 года; 12 апрѣля 1865 года, послѣ кончины Своего старшаго брата Цесаревича Николая, Онъ сдѣлался Наслѣдникомъ русскаго престола. Будучи Наслѣдникомъ Престола, Императоръ Александръ III, избѣгавшій придворнаго блеска, въ уединеніи подготовлялся къ предстоявшей Ему тяжелой задачѣ. Часы отдыха Онъ проводилъ въ тѣсномъ кругу Семьи.

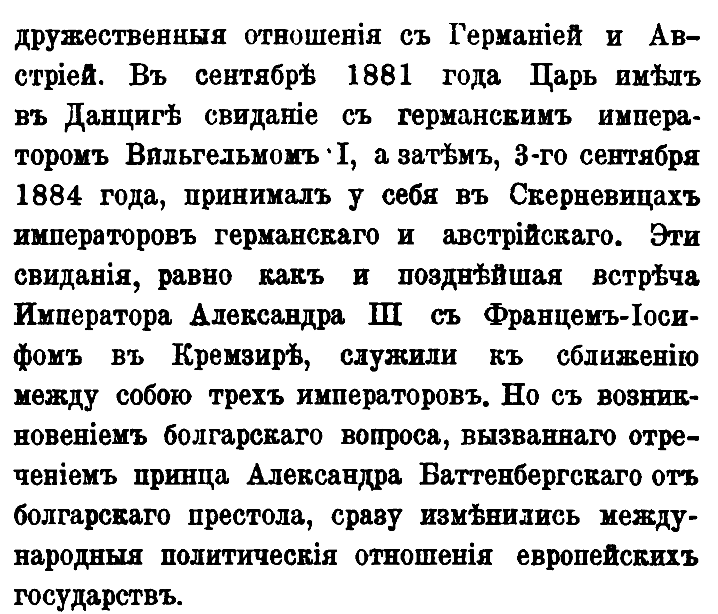
Еще при жизни Императора Александра II, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ занималъ высокія государственныя должности. Онъ былъ генералъ-адъютантомъ Императора, генераломъ отъ инфантеріи и отъ кавалеріи, командиромъ гвардейскаго корпуса, атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, канцлеромъ Гельсингфорскаго университета и принималъ участіе въ занятіяхъ Государственнаго Совѣта, гдѣ успѣлъ пріобрѣсти серьезное вліяніе. Во время послѣдней русско-турецкой кампаніи Наслѣдникъ Цесаревичъ командовалъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ Рущукскимъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ съ большимъ успѣхомъ.

Ужасная катастрофа 1 марта 1881 года совершенно неожиданно призвала Наслѣдника Цесаревича къ занятію престола величайшаго изъ государствъ міра. Предстоявшая задача молодому Императору представлялась въ высшей степени трудною и сложною. Прежде всего нужно было подавить внутреннія смуты, порожденныя нигилистами, число которыхъ увеличивалось съ

ужасающею быстротою. При поддержкѣ немногихъ, преданныхъ Ему приближенныхъ, Императоръ энергично принялся за работу. Чтобы не оставлять міръ въ невѣдѣніи относительно направленія внѣшней политики Россіи, Императоръ разослалъ всѣмъ представителямъ Россіи за границей циркуляръ, въ которомъ говорилось, что внѣшняя политика новаго царствованія будетъ носить вполнѣ миролюбивый характеръ.

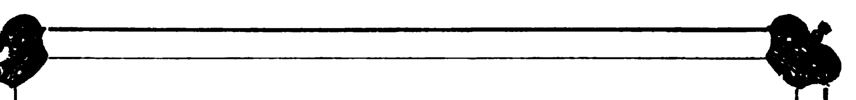
Затѣмъ, успокоивъ общественное мнѣніе Европы, Императоръ весь отдался дѣламъ внутренней политики. Обнародованный 29-го апрѣля 1881 г. Высочайшій манифестъ объявилъ всѣмъ подданнымъ о твердомъ и непоколебимомъ рѣшеніи Императора защищать принципъ Самодержавія. Императоръ былъ глубоко проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что западно-европейскій государственный режимъ не можетъ быть привитъ къ Россіи. Этимъ манифестомъ Императоръ разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, волновавшія сторонниковъ либеральныхъ стремленій. Нигилисты не унимались и настойчиво требовали введенія конституціи, но путемъ разумно строгихъ мѣръ, правительство Императора Александра III въ теченіе двухъ лѣтъ уничтожило въ Россіи всякіе слѣды революціонернаго движенія. через два года по восшествіи на престолъ, 15-го мая 1883 года, была совершена съ обычною пышностью Коронація.

Въ первые годы царствованія Императора Александра III Россія поддерживала вполнѣ



дружественныя отношенія съ Германіей и Австріей. Въ сентябрѣ 1881 года Царь имѣлъ въ Данцигѣ свиданіе съ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ I, а затѣмъ, 3-го сентября 1884 года, принималъ у себя въ Скерневицахъ императоровъ германскаго и австрійскаго. Эти свиданія, равно какъ и позднѣйшая встрѣча Императора Александра III съ Францемъ-Іосифомъ въ Кремзирѣ, служили къ сближенію между собою трехъ императоровъ. Но съ возникновеніемъ болгарскаго вопроса, вызваннаго отреченіемъ принца Александра Баттенбергскаго отъ болгарскаго престола, сразу измѣнились международныя политическія отношенія европейскихъ государствъ.

Одно время говорили, что Россія хотѣла принять активное участіе въ разрѣшеніи болгарскаго вопроса, но слухи эти не оправдались. Императоръ оставался вѣренъ Своей политикѣ мира. Между Россіей и Германіей взаимныя отношенія то улучшались, то обострялись. Такъ, Германія сильно косилась на Россію за обрусеніе Прибалтійскаго края, при чемъ нѣмецкая пресса позволяла себѣ довольно рѣзкія выходки по адресу Россіи. Въ ноябрѣ 1887 года, Императоръ Александръ III вынужденъ былъ, вслѣдствіе прекратившейся морской навигаціи, посѣтить Берлинъ, слѣдуя изъ Даніи въ Россію. Александръ III видѣлся съ императоромъ Вильгельмомъ II. Свиданіе это не внесло никакихъ перемѣнъ въ русско-германскія отношенія. Пре-



бываніемъ Царя въ Берлинѣ, какъ говорятъ по крайней мѣрѣ, успѣлъ воспользоваться князь Бисмаркъ, убѣдившій Императора въ подложности бумагъ, касавшихся болгарскаго вопроса и въ которыхъ Бисмарка обвиняли въ интригахъ противъ Россіи. Затѣмъ, въ 1888 году, императоръ Вильгельмъ II посѣтилъ Петербургъ. Этотъ визитъ, предпринятый вопреки совѣтамъ Бисмарка, равно какъ и пребываніе Императора Александра III въ Берлинѣ, въ октябрѣ 1889 года, отнюдь не улучшили русско-германскихъ отношеній.

Таково было осложненіе внѣшней политики Россіи. Что-же касается до политики внутренней, то дѣла таковой шли съ значительно большимъ успѣхомъ. Въ сравнительно короткій срокъ финансы имперіи были значительно улучшены; армія реорганизована и усилена; границы обнесены новыми, первоклассными укрѣпленіями; пути сообщенія приведены въ порядокъ и увеличена была линія желѣзныхъ дорогъ; внутри государства было водворено полнѣйшее спокойствіе. Всѣми этими улучшеніями Россія обязана исключительно Царю, умѣвшему окружить себя дѣльными и способными помощниками. До конца дней Своихъ Императоръ оставался вѣренъ принципу Самодержавія и успѣлъ доказать всему міру громадныя преимущества подобнаго государственнаго режима. Почившій Императоръ никогда не злоупотреблялъ Своею безграничною властью, пользуясь ею исключительно для счастія и благо-

денствія своего многомилліоннаго народа. Царь являлъ Собою примѣръ великихъ добродѣтелей, какъ человѣкъ вполнѣ безупречный во всѣхъ отношеніяхъ. Русскій народъ утратилъ въ Немъ не только Царя, но и Отца, всегда отзывчиваго на всякія народныя нужды. Европа потеряла въ Немъ сильнаго и убѣжденнаго покровителя мира. Имя почившаго Монарха составитъ свѣтлую страницу не только Россійской, но и міровой исторіи. Міръ отдохнулъ за время Его, къ глубокому сожалѣнію, слишкомъ кратковременнаго царствованія.

Благодарные народы искренно оплакиваютъ безвременную кончину Великаго Монарха и прекраснаго человѣка!

Norddeutsche Allgemeine Zeitung.

Во второй разъ, въ нынѣшнемъ году, ангелъ смерти уноситъ съ собой мужей, на которыхъ были обращены взоры всѣхъ народовъ. Карно, симпатичный и корректный представитель великаго, высоко-культурнаго французскаго народа, палъ подъ ударомъ кинжала, отъ руки злодѣя; Императоръ Александръ III,—Самодержавный повелитель могущественнѣйшаго русскаго народа, угасъ, сраженный смертельнымъ недугомъ, въ борьбѣ съ которымъ оказались безсильны лучшіе представители современной науки. Ужасная смерть президента Карно вызвала крики негодованія всѣхъ народовъ, возмущенныхъ дикою,

звѣрскою пропагандою, способною создавать типы, подобные Казеріо. Безвременная кончина Русскаго Царя, повергшая въ глубокую печаль народы всего міра, наводитъ на грустныя размышленія о непрочности всего земного. Европа уже давно привыкла смотрѣть на Императора Александра III, какъ на убѣжденнаго и могущественнаго покровителя мира. Дипломаты и журналисты, пытавшіеся проникнуть въ сокровенныя мысли Русскаго Царя, могли убѣдиться въ томъ, что судьбы міра вполнѣ зависѣли отъ самодержавной воли Императора. Міръ сознавалъ это и преклонялся передъ Великою Волею, понимая, что эта воля направлена ко благу всего человѣчества.

Какъ человѣкъ, почившій Императоръ производилъ самое чарующее впечатлѣніе: богатырь по сложенію, мягкій, прямой по характеру, Онъ умѣлъ всякаго къ Себѣ расположить. Онъ являлъ Собою примѣръ семейныхъ добродѣтелей, предпочитая тихій семейный кругъ шумнымъ придворнымъ празднествамъ. Современные Ему государственные дѣятели безусловно вѣрили въ прямоту и твердость Его политики. Могущественнѣйшій Монархъ, который могъ мановеніемъ руки двинуть громадныя полчища прекрасно вооруженной арміи, направлялъ эту силу къ поддержанію мира и не разъ Своимъ авторитетомъ Онъ сдерживалъ воинственные порывы нѣкоторыхъ изъ европейскихъ государствъ. Не взирая на состоявшееся сближеніе съ Франціей, послѣд-

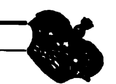
няя не могла уговорить Россію поднять оружіе противъ ея смертельнаго врага. Императоръ далъ понять Франціи, что Онъ ни въ какомъ случаѣ не окажетъ ей помощи въ войнѣ съ Германіей, если столкновеніе это будетъ вызвано желаніемъ французовъ отмстить нѣмцамъ за погромъ 1870—71 года.

Нынѣ не стало Великаго Царя-Миротворца, и благодарные народы благоговѣйно склоняются передъ гробницею Того, Кто въ теченіе Своего царствованія умѣлъ сохранить и поддержать миръ Европы. Да поможетъ Богъ новому Царю идти по стопамъ Его Августѣйшаго Родителя, твердо стоявшаго на стражѣ мира!

Kölnische Zeitung.

Потрясающее извѣстіе о кончинѣ Его Величества Императора Александра III повергло въ глубокую печаль весь цивилизованный міръ. Смерть Государя, находившагося еще въ цвѣтѣ лѣтъ, Государя, всѣ силы положившаго на благо Своего народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служившаго оплотомъ европейскаго мира, является глубоко тяжкимъ испытаніемъ не только для Россіи, но и для всѣхъ европейскихъ государствъ. Особенно сильно потрясена германская императорская фамилія.

Reichsanzeiger.



«Европа съ удивленіемъ и восхищеніемъ взирала на покойнаго Императора Александра III, проявлявшаго непостижимую неутомимость въ исполненіи обязанностей Повелителя многомилліоннаго народа. Этотъ чрезмѣрный трудъ и сократилъ драгоцѣнные дни почившаго Монарха. Покойный Государь олицетворялъ Собою благонадежность и вѣрность данному слову и дѣлу».

Post.

«Во внѣшней политикѣ, Императоръ Александръ III, тотчасъ-же по вступленіи на престолъ, принялъ мирное направленіе и сблизился съ Германіей, отношенія къ которой, не смотря на данцигское свиданіе въ 1881 году, значительно охладѣли со времени берлинскаго конгресса въ 1878 году и ошибокъ князя Горчакова. Сближеніе послѣдовало послѣ того, какъ князь Горчаковъ удалился въ 1882 году на покой и управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было возложено на Гирса. Послѣ свиданія, въ сентябрѣ 1882 года, въ польскомъ замкѣ Скерневицы съ императорами Вильгельмомъ I и Францемъ-Іосифомъ, а затѣмъ, годъ спустя, отвѣтнаго визита австрійскому императору въ Кремзирѣ, Императоръ Александръ III былъ огорченъ событіями въ Болгаріи и отдалъ повелѣніе объ извѣстномъ передвиженіи войскъ, цѣль котораго князь Бисмаркъ характеризовалъ въ своей знаменитой рѣчи 6-го февраля 1888 года.

Появленіе подложныхъ документовъ поселило въ Царѣ недовѣріе къ бисмарковской политикѣ, пока въ ноябрѣ 1887 года, при обратномъ проѣздѣ изъ Копенгагена чрезъ Берлинъ, ему не представился случай убѣдиться въ произведенномъ обманѣ. Съ тѣхъ поръ довѣріе Его къ князю Бисмарку было непоколебимо и оставалось таковымъ до послѣдняго времени. Тѣмъ не менѣе, прежнія отношенія, какія существовали при императорѣ Вильгельмѣ I, въ силу извѣстныхъ причинъ, не могли быть вполнѣ возстановлены.

. . . .

«Отношенія, установившіяся между Россіей и Франціей,—отношенія, скрѣпленныя шумными торжествами Кронштадта и Тулона, служатъ лишь доказательствомъ взаимныхъ симпатій, но отнюдь не носятъ характера воинственныхъ манифестацій, по крайней мѣрѣ, со стороны Россіи—противъ Германіи, съ которою Россія всегда поддерживала вполнѣ миролюбивыя отношенія.

«Подобной политики и до сихъ поръ придерживаются Россія и Германія въ своихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Отношенія къ Берлину улучшились, и именно съ тѣхъ поръ, какъ Германія рѣшилась заключеніемъ торговаго договора съ Россіей и отмѣной принимать въ залогъ ея цѣнности—оплачивать то, чѣмъ раньше пользовалась безвозмездно.

«Пусть-же отношенія эти между обоими го-

сударствами будутъ и впредь носить столь-же миролюбивый характеръ. Почившій Монархъ, пользовавшійся въ Германіи всеобщимъ уваженіемъ, завѣщалъ міру—миръ. Миръ Его праху и слава Его памяти»!

Hamburger. Nachrichten.

Когда 1-го марта 1881 года, послѣ потрясающей катастрофы, Императоръ Александръ III вступилъ на престолъ, Его никто почти не зналъ за границей. Говорили о Немъ только какъ о примѣрномъ семьянинѣ. Относительно Его политическихъ взглядовъ и убѣжденій никто ничего не могъ сказать опредѣленнаго. Говорили, что во время франко-прусской войны 1870 года Онъ открыто стоялъ на сторонѣ французовъ, тогда какъ Императоръ Александръ II сочувствовалъ Германіи. Симпатіи Александра III, однако, сильно поколебались послѣ того, какъ въ Парижѣ, по окончаніи войны, стала распоряжаться коммуна. Будучи Наслѣдникомъ Престола, Императоръ Александръ III былъ извѣстенъ какъ убѣжденный сторонникъ національно-русскихъ стремленій.

По вступленіи на Престолъ, Императоръ Александръ III обнародовалъ манифестъ, въ которомъ повѣдалъ міру о Своемъ твердомъ рѣшеніи поддерживать Самодержавіе. Манифестъ этотъ для многихъ явился неожиданностью, такъ какъ полагали, что Императоръ, исполняя волю почившаго Родителя Своего, проведетъ программу

либеральныхъ реформъ, авторомъ которой былъ Лорисъ-Меликовъ.

Императоръ Александръ III былъ дѣйствительно русскимъ Царемъ, всею душею преданнымъ русскимъ національнымъ интересамъ. За время Его кратковременнаго царствованія, дѣло обрусенія окраинъ Имперіи значительно подвинулось впередъ. Императоръ былъ безконечно справедливъ. Въ непрестанныхъ заботахъ о Россіи, Онъ старался искоренить всякія злоупотребленія, практиковавшіяся представителями правительственной администраціи. Онъ сильно поднялъ престижъ правительственной власти. Царь интересовался всѣми отраслями управленія Своей обширной Имперіи. Ни одна реформа не проводилась безъ того, чтобы Онъ Самъ не обсудилъ ее предварительно во всѣхъ подробностяхъ.

Въ дѣлахъ внѣшней политики, которыми Императоръ особенно интересовался, Александръ III дѣйствовалъ всегда открыто и твердо, вслѣдствіе чего весь міръ вскорѣ-же научился глубоко уважать Его. Основнымъ принципомъ внѣшней политики Россіи за время царствованія Императора Александра III было стремленіе къ поддержанію мира и европейскаго равновѣсія. Событія въ Болгаріи, отреченіе принца Александра Баттенбергскаго отъ престола, затѣмъ неудачная миссія генерала Каульбарса, легко могли вызвать серьезныя осложненія, которыя, въ концѣ концовъ, неизбѣжно привели бы къ вооруженному столкновенію, но Державная воля Русскаго

Царя разсѣяла всѣ тучи съ политическаго горизонта, и миръ остался ненарушеннымъ.

Преобладающею чертою почившаго Императора была осторожность, а подчасъ проглядывала и недовѣрчивость. Такъ, Александръ III въ высшей степени недовѣрчиво относился къ политикѣ Бисмарка. Это недовѣріе, впрочемъ, старались поддержать въ Императорѣ представители русской національной партіи, враждебно относившейся къ Германіи и симпатизировавшей французской политикѣ реванша. Бисмарка, между прочимъ, обвинили передъ Императоромъ въ двойственности его политики въ болгарскомъ вопросѣ. Это обвиненіе Бисмарку, до нѣкоторой степени, удалось смыть съ себя при свиданіи съ Императоромъ Александромъ III 6-го ноября 1887 года. Точно также Александръ III не вѣрилъ въ искренность миролюбивыхъ стремленій тройственнаго союза, и чтобы установить европейское равновѣсіе, нарушенное союзомъ, заключеннымъ между Германіей, Австро-Венгріей и Италіей, Императоръ Александръ III сблизилъ Россію съ Франціей. Впервые русско-французское сближеніе сказалось въ кронштадтской манифестаціи, когда, въ іюлѣ 1891 года, французская эскадра, подъ командою адмирала Жерве, посѣтила главный военный портъ Россіи. Затѣмъ манифестаціи повторились въ Тулонѣ и Парижѣ. Эта смѣлая политическая комбинація создала Императору Александру III положеніе властителя міра. Миръ въ Европѣ всецѣло за-

висѣлъ отъ Его Державной воли. Между Россіей и Франціей не могли, конечно, установиться вполнѣ тѣсныя отношенія, во-первыхъ, вслѣдствіе разницы государственныхъ режимовъ, существующихъ въ обѣихъ великихъ державахъ, а, во-вторыхъ, еще и потому, что во Франціи установился хроническій безпорядокъ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ; постоянныя смѣны кабинетовъ, панамскій скандалъ, наконецъ, усиливавшееся анархистское движеніе, завершившееся убійствомъ президента республики Карно. Все это, конечно, мѣшало установленію болѣе дружественныхъ отношеній между Россіей и Франціей. Въ послѣднее время Своего царствованія Императоръ Александръ III, убѣдившись въ истинно миролюбивыхъ стремленіяхъ Германіи, сталъ относиться къ ней съ бо́льшимъ довѣріемъ, что выразилось въ заключеніи русско-германскаго торговаго договора, положившаго конецъ всѣмъ русско-германскимъ недоразумѣніямъ.

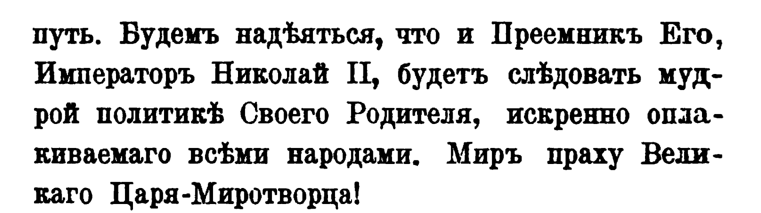
Вотъ, въ общихъ чертахъ, выдающіеся моменты въ царствованіи Императора Александра III. Въ области внѣшней политики Императоръ Александръ III оставилъ по себѣ незабвенное имя, пользующееся глубокимъ уваженіемъ всего міра. Прямымъ, честнымъ и непоколебимо твердымъ направленіемъ внѣшней Своей политики Онъ умѣлъ сдерживать воинственныя стремленія нѣкоторыхъ государствъ, благодаря чему за время Его царствованія не было ни одной войны. Это

громадная заслуга Его передъ Европою, которая вѣчно останется Ему благодарна.

Въ области внутренней политики дѣятельность почившаго Императора сказалась съ еще бо́льшею силою. За время Его царствованія, Россія поднялась въ финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ; армія была преобразована и доведена до высокой степени совершенства. Дѣлу торговли и промышленности Онъ помогъ, улучшивъ пути сообщенія. Онъ округлилъ границы русскихъ владѣній въ Азіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно ограничилъ англійское вліяніе въ ней.

Какъ человѣкъ, почившій Императоръ оставилъ по Себѣ самое лучшее воспоминаніе; примѣрный семьянинъ, привѣтливый въ обхожденіи съ приближенными, всегда ровный, спокойный, Онъ внушалъ любовь и уваженіе къ Себѣ, кто имѣлъ возможность приближаться къ Нему. Въ работѣ Онъ не зналъ усталости. Только разъ въ годъ Онъ позволялъ Себѣ кратковременный отдыхъ, проводя осенніе мѣсяцы въ Копенгагенѣ. Въ отношеніяхъ Своихъ къ подданнымъ Онъ былъ не только Царь, но и Отецъ.

Чрезмѣрный трудъ преждевременно надломилъ Его силы и смертельный недугъ свелъ Его въ могилу въ самую цвѣтущую пору жизни. Императоръ Александръ III оставилъ міръ, закончивъ свою жизненную задачу: Онъ умеръ тогда, когда миръ Европы былъ вполнѣ обезпеченъ, а родная страна поставлена на вѣрный и твердый



путь. Будемъ надѣяться, что и Преемникъ Его, Императоръ Николай II, будетъ слѣдовать мудрой политикѣ Своего Родителя, искренно оплакиваемаго всѣми народами. Миръ праху Великаго Царя-Миротворца!

Berliner Tageblatt.

Императоръ Александръ Александровичъ.

Мы не преувеличимъ сказавъ, что смерть Александра III представляетъ несомнѣнно болѣе важное значеніе для Европы, чѣмъ для Россіи. Въ Россіи образъ правленія монархическій-неограниченный; огромная масса народонаселенія управляется по старинной поговоркѣ «до Бога высоко, а до Царя далеко». Внутренняя политика Императора Александра III была дѣятельная и твердая. Его воля проявлялась во всемъ, и Онъ не допускалъ какого-либо посторонняго вмѣшательства, въ особенности германскаго, не сочувствуя ея образу правленія; лишилъ существующую бюрократію всякой власти, передавъ таковую своимъ приближеннымъ. И Его старанія были не безъ успѣха; вліяніе Его на политику всей Европы было сильнѣе (безъ преувеличенія), чѣмъ на внутренную. Со дня вступленія на престолъ онъ дважды далъ понять, что не желаетъ войны, а именно: при соединеніи Болгаріи съ Румыніей и при сопротивленіи афганцевъ генералу Комарову въ Пенжабѣ; другой Монархъ, вѣроятно, счелъ бы войну неизбѣжной (мы знакомы съ дѣйствіями королей и государей въ подобныхъ обстоятельствахъ), а Онъ всегда твердо стоялъ за под-

*

держаніе мира, какъ для Россіи, такъ и для сосѣднихъ государствъ.

Девизомъ внутренней политики Александра III было—«Россія для русскихъ». Много уже было писано о Его либеральныхъ стремленіяхъ, но либераломъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ этого слова, Онъ никогда не былъ, хотя всегда стремился къ справедливости, что далеко не то-же. Онъ не сочувствовалъ политикѣ Отца по отношенію къ освобожденію крестьянъ и не сочувствовалъ министрамъ, извлекшимъ изъ нея личную выгоду: этимъ онъ противодѣйствовалъ, не заботясь о мнѣніи политики. Въ день восшествія на престолъ, Царь уничтожилъ Указъ о собраніи дворянства, а черезъ нѣсколько дней замѣнилъ Совѣтъ людьми, избранными по Его назначенію. Александръ III не сочувствовалъ европейскимъ идеямъ и всему германскому; достаточно было офицеру носить нѣмецкую фамилію, чтобы замедлить его производство. Мирныхъ либераловъ и преступныхъ террористовъ считалъ одинаково вредными для государства за ихъ поклоненіе европейскимъ соціальнымъ учрежденіямъ. Преслѣдованіе евреевъ и штундистовъ и стремленія подавить чувства національности финновъ и поляковъ, принадлежатъ Его иниціативѣ, народъ-же вполнѣ Ему сочувствовалъ, потому что въ Россіи православіе тѣсно слилось съ чувствомъ патріотизма.

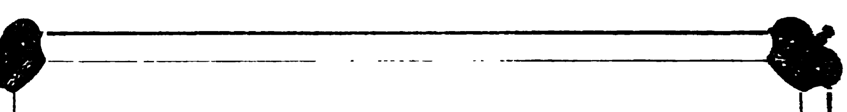
Дѣйствія Бисмарка на Берлинскомъ конгрессѣ усилили нерасположеніе Царя къ германской на-

ціи; согласіе трехъ Императоровъ было нарушено; Александръ II никогда не простилъ бы Бисмарку его солидарность съ требованіемъ лорда Биконсфильда не допустить Россію по окончаніи восточной войны, завладѣть Константинополемъ, и Александръ III, въ этомъ случаѣ, вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Отца. Бисмаркъ вернулся къ своему излюбленному плану изолировать Россію, и для этого создалъ тройственный союзъ.

По вступленіи на престолъ, императоръ Вильгельмъ II пожелалъ возобновить союзъ трехъ императоровъ, но, будучи связанъ Бисмаркомъ, онъ въ своихъ предложеніяхъ Государю выказалъ нѣкоторую безтактность, которую Александръ III ему простить не могъ...

Во всѣхъ этихъ фактахъ можно найти причину настоящей европейской политики.

Императоръ Александръ III предпочиталъ дипломатію войнѣ, къ которой Онъ получилъ глубокое отвращеніе во время послѣдней русско-турецкой войны. Такое-же впечатлѣніе произвела война и на Императора Александра II. Быть можетъ, въ скоромъ будущемъ мы узнаемъ, какъ было важно для Европы, что подобный человѣкъ управлялъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ государствъ въ то время, когда націи чувствовали, что при малѣйшемъ толчкѣ могла разгорѣться кровавая война съ сѣвера, юга, востока и запада. Кто можетъ предсказать политику Императора Николая II? Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, миръ въ Европѣ всецѣло долженъ быть приписанъ твер-



дой и настойчивой политикѣ почившаго Государя Александра III. Онъ хотѣлъ идти и дѣйствовать по-своему и достигъ желаемаго. А теперь, когда Его не стало, Европа, какъ и вся Россія, оплакиваютъ Его безвременную кончину.

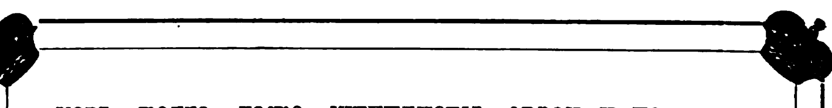
The Pall Mall. Gazeth (Special Edition. 2 November. 1894).

Вчерашнія извѣстія изъ Ливадіи не разсѣяли тоски, висящей, какъ черное облако, надъ всей Европой. Они разъяснили, что окружающіе Царя съ грустью ожидаютъ исхода болѣзни—смерти. Во вторникъ симптомы болѣзни Его Величества были самаго угрожающаго свойства. Болѣзнь осложнилась воспаленіемъ лѣваго легкаго, усиленными болями съ окоченѣніемъ членовъ и затруднительнымъ дыханіемъ. Онъ не въ состояніи болѣе ложиться и проводитъ мучительные часы сидя, часто находясь въ полусознаніи. Вечерній бюллетень неблагопріятнѣе. Врачи потеряли всякую надежду.

Сомнительно, что принцъ и принцесса Валлійскіе, отбывшіе въ Ялту, застанутъ Его Величество въ живыхъ. Предпринятая при такихъ тяжелыхъ условіяхъ поѣздка Ихъ Высочествъ доказываетъ, съ какимъ глубокимъ сочувствіемъ вся Англія относится къ великому страдальцу. Мы надѣемся, что сильное сложеніе Государя продолжитъ его жизнь настолько, чтобы собрать вокругъ себя тѣхъ, кого Онъ такъ

любилъ. Высокіе путешественники, отбывшіе вчера утромъ, 20 (31-го) октября, согласно настоятельной просьбѣ Императрицы, изъ Черингъ Кросса (Charing-cross), прослѣдуютъ безостановочно черезъ Вѣну и Лембергъ въ Одессу, гдѣ ихъ ожидаетъ Императорская яхта, для слѣдованія въ Ялту, куда должны прибыть въ субботу вечеромъ, но врядъ-ли они застанутъ Высочайшаго родственника въ живыхъ. Едва-ли въ исторіи человѣчества найдется другое коронованное лицо, привлекшее къ себѣ всѣ мысли и сердца, кромѣ того, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весь міръ слѣдилъ за медленнымъ развитіемъ смертельной болѣзни возлюбленнаго нѣмецкаго императора Фридриха... Болѣзнь Его Величества съ каждымъ днемъ пробуждаетъ въ народѣ то страхъ, то надежду, и заставляетъ переживать тяжелыя, горькія минуты.

Однородное волненіе соединяетъ весь цивилизованный миръ и магической силою даетъ чувствовать каждому состраданіе и уваженіе къ сильному Властелину, уносящему съ собою гарантію европейскаго мира. Нѣтъ надобности анализировать подобное чувство. Его краснорѣчивое значеніе говоритъ за себя и наводитъ на мысль объ общей нашей судьбѣ, одинаково ожидающей, какъ Царя, такъ и простого смертнаго и на общее право вѣрить и надѣяться на милость Господа Бога. Манифестъ, изданный въ Швейцаріи соціалистами, долженъ намъ казаться чудовищнымъ, тѣмъ болѣе те-



перь, когда даже штундисты, евреи и поляки, которымъ политика умирающаго Царя казалась строгой, молятся о продленіи драгоцѣнной жизни великаго страдальца.

Текстъ этой безчеловѣчной прокламаціи слишкомъ гадокъ, чтобы быть повтореннымъ, а въ настоящее время и прямо возмутителенъ. Нигилисты и анархисты достойны быть заклейменными, какъ безчеловѣчная раса, не имѣющая понятія о правѣ и состраданіи. Мы находимъ, что подобныя возмутительныя дѣянія оправдываютъ всякую мѣру, обуздывающую подобныхъ враговъ общества.

Отголоски этихъ дурныхъ голосовъ не могутъ достигнуть ушей умирающаго Монарха, которому весь образованный миръ выказывалъ глубокую симпатію. Никто не сомнѣвался въ Его искреннемъ стремленіи поддержать всеобщій миръ.

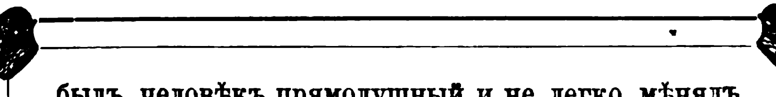
The Daily Telegraph. 1 November 1894 г.

Со смертію Императора Александра III Россія и Европа лишились Монарха, которому онѣ многимъ обязаны. Въ продолженіи тринадцати лѣтъ послѣ мученической кончины Александра II всеобщій миръ нѣсколько разъ зависѣлъ отъ Его рѣшенія. Царь неизмѣнно старался поддерживать этотъ миръ и тѣмъ Онъ заслужилъ признательность какъ своего народа, такъ и всего человѣчества. Его старанія были увѣн-

чаны успѣхомъ, и Его жизнь угасла въ сознаніи, что Онъ употребилъ свое высокое назначеніе для предохраненія людей отъ ужаснаго бича—великой войны. Не мало жертвъ и труда стоило Александру III придерживаться этой политики. Онъ былъ главой одного изъ самыхъ великихъ военныхъ государствъ. До него традиціи Его дома, Его арміи и Его народа были на сторонѣ войны, и въ его царствованіе были моменты, близкіе къ войнѣ, но видѣвъ близко всѣ ужасы войны, Александръ III рѣшилъ сохранить миръ Россіи и Европы до тѣхъ поръ, пока отъ этого не пострадаютъ достоинство и интересы Его народа, но Онъ зналъ, что рано или поздно война неизбѣжна, и потому готовился къ ней неутомимо и упорно, годами преобразуя войска, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ.

Внутренняя политика Александра III сходна съ внѣшней. Онъ не былъ великимъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ предыдущіе Цари. Онъ не искалъ оригинальности и не было въ немъ блеска и исчезающаго энтузіазма широкой русской натуры, но взглядъ Его былъ ясенъ, и Онъ придерживался намѣченной цѣли.

Наружность и манеры Александра III соотвѣтствовали его характеру. Его медленныя движенія и отрывистая рѣчь производили впечатлѣніе на наблюдателя. Чувствовалось, что въ Александрѣ III нѣтъ того придворнаго изящества, столь замѣтнаго въ его предшественникахъ, но что Онъ обладаетъ лучшими, болѣе необходимыми для Правителя великой державы качествами. Онъ



былъ человѣкъ прямодушный и не легко мѣнялъ разъ принятое мнѣніе, а подобный характеръ всегда уважаемъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ общественной дѣятельности. Онъ былъ горячо любимъ въ кругу своего семейства и пользовался преданностью и искреннимъ сочувствіемъ многочисленныхъ друзей. Такіе люди всегда имѣютъ вліяніе на окружающихъ. Честныя намѣренія и непреклонныя стремленія къ цѣли удовлетворяютъ простого смертнаго, но чтобы быть на высотѣ своего призванія, даже въ обыденной жизни, онъ долженъ имѣть еще чувство снисхожденія и справедливое сужденіе ближняго; ему необходимъ широкій взглядъ и обширныя симпатіи къ окружающимъ, а это—результаты либеральнаго воспитанія великодушныхъ и умныхъ натуръ. Въ монархѣ, а особенно въ Самодержцѣ, недостатокъ подобныхъ чувствъ часто приноситъ большой вредъ. Самый безжалостный деспотъ—деспотъ убѣжденный! Самый жестокій непріятель—видящій въ войнѣ крестовый походъ. Счастливо человѣчество и Русскій народъ, что Императоръ Александръ III крѣпко держался идеи всеобщаго мира и считалъ осуществленіе этой идеи своею первою и наибольшею обязанностью. Миръ всегда истинное благодѣяніе для всего человѣчества.

Не наше дѣло судить, была-ли Его внутренняя политика также благотворна? Какіе бы ни были плоды Его стараній, мы можемъ быть увѣрены, что они были внушаемы искренними побужденіями и преслѣдуемы неотступнымъ чувствомъ долга.

The Times. 2 November 1894 г.

Смерть Императора Александра III всюду вызвала глубокое горе и симпатію. Смѣло можно сказать, что это грустное событіе ввергло всю Европу въ трауръ. Не только государства, съ которыми Русская Императорская фамилія связана тѣсными узами родства, но и всѣ другія государства выразили ей свои сердечныя соболѣзнованія. Это болѣе — чѣмъ требовало приличіе. Смерть Царя признана за истинную потерю. Россія въ Его царствованіе была ключемъ мира, и этимъ почетнымъ положеніемъ она всецѣло почившему Императору. Вотъ что дало поводъ къ всеобщему сочувствію. Россія оплакиваетъ утрату правителя, ничего не жалѣвшаго для возвеличенія и усиленія страны, которой онъ былъ врожденнымъ властелиномъ, но который зналъ, что истинная благодать для Россіи и Европы зависитъ отъ ненарушимости мира.

Направивъ Русскую политику согласно этому убѣжденію и имѣя неограниченную власть для достиженія намѣченной цѣли, Царь твердо и непоколебимо держалъ знамя мира. Не стало обуздывающей силы... упокоилась могущественная рука, а Европа, такъ много ему обязанная, вмѣстѣ съ Русскимъ народомъ, оплакиваетъ столь раннюю утрату. Рано судить о направленіи политики молодого Царя. Манифестъ, изданный въ день восшествія на Престолъ Императора Николая, успокоилъ всѣхъ; изъ него видно, что Сынъ пойдетъ по стопамъ Отца, имѣя въ виду процвѣтаніе и славу Россіи.

. . . .

. . . .

. . . .

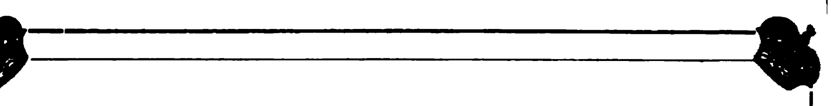
Новый Царь очень похожъ на Отца. Мы можемъ надѣяться, что мотивы и цѣли, вліявшіе на Александра III, будутъ имѣть значеніе и для Николая II, что подтверждается и фактами. Его благосклонный отвѣтъ, на выраженное принцемъ Фердинандомъ Болгарскимъ соболѣзнованіе, доказываетъ Его желаніе поддерживать добрыя отношенія съ Болгаріею.

Также можемъ надѣяться, что отношенія Россіи къ Германіи будутъ сердечнѣе послѣдняго времени царствованія Александра III. Франція, конечно, желаетъ поддерживать хорошія отношенія, существующія между ею и Россіею. Президентъ, первый министръ и представитель арміи и флота выразили искреннія соболѣзнованія и надежду, что узы Франціи и Россіи останутся тѣ же. «Figaro» увѣренъ, что Государь не пожелаетъ порвать эти узы. Права-ли газета,—покажетъ будущее; мы же надѣемся, что, какъ съ Франціею, такъ и со всей Европою, Россія останется въ дружескихъ отношеніяхъ. А это, быть можетъ, не то, на что надѣется Франція. О внутренней политикѣ Россіи мы только можемъ судить по словамъ изданнаго манифеста. По нимъ—Государь Николай II будетъ придерживаться принципа самодержавія и требовать полнаго подчиненія и преданности подданныхъ; слѣдовательно, Онъ не намѣренъ проводить конституціонныя идеи въ странѣ, нерасполо-

женной къ нимъ, изъ чего мы видимъ, что политика Николая II сходна съ предыдущей.

The Times. 5 November 1894 г.

Монархъ, смерть котораго обнародована сегодня, не былъ рожденъ Наслѣдникомъ Престола. Онъ былъ вторымъ сыномъ, имѣя въ живыхъ брата, отца и дѣда и, слѣдовательно, не существовало даже предположенія, что ему предназначено быть властелиномъ огромнаго царства, которое простирается отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря и къ востоку по сѣверной и центральной Азіи до Владивостока и Сахалина. Но люди, безъ исключенія,—будь это князь или простой смертный,—подлежатъ превратностямъ судьбы, противъ которой самъ человѣкъ безпомощенъ. Со смерти старшаго брата Цесаревича Николая, послѣдовавшей въ Ниццѣ весною 1865 года, 20-лѣтній Александръ Александровичъ сталъ Наслѣдникомъ Престола. Цесаревичъ Николай былъ годомъ старше его, и между братьями существовала дружба, происходившая, вѣроятно, отъ постояннаго сообщества ихъ, какъ въ играхъ, такъ даже и, позже, въ занятіяхъ. Говорили, что Великій Князь Александръ Александровичъ не получилъ такого тщательнаго образованія, какъ его братъ. Но это несправедливо: оба брата получили одно и тоже воспитаніе подъ надзоромъ графа Строганова. Ихъ первый воспитатель и прежній учитель ихъ дяди Великаго Князя Николая Нико-

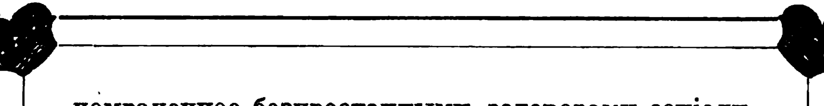


лаевича—былъ нѣмецъ, старавшійся внушить своимъ воспитанникамъ нѣмецкія доктрины и привычки,—и это худшее, что можно сказать объ этомъ превосходномъ человѣкѣ,—а позже воспитывалъ Александра Александровича извѣстный панславистъ М. Побѣдоносцевъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи Оберъ-Прокуроромъ Свят. Сѵнода. Пока Великій Князь Александръ Александровичъ не имѣлъ въ виду своего высокаго назначенія, Онъ проводилъ свое дѣтство беззаботно и счастливо. Храбрый, горячій, откровенный и довѣрчивый, Онъ предавался со всѣмъ пыломъ молодости играмъ и развлеченіямъ, на которыя, благодаря своей чрезмѣрной силѣ, былъ способенъ. Со смерти брата въ его характерѣ и темпераментѣ произошла перемѣна, очень естественная въ принцѣ, развитомъ какъ умственно, такъ и физически, сознающемъ важность своего наслѣдства и его отвѣтственности. Цесаревичъ Александръ уже въ ранней молодости выказывалъ много самостоятельности, независимости въ сужденіяхъ и силу воли, что впослѣдствіи развилось сильнѣе. Онъ не былъ ни мраченъ, ни строгъ; напротивъ, всѣ имѣвшіе возможность близко его знать, восторгались Его хорошимъ расположеніемъ духа, его природнымъ добродушіемъ и его счастливой способностью забывать временно забыты Своего высокаго положенія и находить удовольствія въ самомъ простомъ препровожденіи времени. Трагическія обстоятельства, при которыхъ Онъ наслѣдовалъ престолъ и царствованіе,

Вы можете себѣ представить съ какимъ чувствомъ я снова пріѣзжаю въ Ниццу, которая всѣ съ своимъ великолѣпнымъ воздухомъ, моремъ, климатомъ напоминаетъ мнѣ самую тяжелую минуту моей жизни. — Пріѣхать простымъ Великимъ Княземъ а уѣхать Наслѣдникомъ престола и въ особенности лишиться самой моей вѣрной опоры, лучшаго друга и любимѣйшаго брата! — Но, что подѣлаешь, это воля Божія и не даромъ мы ежедневно повторяемъ: „Да будетъ Воля Твоя“

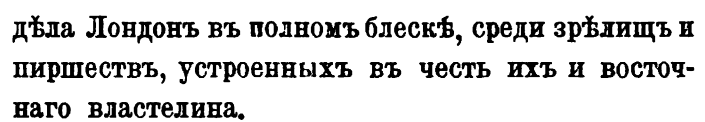
Вашъ Александръ

Изъ частнаго письма Цесаревича Александра Александровича въ 1868 году, весною, передъ пріѣздомъ въ Ниццу для освященія памятника на мѣстѣ кончины Брата, Цесаревича Николая Александровича.



помраченное безпрестанными заговорами соціалистовъ, еще болѣе укрѣпили его спартанскую натуру. Соціалисты ничего не добились: Онъ остался дѣятельнымъ, рѣшительнымъ, безстрастнымъ и непоколебимымъ, при чемъ успѣлъ сохранить и громадный запасъ юношеской свѣжести. Русскій Императоръ, Которому въ разное время приписывали темные замыслы на счетъ Константинополя и Индіи, виновный въ гоненіяхъ евреевъ и диссидентовъ, былъ душой забавъ своихъ дѣтей, любилъ физическій трудъ и нерѣдко Самъ сгребалъ снѣгъ или рубилъ и распиливалъ дерево съ восторгомъ юноши.

Онъ родился въ С.-Петербургѣ 26-го февраля 1845 года. 20 лѣтъ отъ роду сдѣлался Наслѣдникомъ Престола и утвержденъ гетманомъ (атаманомъ) всѣхъ казачьихъ войскъ. Покойный Цесаревичъ Николай былъ помолвленъ съ Маріею Θеодоровной, до этого Марія-Софія-Фредерика Дагмара, дочерью короля Христіана Датскаго и родною сестрою принцессы Валлійской; послѣ его смерти союзъ былъ рѣшенъ между молодой Принцессой и Цесаревичемъ Александромъ, а свадьба состоялась 9-го ноября 1866 г. въ Большой церкви С.-Петербургскаго Зимняго дворца. Лѣтомъ 1873 г. Цесаревичъ и Цесаревна посѣтили Англію, гдѣ гостили у принца и принцессы Валлійскихъ въ Марльборо-гаузѣ, что совпало съ пріѣздомъ туда-же Персидскаго Шаха, впервые посѣтившаго эту страну и на которомъ сосредоточено было всеобщее вниманіе. Молодая чета ви-

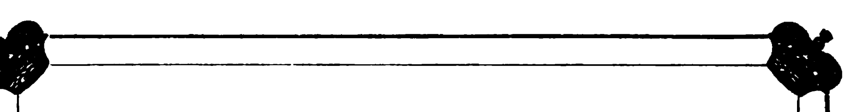


дѣла Лондонъ въ полномъ блескѣ, среди зрѣлищъ и пиршествъ, устроенныхъ въ честь ихъ и восточнаго властелина.

Они навѣстили своихъ родственниковъ, герцога и герцогиню Эдинбургскихъ и другихъ членовъ королевской семьи, присутствовали на представленіи gala въ оперѣ Дрюффи-Лэнь, находились на королевской яхтѣ во время морского смотра въ Спитгэдѣ, участвовали при пріемѣ Шаха, посѣтили международную выставку въ Альбертъ-Голлѣ и были свидѣтелями военнаго смотра въ Виндзорскомъ паркѣ.

Все вышесказанное, какъ и балъ-gala въ Бокингемѣ, скачки въ Стокбриджѣ, игра поло въ Лилибриджѣ дали понять высокимъ гостямъ какъ веселятся англичане, а также и ихъ энтузіазмъ и сердечность по отношенію къ иностраннымъ гостямъ.

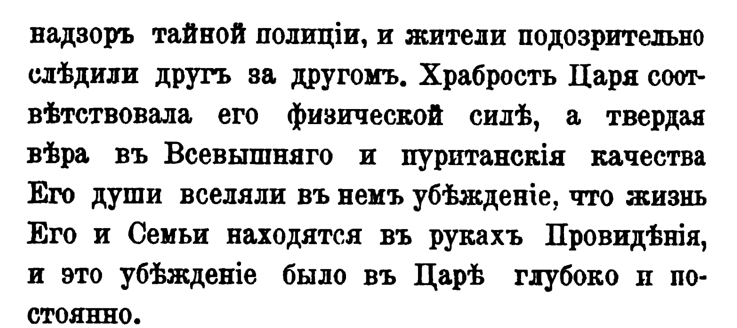
Страшное преступленіе, окончившее жизнь Александра II и ускорившее восшествіе на престолъ Цесаревича, представляется одною изъ самыхъ мрачныхъ страницъ новой исторіи. Весь образованный міръ былъ потрясенъ, но нигдѣ событіе это не произвело такого гнетущаго впечатлѣнія, какъ въ Англіи, гдѣ терроръ чувствовался въ воздухѣ и гдѣ на той же самой недѣлѣ было, приписанное феніямъ, покушеніе взорвать Mansion-House. Императоръ Александръ II скончался 13-го (1-го) марта 1881 г. и Цесаревичъ немедленно былъ провозглашенъ Императоромъ. На слѣдующій день Его Императорское Величество издалъ манифестъ о



восшествіи на Престолъ, призывавшій всѣхъ вѣрноподданныхъ къ присягѣ. Ему въ это время было 36 лѣтъ. Европейскіе государственные люди и политики старались по актамъ и документамъ опредѣлить вѣроятное отношеніе Царя къ континентальнымъ дѣламъ. Не знаемъ, насколько справедливо, но утверждаютъ, что во время франко-прусской войны 1871 г., Онъ симпатизировалъ Франціи, которую не особенно долюбливалъ Его почившій Родитель. Александра II, очевидно, влекло къ Германіи, но каково бы ни было объ этомъ мнѣніе Европы, Цесаревичъ всегда былъ истиннымъ русскимъ.

Согласно традиціямъ государства, гдѣ военная наука на первомъ планѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ долженъ былъ испытать на себѣ всѣ тяжести военной жизни. Во время войны 1877 г. между Россіею и Турціею Онъ командовалъ 12-мъ и 13-мъ корпусами и присутствовалъ при всѣхъ кровавыхъ битвахъ подъ Шумлой, Рущукомъ, Горнымъ и Бѣлымъ Ломомъ, а также и подъ Плевной, изъ чего видно, что Александръ III вступилъ на престолъ достигши зрѣлаго возраста и будучи разумнымъ государственнымъ дѣятелемъ и опытнымъ солдатомъ.

Но время не соотвѣтствовало ни военнымъ предпріятіямъ, ни осуществленію различныхъ политическихъ и административныхъ реформъ. Тяжелое время чувствовалось въ Россіи. Государство было пропитано идеями соціализма, что заставило въ городахъ и губерніяхъ усилить



надзоръ тайной полиціи, и жители подозрительно слѣдили другъ за другомъ. Храбрость Царя соотвѣтствовала его физической силѣ, а твердая вѣра въ Всевышняго и пуританскія качества Его души вселяли въ немъ убѣжденіе, что жизнь Его и Семьи находятся въ рукахъ Провидѣнія, и это убѣжденіе было въ Царѣ глубоко и постоянно.

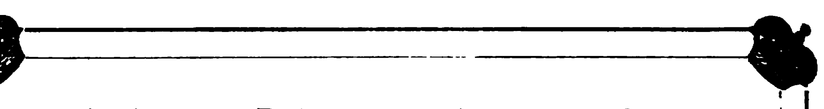
Изъ сказаннаго становится понятнымъ, что первыя дѣйствія Александра III отличались строгостью. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ, какъ Онъ въ твердыхъ выраженіяхъ объявилъ, что будетъ придерживаться строгости и Самодержавія. Графъ Игнатьевъ, замѣнившій Лорисъ-Меликова, издалъ прокламацію, призывающую населеніе къ содѣйствію правительству въ искорененіи крамолы и укрѣпленіи чувства религіи и нравственности. Въ началѣ царствованія Александра III, общее состояніе деморализаціи, кромѣ соціализма, выразилось еще серьезными анти-еврейскими безпорядками на югѣ Россіи. Убійства и насилія распространялись повсюду; въ Елисаветградѣ были разрушены цѣлыя улицы, а въ Кіевѣ до 2.000 евреевъ остались безъ крова, вслѣдствіе разграбленія и уничтоженія милліонныхъ имуществъ.

Подобные безпорядки происходили и въ Александровскѣ и Одессѣ; до 160 городовъ и селеній были охвачены возмущеніемъ противъ евреевъ. Не смотря на внутреннее критическое состояніе

государства, которое разстроивало Царя и его совѣтниковъ, Россія не остановилась въ своей политической жизни. Въ апрѣлѣ, въ С.-Петербургѣ было подписано новое соглашеніе Русскаго правительства съ Китаемъ, представителемъ котораго былъ маркизъ Тзенгъ, относительно Кульджи, за которую Россія получила денежное вознагражденіе въ размѣрѣ 9—10 милліоновъ руб. и право учреждать консульства, отправлять караваны и вести безпошлинную торговлю до Великой китайской стѣны.

Общественная дѣятельность народа, лишенная рѣшающей власти, сводится къ личной дѣятельности своего правителя. Правленіе Александра III не составляетъ въ этомъ исключенія. Иностранная и внутренняя политика Россіи, при отсутствіи правительственныхъ представителей и отвѣтственности министровъ, является политикой самого Царя; поэтому ошибки и неправильныя дѣйствія губернаторовъ, генераловъ и чиновниковъ приписываются самому царю. Трудно англичанину, привыкшему къ свободѣ своей страны и знакомому съ шумливостью бюрократіи, представить себѣ всю тяжесть задачи Царя, высокое призваніе Котораго управлять судьбою народа и страны.

Его удаленіе и продолжительное уединенное пребываніе послѣ смерти Александра II въ Гатчинѣ—русскомъ Виндзорѣ, было истолковано руссофобами тѣмъ, что Онъ помышляетъ о геройскихъ предпріятіяхъ и желаетъ нарушить равно-



вѣсіе Европы. Всѣ сказки объ ужасахъ Сибири, еврейскихъ гоненіяхъ, интригахъ въ центральной Азіи по расширенію территоріи и тайныхъ сношеніяхъ съ тѣмъ или другимъ государствомъ приписывались лично Царю, между тѣмъ, какъ въ конституціонныхъ государствахъ всѣ порицанія падаютъ на министровъ. Точное сужденіе о дѣйствіяхъ и обязанности Самодержца не могутъ быть ясно изложены въ краткой газетной статьѣ, это должно быть описано и оцѣнено историкомъ, могущимъ воспользоваться не имѣющимися у насъ государственными документами; мы можемъ только припомнить и описать событія и факты этого правленія, но не имѣемъ права ихъ обсуждать. Соглашеніе между Россіею и Франціею, Пенджабскій инцидентъ, гоненіе евреевъ были дѣйствіями совѣтниковъ и окружающихъ Царя государственныхъ людей, но судить о томъ, какое участіе принималъ въ этихъ дѣлахъ Самъ Царь, еще не настало время.

Спустя два года, т.-е., 15 мая 1883 г., состоялось въ Москвѣ блестящее коронованіе Александра III. До этого произошла встрѣча Его Величества со старымъ германскимъ императоромъ въ Нейфарвассерѣ, близъ Данцига, что породило толки о русско-нѣмецкомъ союзѣ. Но тогда, какъ и позже, отношенія Царя къ Берлину и къ Вѣнѣ были осторожны и не напоминали Его влеченій молодости. Свиданіе трехъ Императоровъ, Русскаго, Германскаго и Австрійскаго въ Скерневицахъ, въ Польшѣ, 3-го (15-го)

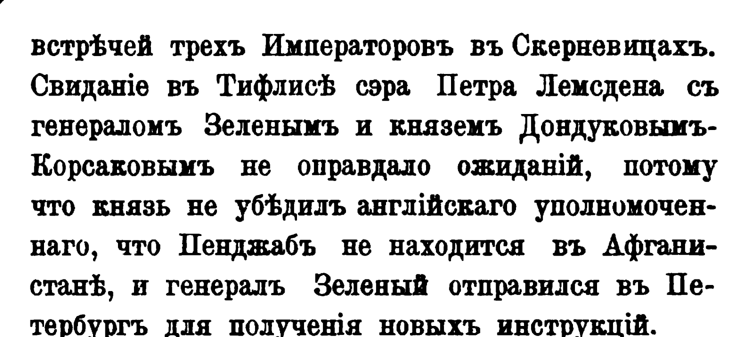
сентября 1884 г., возбудило массу всевозможныхъ толковъ. Полагали, что этотъ съѣздъ въ связи съ вопросомъ по разграниченію Афганской границы, обострилъ отношенія Англіи къ Россіи; обсужденіе это было назначено на 1-ое октября, къ какому сроку долженъ былъ прибыть представитель Англіи сэръ Петръ Лемсденъ, выѣхавшій изъ Лондона черезъ Тегеранъ и Мешедъ. Мысль объединить славянство, казалось, всецѣло заняла Царя и уничтожила въ немъ желаніе соглашенія какъ съ Германіею, такъ и съ другими государствами, доказательствомъ чему, служитъ назначеніе своего учителя К. Побѣдоносцева Оберъ-Прокуроромъ Св. Сѵнода,—учрежденія, управляющаго дѣлами церкви. Политика почившаго Императора отличалась крайнею осторожностью; характерная черта эта съ особенною силою сказалась въ его отношеніяхъ къ запутаннымъ дѣламъ Балканскаго полуострова. Всѣмъ извѣстно, что когда принцъ Александръ I желалъ освободиться отъ опеки въ лицѣ Скобелева и Каульбарса, забывъ, чѣмъ обязанъ Россіи, и всталъ въ оппозицію, присоединивъ своею властью Восточную Румелію, Императоръ Александръ III простымъ отказомъ въ своей поддержкѣ заставилъ его отречься отъ престола; а по избраніи Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго Онъ обуздывалъ какъ новое правительство, такъ и другія, дружественныя съ нимъ державы прекращеніемъ сношеній.

Въ августѣ 1889 г. въ Европѣ распространился

слухъ, что Государь рѣшилъ отдать визитъ германскому императору Вильгельму II, посѣтившему С.-Петербургъ спустя нѣкоторое время послѣ восшествія на престолъ. Извѣстію этому придавали тѣмъ больше значенія, что и императоръ австрійскій съ наслѣдникомъ эрцгерцогомъ Францемъ-Фердинандомъ и графомъ Кальноки находились въ Берлинѣ. Свиданіе состоялось въ октябрѣ того же года и было непродолжительно. Свиданію этому нѣмецкая и австрійская пресса придала большое значеніе, хотя въ началѣ смотрѣла на него, какъ на явленіе, имѣющее совершенно частный характеръ. Царь воспользовался пребываніемъ въ Берлинѣ, чтобы ближе познакомиться съ политикою князя Бисмарка. Англійское общество было встревожено, и не безъ основанія, русской наступательной политикой въ Азіи. Россія сдѣлалась третьей морской державой въ свѣтѣ. Вышесказанное и франко-русское сочувствіе, выразившееся такъ горячо при посѣщеніи въ 1891 г. французской эскадры подъ начальствомъ адмирала Жерве Кронштадта, а затѣмъ, 2 года спустя, повторившіяся блестящія манифестаціи въ Тулонѣ и Парижѣ, значительно подняли престижъ Россіи среди европейскихъ государствъ. Война между Англіей и Россіею казалась неизбѣжной: присоединеніе Мерва въ началѣ 1884 г. можно считать началомъ цѣлаго ряда инцидентовъ. Событія въ средней Азіи шли съ угрожающей быстротой. Въ январѣ нѣсколько хановъ изъ Асхабада и все населеніе,

Мерва, въ присутствіи генерала Комарова, командовавшаго Закаспійской областью, присягнуло Русскому Царю. Русскія границы приблизились къ Индіи, и Гератъ находился въ 200 миляхъ разстоянія отъ русскихъ аванпостовъ. Въ мартѣ, Лессаръ, дѣятельный русскій агентъ, былъ въ Пулѣ и Кисти, стараясь получить пропускъ въ Пенджабъ, но намѣстникъ отказался пропустить его, мотивируя свой отказъ подданствомъ эмиру Абдулъ-Рахману. Намѣстникъ эмира Абдулъ-Мушинъ-ханъ, напуганный присоединеніемъ Мерва къ Россіи, требовалъ немедленной высылки ему афганскаго отряда. Одновременно съ этимъ графъ Гренвилль, секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, прислалъ бумагу, объявляя свою готовность принять предложеніе 1882 г. объ установленіи афганской границы отъ Каджа-Сале къ западу.

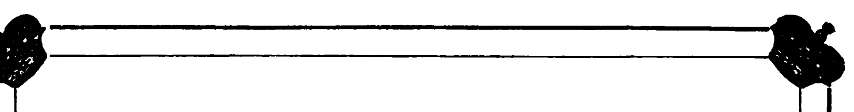
Событія шли своимъ чередомъ, и, въ концѣ концовъ выяснилось, что Россія желала исключить Пенджабъ изъ владѣній эмира, на что англійскій посолъ отвѣтилъ г. Гирсу, что, по свѣдѣніямъ правительства Ея Величества, Пенджабъ, съ тѣхъ поръ, какъ эта страна сдѣлалась королевствомъ, составляетъ часть Афганистана. Сэръ Эдуардъ Торнтонъ, назначенный посломъ въ Константинополь, вслѣдствіе этихъ критическихъ отношеній между двумя державами, получилъ предписаніе остаться въ С.-Петербургѣ, а безпокойство британскихъ умовъ, уже разстроенныхъ другими вопросами, особенно отправкой Нильской экспедиціи для освобожденія Хартума, увеличилось



встрѣчей трехъ Императоровъ въ Скерневицахъ. Свиданіе въ Тифлисѣ сэра Петра Лемсдена съ генераломъ Зеленымъ и княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ не оправдало ожиданій, потому что князь не убѣдилъ англійскаго уполномоченнаго, что Пенджабъ не находится въ Афганистанѣ, и генералъ Зеленый отправился въ Петербургъ для полученія новыхъ инструкцій.

Въ ноябрѣ прибыла въ Гератъ комиссія по опредѣленію границъ, но тогда явилась задержка по болѣзни генерала Зеленого, отсрочившей его прибытіе на границу.

Наступилъ 1885 г. Русскіе отряды приближались. Медленная русская политика и обѣщаніе русскаго министра, что войска не двинутся впередъ, за исключеніемъ лишь случая наступательныхъ дѣйствій афганцевъ или возстанія въ Пенджабѣ, не успокоили страну. Свою атаку противъ афганской позиціи въ концѣ марта между Мургабомъ и Кушкой Комаровъ объяснилъ вызовомъ непріятеля, съ чѣмъ не согласился сэръ Петръ Лемсденъ. Черезъ день или два состоялось совѣщаніе эмира съ лордомъ Дюфференомъ, вице-королемъ въ Райвалъ-Пинди (Raival-Pindi), а въ срединѣ апрѣля генералъ Комаровъ донесъ въ Петербургъ, что Пенджабъ отдался подъ Русское покровительство. Подобныя сообщенія встревожили даже правительство Гладстона, почему 22 числа былъ разрѣшенъ кредитъ въ 11.000.000 ф. ст., изъ которыхъ 6.500.000 назначались для военныхъ цѣлей. Въ тоже вре-



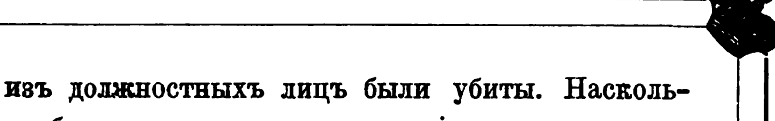
мя циркуляромъ военнаго министра призывался въ Россіи армейскій резервъ перваго класса, съ добавленіемъ, что, вѣроятно, призовутся въ скоромъ времени и всѣ остальные. Въ то время во всѣхъ столицахъ, особенно въ Вѣнѣ, много говорилось о возможности франко-русскаго союза. Британскія войска сосредоточивались въ Кетта, а въ Симлѣ узнали, что русское правительство послало отрядъ въ 10.000 человѣкъ изъ Баку черезъ Каспійское море, и что гарнизонъ въ Мервѣ увеличенъ до 6.000 чел. 27-го апрѣля, при обсужденіи кредита, Гладстонъ держалъ памятную всѣмъ рѣчь, доказывая, что еще нѣтъ причинъ для войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не отрицалъ ея возможности. Онъ говорилъ, что война или миръ не зависитъ отъ правительства ея величества, стремящагося мирными средствами достигнуть желаемаго исхода, затѣмъ доказывалъ, что нападеніе сдѣлано русскими, и что отъ этого пострадали афганцы матеріально и нравственно, что ударъ нанесенъ правителю—нашему союзнику, состоящему подъ нашимъ покровительствомъ, почему и мы должны быть готовы къ войнѣ. Кредитъ былъ разрѣшенъ парламентомъ, но народное возбужденіе продолжалось еще нѣсколько дней.

4-го мая министерство объявило, какъ мы уже сказали, къ нашему изумленію, что недоразумѣніе, возникшее между двумя державами по поводу афганской границы, улажено третейскимъ судомъ дружественной державы. Наше

униженіе увеличилось отозваніемъ сэра Петра Лемсдена въ Лондонъ, почему Государь, въ свою очередь, наградилъ генерала Комарова золотымъ оружіемъ. Никого не удивило, что «Journal de St.-Petersbourg» воспользовался случаемъ посмѣяться надъ британскимъ премьеромъ, доказывая, что онъ заявилъ себя афганцемъ въ несравненно большей степени, нежели самъ эмиръ, и что онъ требовалъ землю, не нужную Абдурахману. И такъ, хотя кризисъ и миновалъ, но взаимныя отношенія обѣихъ державъ продолжали оставаться крайне натянутыми.

Въ маѣ слѣдующаго года, Государь обнародовалъ манифестомъ воззваніе къ морякамъ Чернаго моря, въ которомъ говорилъ, что Его желанія и мысли стремились къ мирному народному благу, но могутъ явиться обстоятельства, затрудняющія исполненіе этихъ намѣреній и которыя заставятъ Его защищать оружіемъ честь страны. Этотъ манифестъ облегчилъ русскому кабинету отмѣну 59-ой статьи берлинскаго конгресса, и Батумъ пересталъ быть свободнымъ портомъ, а сдѣлался морской крѣпостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ возродился и давно желанный Черноморскій флотъ. Въ то же время, благодаря Закаспійской желѣзной дорогѣ, въ Мервѣ устроены военныя позиціи на большихъ трактахъ въ Средней Азіи, образуя военную линію.

Въ началѣ царствованія Александра III заговоры нигилистовъ были многочисленны и часты и давали поводъ къ строгимъ мѣрамъ. Нѣкоторыя



изъ должностныхъ лицъ были убиты. Насколько были дерзки эти покушенія, видно изъ того, что жандармскій генералъ Стрѣльниковъ былъ убитъ въ Одессѣ, на бульварѣ. Были также безпорядки и среди студентовъ, что вынуждало временно прекращать занятія въ иныхъ университетахъ. Ужасное крушеніе поѣзда близъ станціи Борки, осенью 1888 г., было несчастіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ революціонернымъ движеніемъ.

Почившій Императоръ былъ искреннимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ русской національной политики, неразлучно связанной съ основами православной церкви. Въ управленіи дѣлами церкви Императоръ имѣлъ талантливаго помощника въ лицѣ оберъ-прокурора, К. Побѣдоносцева. Иностранная пресса, а главнымъ образомъ нѣмецкая, обвиняла русское правительство въ притѣсненіи лютеранъ и католиковъ. Въ 1888 году, на всѣ эти обвиненія Побѣдоносцевъ далъ евангелическому союзу блестящій отвѣтъ, въ которомъ доказывалъ, что нигдѣ въ Европѣ вѣроисповѣданія не пользуются такою свободою, какъ въ Россіи. Отвѣтъ этотъ мало кого удовлетворилъ; къ нему отнеслись недовѣрчиво и только потому, что въ Европѣ привыкли смѣшивать свободу исповѣданій съ понятіемъ о неограниченныхъ правахъ прозелитизма. Въ Россіи западныя исповѣданія испоконъ вѣка были неразлучно связаны съ извѣстными политическими тенденціями. Какъ поляки, исповѣдующіе католицизмъ, такъ и

нѣмцы-лютеране, населяющіе Прибалтійскій край, къ дѣламъ церкви всегда примѣшивали различныя политическія стремленія. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать подобный порядокъ вещей, Россія обязана стоять на стражѣ православія, охраняя своихъ сыновъ отъ иновѣрческаго вліянія.

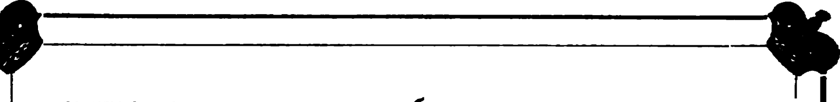
Германія была сильно недовольна изданіемъ указа объ обязательномъ введеніи русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ. Всѣ эти инциденты поколебали симпатію двухъ народовъ, отношенія которыхъ еще болѣе обострились послѣ рѣчи Великаго Князя Николая, двоюроднаго брата Царя, произнесенной на французскомъ банкетѣ, въ которой онъ упомянулъ объ узахъ дружбы и любви, соединяющихъ Россію съ Франціей, какъ братьевъ по оружію.

Сначала не придавали серьезнаго значенія извѣстіямъ о болѣзни Его Величества, зная Его прекрасное здоровье и еще не старые годы. Но скоро былъ изданъ оффиціальный бюллетень, извѣщавшій, что Царь страдаетъ болѣзнью почекъ и что профессоръ Лейденъ, вызванный въ Петербургъ на консультацію къ профессору Захарьину, посылаетъ Его Величество въ теплый климатъ и совѣтуетъ зимовать въ Ливадіи. Позднѣе стало извѣстно, что профессоръ Лейденъ нашелъ Брайтову болѣзнь, а затѣмъ слѣдовала бездна толковъ, противорѣчій, что всегда бываетъ при опасномъ положеніи высокопоставленнаго лица. Без-

покойства нѣсколько уменьшились при извѣстіи, что Царь достаточно окрѣпъ, чтобы отправиться въ Крымъ. Но затѣмъ, черезъ нѣсколько дней узнали, что состояніе здоровья Его Величества ухудшилось, что окружающіе Царя поспѣшили въ Ливадію и что приказано военнымъ министромъ молиться во всѣхъ гарнизонныхъ и полковыхъ церквахъ объ исцѣленіи Царя.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ узнали, что Царь въ состояніи отправиться въ Корфу, даже былъ назначенъ срокъ отправленія; но здоровье Его вдругъ настолько ухудшилось, что перестали довѣрять бюллетенямъ, предчувствуя, что болѣзнь приближается къ фатальной развязкѣ, и развязка эта не заставила себя долго ждать. Императоръ скончался на 50-мъ году отъ рожденія.

Всѣ описываютъ Государя Александра III человѣкомъ съ необычайно простыми манерами и вкусами. Леди Рандольфъ Черчилль, посѣтившая Россію въ 1889 году, сравниваетъ зало Гатчинскаго дворца съ старинной англійской дачей, наполненной удобною мебелью, играми и игрушками. Въ этомъ залѣ Ихъ Величества часто обѣдаютъ, даже съ гостями, и тамъ же проводятъ вечеръ. Они живутъ съ большой простотой, въ небольшихъ комнатахъ, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ величавой фигурой Царя и Его величественной осанкой. Манеры Его Величества такъ-же просты, какъ и вкусы. Леди Черчилль пишетъ, что при русскомъ дворѣ



существуютъ странные обычаи, трудно согласующіеся съ идеей о самодержавномъ деспотическомъ Правителѣ. Видѣть Царя стоящимъ во время ужина, разговаривающимъ съ молодымъ офицеромъ, остающимся сидѣть за столомъ — просто пугаетъ васъ. Но традиціи Петровскихъ временъ остаются въ своей силѣ. Всѣ ненавидятъ церемоніи и этикетъ, почему послѣдній при Русскомъ дворѣ не такъ строгъ, какъ въ Англіи или Германіи.

Авторъ «Правды» о Россіи описываетъ сцену обыденной жизни Царя въ Гатчинѣ, въ Петергофѣ или въ Копенгагенѣ. ежедневныя занятія съ министрами и секретарями, Его прогулки, удовольствія и Его чрезвычайную любовь къ домашней семейной жизни:

«Въ жизни увидишь немного такихъ радующихъ сердце сценъ, свидѣтелемъ какихъ мнѣ лично приходилось бывать,—пишетъ авторъ, — когда Государь, окруженный дѣтьми въ счастливомъ семейномъ кругу въ Копенгагенѣ, руководилъ ихъ играми, принимая участіе во всемъ, не отличаясь отъ окружающихъ».

Императоръ Александръ III былъ рыцаремъ ордена Подвязки. Старшій сынъ Его, Наслѣдникъ Престола, Цесаревичъ Николай, родился въ маѣ 1868 г.

The Morning Post. 2 Novembr. 1894.

По сообщенію газеты «Pall Mall», Императоръ Александръ III умеръ вчера, въ третьемъ часу пополудни, въ Ливадійскомъ дворцѣ. Онъ родился въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, 10 марта 1845 г., и былъ вторымъ сыномъ Государя Александра II. Превосходный характеръ, обнаруженный впослѣдствіи, слѣдуетъ приписать, какъ домашнему воспитанію, такъ и военной выправкѣ въ арміи Отца..

Великій Князь Александръ числился въ спискахъ гвардіи и избѣгалъ двора. 24 апрѣля 1865 г., въ Ниццѣ, умеръ Цесаревичъ Николай. Онъ, какъ и его Отецъ, Императоръ Александръ II, получилъ воспитаніе и образованіе либеральное, популярное въ Европѣ. Не задолго до смерти, онъ былъ обрученъ съ Принцессою Дагмарой Датской, сестрой принцессы Валлійской, но Николай, предчувствуя близость смерти, просилъ Великаго Князя Александра жениться на принцессѣ Дагмарѣ. Умирая, онъ сказалъ: «Оставляю тебѣ тяжелыя обязанности, славный Тронъ, Отца и невѣсту, которая облегчитъ тебѣ это бремя»,—и, вложивъ руку Дагмары въ руку Александра, онъ какъ будто благословилъ ихъ. Принцесса Дагмара, по принятіи православія, была наречена Великой Княжной Маріей Ѳеодоровной; она была смѣла, стройна, любила веселье и простоту.

Во время русско-турецкой кампаніи Цесаревичъ Александръ командовалъ арміею при Ломѣ; его обязанностью было окружить мѣстность

между Рущукомъ и Шумлой. Его дивизія участвовала также въ дѣлѣ подъ Плевной.

Мы знаемъ, какъ глубоко Александръ III былъ потрясенъ ужасами войны, которые онъ видѣлъ, и потому онъ никогда не переставалъ заботиться о сохраненіи мира.

Годы, наступившіе вслѣдъ за русско-турецкой кампаніей, были встревожены покушеніями нигилистовъ, которыхъ смѣло можно причислить къ анархистамъ другихъ государствъ. Нѣкоторые изъ нихъ своими необузданными рѣчами о свободѣ подстрекали своихъ менѣе умныхъ единомышленниковъ на всевозможныя преступленія, слѣдствіемъ чего было нѣсколько покушеній на жизнь Императора Александра II, и 1-го (13-го) марта 1881 года онъ былъ убитъ на возвратномъ пути изъ манежа. Разставшись съ Отцемъ, Цесаревичъ Александръ Александровичъ спѣшилъ на завтракъ въ Аничковъ дворецъ, гдѣ и былъ извѣщенъ объ этомъ несчастіи, и немедленно съ Супругой отбылъ въ Зимній дворецъ. На обратномъ пути отъ смертнаго одра, въ 4½ час. дня, Они были восторженно привѣтствованы громкими криками толпы. Императрица горько плакала. Въ теченіе долгаго времени ея разстроенное здоровье нуждалось въ спокойствіи, почему Царская Семья жила въ уединеніи.

Государь Александръ III не пожелалъ короноваться немедленно и занялся дѣлами внутрен-

ней политики. Онъ жилъ въ Гатчинѣ почти безвыѣздно.

Вотъ какъ описываютъ Гатчинскій дворецъ. Городъ Гатчино расположенъ между двумя лѣтними резиденціями—Царское и Красное Село. Дворецъ построенъ Петромъ Великимъ для сестры. Императрица Екатерина подарила его Орлову, пристроившему къ нему два флигеля и поручившему итальянскому строителю Ренальди отдѣлать его внутри. По смерти любимца, Императрица пріобрѣла дворецъ и отдала его Великому Князю Павлу, который долго въ немъ жилъ.

До царствованія Александра III Гатчинскій дворецъ стоялъ незанятымъ. Замокъ продолговатый, съ двумя башнями по краямъ и въ три этажа, причемъ первый украшенъ колоннами изъ финляндскаго гранита. Послѣднее время Императрица Марія Ѳеодоровна убрала внутренность картинами, взятыми изъ Эрмитажа и Зимняго дворца.

Въ Россіи новая политика чувствовалась по тремъ направленіямъ: въ обрусѣніи такихъ провинцій, какъ Финляндія и Польша, въ такъ называемомъ, преслѣдованіи евреевъ и въ преслѣдованіи штундистовъ. Англійскій народъ ошибся въ оцѣнкѣ этой политики. Смѣшно вспомнить нелѣпое собраніе въ англійской Палатѣ, въ которой только тактъ лорда Салисбюри избавилъ насъ отъ дипломатическаго затрудненія. Кто не помнитъ громкихъ криковъ о нанесеніи вреда древнему народу —

евреямъ, или кто изъ посѣтителей Albert-Hall не слышалъ возгласовъ Макъ-Дермота о желаніи присоединиться къ анархистамъ, стремящимся низвергнуть Русскаго тирана. Ежедневно издавались каррикатуры на Императора Александра III съ изображеніемъ медвѣдя въ Императорской коронѣ, желающаго растерзать лучшихъ своихъ подданныхъ. Всѣ эти глупые критики не сознавали, что Царю сочувствуетъ вся 60-милліонная нація, не считая безчисленныхъ ордъ татаръ, казаковъ, самоѣдовъ, сардовъ, финновъ и инородцевъ, готовыхъ, съ оружіемъ въ рукахъ, поддержать его политику. Нѣтъ націи, гдѣ бы патріотизмъ и преданность религіи были такъ сильно развиты, какъ въ Русской; и если-бы цивилизація Россіи черезъ своихъ правителей достигла большей степени развитія, то намъ пришлось-бы поступиться нашимъ первенствомъ и идеалами.

Крестьяне, во всѣхъ странахъ, не исключая и нашей, оказываютъ всегда поддержку тѣмъ, отъ кого могутъ больше получить выгодъ, и въ вышеупомянутыхъ провинціяхъ они охотно соглашались на обрусѣніе, имѣя въ виду получить взамѣнъ больше свободы. Сэръ Карлъ Дилькъ доказалъ, что Русскіе, проигравши въ Болгаріи, восторжествовали въ Польшѣ и Финляндіи, и то, что года затрудняетъ Англію по отношенію къ Ирландіи, было, благодаря методѣ и политикѣ Александра III, достигнуто въ Россіи въ недѣли.

Политика Царя относительно евреевъ и штундистовъ возбудила сильное негодованіе, но, по мнѣнію русскихъ, евреи, какъ неорганическая масса, не сочувствующая народнымъ взглядамъ,— есть язва страны. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы анти-еврейскій законъ подвергся общему голосованію, онъ былъ бы принятъ большинствомъ голосовъ Русскаго народа. Въ настоящее время евреи сосредоточены въ извѣстныхъ губерніяхъ на западѣ и юго-западѣ Россіи, на пространствѣ земли въ 8 разъ большемъ Англіи съ Валлисомъ. Эта территорія признана, какъ Государемъ, такъ и большинствомъ его подданныхъ, какъ достаточный районъ для произвола евреевъ.

Безъ сомнѣнія, идея эта стара, какъ и много другихъ въ Россіи. Наши предки, до временъ Оливера Кромвеля, имѣли тѣ-же идеи, и въ настоящее время правители самыхъ большихъ учрежденій, какія существуютъ въ Европѣ—римско-католическая церковь и Германская имперія — соглашаются съ справедливостью этой идеи. И у насъ нѣтъ причинъ не соглашаться съ этимъ; про евреевъ въ Россіи мы знаемъ только дурное. Дѣло штундистовъ того-же характера. Они придерживаются фанатическихъ и странныхъ ученій, и, помня преданность Государя къ своей религіи, мы не должны удивляться, что онъ, поддерживаемый общимъ мнѣніемъ Россіи, не оставилъ никакого средства не испробованнымъ, чтобы перевести ихъ въ православіе. Это во многомъ оправдываетъ Императора Александра Ш.

Москвичи вліяли на Государя въ его внѣшней политикѣ. Онъ одобрялъ нѣкоторыя дѣйствія ихъ. И описывая министра Гирса, какъ человѣка, умѣвшаго только подтверждать предложенное, забывали добавить, что онъ имѣлъ скрытое вліяніе, дѣйствовавшее на цѣли Государя. Г. Смидтъ ошибся, думая что Государь низвергнулъ Александра Баттенберга—за то, что онъ, нарушивъ обѣщаніе, присоединилъ восточную Румелію къ Болгаріи.

Государь имѣлъ положительное отвращеніе къ войнѣ, что сильно содѣйствовало Стамбулову въ его планахъ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Государь не поддержитъ болгаръ оружіемъ. Г. Смидтъ говоритъ правильно: Государь Александръ III имѣлъ отвращеніе къ войнѣ. Онъ командовалъ арміею при Ломѣ въ Турецкой кампаніи и видѣлъ не мало ужасовъ. Все это подтверждается словами его министра, что желаніе Императора Александра III было—«не быть великимъ Государемъ, но правителемъ великаго народа, царствованіе котораго не было бы запятнано войною». Онъ желалъ мира, но не цѣною національной чести и интересовъ своего народа. Со дня восшествія на престолъ, его вліяніе и власть были всегда на сторонѣ мира.

Сперва мысль Бисмарка о союзѣ трехъ Императоровъ его привлекла, но визитъ Императора Вильгельма, до окончанія траура по Отцѣ, въ чемъ онъ видѣлъ безтактность, отшатнулъ его

отъ Германіи; и, взамѣнъ союза противъ Англіи, онъ укрѣпилъ дружескія отношенія съ Франціею. Демонстраціи въ Кронштадтѣ были отвѣтомъ на предложеніе вступить въ тройственный союзъ и отчасти отвѣтомъ берлинскимъ еврейскимъ банкирамъ на ихъ покушеніе понизить русскую валюту, а визитъ русскихъ военныхъ судовъ въ Тулонъ служилъ для поддержанія мира,—его всегдашней цѣли; но двойственный союзъ и сосредоточеніе своей арміи на границахъ Австріи и Пруссіи доказывали, что онъ допускалъ возможность войны въ Европѣ и въ Памирахъ.

Pall-Mall Gazette. 2 November 1894.

Его Императорское Величество Александръ Александровичъ Романовъ, Императоръ Всероссійскій, въ Бозѣ почилъ. Случись это неожиданно, извѣстіе потрясло бы Европу и другія части свѣта, какъ землетрясеніе. Но хотя по ходу тяжкой и страшной болѣзни, подобный исходъ былъ предвидѣнъ и предсказанъ, тѣмъ не менѣе онъ поразилъ весь цивилизованный міръ. Александръ III былъ изъ тѣхъ великихъ людей, положеніе которыхъ возвышаетъ ихъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ и въ рукахъ которыхъ сосредоточиваетъ судьбу цѣлыхъ расъ. Смерть подобной личности—событіе, которое мѣняетъ теченіе исторіи и служитъ эрой многимъ государствамъ. Александръ III болѣе другихъ вѣнце-

носцевъ настоящаго времени занималъ изолированное положеніе повелителя и со смертью котораго чувствуется незамѣнимая утрата, хотя и существуетъ продолженіе династіи въ лицѣ Его Величества Императора Николая Александровича, повелителя 120 милліоновъ русскихъ и 1/6 части всего земного шара. За послѣдніе годы репутація въ Бозѣ почившаго Самодержца достигла апогея славы и величія, какъ практичнаго администратора и хранителя всеобщаго мира.

До настоящаго времени не существовалъ въ Россіи Царь, похожій на Императора Александра III, потому что до тѣхъ поръ, пока смертный недугъ, похитившій дорогую жизнь, не уменьшилъ огромную физическую силу Государя, онъ самостоятельно велъ русскую политику и смѣло могъ сказать о себѣ: „L'éttat—c'est moi!", что только осуществимо въ Россіи.

Онъ не былъ рожденъ для такой высокой цѣли. Онъ ее не желалъ, почти не любилъ и принялъ съ большой неохотой изъ рукъ судьбы. Ранняя смерть похитила многообѣщавшаго Цесаревича Николая Александровича и Великій Князь Александръ Александровичъ унаслѣдовалъ блестящій тронъ и полное заботъ царствованіе. Наблюдавшіе издалека дѣянія и характеръ Царя не узнавали въ серьезномъ Самодержцѣ, какимъ сталъ Александръ III, того добродушнаго наблюдателя, какимъ знали его въ царствованіе Отца. Приближенные же говорятъ, что онъ всегда былъ истинно русскій, основной ха-

рактерной чертой котораго были консерватизмъ и православіе.

Великій Князь Александръ Александровичъ, смотрѣвшій добродушно на Краевскаго, издателя газеты «Голосъ», по временамъ былъ очень либераленъ, а по вступленіи на престолъ перешелъ въ консерватизмъ и считалъ себя обязаннымъ отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ только Богу и своей совѣсти. Въ бытность его Великимъ Княземъ, Онъ предпочиталъ военную дѣятельность гражданской и охотно принялъ участіе въ Турецкой кампаніи. Ужасныя сцены на полѣ битвы, которыхъ Онъ былъ свидѣтелемъ, произвели на Него впослѣдствіи сильное и неизгладимое впечатлѣніе. Въ характерѣ русскаго народа есть сильная наклонность къ нѣжности, которая выразилась въ частной жизни Царя, хотя Онъ рѣдко ее выказывалъ въ народѣ, и на это чувство страшный реализмъ послѣдней войны произвелъ очень сильное впечатлѣніе и сдѣлалъ его вѣрнымъ другомъ и сохранителемъ мира; но при необходимости или достаточно сильномъ вызовѣ, чувство патріотизма осилило бы отвращеніе къ войнѣ и онъ, вѣроятно, нарушилъ бы миръ, чтобы завоевать Константинополь.

Онъ былъ безподобнымъ и бдительнымъ дипломатомъ, а министръ Гирсъ былъ не болѣе какъ исполнителемъ Его предначертаній; ближайшій сотрудникъ Его былъ Побѣдоносцевъ,— безъ сомнѣнія, работящій, честный совѣтникъ и хорошій сановникъ, безкорыстіе и убѣжденія

котораго имѣли большую заслугу въ глазахъ Императора. Кто знаетъ, какія будутъ перемѣны послѣ кончины Императора? Вся Европа интересуется этимъ вопросомъ, а эхо этого вопроса доходитъ далеко за ея предѣлы. Для Франціи, Германіи, Оттоманской имперіи, Индіи, Китая и Японіи и многихъ другихъ государствъ смерть Александра III, хотя и ожиданная—ужасная катастрофа.

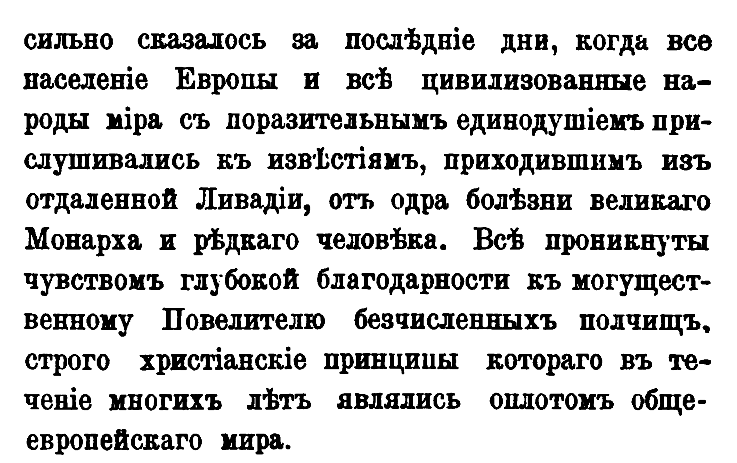
Наслѣдникъ Его и Преемникъ вступаетъ на престолъ совсѣмъ молодымъ, 26-ти лѣтъ. До болѣзни Отца, служба военная и строевая неизбѣжно держала Его далеко отъ государственнаго управленія; но одно что несомнѣнно,—это любовь Его къ Отцу, любовь, какъ чувство и какъ культъ, и это-то даетъ основаніе полагать, что со смертью Александра III политика Николая II будетъ продолженіемъ политики Его Родителя. Въ томъ же смыслѣ, надо полагать, будутъ и совѣты Его пораженной горемъ Матери и Его министровъ.

Въ Бозѣ почившій Государь строго соблюдалъ осторожность при демонстраціяхъ въ Кронштадтѣ и Тулонѣ и не позволялъ совѣтникамъ вмѣшиваться въ свою политику относительно Турціи и Индіи и своимъ рвеніемъ причинять вредъ странѣ. Но въ государствѣ, какъ Россія, гдѣ самодержавное правленіе, личная характеристика Правителя всегда отзовется въ исторіи, такъ что каждое послѣдовательное правленіе непремѣнно несетъ съ собою перемѣну въ дѣлахъ. Его Императорское Величество Императоръ Александръ III въ Бозѣ по-

чилъ въ такой моментъ, когда утрата эта больше всего чувствуется. Твердая рука отнята отъ многихъ великихъ и серьезныхъ государственныхъ задачъ; не стало Монарха, которому привыкъ подчиняться весь міръ, твердо вѣря въ его справедливую мирную политику, вліявшую на дѣла многихъ государствъ, и, можетъ случиться, великіе результаты произойдутъ отъ этого событія, которое намъ въ настоящее время кажется только утратой, тяжкой какъ для Россіи, такъ и для всѣхъ, любящихъ миръ. Тѣмъ не менѣе историки, лица, предугадывающія политическое значеніе Россіи, сердечно желаютъ молодому Императору Всероссійскому успѣха, счастія и долгой жизни, а его громадному государству—спокойствія и довольствія.

The Daily Telegraph. 2 November 1894.

Вчера, въ соборѣ св. Павла, за всѣми службами, поминали въ Бозѣ почившаго Русскаго Императора. За утренней службой проповѣдь говорилъ Баркеръ на текстъ: «Блаженны миротворцы». За обѣдней архидіаконъ Лондона, въ присутствіи громаднаго стеченія молящихся, проповѣдывалъ на текстъ: «Богъ сотворилъ всѣхъ людей изъ одной крови» (Дѣянія Апост. XVII, 26). Онъ говорилъ, что въ 12-мъ и 13-мъ столѣтіяхъ христіане Европы пришли къ сознанію, что всѣ люди братья и находятся въ духовномъ сродствѣ между собою. Это чувство особенно



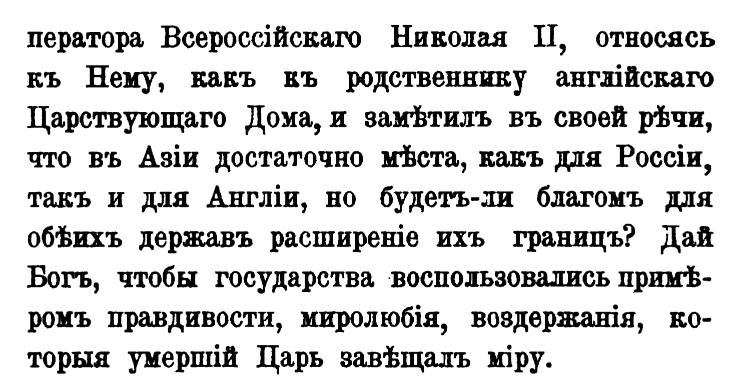
сильно сказалось за послѣдніе дни, когда все населеніе Европы и всѣ цивилизованные народы міра съ поразительнымъ единодушіемъ прислушивались къ извѣстіямъ, приходившимъ изъ отдаленной Ливадіи, отъ одра болѣзни великаго Монарха и рѣдкаго человѣка. Всѣ проникнуты чувствомъ глубокой благодарности къ могущественному Повелителю безчисленныхъ полчищъ, строго христіанскіе принципы котораго въ теченіе многихъ лѣтъ являлись оплотомъ общеевропейскаго мира.

Радикалы, консерваторы, диссиденты, церковники, французы, нѣмцы и англичане, всѣ, безъ исключенія, въ различныхъ формахъ выразили, чѣмъ они обязаны спокойному, стойкому Вѣнценосцу, жизнь котораго была истиннымъ мученичествомъ, Монарху, пріявшему власть какъ предопредѣленіе свыше. Мы, присоединившіе къ своимъ индійскимъ владѣніямъ богатую страну Бирма, величиною съ Францію, можемъ-ли укорять его въ присоединеніи нѣсколькихъ степей и горъ въ Центральной Азіи?

Описывая Россію въ политическомъ и соціальномъ положеніи, перечисляя ея различные народы и вѣроисповѣданія, ораторъ дошелъ до внезапнаго случая, поставившаго Великаго Князя Александра въ положеніе Наслѣдника престола величайшаго изъ государствъ міра.

Съ неутомимой ревностью въ Бозѣ почившій Александръ III принялъ на себя обязанности по управленію дѣлами своей Имперіи. Онъ забо-

тился, чтобы его неимущіе подданные были снабжены хлѣбомъ; онъ энергично боролся противъ всякихъ злоупотребленій; онъ пользовался семейнымъ счастьемъ и жилъ съ простотой, которою пріобрѣлъ названіе крестьянскаго Царя. Архидіаконъ указалъ, что соблюденіемъ европейскаго спокойствія Императоръ заслужилъ истинное благоговѣніе націй. Онъ видѣлъ страшныя картины Турецкой кампаніи и, какъ истинный христіанинъ, рѣшилъ не допускать ихъ повторенія, и далъ понять, что сумѣетъ наказать нарушителя спокойствія Европы. Какъ намъ пріятно было слышать, что Царь на смертномъ одрѣ читалъ библію своей старой няни-англичанки и знать, что Россія единственная страна во всемъ свѣтѣ, гдѣ массы экземпляровъ изданій Библейскаго Общества безплатно и свободно распространились по лицу земли русской. Императрица Марія Θеодоровна и Дворъ Александра III оказывалъ теплое содѣйствіе англійскимъ путешественникамъ, посѣщавшимъ тюрьмы и прокаженныхъ въ Сибири. Сраженный на 50-мъ году своей жизни, въ зенитѣ своей гигантской физической силы, ему легко будетъ дать отвѣтъ Верховному Судьѣ въ своихъ земныхъ дѣяніяхъ. Нельзя не признать величія его 13-ти-лѣтней безпрерывной дѣятельности на благо 1/6-й части всего земного шара, именуемой Россіей. Умнымъ и христіанскимъ воздержаніемъ пріобрѣлъ онъ благодарность Европы и всего міра. Затѣмъ проповѣдникъ прочелъ манифестъ Им-



ператора Всероссійскаго Николая II, относясь къ Нему, какъ къ родственнику англійскаго Царствующаго Дома, и замѣтилъ въ своей рѣчи, что въ Азіи достаточно мѣста, какъ для Россіи, такъ и для Англіи, но будетъ-ли благомъ для обѣихъ державъ расширеніе ихъ границъ? Дай Богъ, чтобы государства воспользовались примѣромъ правдивости, миролюбія, воздержанія, которыя умершій Царь завѣщалъ міру.

По окончаніи проповѣди была принесена горячая молитва о защитѣ всѣхъ христіанскихъ царей, принцевъ и правителей, а также Императора Всероссійскаго Николая II, чтобы онъ управлялъ твердою рукою, былъ милосердъ, миролюбивъ, правдивъ, другомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, спокоенъ и счастливъ въ своей частной жизни, служилъ примѣромъ добродѣтелей своимъ подданнымъ и чтобы страна благоденствовала въ мирѣ и согласіи. Послѣ молитвы былъ исполненъ «Маршъ мертвыхъ въ Саулѣ», который собраніе выслушало стоя. За вечерней службой въ качествѣ проповѣдника въ церкви св. Павла выступилъ діаконъ, взявшій текстъ изъ посланія къ Евреямъ XI, 6. Онъ закончилъ свою рѣчь сравненіемъ въ Бозѣ почившаго Императора съ другими высокопоставленными лицами, сказавъ, что онъ твердо уповалъ на Бога по ученію своей Церкви. Всѣми его дѣйствіями руководила совѣсть, направлявшая его дѣятельность ко благу его многомилліоннаго народа.

Много предлоговъ имѣлъ онъ для нарушенія

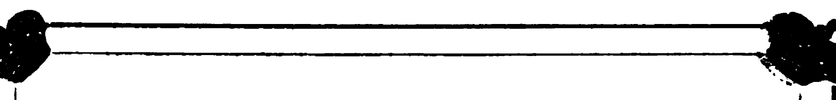
мира, но живое чувство человѣколюбія и сознаніе правоты своихъ дѣйствій удерживало Императора отъ этого шага.

Служба закончилась похороннымъ маршемъ Шопена.

Вчера, утромъ, діаконъ Герфордъ проповѣдывалъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ на текстъ отъ Матѳ. III, 6.

Великое несчастіе обрушилось не только на обширную Россійскую имперію, но и на всю Европу и на весь цивилизованный міръ. Великій Государь отошелъ въ вѣчность, предсталъ предъ Царемъ Царей для отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Весь міръ въ слезахъ. Кто позавидуетъ Его положенію, какъ бы оно ни было могущественно на землѣ? Пожелаетъ-ли бѣднѣйшій изъ смертныхъ, живущій въ хижинѣ, одинокій, покинутый всѣми, перемѣнить свое существованіе на богатство и могущество великаго Царя съ его страшною отвѣтственностью? Была-ли счастлива его жизнь? Не завидовалъ-ли Александръ III простому смертному въ его простой, спокойной жизни? Намъ неудивительно, что онъ, обладавшій желѣзнымъ здоровьемъ и гигантской силой, во цвѣтѣ лѣтъ сраженъ недугомъ, являющимся прямымъ слѣдствіемъ переутомленія.

Мы скорбимъ объ утратѣ благороднаго человѣка, миролюбиваго Царя и совѣстливаго вѣрующаго христіанина; молимся, чтобы его смерть не вовлекла его народъ въ несчастіе, и чтобы преемникъ—Николай II — послѣдовалъ примѣру



Родителя. Наши молитвы возносятся за Императрицу, покинутую въ одиночествѣ тѣмъ, котораго она такъ преданно и горячо любила, какъ прекраснаго мужа и отца семейства.

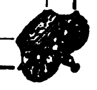
За обѣдней священникъ Вильберфорсъ, въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, выбралъ текстъ св. Марка: «Кто тронулъ мои одежды?» Упомянувъ о чудесахъ Христа, онъ обрисовалъ послѣднія минуты жизни Императора Александра III, добавивъ, что невозможно не преклониться благоговѣйно предъ прахомъ безвременно почившаго Монарха. Наши искреннія молитвы восходятъ за тѣхъ, кто его любилъ; они въ горѣ по великой незамѣнимой утратѣ. Онъ же сложилъ свои доспѣхи и упокоился отъ всѣхъ земныхъ тревогъ и заботъ. По натурѣ добрый и миролюбивый Государь наслѣдовалъ престолъ, основа котораго— Самодержавіе, которое онъ обязанъ былъ поддерживать. Европа его оплакиваетъ, какъ хранителя мира всего свѣта.

Митрополитъ изъ Сьерры, Ліоне, во время богослуженія въ церкви св. Маргариты, въ Вестминстерѣ, упомянулъ въ своей проповѣди о смерти Императора Россійскаго. Говоря о скорости сношенія съ отдаленными странами, онъ замѣтилъ, что, впродолженіи послѣднихъ дней, мы духовно пребывали лицомъ къ лицу со смертнымъ одромъ могущественнаго Монарха. Мы слышали его послѣднія слова черезъ часъ послѣ того, какъ онъ ихъ произнесъ, и познакомились съ истиннымъ горемъ тѣхъ, ко-

торые оплакиваютъ его у смертнаго одра. Весь цивилизованный міръ сочувствуетъ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ и ея семейству и молится, чтобы Богъ ниспослалъ имъ утѣшеніе въ ихъ тяжкой утратѣ.

Къ концу утренней службы въ церкви въ Сити, священникъ Іосифъ Паркеръ, обратясь къ многочисленному собранію, сказалъ, что Европа только что лишилась величайшаго изъ мужей. Мирная жизнь Александра III, его самоотверженіе, его семейная привязанность, его прекрасная простота души и его христіанская покорность — качества, за которыя нужно благодарить Бога. Императоръ въ семейномъ кругу былъ болѣе великимъ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что онъ былъ великъ въ любви, въ симпатіяхъ и въ простотѣ. Онъ былъ трудолюбивъ и добръ.

Смерть Императора Всероссійскаго — большая потеря для Европы, для мира и для цивилизаціи. Всѣ царствующія лица, оплакивающія Царя, несутъ свое горе героически, терпѣливо и религіозно. По окончаніи службы играли похоронный маршъ. Субботній проповѣдникъ въ Везвотерской синагогѣ, С. Зингеръ, замѣтилъ, что настоящая задача для еврейскаго проповѣдника необыкновенно тяжела. Рѣдко въ исторіи царствующихъ лицъ найдется человѣкъ съ такимъ прямодушіемъ. Его патріотизмъ и его сила вѣры были крупными алмазами въ его коронѣ и будутъ вѣчно сіять.



Новый правитель взялъ въ руки бразды правленія и отъ его доброй воли зависитъ жизнь, благосостояніе и счастіе милліоновъ живущихъ въ его обширномъ государствѣ.

The Standard the, 5-th November 1894.

Слово въ память Императора Александра III, посвященное Ея Величеству Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.

«Я сталъ нѣмъ, не открываю устъ моихъ, потому что Ты содѣлалъ это».
Пс. XXXVIII, ст. 10.

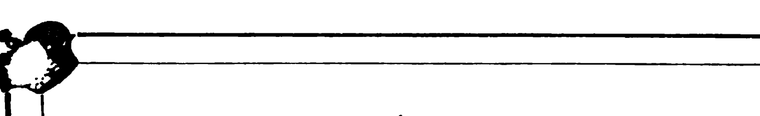
38-й псаломъ говоритъ языкомъ глубокой скорби, языкомъ страждущаго отъ десницы Всемогущаго Бога. Слова вступленія обличаютъ, какъ тяжекъ былъ ударъ, и какъ поэтому переполнено сердце опасностью возмущенія противъ Бога. Голосъ рѣшимости перваго стиха «Я сказалъ: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрѣшать мнѣ языкомъ моимъ...» какъ бы доноситъ до нашего слуха дальнѣйшій возгласъ: Богу извѣстна горечь скорби, которой Онъ дозволилъ ниспасть на меня; Онъ знаетъ про тяжкое искушеніе согрѣшить противъ Него, которое нынѣ подавляетъ меня; Онъ знаетъ про гибель надеждъ и радостей, которой, «по Его непостижимой волѣ», дозволено ниспасть на жизнь мою; все же да удостоюсь я воскликнуть вмѣстѣ съ удрученнымъ Іовомъ: «Вотъ Онъ убиваетъ меня, но я буду надѣяться на Него...» *). «Буду я наблюдать за путями моими, чтобы не

*) Книга Іова, гл. 13, ст. 15.

согрѣшить мнѣ языкомъ моимъ... Я стану нѣмъ, не открою устъ моихъ, потому что Ты содѣлалъ это». Наконецъ, псалмопѣвецъ заговорилъ, но только для того, чтобы высказать рѣшимость просвѣтиться наставленіемъ, преподаннымъ скорбью: «Скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ, какое оно, дабы я зналъ, какой вѣкъ мой» *), и въ этомъ сказался богоугодный мужъ; ибо несомнѣнно, что какова наша рѣчь, таковы и мы: наши слова то же, что и мы сами.

Правда, человѣкъ, пока онъ на сторожѣ, можетъ говорить совсѣмъ не такъ, высказывать то, что очень недолго пребываетъ въ его сердцѣ, но нѣтъ человѣка, который могъ бы всегда быть настороже. Внезапно предстанетъ искушеніе, поводъ къ раздраженію, или одна изъ тысячи житейскихъ случайностей, и человѣкъ сразу обличаетъ себя, обрисовывается въ своемъ истинномъ видѣ. Тогда подлинный, постоянный голосъ его сердца станетъ голосомъ его устъ. Какъ изъ сосуда, переполненнаго виномъ, льется вино, а изъ сосуда съ желчью только желчь бѣжитъ черезъ край, такъ изъ сердца человѣка польется только то, что его наполняетъ, и ничто иное. Потому-то въ минуты глубокой скорби, когда тайна событій выше нашего пониманія, когда несчастіе угнетаетъ, мракъ окружаетъ насъ и горе наше почти невыносимо,—да прибѣгнетъ христіанинъ къ своей единой опорѣ, къ

*) Псаломъ 38, ст. 5.



своему якорю спасенія, къ издревле повторяемымъ словамъ: «Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя...» Пусть онъ молвитъ ихъ про себя и хранитъ молчаніе, дабы уста не впали въ искушеніе и не возроптали.

Многіе изъ насъ переживали моменты, когда такое укрощеніе плоти было не только необходимостью, но и единственнымъ утѣшеніемъ. Всѣмъ намъ придется рано-ли, поздно-ли познать ихъ.

Намъ не повѣдано, какое именно горе угнетало сердце псалмопѣвца, изрекшаго намъ тѣ слова, но горе его было тяжко; не мало найдется между нами такихъ, въ жизни которыхъ отразилась его скорбь, и намъ не трудно представить себѣ его горесть именно такою, что внушенный ею псаломъ такъ чудно соотвѣтствуетъ самой печальной и трогательной изъ церковныхъ службъ: службѣ при погребеніи усопшихъ.

Мы устремляемъ взоры въ открытую могилу того, на которомъ сосредоточены вся гордость, всѣ лучшія надежды нашей жизни, что—вся наша отрада и, можетъ быть, единственная опора. Мы видимъ, какъ медленно увядаетъ на нашихъ глазахъ тотъ, кто намъ дороже всѣхъ на свѣтѣ; кто въ лучшіе, полные счастія годы былъ свѣтомъ нашихъ очей, радостью нашего бытія; слѣдимъ и видимъ, какъ угасаетъ послѣдняя улыбка на дорогомъ лицѣ; слышимъ,

какъ замираетъ голосъ, который насъ такъ плѣнялъ; онъ стихаетъ и... умолкъ!

Затѣмъ—туманы, вьюга и ненастье,
Жизнь вся не та, и не вернется счастье.

Въ часы душевной тревоги мы молились съ усердіемъ, котораго раньше не знавали; мы боролись съ *Богомъ*, дабы Онъ пощадилъ драгоцѣнную для насъ жизнь; въ избыткѣ душевныхъ страданій, мольбы, исторгнутыя мученіемъ, безпрестанно возносились къ Нему, дабы Онъ отвратилъ ударъ. Такъ не внялъ Богъ нашему моленію? Гдѣ, вопрошаемъ мы, исполненіе обѣщаннаго: «И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сдѣлаю...» *). Если мы не уяснимъ себѣ истинный смыслъ этихъ словъ и ограничимся, какъ многіе это дѣлаютъ, поверхностнымъ толкованіемъ, ропотъ и смута поднимутся въ нашемъ сердцѣ.

Мы собрались здѣсь сегодня подъ сѣнью всеобъемлющей печали, охватившей весь міръ. Сердца наши, полныя живѣйшаго участія, почтительно обращены къ Царственному Дому этой великой страны и, въ особенности, къ Особѣ всемилостивой, благочестивой Государыни, овдовѣвшей Императрицы, Которой такъ тяжко коснулась десница Божія. Мы не можемъ не думать о цѣломъ народѣ, горестно удрученномъ смертью своего могущественнаго, добраго и воз-

*) Іоанна, гл. 14, ст. 13.

любленнаго Императора, и при этихъ мысляхъ развѣ не кажется, будто горячія молитвы, возносившіяся за послѣднее грустное, тревожное время, о продленіи жизни, столь цѣнной для человѣчества, отвергнуты и разсыпались прахомъ у нашихъ ногъ? Но такъ-ли это? Нѣтъ, не такъ. Припомните вдохновенныя слова апостола любви: «... чего бы мы ни просили,—знаемъ и то, что получимъ просимое отъ Него» *), и это выраженіе «просимое» поучаетъ, что получимъ мы не то именно, что просимъ, а духовную суть просимаго.

«Ничто такъ не расходится съ Божественною истиной, какъ грубое распространенное представленіе о молитвѣ, понятіе, низводящее молитву на степень неотразимаго духовнаго орудія для побужденія Бога творить именно то, что мы хотимъ: предотвращать невзгоды, исполнять наши желанія.» Хорошо и правдиво сказано. Правдиво потому, что такое эгоистическое пониманіе значенія молитвы всего дальше отъ правды; молитва не себялюбіе, а покорность. Хотя, несомнѣнно, «молитва много больше созидаетъ, чѣмъ постижимо для людей», хотя чудесны и велики слѣдствія молитвы, которыхъ безъ нея не могло быть, тѣмъ не менѣе, истинная молитва обусловлена подчиненіемъ своей воли Богу, и нѣтъ въ молитвѣ ни правды, ни силы, если не возносится она вмѣстѣ съ полною

*) 1-е посланіе Іоанна. V, ст. 15.

покорностью, такъ, какъ училъ насъ Господь въ Своей молитвѣ:

«.... да будетъ воля Твоя!»

Сильна молитва, конечно, но не всемогуща. Оглянемся на наше прошлое; мало-ли тамъ поводовъ благодарить Бога, что не внялъ Онъ многимъ молитвамъ нашимъ. Развѣ не уясняетъ намъ каждый лишній годъ житейскаго опыта, что, предоставь Онъ намъ неограниченное руководительство нашею жизнью, она вся обратилась бы въ одно большое безпрерывное заблужденіе. Богу лучше знать!

Если на усердныя моленія Своей Церкви и народовъ Онъ не далъ того отвѣта, который человѣческимъ разумомъ и сужденіемъ считается лучшимъ, все же Онъ отвѣтилъ, и молитвы наши не возносились всуе.

Да, какъ ни парадоксаленъ этотъ выводъ на первый взглядъ, «мы получили просимое отъ Него», хотя Тотъ, объ исцѣленіи Котораго мы молились, отошелъ отъ насъ. Кончина великаго Государя, несмотря на всѣ молитвы о Его выздоровленіи, какъ будто противорѣчитъ обѣщанію, которое легло въ основу и составляетъ живительную силу молитвы предстательства. Но это не такъ на самомъ дѣлѣ! Вспомните этотъ царскій псаломъ—20-й. Въ немъ намъ повѣдано, что «жизнь есть веселіе, сила, спасеніе царей». Весьма вѣроятно, что за послѣднія нѣсколько недѣль, на залитомъ солнцемъ югѣ, у синихъ волнъ морскихъ, Тотъ, чей домашній

очагъ изобиловалъ всѣмъ, что красить жизнь, Кто всею душою былъ преданъ Своей странѣ и ея благоденствію, Тотъ, Кто сознавалъ благіе плоды Своего царствованія и былъ озабоченъ вступленіемъ возлюбленнаго сына въ счастливый бракъ,—надо думать,—молился о продленіи Своей жизни.

Вполнѣ естественно представить себѣ, что иначе и быть не могло съ такимъ истиннымъ патріотомъ, со столь счастливымъ семьяниномъ. Но молился ли Онъ о продленіи Своей жизни— а Онъ на это имѣлъ больше права, чѣмъ многіе изъ насъ; ибо не должно просить этого дара, если жизнь наша проходитъ въ самоугожденіи и безъ пользы,—молился-ли Онъ, говорю я, или не молился? Несомнѣнно, что мы-то молились о Немъ, Какъ же приняты молитвы наши?.. О, развѣ вы не знаете, какъ вѣнценосный псалмопѣвецъ беретъ молитву въ ея менѣе высокомъ значеніи, и возноситъ ее все выше и выше, пока она не окунется въ волнахъ свѣта иного, лучшаго міра и, преобразившись, не явитъ свой вѣчный, неизмѣнный смыслъ. Вотъ отвѣтъ на вопросъ о нашихъ молитвахъ и ихъ дѣйствіи *): «Онъ просилъ у Тебя жизни; Ты далъ Ему долгоденствіе на-вѣкъ и вѣкъ». Мы просили то, что намъ казалось лучшимъ для этой страны и для міра, Ты же даровалъ

*) Псал. 20, ст. 5.

полнѣйшее блаженство; мы просили мірское, временное,—Ты даровалъ безконечное.

Слова эти, замѣтьте, относятся не исключительно къ жизни вѣчной, куда Онъ такъ недавно отошелъ. Вліяніе истинно благочестивой жизни никогда не умираетъ, и слова эти вполнѣ примѣнимы къ воодушевляющему примѣру преданности долгу и стойкости убѣжденій, который Онъ намъ преподалъ.

«Людьми содѣянное зло живетъ и послѣ нихъ.
Добро же часто съ ихъ останками хоронятъ»..

Такъ говоритъ великій поэтъ, гордость нашей народности. Зло дѣйствительно переживаетъ тѣхъ, кто его содѣялъ, возблагодаримъ же Бога за то, что и благо можетъ ихъ пережить.

Въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстно повторить слова статьи въ «Journal de St.-Pétersbourg» прошлой пятницы: «Будущій историкъ начертитъ лѣтопись царствованія Александра III златыми буквами». Царствованіе это—свѣтлый примѣръ семейной и общественной жизни; оно полно сознанія высокой отвѣтственности передъ Богомъ и человѣчествомъ; за это царствованіе не только этотъ народъ, но и народы Европы и всего міра имѣютъ много поводовъ прославлять Провидѣніе; царствованіе это было мирнымъ, потому удѣлъ его—благословеніе князя мира, и сохранило оно миръ съ честью и достоинствомъ.

Можно ли не вѣрить, что благотворное вліяніе этого царствованія будетъ жить и приносить

плоды во всѣ дни. Всѣ мы хорошо помнимъ тѣ два трогательныхъ случая, когда оплакиваемый Императоръ прославлялъ Творца вмѣстѣ съ нами и въ этомъ храмѣ. Въ первый разъ мы хоронили Его няню, нашу соотечественницу, которая пребывала при Немъ со дня Его рожденія, и къ которой до послѣдняго дня ея жизни Онъ питалъ нѣжную привязанность и уваженіе. Во второй разъ, когда нашъ народъ былъ повергнутъ въ великое горе кончиною герцога Кларенсъ: горе личное для нынѣ усопшаго Государя и Его близкихъ по крѣпкимъ связямъ человѣческаго свойства и родства,—горе, всеобщее въ силу братства, соединяющаго народы не менѣе, чѣмъ отдѣльныхъ лицъ.

Самъ я никогда не забуду трогательнаго прощанія Императора съ останками своей няни, по окончаніи богослуженія, которое я удостоился отправлять въ Зимнемъ Дворцѣ, до перенесенія тѣла въ этотъ храмъ. Воспоминаніе это, столь трогательное и возвышенное по своей простотѣ, по отсутствію всякой искусственности, для меня почти священно. Можемъ-ли мы когда-либо позабыть, какъ Онъ шелъ пѣшкомъ за гробомъ сюда и на кладбище. Поскольку всѣ мы связаны первостепенною обязанностью пещись о тѣхъ, кто вѣрно служитъ намъ, нашимъ нуждамъ или благосостоянію, въ какомъ бы то ни было званіи, настолько увеличилась наша отвѣтственность этимъ нагляднымъ примѣромъ, преподаннымъ такъ просто и такъ патетически столь высоко-

поставленною особою, какъ самъ Державный Правитель этого государства.

Въ день «Всѣхъ святыхъ», по нашему англійскому календарю, въ самый полдень дня «Всѣхъ святыхъ», по англійскому времени, Богъ призвалъ Его къ Себѣ. Вспоминая о Немъ, о Его приверженности ко всему честному, правдивому, о Его преданности долгу и труду, о его стремленіи обезпечить благо и счастіе управляемаго Имъ народа; о Его религіозности, безукоризненной искренности, благородствѣ и достоинствѣ, кто не усмотритъ нѣчто знаменательное и соотвѣтственное въ этомъ совпаденіи?

Святы не только тѣ, кто на небесахъ, въ раю; но,—какъ поучаетъ св. апостолъ Павелъ,— также и тѣ, кто здѣсь, на землѣ, живетъ безпрестанно стремясь достойно выполнить свои священныя обязанности; тѣ, для кого торжественные обѣты у купели, при крещеніи—та же присяга на вѣрность; тѣ, кто живетъ въ вѣрѣ и въ страхѣ Божіемъ, кто озабоченъ исполненіемъ своего долга и тѣмъ самымъ являетъ собою во всемъ живой примѣръ ученія Христова. Развѣ мы не сознаемъ, что онъ ко всему этому стремился? и кто,—кто изъ всѣхъ относившихся критически къ политикѣ и дѣйствіямъ усопшаго Монарха, могъ-бы нести его высокоотвѣтственную службу, хотя бы въ тысячной долѣ, столь достойно?

Опочилъ Онъ въ день «Всѣхъ святыхъ», и молимся мы о Немъ въ словахъ самой совер-

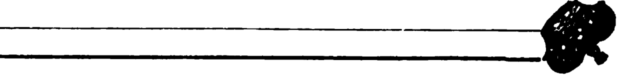
шенной изъ хвальныхъ пѣсней церковныхъ: «Тебѣ Бога хвалимъ!» «Сподоби со Святыми Твоими въ вѣчной славѣ Твоей царствовати!» За Него мы молимся этими словами съ тѣмъ большею увѣренностью, что Спаситель въ нагорной проповѣди изрекъ благословеніе: «Блаженны миротворцы».

Изо дня въ день, за цѣлый рядъ лѣтъ, Онъ трудился во исполненіе того, что Богомъ призванъ былъ исполнить; съ примѣрнымъ мужествомъ работалъ Онъ даже въ послѣдніе часы жизни, когда смерть уже налагала на Него руку, вплоть до тѣхъ поръ, когда перстъ Божій коснулся Его, и Онъ опочилъ сномъ вѣчнымъ.

Миръ и покой Ему послѣ тяжелой отвѣтственности, которую Онъ несъ послѣ всѣхъ Его заботъ и тревогъ, послѣ жизни, полной преданности долгу. Миръ и покой Ему!

Да свершится, что вся Божія дорогая любовь, вся нѣжная отзывчивость Христа, вся укрѣпляющая и утѣшающая благодать Святого Духа снизойдутъ въ сердце горюющей Императрицы, въ сердце и раньше, и нынѣ всѣхъ ближе къ Усопшему.

Въ Ея горѣ и одиночествѣ да укрѣпитъ Ее Богъ и даруетъ Ей отраду и утѣшеніе, которыя никто иной, при всемъ усердіи, даровать не въ силахъ. Поскольку самое неподдѣльное, искреннее сочувствіе можетъ служить утѣшеніемъ, мы знаемъ, что никто не овладѣвалъ имъ въ большей степени, чѣмъ Русскій Императорскій Домъ,



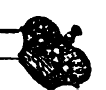
которому его приносимъ не мы одни, но и всѣ страны Европы. Возрадуемся, что нашимъ участіемъ и мы приносимъ свою лепту въ сокровищницу любви всего этого народа, несущаго то, что должно быть наивысшимъ земнымъ утѣшеніемъ для страждущихъ сердецъ.

Молясь за Императорскій Домъ, въ особенности же за вдовствующую Императрицу, дабы Богъ укрѣпилъ Ихъ и помогъ Имъ, каждому по нуждамъ Его, и даровалъ Имъ благодатный исходъ изъ ихъ скорби и печали, помолимся также за юнаго Императора; на Его плечи легла тягостная отвѣтственность Императорскаго наслѣдія; да будетъ Ему дарована сила на всѣ Его дни осуществить стремленія, трогательно выраженныя въ Его недавнемъ манифестѣ къ Своему народу!

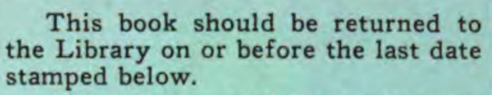
Когда и Его земной жизни придетъ конецъ, да будетъ занесено и про Него въ будущую книгу Царей: «Онъ дѣлалъ угодное въ очахъ Господнихъ; какъ поступалъ Отецъ Его, такъ поступалъ Онъ; и, послуживъ Господу въ свой день и свое поколѣніе,—опочилъ» *).

Реверентъ **А. Е. Ватсонъ**,
священникъ англиканской
церкви въ С.-Петербургѣ.

*) IV Кн. Царствъ, XV, ст. 34.



ОГЛАВЛЕНІЕ.



APR 11 '68 H
CANCELLED
STALL-STUDY
CHARGE
Canceled
DUE SEP '74 H
JUL 25 '75 H
BOOK DUE
CANCELLED
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED